

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА**

НА 1995 ГОД

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ

1999

Редакционная коллегия:

А. В. Лавров, А. Ф. Лапченко, Н. Н. Скатов, Т. С. Царькова

Ответственный редактор:

Т. Г. Иванова

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту № 98-04-16124*

ISBN 5-86007-152-3

© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом), 1999
© «Дмитрий Буланин», 1999

lib.pushkinskiydom.ru

Т. Г. Иванова

П. С. БОГОСЛОВСКИЙ И ЕГО ФОНД В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА

1

К П. С. Богословскому (1890—1966) приложимы многие определения: фольклорист, литературовед, музеевед, историк, археолог, археограф, специалист по древнерусской литературе и по церковной старине.¹ Однако обобщающей, на наш взгляд, может служить дефиниция «уральский краевед». Вся научная деятельность этого видного ученого в конечном счете вытекала из его любви к Пермскому краю (и шире — к Уралу) и из желания познать историю родных мест в разных ее аспектах. Практически каждая тема, которой занимался исследователь, тем или иным образом была связана с Прикамьем.

В Рукописном отделе Института русской литературы находится обширный архив П. С. Богословского. Материалы ученого составили его личный фонд (ф. 690) и именную коллекцию древнерусских рукописей в Дрвলেখранилище Пушкинского Дома (р. IV, оп. 29).

История поступления материалов П. С. Богословского в Пушкинский Дом выглядит следующим образом. О собранных ученым ценных историко-литературных документах, относящихся к разным столетиям, знали и в Перми, его родном городе, и в Ленинграде в Пушкинском Доме. Еще при жизни П. С. Богословского Государственный архив Пермской области начал вести переговоры с ученым о судьбе его архива. 6 ноября 1965 г. М. Плясова, директор Пермского областного архива, писала П. С. Богословскому: «... материалы Ваши являлись бы существенным дополнением к личным фондам наших земляков, уроженцев Пермского края, живших, работавших и отдавших много труда изучению Приуралья» (оп. 2, № 18, л. 1). В ответном письме П. С. Богословский, озабоченный сохранностью всего своего архива, а не только документов, связанных с Пермским краем, не дал окончательного согласия на передачу материалов в Пермь: «Казалось бы, всего естественнее передать весь свой архив в Пермский государственный архив, поскольку Прикамье — мой

родной край, и моя деятельность протекала многие годы в Перми. Но здесь возникают серьезные вопросы. Круг моих научных интересов очень широк, я работал в плане моих широких научных интересов. Поэтому в моем архиве есть материалы, выходящие по своему научному значению далеко за пределы уральской тематики. Как быть с этими материалами, не связанными с Уралом?» (оп. 2, № 18, л. 5).

Как следует из того же письма П. С. Богословского, к 1965 г. Пушкинский Дом уже вел с ним переговоры о приобретении его архива. Инициатором этих переговоров был известный собиратель древнерусских рукописей, заведующий Древлехранилищем Пушкинского Дома В. И. Малышев. Его, естественно, прежде всего интересовала коллекция памятников древнерусской письменности. Благодаря настойчивости В. И. Малышева вскоре после смерти П. С. Богословского (ученый скончался 28 февраля 1966 г.) ИРЛИ приобрел у его наследников несколько рукописей XVII—XIX вв. В отчете о поступлениях в Древлехранилище за 1966 г. В. И. Малышев писал: «В 1966 году мы образовали новое именованное собрание рукописей, созданное на основе материалов, приобретенных у родственников Павла Степановича Богословского <...> Пока в нем всего 9 рукописей XVII—XIX веков, но мы надеемся, что в текущем году оно пополнится еще 80 рукописными книгами XVI—XIX веков исторического и литературного содержания».² В следующем году именная коллекция П. С. Богословского пополнилась еще 18 рукописями.³

Приобретения памятников древнерусской письменности делались вплоть до 1973 г. В настоящее время коллекция П. С. Богословского в Древлехранилище насчитывает 104 ед. хр. Наиболее ценны здесь рукописи XVII в.: «Хронограф» (редакция 1617 г.), «Стоглав», «Уложение царя Алексея Михайловича» и др. памятники. В списках XVIII в. представлены такие произведения древнерусской письменности, как «Казанская история», «Сказание о чудесах Казанской иконы Богородицы» и др. Интересный комплекс составляют рукописные книги, созданные в XVIII в.: «Сборник семинарских упражнений и од, посвященных Варфоломею, епископу Вятскому и Пермскому», «Книга инструкций капитану Андрею Рылееву» из Пермской провинциальной канцелярии 1774 г. и др. Внимание специалистов по древнерусской письменности в собрании П. С. Богословского привлек список редкого произведения «Повесть о Димитрии кесаре Римском».⁴ Подробную характеристику древнерусской коллекции П. С. Богословского дают работы ученика П. С. Богословского А. И. Мазунина, поэтому на этой части архива ученого мы не останавливаемся.⁵

Одновременно с приобретением древнерусских рукописей из собрания П. С. Богословского В. И. Малышев поставил вопрос о передаче всего архива ученого в Рукописный отдел Института русской литературы. В 1967 г., по-видимому, принципиальная договоренность по этому вопросу между наследниками П. С. Богословского, выполнявшими волю покойного ученого, и Пушкинским Домом была достигнута. В недатированном письме, которое мы относим ко второй половине 1967 г., В. И. Малышев писал Александре Николаевне Богословской, вдове ученого: «Вместо Г. Г. Шаповаловой

(хранитель фольклорного архива в ИРЛИ. — *Т. И.*), которая не может выехать по семейным обстоятельствам, к Вам выезжает З. Власова (тогда сотрудник Рукописного отдела ИРЛИ, ученица П. С. Богословского по Пермскому университету. — *Т. И.*). Она имеет те же полномочия от архива, какие имела бы Г. Г. Шаповалова. Ее задача — взять у Вас все, что связано с фольклором и русской литературой XIX—XX вв. Передайте ей, пожалуйста, всю переписку Павла Степановича, всю, всю, даже семейную (письма его отца, материнскую переписку, его братьев и т. д.). Поскольку его личный архив будет храниться у нас, надо, чтобы он был полон. Надо передать нам его личную документацию (дипломы, удостоверения об окончании учебных заведений, списки работ, отзывы о работах, семейные фотографии, разные справки о его работах и т. д. и т. д.). Передайте также все работы П. С. Богословского, находящиеся в рукописях, как печатные, так и не напечатанные, относящиеся к фольклору и русской литературе XI—XX вв.» (оп. 4, № 14, л. 1).

Вскоре З. И. Власова привезла большую часть архива П. С. Богословского в Пушкинский Дом. 4 марта 1968 г., как свидетельствуют документы из дела фонда, решением экспертно-закупочной комиссии ИРЛИ материалы архива ученого были куплены у его вдовы А. Н. Богословской. Тогда же З. И. Власова начала предварительную обработку фонда. В дальнейшем к этому фонду была присоединена переписка З. И. Власовой с родными П. С. Богословского, в которой обсуждались вопросы атрибуции материалов из его архива. Полная научно-техническая обработка фонда П. С. Богословского (ф. 690) была завершена в 1998 г. Все материалы составили 953 ед. хр. и разделены на 6 описей: Научные труды, записи фольклорных произведений, художественные произведения (оп. 1); Материалы к биографии и по деятельности (оп. 2); Переписка (оп. 3); Материалы родственников П. С. Богословского (оп. 4); Материалы других лиц (оп. 5); Коллекции (оп. 6).

В Пушкинский Дом поступил не весь архив П. С. Богословского. Часть документов ученого вместе с материалами его брата, Ивана Степановича Богословского (профессора медицины, пермского краеведа), была передана в Государственный архив Пермской области,⁶ где они образовали фонд 973.

2

Биография П. С. Богословского восстанавливается по материалам его личных документов, находящихся в описи № 2 фонда 690, и мемуаров, которые он писал в конце жизни в 1959—1961 гг.: развернутая автобиография (оп. 2, № 21), «Соликамские фрагменты» (вспоминания об учебе в местном духовном училище) (оп. 2, № 24), «Петербургские фрагменты» (об учебе в Петербургском историко-филологическом институте) (оп. 2, № 22, 23), «Гимназические фрагменты» (о преподавании в пермской гимназии) (оп. 2, № 25), «Университетские фрагменты» (о первых годах существования Пермского университета) (оп. 2, № 27), «Жизнь в могиле» (оп. 2, № 28, 29) и

«Казахстанские фрагменты» (о заключении в сталинских лагерях) (оп. 2, № 26).

Павел Степанович Богословский родился 17 (29) июня 1890 г. в с. Веретия близ Березниковского завода Соликамского уезда Пермской губернии. Род Богословских был потомственным родом священников. По семейным преданиям, их предок, Игнатий Иванов, происходил из г. Темников. Он учился в духовном училище, где и получил по приказу архиерея, посетившего училище в день праздника Иоанна Богослова, фамилию Богословский, дабы отличаться от своего полного тезки-однокашника. Дед П. С. Богословского, Михаил Игнатьевич, в юности неоднократно встречался со знаменитым Серафимом Саровским. Он вместе со своим братом Петром переехал из Мордовских земель в Пермскую губернию; Петр стал священником в Ленве, а Михаил дьячком в одном из приходо-в. В старости он принял схиму под именем Никифор и скончался в 1909 г. в монастыре Белая Гора. Степан Михайлович Богословский, отец П. С. Богословского, закончил духовную семинарию и хотел продолжить образование в одном из университетов, но отец его настаивал на духовной академии. Тогда С. М. Богословский уехал работать учителем в Ленву, где был приход его дяди Петра. Здесь он встретился со своей будущей женой, Екатериной Федоровной Антипиной, тоже учительницей. Брак с ней и необходимость содержать семью побудили его в конце концов принять священнический сан (см. письмо неустановленного лица, родственника Богословских, к Ивану Степановичу Богословскому, брату П. С. Богословского, — оп. 4, № 50).

Знаменательными в становлении будущего ученого стали 1901—1904 гг., когда он вместе с братьями (из девяти детей зрелого возраста достигли пять сыновей Богословских) жил вдали от родной семьи в Соликамске, учась в местном духовном училище. Отец и мать очень ответственно относились к воспитанию детей, и поэтому, беспокоясь о возможном негативном влиянии на них проживания в общежитии училища, решили поселить своих сыновей «на хлебах» у одного из самых уважаемых жителей Соликамска — протоиерея Преображенской церкви Николая Фотиевича Поносова. Соликамск, с его богатой историей и прекрасными памятниками архитектуры, стал для П. С. Богословского важным фактором в формировании его краеведческих интересов. Мальчиком присоединялся он к любительским раскопкам Владимира Николаевича Поносова, сына протоиерея, который исследовал соликамские рвы.

В доме Поносовых П. С. Богословский обнаружил для себя еще одну точку притяжения — богатую библиотеку: «К дому Поносовых примыкал небольшой садик. В нем были старые-старые березы и липы, но самая большая ценность садика заключалась в большой, остекленной беседке, стоявшей в середине сада <...> Что же там?.. Через стекла ничего толком не рассмотришь. Осторожно потрогал дверь. Она не заперта. Боязливо открыл, заглянул и ахнул... Беседка вся была наполнена книгами. Книги на столе, стоявшем посередине; книги кругом на скамейках, расположенных кругом; книги под столом. Масса книг, многие в переплетах, иные разорваны. Немало

журналов. Какое богатство! Какое счастье! Я даже задрожал от восторга...» (оп. 2, № 24, л. 12—12 об.).

Чтение было одним из самых главных увлечений юного П. С. Богословского, чему способствовала и библиотека Поносовых, и система обучения в Соликамском духовном училище. Судя по воспоминаниям ученого, это учебное заведение отнюдь не напоминало бурсу, которую описал Н. Г. Помяловский в своих знаменитых «Очерках бурсы». Все учителя в мемуарах П. С. Богословского охарактеризованы только положительно — как строгие и вдумчивые наставники юношества. Преподаватели следили, чтобы книга была обязательным предметом занятий учеников, направляли их круг чтения, разъясняли непонятное.

Поощрялись в училище и различного рода письменные работы. В своих мемуарах П. С. Богословский с гордостью вспоминает, как он получил оценку «пять с плюсом» за сочинение «Моя родина», где давалась характеристика Березниковского завода. Ценилось в семинарском окружении также пение. Помимо обязательного богослужбного пения, в котором участвовали ученики, Соликамск, как и любой провинциальный русский город, был пронизан стихией народной песни и романса. Во многих домах звучали гитара и балалайка. Рано полюбил пение и П. С. Богословский.

Осенью 1904 г. семья Богословских из Березниковского завода перебирается в Пермь. Главным побудительным мотивом для переезда явилась опять-таки забота родителей о том, чтобы дать сыновьям хорошее образование. Здесь П. С. Богословский заканчивает Пермскую духовную семинарию и в 1909 г. поступает в Петербургский историко-филологический институт на отделение русского языка и словесности. Его учителями были академик В. В. Латышев (курс по классической филологии), А. К. Бороздин (древнерусская письменность и народная поэзия), А. К. Булич (русский язык), Д. К. Петров (западно-европейская литература), П. А. Кулаковский (славистика), С. М. Середонин (русская история). Параллельно с Историко-литературным институтом П. С. Богословский с 1911 г. учился в Археологическом институте, обучение в котором было двухгодичным. Здесь он слушал лекции у Н. Н. Веселовского (по первобытной и христианской археологии), С. Ф. Платонова (по юридическим древностям), И. А. Шляпкина и П. А. Лаврова (по славяно-русской палеографии), Н. П. Лихачева (по дипломатике).

Непосредственным учителем в Историко-филологическом институте для П. С. Богословского стал А. К. Бороздин. Именно под его руководством на первом курсе П. С. Богословский пишет работу по сборникам былин Н. Е. Ончукова, А. В. Маркова и А. Д. Григорьева. В следующем году предметом его сочинения стала литературная и фольклористическая деятельность Н. М. Языкова. Приобщился в студенческие годы П. С. Богословский и к изучению памятников древнерусской письменности, в частности, на одном из курсов ему пришлось писать работу по «Путешествию стольника П. А. Толстого за границу в 1691/92 гг.».

Петербургский период был очень важным в жизни П. С. Богословского, обогатившим его кругозор. В воспоминаниях ученого подробно говорится о культурной жизни студенчества. Спектакли в

Мариинском, Александринском, Панаевском театрах, гастроли Московского художественного театра, Ф. И. Шаляпин и В. Ф. Комиссаржевская, Русский музей имени Александра III и вечера пермского землячества с футуристом-пермяком Василием Каменским — все привлекало внимание студента П. С. Богословского.

После окончания института с 1913 по 1919 г. П. С. Богословский работал в Пермской мужской прогимназии (2-ой Пермской гимназии). В 1916 г. произошло важное для Перми и для П. С. Богословского событие — в городе был открыт университет. С 1915 г. российское правительство решало вопрос о том, где разместить эвакуированный в условиях Первой мировой войны Юрьевский университет. В конце концов выбор выпал на Пермь. Предстоящее появление в городе высшего учебного заведения волновало пермяков. Газеты много и охотно писали об университете. Выступил по этому вопросу в «Пермских губернских ведомостях» и П. С. Богословский.⁷

Пермский университет начал свое существование как Пермское отделение Петроградского университета и создан был на базе Юрьевского университета. Новое учебное заведение требовало новых кадров. И, по-видимому, в связи с этим в 1917 г. состоялось решение Петроградского университета об определении П. С. Богословского профессорским стипендиатом по кафедре русского языка и словесности, при этом сразу же молодой стипендиат был прикомандирован к вновь созданному Пермскому университету, где его научным руководителем был назначен видный специалист по древнерусской литературе и народной словесности А. П. Кадлубовский (первый декан историко-филологического факультета). В 1919 г. П. С. Богословский успешно сдал испытания на магистерскую степень и в начале 1920 г. единогласно был избран приват-доцентом Пермского университета. С сентября 1922 г. он уже профессор по кафедре русской литературы, а позднее, — вплоть до 1932 г., года его вынужденного отъезда из Перми — заведующий кафедрой.

Пермский период был самым плодотворным в жизни П. С. Богословского. Именно к этому времени относится большинство его статей, сохранивших свое научное значение до наших дней. Как мы уже говорили, многогранная деятельность П. С. Богословского определялась прежде всего его краеведческими интересами. Реализовывались же эти интересы в рамках многочисленных научных обществ, существование которых характерно для России первых трех десятилетий XX века. При этом необходимо подчеркнуть, что как краевед П. С. Богословский оставил свой след не только в фольклорной и историко-литературной сфере, но и в области археологии и церковной старины. Знания, полученные им в Археологическом институте, помогли ученому выйти за рамки филологии. Особенно весомый вклад в изучение названных областей культуры ученый внес в 1910-е гг.

С 1914 г., сразу же после возвращения из Петербурга в Пермь, П. С. Богословский включается в работу Пермского епархиального церковно-археологического общества и вскоре становится товарищем его председателя. Журнал заседаний Общества свидетельствует, что молодой ученый был одним из самых деятельных его членов.⁸

По его инициативе обследовались ризницы церковей, приобретались предметы церковной старины для задуманного музея, совершались археологические раскопки.

В первом выпуске «Известий», периодическом органе Общества, П. С. Богословский опубликовал семь статей. Две из них представляют собой описание предметов церковной старины.⁹ Третья статья является научным отчетом о предпринятых им летом 1915 г. раскопках подземного хода на территории бывшего Пыскорского монастыря.¹⁰ Еще одна работа посвящена надписи, высеченной на каменной церкви села Верх-Боровского (надпись была расчищена от поздних побелок самим П. С. Богословским).¹¹ В «Известиях» же П. С. Богословский публикует рукопись середины XIX в. об убийстве в 1793 г. настоятеля Пыскорского монастыря (к тому времени уже переведенного в Соликамск) архимандрита Иакинфа.¹² Кстати, рукопись эта была списана с бумаг из архива Дедюхинского соляного правления канцелярским служителем Федором Яковлевичем Антипиным, то есть родным дедом П. С. Богословского по матери. Не случайна для П. С. Богословского и тема шестой его статьи — о материальном положении духовенства в XVIII веке.¹³ Седьмая, последняя статья, опубликованная в «Известиях», посвящена редкой берестяной рукописи из библиотеки Пермской духовной семинарии.¹⁴

Как видим, молодой ученый начал свою краеведческую работу в Пермском церковно-археологическом обществе весьма активно и плодотворно. Однако в 1917 г. Общество, в силу исторических обстоятельств, прекратило свое существование. И в дальнейшем, вследствие все тех же обстоятельств, П. С. Богословский ни в одном из документов не сообщал о своей работе в этом Обществе. Слово «церковное», звучавшее в названии этого научного учреждения, делало это Общество подозрительным в глазах новых властей.

Вторым учреждением культуры, сыгравшим заметную роль в становлении П. С. Богословского как ученого, был Пермский научно-промышленный музей. Еще будучи студентом, П. С. Богословский начал сотрудничать с этим крупным культурным центром Перми. В ноябре 1913 г. для «Материалов по изучению Пермского края», печатного органа музея, начинающий ученый приготовил статью о нагрудном кресте, который он обнаружил в церкви с. Троицкое на Сылве. В этой работе автор доказывает, что крест этот является «положением» Петра Семеновича Строганова, сделанным в ризницу церкви после 1610 года.¹⁵ Там же опубликована еще одна статья П. С. Богословского — о грамотах времен царя Михаила Федоровича, содержащих в себе распоряжения Верхотурскому воеводе Даниле Ивановичу Милославскому и подьячим Второму Шестакову и Ивану Селетцыну.¹⁶ Грамоты эти хранились в Пермском научно-промышленном музее.

Через десяток лет судьба еще раз тесно свяжет П. С. Богословского с Пермским научно-промышленным музеем. К 1923/24 гг., пережив все перипетии гражданской войны, музей находился в плачевном состоянии. Коллекции его были перевезены и свалены в непригодном здании духовной семинарии (в архиве сохранилась фотография музейных комнат этого времени — оп. 2, № 72). 14 июля

1924 г. П. С. Богословский был поставлен во главе Научного музея (при этом он оставался профессором Пермского университета). Ученый сразу же определил главное направление музея — строить его по краеведческому принципу и сделать это культурное учреждение центром краеведения в Перми.¹⁷ Благодаря энергии П. С. Богословского нормальное функционирование музея было восстановлено.

Гражданская война не способствовала развитию краеведения в России. Но в начале двадцатых годов краеведческое движение в стране неожиданно получает новый импульс. Центром пермского краеведения с 1923 г. становится Кружок по изучению Северного края при Пермском университете. Этот Кружок был создан еще в 1916 г., сразу же после основания самого университета, но едва развернув свою деятельность, он вскоре был вынужден ее прервать. В январе 1923 г. Кружок под председательством П. С. Богословского возобновляет свою работу. Основной формой его деятельности были доклады, лучшие из которых публиковались в собственном печатном органе Кружка — «Пермский краеведческий сборник» (Вып. 1. Пермь, 1924; Вып. 2. 1926; Вып. 3. 1927; Вып. 4. 1928), редактором которого был П. С. Богословский. Это периодическое издание стало заметным явлением в истории российского краеведения двадцатых годов, выдвинувшим Пермь на одно из первых мест в данной области гуманитарных знаний.¹⁸

Архивные материалы проливают некоторый дополнительный свет на деятельность Кружка по изучению Северного края (оп. 2, № 93—101). В декабре 1929 г. Кружок был преобразован в Этнографическое общество при Пермском университете, председателем которого был избран П. С. Богословский. При Обществе начали разворачивать свою работу пять комиссий: фольклорная, диалектологическая, музыкальной этнографии, угрофинская, театральная. Этнографическое Общество успело выпустить листовку-анкету для своих членов (оп. 2, № 100) и брошюру, в которой давались сведения о структуре Общества, его составе, плане работы и т. д. (оп. 2, № 99; Богословский П. С. Научное Этнографическое общество при Пермском государственном университете. Пермь, 1930. 32 с.). Однако тридцатые годы в истории отечественного краеведения принципиально отличались от двадцатых годов. Краткий расцвет советского краеведения в условиях крепнущего тоталитарного режима закономерно близился к концу, поэтому Этнографическое общество так и не сумело развернуть свою работу. Каких-либо значимых следов эта организация после себя не оставила.

Помимо Кружка по изучению Северного края (Этнографического общества), которому П. С. Богословский отдавал много сил и времени, в конце двадцатых годов ученый создал при Пермском университете еще один культурный центр — Историко-литературный и театральный музей. В архиве хранится комплекс документов, связанный с этой организацией (оп. 2, № 102—105). Из протокола заседания деканата педагогического факультета явствует, что решение о создании Музея было принято 11 декабря 1928 г. В черновом варианте «Положения» о музее сказано, что данное научно-культурное учреждение имеет «целью отражение литературной и театральной жизни СССР вообще и Пермского края (Урала и Прикамья) по пре-

имуществу» (оп. 2, № 102, л. 1). Как видим, музей создавался не только как краеведческая организация, но ставил перед собой более широкие задачи. Сохранилась печатная листовка за № 1, разъясняющая цели и задачи Историко-литературного и театрального музея (там же). К сожалению, если не считать газетных статей П. С. Богословского, посвященных деятельности музея, это, кажется, единственная печатная продукция этого учреждения.

Основой коллекции Музея стали материалы, собранные самим П. С. Богословским. В дальнейшем, благодаря его энергии, музей пополнился многими ценными документами. П. С. Богословский умел находить друзей Музея в самых разных слоях деятелей русской культуры. Так, одним из дарителей Музея стал А. Н. Толстой. В архиве ученого хранится следующий документ:

«В ПЕРМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ.
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ТЕАТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ.

12 апр. 1929 г.

П. С. Богословскому.

Уважаемый Павел Степанович,

посылаю Вам для Музея корректуру тома (Собр. соч. Леногиз) моих комедий.¹⁹ Я проделал над ними довольно серьезную работу. Может быть Вам пригодит<ся> эта корректура. Ее нужно сравнить со старыми изданиями моих пьес. Таковыми были: „Комедии о любви“ изд<ание> и<здательст>ва Писателей, Москва, кажется, 1917 г.²⁰ и „Горький цвет“ — Берлин, 1922 г.²¹

Буду рад быть Вам полезен всем, чем могу.

Ваш А. Толстой.

Детское Село. Московская 10» (оп. 2, № 105).

Коллекция Музея была поистине впечатляющей. Фонд его составлял примерно 20 000 документов: театрально-концертные афиши, программы, открытки с изображением артистов, их подлинные фотографии, книги и брошюры различного характера, газеты и газетные вырезки, письма разных лиц, связанных с культурой, рукописи воспоминаний, автографы писателей, поэтов, ученых и т. д. О значительности собранных в Музее материалов сегодня мы можем судить по сохранившемуся каталогу — толстой тетради большого формата, куда вносились сведения об экспонатах, поступавших в музей (оп. 6, № 71). Под № 2 здесь, например, указывается оригинал письма Л. Н. Толстого от 18 февраля 1897 г. к И. И. Бессонову, рабочему Очерского завода Пермской губернии (письмо пожертвовано в Музей студентом Филипповым). Содержание этого письма было известно науке еще с 1911 г. из сборника «Письма Л. Н. Толстого», подготовленного П. А. Сергиенко.²² Там письмо публиковалось по копии В. Г. Черткова. После разгрома Музея, о чем будет сказано ниже, письмо было, по-видимому, утрачено, и в полном собрании сочинений Л. Н. Толстого оно публикуется по той же копии.²³

Из автографов писателей в каталоге значатся рукописи рассказов В. Я. Шишкова «Цветы и ягоды», «Зверолов», «Властитель», «Лес-

ной мудрец» (№ 605, 609—611). Здесь же называются автографы А. С. Новикова-Прибоя (№ 707—709), стихи поэтов В. Луговского (№ 813, 814), Рюрика Ивнева (№ 1594, 1595), Анатолия Мариенгофа (№ 1596, 1597), письмо А. А. Блока (№ 13251) и др.

Каталог свидетельствует, что в музее хранился комплекс документов, связанный с именем актера П. Г. Абрамова (№ 99—154 — переданы в Музей его сестрой). Другой блок посвящен прим-балерине Екатеринбургской оперной труппы А. Г. Богдановой-Давыдовой (№ 681—702). От В. А. Падалки поступили материалы об оперном певце, любимце пермской публики, А. Н. Круглове²⁴ (№ 1737—1794). Оперная певица Е. В. Девос-Соболева²⁵ передала документы, отражающие ее творчество (№ 2629—2636). Самая большая коллекция, посвященная театру, принадлежала актеру-пермяку А. И. Чайкину (фотографии актеров, их письма к коллекционеру, сведения о составе пермских театров в разные периоды и т. д.) (№ 2941—4539, 4719—5319, 5428—7419, 7529—8033 и др.).

Музей просуществовал под руководством П. С. Богословского до 1932 г. — до года его вынужденного отъезда из Перми. В начале 1932 г. П. С. Богословскому было приказано передать музей преподавателю университета М. Н. Ожеговой. Как проходила передача свидетельствует «Записка» ученого, написанная 2 февраля и направленная им руководству университета: «Необходимо отметить не только небрежное отношение со стороны т. Ожеговой к Музею в целом, но и какое-то предубеждение, какую-то тенденцию. Мне неоднократно приходилось во время сдачи не только поднимать с полу вырезки, портреты и пр. и обращать внимание т. Ожеговой на ценность афиш в виду какого-то игнорирования ею последних <...> Во время передачи т. Ожегова нередко бросала товарищам студентам, принимавшим с ней Музей, иронические замечания о бесценности тех или иных материалов, о ненужности, о неуместности их и т. п. Между прочим, на запрос присутствующего при сдаче артиста, будет ли сохранен этот единственный в своем роде музей в СССР, т. Ожегова подчеркнуто ответила: „В музее будет сохранено только ценное“. От всего этого получилось впечатление, что т. Ожегова не выполняла спокойно порученное ей дирекцией дело, не интересуясь Музеем как таковым, а с каким-то предубеждением спешила с приемкой Музея, точно разыскивая в его материалах какие-то данные для дискредитации Музея и его организатора» (оп. 2, № 103, л. 1 об.—2).

П. С. Богословский предчувствовал, что дело, которому он отдал столько любви и сил, будет погублено. И он оказался прав. 27 апреля 1934 г. Андрей Иванович Чайкин писал П. С. Богословскому: «Пишу Вам из Перми, куда меня вызвали для отыскания материалов по истории театра. 21/IV я зашел к Л. А. Заозерской и от нее узнал, что шкафы из круглой комнаты с материалами, собранными для Музея, три-четыре раза перетаскивались из комнаты в комнату и последнее переселение совершено накануне и в день моего прибытия в пединститут и теперь шкафы стоят в верхнем этаже, в комнате Н. Е. Бочкарева, который назначен деканом. С его разрешения я начал поиски (А. И. Чайкин искал некоторые материалы своей собственной коллекции. — Т. И.) и у первого же шкафа убе-

дился, что судьба моих и других материалов была в руках крайне невежественных, некультурных людей, а у второго шкафа у меня невольно полились из глаз слезы. Все скомкано, смято, разъединено и более половины из моего добра я не нашел, осмотревши пять шкафов по сегодня включительно. Нет моих альбомов с фотографиями, рамки-витрины с моими программами и карточками, альбомов со стихотворениями и вырезками и т. п. Сегодня мне сказали, что в какой-то комнате есть еще 2 ящика с чем-то, может быть, там что-нибудь найду... Заозерская сказала, что кто-то приходил и забирал что-то и уносил. Исчез портрет Комиссаржевской, Чайковского <...> Все перепутано и являет такой вид, как будто был пожар и второпях все смешали <...> Что будет дальше, я право, не знаю как быть и как реагировать на это варварство и чью-то подлость...» (оп. 3, № 215, л. 9—9 об.).

Перед своим отъездом в 1932 г. из Перми в Москву П. С. Богословскому удалось забрать себе некоторые материалы из Музея. Сейчас эти документы, на которых стоит штамп Пермского литературно-театрального музея, находятся в архиве ученого и составляют раздел второй описи № 6 (№ 71—128). В основном это материалы, замыкающиеся на именах пермских деятелей культуры. Интерес представляют письма Василия Волегова, Павла Андреевича Муллоа, Ивана Григорьевича Потапова, Дмитрия Дмитриевича Смышляева, Наркиса Константиновича Чупина 1858—1862 гг. к Николаю Алексеевичу Фирсову по поводу сотрудничества в «Пермском сборнике»²⁶ (первое краеведческое издание в Перми, ставшее образцом для создания «Пермского краеведческого сборника»; Н. А. Фирсов был редактором этого издания) (см. оп. 6, № 82, 96, 104, 108, 116). В письмах Александра Алексеевича Дмитриева к Ивану Григорьевичу Остроумову содержатся ценные сведения о ходе его работы над большим исследованием «Пермская старина»²⁷ (см. оп. 6, № 87). Письмо Павла Ивановича Мельникова-Печерского к Н. А. Фирсову проливает дополнительный свет на кратковременную историю существования в 1859 г. газеты Мельникова-Печерского «Русский дневник» (оп. 6, № 94). Тема писем 1901—1903 гг. А. Кузнецовой к неустановленному лицу Море — выступления оперного певца А. Н. Круглова, о котором говорилось выше (оп. 6, № 92).

Интересен и комплекс документов, относящихся к 1920-м гг. Так, в письме П. И. Панькова к П. И. Ильинскому содержатся малоизвестные сведения о художниках-пермяках братьях Павле и Александре Сведомских (оп. 6, № 100). Сохранил П. С. Богословский и автографы писем писателей В. В. Муйжеля и А. С. Неверова к В. Я. Шишкову (оп. 6, № 95 и 98).

Особую ценность представляет иконография пермских общественных деятелей, собранная музеем и частично сохраненная П. С. Богословским: фотопортреты П. А. Голубева, И. Ф. Грацынского, А. А. Дмитриева, П. В. Сюзева и др. (см. оп. 6, № 120—128 — раздел описи «Фотографии, открытки, факсимиле»).

Как уже говорилось, коллекция Литературно-театрального музея выросла на основе личного собрания П. С. Богословского. В фонде ученого сохранился ряд документов коллекционного характера, не

имеющих на себе штампа Литературно-театрального музея и в связи с этим отнесенных нами к личному собранию ученого. Эти документы составили раздел 1 описи № 7. Внимание исследователей здесь привлекут три тетради второй половины XIX в. с текстами пьес Ф. Ф. Корфа «Браслет и прочее», Гектора Деппери «Жермен», П. А. Соколова «Арап Петра Великого», Н. В. Беклемишева «Майко», Н. М. Львова «Чинovníк по особым поручениям» (оп. 6, № 4, 5, 8). Эти тетради, как свидетельствует помета П. С. Богословского, были куплены им на толкучке 13 апреля 1923 г. в Перми. На двух из этих тетрадей есть цензорские записи, разрешающие пьесы к постановке. Тетради, по-видимому, принадлежали какой-то драматической труппе.

Особую ценность представляет тетрадь со списком комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (оп. 6, № 1). Этому списку ученый посвятил содержательную статью, значение которой сохраняется до наших дней.²⁸ П. С. Богословский датировал список 1829 г. и происхождение его связывал с библиотекой графов Завадовских, осевшей в одной из дворянских усадеб Пермского края. Кстати, в фонде ученого находятся и другие документы В. П. Завадовского: его официальные записки и проекты (оп. 6, № 31—38).

Выделяется в личной коллекции историко-литературных материалов П. С. Богословского и комплекс документов, имеющих мемуарно-биографический характер. Здесь находится большая рукопись 1900-х гг. некоего Льва Евдокимовича Демина, озаглавленная «Воспоминания Левы Демина. Истинная повесть о том, как живут бедные, маленькие люди» (оп. 6, № 10, 11); биографические сведения о родителях видного пермского краеведа А. А. Дмитриева, написанные им самим (оп. 6, № 12); воспоминания Е. Д. Золотова и А. Т. Михайлова о Д. Н. Мамине-Сибиряке (оп. 6, № 14, 19); воспоминания и автобиография писательницы А. А. Кирпищиковой (оп. 6, № 15, 16); автобиография И. С. Тезавровского, члена Музыкально-этнографической комиссии, существовавшей в Москве в начале XX в. (оп. 6, № 20). Биографическая тема продолжала интересовать П. С. Богословского до конца его дней. Уже в 1950-е—начале 1960-х гг. коллекция ученого пополнилась рукописью пермского композитора Г. И. Маркова (Всеволода Светланова) «Мои воспоминания о Московской музыкально-этнографической комиссии Московского университета (Румянцевский музей) ГИМН» (оп. 6, № 18) и автобиографией Е. В. Арефьева (оп. 6, № 9).

Таким образом, пермский период жизни П. С. Богословского, действительно, является очень плодотворным в научном плане. Документы же, вошедшие в опись 6 («Коллекции») и собранные в основном в двадцатые годы, представляют большой интерес для специалистов самых разных областей гуманитарных знаний.

3

Литературно-театральный музей Пермского университета был последним из крупных замыслов П. С. Богословского, реализованных им свободно, без идеологического диктата. В дальнейшем жизнь

ученого складывалась так, что он был вынужден подчиняться пресингу тоталитарного режима.

Выше уже указывалось, что конец 1931—начало 1932 гг. ознаменовались для П. С. Богословского его первым личным знакомством со сталинским режимом. Суть ситуации, в которую попал ученый, проясняется из копии письма П. С. Богословского, направленного им народному комиссару просвещения А. С. Бубнову.

В 1931 г. Уральский обком ВКП(б) проверял работу Пермского пединститута, выделившегося к этому времени из Пермского университета. Одним из результатов этой проверки стало увольнение с 1 января 1932 г. П. С. Богословского «вследствие недостаточной квалификации для работы в Педвузе в современных условиях» (оп. 2, № 13, л. 1). За снятием с работы последовало исключение из секции научных работников и из членов профсоюза. В заявлении в Наркомпрос П. С. Богословский писал: «...некоторые из выступавших ораторов <...> ставили мне в вину находящиеся в изданных мною „Пермских краеведческих сборниках“ отдельные выражения и работы, истолкованные, как неактуальные и контрреволюционные» (там же). Поглумились гонители П. С. Богословского и над научными статьями ученого, например, над исследованием по номенклатуре свадебных чинов, — работа, которая в наше время считается классикой отечественной фольклористики. Нашли за П. С. Богословским и грехи более весомые — его сотрудничество в газетах Белой армии Колчака в 1919 г. Далее события развивались по отработанному сценарию: лишение продовольственных карточек, попытка отнять у многосемейного ученого (у него была жена и пятеро сыновей) квартиру и пресловутое «уплотнение»; проработка одного из сыновей на собрании учащегося фабрично-заводского училища и требование, чтобы он отрекся от отца-контрреволюционера, а после отказа юноши от этого бесчестного шага, исключение его из училища и т. д.

Реакция П. С. Богословского на несчастья, свалившиеся на него, была также типичной для того времени: покаянные письма в городской и областной комитеты партии по поводу своего сотрудничества в колчаческих газетах; обращения к иногородним авторитетным коллегам за помощью. В 1932 г. ученому удалось избежать молоха беспощадной сталинской репрессивной машины. П. С. Богословскому помогают переехать в Москву. С середины 1932 до апреля 1935 г. он является ученым секретарем, а затем заведующим сектором фольклора Центрального научно-исследовательского института методов краеведной работы (существовавшего в системе Центрального бюро краеведения) (см. документы — оп. 2, № 107). Одновременно он был заведующим библиотекой в Государственном историческом музее (1933—1935) (оп. 2, № 106) и профессором Орехово-Зуевского педагогического института (1933—1935), куда периодически выезжал для чтения лекций (оп. 2, № 109).

В московский период жизни П. С. Богословский работал столь же напряженно и энергично, как и в Перми. В это время он публикует несколько статей и заметок информационного и методического характера, направленных на освещение в печати событий, связанных с фольклористикой и с организацией фольклорного дела в стране.²⁹ Однако надо отметить, что работы эти не носят исследовательского

характера и в настоящее время сохраняют свое значение лишь как источники по истории фольклористики.

Время накладывало свой отпечаток на научное творчество П. С. Богословского. Как и многие другие, кто уже успел испытать на себе прессинг сталинского режима, ученый подневольно подчинил свою мысль официальной идеологии. Главным его трудом в начале тридцатых годов стала монография «Ленинская национальная политика и фольклор» (1934 г.), оставшаяся ненапечатанной. В фонде ученого сохранилась правленная им машинопись этого труда (оп. 1, № 5). Пафос работы составляет политизированный по своей сути тезис о расцвете фольклора в условиях реализации И. В. Сталиным ленинской национальной политики. Тем не менее и в наше время это исследование может представлять определенный интерес как библиографический источник по теме — работы по фольклору народов СССР в науке 1920-х—начала 1930-х гг.

В июле 1934 г. тучи опять сгустились над головой П. С. Богословского: ему грозило увольнение из Центрального научно-исследовательского института методов краеведной работы. Положение спас известный фольклорист, имевший большой авторитет у властей, Ю. М. Соколов. В фонде П. С. Богословского сохранилась копия его письма на имя директора ЦНИИМКРа А. А. Канчеева: «Сейчас я узнал о том, что будто бы Вами подписан приказ об увольнении из состава научных работников ЦБК проф. П. С. Богословского и будто бы по мотивам недостаточной эффективности его научной работы в ЦБК и ЦНИИМКР. И то и другое (и факт увольнения, и мотивировка) мне, соприкасавшемуся с П. С. Богословским в процессе его деятельности в системе обоих учреждений, представляется совершенно невероятным, и я, полагая, что здесь кроется какое-нибудь недоразумение, может быть, недостаточно четкая информация, считаю своим долгом ученого специалиста засвидетельствовать перед Вами, что данное решение, если оно действительно имело место, несправедливо по отношению к такому высококвалифицированному и много работавшему научному сотруднику, как П. С. Богословский» (оп. 2, № 112, л. 1).

Однако через год уже ничто не могло спасти П. С. Богословского. 20 апреля 1935 г. он был арестован, осужден по печально известной ст. 58 (за контрреволюционную агитацию) и уже 7 июля отправлен в исправительно-трудовую колонию КАРЛАГа в Казахстане. Поводом для ареста стало все то же участие П. С. Богословского в колчаковской газете «Сибирские огни» (см. ходатайство семьи о помиловании — оп. 2, № 14). Воспоминания ученого, озаглавленные «Казахстанские фрагменты» (оп. 2, № 26) и «Жизнь в могиле» (оп. 2, № 28, 29), рисуют страшные картины заключения и повествуют о трагических судьбах невинно загубленных людей. Этот материал является еще одним, в ряду многих других, свидетельством преступлений сталинского режима.

В место назначения, село Долинское (Долинка), П. С. Богословский вместе с другими осужденными прибыл в «столыпинском» вагоне, где в купе находилось по двенадцать-тринадцать человек, вынужденных спать по очереди и задыхавшихся в духоте. В лагере П. С. Богословский поначалу находился на общих работах, но вско-

ре ему, как бывшему музейному работнику, было поручено организовать музей. Дело в том, что в 1935 г. отмечалось пятидесятилетие Казахской республики. В рамках празднования юбилея было решено создать Музей полупустынно-степной части Центрального Казахстана, в котором были бы отражены природные условия, флора и фауна района, а также хозяйственные достижения его тружеников. Идеологическая заданность Музея была заранее определена: показать достижения Казахстана во времена советской власти. Музей был создан, начальству понравился, и П. С. Богословский являлся его заведующим до лета 1937 г., пока не пришел указ тогдашнего главы НКВД Н. Е. Ежова об ужесточении мер, направленных против осужденных по ст. 58. Документ, свидетельствующий об этом факте жизни П. С. Богословского, звучит следующим образом:

«ПРИКАЗАНИЕ
ПО IV ОТДЕЛУ УПРАВЛЕНИЯ КАРЛАГа НКВД
27 июля 1937 г.

Зав. музеем з/к Богословскому П. С. предлагаю сдать дела и имущество музея вновь назначенному на эту должность з/к Шень-ко Н. К.

Акт приема-сдачи предоставить мне к 29 с/г.

Вр. н-ка IV отд.
[Подпись неразборчива]»
(оп. 2, № 113).

П. С. Богословский был отправлен в один из штрафных лагерей КАРЛАГа, где работал метеорологом. Невыносимые обстоятельства пребывания в одиночной «могиле» (землянке, находившейся близ метеорологической станции), реальная угроза гибели от уголовников, позарившихся на содержимое чемодана П. С. Богословского, — все это подробно описано в воспоминаниях ученого.

В лагере судьба столкнула П. С. Богословского со многими замечательными представителями российской интеллигенции. Вместе с П. С. Богословским в Долинке сидел выдающийся филолог-славист Афанасий Матвеевич Селищев. «В лагере он сначала был учетчиком овец, жил один в саманной мазанке, ежедневно пересчитывал сотни овец, среди которых были большие бруцеллезом. Это для ученого был большой труд, очень его изнурявший и опасный для его здоровья», — вспоминал П. С. Богословский (оп. 2, № 28, л. 13 об.). Здесь же П. С. Богословский познакомился с профессором Тимирязевской сельско-хозяйственной академии А. М. Диомидовым, со специалистом по овцеводству профессором И. Г. Платоном, с режиссером Большого театра Е. Н. Соковниным, с художником того же театра П. И. Соколовым, с ленинградским художником В. В. Стерлиговым и др.

Довелось П. С. Богословскому встретиться в лагере и со своими знакомыми. Вместе с ним сидел бывший сотрудник Центрального бюро краеведения, видный археолог и специалист по древней истории, будущий профессор Константин Эдуардович Гриневиц (с ним

П. С. Богословский после освобождения из лагеря будет поддерживать переписку — см. оп. 3, № 71). Столкнулся П. С. Богословский в заключении и с Климентом Васильевичем Квиткой, выдающимся музыковедом-фольклористом. С последним ученый познакомился еще в 1924 г. в Москве на всесоюзной краеведческой конференции. Затем в начале тридцатых годов им вместе довелось работать в Центральном бюро краеведения. О своей встрече с К. В. Квиткой в Долинке П. С. Богословский вспоминал следующее: «Через несколько дней после назначения моего в музей ко мне пришел <...> Климент Васильевич Квитка, муж украинской писательницы Леси Украинки. Квитка пришел ко мне с „подарками“: „По установившейся здесь доброй традиции разрешите на первое время взять над Вами шефство. Я недавно получил хорошую посылку из Москвы. Позвольте поделиться с Вами пачкой чая с сахаром“» (оп. 2, № 26, л. 7 об.). Даже в нечеловеческих условиях сталинских лагерей российская интеллигенция сохраняла чувство собственного достоинства, порядочность, доброту и благородство.

20 апреля 1940 г., через пять лет после своего ареста, П. С. Богословский был освобожден. Будучи лишенным права проживания в Москве и других крупных городах, он обосновался в Караганде. С 1940 по октябрь 1946 г. П. С. Богословский являлся профессором Карагандинского учительского института (см. комплекс документов — оп. 2, № 114—134). Изголодавшийся по любимой работе, ученый приступил к ней с обычной для него энергией и добросовестностью. Прежде всего он сумел заинтересовать студентов фольклором. В фонде исследователя сохранились записи произведений русской устной словесности, сделанные студентами от беженцев военного времени (см. оп. 5, № 121—123). В тяжелом 1943 г. П. С. Богословский даже пытался организовать экспедицию в Улутауский район области для собирания произведений, рожденных войной (см. его письмо к секретарю Карагандинского обкома партии Мельникову — оп. 2, № 129).

Собственно научная деятельность П. С. Богословского в этот период с чисто внешней стороны выглядит очень невыразительной. Публикации первой половины сороковых годов — это исключительно газетные статьи двух типов: связанные с педагогическими задачами Карагандинского учительского института и юбилейные заметки, касающиеся того или иного деятеля русской и мировой культуры. Черновые рукописи опубликованных и неопубликованных статей этого характера хранятся в архиве ученого (оп. 1, № 43—70). Данные заметки были, по-видимому, одним из способов ученого пополнить мизерными гонорарами свой скудный семейный бюджет.³⁰

Однако вряд ли карагандинский период жизни П. С. Богословского можно назвать временем истощения его творческих сил. Вся энергия ученого в сороковые годы была направлена на написание докторской диссертации. Как следует из докладной записки П. С. Богословского в Народный комиссариат просвещения Казахской ССР от 23 сентября 1940 г., первоначально он наметил для себя следующие возможные темы для исследования: «Фольклор и древнерусская письменность (проблема взаимодействия)»; «Творческая

культура мастеров русского фольклора (с приложением словарных био-библиографических материалов)»; «Фольклорная традиция в художественной культуре» (оп. 2, № 124). В дальнейшем же реализована была совсем другая тема — «Сборник Кирши Данилова в связи с проблемой эпической традиции», работа над которой в основном была закончена весной 1944 г. (там же, л. 3). Материалы этого исследования сохранились в фонде П. С. Богословского: машинописный (неполный) экземпляр рукописи (оп. 1, № 7, 8); аннотация (оп. 1, № 10); рукописные фрагменты и подготовительные выписки, библиографические карточки и т. д. (оп. 1, № 11—17).

Тема по Сборнику Кирши Данилова не была случайной для П. С. Богословского. Впервые он обратился к этому памятнику фольклора еще во второй половине двадцатых годов. В 1928 г. фольклорист опубликовал статью, посвященную песне об Усах из этого сборника.³¹ Работа привлекла внимание ученого мира. Так, один из рецензентов в четвертом выпуске «Пермского краеведческого сборника» выделяет именно эту статью.³² Один из тезисов статьи об Усах заключался в утверждении не сибирского, а уральского происхождения рукописи Кирши Данилова. Этот же тезис стал основным в диссертационном исследовании П. С. Богословского. Аргументы в пользу данной точки зрения ученый ищет в сфере диалектологии, фольклора и истории. До сих пор сохраняет свое научное значение глава «Локальная лексика Сборника Кирши Данилова в уральском фольклорном окружении», где собран огромный материал, свидетельствующий о схождениях языка Кирши Данилова и уральских произведений фольклора. Тщательно проанализированы антропонимы и топонимы в текстах Кирши Данилова, что дало ученому дополнительные доказательства в пользу уральского происхождения Сборника. Исследователь приводит многочисленные факты переклички между Сборником и уральской фольклорной традицией. Центром его внимания становится и фигура П. А. Демидова, владельца рукописи, известного уральского заводчика.

Современные исследования подтверждают правильность поисков П. С. Богословского. После документальных находок о личности Кирши Данилова уральское происхождение рукописи, кажется, уже никем не оспаривается.³³

В военные годы П. С. Богословский предпринимает несколько попыток защитить свою работу по Сборнику Кирши Данилова как докторскую диссертацию. По этому вопросу он обращается, как можно судить по письмам его корреспондентов, к целому ряду ученых. Тема защиты звучит в ответных письмах Л. А. Булаховского (оп. 3, № 49), В. А. Келтуялы (оп. 3, № 103), А. В. Миртова (оп. 3, № 145), С. П. Обнорского (оп. 3, № 158), В. И. Чернышева (оп. 3, № 220) и др. Н. К. Гудзий писал П. С. Богословскому 3 января 1944 г.: «Охотнее примем Вашу диссертацию для защиты ее на филологическом факультете МГУ. С. П. Обнорский живет в Москве. Из фольклористов здесь — П. Г. Богатырев. Можно привлечь еще Шамбинаго или Ржигу в качестве оппонентов» (оп. 3, № 73, л. 1). Однако по непонятным причинам защита докторской диссертации так и не состоялась.

Тогда же П. С. Богословский хлопочет и о публикации своего труда. С этой проблемой он обращается к В. П. Адриановой-Перетц (см. ее ответное письмо от 18 мая 1944 г. — оп. 3, № 27); П. П. Бажову (см. его ответное письмо от 15 ноября 1943 г. — оп. 3, № 33). Документы свидетельствуют, что Свердловское издательство заинтересовалось темой его диссертации; в 1944 г., когда в стране не хватало элементарных вещей для нормального существования науки, оно выслало П. С. Богословскому бумагу для перепечатки его работы, но и в 1946 г. фольклорист по каким-то причинам не выполнил взятых на себя обязательств и не представил рукопись в издательство (оп. 1, № 7, л. 235—236).

Работа П. С. Богословского по Сборнику Кириши Данилова, будь она вовремя издана, без сомнения, могла бы стать заметным явлением в фольклористике. Приходится только пожалеть, что исследование это навсегда осталось вне рамок фольклористики.

4

Несмотря на то, что именно в Караганде после пяти лет лагерей П. С. Богословский получил возможность вернуться к научной и преподавательской деятельности, город этот оставался для ученого чужим. В 1945 г. П. С. Богословский начинает вести переговоры с родным Пермским университетом и получает оттуда приглашение занять кафедру по истории русской литературы (оп. 2, № 135, л. 4). Однако Карагандинский учительский институт его не отпускает, и только осенью 1946 г. ученому удалось перебраться в Молотов (тогдашнее наименование Перми). Здесь он проработал до ноября 1948 г. (там же, л. 10). Отношения с Молотовским университетом у П. С. Богословского, кажется, не сложились. К тому же он тяжело заболевает, получает инвалидность (см. справки об инвалидности — оп. 2, № 7) и в 1948 г. уезжает в Москву к одному из своих сыновей.

В краткосрочный второй пермский период своей жизни П. С. Богословский пытался осуществить несколько планов, направленных на активизацию научно-культурной жизни университета. Однако все его проекты в конечном счете не были реализованы. Мечтал ученый восстановить деятельность Этнографического общества в форме фольклорного Кружка. Студенты с охотой откликнулись на инициативу своего профессора. Наметилось общее дело — создание Словаря сказителей (проект, который привлекал П. С. Богословского еще 1940 г., когда он обдумывал эту тему в качестве возможного диссертационного исследования). Следы реализации этой темы сохранились в архиве ученого (оп. 2, № 141). Даже после отъезда П. С. Богословского из Молотова студенты пытались самостоятельно продолжать начатую работу, надеясь на выздоровление своего учителя и на его возвращение в Пермь. Так, Галим Сулейманов писал ему 11 ноября 1948 г.: «Во первых строках моего письма спешу передать Вам низкий поклон от всего кружка нашего и особливо от братьев Шиши.³⁴ Все мы находимся в добром здравии и благополучии благодаря дневному и ночному печению о нас Ректората, Деканата и проч., а больше потому, что любовь наша к фольклору и к Вам поддерживает нас. Дай бог Вам здоровья, — и мы не пропадем.

В Ваше отсутствие провели два занятия кружка. На первом (24/IX — 48 г.) — долгом почли пропеть за упокой души летней экспедиции и порешили дружно взяться за нашего полновесного младенца — Словарь сказителей, чтобы рос он не по дням, а по часам. Скажу, не хвастаясь, что в этом премного преуспели. На втором занятии (27/X — 48 г.) дружно надели на Словарь. Спешу обрадовать Вас тем, что фольклористы наши возгорелись яко огонь в ноши. Просидели 4 часа. Преданный фольклору ученый муж И. С. Сковрцов, за сим Н. Бондаренко и М. Лаптева поелику возможно достали книг в Пединституте. Было нас 12 человек. Работали все с вдохновением и превеликою усидчивостью (М. Лаптева изволили опоздать, да бог простит по молодости их). Переписали 67 биографий (около 80 листов). Выдали книги на дом для переписывания из оных. М. Ладынина уже принесла 20 биографий, переписанных из былин Астаховой» (оп. 3, № 198, л. 1). Но без опытного руководителя Кружок, конечно, был обречен. Тот же Г. Сулейманов 27 декабря 1950 г. сообщал любимому профессору: «Фольклорный кружок формально перестал существовать. Но мы, Ваши ученики, часто собираемся и вспоминаем Вас, горячие дни работы, споров и научных конференций» (там же, л. 10). Словарь сказителей так и не был реализован, и создание его до сих пор остается одной из насущных задач современной фольклористики. Не осуществились и планы П. С. Богословского по воссозданию Литературно-театрального музея.³⁵

На закате жизни, в московский период, главными занятиями П. С. Богословского стали его мемуары, которые он писал в 1959—1961 гг., и обширная переписка с разными лицами, направленная на собиране сведений по истории и культуре Пермского края. Как видим, Пермь оставалась главной точкой притяжения внимания ученого и в последние годы жизни. К сожалению, разыскания этого времени, в отличие от начала научной карьеры ученого, не нашли своего воплощения в статьях. Все его поиски остались в эпистолярии, причем в фонде П. С. Богословского они нашли свое отражение в письмах его корреспондентов.

Переписка ученого, на которую нам уже приходилось неоднократно ссылаться, составляет опись 3 его личного фонда. Помимо его собственных писем к родственникам и другим лицам (оп. 3, № 1—24, 243—249) и писем родственников к нему (оп. 3, № 250—296), здесь находятся письма его многочисленных корреспондентов (оп. 3, № 25—242), начиная с двадцатых годов и вплоть до смерти адресата. Среди корреспондентов П. С. Богословского мы найдем имена многих видных деятелей российской гуманитарной науки и культуры: М. К. Азадовского (9 писем), М. П. Алексева (1), П. П. Бажова (1), В. П. Бирюкова (2), П. Г. Богатырева (1), В. Д. Бонч-Бруевича (1), П. П. Гнедича (1), Н. П. Гринковой (1), Н. К. Гудзия (5), А. П. Евгеньевой (1), Е. Г. Кагарова (2), Е. Ф. Карского (1), В. А. Келтуялы (1), М. Г. Китайника (2), А. Ф. Кони (1), Е. Н. Косвинцева (9), А. Н. Нечаева (1), А. И. Никифорова (1), Н. П. Обнорского (2), С. П. Обнорского (18), Н. Е. Ончукова (1), Н. К. Пиканова (2), П. Н. Сакулина (1), В. И. Чернышева (2), С. К. Шамбинаго (1) и др. Однако, на наш взгляд, самый большой интерес в переписке П. С. Богословского представляют письма более скромных лиц —

его пермских корреспондентов. Часть этих писем является ответами на запросы ученого по поводу истории Пермского края. Данные материалы, как нам думается, представляют огромный интерес для пермских краеведов.

В центре интересов П. С. Богословского в конце 1950-х—начале 1960-х гг. находятся несколько тем. Первая — это духовные учебные заведения Пермского края и их выпускники. Как уже говорилось выше, в 1961 г. ученый написал воспоминания, озаглавленные им «Соликамские фрагменты» (оп. 2, № 24), — мемуары, посвященные своему пребыванию в Соликамском духовном училище. Ученый очень высоко оценивал систему обучения в духовных училищах и семинариях и, по-видимому, не без основания считал, что выпускники духовных семинарий оставили заметный след в русской науке и культуре. В связи с данной темой П. С. Богословский обращается к бывшим семинаристам-пермякам с просьбой прислать свои автобиографии и воспоминания. На призыв П. С. Богословского откликнулись. Так, В. А. Игнатьев в ряде писем к П. С. Богословскому сообщает ему сведения по истории Пермской духовной семинарии и Камышловского духовного училища, дает списки бывших семинаристов с краткими биографическими данными о них. Кстати, он указывает ученому на факт, почерпнутый им из справочной книги в память столетия Пермской духовной семинарии: «В 1882 г. (выпуск 38) в первом разряде значится Стефан Богословский, священник Веретийского села, Соликамского у.» (оп. 3, № 94, л. 12). Николай Иванович Хмельнов присылает П. С. Богословскому список выпускников Пермской духовной семинарии 1909 г. (оп. 3, № 210). Тема пермяков-семинаристов звучит и в письмах Михаила Михайловича Щеглова (оп. 3, № 237).

Наряду с семинаристами собирал П. С. Богословский и материалы о выпускниках пермских гимназий. Этой теме посвящены, например, письма Александра Николаевича Оглоблина, окончившего первую пермскую гимназию в 1912 г. (оп. 3, № 159); Григория Семеновича Петрова, ученика П. С. Богословского по второй пермской гимназии (оп. 3, № 167); другого его ученика — А. А. Салмина (оп. 3, № 180) и др.

Естественен для П. С. Богословского и интерес к истории Пермского университета: ведь П. С. Богословский по сути дела стоял у истоков его создания и наиболее плодотворный период его деятельности связан именно с этим учебным заведением. Поэтому ученый среди своих корреспондентов имеет немало лиц, связанных с Пермским университетом.

Академик Юрий Александрович Орлов, выдающийся палеонтолог, работавший в Пермском университете в начале его существования, прислал П. С. Богословскому копию своего письма к видному деятелю большевистского движения Л. А. Фотиевой. Письмо это было написано им в связи с желанием напомнить государству о заслугах перед народом Николая Васильевича Мешкова, пермского промышленника, миллионера. Данный документ содержит любопытные сведения об основании Пермского университета: «Об открытии университета в Перми очень настойчиво и активно хлопотал, и не один год, Н. В. Мешков совместно с местными общественными

организациями — земством и др. Были обращения со стороны рабочих, интеллигенции в Перми — деталей не помню.

Н. В. Мешковым был построен огромный, четырехэтажный с мансардным этажом «Ночлежный дом имени Елены Ивановны Мешковой» на заимке, недалеко от станции Пермь II-я. Елена Ивановна была мать Н. В. Мешкова, начавшего свою трудовую жизнь, кажется, лотошником, продавцом ваксы и гуталина. Впоследствии крупный промышленник, владелец практически всех парходов фирмы «Братья Каменские и Н. В. Мешков» (помнится, такое название) — Николай Васильевич планировал создание высшей школы на перекрестке железнодорожного пути и большого водного, Кама — Волга. В планах Мешкова была организация высшей школы со всем тем, что надо было бы иметь для студентов — библиотеки, общежития, лыжный и другой спорт и т. д. <...> Упомянутый выше „Мешковский дом“ на заимке к моменту открытия университета был занят под постой солдат и фактически был занят университетскими кафедрами лишь в 1917/18 учебном году. Стоящий рядом корпус Кожевенного завода Алфузовых (Алфузовский корпус), к которому была начата пристройка под анатомический институт, должен был быть передан также для университета <...> Не могу припомнить всевозможных случаев помощи университету со стороны Мешкова, да многого и не знал по своему тогда малому чину младшего ассистента <...> Помню лишь неоднократно слышанные мною слова от некоторых профессоров о том, что Н. В. Мешков поразительно хорошо разбирается в людях и отличает патриотов Пермского университета среди профессуры, самоотверженно взявшихся за дело создания университета, от гастрологов или апатичных в этом ответственном деле» (оп. 3, № 161, л. 7—8).

Татьяна Петровна Кольфгауз, бывшая студентка университета (первый выпуск), писала П. С. Богословскому, вспоминая Пермский университет: «Нас в 1916 году поступило на историко-филологический факультет 60 человек (такова была посещаемость в первые месяцы его существования, а принято, вероятно, было больше). Гражданская война разбросала нас, и окончило факультет в 1922 году только 12 человек» (оп. 3, № 112, л. 1). В другом своем письме она продолжала: «В недавней беседе с В. В. Молодцовым (выпускник Пермского университета, с которым П. С. Богословский тоже находился в переписке — см. оп. 3, № 151. — Т. И.) мы еще раз подчеркнули ту теплоту, которая отличала отношения между профессурой и студентами в первые годы существования нашего университета. Может быть, тут имели значение трудности, которые нам приходилось вместе переживать: недостаток пособий, литературы <...>, даже недостаток аудиторий, что приводило к необходимости проведения практических занятий на квартирах; немногочисленность слушателей в первые годы гражданской войны также способствовала близости: профессора, преподаватели звали нас по имени и отчеству, нам это было удивительно и приятно: „Как они знают нас?“» (л. 3).

Вторит Т. П. Кольфгауз и академик С. П. Обнорский, бывший в начале 1920-х гг. заведующим кафедрой русской словесности на историко-филологическом факультете Пермского университета.

11 января 1958 г. он писал П. С. Богословскому: «Вообще от работы в Пермском университете у меня самое хорошее воспоминание. Пожалуй, это лучшее, что мы оставили в своей деятельности. Чем мне нравился Пермский университет? Тем, что там была всегда морально — тишь и благодать. Позднее там что-то было в ректорате. Но до нас, гуманитаристов, как-то это не доходило. Научная сила университета была большая» (оп. 3, № 158, л. 29 об.).

Биографическими сведениями о себе и воспоминаниями о Пермском университете с П. С. Богословским поделились и другие лица: его выпускница — вузовский преподаватель французского языка Елена Александровна Кузнецова (оп. 3, № 119); М. Н. Павлова, служившая в канцелярии университета в 1919—1920 гг. (оп. 3, № 164) и др.

Интересует ученого и история театральной жизни Перми. Известный в начале XX века режиссер Павел Павлович Гайдебуров в ответ на запрос П. С. Богословского пишет ему о гастролях в Перми передвижного театра Гайдебурова и Скарской (оп. 3, № 64). Своими театральными впечатлениями делится с ним профессор медицины Петр Ионович Ильинский (оп. 3, № 95). А. Шлыкова пишет П. С. Богословскому подробное письмо об оперном певце А. Н. Круглове (оп. 3, № 235). Федор Николаевич Кулаков присылает П. С. Богословскому машинопись своей заметки «Березниковский кружок любителей драматического искусства» с воспоминаниями о любительских спектаклях, ставившихся в конце XIX в. в Березниковском заводе, родных местах ученого (оп. 3, № 120).

Таким образом, эпистолярия П. С. Богословского свидетельствует, что краеведческие интересы продолжали волновать ученого на протяжении всей его жизни.

5

В предыдущих разделах нашей статьи мы попытались дать научную биографию П. С. Богословского и охарактеризовать его, в первую очередь, как уральского краеведа. Неизбежно при этом приходилось говорить о П. С. Богословском и как о фольклористе, и как о литературоведе. Однако эти стороны деятельности ученого требуют более подробного освещения.

Фольклористические интересы П. С. Богословского естественным образом вытекали из его любви к родному краю. Формированию их способствовали прежде всего детские впечатления будущего ученого. Песни, сказки, предания о вольных людях составляли неотъемлемую часть быта Березниковского завода. В семейном окружении Богословских было немало знатоков родникового народного слова. В своих воспоминаниях ученый называет няню Максимовну, соседку Анну Дементьевну Соловарову. В 1896 г., в возрасте шести лет, П. С. Богословский побывал с семьей на Нижегородской все-русской выставке, где мальчику посчастливилось слушать выступления знаменитой олонеккой вопленницы Ирины Федосовой. «Говорили, что я слушал и смотрел на Федосову широко раскрытыми глазами и ртом, выдавшись вперед», — вспоминал ученый позднее (оп. 2, № 21, л. 4). В Нижнем Новгороде впервые услышал

П. С. Богословский и волжские народные песни в исполнении Ф. И. Шаляпина.

К изучению фольклора подталкивали и родственные связи юного П. С. Богословского. Муж одной из его родственниц, Василий Ефимович Попов, еще 1880 г. издал сборник «Народные песни, собранные в Чердынском уезде Пермской губернии», основанный на записях, сделанных им от своей жены — Александры Петровны.

Уже двенадцатилетним мальчиком П. С. Богословский приобщился к собирательской работе: «... в 1902 г. завел специальную тетрадь, куда записывал пословицы, поговорки, услышанные мною в живой речи. Это был мой первый опыт собирательской работы. Больше всего я записал пословиц, поговорок от А. Д. Соловаровой, большинство относилось к Каме и сольнопромышленности» (оп. 2, № 21, л. 3). К сожалению, большинство дореволюционных записей П. С. Богословского погибли еще в 1919 г., о чем он сообщал в одной из своих статей,³⁶ где опубликовал случайно уцелевшие несколько текстов, записанных в 1912 г. от Павлы Андреевны Горлаевой.

Из фольклористических публикаций П. С. Богословского наибольшую ценность представляют его статьи двадцатых годов. Уже давно стала классической его работа о номенклатуре свадебных чинов.³⁷ Этот труд сразу же высоко был оценен специалистами. А. И. Никифоров, один из самых талантливых представителей фольклористики, вошедших в науку в первые послеоктябрьские годы, писал ученому 23 ноября 1927 г.: «Вашу книжку „К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов“ я получил. Благодарность моя Вам особенно велика потому, что книгу эту я считаю очень ценным вкладом в этнографическую и фольклорную литературу. Вам пришла действительно счастливая мысль дать такой справочник, который насущно необходим, и выполнен этот справочник исключительно хорошо. Особенно хороша точная библиографическая документальность» (оп. 3, № 154, л. 1).

Продолжает сохранять научный интерес серия статей ученого по проблемам взаимосвязи устной народной традиции и древнерусской литературы. Для П. С. Богословского было характерно вынесенное им с дореволюционных студенческих времен понимание того, что «письменность и народное творчество — две разновидности одного культурного и творческого организма — русской литературы».³⁸ Исследователь утверждает тезис о влиянии древнерусской письменности, особенно апокрифической литературы, на устную традицию и на ряде примеров показывает схождения сюжетов средневековой литературы и фольклорных повествований: мотив о неосторожном упоминании черта и появлении его перед человеком;³⁹ мотив о закреплении нечистой силы в сосуде;⁴⁰ загадка «брат же мой иде чрез ноги в нави зрети» (с отгадкой: бортник вешает ульи высоко на дереве, вследствие чего подвергается опасности упасть и разбиться), нашедшая себе место в «Повести о муромском князе Петре и супруге его Февронии» и зафиксированная в искаженном виде «Пошел мужик в лес сучья рубить и на смерть глядеть» в Оханском уезде.⁴¹

В фонде П. С. Богословского сохранилась разрозненная тетрадь 1920-х гг., озаглавленная «Из области взаимодействия устного народного творчества и древнерусской письменности» (оп. 1, № 22).

Здесь находится несколько статей по указанной теме. Кроме названных выше опубликованных работ, тетрадь содержит этюды «„Евангельская песнь“ в записи этнографа В. Серебренникова» (о виршах духовного содержания, входивших в репертуар зырянских нищих), «К литературной истории Жития Мины цареградского» (о сходениях между Житием и духовным стихом о жене милосердой), «Стих об Адаме („Плач“) из старообрядческой рукописи», «Апокрифический „Сон Богородицы“ в оханском фольклоре». Здесь же собраны материалы по таким памятникам народной культуры, как «Сказание о двенадцати пятницах», «Сказание Мефодия Патарского», «Сон Богородицы», «Иерусалимский список», «Хождение Богородицы по мукам» и др.

Без сомнения, исследование П. С. Богословского по взаимосвязям древнерусской письменности и народной поэзии, будь оно закончено, могло бы стать заметным событием в истории русской филологии. Однако уже к концу двадцатых годов стало ясно, что жанры устной словесности, отражающие христианское мировоззрение русского народ, в глазах властей являются крамольными. Официальная фольклористика старательно выхолащивала многомерность народного творчества, низводя все его содержание до мотивов бедности и угнетенности крестьянства, социального протеста и сатиры. К началу тридцатых годов П. С. Богословский понял, что данная тема для него закрыта.

Архивные материалы в значительной мере расширяют наше представление о П. С. Богословском-фольклористе. Фонд содержит материалы по двум экспедициям, в которых он принимал участие. Первая состоялась весной 1917 г. и ставила перед собой археографические, диалектологические и фольклористические задачи. Осуществлена она была на средства Н. В. Мешкова. Участвовали в ней П. С. Богословский, А. П. Кадлубовский, И. Г. Раев и С. П. Галкин. Маршрут экспедиции проходил по Каме и Вишере. В Чердыни экспедиционеры познакомились с древними актами, хранящимися в местном музее и в личном собрании богатых промышленников Алиных. В Чердыни же произошло соприкосновение П. С. Богословского с былинной традицией. «Алины специально для нашей экспедиции вызвали с Печоры сказителя Плотникова, который был помещен в том же доме, где и мы. Плотников — старик с богатым репертуаром былинной поэзии. Кстати, он пропел нам много песен из свадебной обрядности, причем большинство свадебных песен Плотникова очень близко по стилю стоит к «вольным» текстам из Сборника Кириши Данилова. Я записал от Плотникова ряд интереснейших свадебных наговоров дружек», — сообщает ученый в своих воспоминаниях (оп. 2, № 27, л. 16). К сожалению, записи 1917 г., по-видимому, погибли: в архиве П. С. Богословского их нет.

Фольклорные записи экспедиции 1930 г. в Добрянский район Пермской области частично сохранились: тетрадь с плясовыми песнями Ивана Голубцова из с. Голубята (оп. 1, № 121); свадебные, хороводные, проголосные песни (оп. 1, № 120, л. 14—34); прозаический пересказ былинных сюжетов об исцелении Ильи Муромца и Соловье Разбойнике (оп. 1, № 120, л. 5—13).

Собственноручные записи народной поэзии в архиве П. С. Богословского весьма немногочисленны. Большая часть их, по видимому, погибла. Тем не менее фонд П. С. Богословского может представлять для фольклористов значительный интерес. Дело в том, что, как свидетельствуют документы, П. С. Богословский в 1920-е—1930-е гг. был одним из координаторов фольклорно-собирательской работы на Урале. К нему, как к авторитетному специалисту по народной поэзии, обращались фольклористы-любители, ему они доверяли свои материалы. Записи фольклористов-любителей, хранящиеся в фонде П. С. Богословского, являют собой довольно значительную коллекцию и составляют ед. хр. 82—123 в описи № 5. Среди этих материалов привлекает внимание общая тетрадь с песенным фольклором из Оханского и других уездов Пермской губернии, принадлежавшая собирателю Ворошилову (оп. 5, № 83). Записи эти сделаны в дореволюционной и современной орфографии, и относятся, по видимому, к 1910-м—началу 1920-х гг. Хороводные песни из Мамлыжского уезда Вятской губернии представлены в записи учителя Н. И. Пантюхина (оп. 5, № 99). Целый ряд рукописей содержит материал по свадебному фольклору. Записи Валентина Николаевича Серебренникова в Вятском и Пермском крае составляют ед. хр. 103—105. Рукопись собирателя Н. Горева содержит ценные сведения по свадебному обряду Шадринского региона (оп. 5, № 85). Материал по свадьбе содержится и в рукописи крестьянина И. В. Иванова «Свадебные обычаи и песни крестьян Стряпунинской волости Оханского уезда Пермской губернии» (оп. 5, № 97). Подробная характеристика фольклорных материалов Пермского края в архиве П. С. Богословского дана в работах З. И. Власовой, поэтому мы на этом вопросе больше не останавливаемся.⁴²

В московский период жизни, в 1932—1935 гг., к П. С. Богословскому стали стекаться фольклорные материалы и из регионов, не относящихся к Уральскому краю. В частности, одним из корреспондентов ученого был собиратель из Костромской губернии Михаил Михайлович Зимин. Этот фольклорист-любитель оставил довольно заметный след в краеведении Костромского края.⁴³ В фонде П. С. Богословского материалы М. М. Зимина составляют целый блок (оп. 5, № 87—96). Это записи песенных жанров, свадебного обряда, детского фольклора, частушек из Костромского региона, сделанные им в 1920-е гг. Наибольшую ценность представляют песенно-эпические формы, зафиксированные собирателем в том же крае: былинный текст, контаминирующий сюжеты о Скимине-звере и о Добрыне Никитиче и неудавшейся женитьбе Алеши Поповича (оп. 5, № 88, л. 1); былина об Илье Муромце на корабле (л. 8); духовный стих о разорении Соловецкого монастыря (л. 3—7); историческая песня об Александре I и декабристах, известная по зачине «Царя требуют в сенат» (л. 9); историческая песня о Платове-казаче (л. 10); баллады на сюжет «Монашка сына родила» (л. 11) и «Муж-разбойник убивает брата своей жены» (л. 12). Особенно интересны в ряду перечисленных произведений записи былин, вносящие новый, дополнительный штрих в решение проблемы географического распространения этого жанра.

В 1932—1935 гг., в первый московский период жизни, научная деятельность П. С. Богословского продолжает быть тесно связанной с фольклористикой. Но как уже было сказано, научное значение статей этого времени невелико. Диссертация же по Сборнику Кирши Данилова так никогда и не была издана. Таким образом, для истории науки о народной словесности П. С. Богословский остается ученым только 1920-х гг. В дальнейшем он практически никак не влиял на развитие фольклористики. Судьба П. С. Богословского как фольклориста оказалась драматичной. Тоталитарный режим не дал возможности развернуться во всей многогранности таланту этого чуткого знатока народной словесности.

П. С. Богословский как литературовед, специалист по литературе XIX—начала XX вв., равным образом, как и П. С. Богословский-фольклорист, также выросал на почве краеведения. Практически все темы по истории русской литературы, которыми занимался ученый, связаны с Пермским краем. В двадцатые годы он воскресил из небытия имя Анны Александровны Кирпищиковой, пермской писательницы, сотрудничавшей с некрасовскими «Современником» и «Отечественными записками». В 1926 г. А. А. Кирпищикова была еще жива. П. С. Богословский устроил в ее честь вечер в Пермском университете, посвятил ее творчеству специальную статью.⁴⁴ В архиве ученого находится ряд документов, связанных с А. А. Кирпищиковой: ее воспоминания о хлопотах по поводу арестованного в 1886 г. в Петербурге сына и автобиография, написанная ею по просьбе П. С. Богословского (оп. 6, № 15, 16).

Естествен для П. С. Богословского интерес к творчеству Д. Н. Мамина-Сибиряка, уроженца Висимо-Шайтанского завода Пермской губернии. В 1923 г. ученый опубликовал статью где стремился доказать, что Д. Н. Мамин-Сибиряк не просто бытописатель Урала, этнограф, каковым он представлялся многим, а писатель национального масштаба.⁴⁵ В двадцатые годы, как следует из названной статьи, П. С. Богословский писал монографию о Д. Н. Мамине-Сибиряке. Работа эта, по-видимому, осталась незаконченной, и следов ее в архиве исследователя не содержится. Однако имя П. С. Богословского как специалиста по творчеству Д. Н. Мамина-Сибиряка было хорошо известно филологам. В 1930 г. П. С. Богословскому пишет Н. К. Пиксанов с предложением взять на себя комментирование произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка, издание которых предполагалось в издательстве «Художественная литература» (оп. 3, № 169). Результатом этого сотрудничества стало издание в 1934 г. романа «Приваловские миллионы»⁴⁶— со вступительной статьей и комментариями П. С. Богословского. В том же 1934 г. А. С. Ладейчиков, редактор Свердловского издательства, обратился к ученому с той же просьбой о комментировании произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка (оп. 3, № 124). П. С. Богословский написал для Свердловского издательства подробные и содержательные комментарии к таким произведениям, как «Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Бойцы», «Три конца» (см. черновые рукописи, машинописные варианты к данной теме: оп. 1, № 20, 24, 25, 27, 28), но вышло в свет это издание уже после ареста исследователя.⁴⁷ С выплатой гонорара, естественно, произошли проволочки, и Алек-

сандре Николаевне Богословской, жене ученого, пришлось обращаться в суд для решения этого вопроса (см. документы по судебному иску — оп. 2, № 37).

Имя А. Н. Радищева в сфере внимания П. С. Богословского также вошло в связи с тем, что в «Записке путешествия в Сибирь» (1790—1791 гг.) и в «Дневнике путешествия из Сибири» (1797 г.) писатель давал характеристику Пермско-Уральскому краю.⁴⁸ Интерес к А. И. Герцену определили пермским эпизодом в жизни писателя.⁴⁹ Ссылка в Пермь Н. И. Гулака, деятеля украинофильского движения, была главной побудительной причиной того, что П. С. Богословский собрал материал к биографии этого представителя российской культуры (см. оп. 1, № 129).

Особое место в научных интересах П. С. Богословского занимало творчество В. Я. Шишкова. П. С. Богословский и В. Я. Шишков были лично знакомы. «Моя первая встреча с Вячеславом Яковлевичем Шишковым произошла в октябре 1924 г., в Крыму, в знаменитой Гаспре, связанной с именами многих выдающихся представителей русской культуры <...> С первых же бесед о литературе, о русской культуре, о советских писателях и творчестве вообще наши с Вячеславом Яковлевичем отношения приняли дружеский характер, и через месяц мы расстались уже крепкими друзьями. Сразу же началась у нас переписка», — вспоминал П. С. Богословский в пятидесятые годы, публикуя 12 писем писателя.⁵⁰

В. Я. Шишков бывал в пермском доме Богословских; ученый также гостил у Шишковых в Детском Селе. В архиве сохранились фотографии, где В. Я. Шишков снят вместе с П. С. Богословским (оп. 2, № 59, 60). Огромный интерес представляют письма писателя к П. С. Богословскому (оп. 3, № 231, 232 — всего 66 писем за 1925—1944 гг.), причем совершенно очевидно, что это только часть эпистолярной. Так, в архивных материалах писем В. Я. Шишкова, которые П. С. Богословский опубликовал, нами не обнаружено.

Слова П. С. Богословского о дружеском характере отношений с В. Я. Шишковым не являются преувеличением. Писатель живо откликнулся на все проблемы П. С. Богословского, стремился ему помочь, подбодрить в трудные минуты жизни. 21 января 1932 г., например, узнав о пермских «неприятностях» ученого, он пишет: «Печальное письмо Ваше получил. В таких тяжелых случаях жизни самое главное — спокойствие, выдержка, терпение, уверенность в себе. Вы же сами хотели сменить педагогическую деятельность, которая отняла от Вас много сил, на более легкую. Вот случай и помог: худшее может внезапно обернуться в лучшее, именно в то, к чему Вы стремились <...> — к научно-исследовательской работе собственно» (оп. 3, № 232, л. 17). Как можно понять из этого же письма, В. Я. Шишков предпринимал какие-то шаги для решения вопроса о переезде П. С. Богословского из Перми: «Не сегодня-завтра я буду говорить о Вас с профессором Никольским, а может быть и с президентом Академии Карпинским — я знаком с ним. О результатах напишу через два-три дня» (там же).

Судя по письмам В. Я. Шишкова, в середине 1925 г. П. С. Богословский задумал писать большое исследование о творчестве писателя. В. Я. Шишкову идея понравилась, и он охотно присылает

П. С. Богословскому свои произведения, изданий которых нет в Перми, сообщает о жизненных фактах, легших в их основу, делится с ученым творческими планами. Осенью 1927 г. первый вариант монографии был закончен, и В. Я. Шишков с ней познакомился: «Общую оценку кропотливого, честного Вашего труда мне, по некоторым причинам, не зависмым от публики, сказать трудно. Я бы сказал — хорошая работа, но требующая значительного сокращения в одних местах, дополнения в других и некоторой переработки <...> Я вместе с тем настаиваю, чтобы все отрицательные стороны моего творчества, выявленные Вами, не только остались, но были бы умножены вдвое, втрое: Вы слишком милостливы ко мне и добры».⁵¹ В. Я. Шишков берет на себя переговоры с издательствами по поводу публикации монографии. Но все попытки издать книгу остались безуспешными. Переговоры с издательствами «Федерация» и «Заводы и фабрики» ничего не дали. 4 апреля 1929 г., вернувшись из Москвы после еще одной неудачной попытки, писатель сообщал П. С. Богословскому: «Книгу Вашу читал редактор <...> Свистунов Илья Яковлевич. Он дал отрицательный отзыв, который будет вам сообщен. Вся беда в том, что, по его словам, в работе совершенно отсутствует марксистский подход (метод), а это теперь — смертный грех. По его мнению, такую книгу не разрешат и в Перми (если там есть сознательные коммунисты), а если и разрешат, то исключительно для того, чтобы потом сделать Вам неприятность <...> Я же лично Вашу книгу ценю: она вполне научна, добросовестно продумана. Только малость длинновата» (оп. 3, № 231, л. 54 об.).

Машинопись этого большого исследования, не отвечавшего «марксистскому методу» — «Вячеслав Шишков. Опыт монографического обзора жизни и творчества» — хранится в фонде П. С. Богословского (оп. 1, № 1—2). Эта работа, во многом основанная на многочисленных письмах писателя к ученому, и до сих пор представляет огромный интерес как документальный источник для изучения творчества В. Я. Шишкова. Опубликованная вовремя, она, без сомнения, была бы заметным явлением в кругу исследований, посвященных творчеству автора «Угрюм-реки». К сожалению, из своих многочисленных наработок по творчеству В. Я. Шишкова П. С. Богословскому удалось напечатать только статью о взаимоотношениях В. Я. Шишкова с А. М. Горьким.⁵² Как видим, все крупные исследования ученого — труд о взаимосвязях древнерусской литературы и фольклора, работу по Сборнику Кириши Данилова, монографию о Вяч. Шишкове, и даже безупречную в идеологическом плане работу «Ленинская национальная политика и фольклор» — постигла одна и та же судьба: они никогда не увидели свет.

Дружеские связи П. С. Богословского и В. Я. Шишкова определялись не только исключительно взаимоотношениями «литературовед»/«писатель»; это была дружба двух людей, каждый из которых знал радость художественного творчества.

Склонность П. С. Богословского к литературному творчеству обозначилась еще в подростковом возрасте и замешана она была опять-таки на его любви к преданиям родного края. «В 1904 году я, находясь под впечатлением легенд и былей о камских вольных людях, написал повесть, где фигурировали бурлаки, разбойники. По-

весть заняла несколько десятков страниц и была насыщена преданиями, песнями. Сказалось сильное влияние „Юрия Милославского“, „Князя Серебряного“ и многих других романтических произведений, которыми я тогда зачитывался», — вспоминает ученый в своей развернутой автобиографии (оп. 2, № 21, л. 4 об.).

Первый опубликованный рассказ относится, как свидетельствует тот же документ, к 1906 г. Нам не удалось пока обнаружить тот печатный орган, где П. С. Богословский выступил в качестве начинающего писателя. Произведением же этим, скорее всего был рассказ «Вино погубило», вошедший в его сборник «Жизнь зовет: Рассказы, очерки, воспоминания» (Пермь, 1913). Под этим рассказом стоит дата 9 декабря 1906 г. Сюжет рассказа характерен для произведений, посвященных народному быту: крестьянин едет в город продать живность, заходит в винную лавку, где случайные собутыльники спаивают его, крадут деньги и лошадь, после чего герой замерзает недалеко от собственного дома, оставив сиротами своих детей.

Литературным творчеством П. С. Богословский продолжал заниматься и на протяжении всех студенческих лет. Произведения, написанные в этот период, и составили названный выше сборник «Жизнь зовет». Все произведения, как можно судить, автобиографичны в своей основе. Камские впечатления отразились в рассказе «На плотках». Воспоминания детства — о том, как он заблудился в лесу, откуда его вывел лесник, — составили сюжет рассказа «В лесу». В рассказе «По окончании семинарии» рисуется бывший семинарист, ищущий себе невесту накануне принятия священнического сана. Эта тема также была близка П. С. Богословскому по семейным впечатлениям. Ряд произведений связан с жизнью петербургского студенчества («Жизнь зовет», «После бала», «Иван Андреевич» и др.).

В зрелые годы П. С. Богословский не оставляет литературного творчества, хотя опубликовать свои художественные произведения ему больше нигде не удалось. В архиве ученого сохранились два больших произведения — «Костаревская бригада» и «Университетская история». Роман «Костаревская бригада» (оп. 1, № 154, 155) был закончен в июле-августе 1932 г. и в архиве ученого сохранился в машинописном виде (второй экземпляр). Повествование развивается вокруг комсомольской бригады Мишки Костарева, которая увлечена собиранием материалов по истории своего завода. В образе одного из героев романа, старого российского интеллигента Дергачева, краеведа, явственно прочитываются автобиографические черты. П. С. Богословский сделал попытку напечатать роман, но рукопись была отвергнута. Из журнала «Молодая гвардия» был получен такой ответ: «Ваш роман „Костаревская бригада“ следует признать неудачным. По рукописи (сильно растянутой) получается неверное представление о комсомоле, о роли молодежных бригад на производстве. Костаревская бригада, которая нигде Вами не показана в цеху, у станков, только и занимается историей завода» (оп. 1, № 154, л. 50). Идеологический упрек звучит вполне в духе времени. Однако справедливости ради надо сказать, что роман, действительно, растянут и не может быть признан художественной удачей.

Роман «Университетская история» (оп. 1, № 156, 157) П. С. Богословский начал писать, по-видимому, еще в начале двадцатых годов; продолжил же работу над ним в феврале 1936 г., во время своего пребывания в КАРЛАГе. Это произведение, кажется, закончено не было. Во всяком случае в архиве сохранились только его рукописные фрагменты. Действие романа происходит в университетской среде выдуманного города Биармии, в котором легко узнается Пермь. Некоторые образы этого произведения (Грушанский, Павловский) автобиографичны в своей основе. Без сомнения, имеют своих прототипов и другие герои этого произведения. С замыслом романа П. С. Богословский познакомил В. Я. Шишкова. На склоне лет не без гордости ученый отмечал в своих мемуарах: «... с 1924 г., в беседах со мной Вячеслав Яковлевич Шишков, ознакомившийся с моими произведениями и планами творческой работы, очень досадовал, что я оставил литературную работу. Его очень заинтересовал мой рукописный роман „Университетская история“» (оп. 2, № 23, л. 19). Думается, писатель был слишком снисходителен к П. С. Богословскому как к художнику слова. Однако роман являет собой определенный интерес как художественное отражение истории Пермского университета.

Архивный фонд П. С. Богословского, как мы пытались показать, представляет большой интерес не только как источник для восстановления научной биографии этого видного ученого. Здесь сосредоточены документы, которые являются важным материалом в исследовании многих тем: устная народная поэзия Пермского края и других регионов; рукописная традиция Прикамья; учебные заведения Перми и их история (духовные училища, семинарии, университет); деятельность Кружка по изучению Северного края и Литературно-театрального музея; творчество В. Я. Шишкова; политические репрессии в тридцатые годы и т. д. Документы эти, без сомнения, найдут своего исследователя.

¹ См. библиографический указатель трудов П. С. Богословского, правда, крайне неполный и страдающий многими ошибками: *Шару А. К.* Богословский Павел Степанович (Библиографические материалы). Пермь, 1966. Работы ученого также зафиксированы в следующих отраслевых библиографиях: 1) Русский фольклор: Библиографический указатель. 1917—1944 / Сост. М. Я. Мельц. Л., 1966; 2) *Дробленкова Н. Ф.* Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII вв. за 1917—1957 гг. М.; Л., 1961; 3) История русской литературы XIX века: Библиографический указатель / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л., 1962; 4) История русской литературы XVIII века: Библиографический указатель / Сост. В. П. Степанов и Ю. В. Стенник. Л., 1968. О П. С. Богословском см.: *Кашихин Л. С.* Фольклорист, литературовед // Календарь-справочник Пермской области. 1970. Пермь, 1969. С. 76—77.

² *Мальшев В. И.* Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома // Русская литература. 1967. № 1. С. 196.

³ *Мальшев В. И.* Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома // Русская литература. 1968. № 2. С. 203.

⁴ *Ромодановская Е. К.* Повесть о Димитрии кесаре Римском // Труды отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л., 1969. Т. 24. С. 218—222.

⁵ *Мазунин А. И.*: 1) Наследие пытливого искателя // Уральский следопыт. Свердловск, 1968. № 1. С. 48—49; 2) Уральские материалы в собрании рукописей П. С. Бо-

гословского // Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь, 1969. № 192: Кафедра рус. яз. и общего языкознания. Лексика. Грамматика. Материалы и исследования по русскому языку. С. 123—126.

⁶ Личные архивные фонды в хранилищах СССР. Указатель. М., 1980. Т. 3. С. 59. № 925.

⁷ *Богословский П. С.* Университет в Перми (К переводу Юрьевского университета в Пермь) // Пермские губернские ведомости. 1915. 21 нояб.

⁸ Журналы заседаний Комитета Пермского церковно-археологического общества // Известия Пермского епархиального церковно-археологического общества. Пермь, 1915. Вып. 1. С. 3—46 (2-я пагинация).

⁹ *Богословский П. С.*: 1) Из собрания церковной старины при Пермском церковно-археологическом обществе // Известия Пермского епархиального церковно-археологического общества. Пермь, 1915. Вып. 1. С. 24—31; 2) Вновь поступившие в Древлехранилище церковно-археологического общества предметы // Там же. С. 59.

¹⁰ *Богословский П. С.* Подземный ход и археологические раскопки в селе Пыскоре Соликамского уезда // Там же. С. 92—140.

¹¹ *Богословский П. С.* Замечательная надпись XVII века, высеченная на каменной церкви Верх-Боровского села Чердынского уезда // Там же. С. 80—82.

¹² *Богословский П. С.* Архимандрит Иакинф (Со старинной рукописи) // Там же. С. 67—79.

¹³ *Богословский П. С.* К вопросу о материальном положении духовенства в Пермском крае в первой четверти XVIII столетия по архивным данным // Там же. С. 32—36.

¹⁴ *Богословский П. С.* Рукопись на бересте // Там же. С. 37—40.

¹⁵ *Богословский П. С.* Строгановский крест (нач. XVII в.) // Материалы по изучению Пермского края / Перм. науч.-пром. музей. Пермь, 1915. Вып. 5. С. 1—5.

¹⁶ *Богословский П. С.* Верхотурские царские грамоты (нач. XVII века) // Там же. С. 10—32.

¹⁷ *Богословский П. С.* К восстановлению и реорганизации Пермского научного музея // Экономика. 1924. № 12 (19). С. 83—84. См. также о музее в других работах П. С. Богословского: 1) На путях к культурному и экономическому возрождению // Экономика. 1923. № 2—3. С. 68—70; 2) Краеведческая работа в г. Перми, ее перспективы и областное значение // Экономика. 1923. № 9. С. 53—58.

¹⁸ О деятельности Кружка см. в статьях П. С. Богословского: 1) Краеведческая работа при Пермском университете // На третьем фронте. Пермь, 1923. № 1. С. 94—95; 2) Кружок по изучению Северного края при Пермском университете // Север. Вологда, 1923. Кн. 2. С. 224—226; 3) К изучению края (о краеведческой работе в Пермском университете) // Экономика: Ежемесячный орган Пермского губернского экономического совещания. 1923. № 1. С. 33—34; 4) На путях к культурному и экономическому возрождению // Экономика. 1923. № 2—3. С. 68—70; 5) Кружок по изучению Северного края при Пермском университете и его деятельность (Краткий отчет. Янв. 1923—март 1924 гг.) // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып. 1. С. 97—100; 6) О деятельности кружка по изучению Северного края при Пермском университете // Экономика. 1925. № 2—3 (33—34). С. 70—71; 7) О Кружке по изучению Северного края при Пермском университете // Экономика. 1926. № 5 (36). С. 86—87; 8) Кружок по изучению Северного края при Пермском университете // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 177—180; 9) Кружок по изучению Северного края при Пермском университете // Известия Центрального бюро краеведения. 1929. № 2. С. 25. См. также: *Бояршинов М. К.* Кружок по изучению Северного края при Пермском университете // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 177—180; *М. Б.* В Кружке по изучению Северного края при Пермском университете // Кунгурско-Красноуфимский край. 1925. № 8—10. С. 38. — Авт.: М. К. Бояршинов.

¹⁹ См.: *Толстой А. Н.* Собрание сочинений: В 15 т. М.; Л.: ГИЗ, 1927—1931. Речь, по-видимому, идет о т. 13 (Любовь — книга золотая и другие пьесы).

²⁰ Имеется в виду издание: *Толстой А. Н.* Сочинения. Т. 10: Комедии о любви. М.: Книгоиздательство писателей, 1918.

²¹ *Толстой А. Н.* Горький цвет: Пьесы. Берлин: Русское универсальное изд-во, 1922.

²² Письма Л. Н. Толстого / Собр. и ред. П. А. Сергиенко. М., 1911. Т. 2. С. 178—179.

²³ *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. Сер. третья: Письма. М., 1954. Т. 70—71. С. 23—24. № 23.

²⁴ *Круглов Алексей Николаевич* (1866—1902) — оперный певец (баритон). Выступал в Казани, Одессе, Киеве, Перми и других провинциальных городах. См.: *Иванов А. С.* Круглов Алексей Николаевич // Музыкальная энциклопедия. М., 1976. Т. 3. С. 66.

²⁵ Девос-Соболева Елена Викторовна (1875—1945) — певица (лирико-колоратурное сопрано) и педагог. Родилась в Бельгии, с 1880 г. жила в России. С 1898 г. пела в оперных антрепризах Перми, Нижнего Новгорода и других провинциальных городов. В 1918—1921 гг. — солистка театра Пролеткульта и преподаватель народной консерватории в Нижнем Новгороде. В 1923—1940 гг. — профессор Ленинградской консерватории. См.: *Зарубин В. И. Де-Вос-Соболева Елена Викторовна // Музыкальная энциклопедия. М., 1974. Т. 2. С. 182.*

²⁶ Пермский сборник. Пермь, 1859. Кн. 1; 1860. Кн. 2.

²⁷ *Дмитриев А. А.* Пермская старина: Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. [В 8 вып.]. Пермь, 1889—1900.

²⁸ *Богословский П. С.* Уральский список «Горя от ума» 1829—1831 гг. // Ученые записки Пермского государственного университета. № 1. Отд. Общественные науки. Вып. 1. Пермь, 1929. С. 195—218.

²⁹ См.: *Богословский П. С.*: 1) Первое совещание по фольклору при оргкомитете Союза советских писателей в Москве 15 декабря 1933 г. // Сов. краеведение. 1934. № 1. С. 68—69. — Подпись: П. Б.; 2) Работа ЦБК в области фольклора // Сов. краеведение. 1934. № 2. С. 63—64; 3) О советском революционном эпосе и методике его собирания и изучения (спорные вопросы доклада Мирера и Боровика «Рабочие сказки о Ленине») // Сов. краеведение. 1934. № 7. С. 39—46. — Подпись ошибочно: П. Богуславский; 4) О фольклоре гражданской войны и методике его собирания // Сов. краеведение. 1934. № 11. С. 35—40; 5) Фольклор в работах Центрального бюро краеведения // Сов. этнография. 1934. № 1—2. С. 19—20; 6) [Рец. на изд.: Советский фольклор. Статьи и материалы. Л., 1934] // Там же. С. 54 и др.

³⁰ См. библиографию работ П. С. Богословского, подготовленную А. К. Шарцем.

³¹ *Богословский П. С.* Песня об Усах из Сборника Кириши Данилова и камская волница. Опыт анализа и локализации текста // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1928. Вып. 4. С. 1—117.

³² *Н. Ф.* [Рец. на кн.: Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1928. Вып. 4] // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете. 1929. Т. 34, вып. 3—4. С. 351.

³³ См.: *Шакинко И.* Кириша Данилов и Урал // Урал. 1989. № 12. С. 145—147; *Горелов А. А.* Кириша Данилов — реальное историческое лицо // Русский фольклор: Эпические традиции. СПб., 1995. Т. 28. С. 97—110. См. также недавно вышедшую статью А. А. Горелова, где подробно проанализирована диссертация П. С. Богословского (отметим, кстати, что А. А. Горелов ссылается на временные номера единиц хранения в архиве ученого): *Горелов А. А.* П. С. Богословский — исследователь Сборника Кириши Данилова // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. С. 280—297.

³⁴ Шиши — прозвище двух друзей-студентов.

³⁵ *Богословский П. С.* Литературно-фольклорный музей // Звезда. 1947. 31 дек., № 259.

³⁶ *Богословский П. С.* Материалы по народному быту, фольклору и литературной старине // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып. 1. С. 72.

³⁷ *Богословский П. С.* К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов (по данным этнографической литературы и рукописным материалам Русского географического общества) // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1927. Вып. 3. С. 1—63.

³⁸ *Богословский П. С.* Из местных историко-литературных разысканий (I—III) // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 20.

³⁹ *Богословский П. С.* Демонологический рукописный мотив и северная сказка // Север. Вологда, 1923. Кн. 2. С. 170—173.

⁴⁰ *Богословский П. С.* Рукописная традиция в Шадринском фольклоре // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып. 1. С. 66—70.

⁴¹ *Богословский П. С.* Из местных историко-литературных разысканий. III. Оханская загадка и житийная литература. Определенное значение имеют и другие опубликованные работы ученого периода двадцатых годов. См.: *Богословский П. С.*: 1) Кунгурские рукописные заговоры и их научное значение // Кунгурско-Красноуфимский край. 1925. № 3. С. 25—28; 2) Крестьянская свадьба в десах Вильвы Пермского округа // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 128—159; 3) Обработка льна и „копотиха“ в Добрянском районе Пермского округа // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1927. Вып. 3. С. 105—117.

⁴² *Власова З. И.* 1) Фольклорное наследие П. С. Богословского (Материалы пермского фольклора в архиве П. С. Богословского) // Фольклор и литература Урала: Тезисы докладов, сообщения. Пермь, 1971. С. 69—70; 2) Фольклорные материалы в архиве

П. С. Богословского // Фольклор Урала: Бытование фольклора в современности (на материале экспедиций 60—80-х годов). Свердловск, 1983. С. 147—156.

⁴³ См. о нем подробнее: Материалы М. М. Зимина из архива Д. К. Зеленина / Публ. Т. Г. Ивановой // Русский эротический фольклор: Песни. Обряд и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки. М., 1995. С. 527—536.

⁴⁴ *Богословский П. С.* Сотрудница «Современника» и «Отечественных записок», пермская писательница А. А. Кирпищикова // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 74—93.

⁴⁵ *Богословский П. С.* Памяти писателя-пермяка Д. Н. Мамина-Сибиряка // Научно-педагогический вестник. Пермь, 1923, № 1. С. 48—61. См. также: К анализу социальной типологии Мамина-Сибиряка // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1928. Вып. 4. С. 238—271.

⁴⁶ *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Приваловские миллионы / Ред., статьи и коммент. П. С. Богословского. М., 1935.

⁴⁷ *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Избранные сочинения: В 5 т. Свердловск, 1935. Т. 1—3.

⁴⁸ *Богословский П. С.*: 1) Сибирские путевые записки Радищева, их историко-культурное и литературное значение. С приложением материалов о Пермском крае // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып. 1. С. 1—28; 2) Радищев в Сибири // Сибирские огни. 1926. № 3. С. 112—123.

⁴⁹ *Богословский П. С.* Александр Иванович Герцен // Герцен А. И. Кто виноват? Роман в 2-х частях. М.; Л.: ГИХЛ, 1933. С. 267—287.

⁵⁰ См.: *Шишков В. Я.* Неопубликованные произведения. — Воспоминания о В. Я. Шишкове. — Письма. Л., 1956. С. 367. Расширенный вариант воспоминаний о В. Я. Шишкове см.: *Богословский П. С.* Друг // Воспоминания о В. Я. Шишкове. М., 1979. С. 100—104. См. также: Письма В. Я. Шишкова к П. С. Богословскому / Публ. З. И. Власовой // Русская литература. 1973. № 4. С. 146—152; *Бахметьев В.* Вячеслав Шишков: жизнь и творчество. М., 1947 (где использованы некоторые письма писателя к П. С. Богословскому).

⁵¹ *Шишков В. Я.* Неопубликованные произведения. С. 269—270.

⁵² *Богословский П. С.* Три неизданных письма Горького // Труды Орехово-Зуевского педагогического института. Кафедра языка и литературы. М., 1936. С. 35—40.

Л. Н. Иванова

К БИОГРАФИИ Л. Н. АНДРЕЕВА

(по материалам коллекции Ф. Ф. Фидлера)

Данная статья имеет цель лишь предварительного знакомства с архивными материалами о Леониде Андрееве в коллекции Федора (Фридриха) Федоровича Фидлера (1859—1917).¹

Немец по происхождению, известный в Петербурге преподаватель немецкого языка в нескольких учебных заведениях, Фидлер, благодаря таланту, «трудолюбию и плодовитости»,² не менее успешно не одно десятилетие занимался переводами, знакомя немецких читателей с лучшими образцами русской литературы. Однако особое место в жизни Фидлера занимала начатая еще в школьные годы собирательская деятельность. Со временем «коллекция ученика реформатского училища разрослась в целый музей портретов, карикатур и писем русских писателей».³ Многие писатели, актеры, художники, зная, как страстно Фидлер любил литературу («воистину был ее любовником»), несли в его «сокровищницу» памятные вещи, рукописи, книги, фотографии.⁴ «Нет, кажется, ни одного из пишущих, портрета или автографа которого не имелось бы у Фидлера»;⁵ «Страстный коллекционер, он собирает и изучает все, относящееся к избранному им культу, и готовит несомненно интереснейший и бесценный вклад в историю литературного творчества, других искусств современной эпохи»,⁶ — так отзывались о коллекции Фидлера современники, осознающие ее уникальность и обеспокоенные дальнейшей судьбой. Не раз высказывались пожелания о том, чтобы коллекцию «приобрела либо академия наук для специального литературного музея при отделении изящной словесности, либо правительство вообще, сохранив этот музей — как самостоятельное литературное учреждение, как особый литературский пантеон, оставив во главе этого музея его основателя. <...> он сумел бы создать из него нечто такое, чем мы вправе были бы гордиться и что осталось бы интересным памятником для потомства».⁷

К сожалению, этому не суждено было осуществиться. Фидлер скончался во время Февральской революции 1917 г. Надвигалась трагическая эпоха. «Наш милый друг, наш незабвенный „немец“

перехитрил перед своей смертью всех нас, — сокрушался А. А. Коринфский. — <...> вместо Публичной библиотеки, оставил музей и все свое по завещанию дочери». В те годы ни у Академии наук, ни у Публичной библиотеки не нашлось достаточно средств, и собрание было продано известному коллекционеру А. Е. Бурцеву, а затем разрознено и частично утрачено. В 1920—1930-е гг. значительная часть «музея» была приобретена у Бурцева Пушкинским Домом.⁸

Если собственно коллекционные материалы, составившие «музей», Фидлер охотно и с гордостью демонстрировал всем желающим, то вряд ли многие были осведомлены о существовании дневников, которые собиратель вел на протяжении почти тридцати лет (1888—1916). Объемистые тетради в картонных переплетах, заполненные по-немецки, имели общее заглавие: «Из мира литераторов. Характеры и суждения, собранные Фидлером». Несмотря на напряженную педагогическую и литературную деятельность, Фидлер, одержимый стремлением пополнять свою коллекцию, был непререкаемым посетителем и участником всех литературных собраний, юбилейных вечеров, дружеских встреч, театральных премьер, а затем по возможности подробно описывал все, что запомнилось. Автора дневников, пока не оцененных по достоинству,⁹ заботила не столько собственная литературная репутация, сколько избранная им роль летописца, пытающегося зафиксировать мгновения проходящей перед его глазами истории культуры. Поэтому он не затруднял себя ни отделкой стиля, ни попытками обобщений, размышлений. Очевидно, он был убежден (и, как мы теперь видим, — не ошибся), что, оставив потомкам россыпи мельчайших и, на чей-то взгляд, не заслуживающих внимания деталей, подробностей событий, он способствует тем самым созданию как полноценных биографий, так и масштабной картины культурной жизни конца XIX—начала XX века.

Характерно в этом смысле и приводимое ниже описание знакомства Фидлера летом 1905 года с Леонидом Андреевым, личность которого страстный поклонник литературы, разумеется, не мог обойти вниманием. Андреев к тому времени — уже знаменитый писатель, автор сборника «Рассказы» (СПб., 1902) и ряда произведений, ставших крупными литературными явлениями: «Бездна» (1902), «В тумане» (1902), «Жизнь Василия Фивейского» (1904), «Красный смех» (1905) и др.

Знакомству предшествовали встречи и беседы Фидлера, отдыхавшего летом 1905 г. в поселке Райвола (ныне — Солнечное), с М. Горьким, снимавшим дачу в Куоккала (ныне — Репино). Во время одной из бесед Горький «сказал, что неподалеку от меня живет Леонид Андреев, которого он высоко ценит как писателя», — записал Фидлер 28 мая 1905 г.¹⁰ Спустя почти месяц ему удалось побывать в Ваммельсуу (ныне — Молодежное и Серово), где Андреев снимал дачу, и описать все, что предстало его взору.¹¹

10/23 июня 1905 г.

Горький сказал мне, что Леонид Андреев очень простой и приятный человек, для знакомства с которым не требуется особых церемоний; и вот сегодня я отправился к нему в Ваммельсуу (Черная Речка). Это в восьми верстах от станции Райвола, — там, где речка впадает в море. Дом Андреева (фамилия хозяина — Лыжин)¹² стоит прямо у въезда в деревню справа (от нас), на открытом месте, так что вид открывается далеко во все стороны (но моря не видно). Андреев встретил меня очень приветливо. На нем была белая чесунчовая рубаха с поясом и черные штаны, заправленные в высокие сапоги. Он повел меня на застекленную веранду. Неубранный стол с остатками утреннего чая (я приехал в полдень). Я сказал, что здесь совсем нет тени, и он ответил: «Для меня главное — открытый вид. Я люблю небо и могу отсюда смотреть на облака — как они появляются и исчезают. Недавно здесь была буря, и я с удовольствием наблюдал ее от начала и до конца». Он взял мой альбом с автографами и стал читать;¹³ дойдя до имен Францоza, Шпиллгагена и Штинде, сказал, что очень их любит.¹⁴ На мой вопрос, знает ли он немецкий язык, воскликнул: «Это мое несчастье! Из всех языков знаю только русский!» При виде письма Раковицы он воскликнул: «А, Лассаль!»¹⁵ Читая автограф Юшкевича,¹⁶ с досадой покачал головой, рассерженно произнес: «Ах!» и потом сказал: «У него тоже есть литературный музей. Однажды он забыл у меня свою ручку и тотчас в ужасе написал мне, чтобы я сохранил ее, потому что этой ручкой написан один из его рассказов (не могу вспомнить, какой)». Потом он (Андреев) спросил меня: «Вам стоило, наверное, невероятного труда составить столь ценный альбом автографов?!» — «Да», — сказал я и добавил, что почти всякий раз, когда в альбом мне пишут русские писатели, я должен заботиться о том, чтобы они не забыли указать дату и место записи. На это он (Андреев) сказал: «Хорошо, что Вы об этом напомнили: я бы этого тоже не сделал».

Стихов он никогда не писал.¹⁷ И никогда не диктует свои произведения.¹⁸

Он показал мне через стереоскоп несколько своих портретов (любительская работа), где он снят в самых разных ситуациях;¹⁹ при этом он то и дело давал пояснения: «Вот это — тогда я писал „В тумане“... А здесь — „Фивейского“²⁰ и т. д.». Когда я сказал, что на одной из фотографий он похож на А. М. Федорова, он ответил, натянуто улыбувшись: «Это для меня не слишком приятно — я его не люблю».²¹

Взяв альбом, он удалился в свою комнату. Я остался один на веранде и стал разглядывать разбросанные игрушки его двухлетнего сына:²² тетрадь для рисования, саблю и сломанное ружье. Когда он вернулся, я сказал улыбаясь: «Вы пишете против войны, а в своем сыне воспитываете воинственные инстинкты!»²³ На это он ответил: «Во-первых, это влияние моих детских лет, когда я запоем читал Майн-Рида, а во-вторых, я выступаю лишь против войны с людьми, но не со зверьми, к которым отношу полицейских начальников,

генерал-губернаторов, великих князей и т. д.». С недавним приемом депутации народных представителей у императора он не связывает особых ожиданий: они ему только льстили и внушали, будто вся Россия ему доверяет и солидарна с ним. Тем самым он лишь еще более укрепился в своем самообожествлении, а идея народного собрания будет постепенно предана забвению. Или же он поставит в Земском соборе свои креатуры, так что в конце концов получится еще хуже.²⁴

Мы заговорили о «Красном смехе», и он сказал: «Мне ставят в упрек, что я изобразил ужасы войны, не побывав на поле военных действий и не видя их собственными глазами. Но так, ведь, вообще нельзя написать ни одного исторического романа!» Я добавил: «И ни одной исторической драмы, как, например, «Юлия Цезаря» (Шекспир) или «Бориса Годунова» (Пушкин)». Я напомнил также, что и Шиллер написал «Вильгельма Телля», ни разу не побывав в Швейцарии. Андреев слушал меня с явным удовлетворением.²⁵

Потом он сообщил, что собирается написать рассказ «К оружию, граждане!», в котором будет призыв к войне, а именно к войне народа с тиранией правительства. Эту вещь он намерен опубликовать за границей.²⁶ Но сейчас он не может приняться за столь тяжкую работу, поскольку его нервы еще не совсем в порядке: он сам очень страдал, когда писал «Красный смех».

Он сказал: «Я ни за что не хотел бы жить в шумном Куоккала. Алексей (т. е. Горький. — Ф<идлер>) любит, чтобы его постоянно окружали люди. А я — нет. Я люблю только тех, которые мне нравятся».²⁷

До июля он ничего не собирается писать. Но день у него и так проходит незаметно: он фотографирует, ездит на велосипеде, катается на лодке, стреляет из монтекристо (купил его в Выборге) и сооружает воздушного змея для своего сына;²⁸ ему часто приходится ездить в Куоккала, чтобы позировать Репину, однако портрет не нравится им обоим.²⁹

На многих открытках он выглядит эффектнее, красивее. Он моего роста, крупный, с густыми волосами, по-цыгански смуглый; между бровями, прямо под носом, — резко обозначенная горизонтальная черта, словно кто-то порезал ее ножом. Руки его оказались невымыты — под ногтями, по крайней мере, была видна грязь.

За дом он платит 350 руб. Меблировка включает в себя пианино, на котором, однако, никто не играет.

Вокруг дома — обширная лужайка с клумбами, где не растет ни одного цветка. За домом — несколько грядок, на которых растет дикая земляника: он не занимается прополкой сорняков. «Вы и редисками не интересуетесь?» — спросил я с укоризненной улыбкой. «Нет, зато Алексей (т. е. Горький) очень интересуется».

С нами сидела и его жена: очень юное существо, не слишком красивая, но с привлекательным лицом, худенькая, простая и очень приветливая. Они женаты всего лишь четыре года.³⁰

Он (Андреев) зовет Горького не иначе, как «Алексей», а она — «Максимиыч». Она привела и своего сына, который, едва она сделала ему замечание, замахнулся на нее рукой.

Оба просили меня остаться, но меня ждал извозчик.

Они проводили меня до ворот и пообещали приехать — на велосипеде.

Дачное знакомство имело продолжение, о чем свидетельствуют следующие дневниковые записи Фидлера, фотографии писателя с надписями коллекционеру, их переписка.

На лицевой стороне одного из портретов автограф: «Из „Анатэмы“: „Хорошая труба!.. Но почему же она может только с одной стороны?» Леонид Андреев. 1910 г.». На обороте пояснительная запись Фидлера: «Леонид Андреев, играющий на трубе граммофона. Шутливая фотография 1909 г.»³¹

«Привет Федору Федоровичу от прекрасного незнакомца!» — надписывает Андреев фотооткрытку, полученную адресатом в конце июня 1914 г., где он снят на яхте. На обороте, помимо петербургского адреса Фидлера, машинописный текст: «Как это говорится, капитан Джон Линч, он же капитан Дьявол ³² приближался к своему таинственному острову, чтобы предаться там негодяйству. Достаточно взглянуть на эту харю, чтобы оценить и остальное, не смотря даже на костюм. И кто такого родил? И кто такого выкормил? А посмотрите на его матроса, как он глубоко несчастен!»³³ На происхождение фотоснимков так называемой «морской серии» проливают свет некоторые мемуаристы. Об одной из поездок 1914 г. на парусной яхте «Далекий» писал Л. А. Андреев-Алексеевский: «Путь шел из Гельсингфорса в Териоки. Экипаж судна состоял из капитана Л. Андреева, его жены Анны Ильиничны, механика Николая и главной судомойки — А. А. Оля».³⁴ О совместном путешествии на «Далеком» этого же периода вспоминал и А. А. Кипен, особо отмечая, что Андреев затеял «такую красивую волнующую игру» в «морского волка» и тем самым «расточает не столько любви к жизни, столько творческого энтузиазма», вызывая насмешки обывателей. В путешествии был взят фотоаппарат: «Все подробности корабельной жизни увековечиваются на желатиновых пластинках».³⁵

В письме не позднее 21 июля (3 августа) 1908 г. Андреев пригласил:

«Дорогой Федор Федорович! Очень рад буду повидать Вас и побеседовать. Приезжайте ко мне (Райвола, Черная речка, своя дача) в воскресенье 3-го августа с утра, буду ждать Вас. Не назначаю раньше, т. к. сейчас моя жена нездорова (у последней ангина 39 °).

Крепко жму руку.

Леонид Андреев».³⁶

Разумеется, вездесущий и любознательный Фидлер не упустил возможность посетить предмет гордости Андреева — только что построенную дачу, и на следующий день подробно описал свою поездку и впечатления.³⁷ Очевидно, именно об этом посещении сообщал корреспондент «Новой Руси», встретивший на станции Белоостров возвращавшегося из Ваммельсуу Фидлера с бережно запакованным большим портретом Андреева («подаренном ему оригиналом»). В

беседе с корреспондентом Фидлер рассказал о «вилле, построенной в северном стиле», о том, что застал у Андреева Репина, и особо подчеркнул стремление писателя к уединению.³⁸

На приглашение же Андреева в свой «музей» Фидлер потратил немало усилий. «<...> Ах, Леонид Николаевич! — писал он 10 сентября 1908 г. — Не были Вы у нас в Старожилровке,³⁹ не утешили жену мою!⁴⁰ Так порадайте же несказанно и ее и меня: исполните же обещание: навестите нас здесь! Я дома бываю по будням от 6 до 7 веч., а по праздникам до 1 ч. Но если Вы мне заблаговременно напишете, что будете как-нибудь на неделе днем, то я могу раз и пропустить гимназию или институт.

Анна Ильинична любезно выразила желание ознакомиться с моим „музеем“! Милости прошу, очень рад буду, очень! Почтительнейший привет ей! Итак, — пожалуйте, Леонид Николаевич!!!

Крепко жму Вашу руку.

Ф. Фидлер.

С вашим большим портретом произошла целая история в Белоострове — неточно и неполно переданная Плещеевым в „Руси“.⁴¹

При очевидной симпатии и интересе к Фидлеру Андреев, судя по всему, не откликнулся на этот «крик души». Одна из причин, возможно, состояла в особенностях характера писателя, испытывавшего трудности в общении.⁴² Однако, Фидлер не оставляет надежду и пишет 31 января 1909 г.:

«Уважаемый Леонид Николаевич!

Позвольте, после долгих месяцев тщетного ожидания, вновь напомнить Вам <нрзб.> о Вашем письменном и устном обещании — посетить меня и мой литературный „музей“. Всю будущую неделю я с утра к Вашим услугам. Лучше было бы, если бы Вы пожаловали к завтраку (7 ч.) и не только заранее предупредили меня открыткой о дне Вашего посещения, но и назвали мне того и другого из Ваших добрых знакомых — писателей, которых Вам было бы приятно у меня увидеть.

Искренне Вам преданный.

Ф. Фидлер.

Осчастливьте мою бедную больную жену своим приездом, Леонид Николаевич!!!!»⁴³

Со свойственным ему упорством, Фидлер спустя год, 11 января 1910 года, возобновляет приглашение:

«Глубокоуважаемый Леонид Николаевич!

Простите, что так поздно — но не менее сердечно благодарю Вас за присыл „первых литературных шагов“.⁴⁴

Спасибо Вам также за любезное приглашение. Я им воспользуюсь в одно из воскресений <1 нрзб.> намек на смерть зимы и рождение весны. Приеду, вероятно, с А. А. Измайловым,⁴⁵ Вашим и моим другом. Авось нам вдвоем удастся уговорить Вас: наконец-таки

исполнить свое многолетнее обещание посетить меня, мою жену и мой „музей“!!!!

Ваш Ф. Фидлер». ⁴⁶

Мольбы (усиленные все возрастающим количеством восклицательных знаков) были услышаны, и в маленьком карманном альбоме Фидлера, озаглавленном «У меня», появилась лаконичная запись: «Был и еще буду. Леонид Андреев. 25 марта 1911 г.» ⁴⁷

Следует отметить, что многочисленные альбомы, заполненные автографами и рисунками, составляли особую часть коллекции Фидлера. В зависимости от ситуации они носили заглавия: «У меня», «В гостях», «В ресторане», «В пути», «Товарищеские обеды», «4.XI» (день рождения Фидлера), «Всероссийское литературное общество», «Поминки».

Известный актер и писатель Н. Н. Ходотов вспоминал о Фидлере: «Маленькая фигурка его в аккуратном стареньком сюртучке постоянно присутствовала на всех литературных юбилейных чествованиях, обедах и ужинах с неизменным альбомом в кармане для автографов, зарисовок... И кто только не писал ему в них из лиц, причастных к литературе, науке и искусству. Там были стихи, изречения, сатиры, карикатуры, ноты, рисунки, ему все было ценно, все на руку». ⁴⁸

Автографов Леонида Андреева в таких альбомах немного. Приведем те из них (из серии «В гостях»), которые, несомненно, заслуживают внимания, напоминая о значимых событиях в жизни писателя.

Первой записи предшествовало письмо: «Дорогой Федор Федорович! Буду очень рад видеть Вас в понедельник 9 августа. Это день ужасный для меня: мне исполняется ровно 39 лет, и я перестаю быть молодым человеком. Приезжайте! Ваш Леонид Андреев. 6/19 августа 1910». ⁴⁹

Разумеется, Фидлер не мог оставить без внимания подобный призыв, и прибыл в гости к писателю с «неизменным альбомом».

Памятуя о забывчивости литераторов, Фидлер обычно сам предварял их записи обозначением события, места и даты:

«У Леонида Андреева в 39 год его рождения 9/22 авг. 1910». ⁵⁰

Далее рукой Андреева:

«Для каждого человека мир есть зеркало, в которое он смотрит-ся. И всегда и во всем мир равен мне — ни больше, ни меньше, ни выше, ни ниже, ни глупее, ни умнее.

Об этом думаю я последние дни.

Леонид Андреев.

9 августа 1910». ⁵¹

Несколько дней спустя в таком же альбоме Фидлер зафиксировал не менее важное событие в жизни писателя: «В „Шиповнике“, на чтении пьесы „Океан“ Леонида Андреева. 25 сент. 1910». ⁵²

Первоначально предполагалось авторское чтение. Издательством «Шиповник» были отпечатаны и разосланы приглашения тако-

го содержания: «Т-во „Шиповник“ и Л. Н. Андреев просят Вас пожаловать в субботу 25 сентября: в помещении редакции (Николаевская 31, кв. 1) Л. Н. Андреев прочтет свою пьесу „Океан“. Начало чтения ровно в 10 час. вечера». ⁵³

Газеты, не обошедшие вниманием это событие, поместили разноречивые отзывы. В одних говорилось об авторском исполнении в «кругу немногих избранных», ⁵⁴ в других о том, что «лирическую поэму, „суровую и изжную, пропитанную суровым запахом моря“», ⁵⁵ в присутствии «около 100 представителей петербургского литературного, артистического и художественного мира», ⁵⁶ читал Н. Н. Ходотов. Сам актер позднее вспоминал: «<...> в издательстве „Шиповник“ читал перед кружком литераторов андреевский „Океан“». ⁵⁷

На этом разноречия и неточности не кончаются. Говоря о «бурных спорах», которые «закипали во время перерывов» и затянули чтение далеко за полночь, некоторые журналисты пересказывали возникшее затем обсуждение «под председательством С. А. Венгерова». ⁵⁸ «После окончания пьесы, на особом листе желающим было предложено охарактеризовать пьесу в нескольких словах», — сообщает одна газета. ⁵⁹ Другой неподписавшийся журналист располагает несколько иными сведениями: «В книгу, куда присутствующим предоставлено было заносить свои впечатления и мнения (sic!), Л. Н. Андреев записал: „Сегодня в первый раз слушаю «Океан». Звучит странно, как мое: печаль моя,,». И далее журналист не удерживается от иронии: «Но не напоминает ли Вам эта книга, столь предусмотрительно положенная перед присутствующими для занесения приличных случаю похвал, те находящиеся обычно у швейцаров книги, в которых по праздничным дням провинциальным чиновникам „предоставлено“ расписываться в своих чувствах к начальству?» ⁶⁰

Спустя годы Н. Н. Ходотов также вспоминал о «книге» и вводил ту же запись Андреева, но уже со своим вариантом второй фразы: «Звучит странно, как „печаль моя“». ⁶¹

На самом же деле речь шла все о том же маленьком, «карманном» альбоме Фидлера «В гостях», сохранившем подлинную запись: «Сегодня я первый раз слушаю „Океан“. Звучит странно, но мое: печаль моя. Леонид Андреев 25 сент. 910». ⁶²

По окончании чтения «<...> наступает самый интересный момент. Просят автора дать свое пояснение. Андреев встает и начинает говорить нервно, отрывисто <...> И неожиданно перед слушателями раскрывается самый процесс творчества Леонида Андреева <...> И обрывки из пьесы и образы тут же творимые, порою смутные для самого творца, сменяют один другой». ⁶³

«Во время обсуждений, уловив скрытый протест кого-то из присутствующих по поводу его манеры брать трагедийные сюжеты, ставить мировые вопросы, Леонид Николаевич воодушевился, — вспоминала атмосферу вечера В. Е. Беклемишева.

Он произвел блестящую защитительную речь, вводил слушателей в глубину своего творческого „я“. Говорит о пределах человеческого разума, о муках хотящего знать, о великой печали Человека. О том, как мысли, облекаясь в форму образов, мучают и как говорящий

бывает их жертвой. Говорил, что никто не заметил главного лица трагедии — Океана. А без этого лица нет трагедии.

<...> Это была импровизация человека, обладающего исключительным даром слова, острым самоанализом, удивительной фантазией, вдохновенно творящего тут же на наших глазах.

Когда он кончил, все молчали, так взволновала всех бурная и полная страстного вдохновения импровизация.

Об этом чтении „Океана“ писали много и подробно все критики, бывшие на вечере». ⁶⁴

Журналисты также наперебой цитировали резюмирующее выступление Андреева, перечисляли наиболее известных слушателей пьесы, пересказывали их размышления и споры. «Следы» этого обмена мнениями (подчас в шутливой форме) мы находим на соседних страницах того же фидлеровского альбома. ⁶⁵ Правда, некоторые из присутствующих либо выразились слишком кратко, либо ограничились подписью: И. А. Бунин, А. М. Федоров, А. М. Ремизов, Ф. Сокологуб, В. Азов (Ашкинази В. А.).

«Просто досадно отнимать страницу для скромной подписи», — сетует автор одной из первых монографий об Андрееве — К. И. Арабажин (л. 7 об.). ⁶⁶

Соседнюю с авторской записью страницу занял набросок тушью мужского портрета в профиль с пояснением Фидлера о том, что изображенный — Леонид Андреев, а художник — Троянский. ⁶⁷

«Снова я в Петербурге, в этом отечестве писателей русских», — радуется Скиталец (Петров С. Г.) (л. 9 б.). «Всегда приятно встретиться с добрым, хорошим, старым другом и с его неизменной памятной книжкой», — не обходит вниманием Фидлера один из главных участников вечера — Н. Н. Ходотов (л. 11).

«Трозфию ⁶⁸ любезному
В океановую ночь
Написать четверостишие
Я совсем, совсем не прочь», —

вторит ему С. М. Городецкий (л. 10 об.).

«Первые сцены „Океана“. — Сила красоты в красоте силы», — переходит к оценке прослушанного К. А. Эрберг (Сюннерберг) (л. 7 об.). «В перерыве между блестящими страницами „Океана“» взял в руки альбом московский литератор Петр Кожевников (л. 8). ⁶⁹

Вопросом аббата к главному герою «Скажи, Хаггарт, зачем ты отнял жизнь у Филиппа?» — обозначил трагический накал пьесы В. Г. Богораз (Тан) (л. 10). ⁷⁰ «Вперед, в высоту!» — подчеркнул ее романтическую направленность народоволец и поэт Н. А. Морозов и изобразил рядом маяк Святого Креста, упомянутый в авторских ремарках пьесы (л. 7). ⁷¹ «Истинно высокое произведение художника всегда близко его автобиографии», — написал чуть ниже Осип Дымов.

Заслуживают внимания и стихотворные «отклики»:

«Кто не пленялся „Океаном“:
В нем ропот волн, сверканье пен;
И я там был, но он кораном

Не стал мне, телом бездыханным
Я стал, решив, что плен есть плен.

Потемкин» (л. 6).⁷²

«Я океан назвал бы море:
В нем корень „мор“, в нем древний стих,
В его мятущемся просторе
Глубины дум твоих... моих...

Гр. Алексей Н. Толстой» (л. 6 об.).

«И „да“ и „нет“ сольются,
И смерть мне будет — свет!

Из Гиппиус. Тэффи» (л. 10).⁷³

«И поздно, почти под утро, расходились слушатели, унося смутные впечатления от этой смеси глубокого и мелкого, наивных мыслей и ярких образов, примитивных исканий и вспыхивающих, как молнии, художественных достижений»...⁷⁴

На следующий день один из слушателей — Ф. Ф. Фидлер — так описал это событие в своем дневнике:⁷⁵

«26 сентября 1910

Вчера приглашен в помещение издательского товарищества „Шиповник“, где Леон<ид> Андреев должен был читать свой „Океан“. Однако вместо него („Я не умею читать вслух“) читал Ходотов. Андреев обнял меня: „Я собирался на днях непременно зайти к Вам. Но если бы Вы знали, как я *замотался!* Сегодня я ночную у Фальковского,⁷⁶ завтра же с утра сделаю все от меня зависящее, чтобы навестить Вас.⁷⁷ А можно ли зайти *под хмельком?*“ По поводу всего общества (собралось примерно сто пятьдесят человек; великолепное угощение и ужин в два часа ночи) Андреев сказал: „Базар“ и стал расхваливать уют и сердечность москвичей. Он пил, весьма умеренно, коньяк и красное вино. Мне удавалось лишь изредка и урывками приблизиться к нему — его постоянно окружали люди.

О самой пьесе у меня нет абсолютного никакого мнения: я никогда не могу уловить того, что читается вслух (и что я сам до этого не читал). В три часа ночи, когда начались дебаты (под председательством Венгерова), я отправился домой.

Присутствовали актеры, художники, юристы. Из писателей были: Сологуб с Чеботаревской, Потемкин, граф А. Н. Толстой, Дымов, Репин с Северовой, Н. А. Морозов с женой, Ремизов (очень бледный; жаловался на язву желудка), Овсяннико-Куликовский, Тэффи, Аверченко (первое знакомство), Чуковский, Арабажин, Саша Черный (Гликберг), А. М. Федоров, Боцяновский, Батюшков, Аничков, Кожевников, С. М. Городецкий, Бунин, Скиталец (Г. С. Петров, в черном костюме), Владимир Азов.⁷⁸

С каждым и каждой я мог обменяться в этой тесноте (несмотря на громадные комнаты) лишь несколькими незначительными словами».⁷⁹

Добрые взаимоотношения Ф. Фидлера и Леонида Андреева продолжались и в дальнейшем. Об этом говорят, в первую очередь,

дневниковые записи последующих лет с многократными упоминаниями о встречах с писателем, о его произведениях, нередко становящихся событием культурной жизни, верным летописцем которой до конца своих дней оставался Федор Федорович Фидлер.

¹ Обширную библиографию, посвященную Ф. Ф. Фидлеру, см. в статье К. М. Азадовского и Р. Д. Тименчика «К биографии Н. С. Гумилева. (Вокруг дневников и альбомов Ф. Фидлера)» (Русская литература. 1988. № 2. С. 171—186).

² Немец, каких немного // *Задуманное слово*. 1909. Т. 50. № 5, 29 нояб. С. 1. — Без подписи.

³ Там же. С. 2.

⁴ Из письма А. А. Коринфского к С. Д. Дрожжину от 7/20 сентября 1924 г. (см.: *Иванова Л. Н. Архив С. Д. Дрожжина // Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли*. СПб., 1994. С. 75).

⁵ *Влас*. К писательской выставке. От нашего петербургского корреспондента // *Утро России*. 1909. 1 дек.

⁶ К юбилею Ф. Ф. Фидлера // *Обозрение театров*. 1909. 17 нояб. — Без подписи.

⁷ *Либрович С. Ф.* Фидлеровский музей русских литераторов. СПб., [1906]. Экземпляр этой книги хранится в Пушкинском Доме в составе собрания другого выдающегося коллекционера, современника Фидлера, Александра Федоровича Онегина (Отго) (1845—1925), с его пометами (Библиотека ИРЛИ, шифр: 19376/114). Судьба «онегинского собрания» сложилась, к счастью, гораздо более благополучно: согласно воле владельца, оно в 1928 году в полном составе поступило в Пушкинский Дом. См.: «Тень Пушкина меня усыновила» (Рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А. Ф. Онегина). Каталог выставки. СПб.; Кембридж; Болонья, 1997.

⁸ *Иванова Л. Н. Архив С. Д. Дрожжина*. С. 74—75, 88—89.

⁹ Плодотворная работа по освоению дневников Фидлера ведется К. М. Азадовским. Ему принадлежат публикации фрагментов о Блоке, Горьком, Достоевском, Есенине и Клюеве, В. И. Иванове, Чехове и др. (см. библиографию в указанной выше статье К. М. Азадовского и Р. Д. Тименчика), а также издание дневников: *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt: Charakterzüge und Urteile. Tagebuch / Herausgegeben von Konstantin Asadowski. Göttingen, 1996.

¹⁰ Цитируется по изданию: *Азадовский К. Ф.* Фидлер. Встречи с Горьким // *Литературное обозрение*. 1984. № 8. С. 103.

¹¹ Текст публикуется по изданию: *Fiedler F.* S. 333—336 — в переводе К. М. Азадовского, подготовившего к печати русское издание дневников Фидлера.

¹² В письмах 1905 года Андреев сообщал свой адрес: «Ваммельсуу, дача Лыжина». Дочь Вера (1910—1986) вспоминала, что вскоре после смерти отца, ее и брата Валентина (1912—1988) учили братья Лыжины — Юрий Петрович и Павел Петрович, жившие «в красивой даче на берегу Черной речки» (*Андреева В.* Дом на Черной речке. М., 1980. С. 153).

¹³ Речь идет об «Альбоме автографов, собранных Ф. Ф. Фидлером», содержащем около 400 записей на русском и немецком языках 1880-х — 1910-х годов (Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 518, оп. 2, № 13; далее — РГАЛИ). Возможно, именно об этом фолианте писал один из восхитенных посетителей фидлеровского музея: «Отдельно от всех других номеров своей коллекции, Фидлер хранит небольшую, но очень толстую книжку, носящую название „Альбом автографов Ф. Ф. Фидлера“. Этот альбом автографов, мыслей, изречений, набросков, стихотворений, шуток и пр., занесенных собственноручно русскими писателями последнего 25-летия. Кого только тут нет! Здесь представлена, в мыслях, изречениях и подписях, почти вся русская пишущая братия последней четверти века» (*Либрович С. Ф.* Указ. соч. С. 17—18).

Наряду с автографами известных немецких и австрийских литераторов, таких как Ф. Боденштедт, Р. М. Рильке, Г. Фрейтаг, М. Кретцер и др., в альбоме в большинстве своем представлены русские писатели: Д. В. Григорович, Я. П. Полонский, Н. С. Лесков, Н. К. Михайловский, И. А. Бунин, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, Тэффи, К. И. Чуковский, С. А. Венгеров и др.

¹⁴ *Францоз Карл Эмиль* (1848—1904) — австрийский прозаик, публицист, журналист, издатель журнала «Немецкая поэзия». *Шпильхаген Фридрих* (1829—1911) — немецкий писатель, журналист, поэт, драматург, теоретик литературы, творчество которого

(в первую очередь, романы) было популярно в России. В 1884 г. Шпильгаген приезжал в Петербург, где состоялась постановка его драмы «Спасена»; в 1896—1899 годы в Петербурге издано собрание его сочинений в 23-х томах. *Штинде Юлиус* (1841—1905) — немецкий поэт, прозаик, журналист, драматург. Большой популярностью пользовались его юмористические рассказы о семье Бухгольц (см. в русском переводе: Семейство Бухгольц. СПб., 1886; Госпожа Бухгольц на Востоке. СПб., 1889). В Пушкинском Доме хранится фотопортрет Штинде с надписью Фидлеру (Берлин, 1894). Опубликовано в книге: *Fiedler F. S.* 151.

Записи в альбоме Францоца, Шпильгагена от 13 июня 1891 г. и Штинде от 2 июня 1894 г. были сделаны во время поездок Фидлера в Берлин (РГАЛИ, ф. 518, оп. 2, № 13, л. 55, 57, 81).

¹⁵ *Раковица (урожд. Деннигес, во 2-м браке Фридман, в 3-м Шевич; 1843—1911) Мария Жозефина Елена* — дочь баварского дипломата, актриса, мемуарист. Окончила жизнь самоубийством. Не случайно, увидев в альбоме этот автограф, Андреев вспомнил о Фердинанде Лассале (1825—1864), немецком философе, политическом деятеле, драматурге: Лассаль скончался после дуэли с женихом актрисы — румынским дворянином Янко Гехан фон Раковиц (? — 1866).

К сожалению, письмо Раковицы ни в данном альбоме Фидлера, ни в его обширной корреспонденции обнаружить не удалось: возможно, оно отклеилось от альбомной страницы и его постигла судьба многих других утраченных автографов из этой коллекции. Однако дальновидный собиратель воспроизвел упоминаемое письмо от 8 ноября 1897 г. в своем дневнике за 16 ноября того же года (РО ИРЛИ, ф. 649, оп. 1, № 3, л. 85—85 об.).

¹⁶ Единственный автограф Семена Соломоновича Юшкевича (1868—1927) в данном альбоме Фидлера: «А все остальное само собой приложится, ибо обо всем и за всех подумал тот, кто правит верх. Семен Юшкевич 15 ноября, 1901» (Л. 241 об.). Этой фразой Юшкевич, очевидно, продолжил мысль, высказанную в четверостишии В. Е. Чехихина-Ветринского 1898 года (на нем. яз.), призывавшего иметь совершенные помыслы, быть романтиком в жизни и классиком в искусстве (Там же). Об отношении Леонида Андреева к Юшкевичу и его творчеству см., например, в письме к К. П. Пятницкому от 19 июня 1904 г.: «Он талантлив, но не умен. Как сорока, он любит все блестящее, яркое и, как сорока, без разбору пихает вместе с бриллиантом кусочек стекла или жестянку от консервов. <...> Не будь у Юшкевича дурацкого самоомнения, Алексей (Горький. — Л. И.), если бы взялся, мог бы сделать из него человека <...>» (Из писем Л. Андреева — К. П. Пятницкому / Вступит. статья, публ. и коммент. В. Чувакова // Вопросы литературы. 1971. № 8. С. 163).

¹⁷ Ср. фрагмент беседы с Андреевым из воспоминаний М. Горького: «А вот я не умею писать стихи, да и желания нет. <...> Все-таки стихи — искусственное дело, как хочешь» (Книга о Леониде Андрееве: Воспоминания. Пг.; Берлин, 1922. С. 13).

¹⁸ Позднее Андреев нередко диктовал своей второй жене Анне Ильиничне (урожд. Денисевич, в 1-м браке Карнищкая; 1885—1948): «В большинстве случаев он диктует, а его жена, Анна Ильинична, пишет на машинке» (*Бруснян В. В.* Леонид Андреев: Жизнь и творчество. М., 1912. С. 21).

¹⁹ Стереоскоп Андреева и множество его фотографий, в том числе автопортретов, хранятся ныне в Литературном музее Пушкинского Дома.

²⁰ Рассказ «В тумане» опубликован в 1902 г. (Журнал № 12); повесть «Жизнь Василия Фивейского» — в 1904 году (Сборник товарищества «Знание». СПб. Кн. 1).

²¹ *Федоров Александр Митрофанович* (1868—1949) — одесский литератор, популярный в 1900-е гг. Возможно, одной из причин неприязни к нему Андреева было отношение Горького: Федоров стремился к сотрудничеству в издательстве «Знание» и к сближению с его кругом, а Горький неизменно отвергал присланные им произведения (см.: *Семеновский О. В.* У истоков новой литературы. В борьбе за Горького. Спор о Горьком в Бессарабской печати. Горький и литературная Одесса. Кишинев, 1974. С. 294—300).

²² Имеется в виду старший сын Андреева Вадим (1902—1976), впоследствии поэт, прозаик, автор нескольких книг о детстве и об отце.

²³ Замечание Фидлера вызвано записью в его альбоме, сделанной Андреевым, — фрагментом антивоенного рассказа «Красный смех»: «Вы притворяетесь людьми, но под перчатками я вижу когти, под шляпою — приплюснутый череп зверя; за вашей умной речью я слышу потаенное безумие, бряцающее ржавыми цепями и всею силою моей скорби, моей тоски, моих опозоренных мыслей я проклинаю вас, несчастные слабоумные звери. „Красный смех“. Леонид Андреев. Ваммельсуу. 23 июня 1905 г.» (РГАЛИ, ф. 518, оп. 2, № 13, л. 284 об.). Рассказ, написанный в ноябре 1904 года и опубликованный в «Сборнике товарищества „Знание“ за 1904 год» СПб., 1905. Кн. 3. С. 268—

348), вызвал оживленную полемику (обзор критической литературы о нем см.: *Иезутова Л. А.* Творчество Леонида Андреева. 1892—1906. Л., 1976. С. 157—170) и еще долго занимал мысли автора. В донесении Петербургского охранного отделения от 5 августа 1905 года сообщалось о литературно-музыкальном вечере в Териоках, организованном 30 июля 1905 г. М. Ф. Андреевой, где «Андреев прочел рассказ „Красный смех“, в котором рисуются все ужасы войны» (Мария Федоровна Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М. Ф. Андреевой. М., 1968. С. 102).

²⁴ Речь идет о принятой Николаем II-м 6 июня в Петергофе депутации от земского съезда с просьбами о решении острых политических вопросов и спасении престола.

²⁵ В беседе с Фидлером Андреев затронул один из особенно волнующих его аспектов полемики вокруг «Красного смеха». Ср. также его письмо от 28 января 1905 года к О. Дымову (Перельман О. И.): «Некоторые — немногие, впрочем, — упрекают меня, что я взялся изображать то, чего не видел, такой упрек представляется мне положительным недоразумением. При существовании „Божественной комедии“, „Каина“, „Фауста“ и пр. и пр. это просто bestulково» (цитируется по изд.: Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. М., 1965. С. 583 (Литературное наследство; Т. 72)). Дружески расположенный к Андрееву В. В. Вересаев вспоминал: «Мы читали „Красный смех“ под Мукденно, под гром орудий и взрывы снарядов, и — смеялись. <...> „Красный смех“ — произведение большого художника-неврастеника, больно и страстно переживавшего войну через газетные корреспонденции о ней» (Реквием: Сборник памяти Леонида Андреева / Под ред. Д. Л. Андреева и В. Е. Беклемишевой. М., 1930. С. 148).

²⁶ Речь идет о рассказе «Так было», датированном октябрём 1905 года и опубликованном в Штутгарте с подзаголовком «Очерк из эпохи французской революции» (Stuttgart: J. H. W. Deitz; Nachfolger Druck von Rosenthal & Co, Berlin, 1906), а затем в сборнике «Факелы» (СПб., 1906. Кн. 1. С. 65—102). Рассказ — своеобразная попытка разрешения волнующих Андреева вопросов о природе тирании и рабства, о действительности революционных методов борьбы с самовластием.

²⁷ Ср. сетования Андреева в письме к Горькому от 22 июля [4 августа 1907 года]: «Живу я широко и весело. Куоккала, песок, терраса, через забор смотрят дачники, спрятаться некуда (идет перечисление известных литераторов. — Л. И.) <...> Спасаясь на день, на два на Черную речку, но и там — пронюхали. Купил там кусочек горки и строю крепость, буду прятаться зиму и лето» (Литературное наследство. Т. 72. С. 284). «Я мечтаю о работе в собственной даче на Черной речке около Райвола, которую я строю, — сообщил Андреев корреспонденту „Биржевых ведомостей“. — Она будет называться „Вилла аванса“, потому что и она строится в счет будущих благ. <...> Это место облюбовано мной. Там совершенная тишина и безлюдье. Этого не было в Куоккала, где приходилось даже вывешивать у калитки записку, протестуя против бесцеремонных людей, до неприличия надоедливо осаждавших дачу» (*Аякс*. У Леонида Андреева // *Биржевые ведомости*. 1907. № 10225).

²⁸ В письме от 2/15 марта 1907 г. к В. В. Вересаеву Андреев, сочувствуя его душевной усталости, вспоминает о своем состоянии после завершения «Красного смеха»: «Восемь месяцев голова моя была разбита, я не мог работать и думал, что и никогда не в состоянии буду. А были дни, когда прямо — вот-вот с ума сойду. Вылечил себя я сам — бросил работу, читал Дюма и Жюль Верна, лодка, велосипед, купанье, за лето поглупел, как министр, — и осенью свободно мог приняться за работу» (Реквием. С. 168).

²⁹ Добрые отношения и взаимный интерес связывали художника и писателя. В письме к Ф. Д. Батюшкову от 12 января 1903 г. Репин восторженно отзывался о рассказе Андреева «В тумане», называя автора «большим талантом», — «выше Горького» (*Репин И. Е.* Избранные письма в 2-х т. 1867—1930. Т. 2: Письма 1893—1930. М., 1969. С. 171—172). Весной и летом 1905 г. Андреев часто виделся с художником в Куоккале — на даче Горького и в репинских «Пенатах» — центрах притяжения петербургских деятелей литературы и искусства. Знаменитая серия фотографий К. К. Буллы 27 мая 1905 г. запечатлела Андреева с женой среди посетителей «Пенат».

Первый портрет Андреева был написан Репиным в 1904 году (хранится в Государственной Третьяковской галерее), но по совету В. В. Стасова, не одобрявшего эту работу, был задуман второй. Жена художника, Н. Б. Нордман, писала Стасову 5 февраля 1905 г.: «Читаем „Красный смех“. <...> Согласие написание портрета Андреева получено. Послушание, как видите, полное» (И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка. В 3-х т. М.; Л., 1950. Т. 3. С. 85). Позднее, 31 июля того же года, художник сообщил своей петербургской приятельнице: «Андреева я начал уже другой портр<ет>, такой он милый человек, так близок сердцу, как родной» (*Репин И. Е.* Письма к Е. П. Тахановой-Антокольской и И. Р. Таханову. Л.; М., 1937. С. 44). Немецкий литератор и переводчик произведений Андреева А. К. Шольц вспоминал: «<...> Репин работает над портре-

том Леонида Андреева, который приезжает на сеансы с „Черной речки“, живописной дачной местности, лежащей к северу близ Райволы. Андреев очень дружен с Горьким и часто бывает у него в гостях» (Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. М., 1965. С. 584). Этот известный портрет Андреева в красной рубашке был показан на 34-й передвижной выставке 1906 г. (ныне хранится в Художественном музее Омска). Репину также принадлежат: портрет маслом Андреева на яхте 1912 г. (хранится в Тверской областной картинной галерее) и карандашные 1908 и 1913 годов. С репинскими иллюстрациями вышел «Рассказ о семи повешенных» (М., 1909), изданный в пользу бывших шпильсельбуржцев. Репину Андреев посвятил рассказ «Иго войны: Признания маленького человека о великих днях» (Литературно-художественные альманахи изд-ва «Шиповник». Пг., 1916. Кн. 25. С. 147—233). О продолжительном творческом и человеческом общении свидетельствуют и другие мемуарные и эпистолярные источники. Так, в письме к Ан. Н. Чеботаревской от 4 мая 1915 г. Репин благодарит ее и Сологуба за проведенный накануне в их доме «интереснейший вечер» и добавляет: «Как я рад был видеть Леонида Ник<олаевича> опять с волосами и бородой — такой он милый, глубоко-мудрый, а уж талантлив!.. <...> Особенно тронуло меня объяснение его — индивидуализма, столь облагороженное и возвышенное вселенской Волею» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 233, л. 1 об.). См. также подробное письмо Репина Андрееву от 28 января 1917 г. о работе над портретами Пушкина (Репин И. Избранные письма. Т. 2. С. 317—320).

³⁰ Андреева (урожд. Велигорская) Александра Михайловна (1881—1906) — первая жена Леонида Андреева (с 1902 г.). Скончалась после родов второго сына Даниила, в Берлине.

³¹ Литературный музей ИРЛИ. Инв. № 38903.

Неточная цитата из четвертой картины трагедии «Анатэма»:

«Молодой еврей (трубит в измятую трубу).

Но почему же она может только в одну сторону? Такая хорошая труба» (СПб.: Шиповник, 1908. С. 90).

³² Шутливые автопрозвища связаны, очевидно, с псевдонимом Андреева — фельетониста «Курьера» — «Джемс Линч» и персонажем романа одного из его любимых писателей Ж. Верна «Таинственный остров».

³³ РГАЛИ, ф. 518, оп. 1, № 20, л. 3—3 об.

³⁴ Андреев-Алексеевский Л. А. На даче у Леонида Андреева (Из воспоминаний) // Андреевский сборник: Исследования и материалы / Под ред. Л. Н. Афонина. Курск, 1975. С. 251 (Науч. труды Курского гос. пед. ин-та; Т. 37). Алексеевский (Андреев) Леонид Аркадьевич (1903—1974) — младший сын сестры писателя Риммы Николаевны Андреевой (в 1-м браке Алексеевская, во 2-м Оль, в 3-м Верещагина; 1881—1941). Оль Андрей Андреевич (1883—1958) — архитектор, близкий друг Андреева и второй муж его сестры Риммы. По проекту Оля в 1907—1908 гг. для Андреева была построена дача в Вамельсуу. См. о нем: Быкова Г. Д. Андрей Оль. Л., 1976.

³⁵ Реквием. С. 182.

³⁶ Датируется по почтовому штемпелю на тексте открытки: «Terijoki / Териоки. 3.VIII.08». На «адресной» стороне — еще два штемпеля: «Terijoki / Териоки. 6.VIII.08» и «Больше-Парголово. СПб. 25. 7.08» (РО ИРЛИ, ф. 123, оп. 1, № 1013, л. 1 об.).

³⁷ Дневник Фидлера, запись от 4 августа 1908 г.: РО ИРЛИ, ф. 649, оп. 1, № 13, с. 173—183 (нумерация страниц в дневниках здесь и далее — Ф. Ф. Фидлера).

³⁸ «На своей вилле Андреев нашел покой; посещает его ограниченный кружок, так как от станции езды полчаса» (Плещеев А. Разное // Новая Русь. 1908. № 12).

³⁹ Адрес на открытом письме Андреева к Фидлеру от 21 июля (3 августа) 1908 г.: «Деревня Старожилковка, д. Ларионовой. Финл. жел. дор., станция Парголово» (РО ИРЛИ, ф. 123, оп. 1, № 1013, л. 1).

⁴⁰ Речь идет о Любови Михайловне Фидлер (урожд. Соколова; 1868—1915).

⁴¹ РГАЛИ, ф. 11, оп. 1, № 218, л. 1.

⁴² См., например, недатированное письмо Андреева к В. В. Вересаеву: «<...> Вот и в „гости“ я ходить не умею, как-то нелепо боюсь чужого дома. Никуда и не хожу. А стоит иногда преодолеть и прийти, чувствую себя очень приятно, пью чай и думаю: „всегда буду ходить в гости“. <...> И, конечно, в гостях, видя мою развязность и неестественность, никто и не подумает и не поверит, каким холодным потом обливался я на извозчике.

Не думаю, чтобы это была какая-нибудь „болезнь“, но свойство характера, скверное и вредное. За него я достаточно наказан безлюдием, в котором живу <...>» (цитируется по изд.: Андреев П. Н. Воспоминания о Леониде Андрееве // Литературная мысль. 1925. № 3. С. 189).

⁴³ РГАЛИ, ф. 11, оп. 1, № 218, л. 3.

⁴⁴ Речь идет об автобиографии Андреева, датированной январем 1910 года, написанной по просьбе Фидлера для составленного им сборника «Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей» (М., 1911. С. 27—32). В архиве Андреева сохранился «опросный лист», рассылаемый предполагаемым участникам издания, с припиской составителя: «Я пережил свои желанья» (РГАЛИ, ф. 11, оп. 1, № 218, л. 6). Возможно, этой пушкинской цитатой Фидлер также выразил сожаление о неисполненном желании видеть у себя Андреева. См. также письмо к Фидлеру О. Дымова от 28 октября 1909 г.: «Я был вчера у Леонида Андреева, он просит Вас прислать Ваши вторые пункты (потерял); он непременно ответит Вам» (РГАЛИ, ф. 518, оп. 1, № 87, л. 2).

⁴⁵ *Измайлов Александр Алексеевич* (1837—1921) — журналист, критик, автор статей о творчестве Андреева.

⁴⁶ РГАЛИ, ф. 11, оп. 1, № 218, л. 4. Судя по дневнику 1910 г., в ближайшие месяцы Фидлер не посещал Андреева.

⁴⁷ РО ИРЛИ, ф. 649, оп. 2, № 37, л. 1. В дневнике за 26 марта 1911 г. Фидлер подробно описал это посещение (РО ИРЛИ, ф. 649, оп. 1, № 14, с. 347—350).

⁴⁸ *Ходотов Н. Н.* Близкое — далекое. Л.; М., 1962. С. 207.

⁴⁹ РГАЛИ, ф. 518, оп. 1, № 20, л. 1.

⁵⁰ Типичная ошибка при переводе в XX в. дат XIX в. на новый стиль: вместо 12 дней, как положено в XIX в., к дате прибавляется 13 дней, что правомерно лишь для XX в. Таким образом, Андреев родился 9(21) августа 1871 г.

⁵¹ РО ИРЛИ, ф. 649, оп. 2, № 2, л. 24 об. Эта запись приведена в дневнике Фидлера за 13 августа 1910 г.: ф. 649, оп. 1, № 13, с. 288—289. Подробный рассказ о посещении Андреева в Ваммельсуу см. в дневнике за 9 августа 1910 г.: там же, с. 272—281.

⁵² РО ИРЛИ, ф. 649, оп. 2, № 3, л. 6.

⁵³ См. такое приглашение в фонде С. А. Венгерова, присутствовавшего на чтении: РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 4, № 129. Позднее Венгеру было подарено издание пьесы с надписью: «Семену Афанасьевичу Венгеру с уважением и сердечной признью Леонид Андреев 1911» (*Андреев Л.* Океан. Трагедия в семи картинах / Рис. Б. Анифельда. СПб.: Прометей, [1901]) (Библиотека ИРЛИ, шифр: L 75).

⁵⁴ Литературные ракушки // Новое время. 1910. 3 окт.; Леонид Андреев о новой пьесе «Океан» // Наш журнал. 1910. № 5. С. 28.

⁵⁵ *Любош С.* На чтении «Океана» // Речь. 1910. 27 сент.

⁵⁶ Обзорение театров. 1910. 28 сент.

⁵⁷ *Ходотов Н. Н.* Близкое — далекое. С. 230. Автор работал над книгой в конце 1920-х гг. Приведем также фрагмент из воспоминаний Веры Евгеньевны Беклемишевой (1881—1944), литературного секретаря издательства и жены главного редактора С. Ю. Копельмана: «<...> интереснейшим из вечеров „Шиповника“ был вечер, на котором читался только что оконченный „Океан“ (1910 г.).

Леонид Николаевич просил артиста Александринского театра Н. Н. Ходотова прочесть трагедию. Сам он уже днем начал пить и приехал в сильно возбужденном состоянии» (Реквием. С. 237).

⁵⁸ *Любош С.* На чтении «Океана».

⁵⁹ Обзорение театров. 1910. 28 сент.

⁶⁰ Новое время. 1910. 30 окт.

⁶¹ *Ходотов Н. Н.* Близкое — далекое. С. 230.

⁶² РО ИРЛИ, ф. 649, оп. 2, № 3, л. 8 об. Далее при цитировании указывается лишь порядковый номер листа в альбоме.

⁶³ Речь. 1910. 27 сент.

⁶⁴ Реквием. С. 237. В дополнение к приведенным мемуарным фрагментам В. Е. Беклемишевой обратимся к воспоминаниям брата писателя Андрея Николаевича Андреева (1885—1920), написанным в 1913—1914 гг.: «Характерно в Леониде то, что, будучи пьян, <...> он способен был говорить вещи необычайные по глубине и значительности. <...> Я знаю, что нередко Леонид говорил перед публикой, будучи нетрезв. Так произнес он речь об „Океане“ после публичного чтения пьесы» (*Андреев А.* Из воспоминаний о Л. Андрееве // Красная новь. 1926. № 9, сентябрь. С. 212).

⁶⁵ Почти все альбомные записи этого дня приведены Фидлером в дневнике за 12 декабря 1910 года (РО ИРЛИ, ф. 649, оп. 1, № 14, с. 160, 163—165, 171, 173—176). Таково было правило коллекционера: по окончании каждого альбома все заслуживающие внимания автографы переносились в дневник и при необходимости сопровождалась пояснениями.

⁶⁶ *Арабаджин К. И.* Леонид Андреев: Итоги творчества. СПб., 1910.

⁶⁷ Автор рисунка — скорее всего Петр Николаевич Троянский. Ему же принадлежит групповой портрет, запечатлевший Андреева и присутствовавших на банкете в том

же издательстве «Шиповник» по случаю премьеры спектакля «Жизнь человека» в театре В. Ф. Комиссаржевской (режиссер В. Э. Мейерхольд, первое представление — 22 февраля 1907 г.). См. подробнее: Рукописный альманах Корнея Чуковского «Чукоккала». М., 1979. С. 155—158.

⁶⁸ Одно из шуточных прозвищ Фидлера, образованных от начальных букв его имени, отчества и фамилии. Сам коллекционер, копируя это четверостишие в дневнике, снабдил его следующим комментарием: «„Трозфий“ = 3 эф = Ф³ = ich» (РО ИРЛИ, ф. 649, оп. 1, № 14, с. 163).

⁶⁹ *Кожевников Петр Алексеевич* (1871—1933) — беллетрист и литературный критик, поклонник творчества Леонида Андреева. Три месяца спустя Кожевников поделился своими впечатлениями о знакомстве с коллекцией Фидлера в статье «Музей русских литераторов» (Руль. 1910. № 266, 26 дек.).

⁷⁰ В оригинале: «Хаггарт, я спрашиваю тебя: за что ты отнял жизнь у Филиппа?» (Андреев Л. Н. Собр. соч. в 6 т. М., 1994. Т. 4. С. 385). Подробнее свое мнение о пьесе Богораз-Тан изложил в статье: «Океан» Леонида Андреева // Новая жизнь. 1910. № 1. С. 142—154.

⁷¹ См. статью Н. А. Морозова: «Океан» Леонида Андреева // Всеобщий ежемесячник. 1911. № 4, апрель. С. 142—145.

⁷² *Потемкин Петр Петрович* (1886—1926) — поэт, драматург, прозаик. Эмигрировал в 1920 г.; скончался в Париже.

⁷³ Неточная цитата заключительных строк стихотворения З. Н. Гиппиус «Электричество» (1901):

И «да» и «нет» проснутся,
Сплетенные сольются,
И смерть их будет — Свет

(Мир искусства. 1901. № 5. С. 201). Очевидно, сюжет пьесы Андреева вызвал в памяти Н. Тэффи образ из стихотворения Гиппиус: от соприкосновения противоположных по знакам («да» и «нет», т. е. «плюс» и «минус») «нитей» происходит яркая вспышка («Свет»), т. е. одновременно гибель и воскресение.

⁷⁴ *Любош С.* На чтении «Океана».

⁷⁵ Перевод с немецкого выполнен К. М. Азадовским. Слова, выделенные курсивом, приведены в оригинале по-русски.

⁷⁶ В апреле 1909 г., приглашая к себе А. Г. Коонен, Андреев, живший постоянно в Вammelъсуу, сообщал временный петербургский адрес: «Это на Садовой, 32, квар<тира> Фальковских, очень милых людей, у к<отор>ых я живу» (Встречи в Художественном театре: Письма Л. Н. Андреева к А. Г. Коонен / Публ. Г. Д. Эндзиной // Встречи с прошлым: Сборник материалов ЦГАЛИ. М., 1978. Вып. 3. С. 99). *Фальковский Федор Николаевич* (1874—1942) — писатель и драматург, директор петербургского Нового драматического театра, близкий приятель Андреева и его сосед по даче. В доме Фальковского в Нейвола (Мустамяки) писатель провел свои последние дни и скончался 12 сентября 1919 г.

⁷⁷ Можно с уверенностью сказать, что обещание Андреева не было исполнено, иначе это событие нашло бы отражение в дневнике Фидлера.

⁷⁸ Помимо названных ранее писателей, запечатлевших свое присутствие записями в альбоме, Фидлер упоминает также: жену Ф. Сологуба Ан. Н. Чеботаревскую, И. Е. Репина и его жену Н. Б. Нордман-Северову, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, А. Т. Аверченко, К. И. Чуковского, Сашу Черного (А. М. Гликберг), А. М. Федорова, В. Ф. Боцяновского, Ф. Д. Батюшкова, Е. В. Аничкова.

⁷⁹ РО ИРЛИ, ф. 649, оп. 1, № 13, с. 337—338.

Л. В. Казанская

**АРТУР ЛУРЬЕ И ЕГО ПЕРВАЯ МУЗЫКАЛЬНО-
КРИТИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ
«КАПРИЗЫ И ЛИКИ. БЕТХОВЕН И ВАГНЕР»**

В последние годы повысился интерес к истории русского авангарда, долгое время бывшего запретной темой. Происходит не только возвращение намеренно забытых имен в истории нашей культуры, но и переоценка значения целого ряда ее деятелей. Среди них и Артур Лурье (1891—1966)¹ — композитор, пианист, критик и музыкально-общественный деятель. Его музыка до сих пор звучит в концертных залах, растет число публикаций о нем. Но для восстановления полной картины музыкальной биографии Лурье еще предстоит изучить много материалов (и прежде всего зарубежных нотных изданий),² разгадать немало загадок и тайн его жизни. Имя Лурье окружено легендами. Авторами некоторых был он сам, другие создавались современниками.³

В Рукописном отделе Пушкинского Дома в фонде писателя Леонида Андреева хранятся три взаимосвязанных документа, раскрывающих малоизвестные страницы начального петербургского периода его творческой биографии. Это — письмо Лурье к Л. Андрееву⁴ с просьбой опубликовать статью; сама статья «Капризы и лики. Бетховен и Вагнер»;⁵ письмо А. Зилоти⁶ к Андрееву с отказом в издании статьи. Публикация этих материалов восстанавливает некоторые пробелы в нашем знании о творчестве Лурье и времени, в котором он жил.

Летом 1916 года Лурье отдыхал на даче поэта Федора Кузьмича Сологуба (1863—1927) около Костромы, где «затевал оперу на сюжет Сологуба „Узор из роз“».⁷ Опера так и не была написана, но летние впечатления отразились в «Волжской пасторали» — квинтете для гобоя, двух альтов и виолончели. Близость молодого композитора с почтенным поэтом-декадентом не была случайной. «Тихий, ласковый, Ф. Сологуб любил молодежь <...> отечески нежно <...>», а его поэзия отличалась особенной музыкальностью. И хотя по своим эстетическим взглядам Сологуб не принадлежал к новейшим течениям, тем не менее в его биографии был эпизод, сближающий по-

эта с бунтарями в искусстве. В 1915—1916 годах в двух выпусках альманаха «Стрелец» вышли переводы Сологуба стихотворений в прозе знаменитого французского поэта-авангардиста Артура Рембо. Как отмечает В. Багно, «своими переводами из Рембо Сологуб прокладывал дорогу русскому авангардизму, экспериментам футуристов, а в какой-то мере и обэриутов».⁸ Так что между Лурье и Сологубом существовало духовное взаимопонимание.

Будучи в Костроме у Сологуба 22 августа Лурье написал Л. Н. Андрееву следующее письмо:

«Дорогой Леонид Николаевич! Я слышал о том, что в Петрограде возникает, при Вашем серьезном участии, крупная газета и что в настоящее время определяется состав ее работников. Если существует музыкальный отдел, мне было бы весьма интересно сотрудничать статьями или рецензиями по всем вопросам музыки. В этой области у меня есть материал и специальные задачи, к тому же иметь фиксированный заработок мне весьма необходимо. Если Вас не затруднит, то очень прошу помочь мне в этом деле. Я буду в Петрограде к 15 сентября. О результате могу узнать от Ник<олая> Иван<овича> Кульбина, если Вы будете любезны сообщить ему по телефону (81—44). Извиняюсь за беспокойство.

Всегда признательный за Ваше доброе отношение

Артур Лурье».

Кем был Лурье в свои 25 лет? Что его связывало с Андреевым и Кульбиным? О какой «крупной газете» и каком «материале» Лурье идет речь? Такие вопросы возникают по прочтении этого письма. Ответы на них составят рассказ из жизни не только Лурье, но и петербургского литературно-художественного авангарда, жизни петербургского искусства 1912—1917 годов.

К 1916 г. Лурье, хотя и был еще студентом Петербургской консерватории, в которой он обучался с 1909 г., но уже пользовался известностью в среде литературно-художественного авангарда как вожак музыкального футуризма, автор изысканно-утонченных романсов на стихи Верлена, Малларме, Блока и Ахматовой, фортепианных прелюдий, поэм, эстампов, пьес «Сумерки фавна», «Синтезы», авангардистского цикла «Формы в воздухе», посвященного П. Пикассо. Недаром И. Северянин написал: «Артур Лурье вовлек нас в бредни».⁹

В консерватории Лурье занимался в классе фортепиано сначала у В. Н. Дроздова, а затем у выдающейся пианистки, профессора М. Н. Бариновой (1868—1956). В своей «Автобиографии» она записала, что в 1912 г. у нее прибавилось несколько новых учеников и среди наиболее интересных В. Завадский, И. Браудо и А. Лурье. Последнего она характеризовала так: «Оригинальный, очень неглупый и очень даровитый, но человек моды, декадентствующий вовсю. Лурье очень нуждался; его денежные ресурсы не давали ему того простора, о котором он мечтал. Лурье был постоянным членом всех современных обществ по искусству и познакомил меня с новатором — художником Кульбиным».¹⁰

Окончившая консерваторию и по классу композиции Баринова была пропагандисткой новейших течений в музыке и с Лурье вела

«разговоры о создании нового подхода в композиции». Она писала: «В то время в музыкальной сфере начиналось много исканий (теоретик Авраамов,¹¹ композитор Обухов.¹² <...> Не Скрябин являлся моим божеством <...> Чтобы показать, как можно создавать в композиции новые пути, я знакомила моих друзей с творчеством Бузони¹³ <...> Бузони не требовал копий от будущего поколения: он будил мысли к созданию новых академических линий <...> Его принцип был: не копировать, а отыскивать свой путь и создавать. Этот путь можно было отыскать, порывшись и изучив построение наших народных девственных песен. Они давали новую интонацию (отсутствие температуры) и новые скалы.

<...> Где только было возможно, я разжигала людей на интерес к новой современной музыке <...>».

В 1916 г. Барينوва начала свой знаменитый цикл лекций об истории фортепианной музыки и привлекла к участию в концертах своих учеников, в том числе Лурье. Обучение в классе Бариновой, общение с ней укрепляло модернистские вкусы Лурье. Свою признательность Бариновой Лурье выразил в дарственной надписи на «Календаре-справочнике музыкального отдела Народного Комиссариата по просвещению на 1919 год»: «Дорогой Марии Николаевне Бариновой с чувством неизменной любви и преданности от ее старого ученика».¹⁴

Значительную роль в жизни Лурье сыграл и Николай Иванович Кульбин (1868—1917).¹⁵ Приват-доцент Военно-медицинской академии, главный врач Генерального штаба в чине действительного статского советника, равного генеральскому, Кульбин вошел в историю искусства как замечательный художник-новатор, убежденный и темпераментный пропагандист «свободного искусства», «свободной музыки», синтеза искусств. Его называли «отцом русского футуризма». Именно Кульбин ввел Лурье в круг литераторов и художников, группировавшихся вокруг артистического кабаре «Бродячая собака» (1912—1915), названного по предложению Николая Ивановича Художественным Обществом Интимного Театра.

О Кульбине и своих друзьях-футуристах Хлебникове, Маяковском, Крученых, Татлине, Бруни, Пунине, братьях Бурлюках Лурье тепло вспоминал уже на склоне лет в очерке «Наш марш».¹⁶

В «Бродячей собаке» Лурье был не только постоянным участником многих вечеров, но и по сути их музыкальным руководителем. Там 28 января 1914 г. состоялся его творческий вечер, на котором он прочитал доклад «О музыке (Интерпретация. Преодоление импрессионизма. Синтез-примитив)» и исполнил свои произведения (две поэмы на слова Верлена и три пьесы из «Книги масок» оп. 19).¹⁷ В «Бродячей собаке» в начале 1913 г., по воспоминаниям Г. Адамовича, модернистскую обработку «Гавота» Глюка слышал Р. Штраус и сказал по адресу Лурье «несколько чрезвычайно лестных слов».¹⁸ В феврале 1914 г. лидер итальянских футуристов Ф. Маринетти также был по свидетельству Кульбина «удивлен до восторга» игрой и сочинениями Лурье.¹⁹ Вслед за своим наставником Кульбиным Лурье решительно развивал идеи «свободной музыки» и ультрахроматизма (четвертитоники) в манифесте «Мы и Запад», написанном в феврале 1914 г. вместе с художником Г. Якуловым и поэтом Б. Лившицем,

и в заметке «К музыке высшего хроматизма», опубликованной вместе с его четвертитоновой «Прелюдией» в 1915 г. в первом выпуске альманаха «Стрелец».

С Леонидом Николаевичем Андреевым Лурье познакомился также благодаря Кульбину. Вместе с ним и Сологубом он ездил к Андрееву на его дачу на Черной речке, неподалеку от поселка Терриоки, в октябре 1915 г. Андреев читал гостям ночью пьесу «Тот, кто получает пощечины», недавно им законченную (17—18 августа). Для Андреева, любившего музыку, Лурье играл на рояле. Как вспоминала Анна Ильинична Андреева, вдова писателя, Леонид Николаевич записал игру Лурье на валики фонографа.²⁰ Тогда и завязались те добрые отношения, о которых пишет Лурье в своем письме.

Какой же газете Лурье предлагал свое сотрудничество? В 1916 г. министр царского двора А. Д. Протопопов²¹ основал новую газету «Русская воля» и пригласил Л. Андреева заведовать литературно-художественным отделом.

Андреев принял это приглашение. Первый номер газеты, вышедшей ежедневно, увидел свет 15 декабря 1916 г. Но сотрудничество Лурье с «Русской волей» не осуществилось. События музыкальной и театральной жизни Петербурга в ней активно освещали известные критики А. Амфитеатров, Н. Кашкин, Н. Стрельников, Н. Малков, В. Беляев. Однако Андреев сделал попытку издать присланную ему Лурье статью «Капризы и лики. Бетховен и Вагнер». На первой странице машинописной рукописи статьи Лурье есть карандашная пометка Андреева: «Передать г. Зилоти». Дело в том, что А. И. Зилоти — знаменитый пианист и дирижер, руководитель популярных симфонических абонементов в Дворянском собрании — был привлечен на должность руководителя музыкального отдела «Русской воли» в январе 1917 г. Об этом газета известила своих читателей в № 10 11 января 1917 г.: «Временно до вступления в заведование музыкальным отделом приглашенного редакцией лица, общее наблюдение над отделом принял на себя А. Зилоти».

Зилоти познакомился со статьей Лурье и возвратил ее Андрееву, сопроводив следующим письмом от 25 января 1917 г.:

«Глубокоуважаемый Леонид Николаевич,

Присланную Вами статью Лурье о Вагнере и Бетховене, как слишком партийную и тенденциозную, весьма не желательно помещать не только в отд<ел> „Музыка“, но и вообще в „Русскую волю“.

Искренно уважающий Вас

А. Зилоти».

Статья Лурье была написана осенью 1914 г., когда Россия уже воевала против Германии на стороне своей союзницы Франции. Но музыкально-художественная позиция Лурье, его резко критическая оценка немецкой музыки в лице Вагнера и его эпигонов продиктована не политическими мотивами, не «партийными» интересами молодого музыкального писателя. Эта статья явилась первым развернутым изложением взглядов Лурье на состояние современной музыки в ее преемственной связи с прошлым, в котором он выделяет и возвышает музыку Бетховена. Вагнера же Лурье называет винов-

ником музыкального упадка в Германии. Бетховена Лурье отделяет от Германии, считая его творчество принадлежностью Австрии. Столь резкие, категоричные и с искажением некоторых исторических фактов (как, например, рождение Бетховена не в Австрии, а в Германии — в Бонне), заостренно полемические высказывания были характерны для Лурье как футуриста. Подобный нигилистический тон высказываний присущ и футуристическим манифестам («Пошечина общественному вкусу», «Мы и Запад»).

И если по мнению Лурье, «Вагнер, в полном смысле слова, рак художественной современности», то «французская музыка своим возрождением в конце XIX века всецело обязана реакции против гегемонии Вагнеровой „идеи“ синтетического действия и именно французской музыке мы обязаны освобождением от варварского ига германской псевдомонументальности и нашим возвращением к традициям великих старых мастеров (Монтеверди, Глюк)».

Отрицание Вагнера — определенный этап творческой эволюции Лурье. В юности он, подобно многим музыкантам, пережил сильное увлечение операми Вагнера, которые слышал в исполнении на фортепиано своей матери-пианистки. Вместе с ней в юности Лурье ездил в Вену, где слышал «Тангейзера» под управлением Г. Малера и от исполнения увертюры у него «был мороз в спине».²²

Повзрослев, Лурье увлекся французской культурой и, подобно современным композиторам Франции, перешел на антивагнеровские позиции. В статье Лурье слышны отзвуки независимых, оригинальных взглядов Дебюсси-критика, который, восторгаясь Бахом, Моцартом, преклоняясь перед Бетховеном, был непримиримым оппонентом «невыносимого» Вагнера и вагнеризма.²³ Сходное отношение к Вагнеру имели и другие представители русского искусства, особенно в начале века. Приведу фрагмент из воспоминаний С. Лифаря С. П. Дягилеве: «Дягилев говорит, что в музыке нет ничего лучше Шестой симфонии Чайковского, „Мейстерзингеров“ и „Тристана и Изольды“ Вагнера, второго юношеского бога Дягилева, которого он так же горячо любил, но которого в годы апостольского служения новому и новейшему искусству считал злым гением музыки XIX века».²⁴

Увлечение Лурье музыкой французских импрессионистов проявилось в ранних фортепианных и вокальных опусах, обращении к французской поэзии. В своих французских пристрастиях Лурье не был одинок. Напомню, что в концертах «Вечеров современной музыки» произведения французских композиторов явно доминировали.

Антивагнеровская и антинемецкая музыкальная ориентация Лурье не была временной, преходящей ошибкой, заблуждением молодости. В 1922 г. в статье «Шестерка» он вновь напишет: «Решительный разрыв с влиянием германской музыки, в виде реакции против Вагнера и эпитонов ложного классицизма, послужит едва ли не отправной точкой для французского музыкального модернизма».²⁵

Лурье отделил от немецкой музыки не только Бетховена, но и Шенберга. Великий австрийский композитор Арнольд Шенберг, причислявший себя (хоть и в полемическом задоре) к футуристам вместе с Бузони и Прокофьевым, был на гастролях в Петербурге в декабре 1912 г., дирижировал в зале Дворянского собрания своей

симфонической поэмой «Пеллеас и Мелизанда», имел успех. Среди тех, кто способствовал гастролям Шенберга и оказал ему гостеприимство, был и Н. И. Кульбин.²⁶ Как лидер музыкального футуризма Лурье был поклонником Шенберга, которого приветствовали Каратыгин, Асафьев, Мясковский, Стравинский и Прокофьев. Шенберг приехал в Петербург по приглашению Зилоти и дирижировал в концерте его абонемена. Так что отношение Лурье к Шенбергу не могло быть причиной отказа Зилоти в издании статьи.

Думается, что Зилоти насторожили вовсе не дискуссионные высказывания Лурье о музыке, а проскальзывающие симпатии Лурье к католической церкви. В 1912 г., по достижении совершеннолетия, Лурье принял католичество. Обряд его крещения состоялся в Мальтийской церкви Петербурга (не тогда ли Наум Израильевич Лурья превратился в Артура Винцента, а затем — Сергеевича — Лурье?). Дочь Кульбина Нина Николаевна рассказывала мне, что Лурье часто появлялся в их доме с четками в руке. И позднее, живя во Франции и США, Лурье проявлял себя ревностным католиком. Возможно, под «партийной тенденциозностью» Зилоти подразумевал католицизм Лурье и некоторый оттенок религиозного мистицизма. В его мыслях «судьба Германии была predetermined в тот момент, когда Мартин Лютер пригвоздил свои „таблички“ к дверям католической церкви <...> Бетховен принадлежит всему человечеству. В бесчисленных кругах его музы все нашли свое место. Ясно, что одного лишь не мог вместить он в своей многогранности: Германию с ее протестантизмом, утилитарно-механической и милитаристической культурой. Никогда его лик не мог бы обратиться в эту сторону, к этому царству „дьявольской середины“ <...>».

Конечно, Зилоти могла насторожить и резкая антигерманская направленность музыкальных оценок Лурье. Незадолго перед этим 22 декабря 1916 г. «Русская воля» опубликовала «Листки» А. Амфитеатрова, в которых авторитетный критик решительно и определенно выступил против дискриминации немецкой классической музыки по ложнопатриотическим мотивам. Он писал: «Концерт А. И. Зилоти в воскресенье, 17 декабря, окружился нежданно-негаданно самыми пестрыми толками, не совсем музыкального порядка <...> между газетами Петрограда возникла полемика из-за странного обстоятельства, что, посвятив свой вечер музыке Шуберта и Шумана, г. Зилоти не назвал этих композиторов на афишах и, таким образом, как бы провел их беспаспортными и безбилетными зайцами, вроде „немецкой контрабанды“. В то время, как одни упрекают г. Зилоти мало-мало что не в государственной измене, другие, наоборот, ставят ему в вину трусость, по которой-де он, играя Шуберта и Шумана, замолчал их имена. Как мы слышали, последний упрек должен относиться не к г. Зилоти, который виноват, может быть, лишь в чрезвычайной уступчивости, но к помещению Мариинского театра, закрытого для музыки немецкого происхождения <...> не знаю, много ли патриотизма заключается в требованиях запрета классической немецкой музыки для русских сцен и концертных залов, из которых изгнаны сейчас и Вагнер, и Лист, и Штраус, и вон, даже Шуберт и Шуман проникают в них, лишь плащом прикрывши пол-лица <...>

союзники наши, англичане, патриоты не хуже нас, россиян <...> однако, Вагнер не сходит с лондонских афиш».

В свете такой цивилизованной позиции, занятой ведущим критиком газеты, понятно высказанное Зилоти в письме к Андрееву мнение о нежелательности помещения статьи Лурье «не только в отдел „Музыка“, но и вообще в „Русскую волю“». Здесь Зилоти выступил и как редактор музыкального отдела «Русской воли».

Зилоти возвратил статью Андрееву. Когда в Петрограде произошел октябрьский переворот, Андреев, не приняв нового большевистского режима, уехал к себе на Черную речку и, как и Репин, Ф. Н. Фальковский²⁷ и другие жители Карельского перешейка, оказался в эмиграции, т. к. Финляндия получила от Советской России независимость. В напряженном ожидании краха большевизма Андреев умер от сердечного приступа 12 сентября 1919 г. на даче Фальковского в Нейвале. Архив Л. Андреева, находившийся в его петербургской квартире в доме Адамини на Марсовом поле (в том самом, где в подвале помещался «Привал комедиантов», а во втором этаже находилось «Художественное бюро» Н. Е. Добычиной), в 1925 г. был подарен его сестрой Риммой Николаевной Пушкинскому Дому. Так статья Лурье и оба письма, с нею связанных, оказались в фонде Л. Н. Андреева в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

Но на этом история первого музыкально-критического сочинения Лурье не завершилась. Неопубликованная в 1917 г. в «Русской воле», эта статья под названием «Бетховен и Вагнер. (Из юношеских тетрадей)» была издана без изменений (но с рядом отпечаток) в 1918 г. в альманахе «Северный изборник» в Москве вместе с работами сотоварищей Лурье по авангарду — Альтмана, Анненкова, Пунина и Хлебникова. Время было трудное, военное, с бумагой было плохо, но, видимо, помогла высокая должность Лурье, заведовавшего Музыкальным Отделом при Наркомпросе (сборник вышел в количестве всего 640 экземпляров). Рецензент журнала «Камена» Г. Шенгели²⁸ дал суровую оценку этому сборнику поборников нового искусства и даже отпустил едкое замечание: «Обложка уверяет нас, что книга стоит 2 рубля 50 копеек. Заблуждение: не стоит».²⁹ О статье Лурье по причине своей музыкальной неосведомленности, суровый критик лишь заметил: «Статья Лурье — о музыке. Судить не берусь».

Однако, как нередко бывает, время расставило все по своим местам. Ныне «Северный изборник» является раритетом, его нет ни в одной фундаментальной библиотеке Петербурга. Поэтому первая статья Лурье мало известна. Текст машинописной рукописи из РО Пушкинского Дома идентичен тексту статьи в «Северном изборнике», но без имеющихся в альманахе отпечаток и с первоначальным названием.

«Капризы и лики» — так озаглавил Лурье свою первую статью. Такое, казалось бы, претенциозно-вычурное, манерное название согласуется не только с «дендизмом» Лурье и его стилистической ориентацией в ранний период творчества на импрессионистическую изменчивость и прихотливость. Название замечательно точно отражает драматургические особенности ее композиции. Облеченные в яркую литературную форму, своеобразные, порой парадок-

сальные, а порой прозорливые мысли Лурье излагаются в импровизационной свободной манере, контурно обозначенные глобальные проблемы сочетаются с детально выписанными, конкретными замечаниями по поводу отдельных сочинений или композиторов. Автор всячески избегает описательно-аналитических приемов «банальной и присяжной критики» и создает замечательный образец культурологического эссе.

Второй более конкретное, прозаическое, деловое название «Бетховен и Вагнер» появилось на первой странице машинописи рядом с первым, под ним и написано чернилами рукой Лурье. Под этим вторым названием «Бетховен и Вагнер» статья и была опубликована в 1918 г. в «Северном изборнике».

На импрессионистский, художественный характер изложения указывает и эпиграф, взятый Лурье из бетховенского опуса 133, — Большой фуги Си бемоль мажор для струнного квартета, первоначально написанной для финала Тринадцатого квартета. Эта бетховенская ремарка на французском языке — «То свободно, то тщательно отделявая» — предназначена исполнителям и раскрывает главный формообразующий принцип музыкального развития Большой фуги. В контексте статьи Лурье бетховенские слова служат ключом для понимания стиля и жанра его культурологического очерка. Более того, Лурье заимствует из последних квартетов Бетховена прием свободной и капризной смены эпизодов, причудливость их сочетания. Композиция статьи и ее название «Капризы и лики» — своеобразный музыкально-критический парафраз Лурье на бетховенскую тему.

Музыкально-критическое наследие Лурье значительно и своеобразно. Он обладал самостоятельностью суждений, широкой эрудицией в вопросах не только музыки, но и литературы, философии, изобразительных искусств (Артуром он себя назвал в честь Шопенгауэра, а Винцентом — в честь Ван Гога). Лурье замечательно владел словом — его речь артистична, виртуозна, образна. Радикализм и нигилизм высказываний молодого Лурье (присущий вообще многим представителям русского авангарда), их намеренно вызывающая, эпатажирующая форма (вспомним желтую блузу Маяковского, футуристическую оперу «Победа над солнцем» или сопровождавшиеся скандальным успехом выступления молодого Прокофьева) с годами постепенно сглаживались, уступая более взвешенным и мудрым оценкам. Но дерзкая, парадоксальная статья «Капризы и лики» осталась в истории русской культуры, наряду с футуристическими манифестами, спектаклями, произведениями поэзии и живописи, документом эпохи. В ней — неповторимый колорит времени, атмосферы «серебряного века», в которой прихотливо переплетались декаданс, символизм, футуризм и акмеизм, многочисленные лики богатой художественной жизни дореволюционного Петербурга.

¹ До сих пор из одного издания в другое кочует неверная дата рождения Лурье: 1892 или 1893 год. Однако существуют два документа, устанавливающие датой его рождения май 1891 года. Первый — «Общественный приговор», свидетельствующий о рож-

дени в местечке Пропойск Быховского уезда Могилевской губернии в семье мещанина Израйля Хацкелева Лурье в мае 1891 г. сына Наума. Этот документ был обнаружен Б. Н. Стрельниковым в Государственном историческом архиве Ленинградской области в личном деле студента Петербургской консерватории А. Лурье и опубликован в романе М. Кралина «Артур и Анна» (Л., 1990. С. 5).

1891 год как дату рождения Лурье подтверждает и определение суда от 13 октября 1921 г. о расторжении брака А. Лурье с Ядвигой Лурье, урожденной Цыбульской. Оригинал этого документа находится у дочери Лурье — Анны Артуровны Ивановой, а копия — в Музее А. А. Ахматовой в Петербурге.

² 17 августа 1922 года на пароходе «Гакен» Лурье отправился в творческую командировку в Берлин, а затем в Париж, где и остался жить вплоть до 1941 г. Затем эмигрировал в США. Написанные им за рубежом сочинения в большей части (в том числе и опера «Арап Петра Великого») неизвестны в России из-за отсутствия нот. Умер Лурье в пригороде Нью-Йорка в Принстоне 13 октября 1966 г.

³ В очерках Лурье о деятелях петербургской культуры, написанных им в 60-х годах, содержится и немало деталей его биографии. См.: «Чешуя в неводе», «Детский рай», «Феномен и ноумен в музыке», «Фея кукол» (Воздушные пути. Нью-Йорк, 1961—1967. Вып. 2—5; редактор-издатель Р. Н. Гринберг). А также очерк «Наш марш», опубликованный уже после смерти Лурье (Новый журнал. Нью-Йорк, 1969. № 94). Романтизированный и мифологизированный облик Лурье предстает в «Биографических заметках об А. С. Лурье» И. А. Грэм (либреттистки его оперы «Арап Петра Великого»), опубликованных М. Кралиным в романе «Артур и Анна» (Линкольн-Центра. Роман-реквием» (Нева. 1996. № 3). В повести И. Грэм приведены и подлинные заметки А. Лурье о музыке, хранящиеся в библиотеке нью-йоркского Линкольн-Центра.

До сих пор наиболее полным, подлинно научным является очерк И. Нестьева о Лурье: Из истории русского музыкального авангарда. Статья первая // Сов. музыка. 1991. № 1. С. 75—87. См. также: *Казанская Л. Артур, Ядвига и Анна* // Культура. 1997. 27 дек., № 50 (7110). С. 6.

⁴ РО ИРЛИ, ф. 9, оп. 3, № 31 (письмо А. Лурье Л. Н. Андрееву от 22 августа 1915 г.).

⁵ РО ИРЛИ, ф. 9, оп. 5, № 6.

⁶ РО ИРЛИ, ф. 9, оп. 3, № 24 (письмо А. И. Зилоти Л. Н. Андрееву от 25 января 1917 г.).

⁷ Здесь и далее цитирую по очерку А. Лурье «Наш марш» (Муз. жизнь. 1994. № 7. С. 38).

⁸ *Багно В.* Преждевременное «озарение» Федора Сологуба // Иностранная литература. 1990. № 9. С. 175.

⁹ Игорь Северянин. Стихотворения и поэмы. 1918—1941. М., 1990. С. 352.

¹⁰ Барнинова М. Н. Автобиография. Рукопись хранится в домашнем архиве ее сына, дирижера Ю. В. Гамалея.

¹¹ *Авраамов Арсеней Михайлович* (1886—1944) — композитор, музыкальный критик и теоретик, создатель 48-тоновой системы. В 1926 г. защитил диссертацию «Универсальная система тонов». Свою ультрахроматическую систему тонов применил и в «Симфонии гудков» (1922).

¹² *Обухов Николай* (1892—1954) — композитор-авангардист. Учился в Петербургской консерватории у М. Штейнберга и Н. Черепнина. В 1918 г. эмигрировал во Францию. В юности испытал влияние А. Скрябина. Обухов разработал музыкальную систему из 12 равноправных звуков. Его творчество имело мистическую направленность; некоторые сочинения он подписывал Николай-ясновидец.

¹³ *Бузони Ферруччо Бенвенуто* (1866—1924) — крупнейший итальянский пианист, композитор, дирижер, педагог и музыкальный писатель. Неоднократно гастролировал в России (последние гастроли в 1912—1913 гг.). В 1890—1891 гг. был профессором Московской консерватории по классу фортепиано.

¹⁴ Из архива Ю. В. Гамалея.

¹⁵ В РО ИРЛИ хранятся два письма, связанные с именем Н. И. Кульбина. В фонде писательницы Марии Андреевны Пожаровой есть небольшое письмо-записка на фиолетовой бумаге от 8 мая 1916 г., написанное ей Кульбиным: «уезжаю завтра на дачу буду принимать больных на квартире по вторн<икам> и субб<ота>м от 3¹/₂ ч. Приходите. Очень рад работать с Вами. Ваш » (ф. 376, № 147).

Судя по неровному верхнему краю письма, его начало (видимо, обращение, отсутствующее в тексте) было оборвано. На письме рукой Пожаровой две позднейшие (возможно при разборе архива) приписки: «Кульбин — знаменитый футурист. Письмо Кульбина. — Почему — работать с вами? Он был мне нужен как доктор». Это короткое и, казалось бы, житейское письмецо содержит в себе много информации о выдающемся

деятели русского авангарда. Будучи «знаменитым футуристом» он не оставляет врачебной практики и регулярно принимает больных у себя дома по адресу: Максимилиановский переулочек (ныне пер. Пирогова), д. 17, кв. 3. Среди его пациентов много деятелей искусства. Известно, что у него лечились А. Ахматова, Н. Евреинов, В. Хлебников и многие другие. Кульбин был специалистом по внутренним болезням и психиатром, работал и вместе с В. Бехтеревым. Однако он всегда ощущал себя художником. И потому это послание врача пациентке подписано треугольником, с заключенными в нем инициалами — знаком, которым помечал все свои рисунки и картины. Треугольник — это синтез музыки, слова и пластики, на котором, по мысли Кульбина, должно развиваться искусство будущего.

В письме Л. Андреева к Н. Евреинову от 22 сентября 1917 г. — отзыв глубокого уважения Андреева к личности Кульбина, ушедшего из жизни 6 марта 1917 г.: «<...> я получил Ваше приглашение быть на учредительном собрании имени Н. И. Кульбина <...> я очень любил и ценил Н. И. и очень радуюсь, что память его сохраняется и таким образом <...>» (РО ИРЛИ, ф. 9, оп. 2, № 20).

¹⁶ Вот фрагмент из очерка «Наш марш», в котором Лурье любовно воссоздал облик Кульбина: «Николай Иванович Кульбин был одной из самых фантастических фигур той замечательной эпохи. Доктор Генерального штаба, носивший военную форму и звеневший шпорами, мечтатель и художник, Николай Иванович Кульбин был страстно предан искусству <...> Был он одним из самых чутких, добрых и отзывчивых людей, которых я когда-либо знал. Занимая крупное служебное место, он тем самым имел возможность оказывать практическую помощь огромному количеству людей, спасая их от голода и холода <...> Дом его был открыт для всех <...> он кормил голодных, оказывал приют бездомным, лечил больных, с которых не только не брал платы, но еще и покупал своим пациентам лекарства и провизию» (*Лурье А.* Наш марш // Муз. жизнь. 1994. № 7. С. 38).

¹⁷ См.: *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1983. Л., 1985. С. 225.

¹⁸ *Адамович Г.* Мои встречи с Анной Ахматовой // Звезда. 1989. № 6. С. 50.

¹⁹ *Кульбин Н.* Кубизм // Стрелец-1. Пг., 1915. С. 198.

²⁰ Этот факт упомянут в записках И. Грэм, которые хранятся в фонде А. Лурье в музее А. А. Ахматовой в Фонтанном доме. (Вариант, присланный М. Кралину, опубликован в его романе «Артур и Анна»).

²¹ *Протопопов Александр Дмитриевич* (1866—1918) — последний министр внутренних дел царской России, крупнейший симбирский помещик и промышленник, октябрист, член 3-ей и 4-ой Государственных дум. Основатель и редактор монархической газеты «Русская воля» (декабрь 1916—октябрь 1917). Заключен в Петропавловскую крепость; после Октябрьской революции расстрелян по приговору Чрезвычайной комиссии (Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. 11. Стб. 643—644).

²² *Кралин М.* Артур и Анна. С. 4.

²³ См.: *Дебюсси Клод.* Рецензии. Статьи. Беседы / Пер. и сост. А. Бушен. М.; Л., 1964.

²⁴ *Лифарь С.* Дягилев. СПб., 1993. С. 23.

²⁵ *Лурье Артур.* Шестерка // Современный запад. Пб., 1922. Кн. 1. С. 106.

²⁶ Факт встречи Кульбина и Шенберга подтверждают письма: В. Кандинского — А. Шенбергу (от 23 октября 1912 г.) и А. Шенберга — В. Кандинскому (от 5/18 дек. 1912 г.). См. в книге: *Arnold Schonberg — Wassily Kandinsky: Briefe, Bilder und Dokumente einer aussergewöhnlichen Begegnung / Herausgegeben von Joveliva Nahl-Koch.* Salzburg und Wien: Residenz Verlag, 1980.

О творческих пересечениях Н. Кульбина и А. Шенберга см.: *Казанская Л.*: 1) «Храбрый боец за идеалы молодого русского искусства»: Николай Иванович Кульбин и русский музыкальный авангард // Музыкальная академия. 1998. № 1. С. 144—158; 2) Кульбин и Шенберг. Встреча на «Волшебной горе» // Альманах «Аполлон». Бюллетень № 2: Пути русского авангарда. СПб., 1998. С. 21—34.

²⁷ *Фальковский Федор Николаевич* (1874—1942) — драматург, театральный рецензент и антрепренер, создатель в декабре 1913 г. театра-кабаре «Пиковая дама» в Петербурге. Входил в близкий круг Л. Андреева и Н. Кульбина.

²⁸ *Шенгели Георгий Аркадьевич* (1894—1956) — русский советский поэт, переводчик, стиховед. Выступал в печати с 1909 г. Первые книги стихов близки к эгофутуризму, позже развивал традиции акмеистов.

²⁹ *Шенгели Г.* [Рец. на кн.: Северный изборник. М., 1918] // Камена. Ежемесячник. Харьков; М.; Пб., 1918. Кн. 1. С. 44.

Артур Лурье

КАПРИЗЫ И ЛИКИ
БЕТХОВЕН И ВАГНЕРTantôt libre, tantôt recherchée.
(Beethoven, op. 133).¹

Рихард Вагнер в аспекте современности то же, что современная Германия в аспекте мировой войны.

Здесь не победа, но всегда явное поражение, как результат столкновения этого музыканта не с миром, но всегда лишь с самим собою. Выиграть сражение — значит найти форму. Здесь так же, как и в искусстве, наличие трех моментов: волевое устремление и реактивное сопротивление, катарсис, но не личный, индивидуалистический, а катарсис коллективного самоопределения и утверждения масс; вследствие чего и возникает форма как подлинный синтез, т. е. третий момент воплощения, завершенность.

Что же такое для нас Вагнер, как не пепел в урне, смешная хандливость и напыщенность, которая могла показаться подлинным пафосом, дионисийской оргией, лишь некоторым недалёковидным музыкантам XIX века.

Весь путь музыкальной эволюции конца XIX и начала XX века, вплоть до наших дней — путь беспамятного, головокружительного бегства от Вагнера, зачастую не вперед, а вспять, но всегда от...

Значительность момента или периода в искусстве, определяется не только особенностями того, что в этом моменте или периоде делается (создается), но в сильной степени и общей суммой того, от чего в этом моменте или периоде отказываются отдельные лица, группы лиц, или целые нации. Даже с этой точки зрения отношение к Вагнеру является отнюдь не личным отказом, но констатированием исторического факта, так как исторически этот отказ осуществился в полной мере в творчестве самых значительных музыкантов последующего Вагнеру периода.

Французская музыка своим возрождением в конце XIX века всецело обязана реакции против гегемонии Вагнеровой «идеи» синтетического действия и именно французской музыке мы обязаны освобождением от варварского ига германской псевдо-монументальности, и нашим возвращением к традициям великих старых мастеров (Монтеверди, Глюк). Только благодаря французам расплылись чары Вагнеру² с его потугами к грандиозности «во что бы то ни стало», столь характерными для всего германского искусства последнего периода.

Именно Вагнер и никто другой привел Германию к полной музыкальной катастрофе (Брамс, Штраус, Рeger и т. д.). Бах, Глюк и Моцарт — вершины германской музыки и останутся всенародными навсегда.

Глюк, «безграмотный контрапунктист» (по определению Генделя), остается неизмеримо более синтетичным в своих наивных опытах соединения искусств, чем прославленный Немец.

Рихард Вагнер своим механическим, насильственным синтезом (при полной аналитичности метода) загнал чистую музыку в такие тупики, из которых она до сих пор не могла освободиться.

Вагнер в полном смысле слова — как художественной современности (даже современности) почти все человечество до сих пор больше им, не очень немногие заботятся о своем выздоровлении...

Подлинное искусство — всегда свершение Голгофы, путь восхождения к Богу, каждый артист должен подчиниться религии, координирующему началу, для того, чтобы оправдать или вернее, осознать свой экстаз.

Рихард Вагнер не подчиняется никакому координирующему началу, он сохраняет за собою весь произвол своего темперамента, в силу чего его экстаз не оправдан, и конечно, никогда ни в одном произведении не завершен. Т. е. здесь может быть и на лицо соподчинение в некоторых планах, но оно имеет такое же значение и те же последствия, как то подчинение «темным силам» (внутренняя опустошенность), которым утверждается современная Германия почти в целом. Можно ли указать в западной музыке пример более арелигиозного искусства (с исключительной претензией на подлинную религию), чем музыка Вагнера.

В этом смысле произведением наиболее показательным является «Парсифаль»...

Вся эта мистерия не выдержит сравнения с любой из страниц Палестрины,³ в своей благочестивой и смиренной вере никогда и не подозревавшего о том «сатанизме», который так усиленно культивировал Вагнер... Трудно представить себе произведение в большей степени псевдохристианское, чем эта приторно-слащавая музыка.

Поистине, только в такой лишенной веры, лицемерно-благочестивой стране, как современная Германия, могло произрасти подобное.

Искусство протестантизма неизбежно должно было стать нейтрализацией жизни, ибо протестантизм нашел и утвердил ту точку бытия, где идеи, чувства, и вещи вообще перестают существовать, обращаясь в ничто, в пустоту.

Не являясь ни отрицанием, ни утверждением (что в сущности одно и то же, ибо приводит в конечном результате к одной цели — утверждению), протестантизм остается навсегда серединой дьявола, — царством тупых и бесплодных усилий.

Обесценив бытие, мир внешней и высшей реальности, он был лишен возможности создать что-либо, ибо его задачей являлось исключительно распыление сущего...

Судьба Германии была predeterminedена в тот момент, когда Мартин Лютер⁴ пригвоздил свои «таблички» к дверям католической церкви.

Современная Германия не знает новой музыки так же, как и не знает новой живописи. Она ее не любит и не понимает. Германия знает не звуковую стихию, но механику звуковых соединений и сцеп-

лений. Отсюда стертая гармония, плоский контрапункт и совершенно механическое понимание форм. Германия за все время существования новой музыки не дала ни одного действительно большого музыканта. Таковым никогда, конечно, не был Рихард Штраус и единственное исключение может быть составит Арнольд Шенберг. Хорошим внешним признаком для последнего является то обстоятельство, что германизм всячески от него отмежевывается, не желая канонизировать его в лоне своей музыки, в противовес постоянным Festspiel'-ям^а в честь Рихарда Штрауса.

После Моцарта (Requiem и Мессы), подлинный религиозный пафос получил свое воплощение с исключительной силой лишь у Бетховена, у этого «величайшего провозвестника оргийных таинств духа».

Например, готическая соната «Hammer-klavier».⁵ Храм великолепный и грандиозный, высеченный в звуках для «всенародной громады».

Это величайшее произведение фортепианной литературы, где церковной кантилены сменяют взлеты готических соборов или кружево узоров Grave, как и все творения великого мастера, являет высшую свободу, достигнутую путем наибольшего самоограничения.

В этой сонате, являющей собою поистине «Dernière pensée musicale»,⁶ замкнуты грани фортепианного стиля (может быть и не только фортепианного); с момента его возникновения от клавиристов, почти вплотную до конца XIX века. Все остальное, весь XIX век (помимо Бетховена) может быть, и не нужен вовсе, в этом его трагедия.

Очень отчетливо предсказал нам Бетховен весь ему последующий аналитический метод, т. е. «романтиков». (Рососо в арии из сонаты ор. III вскрывает будущего Шумана, а разве недостаточно угадан Шопен в *adagio* ор. 106, и т. д.).⁶

Модернизм, возникающий в конце XIX века, — прямое следствие романтической плеяды, главным образом, конечно, по самодовлеющей аналитичности метода. Все лучшее из того, что дал XIX век после Бетховена (конечно, Шопен), относится к Бетховену как орнамент к вазе и ее живописи...

Не там мы рады где он есть,
(Бетховен),

но весьма смущены бываем
там, где его не находим
(Бетховена).

Клод Дебюсси⁷ подписывает свой приговор в тот момент, когда заявляет, что Бетховен не больше чем глухой старик; действительно, партитуры Дебюсси характеризуют упразднение Бетховена...

Не знаю, насколько достоверны приписываемые Скрябину слова о том, что он в I-ой симфонии «покончил» в Бетховеном.. Но ведь и его путь, весь от I-ой симфонии до «Прометея» и последних сонат,

^а праздничная игра (нем.).

⁶ «Последняя музыкальная мысль» (франц.).

в значительной степени путь упразднения Бетховена. Имя Бетховена никогда не упоминалось и не упоминается в веренице тех музыкантов, которые составляют структуру Скрябиновой преемственности.

«Упразднение» Бетховена проходит красной нитью через весь модернизм и объясняется тем обстоятельством, что Бетховен естественно был утерян там, где в силу исключительной аналитичности звукосозерцания все усилия были направлены в сторону наибольшей рафинированности, в сторону гармонических пряностей и искусственной наркотически повышенной экстастики, растерзанности творческой воли и художественного темперамента.

В частности, значение Скрябина далеко не исчерпывается ролью общего западного модернизма, его отношение к новейшей музыке сложнее, что же касается Дебюсси, то оставаясь прекрасным и весьма изящным музыкантом, он своей ролью сводится почти что к значению приятной и хорошей домашней утвари или мебели. Дебюсси и Равель — это флаконы с привычными и неизменно хорошими старыми духами... Роль западного модернизма свелась к освобождению звуковой стихии и к полному оздоровлению инертного слуха, истреппавшегося на «беззвучии» конца XIX века. В этом огромная заслуга модернизма, но и только в этом.

В горнилах-пламенниках бросьте звуковые громады Бетховена, — неизменно выпадут совершенные кристаллы: симфония *c-moll*, «Кориолан», «Эгмонт», последние квартеты.

Если бы можно было уже теперь сжечь на том же совершенном огне исторической оценки продукты западного модернизма, мнится, что за небольшим исключением некоторых произведений не останется ничего, кроме «солей», как результата искусственных продуктов...

Путь новых музыкальных течений должен прежде всего стать путем восстановления Бетховена во всех этапах его синтетической мощи и всенародных утверждений.

Бетховен единственный и первый мастер, чувствовавший движение и жизнь звуковых масс, чередование потрясающей звучности и внезапно наступающей тишины, он знал и показал значение пауз (не модернистическое «любование», но такие паузы как момент перед вступлением хоров в 9-ой симфонии).

Аскетизм мелодических линий и строгость рисунка у Бетховена доведены до предельной остроты. Мелодический орнамент, играя у него почти всегда роль подчиненную, пышно расцветает перейдя в следующую эпоху, и «романтикам» и наконец, как определенный признак упадка, становится самодовлеющим в дальнейшем у «модернистов».

После благоуханной тишины, мистических раздумий, углубленных созерцаний, после удивительнейших *pianissimo*,^в призрачно уходящих в даль в одеждах хрупкой и пленной радости... Неожиданные потоки ослепительного света, судорожное *fortissimo*,^г потрясающее пророчество хоровых масс, трагический пафос действенного мира, говорящего свое свершительное слово... И снова тишина, опять по-

^в очень тихо (*итал.*).

^г очень громко (*итал.*).

кровы piano,^д как легкие шелка застилают мучительные сады, населенные скорбью... Бесконечное количество кругов описала муза глухого Бетховена, вечными останутся те из них, где звуковые горизонты равно касаясь земли и неба, спадают радужными лестницами «царственных восхождений» и «улыбчивых нисхождений».

Шуберт был единственным музыкантом, непосредственно от пера к перу принявшим монументальность бетховенских форм, но в силу того, что синтез был доведен Бетховеном до естественного предела, для Шуберта же не являлся результатом личного, внутреннего опыта, а принят был как прямое достижение эпохи, в силу этого синтетическая монументальность у Шуберта становится рыхлой и его формы разрушаются от времени, как стены старого замка.

Неизбежное крушение завершенных монументальных форм привело Шуберта к самоопределению в плане народной песни, низведенной из бетховенского всенародного мифа к линиям, замкнутым в национальном мелосе.

Шуман еще в большей степени не выдержал натиск времени и попал в трагические тиски «исторической необходимости», поэтому его роль по отношению к современности ничтожна.

Из всех предшественников Скрябина вернее всего параллель между ним и Шуманом. Несмотря на все тяготение Скрябина к вненациональному самоопределению, к выявлению себя в плане общечеловеческих идей и чувствований, он остается всегда фатально ультра-субъективным, нужно надеяться, последним, завершающим эпоху крайнего индивидуализма. И постольку же самой типичной для его эмоций является чисто славянская тоскующая изнеможённость. К сожалению, с большим полетом почти постоянной, салонной элегантности (может быть результат чрезмерной технической виртуозности, нежелания отказываться от Новых накопленных средств).

Шуман в такой же мере выражает изнеможённость своего народа, только изнеможённость Шумана результат эмоций души гораздо более развинченной, более обессиленной и расслабленной. Кажется, никакая музыка не граничит в большей степени с безумием (несмотря на всю простоту средств), чем музыка Шумана. Этому ощущению способствует столь частая у Шумана почти полная атрофия формы («Крейслериана», дополнение к «Симфоническим этюдам» и т. д.).⁸

... Бетховен для нас — гигиена вечной мужественности, огонь, высекаемый от сердца к сердцу. В том плане искусства, который понимается как государственное строительство, постоянное исполнение циклов бетховеновых творений должно стать обязательным в такой же степени, как изучение античного и национального эпоса.

Но Вагнер, Вагнер...

Рихард Вагнер — единственный музыкант, совершивший насилие над музой, сделавшись музыкантом (с равным успехом мог бы он сделаться кем угодно), и потому оставивший ее бесплодной.

К чему же в сущности свелось существование Вагнера. Постепенно расплываясь, бетховенский синтез через аналитических «романтиков» и наконец, будучи предельно, почти химически разложен на

^д тихо (итал.).

свои составные части, дошел до последней черты, и опять, уже в наши дни, в тех музыкальных мастерских, где выковали новый «органический» материал, там, где по-новому осознали и постигли звуковую стихию со всеми ее особенностями и свойствами, опять начинается «тайно-действие», зачинается новая эпоха.

«Вот настоящее мгновение вечности: когда душа познает все вещи в Боге такими новыми и свежими и в той же радости как они чувственно сейчас передо мною...»

«Бог создает мир теперь точно так же, как он делал это в первый день творения»...

(Мейстер Экхарт)⁹

В этом значении искусства, и только в этом значении величайших побед гения над материалом, из которого он выковывает свои ценности.

Творения возникают зажженными одной и той же идеей, вечной и единой, во всех путях и для всех времен. Поэтому сущность гениальности в том, что не артист творит, но что его произведения возникают инспирированными божеством его гениальной природы. Отсюда единственный канон воплощения — «внутренняя необходимость».

Значение же искусства как ремесла, всегда в наибольшем проникновении в тайну побеждаемой материи (художественного материала).

Нежданное и непостижимое в творениях гения, всегда результат по-новому им выявленной материи, проникнув в тайны которой, мы оказываемся в кругу замкнутых и вечных идей.

В наш век фатально бесплодных устремлений, среди всей ужающе-крикливой ярмарочной суеты, в которой все попытки к строительству гибнут в атмосфере общей растерянности, среди вульгарных отрицаний и не менее вульгарных лозунгов, отношение к Бетховену и Вагнеру является главной и самой насущной проблемой музыканта.

Поскольку Бетховен — воплощение самой природы музыкального искусства, выявление сокровенной тайны освобожденной мужественности, творящей «очищением» путь восхождения к Богу, постольку Вагнер в полной противоположности лик, рабски пригвожденный к земле. Он всем бременем своих темных страстей являет напряженность мышц, созданных и крепнущих в работе и существующих ради самого процесса этой бесплодной работы.

На таком «искусстве» тяготеет проклятие Каина. Здесь жалкое дерзание раба, пытающегося покорить мир ради себя самого. Именно в этом была задача Вагнера — покорить мир своей индивидуальной волей. Не больше, чем через какое-нибудь десятилетие, восторженное отношение к Вагнеру, пережитое нашей эпохой, станет одним из самых смешных и обидных периодов в историческом развитии музыки.

Вагнер создал «стиль» ложной грандиозности и напыщенной ходульности. Ему не дано было знать, что тайное и откровенное познается в тишине, благоговейным боговосприятием, а не среди раскатов грома, пушечной пальбы. Поэтому его искусство совершенно

лишено пафоса, ибо пафос, прежде всего, постижение, становящееся утверждением, — искренность единая субстанция как в материи искусства, так и в самой тайне духа.

Искусство Бетховена не только канонично, больше того. Оно уже возвращено своему первоисточнику, той звуковой стихии, из которой возникло. Оно является для нас этой самой звуковой природой, вечно живой и действенной, как источник чудотворной, вечно живой воды. Трудно сказать, который из бетховенских ликов значительнее; тот ли, который отображен в его совершенных творениях, или тот, который реально отобразился в его существе, ставшем для нас мифом. В этом почти мифологическом Орфее, всю жизнь воспевавшем Эвридику, ибо Эвридикой была для Бетховена вечно женственная душа всего человечества. Его Эвридика — раскованная нежность мировой души, которую он вел путями всех скорбей.

Никто не выразил в искусстве всю тайну обреченности в путях души, в ее алкании божественной свободы и чистоты так, как это осуществил Бетховен в своем творчестве и в своей жизни.

Поскольку поражение Вагнера обуславливается его постоянным столкновением лишь с самим собою и полнейшим покоем в отношении к миру, в такой же степени Бетховен — величайшая победа над собою, светлая покорность Господу, ибо высоко трагическое было всегда результатом его столкновения с Миром. Отсюда его почти абсолютная освобожденность. Царственная свобода — божественный дар, достигнутый аскетизмом почти полного самоограничения.

Бетховен — одна из могущественных побед и светлых, ибо здесь свершилось таинство литургической жертвы — отречения от личного путем преодоления индивидуальных дерзаний и сопротивлений, ради последней правды и сокровенной, ради пафоса сверхличных, всенародных утверждений.

Бетховен относится к Германии в такой же степени, как гроб Господен к Турции.

Бетховен родился, жил и умер в Австрии, не имея абсолютно ничего общего ни с германским народом, ни с его религией, культурой и бытом.

Здесь не противоречие, но строгая внутренняя согласованность. — Бетховен принадлежит всему человечеству. В бесчисленных кругах его музы все нашли свое место. Ясно, что одного лишь не мог вместить он в своей многогранности: Германию с ее протестантизмом, утилитарно-механической и милитаристической культурой. Никогда его лик не мог бы обратиться в эту сторону, к этому царству «дьявольской середины». Он его просто не видел, не подозревал даже в тайниках своей души о его существовании, ибо дано светлым презреть темное. Внешний лик Бетховена (всей его жизни) был настолько трагичен, что не позволял ему слиться ни с одной из народностей. Поэтому суждено было великому фламандцу жить и умереть среди настолько ему чуждых, что даже реальная его жизнь была аскетизмом подвижника в пустыне.

Здесь сказалась такая же строгая закономерность и предопределенность всей его жизни, как и всего его искусства, принадлежащего всем, кроме тех, среди которых он родился, жил и умер.

Пафос Бетховена — пафос светлого мученичества и любви Христовой... «Durch Leiden Freude»,¹⁰ — писал Бетховен князю Лихновскому 21 сентября 1814 г. и рядом с этими словами девизом всей своей жизни и искусства он пишет тогда же:¹¹

Al - lein, al - lein, al - lein.

¹ Л. Бетховен. Большая fuga B-dur, op. 133 для двух скрипок, альты и виолончели, 1825 г. Первоначально сочинена для квартета № 13 как финальная часть, но затем композитор написал новый грациозный с элементами юмора народный финал. Fuga издана в мае 1827 г. как самостоятельное произведение и вошла в концертную практику как квартет № 16 или № 17. Бетховенское название по-французски: Grande Fugue tantôt libre, tantôt recherchée переводится «Большая fuga то свободно, то тщательно отделываемая».

² Байрёйт — немецкий оперный театр («Театр Вагнера») в Байрёте (Бавария), созданный по замыслу Вагнера при поддержке баварского короля Людвига II. Открыт в 1876 г.

³ Палестрина Джованни (1525—1594) — итальянский композитор, глава римской полифонической школы, выдвинувшийся в период контрреформации. Преобразователь и классик хоровой музыки (а капелла).

⁴ Лютер Мартин (1483—1546) — деятель Реформации, основатель протестантизма (лютеранства) в Германии.

⁵ Большая соната для клавира с молоточками (Hammer-klavier) B-dur, op. 106 (№ 29). Посвящена эргерцогу Рудольфу.

⁶ Соната op. III — фортепианная соната c-moll № 32; op. 106 — фортепианная соната B-dur № 29.

⁷ Дебюсси Клод Ашиль (1862—1918) — французский композитор-импрессионист. Выступал и как музыкальный критик.

⁸ «Крейслериана» и «Симфонические этюды» — фортепианные циклы Шумана.

⁹ Экхарт (Eckhart) Иоганн, Мейстер Экхарт (1260—1327) — немецкий средневековый философ-мистик. Лурье цит. по кн.: Мейстер Экхарт. Проповеди и рассуждения / Пер. со средневерхнемецкого и вступ. статья М. В. Сабашниковой. М.: Мусaget, 1912. С. 4.

¹⁰ «...durch Leiden Freude» («...радость через страдание») — эти знаменитые слова, в которых главный мотив жизненной философии и музыки Бетховена, композитор написал в письме к графине Марии Эрдеди (а не к М. Лихновскому, как ошибочно указывал Лурье) от 19 октября 1815 г.: «Мы, смертные, воплощающие бессмертное духовное начало, рождены лишь для страданий и радостей; и едва ли будет неверным сказать, что лучшие из людей обретают радость через страдание» (Письма Бетховена, 1812—1816 / Сост. Л. С. Фишман. М., 1977. С. 303).

¹¹ Из письма Бетховена к М. Лихновскому от 21 сентября 1814 г.: «Один, один, один» (С. 257).

II. ПУБЛИКАЦИИ

ПИСЬМА С. В. ЭНГЕЛЬГАРДТ К А. А. ФЕТУ

Часть II*
(1874—1884).

Публикация Н. П. Генераловой

51

29 января (10 февраля) 1874.

Москва, января 29.

Мой милый Фет, в письмах я буду по привычке употреблять ваш псевдоним, называл же меня Щербань Ольгой.¹ — Да, ваше письмо меня очень удивило,² знаете почему? Я спрашивала: чего же вы ждали? Почему все это не было сделано уже давно? Но, как бы то ни было, дело устроилось; остается только поздравить вас с успехом.³

Что бы вы ни говорили о деревне, я все-таки ненавижу ее, зимой в особенности, потому что не добьешься ни доктора, ни помощи вовремя. Если б брат занемог в Москве, не то было бы, что теперь.⁴ Первый удар был очень легкий, но до прихода докторов повторился. Отец мой умер в деревне.⁵ Тогда железных дорог не было, и плохо приходилось тем, которые жили во сто верстах от Москвы. Эти воспоминания внушили мне страх к захолустью. Слава Богу, что Марья Петровна вас вызнала и почуяла, что ее присутствие необходимо для вас.⁶

Вы слишком строги к роману Сальяса.⁷ О нем мало сказать *недурно*, иные места даже очень хороши. Н<a>п<ример>, мщение князя Данилы, да он и целиком хорош. Хороша и Милуша. Я не могла прочесть равнодушно сцену крестного хода в Казани. Главный недостаток романа — *Толстой*. Автор не мог от него отделаться.⁸ Сестра моя это заметила в разборе, напечатанном в «Моск<овских> ведомостях»,⁹ но Катков нашел, что она совершенно *не права*, и вы-

* Продолжение. Начало публикации см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб., 1998.

марал все замечания, неместные для Сальяса.¹⁰ Что же однако Параша, коли не второй № Наташи?¹¹ Трудно, впрочем, указать, где Голстой в «Пугачевцах»; — нет-нет и вдруг почувешь его присутствие. Я, однако, думаю, что Сальяс выработает свое «я». — Он показал много силы в описаниях слишком часто повторенных ужасных сцен; показал тоже большое знание народного языка и народного характера.

Прочту непременно «Gog et Magog».¹² Во Франции наконец-то повышаются голоса, требующие изгнания кокоток из литературы. — Пора!

Когда вы приедете в Москву, не забывайте обо мне.

С. Энгельгардт.

Год написания письма устанавливается по содержанию: роман Е. А. Салиаса «Пугачевцы» печатался в 8, 9, 10, 11 №№ «Русского вестника» за 1873 г.; в 1873 г. Фет вернул себе родовое имя Шеншиных.

¹ Возможно, в не дошедшем до нас письме Фет определил свою фамилию как литературный псевдоним, но на самом деле это была фамилия его матери по первому браку, которую Фет носил с 14-ти лет по настоянию отца, А. Н. Шеншина, вынужденного пойти на этот шаг в связи с отсутствием свидетельства о браке с матерью Фета, заключенном до его рождения. При крещении 12 декабря (30 ноября) 1820 г. Фет был объявлен законным сыном А. Н. Шеншина, но в это время мать его еще была «законной» женой И.-П.-К.-В. Фета. Бракосочетание по православному обряду А. Н. Шеншина и Шарлотты Фет (рожд. фон Гагерн) состоялось лишь 16 (28 сентября) 1822 г., вот почему в 1834 г. Фет оказался «дармштадским подданным», потерявшим русское дворянство и права на наследство. Попытки его вернуть дворянство на военной службе не увенчались успехом, и только в 1873 г. указом Александра II Фету было возвращено родовое имя и восстановлены его права «по роду и наследству». Подробнее об эт. см.: *Кожин В. О тайнах происхождения Афанасия Фета // Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета. Курск, 1993. С. 322—328. С Н. Ф. Щербиной С. Энгельгардт познакомилась в начале 50-х гг., он стал постоянным посетителем салона сестер Новосильцевых. С. Энгельгардт называла Н. Ф. Щербину «крестным отцом» за то, что он придумал ей литературный псевдоним «Ольга N», отчего и называл ее Ольгой. В воспоминаниях С. Энгельгардт остался портрет Н. Ф. Щербины (*Ольга N. Из воспоминаний // Рус. обозрение. 1890. Т. 6, ноябрь. С. 85—113*).*

² Письмо Фета неизвестно.

В течение долгого времени сам Фет был уверен, что А. Н. Шеншин не был его отцом. Об этом свидетельствует его письмо к невесте М. П. Боткиной от 16 (28) июля 1857 г., где он излагал известную ему версию (см. об этом: *Бухштаб Б. Я. А. А. Фет. Очерк жизни и творчества. Изд. 2-е, Л., 1990. С. 4—6*). Однако, в 1873 г. появились новые обстоятельства, побуждившие поэта вернуться к этой проблеме. Вот как он изложил их в сохранившемся отрывке из письма к И. С. Тургеневу: «...Судьба решила иначе — обоих детей (т. е. племянников Фета — Петю Борисова и Ольгу Шеншину, опекуном которых он стал — *Н. Г.*) спрашивают то и дело, почему Фет тебе дядя — и выходит та же чушь в новое поколение. Приведу их к могиле дедов — тоже чулуха. — Баста! подумал я, сам я таскал это незаконное ядро всю жизнь и пятнал мать, теперь внучата будут делать то же. Между старыми бумагами отыскался указ Консistorии Орловск<ой> о браке 2 октября <18>19 года моей матери с Шеншиным по лютер<анскому> обряду за границей и метрика о рождении в с. Новоселках у р<отмистра> Шеншина сына Афанасия, переделанная 15 лет спустя в Фета, перед вступлением<ем> в Универ<ситет>. Все это мной поднесено на Высочайшую милость и вчера Долгорук<ий> уведомил меня, что гвар<дии> ш<таб>-р<отмистру> Фету возвращены именем Его Величества указом от 23 декабря — все права по роду и наследству ему как Шеншину принадлежащие. Итак, кроме литературы, Фета нет. Я чувствовал и чувствую, что обязан был это сделать, даже в видах значения опекуна» (См.: Про-

блемы изучения жизни и творчества А. А. Фета. Курск, 1993. С. 333). Сходное обоснование своего решения Фет дал и в своих воспоминаниях (*Фет А. А. Мои воспоминания*. М., 1990. Т. 2. С. 270—276). «Теперь, когда все, слава Богу, конечно, ты представишь себе не можешь, — писал Фет жене 10 (22) января 1874 г., — до какой степени мне ненавистно имя Фет... Если спросить: как называются все страдания, все горести моей жизни, я отвечу: имя им — Фет...» (цит. по: Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. В 2-х тт. М., 1978. Т. 1. С. 428). Толстой, как и С. Энгельгардт, тоже был удивлен, получив известие от Фета, хотя и радовался его «мужеству распутать, когда бы то ни было»: «Я всегда замечал, что это мучило вас, и, хотя сам не мог понять, чем тут мучиться, чувствовал, что это должно было иметь огромное влияние на всю вашу жизнь» (Там же. С. 427).

⁴ Брат С. Энгельгардт Александр Владимирович Новосильцев (1822—1884) был товарищем Фета по Московскому университету и членом кружка Ап. Григорьева (см. *Фет А. А. Ранние годы моей жизни*. М., 1893. С. 154). Летом 1864 г. с ним случился удар, от которого он не оправился до конца жизни (см. письмо С. Энгельгардт к Фету от 20 сентября (2 октября) 1864 г.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год).

⁵ Описание смерти отца С. Энгельгардт, В. В. Новосильцева, содержится в воспоминаниях ее сестры Е. В. Новосильцевой, писавшей под псевдонимом «Т. Тольчовой»: Семейные записки Т. Тольчовой. М., 1865. С. 64—65.

⁶ В недошедшем письме Фет, очевидно, сообщал о перенесенном приступе удушья, которым он страдал много лет.

⁷ Речь идет о первых томах романа Е. А. Салиаса (наст. имя: Е. А. Салиас-де-Турнемир, сын Е. В. Салиас-де Турнемир, приятельницы С. Энгельгардт, писавшей под псевдонимом «Евгения Тур»; 1840—1908), которые печатались в «Русском вестнике» под названием «Пугачевцы»: т. 1 — «Бегуны» (Рус. вестник. 1873. № 8, 9); т. 2 — «Земцы и немцы» (там же, № 10, 11). Отд. издание романа вышло в 1874 г. в Москве.

⁸ Влияние Л. Н. Толстого было отмечено почти всеми рецензентами и критиками романа Салиаса, хотя этот факт оценивался ими по-разному (см., например: Русский вестник. 1874. № 4. С. 879; *Скабичевский А. Сочинения*. СПб., 1903. Т. 1. С. 768—769; *Введенский А. И. Граф Е. А. Салиас // Исторический вестник*. 1890. № 8. С. 387 и др.). Фет, однако, иначе отнесся к сравнению Толстого и Салиаса, о котором писал своей корреспондентке 2 (14) марта 1874: «Без сомнения, он человек умный, даже талантливый. Умный уже потому, что поражен Толстым. Но да хранят Вас силы неба от сравнения Сальса с Толстым. Что бы Вы сказали, если бы на Ваш восторг перед восходящим солнцем, я воскликнул: „Да, великолепно! и у меня в кармане тоже есть круглая горошина!“ — У одного все рождено, не сотворено, у другого все сочинено и собрано по лоскуткам. Чувства меры, т. е. художественного вкуса — никакого. Пусть он как умный человек окружит себя картинами G. Doré, этого модного закройщика живописных нелепостей — и скажет себе, вот куда может прийти талант, ищущий эффектов во что бы то ни стало. У него прекрасное, мастерское место въезд на колокольню, но когда он заставил героя повернуть лошадь задом, чтобы съехать вниз, — у меня и руки опустились. Что это самая крупная современная вещь в литературе — спора быть не может; но поминать при этом Толстого невозможно» (см.: *Фет А. Стихотворения*. Проза. Письма. М., 1988. С. 381—382. В дальнейшем ссылки на это издание даются сокращенно: *Фет. СПП*).

⁹ Разбор романа Е. Салиаса «Пугачевцы», подписанный криптонимом «Т. Н.», был напечатан в № 18—19 (от 19 и 20 января) «Московских ведомостей» за 1874 г. Письмо С. Энгельгардт дает возможность атрибутировать эту статью Е. В. Новосильцевой (Т. Тольчовой).

¹⁰ Редактор «Русского вестника» М. Н. Катков был одновременно и редактором газеты «Московские ведомости». Несмотря на указание С. Энгельгардт, в рецензии Е. В. Новосильцевой остались некоторые замечания по поводу злоупотребления автором «кровавыми сценами» и излишними подробностями. Анализируя эпизод с жестокой шуткой, в результате которой умер турок Измаил, автор статьи замечал: «Это прадеды тех удалцов, которых граф Толстой изобразил в „Двух гусарах“. Но ухарство потешников носит уже далеко не тот характер, что разгул дедов» (Московские ведомости. 1874. № 19, 20 января. С. 4).

¹¹ Имеется в виду героиня романа Толстого «Война и мир» Наташа Ростова.

¹² О какой книге идет речь, установить не удалось.

25 января (6 февраля) 1875.

Москва, января 25.

Мой милый Фет, я восхищаюсь антологическими стихотворениями Leconte Delisle^a и посылаю вам образец его таланта.

«Héraclès au toureau»^b <...>¹

После таких стихов совестно продолжать прозой. Сегодня у нас был Мосолов — молодой,² и рассказывал, что на днях он обедал с Антокольским. Антокольский осматривал место, на котором хотят поставить монумент Пушкина, за который он, слава Богу, взялся.³ Вы видели, вероятно, его статую Ивана Грозного.⁴ Как хороша! Жаль только, что этот гнусный зверь перейдет потомству в таком виде. Антокольский едет в Рим, где он окончит Христа перед Пилатом.⁵ В иностранных журналах пишут, что 19 век не произвел ничего подобного.

Затем жму вам руку и прошу передать весточку о себе и всех ваших.

С. Энгельгардт.

Письмо датируется на основании упоминания о начале работы М. Антокольского над памятником А. С. Пушкину в 1874—75 и отъезде его из Москвы в Италию в марте 1875.

¹ Далее приводится текст стихотворения Л. де Лиля «Геракл и бык» на франц. языке.

Последние две строки этого стихотворения Леконта Делиля Фету не понравились. Откликаясь на неизвестное письмо Фета, С. Энгельгардт писала ему 20 апреля (2 мая) 1875: «Помните, я Вам послала «Héraclès au taureau». Вам не понравился стих: «Tandis que blancs dompteurs de ce soudain peril / De grands muscles roidis gonflaient son bras viril» («Пока белые укротители этой внезапной опасности / Огромные напряженные мускулы вздулись на его мужественной руке» — франц. — Н. Г.). Мне нравится «blancs dompteurs» (белые укротители — Н. Г.), но почему поэту не сказать то, что изобразил бы скульптор?» (см.: А. А. Фет. Проблемы изучения... с. 214). С. Энгельгардт выписала сборник Л. де Лиля «Les poèmes barbares» («Варварские стихотворения»), вышедший в Париже вторым изданием в 1872 г., по совету Фета, которому, в свою очередь, порекомендовал его И. С. Тургенев. В письме к Фету от 1 (13) декабря 1873 С. Энгельгардт писала: «По-моему, у этого господина замечательный талант. Какая сила выражений, какая свежесть в форме! Какие картины! Но эта поэзия пробудила в душе столько струн, до которых я не хочу дотрагиваться, разбередила такие больные места, что я решилась возвратить книгу Готье и взяла другую в обмен» (см.: Ежегодник Рукописного отдела на 1994 год).

² Очевидно, речь идет о художнике и гравере Н. С. Мосолове (1847—1914), внуке Николая Семеновича Мосолова, собирателя картин старых мастеров и знатока живописи, о которых С. Энгельгардт оставила теплые воспоминания. Мосоловы были соседями сестер Новосильцевых по Серпуховскому уезду (см.: Ольга Н. Из воспоминаний // Русский вестник. 1887. Т. 193, ноябрь. С. 160—170).

³ В 1874 г. М. М. Антокольский, находясь в Неаполе, начал работать над эскизом памятника А. С. Пушкину; приехав в декабре 1874 г. в Москву, он продолжил работу

^a Леконта Делиля (франц.).

^b «Геракл и бык» (франц.).

и сделал новый эскиз в глине, в марте 1875 г. была сделана отливка его в гипсе, после чего Антокольский вернулся в Италию. Проект памятника, представленного на конкурс, однако, не оправдал ожиданий почитателей Антокольского. Пушкин был изображен сидящим на скале, по которой к нему поднимались персонажи из его произведений: Мельник, Татьяна, Моцарт, Скупой рыцарь и др. Многоплановость композиции, отсутствие цельности и перегруженность фигурами вызвали ряд отрицательных откликов в прессе. И. С. Тургенев писал 10 (22) мая 1875 П. В. Жуковскому: «...я нахожу его проект памятника Пушкину „le sublime de tchéroukha“» («высшей степенью чепухи», франц.) (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 28 т. Письма. М.-Л., 1966. Т. 11. С. 77). Победу на конкурсе одержал А. М. Опекушин.

⁴ Статуя М. М. Антокольского «Иван Грозный» (1871) принесла ему мировую известность, за нее скульптору было присвоено звание академика, она демонстрировалась на Первой передвижной выставке в Москве и Международной выставке в Лондоне в 1872 г. Восторженную статью посвятил Антокольскому И. С. Тургенев, увидев в его мастерской статую «Иван Грозный» (см.: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. в 30 т. Сочинения. М., 1982. Т. 10. С. 259—261). Позднее Антокольский создал бюст Тургенева.

⁵ Имеется в виду статуя Антокольского «Христос перед судом народа», выполненная в 1876 г. в мраморе и отлитая в бронзе в 1878 г. На Всемирной выставке в Париже в 1878 г. Антокольский был награжден почетной медалью и орденом Почетного легиона. Возможно, в первоначальном замысле скульптура носила название «Христос перед Пилатом». «Это вполне гениальная вещь, — писал Тургенев, — Из-за одной этой статуи стоит сюда приехать» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. в 28 т. Письма. М.-Л., 1966. Т. 12, кн. 1. С. 279). Простота и человечность образа Христа, однако, не всеми были приняты как достоинства статуи. Косвенное мнение о ней находим у Фета: «Вы подчеркиваете в вашем Христе еврея, плотника, странника на счет царя и Господа, которого требует идея, и отгоняете лучшего вознестись в безотносительное, в ту же тесноту, от которой он уповал уйти. Ваша будничная правда становится в искусстве клеветой. Ведь искусство — праздник жизни...» (см.: Фет А. А. Предисловие и комментарии ко II-й части «Фауста» Гете / Публикация Н. П. Генераловой: 175 лет со дня рождения Афанасия Афанасьевича Фета. Сб. научных трудов. Курск, 1996. С. 75—76).

53

26 августа (7 сентября) 1875.

Москва, августа 26.

Мой милый Фет,

Посылаю вам мои переводы.¹ Исправленное издание не дошло еще до Москвы и долго пролежит в цензуре, потому вы получите экземпляр, перемаранный моей рукой. Я переделала все то, что вы уже читали два года тому назад;² но вы строгий судья, и вряд ли я на вас угодила. Как бы то ни было, — прочтите и скажите ваше мнение. Начните с «Египетских ночей».³

Все, что вы рассказываете о пожарах, ужасно, но не удивляет меня. В рязанской губ<ернии> пожары ежедневные; на днях наши знакомые Щербачевы⁴ приехали из Орловской губ<ернии> (уезда не помню) — и рассказывали, что каждый день в 11 часов вечера где-нибудь вспыхивал пожар. Многих поджигателей оправдают, других сошлют на несколько лет в Сибирь; они вернуться в добром здоровье и опять примутся за свое ремесло.⁵

Не можете ли вы мне прислать адрес графа Толстого, автора «Потока Богатыря»?⁶

Скажите, как его зовут *по батюшке*. — Вот еще просьба. Где вы берете воду для глаз? Вам ее давала купчиха.

Жду вашего ответа. Прошу передать мой поклон Марье Петровне.

С. Энгельгардт.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. На Московско-Курской железной дороге, полустанция Еропкино.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 27 авг. 1875.

2) Моск. центральный отделение, 27 авг. 1875.

¹ Речь идет о переводах С. Энгельгардт на французский язык нескольких произведений А. С. Пушкина, которые вышли в Париже в 1875 г.

² С. Энгельгардт нередко просила Фета просмотреть переводы на французский язык с русского или с русского на французский, выполненные ею или ее сестрой Е. В. Новосильцевой (псевд. Т. Толычова). Обсуждались они и в устных беседах. Так, 19 ноября (1 декабря) 1871 она писала: «Монолог из „Скупого рыцаря“ я перевела и посылаю вам, не изменив стиха, о котором мы спорили...» (См.: А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 211. Далее ссылки на это издание даются сокращенно: *Фет. Проблемы изучения...* с указанием страницы).

³ Помимо «Египетских ночей» А. С. Пушкина, в издании 1875 г. вошли: «Борис Годунов», «Моцарт и Сальери» и «Скупой рыцарь». О переводе «Египетских ночей» см. письмо С. Энгельгардт к Фету, помеченное сентябрем 1871 г. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год).

⁴ Возможно, семья композитора Н. В. Щербачева.

⁵ В это время в России расширилась сеть революционных организаций, готовивших террористические акты, что вызвало ответные меры правительства.

⁶ Стихотворение А. К. Толстого «Песня о Потоке-Богатыре» было впервые напечатано в «Русском вестнике» (1871. № 7) без трех последних строф, с добавлением заключительной строфы. Правка была внесена Толстым по совету М. Н. Каткова. Выразив в «Потоке-Богатыре» свои социально-политические взгляды, Толстой изобразил здесь в сатирической форме современных нигилистов, чем заслужил порицание в среде революционеров и либералов и одобрение в охранительных кругах.

29 сентября (11 октября) 1875.

Сентября 29.

Мой милый Фет,

Что вы молчите? Что у вас делается? Получили ли вы мое последнее письмо? — Вы мне обещали адрес купчихи, которая лечит глазные болезни, и не прислали. Если вы достали этот адрес, пришлите его, пожалуйста.

Мне сказали, что жена Толстого очень больна и отправляется с ним за границу.¹ Так много врут и лгут, что я уже не верю никакому слуху, но вы должны знать, насколько тут правды. Напечатает ли он в «<Русском> вестнике» вторую половину «Анны Карениной»?²

Вот вам еще вопрос: кто управляет именем вашей воспитанницы? ³ Я полагаю, что вы не можете им заниматься без помощи хорошего управляющего. Есть ли у вас такой управляющий?

Вымолвите словечко. Здоровали Марья Петровна? Скажите ей, что Катерина Сергеевна Бородина ⁴ провела лето в Москве, у своей матери в Голицынской больнице. Она еле жива, бедняжка так счастлива, что страшно боится смерти. Я уже не говорю об ее бедной матери и о муже, но все, кто только ее знал, жалеют об ней и боятся за нее.

С. Энгельгардт.

Чем кончился роман Оли с соседом?

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету. На Московско-Курской железной дороге, полустанция Еропкино.

Почтовые штемпели: 1) Центр. Моск. Отделение, 30 сент. 1875;
2) Моск. Южная железная дорога, 30 сент. 1875.

¹ Жена Л. Н. Толстого Софья Андреевна после смерти 10-ти месячного сына в феврале 1875 г. долго не могла оправиться и была больна «какой-то другой, непонятной лихорадкой» (письмо Толстого к Фету от 30, 31 марта (11, 12 апреля) 1875 г. См.: Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. 1. С. 437). Летом Толстой повез жену в Самарскую губернию, откуда они вернулись в конце августа по ст. ст. За границей Толстые в это время не были.

² Роман «Анна Каренина» печатался в «Русском вестнике» с большим перерывом. Первые 14 глав — в № 1 за 1875 г., продолжение — в №№ 3—4, следующие главы начали печататься с январского выпуска 1876 г., последние же главы лишь в первых номерах за 1877 г. По поводу романа Толстого между С. Энгельгардт и Фетом возникли споры, частично отраженные в письмах корреспондентки от 20 апреля (2 мая) и 19 (31) мая 1875 г., где она высказала ряд замечаний, вызвавших у Фета горячий отпор. В частности, С. Энгельгардт писала, что в таланте Толстого нет «той обаятельной прелести, которая была нам так дорога в прежних повестях Тургенева», что «у Толстого нет идеала...», а его «идеал Левин» «просто невыносим» (См.: *Фет. Проблемы изучения...* С. 213). В недошедшем письме Фет решительно противопоставил Толстого и Тургенева не в пользу последнего, увидев почти во всех его произведениях тенденциозность и надуманность (Там же. С. 214—215). Замечания С. Энгельгардт, очевидно, запомнились Фету, который в письме к Толстому от 11 (23) марта 1877 г. продолжил полемику, хотя и не назвал имя своей корреспондентки: «„Как жаль, что у Толстого нет идеалов!“ На это я даже не нашелся, что сказать: „Ему буйволица — дорожке передовой женщины.“ Надо было отвечать: „Потому что буйволица в своем роде совершенство, а Ваша передовая женщина — черт знает что!“» (Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. 1. С. 464. Здесь же содержится еще одно «воспоминание» — о споре с С. Энгельгардт по поводу «Казак»).

³ Речь идет о племяннице Фета Ольге Васильевне Шеншиной (в замуж. Галаховой, 1858—1942), над которой Фет оформил опекунство в 1871 г., после смерти ее опекуна И. П. Борисова. Несколько лет поэт упорно занимался воспитанием девочки, взятой из пансиона, но в 1877 г. отказался от опекунства. Ольга Васильевна получила по наследству с. Клейменово, в котором когда-то родился Фет. Здесь же он был похоронен в 1892 г. в Покровской церкви, выстроенной Галаховой.

⁴ Е. С. Бородина (рожд. Протопопова, 1832—1887) — с 1863 жена композитора А. П. Бородина, талантливая музыкантша, концертировавшая в Европе, давняя знакомая Фетов и С. Энгельгардт.

22 апреля (4 мая) 1877.

Апреля 22, Москва.

Мой милый Фет, как жаль, что вы не в Москве! Со дня объявления войны¹ флаги развеваются на всех улицах, составляются комитеты в пользу раненых, все принимают в них участие и на всех радостные лица. Россия не запомнит такой войны. И какое славное у нас войско! Люди недоброжелательные распускают разные слухи, что будто в нем и следов не осталось прежней доблести, а на деле выходит, что в несколько дней оно уже сделало чудеса. Легко ли было провезти артиллерию на протяжении ста верст, по непроходимым дорогам. Наш Юрий² в Кишиневе, служит при Красном Кресте и пишет с восторгом о всем, что он видит и слышит. Наконец, французские и английские корреспонденты не нахвалятся нашей армией. Французы писали: «Avec une armée comme celle-ci on pourrait conquérir le monde entier».³

Слава Богу, *немногие* из наших дам забыли о войне для знаменитого Росси;⁴ зато эти *немногие* нас срамят; догоняют его на улице, *представляют* ему своих дочерей, а дочери стоят перед ним, на вечере, например, и смотрят на него разиня рот. Стихотворение, которое он внушил Аверкиеву,⁵ перенесло меня своей изящностью в глубокую даль. У Голохвастовых⁶ был нахлебник, доморощенный поэт Иван Алексеевич Добров. Он написал по случаю рождения сына Дмитрия Павловича:⁷

В дом Голохвастова поспешно
Спешите, Грации, скорей
И на малютку преутешно
Стремитесь взорами быстрей.

Что вы скажете о «Нови»?⁸

Здоровы ли вы? Оля очень понравилась Оболенским и Шатиловым.⁹ Первый шаг в свет труден, но будущей зимой она уже встретит старых знакомых в московских кружках, и ей будет весело. Моя племянница еще у нас,¹⁰ но едет на днях в деревню. Она поручает мне передать поклон Оле.

От всей души жму вам руку.

С. Энгельгардт.

Если Марья Петровна не забыла, что я <есть> на свете, поклонитесь ей от меня.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Московско-Курская железная дорога, полустанция Еропкино.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 23 апр. 1877;

2) Моск. Центр. Отделение. 23 марта 1877.

^a «С такой армией можно победить весь мир» (франц.).

¹ Имеется в виду русско-турецкая война 1877—1878 гг.

² Юрий Александрович Новосильцев, сын А. В. Новосильцева, племянник С. Энгельгардт.

³ Позднее стало очевидно, что Англия и Франция в русско-турецкой войне подерживали Турцию. «Я не могла читать их возмутительные статьи о *бедном больном человеке*: так было принято называть Турцию», — писала С. Э. Фету 9 (21) октября 1878 (См.: *Фет. Проблемы изучения...* С. 217).

⁴ Итальянский трагик Эрнесто Росси (1829—1896) в это время гастролировал в России.

⁵ Д. В. Аверкиев (1836—1905) в 70-е годы был театральным рецензентом газеты «Московские ведомости».

⁶ Имеется в виду семья Д. П. Голохвастова (1796—1849), двоюродного брата А. И. Герцена, помощника, затем попечителя Московского учебного округа в 30-х—40-х гг. Женой его была родная сестра С. Энгельгардт Надежда Владимировна (рожд. Новосильцева). В их доме С. Энгельгардт часто бывала.

⁷ См. примеч. 6 к наст. письму.

⁸ Роман И. С. Тургенева «Новь» был впервые опубликован в 1, 2 номерах «Вестника Европы» за 1877 г. Говоря о судебных процессах над революционерами, Фет писал Толстому 9 (21) марта 1877: «Там судят на казенный счет червонных валетов, которые разбросали по всем слоям общества свои карты, а тут Тургенев в „Нови“ выставляет их единственно нравственными людьми среди общего сброда негодяев и дураков» Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. 1. С. 463). В письме к Толстому от 11 (23) марта того же года Фет называет роман Тургенева «Евангелием червонных валетов» (Там же. С. 465).

⁹ Фет вывозил О. В. Шеншину в свет и частично поручил ее заботам С. Энгельгардт, у которой была племянница приблизительно того же возраста. Шатилов И. Н. (1824—1889) — помещик Тульской губернии, образцовый хозяин, знакомый Фета и Толстого. Оболенский — возможно, Д. Д. Оболенский (р. 1844), тульский помещик, знакомый Фета и Толстого.

¹⁰ Племянница, которую в семье звали Нуня, была дочерью А. В. Новосильцева.

56

11 (23) мая 1877.

Мая 11.

Мой милый Фет, 3 мая прошло, так как я вас не видала, я надеюсь, что вам лучше и что вы остались в деревне. Если вы хорошо себя чувствуете и останетесь в Степановке, напишите мне об этом *два слова*. Во-первых, мне хочется убедиться, что вам лучше; я помню, как вы страдали тому назад лет 5, во-вторых, есть другая причина. Один знакомый мне господин собирается в вашу сторону и желает побывать у вас.¹ Я ему обещала рекомендательное письмо. О войне мы лучше говорить не будем.² — Если б у вас была любимая дочь и вам бы дали на выбор — видеть ее опасно больной на время или обесчеченной навсегда, — что бы вы выбрали? Наверное, болезнь. Россия воспримет после войны. Я в этом убеждена. За ней останется бессмертная слава, точно так, как за Англией останется бессмертный позор.

Анна Каренина умерла; через месяц мы будем ее хоронить.³ Не в праве ли я была, говоря, что всякая женщина полюбила бы Вронского скорей, чем Левина?⁴ Вронский прелестный человек.

От всей души жму вашу руку. Передайте вашим мой поклон.

С. Энгельгардт.

Год написания письма определяется упоминанием о появлении в печати последних глав романа Толстого «Анна Каренина».

¹ О ком идет речь, установить не удалось.

² Отношение Фета к русско-турецкой войне было сложным: он был далек от патристической эйфории славянского движения и считал, что война нанесла России огромный материальный ущерб, от которого она долго не оправится. Поэт, однако, очень внимательно следил за ходом военных действий, тем более, что в болгарском походе участвовал его брат Петр Афанасьевич. Откликаясь на «строгий отзыв о России» в связи с войной и общей политической ситуацией, С. Энгельгардт писала Фету 9 (21) октября 1878: «Пошлее нашей политики нет ничего на свете, но мы не лжем, не интригуем, не обманываем бессовестно; не жертвуем миллионами человеческих жизней за несколько сотен ливров стерлингов» (См.: *Фет. Проблемы изучения...* С. 218). «Под какие международные права подведет Комаровский (Л. А. Комаровский — профессор международного права Московского университета — Н. Г.) теперешний турецко-европейский менуэт? Вот кабы русачки взяли Вену, Дарданеллы да Царьград, вот бы и были права, и историки бы доказали как 2 × 2, что иначе не могло быть, а если мы чего не досчитаемся, то Аксаков (И. С. Аксаков, принимавший активное участие в создании славянских комитетов и пропаганде дела освобождения болгар — Н. Г.) нам не поможет» (Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. 1. С. 471).

³ Седьмая часть романа «Анна Каренина», завершающаяся смертью Анны, была опубликована в апрельском номере «Русского вестника» за 1877 г. Очевидно, С. Энгельгардт ожидала, что в следующих номерах появится окончание романа, но восьмая часть (эпilog) была впервые напечатана лишь в отдельном издании 1878 г.

⁴ С. Энгельгардт напоминает Фету свое суждение, высказанное в письме от 20 апреля (2 мая) 1875: «Я опять хочу покаяться перед вами: Левин невыносим! Я, не обинуясь, предпочла бы ему Вронского. Всякая добросовестная женщина сказала бы вам, что она разделяет мое мнение <...> Природу не переспоришь, не обманешь, не уломаешь никакими проповедями и доказательствами...» (См.: *Фет. Проблемы изучения...* С. 213).

57

7 (19) января 1878.

<ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО.
ГОРОДСКОЕ>

Мой милый Фет, я была сегодня у вас, в гостинице Миклошевского, и мне сказали, что вы съехали неизвестно куда. Здоровы ли вы и долго ли пробудете в Москве?

С. Энгельгардт.

На почтовой открытке: Его Высокоблагородию Дмитрию Петровичу Боткину. В собственном доме, у Покровских ворот. Для передачи А. А. Шеншину.

Почтовый штемпель: Москва, 7 января 1878 г.

16 (28) января 1878.

Москва, января 16.

Мой милый Фет,

Я получила ваше письмо и сей час отвечаю, начиная с того, что отвратительные намерения вашей племянницы не могут быть серьезны.¹ Ее же друзья ей докажут, что не только она осрамится навсегда, но останется в убытке, ибо должна будет заплатить за *dommages intégrets*.² Она уже и так осрамлена; довольно. С Вяземским я не говорю,² но просила его тетку узнать от него, когда Ольга В. намерена начать с вами процесс. — Он отказался от своих *собственных* слов, уверяя, что он об этом и знать не знает, но слышал кто-нибудь, *должно быть*, об этом предполагаемом процессе у Баратынских.³ Баратынские, как и многие, возмущены против вашей племянницы. — А вы не думайте об ней, ради Бога; займитесь вашим домом,⁴ вашими книгами; друзья у вас есть, и все люди хорошие. Конечно, тяжело, я это вполне понимаю, но верьте мне, чтоб забыть о дряни есть одно только средство, а именно: заняться хорошим. Процесс начинают на каком-нибудь основании, а тут основания нет. Она так и останется при благородном намерении сделать гадость.

Я читаю журналы с упоением и надеюсь, что условия мира будут вполне достойны нас. Ненависть, которую мы внушаем, доказывает, что Европа нам завидует и нас боится.

Меня очень интересует книга, только что вышедшая в свет: «*Rabelais et son oeuvre*».⁵ Самого Rabelais я не читала; во-первых, язык непонятный,⁶ во-вторых, столько было говорено о цинизме автора, что мне не хотелось с ним познакомиться. Fleury познакомил меня с ним. Он его объясняет, рассказывает содержание книги до малейших подробностей, выписок много. Какой был замечательный человек и какой талант!

Нуня, моя племянница, благодарит вас за память и просит меня вам передать поклон. Я принялась за перевод «Дон Жуана»,⁷ и очень боюсь, что с ним не слажу. Когда кончу первую сцену — пришлю вам, и если вы будете ей довольны, то буду продолжать: если же нет — сожгу. — Скажите Марье Петровне, что я ее целую от всей души; вам крепко жму руку. В свободную минуту напишите.

С. Энгельгардт.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. На Московско-Курской железной дороге, станция Будановка.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 16 января 1878;
2) Моск. Почт. Центр. Отделение, 19 января 1878.

¹ убытки (*франц.*).

⁶ «Рабле и его творчество» (*франц.*).

¹ О. В. Шеншина, остановившись на несколько дней в Москве в пансионе г-жи Эвениус, сообщила Фету, что не желает возвращаться к нему домой, на что Фет принял решение отказаться от опеки и попечительства. Процесс, который, судя по письму, собиралась вести с Фетом О. Шеншина, был связан, возможно, с денежными расчетами, поскольку в качестве опекуна он распорядился ее наследством, в том числе и с. Клейменовым. Отношения с О. Шеншиной настолько повлияли на состояние Фета, что он принял решение расстаться со Степановкой, благоустройству которой отдал много сил и времени: «Так неожиданно разыгралось событие, еще раз указавшее мне наглядно, что жизнь причудливо уводит нас совершенно не по тем путям, которые мы так усердно прокладывали и расчищали. Ошибался ли я, или во мне говорило инстинктивное чувство самосохранения, но я вдруг почувствовал себя окруженным атмосферой недоброжелательства, резко враждебного моим наилучшим инстинктам. Мирная, отстроенная, обросшая зеленью Степановка сделалась мне ненавистна. Я в ней задыхался» (*Фет А. Мои воспоминания. М., 1890. Т. 2. С. 329*). Позднее поэт помирился с племянницей и оставил ей значительную часть наследства.

² Вероятно, речь идет о П. П. Вяземском (1820—1888), сыне П. А. Вяземского (1792—1878). О какой тетке Вяземского идет речь, установить не удалось.

³ Имеются в виду, очевидно, родственники Е. А. Баратынского (1800—1844).

⁴ Осенью 1877 Фет продал Степановку и купил имение Воробьевку в Щигровском уезде Курской губернии со старинной усадьбой и прекрасным парком.

⁵ Речь идет о книге: *Fleury J. Rabelais et son oeuvre. Paris, 1876—1877. V. 1—2.*

⁶ Книга Ф. Рабле написана на старофранцузском языке.

⁷ Речь идет о переводе на французский язык драмы А. С. Пушкина «Каменный гость» (1830). Отзыв Фета об этом переводе неизвестен.

17 (29) марта 1878.

Марта 17.

Мой милый Фет,

Пишу к вам по просьбе брата.¹ Он прочел сегодняшнюю статью о 19 февраля и был сильно тронут неожиданным концом. Действительно — две картины поразительны, — радостное «Ура», чудное освобождение края, — а там, в греческом доме, одинокий и неподвижный лежал князь Черкасский и т. д.² Какой мотив для лирического стихотворения! Брат просит вас написать стихотворение. — Напишите! — Если напишете, посвятите его брату, это ему будет очень приятно, — и пришлите стихотворение просто ко мне. Оно будет напечатано в «М^{осковских} ведомостях».³ Если вас внушил ваш медный бюст,⁴ я надеюсь, что вас внушит картина действительно поразительная.

Буду ждать с нетерпением вашего первого письма. Племянница моя шлет вам поклон. Все мы желаем вам всего лучшего.

С. Энгельгардт.

Я сама отдам стихотворение Каткову,⁵ а в лапы Любимова⁶ оно не попадет. Как бы мне хотелось, чтобы на вас слетело вдохновение.

На конверте: Его Высокоблагородию Афансию Афанасьевичу Шеншину. На Московско-Курской железной дороге, станция Будановка.

- Почтовые штемпели:* 1) Моск. Почт. центр. отделение, 18 марта 1878;
2) Почт. вагон № 15, 18 марта 1878.

¹ Имеется в виду А. В. Новосильцев, с которым Фет поддерживал дружеские отношения. См. письмо 51, примеч. 4.

² 19 февраля (3 марта) 1878 в Сан-Стефано был подписан мирный договор между Россией и Турцией, который позднее был изменен под давлением европейских держав в пользу Турции. В этот же день в Сан-Стефано умер видный деятель крестьянской реформы кн. В. А. Черкасский (1824—1878), возглавлявший во время русско-турецкой войны гражданское управление в Болгарии. Под «статьей о 19 февраля» С. Энгельгардт, очевидно, имеет в виду речь председателя Московского славянского благотворительного общества И. С. Аксакова, произнесенную 5 марта и посвященную памяти кн. Черкаского. В ней, в частности, говорилось: «Учредитель и организатор этой новой сотворенной Россией Болгарии сражен внезапно нервным ударом в селении Сан-Стефано, в виду Царьграда и Святой Софии, 19 февраля, в самый день подписания мирного договора». В своей пространной речи И. Аксаков вспоминал и заслуги Черкаского в деле освобождения крестьян (Московские ведомости. 1878. № 70, 16 марта. С. 4—5).

³ Об этом предложении Фет писал Толстому 20 марта (1 апреля) 1878: «Со страхом жду газет <...> Я задавал этот вопрос Каткову, то есть к чему приведут нас победы, если такие и будут? Нам не дадут никаких плодов, ни для себя, ни для других. На это он отвечал: „Влияние Англии на Востоке пало“. А что скажет он об этом влиянии, если оно восторжествует даже над очевидными для всего света победителями? И вот под этими неизменными впечатлениями получаю письмо от Энгельгардта (так в тексте! Публикатор допустила ошибку в прочтении фамилии — речь идет о С. В. Энгельгардт — Н. Г.): напиши я для „Московских ведомостей“ стихи на смерть Черкаского. Я, разумеется, отвечал, что это мне не по силам. И этот раз правда» (См.: Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. 2. С. 14—15).

⁴ С. Энгельгардт намекает на стихотворение Фета «К бюсту Ртищева в Воробьевке» («Прости меня, почтенный лик...»), посвященное основателю Воробьевки. В недошедшем письме Фет, очевидно, послал текст стихотворения, как он сделал это в письме к Л. Н. Толстому от 28 февраля (12 марта) 1878 (Там же. С. 12—13).

⁵ М. Н. Катков, редактор «Русского вестника», был одновременно и редактором газеты «Московские ведомости». С. Энгельгардт, как и ее сестра Е. В. Новосильцева (псевд. Т. Тольчова) печатались в журнале Каткова и поддерживали с ним дружеские отношения.

⁶ Н. А. Любимов (1830—1897) был ближайшим сотрудником М. Н. Каткова по «Русскому вестнику» и «Московским ведомостям». В письмах к Фету С. Энгельгардт нередко упоминала о дурном влиянии, которое оказывал Любимов на Каткова (см. письмо от 27 мая (8 июня) 1865 и примеч. 4 к нему: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год).

Мой милый Фет,

Я была очень больна, так больна, что не думала выздороветь: теперь еще не совсем оправилась и вот шесть недель не выхожу из дому, несмотря на хорошую погоду. И на сердце грустно. Юрий вернулся из-за границы в августе, надеясь провести зиму в Москве, но молдавская лихорадка не отстает от него, и он принужден ехать

обратно в Ментон.¹ Заграничная жизнь для него ссылка, он ее терпеть не может, и нам нелегко с ним расставаться. — Просто тоска.

Я слышала, что Тургенев был в вашей стороне.² Как он настроен? Что говорит о войне и о невероятных подвигах наших войск? За границей нас ненавидят более, чем когда-нибудь, потому что нам завидуют. Юрий говорит, что там русскому дышать нельзя, что воздух заражен этой ненавистью, — а Тургенев-то какую корчист физиономию, когда нас ругают и, должно быть, не стесняясь его присутствием.³ При других стесняются, по крайней мере. — Там превозносят до небес г-жу Засулич и ее приятелей и приятельниц.⁴ Называют ее *Vierá*.^a Бисмарк сказал: «La France a une agonie folâtre».⁶ — Как это умно! — У французов, по-моему, в настоящее время только два писателя, два мыслителя, Renan et Taine.^b Taine, должно быть, не вполне француз. Я подозреваю, что мать его не была безгрешна. «Les origines de la France contemporaine»^c — такое, во всех отношениях, произведение, что французы были бы не прочь сжечь автора на костре.⁵ Отрицать то, что он пишет, невозможно, а согласиться с ним — жутко. Повести в «Revue des deux Mondes» отвратительны. Авторы ничем не отличаются друг от друга. Один слог, одни лица. Эта фабрикация повестей доказывает, что французы потеряли окончательно всякое литературное чутье.⁶ — А что Толстой? Пишет ли он что-нибудь? — Прочли ли вы статью сестры о Некрасове в «Русском вестнике»?⁸

Передайте мой поклон Марье Петровне — от всей души жму вам руку.

С. Энгельгардт.

Год написания письма определяется по содержанию: упоминание дела В. Засулич и статьи Е. В. Новосильцевой о Некрасове в «Русском вестнике».

¹ Племянник С. Энгельгардт Ю. А. Новосильцев во время русско-турецкой войны служил при Красном Кресте в Кишиневе, см. письмо 55.

² И. С. Тургенев пробыл в России с 27 июля по 6 сентября ст. ст. 1878 г.

³ Еще во время сербо-турецкой войны 1876 Тургенев писал П. В. Анненкову 18 (30) августа: «Что касается до несчастных сербов, то их страдания вызвали во всей Европе — даже во Франции — странный факт наружу (не слишком, однако, странный) — а именно тот, что нас, русских (и славян), везде ненавидят и никакого к нам другого чувства не питают» (*Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 28 т. Письма М.; Л., 1966. Т. 11. С. 309*). Свое отношение к зверствам турок на Балканах и к попустительской позиции Англии в этом вопросе Тургенев высказал в стихотворении «Крбкет в Виндзоре» (1876), которое было запрещено даже русской цензурой и разошлось по всей России в списках. Оно было переведено на европейские языки и напечатано во Франции и в Америке. Что касается дальнейшего хода событий на Балканах, то отношение Тургенева к ним было схожим с тем, что высказывали Фет и Толстой: опасения, что Россия не получит никакой компенсации за свои героические усилия по спасению болгар от турецкого ига и окажется на пороге банкротства, заставляли их скептически оценивать итоги этой войны. 21 января (2 февраля) 1878 Тургенев писал Анненкову: «Вы знаете, какой я слабый „chauvin“ („шовинист“ — франц.) и славянофил; но я сам начинаю желать, чтобы мы пошли к Константинополю — что ли!» (Там

^a Вера (франц.).

^b «Франция находится в игровой агонии» (франц.).

^c Ренан и Тэн (франц.).

^d «Происхождение современной Франции» (франц.).

же. Т. 12, кн. 1. С. 268). А уже после подписания перемирия Тургенев констатировал: «Самое курьезное <...> во всем этом деле — ненависть и зависть, которую ощущают теперь в отношении к нам все французы без исключения» (Там же. С. 279).

⁴ 24 января (5 февраля) 1878 г. В. И. Засулич совершила покушение на жизнь петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. Приговором суда присяжных заседателей 31 марта (12 апреля) 1878 г. она была оправдана. Общественное мнение, как в России, так и за границей, резко поляризовалось в оценке решения суда. Любопытно, что во многих публикациях проводилась параллель между Засулич с Марианной из «Нови». Так, ведущий критик «*Revue des deux mondes*» G. Valbert писал: «Поэты являются провидцами; Иван Тургенев угадал Веру Засулич, когда писал героиню своей «Нови», Марианну Викентьевну, которая поклялась принести себя в жертву московитскому Молоху» (*Revue des deux mondes*. 1878. Т. 27, livr. de 1 mai. P. 220).

⁵ Выделяя из всей французской литературы Э. Ренана и И. Тэна, С. Энгельгардт прежде всего имела в виду их философские и общественно-политические взгляды, наиболее ярко высказанные ими в сочинениях этого периода. В своем фундаментальном труде «*L'Histoire des origines du christianisme*» («История происхождения христианства», 1863—1883), в своих «*Dialogues et fragments philosophiques*» («Философских диалогах и отрывках», 1876) Ренан, с позиций скептицизма, утверждал значимость религиозных воззрений в общем ходе цивилизации, видел в христианстве основы современной нравственности и протестовал против усиливавшегося революционно-демократического движения. Эволюционировавший после Парижской коммуны в стороны консерватизма И. Тэн (1828—1893) в 1878 г. выпустил второй том своего знаменитого труда «*Les origines de la France contemporaine*», который назывался «*La Révolution*» («Революция»). Первый том — «Старый порядок» («*L'Ancien régime*») вышел в 1875 г. Здесь Тэн дал правдивую историю Французской революции 1789—1794 гг., вскрывая ее буржуазный характер и разрушительный пафос. Оба мыслителя с опасением и неприязнью писали о склонной к бессмысленным поступкам «толпе», противопоставляя ей мыслящую личность.

⁶ Уровень беллетристического отдела в эти годы в «*Revue des deux mondes*» был действительно невысок. Здесь печатались довольно пошлые и банальные романы и повести В. Шербюльза, А. Терье, Т.-Б. Альдриха и др. второстепенных авторов.

⁷ В то время Л. Н. Толстой работал над романом «Декабристы», который не был завершен.

⁸ Статья Е. В. Новосильцевой «Поэзия Некрасова» была опубликована в майском номере «Русского вестника» за 1878 г. за подписью «Т. Толычова». В том же номере был опубликован очерк М. Ф. Де-Пуле «Николай Алексеевич Некрасов», что было вызвано желанием редакции «Русского вестника» высказаться с определенных позиций по поводу роли и места Некрасова в современной литературе уже после смерти поэта, последовавшей 27 декабря 1877 г. (8 января 1878 г.). Противопоставление Фета как представителя «чистого искусства» Некрасову, поэту «народному», было обычным в современной демократической критике. Сочувственно цитируя отзыв о «гибельности» влияния поэзии Некрасова на литературу, Е. В. Новосильцева затронула в своей статье вопрос о народности, вступив в полемику с Ф. М. Достоевским, который назвал Некрасова в своем «Дневнике писателя» «печальником народного горя». Искусство, с точки зрения автора статьи, «иначе существовать вовсе не может», как только само для себя (Русский вестник. 1878. Т. 135. С. 350). «Предвзятая мысль, задуманная заранее цель стесняют свободу его (художника — Н. Г.) порывов, парализуют его мощь» (Там же. С. 351). Опровергая мнение «Вестника Европы» о том, что стихотворения Некрасова были писаны, как и «Записки охотника» И. С. Тургенева, «*ради народа*», Е. Новосильцева, соглашаясь с оценкой большого влияния книги Тургенева, причину этого влияния находила именно в том, что Тургенев «писал тогда исключительно *ради искусства*» (Там же. С. 366). Заключая статью, она делала вывод: «Дело в том, что народность поэзии Некрасова не была правдой. Это была подделка. Когда поэт был подтянут и застегнут, то есть когда он, говоря словами г. Антоновича, „творил холодно, обдуманно и строго тщательно, с определенною, наперед намеченною целью“, он выдвигал из народа, хотя не всегда верные, но казистые фигурки. Но невозможно требовать от человека постоянной обдуманности. Приходят минуты забвения, минуты бессознательности, когда подделка уступает место правде, актер человеку. Под влиянием таких минут Некрасов не мог видеть и не мог догадываться, что колорит его

картин быстро меняется, что вместо трогательных сцен, вместо хороших крестьян являлись перед публикой люди, которым предстоит лишь три дороги:

„Кабак, острог да каторга“.

Актёр не выдержал роли» (Там же. С. 385). Отзыв Фета о статье Е. Новосильцевой неизвестен.

61

26 октября (7 ноября) 1878.

Москва, октября 26.

Мой милый Фет, знаете, что вы спорите недобросовестно? Вы мне выставляете напоказ всевозможные безобразия и спрашиваете: *и это я должен хвалить?*¹ — Кто же это похвалит? Всякий порядочный человек должен выть, рвать на себе волосы и жалеть, что не умер вовремя, чтоб не видеть этих беззаконий. Но за что же вы восстаете против сестер милосердия н<апример>. Они совершали подвиги самопожертвования и достойны всяческих похвал. Я это знаю от людей далеко не предубежденных, не увлекającychся, скорей холодных. Молодежь наша показала истинную любовь к родине, вся рвалась за Дунай. Как же ей не отдать справедливости? — Подумайте, давно ли мы стали русскими? Россия единственная страна в мире, которая не развивалась постепенно. Вопреки законов природы ее остановили на пути естественного развития, стали ее ломать и рубить топором и приказали ей онемечиться. Разумеется, все у нас и пошло кривь и вкось. В настоящее время нельзя бранить Россию именно за недуг, который постиг всю Европу. Нигилисты, денной разбой, мы их видим везде: во Франции, в Германии, в Англии, в Испании. Надо надеяться, что эта зараза пройдет, потому что мир не может существовать на таких условиях. Нравственный элемент должен взять верх над беспорядком и беззаконием. Петербург, как и все центры, заражен эгоизмом и развратом, и мне жаль, что вы не спустили с лестницы вашего гостя генерала.² — Не все же генералы таковы. Ведь Гурко, Радецкий, Скобелев тоже петербургские генералы.³

Если вы получаете «Revue des deux mondes», то прочтите статью Саго в сентябрьской книжке: «La poésie scientifique au XIXme siècle.^{4a} Вот как они понимают искусство!

Я передала моей племяннице ваш поклон и еще не получила ее ответа, но могу вам сказать, что вы ей чрезвычайно симпатичны, и она будет очень рада, что вы об ней вспомнили.

С. Энгельгардт.

Год написания письма определяется на основании упоминания статей в «Русском вестнике» и в «Revue des deux mondes».

^a «Научная поэзия в XIX столетии» (франц.).

¹ В письме продолжается спор с Фетом по поводу состояния дел в России в период русско-турецкой войны. Фет, настроенный в это время чрезвычайно скептически, указывал на неуместность восторженной оценки С. Энгельгардт хода военных действий и настроений русского общества. См. также письма 56, 59, 60 и примеч. к ним.

² О ком идет речь, установить не удалось.

³ Генералы И. В. Гурко (1828—1901), Ф. Ф. Радецкий (1820—1890), М. Д. Скобелев (1843—1882) командовали русскими войсками во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., особо отличились в боях под Шипкой и Плевной.

⁴ Статья М. Е. Саго была опубликована в «Revue des deux mondes» (1878. Livr. de 1 oct. P. 511—537) и являлась рецензией на книгу Сюлли-Прюдоме «Справедливость» (La Justice, poème par Sully-Prudomme. Paris, 1878). Отмечая, что поэзия в настоящее время находится в стадии умирания, автор приветствовал обращение поэтов к науке как источнику вдохновения и приводил в пример некоторые стихотворения А. Шенье, в которых он прославлял научные открытия.

62

15 (27) марта 1879.

Марта 15.

Мой милый Фет,

Как я могу вас забыть? Я так давно привыкла вас любить, что если б и хотела вас забыть, это бы мне не удалось.

Увы, наш круг час от часу редеет,
Кто в гробе спит, кто дальний сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем, дни бегут,
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день Лицея

Торжествовать придется одному?
Несчастный друг, средь новых поколений
Докучный гость и лишний и чужой,
Он вспомит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...¹

Я никогда не читала равнодушно этих стихов. Что касается до ваших — они прелестны.² И, их читая, душа перевертывается, и как бы хотелось видаться чаще с теми, которые способны понять смысл вашего стихотворения!

Но их ряды час от часу редееют...

Моя племянница видела недавно в Висбадене А. Л. Бржесскую; вы ей, вероятно, посвятили ваши стихи.³ Она вас очень любит и очень желает быть у вас <в> деревне, но ее здоровье так плохо, что она не решается предпринять дальнейшее путешествие. Она говорила Нуне: «Я слышу голос моего мужа, который говорит мне: Поезжай к нему! и вот ехать не в силах».⁴ Да, одно из самых тяжелых испытаний это болезнь, т. е. вечная неволя.

Газеты нас опять потешили попыткой убийства.⁵ Полиция заодно с разбойниками, это ясно. Вероятно ли, что после того, что уже

было, один только городской встретился неизвестному молодцу? — Где же были другие городские? — Если наше правительство не примет решительных мер, скоро нельзя будет выдти безопасно на улицу. — Таких-то героев воспел Тургенев.⁶ Свои седые волосы он увенчал окровавленными лаврами и он ими гордится!

Две дамы высшего круга — г. Панина и к. Мещерская в числе арестованных лиц. Они были в связи с двумя героями из передовых, и теперь становится понятно, что слова, сказанные на ухо во дворце, передавались убийцам. Мать этих милых женщин — Мальцова — фаворитка государыни.⁷ Говорят, еще какая-то третья замешана в заговоре, но мы не знаем, кто она. — Тяжело!

Я получаю «Огонек» и отыщу ваши стихи.⁸ Кому вы отдали статью о наших финансах, далеко не блестящих?⁹

Крепко жму вам руку.

С. Энгельгардт.

Год написания письма устанавливается на основании следующих данных: стихотворение Фета «А. Л. Бржеской» («Далекий друг, пойми мои рыдания...»), о котором идет речь, датируется 28 января 1879 г.

¹ С. Энгельгардт приводит отрывок из стихотворения А. С. Пушкина «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...», 1825). Этими же строками завершалась публикация воспоминаний С. Энгельгардт в журнале «Русское обозрение» (1890. Т. 6, ноябрь. С. 114).

² В письме от 10 (22) марта 1879 Фет послал С. Энгельгардт стихотворение «А. Л. Бржеской» («Далекий друг, пойми мои рыдания...»), помеченное 28 января 1879 г. Текст этого стихотворения Фет посылал также Толстому, который пришел от него в восторг (см.: Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. 2. С. 48—49).

³ Посылая стихотворение С. Энгельгардт, Фет скрыл имя адресата под криптонимом: «А. Л. Б-ой» (См.: *Фет. ССП*. С. 384). Первые стихотворение было опубликовано под заглавием «А. Л. Б-ой» в журнале «Огонек» (1879. №8).

⁴ С Александрой Львовной Бржеской и ее мужем поэтом А. Ф. Бржеским (1818—1868) Фет познакомился в 1845 г., когда служил в Херсонской губернии. После смерти Бржеского он поддерживал дружеские связи с его вдовой, предлагая ей поселиться вместе с ним сначала в Степановке, затем в Воробьевке.

⁵ Вслед за выстрелом В. Засулич в январе 1878 г. в петербургского градоначальника Трепова, а затем оправданием ее судом присяжных началась, как писал П. Л. Лавров, «открытая война между революционерами и правительством. Вооруженное сопротивление в Одессе (30 января), попытка убить Котляревского (23 февраля), убийство Гейкинга (25 мая), юридическое убийство Ковальского (2 августа), убийство Мезенцова (4 августа) и кн. Кропоткина (6 февраля) 1879 г. последовали быстро одно за другим в промежуток времени немногим более года» (*Лавров П. Л. И. С. Тургенев и русское общество // И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников*. М.; Л., 1930. С. 46). 13 (25) марта 1879 г. Л. Ф. Мирский (1858—1920) сделал попытку застрелить шефа жандармов генерал-адъютанта А. Р. Дрентельна (см.: *Московские ведомости*. 1879. 14 марта, № 64. С. 3).

⁶ 5 (17) марта 1879 С. Энгельгардт сообщала Фету о пребывании в феврале-марте И. С. Тургенева и о чествованиях его московским студенчеством и революционно настроенной молодежью: «Его приняли с восторгом. — За что именно? За „Дым“ или за „Новь“? — Студенты делали ему овации, должно быть, за обе повести. — Он рассказывал, что получил выговор от к. Орлова за чтение в пользу парижских русских нигилистов. Они берут у него деньги нахрапом, вот он и принужден от них отделяться чтениями. Я знаю из верного источника, что их наглость его бесит, но он не смеет им отказывать; он добывается их хорошего расположения. — Как грустно видеть, что человек пережил себя. — А талант его куда девался?» (см.: *Фет. Проблемы изучения...* С. 219). 10 (22) марта Фет отвечал: «Даже обидно слышать и читать, что человек, как Тургенев, всюду заносивший <?> на языке слово *свобода*, подпал вслед-

ствии мелкого самолюбия под такое рабство — и у кого же? У грязных подонков народной жизни. Что так <ое> наши современные университеты и студенты? Непроглядная трущоба невежества — и только» (См.: *Фет. ССП. С. 384*). Г. А. Лопатин позднее вспоминал, как Тургенев оценивал прием, который ему оказали в 1879 г. в России: «Ведь я понимаю, что не меня чествуют, а что мною, как бревном, бьют в правительстве» (См.: И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. С. 126).

⁷ Возможно, речь идет о графине С. В. Паниной, внучке Анастасии Николаевны Мальцовой (1820—1894) и М. А. Мещерской (ум. 1903), дочери графини Александры Сергеевны Паниной (1800—1873).

⁸ В письме к С. Энгельгардт от 10 (22) марта 1879 г. Фет сообщал, что «сдает» свои стихи «одному милому и умному человеку — Страхову, а это он уже их печатает по своему усмотрению, где и как хочет. Писал он мне, что некоторые попадут в какой-то мне неизвестный „Огонек“...» (См.: *Фет. ССП. С. 383*). В «Огоньке» было действительно напечатано несколько стихотворений Фета.

⁹ Возможно, речь идет о статье Фета «Наши корни», напечатанной в февральском номере «Русского вестника» за 1882 г.

63

4 (16) мая 1879.

Мая 4.

Мой милый Фет,

Адресуйте письмо к Гурке просто в С.-Петербург. Его Высокопревосходительству Иосифу Владимировичу Гурко-Ромейко. Говорят, что с тех пор, как он взялся за дело, в Питере успокоились.¹ Ведь никто не смел показаться на улицу. До чего дошли! Многие восстали на него за то, что он велел держать огромное число дворников, не поняли его цели. Полиция никуда не годится, вдобавок — продажная, и он сформировал новую полицию, в народе. Спасович был арестован, но ненадолго. Мне говорили, что его выпустили.²

Катков был при смерти. После страшного карбункула, от которого он еще не успел оправиться, у него поднялись боли, такие боли, что он кричал. Доктора уверяют, что у него желчные камни, а точно ли так, — Бог знает. Они вообще лечат ошупью. На днях только Катков начал понемногу заниматься. Очаровательное состояние страны приводит его в иступление, и всячески стараются его удалить на время от занятий.³

Я читала «Miss Ouragan».

Эта безумная баба все-таки лучше наших барышень. Она, по крайней мере, не стреляла в честных людей.⁴ Гаже наших — нет. Их можно сравнить только с парижскими петролезами.⁵

Цензура выбросила 9 глав из романа Сальяса, и он вышел ни то ни се.⁶ Он начал другой роман — «Мор»;⁷ содержание, по-видимому, будет серьезное. — Увидим. — Скажите, читали ли вы брошюрку Цитовича «Ответ ученым людям».⁸ Я хотела, во всяком случае, вам ее послать, но 6-е издание разобрано, и нет средства ее купить. Как он отделал нигилистов! Не только ему прощаешь цинизм выражений, но думаешь невольно, что иначе нельзя было сказать.

Я прочла в «Огоньке» прелестное стихотворение, которое вы мне прислали в последнем письме⁹ и порадовалась, что петербургский журнал печатает ваши стихи. В семье не без уroda. Должно быть, другие на него смотрят и дивятся, что собрат заговорил человеческим языком, а не мычит.

Поцелуйте за меня Марью Петровну. Все мои вам кланяются. Юрий вернулся, слава Богу, здоровый.¹⁰ В это время у нас были больные, и я сама больна теперь.

С. Энгельгардт.

Год написания письма определяется по упоминанию напечатанного в 1879 г. в «Огоньке» стихотворения Фета «А. Л. Бржеской».

¹ После покушения на Александра II 2 (14) апреля 1879 г. народника А. К. Соловьева, правительство предприняло ряд мер, среди которых было и назначение временным генерал-губернатором Петербурга И. В. Гурко, впоследствии варшавского генерал-губернатора. С каким письмом хотел обратиться к Гурко Фет, неизвестно.

² Сведений об аресте и освобождении видного либерального адвоката В. Д. Спасовича (1829—1906) обнаружить не удалось.

³ Болезнь М. Н. Каткова оказалась не опасной. С. Энгельгардт очень высоко ценила деятельность Каткова и горячо оплакивала его смерть (См.: *Фет. Проблемы изучения...* С. 224).

⁴ О романе Марк-Монье «Мисс Ураган» (*Miss Ouragan par Marc-Monnier // Revue des deux mondes. 1879. Livr. de 15 mars. P. 240-284*) Фет писал Толстому: «Не художественно, но сильно, как задавшаяся модными фразами барыня все делает на пользу человечества шиворот-навыворот. Воспитанник ее, просвещенный ее книгами, попадает на каторгу, а тот, что бросил ее азбуку, оказался человеком настоящим и т. д.» (См.: Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. 2. С. 65).

⁵ Здесь содержится намек на процесс Веры Засулич (см. письмо 60 и примеч. 4 к нему). Петролез — от французского *petroleuse*, поджигательница.

⁶ Имеется в виду исторический роман Е. А. Салиаса «Петербургское действо», посвященный событиям переворота 1762 г. Роман печатался в 1880 г. в журнале «Русская мысль», однако С. Энгельгардт могла читать его в рукописи и знать его цензурную историю.

⁷ Речь идет о двухтомном романе Е. А. Салиаса «Мор на Москве» (позднейшее название «На Москве»), посвященном эпидемии чумы в 1771 г. Роман печатался в журнале «Огонек» в 1880 г.

⁸ 4 (16) ноября 1879 г. Фет писал Толстому: «Не успел я побывать в Одессе и потому затеял переписку с известным Цитовичем, отвечавшим любезным и замечательным письмом. Это совершенное подобие Чернышевских, Добролюбовых и т. д. Та же семинарская бесшабашность, тот же натиск, только с гораздо более солидным образованием, и в противоположную сторону. Он сам говорит, что бурса в его лице представляет как бы искупление своих грехов» (Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. 2. С. 85). В 1878 г. профессор Новороссийского университета П. П. Цитович издал в Одессе брошюру «Новые приемы защиты общинного землевладения», в которой критиковал диссертацию некоего Посникова, защищенную в Московском университете. На защиту Посникова встал Н. К. Михайловский, опубликовавший в «Отечественных записках» цикл статей «Письма к ученым людям», первая из которых называлась «Письмо к профессору Цитовичу» (1878. № 6. С. 272—290). В том же 1878 г. Цитович издал в Одессе брошюру «Ответ на письма к ученым людям», о которой пишет С. Энгельгардт. Осудив «новое направление научной мысли», представителями которой выступали Посников и Михайловский, автор свел полемику к грубым оскорблениям нигилистов как людей безнравственных и невежественных. «Дело его правое, — писал Достоевский А. Г. Достоевской 7 ноября 1878 г., — но такого дурака я еще и не выдывал. Вот не посылай дурака защищать правое дело. Измарал! Теперь на эту тему и писать более нельзя» (*Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Л., 1988. Т. 30, кн. 1. С. 45*). Фет высказался по вопросу об общинном земле-

владении в статье «Наши корни» (Русский вестник. 1882. Т. 157, февраль), возможно, продолжая полемику Цитовича и Михайловского.

⁹ См. письмо 62 и примеч. 2, 3 к нему.

¹⁰ См. письмо 60 и примеч. 1 к нему.

64

21 мая (2 июня) 1879.

Москва, мая 21.

Мой милый Фет,

Для меня написать письмо, в котором я не могу говорить о том, что у меня болит, есть настоящее мучение, — и я прошу своих друзей говорить со мной и писать ко мне о том, что у них болит. На других условиях я не понимаю ни разговора, ни переписки.

Мне очень хочется знать ваше мнение о статье Бутлерова.¹ Вопрос, который он затронул, должен интересовать всех и каждого. Вы пришли бы в негодование, если б знали, как я проклинаю философские книги.² Какую пользу принесло это книжное, ни к чему не ведущее ковырянье мозга? Я вижу последствия этих чтений на Юрии.³ Он дочитался до чертиков и уже теперь, в 25 лет, разочарован в жизни. Я знаю, что со временем все это в нем уляжется, уравнивается, но переживать пору, где все взволновано, взбаламучено, и сердце, и воображение и ум, — страшно тяжело. И что открыли философия и наука? Ровно ничего — для блага человечества. Несколько тысяч лет тому назад, в Индии разрешались вопросы, которые нас занимают теперь;⁴ — были те же Дарвины и Спенсеры и Канты,⁵ и остановились на том же пункте, не пошли далее нас. — Может быть, спиритизм пойдет далее.

В настоящую минуту Юрий хозяйничает в Казанском имени, которое мы купили два года тому назад. Он поехал туда на одну неделю и пишет, что останется там до сентября, — и слава Богу! Авось, здоровый деревенский воздух, хозяйство и охота его отвлекут от проклятого чтения. Я вполне понимаю, что вы на меня смотрите, как на невежду и на дуру, но я вам говорю о том, что у меня болит.

Как вы умно сделали, что отменили у себя школу и кабак!⁶ Наши мудрецы так хорошо устроили, что не знаешь теперь — что хуже — кабак или школа. Оба хуже. — Что касается до предводителей дворянства, — известно, как их выбирают. Самые отъявленные негодяи дадут обед, позовут на бал, — вот их и выберут. Я могу назвать многих. Сердце сжимается от боли и негодования, когда думаешь о нашем безобразии, о нашей безнравственности. Тем, которые желали бы установить другой порядок, загородили дорогу.

Передайте мой душевный поклон Марье Петровне.

С. Энгельгардт.

Я давно знаю роман дочери Пушкина.⁷ Сыновья же его почти идиоты. Говорят: *les grands hommes n'ont pas de postérité*,^a и правда.

^a великие люди не имеют потомства (франц.).

Год написания письма устанавливается на основании упоминания статьи Бутлерова, напечатанной в 1879 г.

¹ Статья А. М. Бутлерова (1828—1886) «Четвертое измерение и медиумизм» (Русский вестник. 1878. Февраль) вызвала полемику в печати. В 4 и 5 выпусках «Русского вестника» за 1879 г. Бутлеров опубликовал статью «Эмпиризм и догматизм в области медиумизма», где полемизировал со своими оппонентами, отстаивая позицию человека, твердо и вполне убежденного в объективной реальности медиумических явлений.

² В письме от 10 (22) марта 1879 г. Фет сообщал С. Энгельгардт о том, что работает над переводом книги А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление»: «и эта тяжелая работа доставляет мне немало отрады» (Фет. СПП. С. 383).

³ Фет, вероятно, интересовался научными занятиями Ю. А. Новосильцева. В письме от 19 (31) мая 1875 г. С. Энгельгардт спрашивала, прочел ли он диссертацию ее племянника, опубликованную в «Русском вестнике» (См.: Фет. Проблемы изучения... С. 216). Диссертация Ю. А. Новосильцева была опубликована под заглавием «О правах нейтральных» (Русский вестник. 1875. Апрель. С. 415—452 и 1875. Июнь. С. 421—462).

⁴ Суждение об Индии навеяно, возможно, чтением С. Энгельгардт драмы древнеиндийского поэта Калидасы «Сакунтала», опубликованной в нескольких номерах «Русского вестника» за 1879 г. в переводе Ал. Путьяты.

⁵ Учение английского естествоиспытателя Ч. Дарвина (1809—1882) приобрело социальный характер в условиях экспансии позитивизма в 60—70-е годы XIX в. и, как и учение английского философа и социолога Г. Спенсера (1820—1903), оказало значительное влияние на формирование революционно-демократической идеологии. Философией И. Канта (1724—1804) увлекался Фет и даже собирался перевести его «Критику чистого разума».

⁶ В статье «Наши корни» Фет так выразил свое отношение к современным сельским школам и распространению кабаков в деревнях: «Теперь же в волости, рядом с пьяными, содержимыми на общественный счет арестантами, справа кабак, а слева школа с неестественным проповедником естественных наук, и вы удивляетесь, что народ не пускает туда своих детей? Честь ему и слава!» (Русский вестник. 1882. Февраль. С. 537).

⁷ Возможно, речь идет о Марии Александровне Гартунг (1832—1919), послужившей, по воспоминаниям некоторых мемуаристов, прототипом Анны Карениной Л. Н. Толстому.

2 (14) июля 1879.

Москва, июля 2.

Мой милый Фет,

Многое и многое хотелось бы мне отвечать на ваше письмо.¹ Действительно, нет мыслящего человека, который не задался вопросами: Что он? для чего? куда? — и никто не разрешил до сих пор этих мучительных вопросов.² Но возможно ли помириться с неизвестностью? До конца жизни человек старается заглянуть в другой мир, о котором он мечтает, который был ему обещан, и для меня не подлежит сомнению, что этот таинственный мир нам является иногда во сне и даже наяву. В прошлом году, ночью, от 18 на 19 февраля, я проснулась, и четыре слова «Черкасский сей час умрет»³ мне были сказаны. Как сказаны? Этого я не могу объяснить. — Я это

рассказала сестрам и моей племяннице, как только встала утром. Подобное чудо повторилось со мной три раза в жизни.

Вот вам еще пример. Женщина, с которой я была очень дружна, слышала, в продолжение двух лет, как скоро она просыпалась утром, голос, который ей говорил все то, что должно случиться с нею днем. Этому факту я была свидетельница, и никакой Кант меня не убедит, что голос этот был не что иное, как игра воображения. Приятельница моя так ему верила, что слушалась, подчинялась его советам. Смешно, не правда ли, сказать, что с ней говорил дух? — Но почему, однако, и не дух? — Кто решит? — Бутлеров не первый повторил, что есть вещи не объясненные и, по-видимому, необъяснимые,⁴ немудрено, что он остановился перед вопросом и хочет во что бы то ни стало узнать, в чем дело. Неужели человек серьезный, посвятивший всю жизнь науке, позволяет какому-нибудь фокуснику обманывать себя, как школьника?⁵ С таким предположением я согласиться не могу. И не один он занимается спиритизмом, а целое общество серьезных людей, и я решу, что они все идиоты! — Спенсер говорит: «В поверии, которое существовало всегда — есть неоспоримо доля правды». А Спенсер холодный, не увлекающийся ум; во все времена все народы верили в привидения. Сообщение с невидимым миром такая утешительная вещь, что я пожирю статью Бутлерова.

Ваши анекдоты — просто прелесть. Я вам расскажу pendant^a к ним. Третьего апреля, когда весть о спасении царя разнеслась по всей Москве,⁶ народ собрался на площади против дома генерал-губернатора, кричал «ура!» и бросал шапки в воздух. — Вдруг какое-то лицо, — какое-то пальто, — идет мимо и спрашивает: «Чему это радуются?» — Ему отвечают, чему, а он говорит: «Жаль, что дурак промахнулся». В одну секунду его схватили за волосы, за руки, за плечи, и его бы не стало, если бы не подлетел квартальный, который его освободил и повел в часть. Один мужик закричал ему вслед: «*Ведите, все-таки моей затрецины он не забудет*». Этот анекдот моя знакомая слышала от Слезкина, а мне его рассказала наша кухарка. Муж ее был действующим лицом.

Моя племянница в деревне, но я ей передам ваше поручение. Вы ей чрезвычайно симпатичны. Я уверена, что вы только дурным людям не симпатичны. Все мои посылают вам и Марье Петровне душевный привет.

С. Энгельгардт.

Говорят, Толстой пишет новый роман. Или он ему не удастся, что он не в духе.⁷

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Московско-Курская железная дорога, станция Будановка.

Почтовые штемпели: 1) Моск. Почт. Центр. Отделение, 3 июля 1879;
2) Почт. вагон 15—16: 3 июля 1879.

^a добавление (франц.).

¹ Это письмо неизвестно.

² В предыдущем письме С. Энгельгардт высказалась отрицательно о пользе занятой философией, на что Фет, увлеченный в это время переводом Шопенгауэра, видимо, отвечал в резком тоне.

³ См. письмо 59 и примеч. 2 и 3 к нему.

⁴ См. письмо 64 и примеч. 1 к нему.

⁵ Возможно, Фету было известно опубликованное в номере от 25 января за 1879 г. газеты «Новое время» письмо И. Н. Ливчака, который опровергал опыты Цельнера, на которых основывал свои выводы А. М. Бутлеров (см. об этом: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т. 30, кн. 1. С. 268).

⁶ 2 (14) апреля 1879 г. народник А. К. Соловьев неудачно покушался на жизнь Александра II.

⁷ Л. Н. Толстой, работавший в это время над романом «Декабристы», переживал тяжелый нравственно-философский кризис, о чем Фет, постоянно переписывавшийся с Толстым, очевидно, сообщил С. Энгельгардт.

66

2 (14) мая 1880.

Москва, мая 2.

Мой милый Фет, я вас ждала к праздникам в Москву, но если вы и побывали здесь, я вас не видала. Я надеюсь, что вы приедете к открытию монумента Пушкина.¹ Приезжайте. Как хорошо, что будут праздновать его память в то время, когда нигилизм в полном разгаре! *Le roi est mort, vive le roi!*^a Мне хотелось вам прочесть прекрасное стихотворение, напечатанное в «Русской мысли». Получаете ли вы ее? Во всяком случае, я вам посылаю эти стихи, не знаю, чьи они.

ЛЖЕ БОГ

Светильник мой уныло и убого
Пред алтарем забытым трепетал,
Печальный жрец покинутого Бога,
Все верил я и все чего-то ждал.
Они же с гиком, хохотом и свистом
Вломились в Храм, как на безумный пир,
И, волю дав рукам своим нечистым,
Повергли в прах божественный кумир.
И он, мой Бог, бессилен, бессловесен,
Влачим в пыли кощунственной толпой,
В нестройный такт их богохульных песен,
О камни бил расколотой главой.
.....
И новый Бог на прежнем пьедестале
Вознес главу, могуществен и горд,
Опять огни в лампадах заблестали,
И загремел молитвенный аккорд.
Внимал народ, склоняясь в молчаньи строгом,
Лишь я стоял угрюм и одинок.

^a Король умер, да здравствует король! (франц.).

Мой прежний Бог уж не был больше Богом,
А новому молиться я не мог...²

В этом стихотворении есть необычайно грустное чувство, которое сообщается читателю.

Лорис-Меликов обратил внимание на нашу печать:³ дай ему Бог здоровья! Ориенталист Григорьев сменен человеком умным и добросовестным;⁴ Абаза не разрешит переводов ужасных французских романов Золя. «Нана» запрещена, наконец, и в подлиннике,⁵ — верите ли вы, что так называемые порядочные женщины горят желанием ее прочесть; добиваются ее у Готье?⁶ И всеми правдами и неправдами выписывают из-за границы. Как и чем объяснить такое уродство? — Мужчины мне говорили, что нельзя без омерзения заглянуть в эту книгу.

Дайте весточку о себе. Марье Петровне мой душевный привет.

С. Энгельгардт.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Московско-Курская железн. дорога, станция Будановка;

Почтовые штемпели: 1) Москва, 3 мая 1880;

2) Моск. Почт. Цент. Отделение, 3 мая 1880.

¹ 5—8 июня ст. ст. 1880 г. в Москве проходили торжества, посвященные А. С. Пушкину и связанные непосредственно с открытием ему памятника (работы А. М. Опекушина). Фет на праздник не поехал, прислав в ответ на приглашение стихотворение «К памятнику Пушкина» («Исполнилось твое пророческое слово; // Наш старый стыд взглянул на бронзовый твой лик...») (См. об этом: *Кошелев В. А.* Афанасий Фет и „Пушкинский праздник“ 1880 года // *Русская литература.* 1996. № 3. С. 161—167).

² Установить автора приведенного стихотворения не удалось.

³ С 12 февраля по 6 августа ст. ст. 1880 г. граф М. Т. Лорис-Меликов (1825—1888) исполнял обязанности главного начальника Верховной распорядительной комиссии, с 6 августа 1880 г. по 4 мая 1881 г. был министром внутренних дел. Призванный содействовать укреплению государственного строя России в период обострения революционного движения, Лорис-Меликов должен был выполнять двойную функцию — ужесточить проправительственные меры, в том числе усилить цензуру и, с другой стороны, смягчить слишком прямолинейную политику правительства, укреплявшую ряды оппозиции. Время его деятельности получило название «диктатуры сердца» и не оправдало возлагаемых на него надежд.

⁴ Григорьев В. В. (1816—1881) — ученый-востоковед, профессор Петербургского университета, в 1874—1880 гг. был начальником Главного управления по делам печати. Кличка «Биограф-ориенталист» закрепилась за ним с тех пор, как под таким названием появился памфлет Н. Ф. Павлова (*Русский вестник.* 1857. № 6), поводом к которому явилось выступление Григорьева в печати против Т. Н. Грановского. С апреля 1880 г. по декабрь 1881 г. Главное управление по делам печати возглавлял Н. С. Абаза (1839—1901).

⁵ На самом деле роман Э. Золя «Нана» (1880) был запрещен сначала в подлиннике, то есть во Франции, а затем в России.

⁶ Книжная лавка Готье торговала книгами, поступающими из-за границы.

7 (19) февраля 1881.

Москва, февраля 7.

Мой милый, не знаю, как вас благодарить за балладу.¹ Я прочла ее сейчас же брату, который поручил мне поздравить вас с переводом, — и рассказать, что он видел в Баварии знаменитую скалу и развалины замка, где пиروвал король.

Вот вам мой совет: напечатайте теперь же «Фауста».² Перечитывая его в печати, если вы найдете необходимым сделать какие-нибудь изменения, кто вам мешает напечатать второе издание через год или два года? Нет сомнения, что вы не переделаете то, что было написано в *счастливые* минуты. Попробуйте переделать такие вещи — вы их испортите; очень может быть, что вы ничего не переделаете, тем лучше! и с Богом, печатайте «Фауста». Для чего откладывать? Вы доставите великое духовное наслаждение тем, кто не знает немецкого «Фауста». Я знаю, что я читала несколько переводов;³ и забывала драму, как скоро закрывала книгу; — почему же нибудь те сцены, которые вы прочли, врезались в моей памяти.⁴ Я не теряю надежды на будущее. Грязные ручьи, которые затопили нашу литературу, стекут в водосточные ямы, и их заменит живая вода поэзии; баллада «Фауста» переживет мочальным хвостом.⁵ Смерть Достоевского доказала, что нравственное чувство не вымерло в нашем обществе.⁶ Об нем искренно жалела и молодежь, а он был, говорят, душа человек, и его чтение о Пушкине прошедшим летом показало, насколько он любил и ценил его.⁷ — Жаль, что он осквернил свой последний роман грязными страницами. В этом романе много натяжки, но есть и хорошие вещи.⁸

От всей души жму вашу руку и благодарю еще раз за прелестную балладу.

С. Энгельгардт.

На конверте: Московско-Курская железн. дорога. Станция Будановка. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Моск. Центр. Почт. Отд., 10 февраля 1881;
2) Москва, 11 февраля 1881.

¹ В письме от 5 (17) февраля 1881 г. Фет, откликаясь на просьбу С. Энгельгардт, прислал ей текст баллады «Жил в Фуле король, до могилы...», которая впервые была опубликована в кн.: Фауст. Трагедия Гете / Пер. А. Фета. М., 1882. Ч. 1. С. 184—185.

² После завершения работы над переводом основного труда А. Шопенгауэра, Фет осенью 1880 г. принялся за перевод «Фауста» Гете. 1-я часть вышла в типографии А. Гатцука в 1882 г., вторая — там же, в 1883 г. Вторая часть была снабжена обширными Предисловием и комментариями, где Фет не только выразил свое понимание трагедии Гете, но и общие основы своей эстетики (См.: Фет А. А. Предисловие и комментарии ко II-й части «Фауста» Гете / Публикация Н. П. Генераловой // 175 лет со дня рождения Афанасия Афанасьевича Фета: Сб. научных трудов. Курск, 1996. С. 50—151).

³ До Фета «Фауста» (в основном, 1-ю часть) переводили Э. Губер, М. Вронченко, А. Струговщиков, Н. Холодковский и др.

⁴ После безуспешных попыток договориться с Толстым о чтении «Фауста» в Ясной Поляне, Фет предложил почитать свой перевод сестрам Энгельгардт. В письме от 5 (17) февраля 1881 г. он благодарил их «за протянутые руки помощи моему „Фаусту“» и подробно излагал свою концепцию перевода и самого произведения (См.: *Фет. СПП*. С. 387—390).

⁵ «Мочальным хвостом» Фет называл тенденцию, привносимую в художественное произведение.

⁶ Похороны Ф. М. Достоевского, скончавшегося 28 февраля ст. ст., привлекли большое количество народа.

⁷ В связи с обсуждением речей И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского в июне 1880 г. между Фетом и его корреспонденткой возник спор о «народности» в искусстве, отраженный в письмах С. Энгельгардт от 18 (30) июня, 30 июня (12 июля) и 18 (30) августа 1880 г. (См.: *Фет. Проблемы изучения...* С. 219—222) и в письме Фета от 14 (26) июня 1880 г. (См.: *Фет. СПП*. С. 384—387). Речь Достоевского не удовлетворила Фета (см. об этом: *Генералова Н. П.* Комментарий к одному «Стихотворению на случай» А. Фета // *Русская литература*. 1996. № 3. С. 177—178).

⁸ Речь идет о романе «Братья Карамазовы», печатавшемся в журнале «Русский вестник» в 1879—1881 гг.

5 (17) мая 1881.

Москва, мая 5.

Мой милый Фет,

Вы ждали от меня письма, а я от вас. С тех пор, как я вам послала записку С. П. Катковой и объявила вам о женитбе моего племянника,¹ я не получила от вас ни одной строки и боялась, уж не занемогли ли вы. Наши письма часто пропадают; в Смоленск, н<a>п<ример>, мы их посылаем не иначе, как заказными. Я начинаю думать, что мы заподозрены полицией в политическом преступлении, и это меня не удивит; зато Гартманы, Желябовы, Перовские гуляют на просторе по России.² Вот вам курьезный анекдот: два года тому назад Юрий провел три месяца в нашем казанском имении и писал аккуратно два раза на неделе. Однако, мы получали редко его письма и несколько раз посылали депеши, чтоб узнать, здоров ли он. — Прошедшей осенью сенатор Ковалевский³ и Петр Федорович Самарин⁴ ездили в Казань ревизорами и после этого слетел Скрягин, казанский губернатор.⁵ Самарин нашел в его бумагах донесение чистопольского исправника и сообщил нам. — Честь имею донести вашему превосходительству, что у нас недавно поселился молодой человек, Новосильцев; лицо очень подозрительное, слежу за ним. Встает рано, объезжает поля, ни с кем не знакомится, читает много и пишет. Главный центр переписки Москва, два письма отправил в Париж, одно в Варшаву. Камердинер его тоже малый шустрый, молодой. Несколько писем перехватил и посылаю вам.

Не думайте, чтоб я для форса прибавила хоть одно слово.

Шустрый камердинер, между прочим, спал и пил с утра до ночи, и мы его прогнали.

Вы могли убедиться, что ваше стихотворение так понравилось, что его напечатали в «Русском вестнике».⁶ Напишите, пожалуйста, авось, письмо до меня дойдет.

С. Энгельгардт.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Московско-Курская железн. дорога. Станция Будановка.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 6 мая 1881;

2) Моск. Центр. Почт. Отд., 6 мая 1881.

¹ Это письмо С. Энгельгардт и приложенная записка С. П. Катковой до Фета не дошли.

² Л. Н. Гартман (1850—1908), А. И. Желябов (1851—1881), С. Л. Перовская (1853—1881) — организаторы и участники покушений на Александра II, завершившихся убийством царя 1 марта 1881 г. Активные деятели партии «Народная воля». Ко времени написания письма двое из них — Перовская и Желябов — были казнены по приговору суда, Гартман, участник подготовки взрыва императорского поезда на Московско-Курской железной дороге в 1879 г., стал эмигрантом, заграничным представителем «Народной воли». Арестованный в Париже в 1880 г., не был выдан русскому правительству благодаря заступничеству В. Гюго и радикальной прессы.

³ Речь идет о М. Е. Ковалевском.

⁴ Самарин П. Ф. (1830—1901) был уездным предводителем дворянства в Тульской губернии.

⁵ Причин, по которым был снят казанский губернатор, выяснить не удалось.

⁶ Стихотворение Фета «День искупительного чуда...» (более позднее название «1 марта 1881») было напечатано в апрельском выпуске «Русского вестника» за 1881 г. (с. 726). Написано вскоре после убийства Александра II. Это же стихотворение было напечатано в № 100 «Московских ведомостей» от 10 апреля 1881 г. Автограф находится в письме к С. Энгельгардт от 27 марта ст. ст. 1881 г. (коллекция М. С. Лесмана). В этом письме содержится оценка Фетом общественной ситуации в России до и после покушения на Александра II: «Не физическая болезнь заставила меня молчать некоторое время, а та тоска, в которую повергли меня все бессмысленные факты, от которых рябит в глазах <...> Возможно ли забавляться такими детскими игрушками, как караулы застав, обыски там, где каждая редакция, каждая школа, каждый чиновник — гнездо и сосуд коммунизма? <...> Где же им бороться с иноземной революцией, снабженной миллионами, когда они не могут управиться у себя под носом с конторкой журнала или неумытой и нечесаной толпой нищих студентов <...> Неужели целую огромную империю могут запугать и разрушить несколько негодяев? — Что может быть обидней такой мысли. — А кто виноват? Увы, наше собственное невежество и непонимание». Здесь же Фет просил прочесть свое стихотворение «Многоуважаемой Екатерине Владимировне» (Новосильцевой) и беспокоился по поводу того, что посланное им Каткову стихотворение не появляется в печати.

12 (24) мая 1881.

Москва, мая 12.

Мой милый Фет,

Я послала вам сегодня открытое письмо, полагая, что закрытое опять пропало; но наконец сегодня же получила ваш ответ.¹ Юрий

женится на к. Щербатовой. Ее отец был Московским головой.² Мы не могли бы сочинить жены милей, добрей, умней для Юрия, и не могу вам сказать, как за него рады. Оба так влюблены, так счастливы, что молодеешь, глядя на них.

Об ее воспитании судите сами. Никогда речи об туалетах; она одевается хорошо, но чрезвычайно просто; ее приучили к хозяйству и до ее помолвки у нее не было ни одной золотой вещицы. Зато князь ей дает в приданое 8 тысяч десятин земли в Тамбове. Она очень набожна. Надо ее видеть с братом; она за ним ухаживает, как самая нежная дочь. Господь Бог нам послал нам такое сокровище не по грехам нашим, а по милосердию своему. — Свадьба будет в июле: прямо из-под венца они поедут на месяц в Епифанское имение, которое брат отдал Юрию: она хочет видеть место, где он родился. На осень они поедут за границу; Юрий еще не вполне отделался от болгарских болячек.³ По возвращении в Россию они поселятся в Тамбовском имении, и он будет служить. На ком же вы думали, что он женится? Скажите, пожалуйста.

Я вам послала листки для народа⁴ и забыла о том сказать. Что касается до записки Катковой, она была адресована мне; дело шло о вашем чудесном стихотворении.⁵ В тот день, когда вы мне его прислали, Софья П<етровна> была у меня; я ей прочла ваши стихи; тут были и другие гости, и все пришли в восторг, кроме одного дурака. Я сказала Катковой, что стыдно не печатать такое стихотворение и украшать «М<осковские> вед<омости>» виршами Майкова и Мещерского,⁶ и прибавила, что если его не напечатает сей час, я возьму на себя послать его в «Русь». Так по этому поводу она мне и писала, что стихотворение напечатает непременно, но оно затерялось в бумагах Каткова.

Каткова выписали в Петербург. Он прожил целую неделю в Гатчине и еще не вернулся в Москву.

Жму вам руку и кланяюсь Марье Петровне.

С. Энгельгардт.

Сестра⁷ поручает мне вам сказать, что ваше стихотворение прекрасно. Маша Щербатова рисует замечательно хорошо. Она списала несколько акварелей из коллекции Дмитрия Петровича.⁸

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Московско-Курская железн. дорога, станция Будановка.

Почтовый штемпель: Москва, 13 мая 1881.

¹ Это письмо Фета неизвестно.

² Речь идет о Н. А. Щербатове, который в 1857—1860 гг. был гражданским губернатором Москвы.

³ См. письмо 60 и примеч. 1 к нему.

⁴ О каких листках для народа идет речь, не ясно.

⁵ См. письмо 68 и примеч. 1 и 6 к нему.

⁶ Речь идет об опубликованных в «Московских ведомостях» стихотворениях А. Н. Майкова и В. П. Мещерского (1839—1914), посвященных гибели Александра II (Московские ведомости. 1881. № 98, 8 апреля).

⁷ Е. В. Новосильцева.

22 июня (4 июля) 1881.

Москва, 22 июня.

Мой милый Фет,

Меня очень огорчило неожиданное повторение вашей болезни, и какой нестерпимой болезни. Но, к счастью, ее можно вылечить единственным лечением, в которое я верю, конечно, не я одна, а вся Европа, кроме Москвы. Я говорю о массаже, или шведской гимнастике. Но в этой гимнастике вы будете играть роль совершенно пассивную, а вас будут мять всячески. — Одна дама, я забыла ее имя, но могу легко его узнать, — страдала ужасно одышкой и решилась, наконец, помимо наших милых докторов, обратиться к манерам.¹ Они ей так помогли, что она не поехала в деревню, а наняла дачу в парке, чтоб продолжать лечение. Массаж отнял бы значительную часть пациентов у московских докторов, и весьма немногие рекомендуют его. Вот вам еще один пример: тетка моя Козлова пролежала два года в постели от паралича в ногах. Кожевников, московская знаменитость, ей поставил 60! шпанских мух, прижигал ей спину горячим железом, поил всевозможными гадостями, и без малейшей пользы. Прошедшей весной купец Лямин выписал из Парижа известного Шарко² для своей дочери и за визит заплатил 10 тысяч. Тетка моя воспользовалась случаем, чтоб посоветоваться с Шарко, и он ей велел приехать в Париж, обещая, что через год она будет ходить на костылях. Она поехала, но к счастью, так устала, что остановилась в Берлине на несколько дней и послала за доктором, который ее уговорил лечиться массажем. После трехнедельного лечения она могла спускать ноги с постели, вставать без помощи и бродить около стола, разумеется, опираясь на него. У ней уже начиналась водянка на ногах. Кожевников, однако, смеется над массажем. Четыре года тому назад это чудное средство избавило меня от болей в ногах, и если я доживу до осени, то непременно буду лечиться опять от кашля и удушья.

Как я рада, что вы купили дом,³ — лишь бы здоровье мне позволило навещать вас, как в былые годы! — Вчера, прочитав ваше письмо, я перечла «Dupont—Durand»⁴ и тоже изумилась сходству этих двух друзей с нашими современными так называемыми деятелями. Очень бы хотелось прочесть ваш перевод.⁵ — Наши женихи в деревне, свадьба будет 12 июля. Брат поручает мне вам пожать руку. Он очень счастлив счастьем сына, но очень устал.⁶ От всех нас усердный поклон Марье Петровне.

С. Э.

На что вам больше 12 комнат? И какой бы дом вы ни купили, у вас будет весело и хорошо. Спешу ужасно. Племянница моя вам кланяется.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Московско-Курская железн. дорога, станция Будановка.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 22 июня 1881;
2) Моск. Центр. Почт. Отделение, 22 июня 1881.

¹ Очевидно, слово «манер» образовано от франц. «manier» — трогать, ощупывать, обрабатывать, здесь — массажист.

² У популярного парижского врача-невропатолога Ж. М. Шарко (1825—1893) лечились многие знаменитости. Он разработал специальные гимнастические снаряды, душелечение и проч.

³ Летом 1881 г. Фет купил на имя Марии Петровны дом на Плющихе (Плющиха, 36, дом не сохранился) за 35 тысяч руб. и с тех пор каждую зиму Феты проводили в этом доме, весной уезжая в Воробьевку. Гостя в Кунцево на даче Боткиных, Фет случайно узнал о продаже дома на Плющихе; мать управляющего Фетов прочитала о продаже в газете и сказала Фету. Вот как вспоминал об этом Фет позднее: «Еще более странно то, что этими словами она мгновенно прищипила к моему сердцу дом, подобно тому, как к пробке прищипливают разноцветную бабочку. Помню, что и в Москве и в Кунцево я ходил раненый домом» (*Фет А. Мои воспоминания. М., 1890. Т. 2. С. 385*).

⁴ Речь идет о стихотворении любимого С. Энгельгардт Альфреда де Мюссе «Дюпон и Дюран». Очевидно, в не дошедшем до нас письме Фет советовал ей перечитать это стихотворение и сообщал, что сделал его перевод. В стихотворном сатирическом диалоге Мюссе изобразил двух приятелей, встретившихся после долгой разлуки. Один из них стал социалистом и написал сочинение о будущем переустройстве вселенной, а другой — журналист — занимается очернительством всех и вся.

⁵ Перевод Фета под заглавием «Дюпон и Дюран. Диалог (Из Альфреда Мюссе)» был опубликован в «Русском вестнике» (1881. Т. 155, ноябрь. С. 352—358).

⁶ Речь идет о предстоящей свадьбе сына А. В. Новосильцева Юрия и кн. М. Н. Щербатовой.

71

3 (15) июля 1881.

Москва, 3 июля.

Мой милый Фет, благодарю вас от души за то, что вы поспешили написать мне, что вам лучше.¹ Ваши замечания о медицине изумительно верны. Доктор, который лечил Юрия от лихорадки в Ментоне,² говорил: «Нам приходится забывать все, что нам преподавали в университете; все методы лечения изменились». — Юрия вылечили теплые ванны, а я помню время, когда запрещали воду, как яд, больному, страдавшему лихорадкой. Как это ни грустно, а верно: человеку знание не дано; вы правы.

Сегодня я перелистывала в «Revue des deux mondes» статью «Idées sur le romantisme et les romantiques» (1 juillet),^{3а} между прочим,

^а «Мысли о романтизме и романтиках» (1 июля) (франц.).

страница об Рашели; французы решительно не способны понять искусство. Назвать Рашель попугаем — значит опозорить себя.⁴ Нет сомнения, что Samson, директор театральной школы, развил ее гениальный талант, но всякий талант требует развития; и почему другая актриса, кроме Рашели, не повторила, как попугай, его уроков? Статья между тем читается легко — un article bien fait,⁶ но во всех оценках автора убийственное отсутствие художественного чутья.

Я очень рада, что вы занялись вашим новым жильем.⁵ Без сомнения, можно устроить Воробьевку в Москве: — не пускайте к себе ненужных людей, не стесняйтесь *ни с кем и ни для кого*, вот и все. Вам будет легко так устроиться с самого начала. Для меня будет истинное наслаждение ездить к вам, как в старину, лишь бы скверное здоровье не помешало. Пью кумыс, и кашель мой значительно уменьшился.

Если вы приедете к первому сентябрю, я вам скажу, где можно дешево купить мебель и разные вещи для дома. Конечно, не всегда удастся найти по случаю, что нужно, зато иногда отличные вещи достаются даром.

Передайте мой дружеский поклон Марье Петровне. Моя племянница писала в Висбаден, чтоб узнать, жива ли бедная Бржеская.⁶

С. Энгельгардт.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Московско-Курская железная дорога. Ст. Будановка.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 4 июля 1881;
2) Моск. Почт. Центр. Отд, 4 июля 1881.

¹ Это письмо Фета неизвестно.

² Ю. А. Новосильцев заболел лихорадкой во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

³ Автор статьи в «Revue des deux mondes» Анри Блаз Де Бюри, говоря о творчестве французской драматической актрисы Э. Рашель (наст. имя Элиза Феликс, 1820—1858), связывал ее успех с потребностями антиромантической реакции, отказывая ей в таланте, «подобном Малибран или Мари Дорваль» (р. 33), и считал ее манеры вульгарными. В целом Де Бюри не считал, что Рашель имела влияние на развитие театра (Revue des deux mondes. 1881. Т. 46, livr. de 1 juil. P. 5—50).

⁴ Один из собеседников автора статьи высказывается о Рашели следующим образом: «Это попугай <...>, но попугай в шкуре трагической актрисы, снабженной великолепными органами, чтобы воспроизвести полученные уроки» (Ibid. P. 34). В 50-х годах Рашель гастролировала в России, и С. Энгельгардт могла сопоставить мнение французского критика с собственными впечатлениями.

⁵ См. письмо 70 и примеч. 3 к нему.

⁶ См. письмо 62, примеч. 4.

⁶ хорошо написанная статья (франц.).

I (13) августа 1881.

Москва, 1 августа.

Мой милый Фет, нельзя читать равнодушно статьи о путешествии Государя по России.¹ Кто-то его сравнил с Лудовиком XVI; да если бы несчастный Лудовик XVI внушал народу сотую долю той любви, которой пропитан русский человек к царю, — то Робеспьеры, Мараты и К^{ии} исчезли бы в несколько часов с лица земли.² — Читаешь и думаешь: «Боже мой! Что же делать? Как помочь беде? Чем сокрушить зло? — И голова идет кругом. — Кто окружает Государя? — Увы! Около него нет ни одного умного и дельного человека. — Дожди приводят всех в отчаяние. Около Москвы хлеб просят. — Одно утешительно, — кажется, Европа решила, наконец, выгонять нигилистов, которых она принимала до сих пор с распростертыми объятиями. Не честное чувство, а чувство самосохранения заговорило в ней, — все равно, лишь бы наши передовые места не нашли в так называемых образованных государствах.

Я читала в «Revue des deux mondes» «Souvenirs littéraires de M. Du Camp».³ Прелесть! Он же написал «Histoire de la Commune».⁴ Дивишься только, что такой здравый ум не задохся в обезумевшей Франции.

Скоро ли вы заглянете в Москву? Кажется, в конце этого месяца. Здоровы ли? Напишите на досуге. Все наши, брат и сестры, посылают вам усердный поклон. Князь Щербатов в деревне, и мне не удалось до сих пор передать ему ваш привет.⁵ Я уверена, что Марья Петровна очень рада покупке дома. Поклонитесь ей от меня.

С. Энгельгардт.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Московско-Курская железная дорога. Станция Будановка.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 2 августа 1881;
2) Моск. Почт. Центр. Отд., 2 августа 1881.

¹ Речь идет о поездке по России нового Государя Александра III.

² С. Энгельгардт вспоминает о событиях Французской революции 1789—1794 гг., во время которой Лудовик XVI был казнен.

³ «Литературные воспоминания» М. Дюкана начали публиковаться в «Revue des deux mondes» с июля 1881 г., в 1882 г. они вышли отдельным изданием в 2-х т. В центре воспоминаний — Гюстав Флобер, смерть которого в 1880 г. и побудила Дюкана к написанию мемуаров.

⁴ «История Коммуны» была написана Дюканом в конце 70-х годов, впервые опубликована в «Revue des deux mondes» в 1879 г. Более позднее название: «Конвульсии Парижа» («Convulsions de Paris»).

⁵ Речь идет о Н. А. Щербатове, тесте Ю. А. Новосильцева, с которым Фет был знаком.

^a «Литературные воспоминания М. Дю Кана» (франц.).

11 (23) сентября 1881.

Москва, 11 сентября.

Мой милый Фет,

Брат находит, что ваш перевод хорош: *в виде предначертания*. Лучше нельзя перевести, так как у нас настоящего слова нет. Я бы на вашем месте написала французское выражение: *sous bénéfice d'inventaire*.^{1а}

Я больна. Переход от лета к осени очень тяжел для меня, и кашель усиливается, и одышка, и я никуда не гоюсь. Были испытания и другого рода с тех пор, как я к вам писала. Графиня Сальяс, с которой мы очень дружны,² сделала операцию рака. Она так боялась ужасной минуты, что несколько дней не отпускала нас от себя; вы можете себе представить, как это было тяжело, потому <что> главное, что ни один доктор не ручался за полный успех. Операцию сделал Склифосовский,³ мастер своего дела. У бедной графини легкие в таком состоянии, что не было возможности ее хлороформировать, как бы желали. Она не заснула и кричала ужасно. Рак вырезали в несколько секунд, но рану зашивали около часу. Графиня не могла лежать спокойно, хотя ее держали пять человек. И в том числе ее дочь, жена Гурко, которая доказала, что она недаром жена героя.⁴ Я знаю, что меня вынесли бы замертво из комнаты в ту минуту, когда Склифосовский надел фартук. Рана зажила в шесть суток, и теперь больной позволено вставать, но она слаба, хоть и совершенно счастлива, что беда миновала.

Я вполне понимаю, что вы не заехали к Толстому.⁵ Для меня единственное удовольствие в жизни — состоит в сближении с людьми, с которыми сходишься в известном отношении; тогда споры бывают очень приятны, потому что они не оскорбляют, не задевают за самую чувствительную струну.

Вы жалуетесь на грязь вашего нового дома? Да, что может быть отвратительней грязи, соединенной с претензиями на *элегантность*? А, к несчастью, у нас это сочетание нередко. До свидания.

Князь Щербатов поручил мне вам сказать, что очень тронут, что вы его не забыли, и посылает вам сердечный привет.⁶ — Передайте от нас всех поклон Марье Петровне.

С. Энгельгардт.

Брат велит вам сказать, что можно бы так перевести: *sous bénéfice d'inventaire: до проверки*. А как хороша статья Тэна.⁷ Племянница моя вам кланяется.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Московско-Курская железная дорога. Станция Будановка.

^а без доказательств (франц.).

Почтовые штемпели: 1) Москва, 13 сентября 1881;
2) Моск. Почт. Центр. Отд., 13 сент. 1881.

¹ Для чего понадобился Фету перевод, о котором идет речь, не ясно.

² Е. В. Салиас де Турнемир, писавшая под псевдонимом «Евгения Тур» (1815—1892), была хозяйкой известного литературного салона, который посещала и С. Энгельгардт с сестрами, жившими по соседству.

³ Речь идет об известном русском хирурге Н. В. Склифасовском (1836—1904).

⁴ Женой известного героя Балканской войны И. В. Гурко была старшая дочь гр. Е. В. Салиас де Турнемир Мария Андреевна.

⁵ Видимо, в не дошедшем до нас письме Фет сообщал, что на пути из Москвы в Воробьевку решил не заезжать к Толстому в Ясную Поляну. К этому времени отношения с Толстым стали у Фета натянутыми и неровными, что было обусловлено нравственно-философской эволюцией Толстого.

⁶ См. письмо 72 и примеч. 5 к нему.

⁷ Очевидно, имеется в виду изложение книги Тэна «Революция» в рецензии «Русского вестника»: Победа якобинцев. Новый том Тэна о Французской революции (1881. Т. 154, июль. С. 74—100).

74

8 (20) октября 1881.

Москва, 8 октября.

Мой милый Фет,

Я все ждала хоть маленького улучшения здоровья, чтоб написать вам, но не дождалась, несмотря на прелестные осенние дни, и ждаль перестала. Будет — хорошо, не будет — что делать! Начала я лечиться массажем, и надо сказать, однако, что одышка уменьшилась.

Я наслаждаюсь чтением «Souvenirs littéraires de M. Du Camp»^a в «Revue des deux mondes». Прелесть! В последнем № «Revue» идет рассказ о том, как автор и его друзья сочиняют трагедию во вкусе Вольтера. Предлагают героине сахарной воды с флер доранжем. Я не совсем помню стихи:

Le suc délicieux exprimé du roseau
.....et fond au bord de l'eau,
Arrosé des parfums des fruits des Hespérides,
Peut-il porter le baume à vos lèvres arides?^б

Как я смеялась, и как они мне напомнили то время, когда мой французский учитель говорил:

Au lieu de dire vulgairement *contre-poison*, Voltaire a dit en vers magnifiques:

^a «Литературных воспоминаний М. Дю Кана» (франц.).

^б Прелестный сок отжатый тростника

..... и тает у края воды,

Смоченный ароматом плодов из садов Гесперид,

Может ли поднести свой бальзам к вашим иссушенным губам?

(франц.).

Ces végétaux puissants qui en Perse on voit éclore,
 Bienfaits nés dans les champs de l'astre qu'elle adore,
 Par les soins de Phradaite avec art préparés,
 Firent sortir la mort de vos flancs déchirés.¹

И я вполне сочувствовала французскому учителю; правда, мне было тогда 11, 12 лет. Яд французской школы сидел, однако, во мне до той минуты, когда я прочла «Кавказского пленника»³ и страстно им восхищалась. Он играл в моей жизни роль «des végétaux puissants qu'en Perse on voit éclore».⁶

Наши молодые за границей, в Италии, и пишут, что не находят слов, которые бы могли описать их счастье. Первый год женитьбы им разрешено наслаждаться жизнью; князь Щербатов управляет сам именем, затем начнется практическая жизнь; они поселятся в деревне. Передаю вам поклон брата и сестры и от всей души жму вам руку. Что здоровье?

С. Энгельгардт.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Московско-Курская железная дорога, станция Будановка.

Почтовые штемпели: Моск. Почт. Центр. Отд., 9 октября 1881.

¹ См. письмо 72 и примеч. 3 к нему.

² С. Энгельгардт по памяти цитирует этот стихотворный отрывок из воспоминаний Дюкана; у него вторая и третья строки:

Qui fond en un instant dans un cristal d'eau,
 Et qu'on mêle au parfum du fruit des Hespérides

(Который в одно мгновение растворяется в стакане воды // И который смешивают с ароматом плода из садов Гесперид). Комментируя этот отрывок, Дюкан писал: «В нашей бурлескной трагедии, стихи, сильные, комические, имевшие безусловную классическую наружность, принадлежали Буйе. Само выражение никогда не употребляется, так как противоречит канонам; выражаются только метафорами, и какими!» (Revue des deux mondes. 1881. Livr. de 1 octobre. P. 497).

³ «Кавказский пленник» — поэма А. С. Пушкина (1820).

^a Вместо того, чтобы вульгарно говорить «противоядие», Вольтер говорил прекрасными стихами:

Эти мощные растения, которые расцветают в Персии,
 Эти дары, рожденные в полях от небесного светила,
 которых оно обожает,
 Приготовленные искусными заботами Фрадеты,
 Изгнали смерть из вашего истерзанного чрева.

(франц.).

⁶ «Могучих растений, которые расцветают в Персии» (франц.).

17 (29) октября 1881.

Москва, 17 октября.

Мой милый Фет,

Мы ждем с нетерпением и вас, и ваших статей. По тому, что вы говорите о социалистической статье,¹ мне кажется, что всякий порядочный человек должен ее понять, если, впрочем, я поняла, в чем дело. Люди с самым консервативным направлением то творят, что всякий негодяй имеет право на них указать и сказать: «вот против чего мы восстаем». Они так и делают. Брату очень хочется прочесть вашу статью, но он боится обещать, что прочтет ее в рукописи. Его нервы сильно пострадали за это время; радостные потрясения ему повредили, и чтения вслух он не вынесет.² Авошь, до тех пор поправится.

Что касается до меня, я еще далеко не поправилась, но массаж мне приносит видимую пользу. К сожалению, он не действует на кашель, а в октябре кашель трудно уговорить, но я все-таки надеюсь, что мне можно будет выехать в карете и вас навещать, как двадцать лет тому назад. — Двадцать лет! Страшно вымолвить.

Передайте мой поклон Марье Петровне. Я и ее увижу с большим удовольствием. Как и прежде.

С. Энгельгардт.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Московско-Курская железная дорога. Станция Будановка.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 18 октября 1881;
2) Моск. Почт. Центр. Отд., 18 октября 1881.

¹ Речь идет, видимо, о статьях Фета «В чем первоначальный источник нашего нигилизма?» (не сохранилась) и «Наши корни», которая была опубликована в «Русском вестнике» в 1882 г. (февраль) за подписью «Деревенский житель». «Социалистической» Фет мог назвать эту статью за то, что в ней был дан глубокий анализ пагубности для экономики государства крепостного права и его влияния на дальнейшую судьбу России. В этой статье Фет высказался по многим вопросам государственного устройства, в том числе и по вопросу об общинном землевладении. См. письмо 63 и примеч. 8 к нему.

² А. В. Новосильцев был тяжело болен после перенесенного много лет назад удара; кроме того, свадьба сына Юрия сказалась на его самочувствии.

9 (21) января 1882.

<ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО>

Суббота.

Не могу отказать себе в удовольствии сказать вам, что я вам обязана великим наслаждением: я прочла «Фауста» *в первый раз*,¹ прочла и начала снова; кончу и опять перечту. Чем больше вчитываешься, тем больше наслаждаешься. Признаюсь вам, — я довольна собой, что не осилила других переводов, понимая чутьем, как они плохи. Брат читает «Фауста» и только дивится вашему мастерству.

С. Энгельгардт.

На открытке: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Близ Смоленского рынка, На Плющихе, в своем доме.

Почтовый штемпель: Москва, 9 января, 1882.

¹ Речь идет о книге «Фауст. Трагедия Гете / Пер. А. Фета» (М., 1882. Часть 1), которую Фет, очевидно, прислал С. Энгельгардт в первую очередь, поскольку она была среди тех, кто побудил Фета как можно скорее печатать этот перевод. См. письмо № 67 и примеч. 1—4 к нему. 31 января (12 февраля) 1881 г. С. Энгельгардт писала: «Не могу вам сказать, как я вам благодарна за чтение „Фауста“. Я желала прочесть „Фауста“ с тех пор, как начала понимать поэзию, и наконец-то, в первый раз чувствую, что я прочла несколько сцен из настоящего „Фауста“» (См.: *Фет. Проблемы изучения...* С. 222).

24 апреля (6 мая) 1882.

Москва, 24 апреля.

Милый мой Афанасий Афанасьевич,

Как же вам не стыдно, что вы мне не написали до сих пор. Вчера я посылала к вам в дом, чтобы добыть ваш новый адрес, понимая, что от вас его не дожидаться. Если в начале мая вернутся теплые дни, я поеду в Крым¹ и буду непременно в Воробьевке. Прошу вас сказать мне, на какой станции надо остановиться и откуда прислать к вам депешу с просьбой мне выслать лошадей. — Может быть, вы сами куда-нибудь собираетесь в мае. Напишите об этом обстоятельно.

Весной я была очень больна. Кашель усилился и привязалась лихорадка, такая лихорадка, что ее не осилили ни хинина, ни мышьяк, а принимала я их усердно в продолжении 6 недель. Наконец, Господь меня надоумил обратиться к гомеопату Трифановскому, и в три дня он совершенно уничтожил мою лихорадку, и кашель значительно уменьшился.

Я проведу у вас несколько дней с большим удовольствием. Если будет дождливая погода, нельзя ли вам в таком случае прислать за мной карету?

От всей души обнимаю Марью Петровну и жму вам руку.

С. Энгельгардт.

Год написания письма определяется на основании того, что именно в 1882 г. С. Энгельгардт побывала в Крыму.

¹ С. Энгельгардт провела в Ялте около трех летних месяцев.

78

5 (17) мая 1882.

Москва, 5 мая.

Наконец-то я получила ваше письмо с любопытным объяснением об исправности наших железных дорог и почтовых ведомств.¹ Куда ни заглянешь — сердце радуется. — По-видимому, мне будет невозможно выехать раньше половины мая. Боюсь холодных ночей, да и из Крыма пишут, что там еще холодно. В день отъезда пришлю вам депешу.

У Галаховых нет вовсе состояния, потому-то женитьба Н<иколая> П<авловича> на вашей племяннице меня не удивляет.²

Но все-таки, по слухам, доброе семейство. Признаюсь вам, мне досадно, что эта дрянная девчонка не была жестоко наказана за ее поступок с вами.³

Нам пишут из Казанского имения, что всходы очень хороши. Вероятно, они и у вас поправятся. До свидания. Поцелуйте за меня Марью Петровну.

С. Энгельгардт.

Год написания письма определяется на основании упоминания о предстоящей свадьбе О. В. Шеншиной и Н. П. Галахова.

¹ Это письмо Фета неизвестно.

² В августе 1882 г. племянница Фета О. В. Шеншина вышла замуж за Н. П. Галахова, будущего орловского вице-губернатора. За благословением на этот брак она приезжала в Воробьевку. Сохранилось письмо Фета к племяннице, написанное накануне свадьбы (См.: *Маричева Л. М.* Три письма А. А. Фета к О. В. Галаховой, ур. Шеншиной // Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета. Курск, 1993. С. 340—341).

³ См. письмо 58 и примеч. 1 к нему.

21 июня (3 июля) 1882.

Ялта, 21 июня.

Боюсь, что мое письмо опоздает к 25,¹ дорогой Афанасий Афанасьевич. Я хочу присоединиться к вашим родственникам и лучшим друзьям, чтоб поздравить вас и Марию Петровну и пожелать вам обоим много лет безоблачного счастья.

К Марье Петровне я писала только что приехала в Феодосию. Получила ли она мое письмо?² С тех пор утекло много воды. Доктор меня выгнал из Феодосии. Там не было дождей с февраля и такая засуха, такой раздражающий нервы ветер, что мне стало хуже. Доктор там живет с <18>54 года и не помнит ничего подобного. Мы нашли около Ялты дачу, куда каждое лето приезжают больные, и за сходную цену. Сестра устроила меня и вчера уехала в Москву. Без нее мне очень скучно,³ но, к счастью, у меня книги, перо, бумага — и море ввиду. Жаль только, что нельзя подойти к самому берегу; в Ялте я гуляла с непередаваемым наслаждением на морском берегу.⁴ Какая притягивающая сила в море! Начнешь читать и забудешь о книге, смотришь вдаль.

Кумыс здесь отвратительный, не то, что в Феодосии; я не могла его пить. — Если вам вздумается написать ко мне, вот мой адрес: в Ялту, ее В<ысоко> б<лагородию> Марфе Степановне Сабининой, для передачи.

От всей души жму вам руку и обнимаю милую Марию Петровну.

С. Энгельгардт.

Не желает ли кто купить дачу в Феодосии, посылаю вам описание. Дача — прелесть. Хозяин, Котляревский, умер,⁵ и вдова его хочет его продать, чтобы избавиться от лишних хлопот. Просит она за свою дачу 30 тысяч, но, кажется, уступит за 25. Котляревский на нее потратил более 40. Если Соловьев у вас, передайте ему мой душевный привет,⁶ так же как Терезе Ивановне и Александру Ивановичу.⁷

На конверте: Московско-Курская жел. дорога. Станция Коренная Пустынь или Будановка, Его Высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину. Адрес перечеркнут крест-накрест красным карандашом и сделана надпись: «Адрес. в Крыму» неизвестной рукой.

Почтовые штемпели: 1) Ялта, Почт. конт. Тавричesk., 22 июня 1882;
2) Почт. вагон № 16, 24 июня 1882;
3) Почт. вагон № 9, 24 июня 1882.

¹ Из-за летней страды и других обстоятельств семейное празднество было перенесено на 29 июня: 25-летие супружеской жизни Феты должны были отмечать 16 августа ст. ст., так как именно в этот день 1857 г. они венчались в Париже в русской церкви.

² Письмо из Феодосии в бумагах М. П. Фет не сохранилось.

³ О какой из сестер С. Энгельгардт идет речь, установить не удалось.

⁴ Здесь, возможно, описка: речь идет о Феодосии.

⁵ Возможно, имеется в виду А. А. Котляревский (1836—1881).

⁶ Имеется в виду Вл. С. Соловьев (1853—1900), с которым Фет познакомился в начале 1881 г. Соловьев участвовал в редактировании перевода «Фауста» и бывал у поэта в доме, где с ним и могла познакомиться С. Энгельгардт.

⁷ Александр Иванович Йост был управляющим имением Фета Воробьевка; Тереза Ивановна — его мать.

80

31 августа (12 сентября) 1882.

Москва, 31 августа.

Милый Афанасий Афанасьевич,

Наконец-то я у себя дома! Давным-давно не получала я от вас строки, да и сама поленилась писать к вам из Ялты. Там невозможно ни писать, ни читать, даже думать нельзя — под палящим солнцем. Жара доходила до 48 градусов, и тоска овладевала мной до 6 часов вечера. Тогда солнце прячется за горы, и душа расцветает вдруг, как ваш кактус.¹ Я недолго жила на даче и расскажу вам при свидании, почему надо было переехать в город. У нас умеют все изгадить. Ялту содержат так отвратительно, что вонь выгоняла больных с набережной; только дня за три до моего отъезда прошел слух о приезде Гурки,² и набережную вычистили.

Здесь я продолжаю, насколько возможно, лечение, начатое в Крыму, а именно обтирания морской водой. Пока мне несравненно лучше: не знаю, как отзовется на мне осень. Погода стоит летняя.

Что ваш «Фауст»? Когда будет напечатана вторая часть?³ Когда вы переедете в Москву? — Передайте мой поклон всем вашим. От всей души жму вам руку.

С. Энгельгардт.

На конверте: Московско-Курская железная дорога. Станция Коренная Пустынь. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 1 сентября 1882;
2) Моск. Почт. Центр. Отд., 1 сентября 1882.

¹ Здесь, возможно, содержится намек на рассказ А. А. Фета «Кактус», напечатанный в ноябрьской книжке «Русского вестника» за 1881 год.

² Об И. В. Гурко см. примеч. 1 к письму 63.

³ Вторая часть «Фауста» Гете в переводе Фета вышла в Москве в типографии А. Гатцука в 1883 г.

19 (31) октября 1882.

Москва, 19 октября.

Милый мой Афанасий Афанасьевич,

Как вам живется? — Где ваши молодые, то есть Александр Иванович с женой?¹ Когда услышишь о браке по любви, на сердце отлегло. Наши же молодые² устроились в деревне на всю зиму и так заняты, и хозяйством, и друг другом, и так счастливы, что надо только благодарить Бога. — Пишут, что им бы хотелось продлить день на несколько часов, не успеешь ничего сделать.

Я прочла возмутительную книгу княгини Юрьевской, изданную в Париже и подписанную «Mr Laferté, détails intimes sur l'Empereur Alexandre II, sa vie et sa mort».^{3a} Он получил, вероятно, за эту книгу, продиктованную Юрьевской, тысяч 20 франков. Она, то есть Юрьевская, стоит, разумеется, на пьедестале. С ней только Государь узнал счастье, даже комфорт. До нее он спал на жестком тюфяке, не знал даже, что такое мягкая мебель; никто не заботился доставить ему самые простые удобства жизни и т. д. Отвратительно. — На эту книгу отвечал кто-то из придворных, не знаю еще кто; ответ написан умно, сдержанно, но беспощадно и напечатан тоже в Париже.⁴ Ей от него не поздоровится. Покойный Государь завещал ей 3 миллиона, но теперешний царь нашел, что это недостаточно, купил для нее дворец и назначил пенсию во сто тысяч. Когда я об этом подумаю на ночь, от злости не могу заснуть. Не забудьте, что у ней везде дворцы, и в Ялте, и на всех петербургских дачах. Она не раз поблагодарила Государя за его милости, нет сомнения, что поблагодарит и еще.

Кстати о Ялте: она мне сделала видимую пользу. Кашель мой уменьшился, по крайней мере, наполовину. Правда, я не могу выезжать с тех пор, как установилась осень, то горло заболит, то насморк, — но главное — одышки и кашель значительно уменьшились. Не знаю, что будет дальше.

Когда вы приедете в Москву? Обнимаю Марью Петровну, а Терезу Ивановну поздравляю от всей души со счастьем сына.⁵ До свиданья.

С. Энгельгардт.

Что ваш перевод?⁶

На конверте: Московско-Курская железн. дорога. Станция Коренная Пустынь. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 19 октября 1882;
2) Моск. Почт. Центр. Отд., 19 октября 1882.

^a «Г-н Лаферте, интимные подробности об Императоре Александре II, его жизни и его смерти» (франц.).

¹ Речь идет о свадьбе управляющего имением Фета А. И. Йоста с племянницей М. П. Фет Ольгой Ивановной Шукиной.

² Молодые — Ю. А. Новосильцев и М. Н. Щербатова.

³ Точное название книги, о которой идет речь: *M. Victor Laferté. L'Empereur Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort. Genève, 1882 (Виктор Лаферте. Император Александр II. Неизданные подробности о его личной жизни и о его смерти. Женева, 1882)*. Вдохновительницей этой книги была многолетняя фаворитка, а затем, после смерти императрицы Марии Александровны, морганатическая жена Александра II кн. Е. М. Долгорукая (в замуж. Альбединская), получившая в декабре 1880 г. титул светлейшей княгини Юрьевской.

⁴ В 1882 г. в Париже вышла на французском языке небольшая брошюра под названием «Несколько слов о брошюре г. Виктора Лаферте...» за подписью «Русский из высшего света» (*Un Russe du grand monde. Quelques mots sur la brochure de M. Victor Laferté: L'Empereur Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort. Paris, 1882*). Автор брошюры сурово осуждал как В. Лаферте, так и кн. Юрьевскую за бестактность по отношению к покойному государю и к русскому народу.

⁵ См. примеч. 1 к настоящему письму.

⁶ См. письмо 80 и примеч. 3 к нему.

82

19 (31) января 1883.

Милый Афанасий Афанасьевич.

Феоктистова зовут Евгений Михайлыч.¹

Кто вас знает, тот не заподозрит вас в каких бы то ни было корыстных целях; а если бы недобрые люди и заподозрили, какое вам до них дело, продолжайте говорить прямо и честно свое мнение, как всегда.

У нас в Москве, под носом генерал-губернатора, три года тому назад, были публичные чтения, после которых одна молодая девушка сказала другой: «До сих пор меня поддерживала вера; у меня ее отняли, я отравлюсь». Что же будут читать в Полтаве!²

От всей души жму вашу руку и обнимаю Марью Петровну.

С. Энгельгардт.

Среда.

На конверте: На Плющихе, близ Смоленского рынка. Его Высокоблагородию Афансию Афанасьевичу Шеншину. В своем доме.

Почтовый штемпель: Москва, 19 января 1883.

¹ Видный общественный деятель и публицист Е. М. Феоктистов (1829—1898) был назначен с начала 1883 г. начальником Главного управления по делам печати. В связи с чем Фету понадобилось знать имя и отчество Феоктистова, установить не удалось.

² О каких чтениях в Полтаве идет речь, неясно.

10 (22) февраля 1883.

<ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО>
Четверг.

Милый Афанасий Афанасьевич,

Здоровы ли вы? Что поделяваете? Я иногда спрашиваю у себя, в Воробьевке вы или в Москве. Страшная зима меня засадила дома и все-таки я не ушла от простуды. У нас дует в пол; и только сегодня мне лучше. — Наслаждаюсь вашими стихотворениями.¹ — Скажите Марье Петровне, что я ее целую от всей души.

С. Энгельгардт.

На открытке: Близ Смоленского рынка, На Плющихе. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. В своем доме.

Почтовый штемпель: Москва, 10 февраля 1883.

¹ С. Энгельгардт откликается на присланный ей первый выпуск сборника стихотворений Фета «Вечерние огни» (дата цензурного разрешения 28 декабря 1882 г.).

84¹

26 марта (7 апреля) 1883.

26-е марта.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Весна, как и всегда, мне не сошла с рук даром, оттого-то я так долго не писала к Вам; да и теперь должна продиктовать это письмо. Я прочла вторую часть «Фауста»;² но одного раза не достаточно. Надо в нее вчитаться, вдумать, чтоб составить себе дельное понятие об ней. Связи между первой частью и второй нет никакой, по моему; по крайней мере, я напрасно ее искала. Она существует разве только в том, что Фауст ищет идеал Красоты. Он остается искателем до конца. Судите обо мне, как хотите, но можно назвать эту вторую часть «une fantaisie bizarre».³ Слово «bizarre» непереводимо. Очень мне понравилась сцена возвращения Елены в свой дворец.

Я читала с злорадством телеграммы из Лондона. Жаль только, что полиция у них ловка; слишком легко находят ящики с динамитом.³ Пусть бы великие люди взорвали половину Лондона! Поделом им! Пусть бы и Виктория⁴ взлетела на воздух, и часть Парламента, вот бы остальное поумнело, перестало бы принимать с трогательным гостеприимством наших героев.

² «причудливой фантазией» (франц.).

В это время года не видишь соседей; вероятно, Вы пишете, исключительно заняты каким-нибудь новым трудом, может быть.⁵ Теперь деревня прелестна; снег еще не сошел.

Но возрождение, весть живая,⁶
Уж есть в пролетных журавлях.

Я познакомилась с графиней Толстой,⁷ и нашла ее чрезвычайно симпатичной. Крепко целую Марию Петровну и от всей души жму вашу руку. Нуна, моя племянница, которая пишет за меня, вам обоим кланяется.

С. Энгельгардт.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Московско-Курская жел. дорога. Станция Коренная Пустынь.

Почтовые штемпели: 1) Моск. Почт. Центр. Отд., 27 марта 1883;
2) Москва, 28 марта 1883.

¹ Письмо написано племянницей С. Энгельгардт под диктовку.

² Вторая часть трагедии Гете «Фауст» в переводе Фета, с его предисловием и комментариями, вышла в 1883 г. в Москве.

³ Речь идет о событиях в Лондоне в 3 (15) марта, когда в Вестминстерском аббатстве и в редакции либеральной газеты «Times» прогремели два мощных взрыва, организованные ирландскими революционерами. По этому поводу газета «Московские ведомости» ядовито восклицала: «Итак, не в России только бывают динамитные взрывы, но и в Англии <...> почти в самом парламенте. Это постоит взрыва в Зимнем Дворце. Значит, пресловутый „правовой порядок“ ничего не обеспечивает». (Перепечатано: Русский вестник. 1883. Март. С. 399). Комментируя меры английского правительства по предотвращению терроризма, которые выразились в том числе и в организации специального полицейского отдела, так называемой жандармской полиции, та же газета писала: «Англия, почувствовав укушение отогретой ею змеи, прибегает к приемам вовсе не гармонирующим с пресловутою политической свободой, так широко толковавшейся, когда речь шла об ограничении права убежища для чужестранных политических бандитов <...>. Итак, прогресс приводит Англию к третьему отделению» (Там же. С. 401—402).

⁴ Виктория (1819—1901) — королева Великобритании с 1837 г.

⁵ 14 (26) апреля 1883 г. Фет писал Вл. Соловьеву: «Я на всех парах работаю над Горацием, и дело весьма спорится. Я так боялся эпод — по причине их формы, но теперь они у меня все за спиной <...> Теперь я зарылся по уши в прекраснейших сатирах поэта. Это образец языка, практического ума, тонкости, словом, прелесть» (См.: Фет А. А. Сочинения. В 2-х т. М., 1982. Т. 2. С. 323).

⁶ Строки из стихотворения Фета «Еще весны душистой нега...» (1854) приводятся в письме неточно, возможно, по вине племянницы С. Энгельгардт, писавшей под диктовку.

⁷ Речь идет о С. А. Толстой (рожд. Бахметевой, в перв. браке Миллер, 1825—1895), вдове поэта А. К. Толстого. Фет поддерживал с нею дружеские отношения, ей посвящен перевод второй части «Фауста» Гете.

27 апреля (9 мая) 1883.

Апреля 27.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Не мне принадлежит право спорить с вами с достоинствах или недостатках второй части «Фауста». Я позволяю себе только передавать вам мои личные впечатления;¹ мне кажется, что эта вторая часть очень растянута, тогда как из первой нельзя выбросить ни одного слова. В первой — на первом плане выступает личность Фауста; во второй она исчезает за массой и мифических, и не мифических лиц, потому-то при первом чтении не находишь соединяющей нити между двумя частями.

Здесь получили грустное известие о Тургеневе. Он страдает ужасно от подагры, которая поднялась в грудь, и сошел с ума. Говорят, что его отвезли в дом умалишенных. Когда он разнемогался, М<ада>м Viardot не оставляла его наедине с русскими. Одна моя знакомая навестила его, по его же просьбе, и не могла освободиться от надзора хозяйки дома. Тургенев говорил о своих последних распоряжениях и не договорил. — Какой грустный конец вообще и как ему тяжело умирать.²

Мне очень хочется прочесть статью Буренина об вас, я ж ее не достала;³ но мне сказали, что здесь какая-то лавочка, где продают старые журналы. Пошлю туда. — Поэзию убить невозможно, и как ни старалось грубое невежество отвратить от нее молодежь, она берет свое. Попадаются в журналах стихотворения, которые не пахнут некрасовщиной.⁴

Мы ждем коронацию⁵ и надеемся, что она совершится благополучно. Если бы не брат, мы не остались бы в Москве, хоть бы потому, что цены на все будут баснословные.

Прочтите в «Revue des deux mondes» (1er avril) статью Max. Ducamp «La charité privée à Paris».^{6a} Нельзя ее читать равнодушно. Обнимаю Марию Петровну и жму вашу руку.

С. Энгельгардт.

На конверте: Московско-Курская железная дорога. Станция Коренная Пустынь. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 27 апреля 1883;
2) Москва, 28 апреля 1883.

¹ См. письмо 84.

² Диагноз, который был поставлен Тургеневу во время его последней болезни, оказался неверным, на самом деле у него был рак костного мозга. Страдая от невыносимых болей, Тургенев временам впадал в помешательство, просил яду и т. д., однако о помещении его в дом умалишенных речи не шло, за ним был обеспечен уход

^a «Частная благотворительность в Париже» (франц.).

и консультации лучших парижских докторов. Сведения, которые сообщает С. Энгельгардт Фету, циркулировали в русском обществе, относившемся с недоброжелательством к Полине Виардо. Что касается завещания, то Тургеневым было составлено несколько завещаний в разное время. Согласно последнему, полноправной наследницей всего его имущества стала П. Виардо. Благодаря Фету, посоветовавшему своей племяннице О. В. Галаховой и дальней родственнице Тургенева К. Д. Сухотиной подать прошение о выделении части наследства Тургенева (а именно Спасского-Лутовиново, что и было ими сделано) и согласно российским законам, запрещавшим иностранцам владеть недвижимостью на территории Российской империи, Сухотина и Галахова унаследовали Спасское (См.: *Фет А. Мои воспоминания*. Т. 2. С. 397). О какой знакомой С. Энгельгардт, которая навещала Тургенева, идет речь, установить не удалось.

³ Статья В. П. Буренина (1841—1926), посвященная разбору новых стихотворений Фета (сборника «Вечерние огни») появились в газете «Новое время» в № от 25 марта 1883 г. Фет писал об этой статье: «...разбор мастерской, по-моему. В такой тесной рамке он растузил дураков на славу и указал на главнейшие черты моей музыки. Видно, что человек тонко понимает дело, хотя не могу понять, как тут же он восхищается прямолинейным Некрасовым?» (письмо к Вл. С. Соловьеву от 14 (26) апреля 1883 г.; см.: *Фет А. А. Соч.* в 2-х т. Т. 2. С. 323—324).

⁴ Имя Н. А. Некрасова нередко упоминается в переписке С. Энгельгардт с Фетом как пример направления, противоположного истинной поэзии. См. письмо 60, примеч. 8.

⁵ Описание торжественной коронации Александра III см. в следующем письме С. Энгельгардт.

⁶ В статье М. Дюкана содержалась защита благотворительной деятельности церкви. «Я слишком маленький человек, чтобы решить вопрос о том, враг ли я духовства, — писал Дюкан, — но могу утверждать, что и для нации и для отдельных людей спиритуализм — жизнь, а материализм — смерть» (*Du Camp M. La charité privée à Paris // Revue des deux mondes*. 1883. Livr. de 1 avril. P. 519).

86

19 (31) мая 1883.

Москва, 19 мая.

Я только что собиралась писать к вам, как брат меня позвал и дал прочесть ваше чудесное стихотворение.¹ Оно меня несказанно обрадовало. К торжеству пережитых дней не доставало только этого музыкального аккорда. Эта коронация была блестящая победа над нашими врагами, и своими, и чужими. Журнальные статьи плохо передают все, что мы видели и слышали. У иностранцев слезы выступали на глаза; верьте этому безусловно.

Мне передавали слова одного французского: «pour se convertir à la cause des rois il faut venir dans ce pays où le souverain et la nation ne font qu'un».^a В день выезда Государь долго старался подавить свое смущение, но когда он въехал в Кремль и вошел в собор, слезы его потекли, а лицо сияло. Эту подробность передавал нам лондонский посланник граф Марнгейм, который стоял возле него. То же самое повторилось в день коронации. Народ его крестил издали; иностранцы поражены. С тех пор, как коронуются русские цари, не было такого торжества.

^a «чтобы обратиться в монархизм, следует приехать в эту страну, где государь и народ составляют единое целое» (франц.).

В день бала Долгорукова² толпа народа ждала царскую фамилию на Тверской, но Козлов³ их провез Никитской и переулками до дома генерала-губернатора. Государь, увидав народ, который его напрасно ждал, вспылил и сказал, что он никого и ничего не боится и чтоб в другой раз его бы везли прямо в толпу. — Но Козлова винить нельзя, все-таки душа не покойна. В день въезда провели нашим двором *барышню*, и провели ее два жандарма. Одна наша знакомая зовет этих барышень *третки*.

В апрельской книжке «Русского вестника» напечатана восторженная похвала поэмы или трагедии Майкова «Два мира».⁴ Или я вовсе лишена поэтического чувства или надо глубоко жалеть об испорченном вкусе наших современных критиков. По-моему, поэма Майкова из рук вон плоха. Хочу ее перечесть, попробую, может быть, сразу не оценила.

Обнимаю Марью Петровну. Сестры мои посылают и вам и ей душевный привет.

С. Энгельгардт.

Если б не мое несчастное здоровье, покатила бы к вам на недельку.

На конверте: Московско-Курская железная дорога. Станция Коренная Пустынь. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 20 мая 1883;
2) Москва 21 мая 1883.

¹ По случаю коронации Александра III Фет написал стихотворение «15 мая 1883 года» («Как солнце вешнее сия...»), которое было напечатано в газете «Новое время» (15 мая 1883 г.) и в журнале «Русский вестник» (1883. Т. 165. С. 294).

² По случаю коронации московским военным генерал-губернатором В. А. Долгорукова (1810—1891) был дан бал.

³ Петербургский обер-полицмейстер А. А. Козлов сопровождал Александра III на коронацию, которая состоялась 15 мая в Москве.

⁴ Поэма А. Н. Майкова «Два мира», названная им «трагедией», впервые была напечатана в журнале «Русский вестник» за 1882 г. (№ 2) целиком. Рецензия на нее за подписью «М.» появилась в № 4 «Русского вестника» за 1883 г. под названием «Голос из Америки о поэме Майкова „Два мира“».

22 июля (3 августа) 1883.

Москва, 22 июля.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Я только что вернулась из деревни, где провела несколько недель у племянника, наслаждаясь его счастьем.¹ Выше такого счастья нет ничего в жизни. Они еще влюблены друг в друга, — ребенок прекрасный и имение прекрасное, с старинным домом и садом, с огромными лесами. Там вволю дичи, — рыба, стерляди нипочем, — словом, только живи да наслаждайся.

Но увы! Человеческая порода все испортила. Порядочный человек не найдет поддержки ни в каком честном помысле. — И у нас говорят о конституции! Хороши будут депутаты! Их надо посадить в школу, за азбуку, а не то что пустить в палату. Жалко и гадко и смешно на них глядеть.

Там я прочла вашу милую переписку в стихах с Полонским² и много читала Бальзака. — Теперь у французов нет ничего подобного, даже приблизительного. — Не слышали вы что-нибудь о Тургеневе? Где он? Неужели ему суждено умереть в доме умалишенных?³

Перед отъездом в деревню мне пришлось говорить о вашей племяннице Галаховой с человеком, который за нее когда-то заступался и верил ее клеветам.⁴ Теперь же он в ней совершенно разочарован и того мнения, что у ней нет ни ума, ни сердца, а только много хитрости. — Где ваш племянник Борисов?⁵

Обнимаю от всей души Марию Петровну и жму вам руку. — Передайте мой поклон Терезе Ивановне.⁶

С. Энгельгардт.

Что ваши переводы — подвигаются ли?⁷

Год написания письма определяется на основании упоминания переписки в стихах с Я. Полонским (1883) и упоминания о болезни Тургенева.

¹ См письмо 81 и примеч. 2 к нему.

² Стихотворение Я. Полонского «Вечерние огни» с посвящением Фету и стихотворение Фета «Я. Полонскому. В ответ» («Спасибо! Лирой вдохновенной...») были опубликованы в журнале «Вестник Европы» (1883. Т. 4, кн. 7. С. 216 и 382).

³ См. письмо 85 и примеч. 2 к нему. Отношение С. Энгельгардт и Фета к творчеству и личности И. С. Тургенева претерпело сложную эволюцию — от восторженного почитания к разочарованию в его таланте и неприятию его общественно-политических взглядов. Узнав о его смерти, С. Энгельгардт писала Фету 30 августа (11 сентября) 1883 г.: «Смерть Тургенева произвела на меня тяжелое впечатление, и не на меня одной (так в текст — *Н. Г.*), разумеется, на многих. К несчастью, я не могу обобщить слова Шиллера: смерть великий примиритель. — Нет! Когда умирает такой известный человек, как Тургенев, хотелось бы его оплакивать от всей души как художника и человека, а тут надо забыть о личности и оплакивать художника 40-х и 50-х годов. Сердце не поддается на такую гимнастику, потому-то и тяжело» (См.: *Фет. Проблемы изучения...* С. 223).

⁴ См. письмо 58 и примеч. 1 к нему. Очевидно, Фет высказал в не дошедшем до нас письме неудовольствие по поводу сплетен об О. В. Галаховой. 30 августа (11 сентября) 1883 г. С. Энгельгардт писала ему: «Если б я знала, что вы помирились с вашей племянницей, я бы вам не написала об ней то, что мне было сказано. Я понимаю вполне, что ссора — это заноза, которую вынимаешь с радостью из сердца» (там же).

⁵ В это время в поведении П. И. Борисова, сына любимой сестры Фета Надежды и его друга И. П. Борисова, стали наблюдаться странности, которые свидетельствовали о начинающемся душевном расстройстве. Как и его мать, П. И. Борисов (1858—1888) окончил свои дни в больнице для умалишенных в Петербурге. После смерти И. П. Борисова Фет стал опекуном его сына и управляющим его наследственными имениями. П. И. Борисову посвящен перевод первой части «Фауста» Гете.

⁶ Тереза Ивановна Йост, мать А. И. Йоста, управляющего Фета, жила в Воробьевке. Сам Йост к этому времени перешел на службу к Боткиным.

⁷ В 1883 г. вышел в свет том «К. Гораций Флакк» в переводе Фета, за который он в 1884 г. получил Пушкинскую премию от Академии наук.

Конец 1883.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Я рада, что наконец-то напечатали вашего «Абадону»,¹ но почему поспешили на другие стихотворения? Утро, проведенное у вас, оставило мне такое хорошее воспоминание, что мне хочется повторить его как можно скорей.

Я видела вчера Катерину Серг<еевну> Бородину.² Она поручила мне вам сказать, что вы ее *несказанно* обрадуете, если *сами* пришлете ей первую часть «Фауста».³ Вторую она не понимает⁴ и, во всяком случае, ни той ни другой не читала в переводе.

Передайте Марье Петровне, что разговор Тургенева с В. Гюго был напечатан в сент<ябрьской> или октяб<рьской> книжке «В<естника> Европы».⁵ Если ей возможно достать этот разговор — она меня очень обяжет.

Посылаю и ей и вам мой сердечный привет.

С. Энгельгардт.

Год написания письма устанавливается по упоминанию стихотворения Фета «Аваддон», напечатанного в 1883 г.

¹ Стихотворение «Аваддон» («Ангел, и лев, и телец, и орел...») было напечатано в «Русском вестнике» (1883. Т. 167, С. 734).

² См. письмо 54, примеч. 4.

³ См. письмо 76 и примеч. 1 к нему.

⁴ См. письмо 84 и примеч. 2 к нему и письмо 85.

⁵ Очевидно, имеется в виду известный анекдот, который любил рассказывать Тургенева, вспоминая свой разговор с Гюго, объявившем себя ненавистником Гете. «„Что такое Гете? Что написал он? Единственная вещь — „Валленштейн“ — и только... Я скромно замечаю: „Mon maître, „Валленштейн“ — ведь произведение Шиллера, а не Гете“. „Ну да, да, это безразлично: он мог написать такую вещь...». Этот разговор воспроизводился в разных вариантах в воспоминаниях современников Тургенева, например, в статье «И. С. Тургенев на вечерней беседе в Петербурге 4 марта 1880» (Русская старина. 1883. № 10. С. 208—209). В «Вестнике Европы» этот эпизод обнаружить не удалось, возможно, С. Энгельгардт перепутала название журнала.

24 мая (6 июня) 1884.

Мая 24, Москва.

Брат мой скончался 18 числа¹ после двухмесячной тяжелой болезни. Я еще не могу опомниться, сердце мое разбито. Не знаю, когдаoberусь с мыслями, чтоб написать к вам.

Не забывайте меня.

С. Энгельгардт.

Датируется на основании даты смерти А. В. Новосильцева.

¹ См. письмо 51 и примеч. 4 к нему.

2 (14) июня 1884.

Москва, 2 июня.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Благодарю вас за ваше душевное письмо.¹ Более чем когда-нибудь я дорожу участием и дружбой близких людей. Вы знали моего брата и ценили его. Да, он страдал, как мученик, и с геройским терпением. У него сделалось воспаление в больной ноге, и ему <?> раза пускали кровь, чтоб освободить его от жестких болей, — и он скончался от слабости. Кончина была тихая. Спокойное выражение лица поражало всех. — Он предвидел свою смерть и писал — исподволь — все свои распоряжения, до мельчайших подробностей. — Мы ему посвятили 20 лет жизни² и, насколько возможно, успокоили его. В последнее время все его дети окружали его и днем и ночью. Он хотел, чтоб его похоронили в деревне, у любимого сына.

Я поняла, что вы думаете о нашей будущности, она уже решена. — Мы наняли квартиру в 9 комнат, на Спиридоновке — в этом доме — у Мейснера, 19 — и, кроме расходов, здесь на каждом шагу сердце разбито. Состоянием будет управлять Юрий. — Он для нас не племянник, а родной сын. Переберемся мы на новое жилище не раньше 20 июля, а теперь поедем к Троице. Наша хорошая знакомая Аксакова там живет постоянно, но на лето едет в деревню и предлагает нам свою квартиру, разумеется, без платы. Если вы напишете ко мне, адресуйте письмо: Троицкий Посад, дом Конькова, на квартире А. С. Аксаковой.

Когда я еще могла читать, я наслаждалась вашим переводом Го-
рация.³ Я так люблю античную простоту и спокойствие, а вы их передаете чудесными стихами. Когда отдохну, примусь опять за это чтение. Жаль вашего несчастного племянника — и вас жаль.⁴

Обнимаю Марию Петровну.

С. Энгельгардт.

Год написания письма определяется по упоминанию о смерти А. В. Новосильцева в 1884 г.

¹ Это письмо Фета не сохранилось.

² В 1864 г. у А. В. Новосильцева случился удар, от которого он не оправился до конца жизни.

³ См. письмо 87, примеч. 7.

⁴ См. письмо 87, примеч. 5.

ПИСЬМА А. М. РЕМИЗОВА К П. Е. ЩЕГОЛЕВУ

Часть I. Вологда.

(1902—1903)

*Вступительная статья, подготовка текстов
и комментарий А. М. Грачевой*

Дружеские, деловые и творческие взаимоотношения писателя Алексея Михайловича Ремизова (1877—1957) и историка литературы Павла Елисеевича Щеголева (1877—1931) продолжались долгие годы (вплоть до отъезда Ремизова за границу в 1921 г.) и в своем развитии прошли несколько качественно отличных этапов. Первый из них относился ко времени пребывания обоих в ссылке в г. Вологда.

В начале XX в. Вологда была одним из центров ссыльного края, где одновременно находились под надзором полиции многие, впоследствии известные деятели России, такие как Н. А. Бердяев, А. В. Луначарский, А. А. Богданов-Малиновский, Б. В. Савинков, В. А. Карпинский и др. Ряд мемуаристов оставили воспоминания о Вологде той поры.¹ В их число с особой оговоркой можно включить и тексты Ремизова.

Первым из таких произведений был роман «Пруд» (1901—1911). Страницы, посвященные Вологде, были созданы Ремизовым по «свежим следам» своего пребывания в этом городе: «Там не было дня, не покрытого тюрьмой, смертью, изгнанием. <...> Против бойниц и собора, построенных еще Грозным — простой деревянный домик, а в домике, где гнездится колония отторгнутых, вершатся судьбы. <...> Их было в городе человек до пятидесяти. Больше держать запрещалось. <...> Пятьдесят человек без того дела, которым жили. Без дела и без средств к жизни. Какая-нибудь подлая работа и тупая, отупляющая скука или ожидание работы, гнетущая праздность и озлобление. <...> сходясь, начинали всегда один и тот же разговор <...> Из пятидесяти выдвигались вожаки: притягивали, группировали вокруг себя, а те поддакивали и гикали сплоченной слепой оравой. <...> Судили за все, за что ни вздумается, но первым обвинением всегда являлось подозрение в шпионстве. Возникали комиссии; сменялись другими. Играли в процесс».² Вологда раннего романа Ремизова представляла в виде гротескной символической фантазмагории, однако этот лик имел биографическую основу.

¹ См., например: *Луначарский А. В.* Великий переворот: Октябрьская революция. Пб., 1919. Ч. 1. С. 24; *Бердяев Н. А.* Самопознание: Опыт философской автобиографии. Л., 1991. С. 129—130.

² *Ремизов А.* Пруд. СПб., 1908. С. 212—214.

Иной, иронически-просветленный образ Вологды возникал в текстах позднейших периодов творчества Ремизова: «Розовые лягушки. Мое вступление в литературу», «Москва», «Северные Афины»,³ в дальнейшем включенных как разделы в опубликованную посмертно книгу «Иверень» (Berkeley, 1986).⁴ Как и обычно, при обращении, пользуясь термином Антонеллы д'Амелия, к «автобиографическому пространству» прозы Ремизова, возникает вопрос о соотношении в ней исторических фактов и художественного вымысла. При этом существенную роль играет обнаружение документов, свидетельств, которыми можно «проверить» ремизовский текст.

Название раздела «Северные Афины» (первого по времени создания) стало лейтмотивной метафорой, проходящей через эти повествования о вологодском периоде жизни Ремизова. В «Иверне» рассказ о Вологде предварен диалогом автора с известным филологом проф. П. Паскалем. В этом своеобразном введении в завуалированной форме дано «истолкование» предмета повествования и характер авторской позиции: «— А у меня есть про Афины: „Северные Афины“. <...> И с музыкой, говорю, тетрахорды, теорбы и флейты. <...> С гимнами Сафо, <...> Каллимаха, Пиндара, оды Анакреона, идиллии Феокрита, хоры Софокла, Еврипида, смех Аристофана. <...> Вы услышите громчайшие имена „титанов“: Луначарский, Карпинский, Равич <...> вы встретите и скромное имя: Николай Александрович Бердяев. <...> А кроме Бердяева и Подстрекозова, — это я себя так по-гречески переименовал: „Подстрекос“, вы найдете кое-что от польской руды для русской речи. Первый у нас Марлинский, вот несколько поэтических строк <...> Это цвет, а сейчас будут ягоды из той же руды, из польского документа в „Северных Афинах“ (1901 г.) — польское по-русски: „Хотя мой муж не такой умный, как кому нравится, но все-таки не подлец, чтобы по нем, как по свинье, ехать“» (*Иверень*. С. 240—241). В этом введении дан своеобразный «ключ» к постижению художественной природы ремизовского текста.

Анализ приведенного отрывка вступления показал, что оно составлено методом монтажа из имен реальных ссыльных, чьи образы интерпретированы в системе поэтик античной и романтической литератур, а также из прямой цитаты сохранившегося в архиве писателя подлинного документа 1901 г. Последний — это жалоба жены ссыльного мастерового А. Келзы, поданной в товарищеский суд на С. П. Довгелло за «оскорбление личности» ее мужа «гордостью» «интеллигентов». На этом суде Ремизов выступал в качестве независимого свидетеля.⁵ Таким образом, обнаружение исторического документа, «факта», на которые опирается повествование Ремизова, позволяет раскрыть особенность авторской концепции «Иверня» как *художественного* текста, одновременно, являющегося и воспоминаниями о значительном этапе жизни писателя.

«Ключевой» фигурой среди персонажей вологодских глав «Иверня» является сидящий в самом «гнездилище Парнаса <...> Щеголев. Между прочим, вологжане из почтения называли его не иначе, как „академик Щеголев“, некоторые же, как С. Л. Сегаль, хозяин часового магазина, гармонист, и неистощимый остро слов, прибавляли для еще пушиего веса „почетный“, а Константин Лукнич, обер из Золотого Якоря, еще и „потомственный“, что звучало совсем по-лесковски: „высоко-обер-преподобие“» (*Иверень*. С. 243).

Письма Ремизова к Щеголеву вологодского периода (ответные письма не сохранились) представляют собой важный документальный источник, существенно дополняющий представление о переломном моменте в человеческой и литературной судьбе писателя.

³ Первые публ.: Розовые лягушки. Интермедия // Русские новости (Париж). 1947. № 115, 15 авг.; № 117, 29 авг.; Москва [1. Демоны. 2. Анафема. 3. Аделаидин цвет] // Новоселье (Нью-Йорк). 1949. № 39—41; Северные Афины // Современные записки (Париж). 1927. № 3.

⁴ Далее цитируется в тексте *Иверень* с указанием страницы.

⁵ Собрание Резниковых (Париж).

Студент санскритско-персидско-армянского разряда факультета восточных языков, а затем историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета П. Е. Щеголев был исключен из университета и арестован за участие в студенческой забастовке 1899 г. После освобождения он продолжил революционную работу по пропаганде марксизма, был снова привлечен к жандармскому дознанию и выслан в Полтаву (1900—1901 гг.). Там Щеголев участвовал в группе содействия распространению газеты «Искра», за что был выслан на три года в Вологодскую губернию. Сразу же по прибытии он был привлечен к новому дознанию за распространение газ. «Искра» и «Южный рабочий» и помещен в вологодский острог, где пробыл с 23 апреля до 5 августа 1902 г.⁶

Вольнослушатель юридического факультета Московского университета А. М. Ремизов был исключен из университета и выслан под гласный надзор полиции в Пензу на два года за особо активное участие в студенческих беспорядках 18 ноября 1896 г. В 1897 г. он был снова арестован как один из организаторов марксистского кружка и, после следствия, в 1900 г. выслан в Вологодскую губернию на три года. В 1901 г. Ремизов был переведен из Устьсысольска в Вологду «по состоянию здоровья».⁷

Как видно из приведенного сопоставления «послужных списков» Ремизова и Щеголева, очевидно значительное совпадение их революционных биографий. Оба были увлечены пропагандой марксизма и не отказались от своих убеждений после первого ареста. Результатом дальнейшей деятельности на том же поприще и стала вологодская ссылка. Однако в 1901 г. у Ремизова и Щеголева появились и иные интересы, и именно они во многом способствовали их быстрому дружескому сближению.

Во-первых, начало меняться их отношение к марксизму, а у Ремизова и к революционной деятельности как таковой. Во-вторых, обоих объединило внимание к новинкам «декадентской» литературы. Именно об этих фактах своей духовной эволюции Щеголев сообщал из Вологды своему знакомому еще по Петербургу — Б. В. Савинкову в письме от 7 июня 1901 г.: «Что мне сказать о себе? После переезда сюда моя жизнь опять вошла в определенную колею. Остался на постоянное местожительство в самой Вологде. Сама Вологда — город неважный, небольшой. Хороша река и природа северная, целомудренная, чистая, нежная. Много занимаюсь — во-первых, для заработка (перевод и биография Гоголя); во-вторых, для себя. Пересматриваю марксизм, и в-третьих, читаю беллетристов, и отталкивающих и притягивающих в одно время. Говорю о декадентах, Гамсуне, Аннунцио, Ибсене. Из внешних событий моей жизни самое важное: езжу пока плохо на велосипеде и нахожу, что это недурно. Пока результаты — подбитый глаз и ушибленная нога».⁸ Интерес к новейшему литературному направлению, казалось бы, был не удивителен для филолога Щеголева, но примечательно, что он, специализировавшийся на классике, исследовавший в это время материалы архива Гоголя, подчеркнул этот факт как нечто необычное в своих читательских пристрастиях. В свою очередь, внимание к творчеству модернистов у Ремизова было связано с начавшимся еще раньше определением своего писательского *sredo*. То, что уже в Устьсысольске он имел прозвище «декадент», документально подтверждается текстом той же жалобы в товарищеский суд, датированной 1901 г.⁹

⁶ Подробнее о революционной деятельности Щеголева см.: Емельянов Ю. Н. П. Е. Щеголев — историк русского революционного движения. М., 1990. С. 13—15.

⁷ Подробнее см.: Грачева А. М. Революционер Алексей Ремизов: миф и реальность // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 419—447.

⁸ Государственный архив Российской Федерации, ф. 5831, оп. 1, № 233, л. 2. Далее: ГАРФ.

⁹ См. свидетельства Ремизова о начале писательской деятельности с 1897 г. и появлении прозвища «декадент» еще в Пензе (*Иверень*. С. 151—152).

Первая часть вологодских писем Ремизова к Щеголеву относится ко времени пребывания последнего в тюрьме. Они свидетельствуют, что Ремизов, несмотря на отсутствие разницы в возрасте, воспринял Щеголева как старшего — советчика и учителя в области литературы. Письма дают возможность заглянуть в творческую лабораторию начинающего писателя, раскрывают источники стилистики и поэтики его ранних произведений. Учительство — вот основная миссия Щеголева на этом этапе их дружеских взаимоотношений. Ремизов неоднократно просит его о книгах, необходимых для литературной учебы, сообщает о своем восприятии щеголевских рекомендаций и советов: «Пришлите, если Вам сейчас не нужно, Мандельштама о стиле Гоголя, хочу поучиться» (письмо 3); «Если будете выписывать из Академии книги <...>, отметьте и для меня самые необходимые, „буквари“, нет тут никаких книг...» (письмо 5); «Прежнему читаю Пушкина, вырисовывается эстетический анализ, припоминаю Ваши случайные замечания и сам, наверно, ощущую выхожу на какую-то дорогу и там, где были одни тени, различаю еще смутно очертания» (письмо 10).

Следующий раздел переписки относится к знаменательному для Ремизова «литературному путешествию в Москву». Это — его почти ежедневные отчеты о своем пребывании в Москве с конца октября до середины ноября 1902 г. Письма — «хроника» ремизовского знакомства с кругом интересовавших его московских писателей, установления связей с символистскими издательствами. Они представляют собой основу для реального комментария к разделу «Москва» книги «Иверень». Письма позволяют выявить, с одной стороны, значительную точность исторической канвы текста, с другой, направленность сознательного преобразования факта, соседствующую в книге с невольными «ошибками памяти». Ремизовские послания свидетельствуют о его душевной открытости перед Щеголевым, о безграничном уважении и полном доверии к нему.

В письмах вологодского периода упомянут целый ряд ссыльных, и среди них на первом месте стоит имя Б. В. Савинкова. Как показывают эпистолярные источники, Щеголев и Ремизов входили в тесный кружок ссыльных, группировавшихся вокруг Савинкова. Так, во время заключения Щеголева, Ремизов постоянно упоминает Савинкова и его семью, как людей, с которыми он близко дружески общается; в письмах из Москвы он рассказывает о своих успехах как представителя литературных интересов Щеголева и Савинкова. В книге «На вечерней заре», позднее включенной в состав книги «В розовом блеске», Ремизов отметил, что именно в доме Савинковых началось его сближение с будущей женой — Серафимой Павловной Довгелло, знакомство с которой состоялось еще в Устьсысольске.¹⁰

В конце 1902 г. Щеголев покинул Вологду. По ходатайству акад. А. Н. Веселовского и А. А. Шахматова ему было разрешено вернуться в Петербург для сдачи государственных экзаменов в университете. Однако Щеголев продолжал быть заочным консультантом Ремизова по литературным вопросам и помогал в публикации его переводов и первых оригинальных произведений. В ремизовских письмах к нему сохраняется тот же доверительный тон, но разговор становится более «на равных», взгляд на учителя снизу вверх постепенно исчезает.

В 1903 г. у Савинкова и близких к нему людей окончательно созрела идея необходимости перехода к террору при помощи созданной в рамках эсеровской партии Боевой организации. В «Воспоминаниях террориста» Савинков писал: «В Вологду дважды — осенью 1902 года и весной 1903 года — приезжала Е. К. Брешковская. После свиданий с ней я примкнул к партии социалистов-революционеров, а после ареста Г. А. Гершуни (май 1903 года) решил принять участие в терроре. К этому же решению одновременно со мной пришли два моих товарища, а также близкий мне с детства Иван Платонович Ка-

¹⁰ Ремизов А. В розовом блеске. М., 1990. С. 636.

ляев».¹¹ В то же время Ремизов не скрывал своего отрицательного отношения к революционной борьбе как форме изменения мира, отстаивая свою точку зрения в постоянной полемике с Савинковым. Суть их споров Ремизов изложил в «Иверне» так: «В „революционеры“ я себя не предназначаю, на „подпольное“ и „партийное“ дело не гожусь, меня тянет на простор — на волю, без оглядки и „что хочу“, а не то, „что надо“, — по своей воле и пусть в темную, но отвечаю сам за себя. // И когда об этом я выскажу Савинкову, он заострится. // — А вы знаете, какое место вы займете в социалистическом государстве? // Я слушал. // — Ваше место в каталажке, — продолжал он еще резче, — там и развивайте ваше „что хочу“. // — Но, — перебил я, выпрямляясь, — ваша каталажка! Ведь это изолятор, а я хочу простора» (*Ивернь*. С. 204—205).

С начала 1903 г. развиваются отношения Ремизова с будущей женой и параллельно с этим происходит постепенное охлаждение между писателем и кругом ссыльных, группировавшихся вокруг Савинкова. Эти изменения фиксирует ремизовское письмо к Щеголеву от 7 февраля: «Обеды кончились. С В<ерой> Г<лебовной> и Б<орисом> В<икторевичем> разошлись, не ссорясь, напротив, очень приветливо. <...> На Вас досадует „изменил, говорит, Павел, уходит“. Растолкуйте ему, что нет тут измены, впрочем не знаю, когда он говорит мне о моем декадансе душевном, молчу, что буду говорить и зачем. <...> Нюансы не передашь как и что происходит». Как видно из письма, Савинков упрекал не только Ремизова, но и Щеголева за отказ от революционного деяния.

Тлеющий конфликт стал открытым и достиг апогея, когда С. П. Довгелло заявила о своем отказе от революционной борьбы, что было сделано, в том числе, и под влиянием общения с Ремизовым. Напомним, что она была сослана по делу группы социал-революционеров. В ее следственном деле говорилось: «По словам Серафимы Довгелло, она, заинтересовавшись в 1895—96 гг. революционной деятельностью и находя, что для прочной постановки агитации имеется весьма мало подходящих сил, решила, что необходимо увеличить круг подпольных деятелей и что поэтому нужно заняться пропагандой среди учащейся молодежи. <...> Довгелло хотела путем этой пропаганды распространять идеи, противоположные марксизму и имеющие в основе своей много общего с учением народоольцев, из коего Довгелло безусловно исключила лишь террор».¹² Естественно, что Савинков видел в ссыльной эсерке одну из первозванных участниц новой организации. Подобным иллюзиям способствовала и репутация С. Довгелло как бескомпромиссной революционерки. Так, когда ей было не разрешено оставаться в Вологде, а в жесткой форме приказано вернуться в Сольвычегодск, С. П. Довгелло отравилась в знак протеста против произвола властей. В телеграмме управляющего губернией Павловского в Департамент полиции сообщалось: «Поднадзорная Довгелло 28 сентября [1902 г. — А. Г.] доставлена больницу явлениями отравления фосфором ныне опасность для жизни миновала. Заключение врачей виду глубокого потрясения нервной системы настоятельно необходимо Довгелло пребывание родной семье».¹³ 24 октября 1902 г. С. Довгелло было разрешено уехать из Вологды в г. Борзну в имение родителей, а 5 декабря по высочайшему повелению было разрешено отбыть там оставшийся срок ссылки. Однако 2 декабря 1902 г. С. П. Довгелло вернулась из Борзны в Вологду и отказалась выехать обратно на родину, так как сама она «лично такого ходатайства не возбуждала».¹⁴ В позднем «ре-

¹¹ Савинков Б. Воспоминания террориста. Л., 1990. С. 14.

¹² ГАРФ, ф. 102 (ДП). III. 1904, № 3042, л. 28 об.

¹³ ГАРФ, ф. 102 (ДП). III. 1894, № 801, л. 24. См. также телеграмму П. И. Довгелло в Департамент полиции от 7 октября 1902 г.: «Дочери моей поднадзорной Серафимы Довгелло лечившейся в больнице от отравления фосфором необходима для поправления здоровья немедленная перемена места представляя почтой медицинское свидетельство ходатайствую о разрешении телеграммой временного отпуска ко мне в Черниговскую губернию <...> Довгелло» — ГАРФ, ф. 102 (ДП). III. 1894, № 801, л. 20.

¹⁴ Там же, л. 25.

альном комментарии» к своим письмам к жене тех лет Ремизов, несколько сдвинув временные рамки, писал о сути тогдашнего конфликта с общиной ссыльных: «Вологодский срыв произошел в ноябре 1902 г. после моего литературного путешествия в Москву. Из-за С. П. Довгелло. С. П. по своему убеждению отошла от „революционной работы“. А предполагалось, что займет высокое место в партии с.-р., в созданной Савинковым «боевой организации». На С. П. смотрели, как на Софью Перовскую: она и вправду, не дрогнула б с бомбой в руке. И вот она объявила, что она прекращает революционную деятельность. И это решение ее приписано было моему разлагающему влиянию. В Вологду приезжала Бабушка [Брешковская] уговаривать, и у меня было с ней свидание и разговор. Бабушка была „конспиративно“ наряжена: мужские брюки. Встретила меня сурово, пробовала обличать, но должно быть, заметила, умная, что ни под какие общие мерки я не подхожу и если говорить со мной, то как-то не так — не „по-якутски“. Расстались мы мирно, хотя злой огонек ее бесстрашных глаз и резанул на прощание мои улыбающиеся ей глаза. И началось на меня гонение. Коноводом стал Б. В. Савинков. И. П. Калеву просто запрещено было со мной видиться. Я остался кругом один. И только С. П. Оттого и название моей комнаты „ПОДПОЛЬЕ“». ¹⁵ Бойкоту подверглась и С. П. Довгелло, но основная ответственность за «предательство» былых убеждений была возложена на Ремизова. В момент разгара конфликта и Ремизов, и Серафима Павловна остро ощущали отсутствие Щеголева, считая его, также «уходящего», своим союзником в противостоянии Савинкову. Об этом свидетельствует февральское письмо С. П. Довгелло к Щеголеву: «Сегодня странный сон снился, будто Вас забрасывают комьями грязи; у меня сердце так крепко сжалось, и я и А. М. подошли к Вам, и в нас тоже стали бросать грязью. Да, если есть на свете хорошие отношения, так это такие, как у меня к Вам и к А. М., т. е. я к Вам обоим целиком отношусь бесповоротно так <...> будто родные <...> ужасно жалко, что я Вас не увижу <...> поговорить с Вами и вообще и в частности хочется, теперь я уже не нервничаю, потому много хотела бы Вам всяких сомнений сказать, многое у Вас спросить» (см. примеч. 3 к письму 28).

Очевидно, один из участников конфликта, может быть, сам Савинков, уведомил Щеголева о происходящем в Вологде, представив случившееся в искаженном свете. Результатом стало несохранившееся резкое письмо Щеголева, ответом на которое является ремизовское письмо от 24 марта 1903 г. Реакция Щеголева потрясла Ремизова, потому что тот сам удалялся от активного революционного деяния и, тем не менее, встал на сторону людей, обвинявших Ремизова в «предательстве» и подстрекательстве (отсюда фамилия alter ego автора «Иверня» — Подстрекозов) к «измене» С. П. Довгелло. «Не признаю за собой ни сводни, ни лжесвидетеля, ни шпиона, — отвечал он Щеголеву, — <...> А где же та свобода, о которой ведь вместе нелицемерно мы говорили!» (письмо 31).

Мартовский обмен письмами стал переломным в отношениях между Ремизовым и Щеголевым. Хоть вскорости переписка была возобновлена, но из посланий писателя исчез тот дух полной душевной откровенности, который присутствовал в них до случившейся размолвки. Теперь в письмах Ремизова основное внимание стало уделяться информации о литературных делах и просьбам о помощи в общении с издателями и редакторами. В завершающих вологодский период посланиях сообщалось о продолжении работы над 2-ой частью романа «Огорельшевское отродье» («Пруд»), на сюжетном развитии и настрое которое сказались моральные последствия конфликта и атмосфера «подполья» — т. е. остракизма, в которой Ремизов доживал последние месяцы своего пребывания в Вологде. Эта атмосфера воздействовала и на творчество, и

¹⁵ Ремизов А. На вечерней заре / Подгот. текста и коммент. А. Д'Амелия // *Еuroпа Orientalis*. 1985. № 3. С. 155—156. Далее в тексте: Ремизов А. На вечерней заре. I — с указанием страницы.

даже на подсознание писателя. Характерна запись его сна, приведенная в письме к Серафиме Павловне 29 мая 1903 г.: «Странный мне сегодня сон приснился. Мы куда-то пришли, в какую-то страну „друзей-врагов“, и все хоронимся. Наконец, настала какая-то минута, когда нечего уж хорониться, и вот, когда мы вышли из своей скрyтки, помню хорошо, из-под дома, посыпались на нас камни. А кругом хорошо, деревья большие и много солнца» (*Ремизов А.* На вечерней заре. I. С. 166). Последнее письмо Ремизова от 30 мая 1903 г. является прощанием с закончившимся этапом жизни.

В истории общения Ремизова и Щеголева годы вологодской ссылки были временем наибольшей душевной близости, когда благодарный ученик впитывал каждое слово своего литературного наставника. Щеголев стал для Ремизова первым из череды ученых филологов, консультациями которых он пользовался на протяжении всей жизни, непрестанно пополняя свои знания о литературе. Неслучайно, в реальном некрологе Щеголеву 1931 г. Ремизов с благодарностью помянул «старого товарища и моего литературного „крестного“ (воистину „крестного“!), помогшего мне положить начало в моей трудной „словесной“ работе, читая публично еще никогда не напечатанные произведения никому неизвестного автора и стараясь устроить их в печати».¹⁶ Ранние письма Ремизова к Щеголеву являются одним из редких образцов эпистолярного творчества писателя, как бы открывающего «дверь» в его внутренний мир. Они также — основа для реального комментария к роману «Пруд», ряду ранних рассказов из жизни ссыльных и книге «Иверень».

Весь корпус писем Ремизова к Щеголеву состоит из 133 писем, охватывающих 1902—1921 гг. и хранящихся в фонде П. Е. Щеголева (РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 4, № 1479—1610. 223 л.). Письма вологодского периода (лл. 1—52) публикуются по автографам с сохранением индивидуальной авторской орфографии и пунктуации. Последующие письма будут опубликованы в очередном выпуске «Ежегодника Рукописного отдела».

1

28 апреля (11 мая) 1902.

28 апр<еля> 1902. Вологда.

Очень скучаю без Вас, Павел Елисеевич.. Не хотелось сидеть дома, когда узнал, что Вас увезли;¹ я ходил по городу, торопился куда-то, и все звуки казались тревожными, и я слышал каждый звук. Свистки на железной дороге и звон колоколов и дребезжанье пролеток были не чем-то ненужным и незаметным, как всегда...

Я не хотел замечать их и слушал..

На нашей улице один дом стоял весь освещенный, через запотевшие окна видно было, как мелькали люди и их тени, и несся гул. И я думал, что тут вот свадьба, тут должно быть весело, и шел дальше, торопился.

Поздно ночью от усталости смешались все мысли, и казалось, огромный нож упал и рассек их, и страшная была тоска тупая, безответная.....

¹⁶ *Ремизов А. П. Е. Щеголев (1877—1931) // Ремизов А. Встречи. Петербургский буерак. Paris, [1981]. С. 267.*

Кое-где зазеленела трава, и распустились хмурые листки лопуха. Расцвели одуванчики опрятные и чистые с запахом талого снега и лугов.

К Вашему дому подошла река, и недалеко от крыльца стояли лодки. Когда пронеслась гроза, вода волновалась мутная, зловещая, потом она сделалась ровной и неподвижной. Захотелось уйти в поле, в лес...

Книги в Вашей комнате в беспорядке лежали корешками к стене, и стоял стул ненужный. Говорили как после похорон, и место за обедом оставалось незанятым с нетронутым прибором.

Часто по вечерам слышу, как ревет пароход и вспоминаю Вас.

Мне представляется та камера, где я (одно слово зачеркнуто. — А. Г.) был и слушал этот рев, когда «вечерняя тоска входила в тюрьму».

Теперь поднялись вихри с дождями, погребают зиму и ночь.

Холодно.

А почки надуваются, скоро покроется все зеленью, оживут комары. Видел недавно большую лягушку, показывал Тане,² как она сидит и как высоко над ней летят гуси и утки и разные птицы:

— Нью-ню!

— Нет, нет! — грозила Таня своим пальчиком, а сама тарасила глазенки в окно, не летят ли там и на самом деле птицы, не сидит ли где-нибудь лягушка-квакушка.

Приехала к нам опера.

Во вторник «Аида», потом «Евг<ений> Он<егин>», «Кармен».

Постараюсь прислать Вам «Северн<ые> цветы» 2 том, «Литературн<ое> дело» (сборник), расск<азы> Андреева.³

Нумера «Рус<ских> Ведом<остей>» с библиографией⁴ сохраняю. На днях покупаю поляничного варенья, много-много разной снеди хотелось бы послать Вам, да денег не было.

Ну до свидания дорогой Павел Елисеевич, до свидания

Алексей Ремизов.⁵

¹ С 23 апреля по 5 августа Щеголев находился в Вологодском остроге, будучи привлеченным Полтавским жандармским управлением к третьему дознанию за распространение газет «Южный рабочий» и «Искра». См. его календарь пребывания в Вологодской тюрьме (РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 5, № 38). См. также: Емельянов Ю. Н. П. Е. Щеголев — историк русского революционного движения. М., 1990. С. 14.

² Савинкова Татьяна Викторовна (1900—?) — дочь Б. В. Савинкова.

³ Имеются в виду кн.: Северные цветы. М., 1902. Вып. 2; Литературное дело. СПб., 1902; Л. Андреев. Рассказы. СПб., 1901.

⁴ На третьей странице газ. «Биржевые ведомости» регулярно печатался раздел «Библиография».

⁵ К письму приложен засушенный цветок мать-и-мачехи.

21 мая (3 июня) 1902.

Вологда

21 мая 1902.

И часто «хожу взад и вперед» и что-то горит в моем сердце...

Душой уношусь к Вам и вижу Вас,¹ — те же образы идут перед Вами, они спускаются со стен, ползают на оконные решетки, кричат в тишине белой жаждущей ночи, играют в цветных переливах зорь, трепещут в истекающей кровью луне, медленно восходящей за тюрьмой....

Точно вчера еще и не осыпал мороз жгучей серебристою пылью ту землю, которая оделась теперь высокой травой свежей, как след первого грома. Черемуха осыпается, розовые лепест<к>и яблони побелели и, пресыщенные, увядают.

И рдеет весна и глаза снегурочки становятся грустные и темные «день ото дня»....

Живу в бывшей Вашей квартире, где когда-то зимой расцветал гиацинт.

Собираюсь все пройти куда-нибудь в лес, а сижу дома.

Описываю разные настроения.

Когда Бор<ису> Вик<торович>у² не так будет много работы, предложу ему гулять после обеда до самых «татар».

Финансы по обыкновению шатки, было как-то и хуже того. Новых книг мало у меня. Посылаю Hugo von Hofmannsthal «Theater in Versen»³ вместе с Verlags katalog'om.

Вер<а> Григ<орьев>на оставила мне свои книги, там есть и Schlaf⁴ и друг<ие>; [если нужно Вам] пришлю.

Влад<имир> Анат<ольевич> шлет Некрасова,⁵ Муттера (так! — А. Г.)⁶ — через неделю.

Уехал Ник<олай> Кон<стантинович>,⁷ поднес ему дятловые [перья] крылья и лапки вальдшнепов, запутавшиеся в черных лентах.

Скоро пойдет ягода, варенье у меня будет непременно, буду доставлять [к] Вам.

Хочется Вам послать чего-нибудь, — и ничего-то нет у меня. Перечитываю Достоевского, интересует меня стиль описания душевной трагедии.

Жду ответа от Горького.⁸

Слышал в граммофоне Шаляпина:

Ночка. «Ах ты ноченька, ночь осенняя»
Ах ты солнце солнце красное, всем ты светишь, всех ты радуешь.
и «Соловья»

(Соловейка соловей, птица малая лесная)
романс П. И. Чайковского.

Последний романс производит страшное впечатление. Ушел богатырь в лес от людей: второй конь его пал, разлучили его с красной девицей, — душно ему на земле, тоскует и вот видит птицу малую

лесную соловья и, смеясь, рассказывает ей о своей заботе и т. д. В голосе слышатся «поле поле широкое» и одиночество богатыря, обращающего <ся> к малой птице.

Ну, послушаем вместе, сами [скажете] увидите [что за] (одно слово нрзб. — А. Г.)!

До свидания дорогой Па-вел Ели-сеевич

А. Ремизов.

¹ Сведения о вологодском периоде жизни Ремизова отражены в его письмах Вере Григорьевне Тучапской (урожд. Крыжановский) — ссыльной по делу киевских марксистов, жившей в Вологде вместе с мужем — ссыльным социал-демократом П. Л. Тучапским (см.: *Тучапская В. Г. Из моих воспоминаний // Каторга и ссылка. 1930. Кн. 67. С. 18—50*). См. ее характеристику в дневнике 1901 г. В. А. Щеголеву: «За кулисы с Щеголевым» пришли еще 2 ссыльные и среди них В. Г. Тучапская», очень приветливая и скромная женщина, наговорившая мне столько ласковых слов, что я сконфузилась» (РО ИРЛИ, арх. Щеголева). См. также письмо Ремизова Тучапской от 13 мая 1902 г.: «Павел» Елисеевич сидит, ничего нет определенного» (Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 420, оп. 1, ед. хр. 79, л. 2. Далее: РГАЛИ).

² *Савинков Борис Викторович* (1879—1925) — член партии социалистов-революционеров, глава ее Боевой организации, беллетрист. Знакомый Ремизова со времени вологодской ссылки. Вместе с ним предпринимал попытки издать свои первые литературные произведения. На протяжении всей жизни Савинков хранил в своем архиве вырезку одной из первых публикаций Ремизова: *Н. Молдаванов [Ремизов А. М.]*. Мгла. Осенняя песня // *Курьер. 1902. № 262, 22 сент.* (ГАРФ, ф. 5831, оп. 1, № 319). Установившиеся между ними товарищеские отношения были резко оборваны в первой половине 1903 г. (см. примеч. 1 к письму 31). В середине 1900-х гг. нечастые встречи и переписка возобновились и не прерывались до последнего тайного возвращения Савинкова в Россию в 1924 г. Савинков высоко ценил Ремизова как писателя, обращаясь к нему за консультациями по литературным проблемам. См. его письмо Ремизову от 6 (19) декабря 1907 г.: «Напишите, прошу Вас, Ваш подробный отзыв о моих якобы писаниях. Мне Ваше мнение ценно. Скажите также стоит ли вообще писать дальше или лучше бросить искушать Господа Бога. Если выругаетесь, — поблагодарю. Вот поручение. Рад, что не забыли. Я Вас всегда люблю и помню. «Лимонарь» читал с радостью, в подлиннике бы прочел Апокрифы, кабы были. Мечтаю иногда о «Четырех Минях», да где уж мне... Слышал, что Вы крупно шагать стали. Дай Вам Бог...» (РГАЛИ, ф. 420, оп. 1, № 82, л. 1 об.). Памяти Савинкова посвящена статья Ремизова: *Савинков // Последние новости (Париж). 1932. № 4008, 13 марта*. См. воспоминания Ремизова о вологодском периоде знакомства с Савинковым в книге «Иверень» (с. 193—215, 264—272).

³ Гюго фон Гофмансталь «Стихотворный театр» (1899) (нем.). Для «Товарищества Новой Драмы» Ремизов перевел пьесу Гюго фон Гофмансталь «Искатель приключений и певица» (автограф — С. Петербургская театральная библиотека, № 20120, дозволено цензурой к постановке в 1904 г.). Опубл.: *Europa Orientalis. 1995. № 1. С. 289—354* (публ. А. М. Грачевой).

⁴ См.: *Шлаф Иоганн*. Вейганд. Драма в 4-х актах / Пер. Алексея Ремизова. СПб., 1907. 56 с. В Петербургской театральной библиотеке сохранились цензурные экземпляры пьесы — автограф (№ 66191) и машинопись с авторской правкой, дозволена к постановке в 1906 г. (№ 37900).

⁵ Сочинения Некрасова были нужны Щеголеву для статьи «Памяти Н. А. Некрасова: (По случаю двадцатилетия со дня смерти)» (*Исторический вестник. 1902. № 12. С. 1091—1103*).

⁶ Вероятно, речь идет о кн.: *Мутер Р. История живописи. СПб., 1901—1902. Ч. 1—2*.

⁷ Имеется в виду Николай Константинович Мукалов. О нем см. воспоминания Н. А. Бердяева: «Единственным товарищем моего детства был моряк Н. Мукалов, которому мой отец помог окончить образование. Я был очень к нему привязан, и отношения сохранились на всю жизнь. Он стал как бы членом нашей семьи. Впоследствии

он стал очень заслуженным моряком, совершал экспедиции. Он был вместе со мной в ссылке в Вологде» (*Бердяев Н. А. Самопознание. С. 35*). «Памяти» его перевода из Вологды на новое место ссылки посвящен ремизовский «некролог» (*Иверень. С. 247, 258—259*).

⁸ Письмо М. Горького Ремизову см.: *Горький М. Полн. собр. соч. Письма в 24-х тт. М., 1977. Т. 3. С. 60—61*. Комментатором А. М. Крюковой письмо датировано «17 или 21 мая» (с. 60) с указанием, что «в наст. изд. датируется предположительно в зависимости от того, является ли помета датой отправления или датой получения письма в Вологде» (с. 283). Как подтверждает письмо к Щеголеву, «21 мая» — отмеченная Ремизовым дата получения письма. В виду недоступности оригинала письма для исследователей остается невыясненным значение цифры «17». Письмо хранилось в единственном сохранившемся в России не демонтированном ремизовском альбоме писем и документов, озаглавленном «т<ом> 1. 73 п<исьма>. 1902». (Российская национальная библиотека, ф. 634, № 249, л. 3. Далее: РНБ), откуда в 1936 г. было вырезано и изъято Комиссией по приему литературного наследства Горького для передачи в Архив Горького (Институт мировой литературы).

3

21 мая (3 июня) 1902.

21 мая 1902
Вологда

Дорогой Павел Елисеевич, сегодня получил ответ; приведу некоторые места: «не сердитесь, очень оно мне не понравилось. Похоже на истерические вопли и не думаю, чтобы способствовало оно подъему духа человеческого на должную для борьбы за жизнь высоту».... «Ишь, мол, как мы тебя прижали! Кричишь.. Нет, не нравится мне это». [А языком Вы ловко владеете]¹

Придется в воспоминание оставить у себя, быть может, иначе когда-нибудь сумею выразить настроение «трилогии».²

Иерусалема не послал,³ издатель I т. Соч<инений> Гауптмана⁴ в некотором роде «покойный». П<авел> Е<лисеевич>, пришлите, если Вам сейчас не нужно, Мандельштама о стиле Гоголя,⁵ хочу почитать.

Живем бедно, глупо, болтливо и копейчно.

Привезли в Вологду страуса и до сих пор еще висит афиша; содержания точно не помню, говорится что-то об яйце в 40 пуд и о том, что съедает этот страус ежедневно по 15 ф<унтов> камней; особенно приглашаются вологодские дамы, чтобы, глядя на страуса, расширить свои знания, ибо [перья] на шляпы идут страусовые перья.

Вышла «Система философии» Вундта.⁶

А. Ремизов.

¹ Точная цитата из письма М. Горького Ремизову (см. примеч. 8 к письму 2).

² Имеется в виду работа над романом «Пруд». См. свидетельство Ремизова: «„Пруд“ — мое первое произведение. Написан в Вологде (1901—1902), но в него вошло — «запевы» (лирические выступления) — из ранее написанного еще в Устьсысольске (1900—1901)» (Ремизов А. Мерлог / Публ. Антонеллы д'Амелиа // Минувшее. Исторический альманах. Paris, 1987. Вып. 3. С. 227). Вошедшая в книгу «Мерлог» статья «Пруд», впервые опубликованная в журнале «Воля России» (Прага) (1926. Кн. 8—9.

С. 230—232), являлась авторским вступлением к предназначенной для издательства «Пламя» новой редакции романа «Пруд» (1925, наборная рукопись — Собрание Резниковых (Париж)). См. также свидетельство Ремизова о своей литературной деятельности в 1902 г.: «Я продолжал мой Пруд — мое первое большое, мой лирический роман» (*Иверень*. С. 213).

³ Речь идет о переводе труда австрийского философа и педагога В. Иерусалема (1854—1923). По свидетельству Ремизова, он был начат еще во время пензенской ссылки: «Я тоже сел за перевод. Не помню как мне попала книга, забыл и заглавие, что-то гносеологическое, о «суждениях», большой том — труд австрийского профессора с необыкновенным именем Иерусалим; какое-то отношение к Маху и Авенариусу, модным тогдашним философам. Стараясь не замечать часов, я перелдывал Иерусалима на русское, скучища, а терплю <...> увесистый Иерусалим, скитаясь по редакциям, где-то, под какою-то рукописью завалюсь, пропал» (*Иверень*. С. 76). Можно предполагать, что речь идет о кн.: *Jerusalem W. Die Urtheilsfunction. Eine psychologische Erkenntnis und kritische Untersuchung. Wien und Leipzig, 1895.*

⁴ Имеется в виду Сергей Аполлонович Скирмунт (1863—1932) — издатель, близкий к социал-демократическим кругам владелец книжного магазина «Труд». Его изд.: *Гауптман Г. Собрание сочинений / Перевод под ред. К. Бальмонта. М., 1902—1905. Т. 1—3.*

⁵ *Мандельштам И.* О характере гоголевского стиля: Глава из истории русского литературного языка. Гельсингфорс, 1902. См. рец. Щеголева на эту работу: *Исторический вестник*. 1902. № 4. С. 306—308.

⁶ В 1902 г. вышло два перевода книги В. М. Вундта «Введение в философию»: 1) пер. с нем. С. С. Штейнберга и С. Д. Львова. СПб., 1902; 2) полный пер. с 2-го нем. изд. Г. А. Котляра, под ред. проф. Моск. ун-та кн. С. Н. Трубецкого. М., 1902.

4

4 (17) июня 1902.

4 июня 1902

Дорогой Павел Елисеевич, посылаю [3] 4 тома
Белинского ¹

1, 2, 4
3-й как
отыщется,
немедленно
пришлю

Из книг, о которых Вы писали, достал только Гербея,² остальные не удалось. Трилогию послал издателю Родэ³ с предложением напечатать.

Третью часть сократил.

Издатель, которого Вы рекомендовали, как я уже писал, вроде как бы временно умер.

Теперь, если примут, то, конечно уж не получу ничего. — Часы выкупили, велосипед остается за Вами, говорил с хозяином, — подждут.

Читаю Гл. Ив. Успенского, душевную красоту чувствую, ни одна строчка не придумана.

Был вчера первый раз за городом, освежиться пошел и заспал сегодня; вспоминал, как когда-то зимой катались вместе. Рожь начала колоситься, траву косят. Скоро, наверное, послушаю «Чародейку», «Перед воеводой», если не надует, — и Вы, [наверно], быть может, услышите.

Из новых книг: — Мережковский «Религия Л. Толст<ого> и Достоевского»,⁴
Вундт «Система философии» (кажется писал).

Если выпишите из академии, то по прочтении пришлите мне ту и другую книжку.

Жара и комар одолевает, — сижу целый день с закрытыми окнами.

До свидания П<авел> Е<лисеевич>, всего-всего Вам хорошего, кланяюсь Вам

А. Ремизов.

¹ Имеются в виду следующие книги: *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений / Под ред. и с прим. С. А. Венгерова. Пб., 1900—1901. Т. 1—4. Щеголев следил за выходом этого издания. См. его рец. на 6 том: *Исторический вестник*. 1903. № 2. С. 771—772.

² Возможно, речь идет о кн.: *Поэзия славян* / Под ред. Н. В. Гербеля. СПб., 1871.

³ Имеется в виду Саблин Владимир Михайлович (1872—1916) — московский врач, издатель, переводчик, сотрудник «Русских ведомостей», «Новостей дня», «Курьера». Выпускал «Библиотеку классиков современной мысли», в которую были включены переводы современной драматургии (Г. Гауптмана и др.). Издал кн.: *Родз.* Гауптман и Нитцше. К объяснению «Потонувшего колокола» / Пер. с нем. яз. Вс. Мейерхольда и А. Ремизова. М., 1902.

⁴ *Мережковский Д. С.* Лев Толстой и Достоевский. СПб., 1901. Ч. 1.

5

12 (25) июня 1902.

12 июня 1902
Вологда

Дорогой Павел Елисеевич, 1 том Белинского не мог отыскать, должно быть, говорят, он у Вас.

Истор<ией> лир<ики> хочу и буду заниматься.

Писал Вам, достал только Гербеля, начал с Жуковского.

По Энциклоп<едическому> словарю читаю «Стихосложение», «Строфа», «Ритм» и т. д. Для меня, кажется мне, требуется большая предварительная подготовка, не знаю, как приступить.

Если будете выписывать из Академии книги (слышал об этом от Б<ориса> В<икторовича>), отметьте и для меня самые необходимые, «буквари», нет тут никаких книг...

Сижу большую часть дома, пишу разные отрывки на тему «80 тысяч верст вокруг себя», читаю и часто бросаю все «точно у меня камень с памяти сваливается», — находит отчаяние, просто не знаю, что делать.

От Ник<олая> Алек<сандровича>¹ ни одного письма, будто и в самом деле умер, оттиск «Философ<ской> трагедии»² приехал; статья по этике³ еще не напечатана.

Жду Сер<гея>,⁴ хотел концерт дать в Дворянском. Хроника без движения; одна из героинь умирает, та самая, которая морщила лоб и натуживалась, когда начинала думать; все они кланяются Вам.

До свиданья Павел Елисеевич, поскорее бы освободили Вас, одуванчики облетают!

¹ Бердяев Николай Александрович (1874—1948) — философ, в молодости находившийся под влиянием марксизма. В 1901—1902 гг. был в ссылке в Вологде. (См.: *Вадимов А. В. Бердяев в ссылке // Очерки по истории культуры*. Саратов, 1994. С. 93—107). 9 апреля 1902 г. Бердяев покинул Вологду, чтобы отстоящийся срок ссылки отбыть в Житомире. По дороге заехал в Петербург, где, в частности, передал рукопись Ремизова «В плену» в журнал «Мир Божий». См. письмо А. Богдановича Ремизову от 18 апреля: «Полученная через г. Бердяева рукопись „В плену“ не будет напечатана. Этот вид литературы не удобен для нашего журнала вообще — не то стихи, не то метрическая проза. Что же касается содержания, то, не разбирая его по сути, что завело бы нас слишком далеко, — редакция находит его вымученным, претенциозным и неестественным. Слишком уж поднятый тон в связи с неясным содержанием делает все произведение нехудожественным» (РНБ, ф. 634, № 249, л. 4—4 об.). Бердяев до конца жизни поддерживал контакты с Ремизовым, неоднократно способствовал публикации его произведений. См. воспоминания Бердяева: «Вологда была в это время центром ссылки <...> Все почти заходили ко мне, в гостиницу „Золотой Якорь“, где я жил. <...> То, что интересовало меня, не интересовало большую часть ссылных. Меня считали индивидуалистом, аристократом и романтиком. Но в Вологде в эти годы были в ссылке люди, ставшие потом известными: А. М. Ремизов, П. Е. Щеголев, Б. В. Савинков, Б. А. Кистяковский, приехавший за ссыльной женой, датчанин Маделунг <...>, А. Богданов <...>, А. В. Луначарский <...> Я принадлежал к „аристократии“ вместе с Ремизовым, Щеголевым, Савинковым, Маделунгом. А. Богданов и А. Луначарский возглавляли „демократию“. „Аристократия“ была более независима в своих суждениях от коллектива, более индивидуалистична и свободна в своей жизни, имела связи с местным обществом, главным образом земским, отчасти с театром» (*Бердяев Н. А. Самопознание*. С. 129—130). См. также воспоминания Ремизова о Бердяеве (*Иверень*. С. 193—197).

² Бердяев Н. К философии трагедии. Морис Метерлинк // *Литературное дело*. СПб., 1902. С. 162—184.

³ Бердяев Н. Этническая проблема в свете философского идеализма // *Проблемы идеализма*. М., 1906. С. 91—136.

⁴ Ремизов Сергей Михайлович (1875 — не ранее 1930-х) — брат писателя. См. его характеристику в записанных Н. Кодрянской воспоминаниях Ремизова: «Сергей „поэтический“, светло-русый с голубыми глазами, писал стихи и всегда был влюблен. После гимназии медицинский факультет и филармония по классу пения — баритон. Товарищ Мейерхольда. А кончил неожиданно — бросил медицинский, филармонию и сделался неудачным биржевым маклером, а в конце концов служащим на товарной станции Курской железной дороги. <...> Этот брат всегда обличал Алексея Михайловича. Он возмущался самым его словесным нутром, считая Алексея Михайловича грубым, и это — когда Ремизов еще ничего не написал. За его не как все! А между тем он ревниво следил за ним и во всех его неудачах помогал ему. С Мейерхольдом он приезжал к Ремизову и в Вологду и даже в Устьсысольск. В Москве Алексей Михайлович часто у него останавливался» (*Кодрянская Н. Алексей Ремизов*. Париж, [1959]. С. 75).

6

18 [мая] июня 1902
Вологда

Дорогой Павел Елисеевич, спасибо за указания; сел за книгу и, не отрываясь, читаю Пушкина (Ак<адемическое> изд<ание>) ¹ и Белинского (ред<акции> Венгерова), потом возьму Жуковского и

т. д., набрел на первое, что Вы рекомендуете, — «перечитать лирический материал».

Передо мной начинает вырисовываться образ и душа Пушкина. Думаю, когда приступлю к специальному чтению, буду не строчки видеть, а голос слышать и воспринимать все волнения живого человека.. —

Прошу простить и не сердиться на меня, хотел поскорее, и не думал, что делаю и теперь каюсь; когда получу обратно, исправлю.

А. поправляется, лежит в Пет. (? — А. Г.) клинике, туда и он поехал.

Глубокий поклон шлют Вам все от мала до велика, Гордый ² горячо вспоминает Вас. Н<иколай> Конст<антинович> прислал неделю назад открытку Б<орису> Э<дуардовичу> ³ с видом Иркутска, но ничего не написал там, «еду и больше никаких».

На две недели обрек себя на заточение, взял небольшой перевод с немец<кого>. Введение к драмам Ибсена Paul'a Schlenther'a ⁴ 78 стр. За 25 руб., взял только потому, что хочется расплатиться с затягивающим долгом, пришлю Вам Крок <?>.

Еще раз прошу не досадовать на меня, страшно неприятно мне, что мог огорчить Вас.

Ремизов.

Р. С. Трилогию отложил надолго «под спуд». Ни Брандеса, ни Котляревского ⁵ у В<еры> Г<ригорьевны> ⁶ нет, еще раз попросил о Белинском, нигде не могут найти.

¹ Сочинения Пушкина / Приготовил и примеч. снабдил Леонид Майков. Изд. 2. Т. 1. Лирические стихотворения (1812—1817). СПб.: Имп. Акад. Наук, 1900.

² Прозвище Гордый, восходящее к произведению В. М. Гаршина «Сказание о гордом Аггее» (1886) — переработке древнерусской «Повести о царе Аггее», — имел друг Ремизова, датский писатель Оге (Аггей) Маделунг (1872—1949). В 1902—1903 гг. О. Маделунг — торговый представитель фирмы по закупке масла в Вологде, начинающий литератор. О взаимоотношениях Ремизова и Маделунга см.: Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. П. Альберга Енсена и П. У. Меллера. Copenhagen, 1976. См. также: *Иверень*. С. 236.

³ *Шен Борис Эдуардович* — вологодский ссыльный, участник киевского революционного кружка (см.: *Иверень*. С. 246, 369).

⁴ *Ibsen Henrik. Sämtliche Werke in deutscher Sprache / Durchgesehen und eingeleitet von Georg Brandes, Julius Elias, Paul Schlenther; Von Dichter autorisiert.* Berlin, 1898—[1902], 1903. 10 Bd.

⁵ Упомянуты Нестор Александрович Котляревский (1863—1925) — историк литературы, академик с 1909 г. и датский литературовед Георг Брандес (1842—1927). О каких книгах этих ученых идет речь — нельзя установить.

⁶ В. Г. Тучапская. См. о ней примеч. 1 к письму 2.

24 июня (7 июля) 1902.

24 июня 1902
Вологда

Дорогой Павел Елисеевич.

«С ангелом, с именинами!»

Кроме меня поздравляет Вас вся хроника и малые, и большие и сухие и хромые и слепые. И сильные и гордые. До сих пор не получаю от издателя, как только — тотчас же у Вас будет Крок <?>. Prel'a и Boginski ¹ выписал, что скажете Вы, если бы перевести одну из этих книг под Вашей редакцией? Перевод об Ибсене 2 июля кончу, начну читать Пушкина.

Все это время сидел за переводом, подкрепляясь Cugacau double white ^a получил это старое Амстердамское в дар 24 июня.

Вам писал Б<орис> В<икторович>, можно достать книгу, 200 лет<ний> юбилей «Кавалергардск<ого> полка»,² если знаете название более точно, уведомьте; пришлите биограф<ию?> Павла. На недели две.

Всего всего хорошего

А. Ремизов.

¹ Имеется в виду неуставленная книга Carl du Prel и кн.: *Borinski Carl. Deutsche poetie.* Leipzig, 1901.

² История кавалергардов 1724—1799—1899. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского полка / Сост. С. Панчулидзе. СПб., 1899. Т. 1; 1901. Т. 2; 1903. Т. 3; 1912. Т. 4.

15 (28) июля 1902.

15 июля (св<ятого> равноапост<ольного> кн<язя> Владимира)
1902.
Вологда.

Дорогой Павел Елисеевич, с именинниками. — Расскажу Вам перво-на-перво о деле Вашем, путал со своим бездельем. Едва ли возможно взять какой-нибудь перевод, наверно, издатель все сам делает, — а если есть что-нибудь, то, должно быть, вроде статьи об Ибсене, которую я перевел.¹

78 стр. мелкого шрифта в 1/8 листа за 25 р.!

По-настоящему и брать-то не следовало бы.

Денег у него нет, — все же напишу ему, кстати спрошу, как расходятся книги.

^a Марка вина.

А насчет 25 руб. Вы и не думайте, я уже написал ему, если издаст прилично, то пусть эти 25 руб. войдут в гонорар... Вот издавать-то он что-то упрямится.

Опять, думаю, взять и еще, еще раз переработать; все это время переводил и ничего не читал, только на днях Мережковского II том;² и теперь хочется самому писать, хотя и хихикнете что-то в душе над этим «самому писать».

«Философские драмы» будут выписаны, «На разные темы» есть у Ал. Алек., сейчас он пишет рецензию.

Что-то за последнее время и люди-то такие перевелись, которые выписывать могли бы, удочки закидываю в разные места, да все не ладится, и личное не ладится, разлады у меня пошли...

Сочинения Жорж Санд, наверно, уже получили. «Трусоват был Ваня бедный, раз он позднею порой» — да Ваня-то трусоват и пошлости этой насекомой много в нем; рука у меня поднялась на него, да остановилась — жалко стало, презренье охладило.

А Гордого³ Вы и не узнали бы, куда тут все, что было; Наполеон, да и только, прямо «гордый» и «vogelheim»^a глубочайший Вам поклон шлет.

Сборник, где статья воистинно покойного Н<иколая> А<лександровича>,⁴ посылаю Вам; посылал ему письма, — ничего, как будто сквозь землю провалился, ни духа ни слуха.

Тетмейра «Титпу» посылаю свою, держите, сколько желаете, а когда будете на свободе чистенький экземпляр поднесет Вам сама переводчица.⁵

Шахова⁶ у В<еры> Г<ригорьевны> нет, Вл. Соловьева⁷ не получил, и получу ли?

Скажите П<авел> Е<лисеевич>, Вам статью о Карлейле разыскать и прислать или только разыскать, впрочем это все равно. Постараюсь. Каталог «Скорпиона» выписал, у меня был, да оставил у Б<ориса> Эд<уардовича>, а Бог его знает на что он употребил его, и где теперь разыскивать.

Собираюсь Вам послать «Вторую симфонию, драматическую» Андрея Белого.⁸ — и с ней та же история.

Надеюсь, достану.

Издатель вот какой ответ дал: «Относительно „Трилогии“ я сейчас сказать отказываюсь. Боюсь я разбросаться и не сделать того, что наметил для этого года». Да, представьте, про кавалергардов-то, пожалуй, и возможно достать, — чего раньше-то мы глядели; если тут не удастся, напишу жене Вс<еволода>,⁹ она племянница Панчулидзева. Прошу у Вас прощения и некую *отсрочку*: будет и трфель и (одно слово нрзб. — А. Г.) подвернулся такой случай, пришлось все деньги отдать.

Очень благодарен Вам за указание литературы. С завтрашнего дня принимаюсь за чтение и размышление. Обманули меня, никто не приехал, и никаких я новых романсов не слыхал и никаких вареньев не «кушал». Да, клянется Вам та самая, от которой мы бежали, путешествует она по Риму и Афинам, имеет виллу где-то в Сираку-

^a благородный (нем.).

зах; получил, между прочим, официальное извещение о бракосочетании с неким человеком итальянского народа; [теперь]

В следующую среду пришлю Вам новую драму Метерлинка «Моппа Ванна»¹⁰ и рассказ Андреева,¹¹ — и то и другое, конечно, от авторов, чудак Метерлинка, вообразил, что будто я, слушая его родную речь, буду глупо глазами моргать, ну взял и приказал перевести на русск<ий>, впрочем в скором времени обещал прислать оригинал, со временем он будет доставлен Вам.

И драму и рассказ хвалят Б<орис> Вик<торович> и Вер<а> Гр<игорьевна>.

Я еще не успел познакомиться.

Не пью, вот уж сколько времени; и не знаю придется, там-то, пожалуй, и вовсе уж невозможн<о> будет —

Всего, всего хорошего Вам

А. Ремизов

Приехала «Под чарующей лаской твоею». Не узнали бы, тонкая стала и страшно бледная, а под глазами совсем неземными и слишком мирными, две черные, страшно черные дуги. Будто за эти месяцы целую жизнь прожила; и речь слишком серьезная, слишком не детская, и нет морщин тупого животного, которого заставляют думать, — нет, что-то ясное и светлое глядится сквозь тонкую бледную нежную кожу. И это светлое и ясное — смерть.

Да, смерть, [последние месяцы жизни —] (3 слова зачеркнуты. — А. Г.). А когда здороваешься, кольца кажутся ненужными и острыми...

Говорит и задыхается, и тон речи, будто окутан печальной тонкой вуалью. (2 слова зачеркнуты. — А. Г.). Все думает, что-то на будущий год будет, как она помогать будет. Скоро увезут ее на юг (чахотка). Мне жалко, страшно больно глядеть на нее. А, Бог знает, быть может и оживет. Просит передать Вам поклон.

(Лампа коптит)

Дождик идет мелкий осенний.

Borinski «Deut<sche> Poet<ic>»¹² получил.

¹ См. письмо Ремизова В. Г. Тучапский от 10 июля 1902 г.: «Все время сидел за переводом, вчера кончил и отсылаю — Мадиевский только один приехал сюда <...> У П<авла> Е<лисеевича> допроса не было, сидит до приговора» (РГАЛИ, ф. 420, оп. 1, № 79, л. 4). О каком переводе идет речь — не установлено.

² Мережковский Д. С. Толстой и Достоевский. СПб., 1902. Т. 2.

³ См. примеч. 2 к письму 6.

⁴ Имеется в виду сб. «Проблемы идеализма».

⁵ «Гробы» (польск.). Произведение из кн.: Tetmajer K. Wrazenia. Warszawa, 1902. Речь также идет о кн.: Tetmajer K. Сочинения / Пер. с польск. В. Тучапской. [М., 1902].

⁶ Возможно, имеется в виду кн.: Шахов А. А. Очерки литературного движения в первую половину 19 столетия. СПб., 1898.

⁷ Соловьев В. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением Краткой повести об антихристе и с приложениями. 3-е изд. СПб., 1901. См. также письмо 10.

⁸ Андрей Белый. Симфония. (2-я, драматическая). М., 1902.

⁹ Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874—1940) — актер и режиссер, знакомый Ремизова со времени его пензенской ссылки (1896—1897), где они вместе принимали

участие в деятельности Народного театра и революционного кружка. См. воспоминания Мейерхольда о его допросе по делу Ремизова: «Всеволод отвечал с невозмутимым спокойствием. Нет, ни о какой противоправительственной деятельности последственного он не знает. Давал ли подследственный ему на прочтение какие-либо книги, брошюры возмущающего содержания? Нет, он брал у Ремизова исключительно пьесы, например, Ибсена, Гауптмана» (цит. по кн.: *Рудницкий К.* Мейерхольд. М., 1981. С. 24). Вместе с С. М. Ремизовым приезжал в Вологду. *Мейерхольд (урожд. Мунт) Ольга Михайловна (1874—1940)* — актриса, жена Мейерхольда, племянница С. А. Панчулидзева.

¹⁰ «Монна Ванна» (фр.). Ремизов перевел пьесы М. Метерлинка «Втируша», «Внутри», «Слепые», «Смерть Тентажиля», «В стенах» («Сестра Беатриса»), «Аглавена и Селизета» (автографы — представленные в цензуру экземпляры пьес — хранятся в Петербургской театральной библиотеке. О судьбе переводов Ремизова см.: *Грачева А.* Неизвестные театральные переводы А. Ремизова // *Europa orientalis*. 1994. № 1. С. 207—215.

¹¹ *Андреев Л.* Мысль // Мир Божий. 1902. № 7.

¹² См. примеч. 1 к письму 7.

9

23 июля (5 августа) 1902.

23 июля 1902

Вологда

Дорогой Павел Елисеевич, очень благодарен Вам за рецензию на Родэ.¹

Издателю написал все, что следует быть. Думаю, 3 часть не только сократить, но и переработать в случае, если согласится печатать осенью.

Хроника не на бумаге, а в душе у меня растет и образуется.

Преследует меня образ женщины: через несколько лет после страшных волнений все приходит в порядок, а душа, пережившая все это, жаждет, окруженная тупыми лицами, слабоумными и пошлыми.

В действительности, в хронике наступает трагический момент, — новая жизнь зовет, и ее голос заглушается воплями о самоубийстве, стонами старика, поиском детей.

Настанет ли эта новая жизнь? Если да, то наш выбор (в шутку) героя оправдается. Всем передам от Вас поклон и пожелания. — Signer'у, быть может, увидим, жаждет приключений, и великолепный Nicolas от нее не уйдет.

Скоро получу книгу Kahn'a «Symbolistes et décadents».²

Собрал всю библиографию с 23 мая из «Рус<ских> Вед<омос<тей>», посылаю Вам; «Симфонию» Б<орис> Эд<уардович> обещал разыскать («Бездну») ³ Вы, наверно, получили теперь).

Про Леклера ⁴ ничего не слышно. Иерусалем обещает Вера Глебовна ⁵ устроить через своего и Вашего знакомого издателя.

Читаю Пушкина; очень хорошо было справляться в примечаниях к Ак<адемическому> издан<ию>, вышел ли 2 т.? Как думаете, переплести стихот<ворения> и примеч<ания> отдельно или вместе

Пушкин
I
1812—1817

Леон<ид> Майков
Примечания
к
Пушкину
I
1812—1817

Сг. Prel. — получил, выписал Gerber'a.⁶

Встречаю и ту, в теле которой есть что кротко-змеиное. Однажды по городу разнесся слух, будто Вы умерли, и вот она особенно встревоженно расспрашивала о Вас. А ни за что пропадет, хуже, чем пропадет, выравнится, станет обыкновенной и средней; [Гучапской — ? — А. Г.]. Так мне кажется, когда встречаю ее.

Глаза сфинкса успокоились, очень редко пишу и еще реже получаю ответы.

24 июля

Благодарит Гордый,

П<авел> Е<лисеевич>, если хотите познакомиться с Вундтом «Введ<ение> в философ<ию>» могу прислать ненадолго. Mutter'a В. А. обещал, клянется Вам. Посылаю «Мысль» — Андреева Л. «Монну Ванну» — Метерлинка «Судьбу» —————

Пришлю в след<ующий> раз Введенского. Всегда с завистью смотрю на книги, которые посылают Вам.

Сейчас утро свежее, напоминает теплую желтую осень. Вспоминаю, как идем с Вами по бульвару туда к яблокам и грушам.

А. Ремизов.

¹ Щ. [Щеголев П.] Рец. на кн.: Альберт Родэ. Гауптман и Нитцше: К объяснению «Потонувшего колокола» / Пер. с нем. Вс. Мейерхольда, А. Ремизова. М., 1902 // Исторический вестник. 1902. № 7. С. 293.

² Kahn G. Symbolistes et décadents. Paris, 1902.

³ Андреев Л. Бездна // Курьер. 1902. № 10, 10 янв.

⁴ Леклер А. К монистической гносеологии / Пер. с нем. Алексея Ремизова. СПб., 1904.

⁵ Савинкова (урожд. Успенская) Вера Глебовна (1877—?) — дочь писателя Гл. И. Успенского, жена Б. В. Савинкова. Их брак распался в 1908 г.

⁶ Gerber Gustav. Die Sprache als Kunst. 2 Bde. Bromberg; Berlin, 1871—1874.

10

30 июля (12 августа) 1902.

Вологда, 30 июля 1902

Дорогой Павел Елисеевич, посылаю Вам

Мутера I и II т. «Ист<ория> искус<ства>»

Андрея Белого «Симфония»

Вл. Соловьев: «Три разговора»

«Ист<ория> религии» Шантепи¹ в скором времени будет у меня и я перешлю Вам. В начале августа поспеют гири по 12 ф. О Карлейле

вышла нов<ая> книга изд<ательства> Образования «Библиотека философов»

Гензель: Карлейль.²

Эту книгу выпишу.

На рус<ском> языке есть предисловие к переводу «Герои и героическое в истории»,³ затем Ольден-Гард: «Карлейль, Рескин и Толстой»⁴ Когда прочтете Метерлинка и Андреева, пришлите.

Если не занята у Вас книга о стиле Гоголя и сочин<ения> Жуковского, пришлите мне на известный срок.

Не знаете ли, вышел II т. Пушкина изд<ания> Акад<емии> Нау<к>?⁵

I том думаю переплести так

Пушкин	Леонид	Майков	напишите свое мнение,
1812—1817	примечания к Пушкину		быть может в один том?
I	1812—1817	I	

Павел Елисеев<ич>, какой красивый романс пою: «Растворил я окно» (Чайковский), поскорее бы приходили к нам, и много еще пою.

По-прежнему читаю Пушкина, вырисовывается э<с>тетический анализ, припоминаю Ваши случайные замечания и сам, наверно, ощупью выхожу на какую-то дорогу и там, где были одни тени, различаю еще смутно очертания.

На бульваре — яблоки и груши; не заглядываю туда, [бою<сь>] страшусь лукавого. Был скороход, бегал вокруг Вологды; много занятых сцен видел в Горбуновском настроении, кто-то [сзади] заметил у него маленький хвостик, и ноги-то оказались не ногами, а Бог знает чем, копытами, извозчик говорил.

Теперь оперетка,

К большому моему огорчению, могу сейчас только пожелать всего хорошего и до свидания

А. Ремизов.

¹ Иллюстрированная история религий, составленная в сотрудничестве д-ра Э. Буклей в Чикаго, библиотекаря Г. О. Ланге в Копенгагене [и др.] Д. П. Шантепиде-ля-Соссей / Пер. с нем. изд. под ред. В. Н. Линд. С прилож. библиогр. указателя рус. литературы по истории религий, просмотр. кн. С. Н. Трубецким. М., 1899. Т. 1—2.

² Гензель П. Т. Карлейль. СПб., 1903.

³ Герои и героическое в истории. Публичные беседы Томаса Карлейля / Пер. с англ. В. И. Яковенко. С прил. статьи переводчика о Карлейле. 2-е изд. СПб., 1898.

⁴ Уорд Мей Олден. Три биографии: Томас Карлейль, Джон Рескин, Лев Толстой / Пер. с англ. И. С. Дурново. М., [1900].

⁵ Был издан только первый том.

30 октября (12 ноября) 1902.

Москва, 30 ок<тября> 1902.

Ковчег Лев<ое> крыло¹

Дорогой Павел Елисеевич, пишу в своей книжке, бумага, быть может, имеется, но Варич<ка>² и Сер<гей> спят и проникнуть в скинию затруднительно.

Слушал вчера пение, — очень меня порадовало: Сергей сделал большие успехи — с пониманием, умно и сердечно исполняет партии.

Надич<ка> — та же глубина природы, но умения нет, дальше не пошла, выйдет что-нибудь из нее — не знаю. Сегодня иду на концерт в Двор<янский> соб<ор>, буду слушать виолон<чель> Брандукова,³ завтра Шалапина.

Начинаю Смотреть, не хожу уж из комнаты в комнату...

Особенно ярко увидал тут людей с целями и деловых, — заглянул в свой мир и почувствовал себя беспокойно, даже грустно стало, а потом начал Смотреть.

Каждому свое, и бестолочь — лицо.

Знаете, П<авел> Е<лисеевич>, тут живут люди и «негритянок любят». Борьба за жизнь требует этой любви, а не хочешь, уходи.

(одна строка зачеркнута. — А. Г.)

Третьи лица помогают достать денег, галстуки будут для Вас. — А сам не могу просить, сочинишь, как спросить, а придешь все о другом говоришь.

Книг привезу...

Всего вам хорошего
АР

Поклон от Варвары Федоровны.

Кланяйтесь В<ере> Г<лебовне> Б<орису> В<икторовичу>, Таю и Витю⁴ пободайте.

¹ См. свидетельство Ремизова: «На другой день по приезде в Москву — я остановился у брата (С. М. Ремизова — А. Г.) на Воронцовской в Таганке» (*Иверень*. С. 225).

² Ремизова (урожд. Тархова) Варвара Федоровна — пензенская ученица Ремизова, впоследствии играла в театре Вс. Э. Мейерхольда, жена С. М. Ремизова. См. пересказ воспоминаний Ремизова в книге Кодрянской: «В Москве Алексей Михайлович часто у него останавливался. Дома у этого брата был всегда кавардак и гости, московская богема. Варвара Федоровна интересовалась литературой и обо всем его всегда расспрашивала, она была убеждена, что он все знает» (*Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. С. 75—76).

³ Брандуков Анатолий Андреевич (1856—1930) — виолончелист, музыкальный деятель, педагог.

⁴ Савинков Виктор Борисович (1901—1935) — сын Б. В. Савинкова.

31 октября (13 ноября) 1902.

31 ок<тябрь> 1902.

Москва

Ковчег пр<a>вое крыло

Дорогой Павел Елисеевич, был вчера в Двор<янском> соб<ра-
нии> (концерт Тибо, Брандукова, Мазуриной).¹

Звуки ослепили, трио (Чайков<ского>) (памяти великого артиста). Слушал с закрытыми глазами. Трио — величайшая радость: жил великий артист — и нарастающая скорбь, превращающаяся в муку, в тишину душевную, в которой, повторяясь, звучит погребальный звон.

К сожалению, 27-ю часть с середины прервали и начали снова, пианистка и скрипач запутались. Трио стояло в заключении, а на первое отделение — Крейцера соната и Rondo — Сен Санса, романс Сведенса — какая противоположность! Романс — беззаботность, веселье того, что живу и не хочу ничего знать.

Ну, П<авел> Е<лисеевич>, мир еще не умер, звуки живы — жив Бог. Видел художественные туалеты и красивых женщин, но под конец все слилось и зазвучало, и один звук наполнил всю душу, и сейчас пишу и слушаю. Сегодня пойду на Евг<ения> Онег<ина>», слушать Собинова. К Омону² не сумею, Вяльцева³ не поет.

Хорошо бы приехать Б<орису> В<икторовичу> на «Моцарта и Сальери» с Шаляпиным, 2 билета имеются (7 ноября).

Борис Викторович, телеграмму дайте по такому адресу: Таганка, Пустая, Авдеева, Ремизовой «выезжаю» (дайте за час-два до отхода поезда).

встретит Ида Фед<оровна>.⁴

До свидания, поклон В<ере> Гл<ебовне>

А. Р.

Таню и Витю

бодаю

P. S. Передайте В<ере> Г<ригорьевне>, 29 ок<ября> уехал Ag. Dion <?>, кланялся, к Саблину [пойду] не ходил, не отыскал, извиняется.

¹ Ремизовская хроника культурных событий точно хронологически соответствует действительности. См., например: «Вчерашний концерт пианистки Мазуриной, виолончелиста Брандукова и скрипача Тибо привлек в Малый зал Благородного собрания столько публики, что не хватило места. Такое стечение публики предreshало художественный успех» (Новости дня. 1902. № 6967, 31 окт.). *Тибо Жак* (1880—1953) — французский скрипач и педагог.

² *Омон* — французский театр-фарс Омона (Камергерский пер., дом Лиознова; директор Шарль Омон).

³ *Вяльцева Анастасия Дмитриевна* (1871—1913) — артистка эстрады и оперетты, прославилась исполнением цыганских романсов.

⁴ *Ремизова (урожд. Рюккерт) Ида Федоровна* — жена брата Ремизова — Виктора. См. воспоминания Ремизова: «Ида Федоровна Рюккерт — дочь берлинского золотильщика. Золотильщик Рюккерт обосновался в Москве — мастерская на Таганке; дела шли хорошо. В семье Виктора было хозяйственно, немецкие порядки и свободно. В приезд Ремизовых они часто останавливались у этого брата» (*Кодрянская Н. Алексей Ремизов*. С. 76).

1 (14) ноября 1902.

1 ноября 1902

Москва

Ковчег Левое крыло

Дорогой Павел Елисеевич, был вчера на «Евг<ении> Онег<ине>». Не знаю почему, сначала ничего не почувствовал. На письме Татьяны задумался, воспоминания пошли, припоминал то, чего не было.

Ленский <?> — Ленский. Собинов — просто искренне исполняет, но все же не так, как говорят о нем.

А остальные — Пушкин содрогнулся бы. Был днем у матери, объелся конфетами. Сейчас иду к Брюсову.¹

Воспоминаем вас, рассказываю, как читаете «что в верном сердце у араба скрыто». Сергей поет о блохе.

Первый зимний день, несется снег.

Кланяются В<арвара> Ф<едоровна> — «минога» Серг<ей> — «стерлядь».

Поклон всем.

А. Ремизов.

Поклон Б<орису> В<икторовичу> Вер<е> Глеб<овне> Таню и Вит<ю> (одно слово нрзб. — А. Г.).

П<авел> Е<лисеевич>, если поедет Б<орис> В<икторович>, возьмите из папки «Колыбельную песню»² (последнюю) попросите его привезти сюда; она предназначена была племяннице Еленочке, я послал, но письма не получили

А. Р.

¹ Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) — поэт, критик, прозаик, переводчик, один из «мэтров» русского символизма. Историю взаимоотношений Ремизова и Брюсова см.: Брюсов В. Я. Переписка с А. М. Ремизовым. (1902—1912) / Вступит. статья и комментарии А. В. Лаврова; Публикация С. С. Гречишкина, А. В. Лаврова и И. П. Якир // Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1994. С. 137—222 (Литературное наследство; Т. 98, кн. 2). О визите Ремизова 1 ноября см. дневниковую запись Брюсова: «Еще какой-то из Вологды Ремизов. Они сидят там, в Вологде, выписывают Верхарна, читают, судят. Этот Ремизов немного растерянный, маньяк, если не сыщик» (Брюсов В. Я. Дневники: 1891—1910. М., 1927. С. 123).

² Оpubл.: Курьер. 1902. № 325, 24 нояб.

1 (14) ноября 1902.

1 ноября 1902. Москва

Ковчег Лев<ая> стор<она>

Слежу за лампой, чтобы не коптила.

Видел Брюсова.¹

Смуглый, с черными сливающимися бровями, довольно тонкий с черной круглой бородой, в черном сюртуке и черном галстуке.

Застенчив, когда говорит, кажется слова раздвигают красные губы.

Пришел в 12 ч., принял в своем кабинете вроде Вашей комнаты у Подосенова; аккуратно расставлены книги по полкам, висит портрет Тютчева, на столе Вл. Соловье<в> и листы «Будем как солнце».²

Очень удивился просьбе прислать сочинения по литературе. Специалистом не считает себя, писал, изучая интересующие его литератур<урные> явления.

Сейчас готовит книгу,³ которая ничего не имеет общего с «рус<скими> символистами»; которых он пережил.

(сборн<ики> I и II)⁴

«Я и Бальмонт» — эта фраза очень часто повторялась у него, особенно по поводу критики новейшей рус<ской> поэзии.

Миропольский (Березин)⁵ — не так, чтобы очень важный, Добролюбов⁶ — подвижник (на поручах у матери в Петер<бурге>), Ф. Сологуб⁷ — застыл.

Об остальных не расспросил, пойду в среду вечером, специально для разговора.

«Новый путь»⁸ набраны первые листы, в январе выйдет религиоз<но>-литер<атурный> журнал Мережковского.

Бальм<онта> и Брюсова «допускают» к Ясинскому в его «очень посредственный» журнал «Ежем<есячные> Обозрен<ия>»⁹ и т. д.

В «Труде»¹⁰ оказались знакомые, будут доставлять без замедления.

«Лествица»¹¹ разошлась в два дня (400 экз.), в «Труде» прибежали для меня и я привезу. Завтра пойду в «Курьер».

Пок<лон?> до свида<ния>

[роспись]

P. S. Показывал Брюсов обложку для «Будем как солнце» — да-да — меня очень порадовало, что у него отношение к (одно слово нрзб. — А. Г.).

Очень жаль, что в Москве у нас не было знакомых, оказывается, переводы из «Serres chaudes»¹² нужны были Минскому и он долго не мог достать их.

[роспись]

¹ Воспоминания о знакомстве с Брюсовым в художественно трансформированной форме легли в основу главы «Аделаидин цвет. Валерий Брюсов (1873—1924) (Иверень. С. 231—236).

² *Бальмонт К.* Будем как солнце. Книга символов. М., 1903. 290 с. Ср. «ошибку памяти» в главе «Аделадин цвет»: Брюсов «искренне сказал: — Что ж обо мне писать, я еще ничего не сделал! Вот Бальмонт. На днях выйдет его новая книга. // На большом столе, очень чистом, Брюсов не курил и пепла не сеял, книги лежали в порядке, я видел сверстанную корректуру: *Горящие здания*» (*Искренень*. С. 233).

³ Имеется в виду кн.: *Брюсов В.* Urbi et orbi. Стихи 1900—1903 г. М., 1903.

⁴ Русские символисты. М., 1894. Вып. 1—2.

⁵ *Миропольский А. Л.* (Ланг Александр Александрович, 1872—1917) — поэт-символист, участник трех сборников «Русские символисты». Его первая книга «Одинокий труд. Статьи и стихи» (М., 1899) была опубликована под псевдонимом «Александр Березин».

⁶ *Добролюбов Александр Михайлович* (1876—1942?) — поэт-декадент (см. кн.: *Добролюбов А.* Собрание стихов. М., 1900). В 1898 г. опростился и ушел странствовать. В 1901 г. привлечен к судебной ответственности за подстрекательство к отказу от воинской повинности. В конце 1902 г. с целью спасения от наказания помещен в сумасшедший дом. (См.: *Азадовский К. М.* Путь Александра Добролюбова // *Творчество А. А. Блока и русская культура XX века.* Блоковский сборник. III. Тарту, 1979. С. 131 (Учен. зап. Тартус. гос. ун-та; Вып. 459)).

⁷ *Сологуб Федор* (наст. имя Тетерников Федор Кузьмич; 1863—1927) — писатель-символист; поэт, драматург, прозаик, переводчик. См. его итоговую характеристику в письме Ремизова Ю. Иваску от 26 декабря 1954 г.: «О Федоре Кузьмиче Сологубе. Настоящая его — Тетерников. Мать — «одной прислугой» (и кухарка и горничная). Отец — портной. Детство провел на кухне. Забыл, где-то под Петербургом, в Парголове (одно слово нрзб. — А. Г.) учился в Учительской семинарии. Учитель в Городском училище в Петербурге, впоследствии инспектор. Суровый, дети не любили его, да и он эту породу не любил. Знаю с 1905 г. «Мелкий бес» в «Вопросах жизни» одновременно с моим «Прудом». Под серыми моржовыми усами пробой без двух передних зубов, над моржом (одно слово нрзб. — А. Г.) брови. Стиль мерзейш<ий> slash<a>в. Д<олжно> б<ыть> такое слышал из кухни и вошло как что-то изысканное. С 1907 г. кавалер обезьяньего знака» (РГАЛИ, ф. 420, оп. 4, № 34 — фотокопии; оригиналы — *Jale University Library*).

⁸ «Новый Путь» (СПб., 1902—1904) — литературный и религиозно-философский ежемесечный журнал. Ред. П. Перцов. Первый номер появился в конце 1902 г. (См.: *Корецкая И. В.* «Новый путь». «Вопросы жизни» // *Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — XX века.* 1890—1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982. С. 181).

⁹ Ошибка Ремизова. Надо: «Ежемесячные сочинения». О И. И. Ясинском см. примеч. 2 к письму 30.

¹⁰ См. примеч. 4 к письму 3.

¹¹ *Миропольский А. Л.* Лествица. М., 1902.

¹² «Теплицы» (фр.) — сб. стихов М. Метерлинка (1889). Переводы из него нужны были Минскому для изд.: *Метерлинка М.* Сочинения / Пер. Л. Вилькиной и Н. Минского. В 2-х тт. СПб., 1903. Второй том включал в себя: Теплица. Стихотворения в прозе в переводе русских авторов. Ремизов перевел стих. «Госпиталь», «Душа», «Стеклянные колпаки», «Теплица». Сохранился также автограф ремизовского перевода стих. Метерлинка «Взоры» в виде свитка (1901) — Государственный литературный музей, ОФ 5228. Далее: ГЛМ.

2 (15) ноября 1902.

2 но<ября> 1902

Москва

Ковчег правое крыло

Дорогой Павел Елисеевич

Заходил в «Курьер»,¹ очень, очень были любезны со мной, Б<орису> В<икторовичу> деньги отошлют завтра.² (7 рб. с копейками). Беллетрист<ическим> отделом заведует Л. Андреев,³ секретарь направляет меня к нему. Пойду в понедельник.

В театр пойду еще один раз — Шалаяпин<а> слушать, а больше не придется, денег нет, достану к отъезду. Да и расстояние из Таганки на Девичье поле — Бог знает что!

А. Ремизов.

Поклонитесь <?>

Поклон Б<орису> В<икторовичу>. В<алентине> А<ндреевне> ⁴ В<ере> Г<лебовне>, Тане, Вите.

¹ «Курьер» (М., 1897—1904) — общественно-политическая и литературная газета; ред. А. Я. Фейгин. См.: Чуваков В. Н. «Курьер» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX—начала XX века. 1890—1904. Социал-демократические и общедемократические издания. М., 1981. С. 353—375.

² Речь идет о гонораре за рассказ В. Канина [Б. В. Савинкова] «Ночь» (Курьер. 1902. № 245, 5 сент.).

³ Андреев Леонид Николаевич (1871—1919) — прозаик, драматург, публицист. Первая кн.: «Рассказы»; (СПб., 1901; 2-е изд. — СПб., 1902). С декабря 1901 г. был редактором беллетристического отдела газ. «Курьер». См. свидетельство Ремизова: «Храню память: письма Горького. Немного их, и ни одного оригинала. Письмо из Арзамаса в Вологду на имя Б. В. Савинкова, 1902. Отзыв Горького о наших рассказах; рукописи передала ему Л. О. Дан (Цеденбаум). Горький советует нам (Савинкову и мне) заняться любым ремеслом, только не литературным: „литература дело ответственное“. И все-таки „хлам“ отослал он в Москву Леониду Андрееву» (Ремизов А. Встречи. Петербургский буерак. Paris, [1981]. С. 125—126). См. письмо М. Горького Л. Андрееву начала августа 1902 г. из Арзамаса: «Посылаю тебе две рукописи: „Ночь“ и перевод с зырянского. По-моему — обе рукописи зырянские, но напечатать и можно, и следует, если я не ошибаюсь. „Ночь“ в начале напоминает рассказ Андреева „Набат“ — но — вещь модная. „Плач девушки“ — ей-богу — хорош!» (Горький М. Полн. собр. соч. Письма. В 24-х тт. Т. 3. С. 92). В газете Андреев опубликовал первые произведения Ремизова под псевдонимом: Н. Молдаванов. Плач девушки перед замужеством // Курьер. 1902. № 248, 8 сент.; Мгла. Осенняя песня // Там же. 1902. № 262, 22 сент. Под настоящей фамилией автора с раскрытием псевдонима: Ремизов А. (Молдаванов): Бебфа. Колыбельная песня // Там же. 1902. № 325, 24 нояб. О взаимоотношениях Ремизова и Андреева см.: Грачева А. Алексей Ремизов и Леонид Андреев (Введение к теме) // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 41—52. Воспоминания писателя о первой встрече с Андреевым в преобразленном виде отражены в главе «Анафема. Леонид Андреев (1871—1919)» (Иверень. С. 225—229).

⁴ Щеголева (урожд. Богуславская) Валентина Андреевна (1878—1931) — жена П. Е. Щеголева, актриса. О ее знакомстве с Ремизовым см. в ее дневнике 1901 г. (РО ИРЛИ, архив П. Е. Щеголева).

4 (17) ноября 1902.

1902 4 н<оя>б<ря>

Москва

Ковчег правое крыло

Дорогой Павел Елисеевич, вчера получил Ваше письмо, пришло оно в тот момент, когда уселись сниматься, так и снялся с ним.

Поклоны и пожеланья Ваши передал — благодарят.

Да, увезу с собою много-много всего.

Очень много горького.

Выяснял дела свои, Господи, неужели и вправду китайские тени или... или на нефть и керосин закладываться.

Был дома, где прожил 18 лет, в моей комнате что-то потрясающее: книги в таком порядке, словно обреченные, прокаженные.

Привезу с собой некоторые для вас.

В Трубе¹ взял Висковского,² Гаупт<мана> II т.,³ (одно слово зачеркнуто — А. Г.) (на счет Аггея⁴), для себя. Розанов<а> В. В.,⁵ Миропольского, Ландсберг (Долой Гауптмана изд. Скорпион),⁶ «Новую драму»⁷ достану; пока ничего не выписывайте до моего приезда, чтобы не купить 2 экземпляров.

Андреев болен, пойду завтра.

Был сегодня у Саблина, — Моя кн<ига> — не будет,⁸ издает Ибсена (по подписке руб. 5), в течение года соберет все для издания. К Вам от него просьба: написать об Ибсене⁹ (не более 1 листа) за 50 руб. (если хотите и меньше, чем лист).

Его издания идут туго, в особенности Тетмейер.¹⁰

«Золот<ое> Руно» взял¹¹ (это для В<еры> Григ<орьевны>).

Объясню лично.

Между прочим, вышел «Homo Sapiens»¹² и тотчас же был конфискован за безнравственное содержание.

Завтра иду на «Кармен», а оттуда в Литературно-художественный кружок,¹³ там познакомл<юсь> с Балтрушайтисом.¹⁴ В среду у Брюсов<а> познаком<люсь> со всем «Скорпионом».

Поклон Б<орису> В<икторовичу> В<ере> Глеб<овне> Тане

Ви<те>¹⁵

Совсем разорван

АР

Пью рейнвейн, ни одной рюмки ликера. Постараюсь пробыть не до 11, а до 15, т. е. выехать 14 ноя<бря> в 11 ча<сов> ночи.

А. Р.¹⁶

¹ Труба — т. е. Трубная площадь, названная так по отверстию в стене Белого города, через которое протекала река Неглинная в XVI—XVIII вв.

² Висковский Вяч. Рассказы. 1-е изд. Одесса, 1902.

³ Гауптман Г. Собрание сочинений / Пер. под ред. К. Бальмонта. 2-е изд. СПб., 1902—1903. Т. 1—2.

⁴ См. примеч. 2 к письму 6.

⁵ Розанов В. В. Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария с присоединением двух этюдов о Гоголе. 2-е изд. СПб., 1902.

⁶ Ландсберг Г. Долой Гауптмана! / Пер. с нем. М. Семенова. М., 1902.

⁷ Имеются в виду издания пьес драматургов конца XIX—начала XX в. (М. Метерлинка, Г. фон Гофманстала, А. Стриндберга и др.) — представителей «новой», «неаристотелевской» драмы, для которой характерны «углубленный психологизм, попытки построения действия исходя из „движений души“, укрупнение драматических конфликтов до уровня „общечеловеческих“, т. е. обобщивших опыт нескольких поколений людей, и, еще шире, до конфликтов общепсихологических путем введения в образную систему драмы отвлеченных философских категорий и понятий (по Метерлинку, основой драматического становилась „величественная и непрерывная беседа души с судьбой“)» (Бабичева Ю. В. «Новая драма» в России начала XX века // История русской драматургии. Вторая половина XIX—начало XX века. До 1917 г. Л., 1987. С. 486).

⁸ См. примеч. 2 к письму 3.

⁹ В библиографии трудов П. Е. Щеголева подобная работа не зафиксирована (См.: П. Е. Щеголев: Библиография / Сост. Емельянов Ю. Н. // Емельянов Ю. Н. П. Е. Щеголев — историк революционного движения. С. 211—256).

¹⁰ См. примеч. 5 к письму 8.

¹¹ Имеется в виду пьеса Ст. Пшибышевского «Золотое Руно». См. примеч. 6 к письму 17. Ремизов также перевел эту пьесу (автограф — цензурный экземпляр пьесы, дозволенной к представлению в 1904 г. — Петербургская театральная библиотека, № 29379).

¹² Пшибышевский Ст. Homo sapiens: Роман в 3-х ч. / Пер. М. Н. Семенова. М., 1902.

¹³ Московский литературно-художественный кружок (1898—1919) находился на Большой Дмитровке, дом Вострякова. В сентябре 1902 г. Брюсов был избран членом Литературной комиссии кружка.

¹⁴ Балтрушайтис Юргис Казимирович (1873—1944) — поэт, переводчик, один из организаторов издательства «Скорпион».

¹⁵ Рисунок «козлы».

¹⁶ Под текстом приписка рукой И. Ф. Ремизовой: «Павел Елисеевич здравствуйте! Алексей Вам кланяется, он по целым дням „бегает“, высуня язык и поджав хвост, галстуков, ликеров и (одно слово нрзб. — А. Г.) он Вам привезет. Алексея я прозвала „тете <?>“ Поклон Вере Глебовне, Борису Викторовичу, деток целую Ида».

17

8 (21) ноября 1902.

8 н<оября> 1902 (Михайлов день)

Москва

Ковчег левое крыло.

Дорогой Павел Елисеевич, кажется, начиная с 4-ого не писал Вам, с моей неудачной поездкой к Андрееву: приезжаю на эту проклятую Пресню, и оказывается «спят», кроме понедельника не принимают, а в воскресенье (10-го) должен выезжать к вам, — иду сегодня в Охран<ное> просить еще «отдыха и срока», — Андр<ееву> написал прошение о назначении мне часа свидания, через него постараюсь увидеться с Горьким, который живет и будет жить в Москве (разрешено).¹

Слушал «Кармен», музыка крови очень волновала, но в острые, раздражающие движения испанцев вдруг врывались звуки «Трио» (Чайк<овского>), томящегося духа...

В Литер<атурный> кружок не пошел, людей не хотелось видеть: что-то страшно любил, и ненавидел, и тосковал. На другой день пролежал на «кушетке», вспоминал, читал жиденькие рассказы Висковского, разбирал книги: очень уж многих не досчитываюсь.

Привезу некот<орые> №№ «Артиста».²

Напало какое-то затишье, пошел к Николаю и ел там безостановочно, «подливали и подкладывали», «угощали, просили, требовали». Между прочим, есть разговоры о газете, которую собирается он издавать; нет у меня никаких познаний в этой области, если бы были Вы, другое дело.

Пошел к Брюсову.

Дома не оказалось, письмо с карточкой в Литер<атурный> круж<ок>.

Пошел туда, застал прения о роли режиссера: говорили Немирович и Сумбатов³ — самодовольно и нахально с ничего не говорящим «вообще» и с кричащим «элементом».

Потом сел за столик «Скорпиона».

Познакомился с Поляковым — ой, Семеновым.⁴

Пили какое-то черное вино, от которого к 4 ч<асам> утра у меня полетели виски с головы.

Анд<рей> Белый⁵ — Бугаев, сын профессора держит псевдоним
{ в секрете

Сбор<ник> Бальм<онта> (Яроsl<авль>) — сегодня достану.

«Будем к<а>к солнце» Немедленно пришлют по выходе. От Брюсова достал 2 листа (все вошедшее в сборн<ик> напечатано в «Ежемес<ячных> сочин<ениях>») — выписываю).

«Золот<ое> Рун<о>»⁶ — набрано, переводчица, Лебедева, лично знакомая с Пшибышевским и им рекомендованная.

«Гостей» — снесу к Полякову (это для В<еры> Григ<орьевны>).⁷ На Скорпиона — гонение цензуры. Нового управления: задерживают и конфисковывают.

Анаст<асия> Мирович⁸ — в сумасшед<шем> доме (также и Врубель).

— «Тигров спящих дыхание» у Брюсова вызывает полуулыбку.

Коновской,⁹ студ<ент> 2 курса «очень талантливый» утонул, Безрезин, Курсинский¹⁰ — ничтожество. (Намечаю пункты, чтобы рассказать Вам подробные [их] отзывы «Скорпиона» о сотрудниках).

Читает Брюсов с ударениями («По улицам шумным, в театрах, в садах»¹¹ и т. д.).

Семенов М. Н. здоровый детина из «купчиков», склонный [к] материть и веселиться, Поляков — делец, [не] с испытанным лицом, Полякова¹² — с лягушачьими глазами в «безумном» уж очень дорогом одеянии и т. д.

Через Брика достал на «Власть Тьмы», иду сегодня. Видел волшебное красивых женщин, видел «Сказку» и генерала из «Симфонии».¹³

А вчера умирал от восхищения, слушая Шалапина, это Бог знает что, художник в самых незаметных движениях.

Ну пока останавлиюсь

до свидан<ия>

А. Р.

Поклон В<ере> Григ<орьевне>, Вере Гл<ебовне>, Б<орису> Вик<торовичу>.

¹ Дознание, проводившееся в отношении Горького по делу о противоправительственной пропаганде и подготовке демонстрации, было прекращено в конце июля 1902 г. 10 августа прокурор Московской судебной палаты отдал распоряжение освободить писателя от особого надзора полиции. С 10 сентября Горький поселился с семьей в Нижнем Новгороде. В начале ноября писатель приехал в Москву, 6 ноября уехал в Петербург (см.: *Летопись жизни и творчества А. М. Горького*. М., 1958. Вып. 1: 1868—1907. С. 410).

² «Артист» (Москва, 1889—1895) — ежемесячный журнал изящных искусств и литературы. Ред.: А. Р. Гиппиус (1889—1890), И. И. Петров (1891), Е. Е. Корш (1892—1895). См.: *Иокар Л. Н. Театральные журналы // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX—XX века*. 1890—1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. С. 300—312.

³ В литературно-художественном кружке 6 ноября 1902 г. было выступление И. Ф. Шмидта «Роль режиссера в современном театре» (См.: *Новости дня*. 1902. № 6973, 6 нояб.). *Немирович-Данченко Владимир Иванович* (1858—1943) — писатель, драматург, режиссер, один из основателей и руководителей Московского Художественно-общедоступного театра. *Сулбатов (Южин) Александр Иванович* (1857—1927) — драматург, театральный деятель, актер Малого театра.

⁴ *Семенов Михаил Николаевич* (1872—1952) — писатель, переводчик, активный сотрудник издательства «Скорпион». См.: *Котрелев Н. В.* Вступ. статья к переписке В. Я. Брюсова с С. А. Поляковым // *Валерий Брюсов и его корреспонденты*. С. 27—28.

⁵ *Андрей Белый* (Бугаев Борис Николаевич) (1880—1934) — поэт, прозаик, критик, мемуарист, один из лидеров «младших» символистов. Между Андреем Белым и Ремизовым с середины 1900-х гг. до переезда последнего в Париж (1923 г.) существовали близкие дружеские отношения.

⁶ Пьеса Ст. Шибышевского «Золотое Руно» в переводе Л. П. Лебедевой осталась неопубликованной. Текст перевода сохранился (РО ИРЛИ, ф. 240, оп. 2, № 31). См.: *Брюсов В. Я.* Переписка с А. М. Ремизовым. С. 162.

⁷ Имеется в виду В. Г. Тучапская. Перевод «драматического эпилога» «Гости» Ст. Шибышевского не был издан Поляковым в издательстве «Скорпион». Подробнее см.: *Брюсов В. Я.* Переписка с А. М. Ремизовым. С. 153.

⁸ *Мирович Анастасия Григорьевна* — писательница. В альманахе «Северные цветы на 1901 год» (М., 1901) были помещены два ее стихотворения (с. 102—103), в «Северных цветах на 1902 год» (М., 1902) — рассказы «Ящерица», «Эльза» (с. 80—83). См. письмо С. М. Соловьева А. А. Блоку от 23—24 ноября 1903 г.: «Я узнал, что одна из наиболее талантливых сотрудниц „Северных цветов“ Анастасия Мирович находится „в доме сумасшедших“» (Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1980. С. 350 (Литературное наследство; Т. 92, кн. 1)). «Тигров спящих дыхание» — цитата из ее стих. «Памяти встречи».

⁹ *Ив. Коневский* (Ореус Иван Иванович, 1877—1901) — поэт-символист. 8 (21) июня 1901 г. утонул во время купания в реке Аа (Гауя) под Ригой.

¹⁰ *Курсинский Александр Антонович* (1873—1919) — поэт, журналист, переводчик, близкий друг В. Брюсова. См.: *Брюсов В. Я.* Переписка с А. А. Курсинским. 1895—1916 / Вступ. ст. А. А. Козловского и Р. Л. Щербакова; Публ. и комментарии Р. Л. Щербакова // *Валерий Брюсов и его корреспонденты*. М., 1991. С. 269—361 (Литературное наследство; Т. 98, кн. 1).

¹¹ Неточная цитата из стих. В. Брюсова «По улицам узким, и в шуме, и ночью, в театрах, в садах я бродил...» (1901) — (Брюсов В. Собр. соч. В 7-ми тт. М., 1973. Т. 1. С. 269).

¹² *Полякова (в замужестве Семенова) Анна Александровна* — сестра С. А. Полякова.

¹³ Свидетельство того, что Ремизов был в курсе реальных прототипов персонажей книги Андрея Белого «Симфония 2-я, драматическая» ([М.], [1902]). «Сказка» — Морозова (урожд. Мамонтова) Маргарита Кирилловна (1873—1958), жена московского фабриканта М. А. Морозова, учредительница издательства «Путь» и Московского религиозно-философского общества, в которую Андрей Белый был «мистически» влюблен. (См.: *Андрей Белый*. Симфонии / Вступ. ст., составление, подготовка текста и примеч. А. В. Лаврова. М., 1991. С. 505—506). О генерале как одном из посетителей дома «Сказки» см. у Андрея Белого: «„А вот если я поставлю этот валик, то вы ус-

льшите Петра Невского, веселого гармониста и песенника“, — выкрикивал генерал, восторженный и жилистый» (Там же. С. 178).

18

9 (22) ноября 1902.

Москва

1902

9 н<оября>

Ковчег левое крыло

(Серг<ей>, В<арвара> Ф<едоровна>, Н<адежда> Ф<едоровна> шлют Вам глубокий поклон, Сер<гей> готовит для Вас ликеров разных сортов; думаю, привезти всевозможных в малом количестве).

Что привезти Вер<е> Глеб<овне>; она говорила, — пряжка будет из Питера, разузнайте.

Из картин посмотрю Робса.¹

Сборн<ик> Бальмонта ни в одном магазине не имеется.

Рекомендуют поискать в Ярославле.

В Охран<ном> Отд<елении> задержали меня «пока что»... По-сылаю телеграмму в Д<епартамент> П<олиции>; там предполагают, что дадут еще 2 недели.

От Андреев<а> до сих пор нет ответа, все же в понедельник пойду. Судьба «Бетки» — в его руках.

Был вчера в Худ<ожественном> Теат<ре>... Впечатление — безукоризненного выполнения пьесы, но сердце молчит, даже когда Анютка орет, оно молчит.²

Вспоминаю, как прежде, бывало, в «Скоморохе», несмотря на балаганную публику, горло сжималось. Все же думаю, посмотреть весь теперешний репертуар Худож<ественного>: «Мещан», «Три сестры».

Сегодня в Лит<ературно>-Худ<ожественном> круж<ке> — памяти Г. И. Успенск<ого>, вход у меня есть, к огорчению моему, должен идти на Грига, конечно, вечер <?> не огорчит меня в конце концов.

Познакомили с женой и сестрой Брюс<ова>,³ жена — очень похожа на M-me Stuck (по портрету).⁴

Статья об Ибсене должна обнимать какую-нибудь сторону его творчества.

Н<иколая> А<лександровича> Б<ердяева> приглашает Саб<лин> написать о философии Ибсена, Вам, — как кажется мне, эстетико-психологическую характеристику, впрочем сами Вы лучше знаете. Вообще же, не об одной драме, а о наиболее характерном с точки зрения Вашей задачи.

Если срок моего пребывания продлится, вышлю деньги [для] за квартиру...

Гонорар Б<ориса> В<икторовича> выслал потому, что знаю, какое там у Вас «ни копыя»; [Сам] Лично думаю перехватить, хотя с большими трудностями и неловкостями.

Купил Коневского «Мечты и думы».⁵
О «нов<ой> драме» приготовят в Трубе.

Всего хорошего, постараюсь
выполнить все обещания
замечаю, в себе, нахальство
растет с каждым днем
— «хоть на льва», (2 слова зачеркнуты — А. Г.)

А.Р.

Поклоны Вер<е> Глеб<овне>, Бор<ису> Викт<оровичу>
Таню и Витю целую.

¹ *Ропс Фелисьен* (1833—1898) — бельгийский живописец и график, представитель стиля «модерн».

² В беллетризованной рецензии Пэка [В. А. Ашкинази] «Кстати. Разъезд после „Власти тьмы“» (Новости дня. 1902. № 6975, 8 нояб.) отмечалась неудовлетворенность разных категорий зрителей постановкой Художественного театра.

³ *Брюсова (урожд. Рунт) Иоанна (Жанна) Матвеевна* (1876—1965) — переводчица, жена Брюсова; *Брюсова Надежда Яковлевна* (1881—1951) — музыковед, преподаватель в московской Народной консерватории (1906—1916), сестра Брюсова.

⁴ *Штук Франц фон* (1863—1928) — немецкий художник, график и скульптор, представитель стиля «модерн».

⁵ *Коневской Ив.* Мечты и думы. СПб., 1900.

19

11 (24) ноября 1902.

Москва
11 н<оября> 1902
Ковчег лев<ое> крыло.
Именины Викташи

Дорогой Павел Елисеевич,

пишу под пение Сер<гея>, разучивает Демона.

Хотел пройти увидать Ал. Як., но уйти не удобно, обидится Викташа.

Ну, в субботу... и в Лит<ературном> Кружке не был и Грига не слушал, обманули, — пришлось самому петь, волновался, хотелось что-то сказать, жил в эти минуты; а когда кончил заговорили о другом

Вот и тон жалобный —

В воскресенье день прошел от пристава до Охранного послал телеграмму Д<иректору> Д<е>п<артамента> Пол<иции> о продлении срока на 2 неде<ли>. Обедал в чертогах: пичкали, пичкали едой разной, и ушел с тоской, в душе говорил голос: нечего ждать.

В Зрелищах значилась Вяльцева, но пройти не мог: ни копыя не было. Сегодня был у Андреева: в блузе, черных шароварах и лакированных сапогах, подвижный с чистым говором.¹

«То, что пишу очень люблю» этим выражением он проводил меня.

Принял очень приветливо.

За стихотворения буду получать *min <imum>* 10 руб., «Бибка» напечатается, за «Колыб<ельную> песню» боится, что порвут и искалечат. Особенными покровителями моими оказались Горький и Бунин.²

Между прочим, хотя и писал Вам, что «готов хоть на льва», а признаюсь уж, заробел, Бог знает, когда приучусь с людьми разговаривать и не смотреть на них снизу вверх. Вместо Леонид Николаевич называл Леонид Андреевич.

Собирали<сь> познакомиться с Горьким; а сейчас не думаю, закричит меня, буду дурак-дураком и досадовать после.

С Саб<линым> толковали о прошлом, извинялся за письмо, говорили и мечтали о прошлых мечтах (так! — А. Г.). На днях едет в Деп<артамент> Полиц<ии>.

После расскажу.

Вам, Борис Викторович, посылаю завтра 9 экземпляров «Вне жизни»,³ купил 10, пришел домой, оказалось 9.

16 или 15 нояб<ря> получу 13 руб. с копейками, которые и отошлю Вам, если не привезу лично.

Кланяйтесь В<ере> Глеб<овне> Тане — козу
Вите

[роспись]

Р. S. Сегодня передал Полякову «Гостей», на днях ответ получу, а если не получу, то он напишет в Вологду (это для Вер<ы> Григор<ьевны>.⁴

В пятницу иду на «Штокмана»,⁵ хотя в абонементе Собинов в «Ромео». Если бы дожить до четверга след<ующей> недели — повидал бы «Псковитянку» с Шалапиным.

Всего хорошего Вам всем

AP.

Р. S. П<авел> Е<лисеевич> — Варичка кланяется,
кормит Еленочку,
от Кальдерона в восторге,
воображает Ваше чтение.

¹ Ср. описание внешности Андреева в гл. «Анафема»: «А стройный, как полицейский из моего сегодняшнего сна, и тонкий, чуть бы подлиннее ноги и годится в балет. Черная блуза с растрепанным черным галстуком и волна черных волос» (*Иверень*, С. 227).

² Для И. А. Бунина (1870—1953) были характерны неоднократные заявления о своем неприятии творчества Ремизова, хотя в последние годы жизни между ними существовали достаточно тесные личные контакты. См. воспоминания Н. В. Кодрянской: «Суждения его (Бунина — А. Г.) об Алексее Михайловиче и как о писателе, и как о человеке неизменно вызывали во мне тягостное чувство. Впрочем, должна признаться, что и Ремизов относился к Бунину отрицательно <...> хулили они друг друга в глаза и за глаза и знали почти все, что один говорил о другом, что, впрочем, не мешало им встречаться» (*Кодрянская Н. В. Встречи с Буниным // Иван Бунин. М., 1973. С. 342 (Литературное наследство; Т. 84, кн. 2)*). В архиве Ремизова 1900-х гг. (РНБ, ф. 634) писем Бунина нет. В связи с дальнейшим развитием взаимоотношений

между писателями примечательно отсутствие сведений о помощи И. А. Бунина начинающему литератору в книге «Ивернь».

³ В. Канин [Савинков Б. В.]. Вне жизни. Этюды // Курьер. 1902. № 311, 10 нояб.

⁴ См. письмо Ремизова В. Г. Тучапской от 13 ноября 1902 г.: «В пятницу узнаю о судьбе „Гостей“, увижу Полякова. <...> Метерлинка — нет, спрашивал у Брюсова, „нет и нет“. В Вологду привезу экземпляр, к сожалению, именной и дареный» (РГАЛИ, ф. 420, оп. 1, № 79, л. 7). Пьеса «Гости» была также переведена С. и А. Ремизовыми (Автограф рукой Ремизова — цензурный экз. пьесы, дозволен к представлению в 1903 г. — Петербургская театральная библиотека, № 52332).

⁵ См. примеч. 1 к письму 21.

20

13 (26) ноября 1902.

Разлука, ты-ы разлука — чужая сторона! —
Никто нас не-е разлучит ни Солнце, ни луна —

Москва

13 н<оября> 1900 ¹

Лев<ое> крыло Ковчега

Дорогой Павел Елисеевич, письмо Ваше застало меня; ответа на мою телеграмму все еще нет. Вчера и сегодня — никуда, сижу с Вар<варой> Фед<оровной>, слушаем, как нянька с кухаркой песни играют.

В<арвара> Ф<едоровна> шлет Вам особенное приветствие. Сейчас получил записку от самоубийцы, пройду повидаю «сердечного».

Вчера отыскал в «Артисте» № 15.16.17 комедию Кальдерона: «Сам у себя под стражей» пер<евод> Юрьева, прозой.² Тема: жизнь — сон — игра.

Привозить в Вологду?

Читаю «Новую драму».

О «Зол<отом> Руне»³ говорил с Саблиным; он никогда не думал издавать его; видел у Вс<еволода> Эм<ильевича> — больше ничего ему неизвестно.

Разузнаю от него подробнее в пятницу на «Штокмане».

(Строчка зачеркнута — А. Г.).

Н. А. Найд<енова>⁴ не видел и, наверное, не увижу. Ограничимся взаимными расспросами от других лиц.

О газете брата узнаю от него и напишу.

Пойла всякого будет вдоволь.

Лун<ачарского> читал.⁵

Б<орис> В<икторович> выслал 9 номеров.⁶

Поклон В. Поб.<?> В<ере> Г<лебовне> Б<орису> В<икторовичу>

А Р.

П<авел> Е<лисеевич> простите за такое письмо, — признаюсь — объелся.

Послезавтра пойду к Полякову⁷ (Знаменск<ая> мануфактура).

¹ Описка Ремизова. Надо: 1902.

² *Кальдерон де ла Барка П.* Сам у себя под стражей / Пер. Юрьева // *Артист.* 1900. № 15, 16, 17. Об устойчивом интересе Ремизова к творчеству драматурга свидетельствует его письмо В. Г. Тучапской 1902 г.: «Страшно увлекаюсь Кальдероном, вышел теперь II том. Очарован жаркими красками и звуками этого поэта» (РГАЛИ, ф. 420, оп. 1, № 79, л. 14).

³ См. примеч. 11 к письму 16 и примеч. 6 к письму 17.

⁴ *Найденев Николай Александрович* (1834—1905) — финансист и предприниматель, многолетний глава Московского Биржевого Комитета, создатель и руководитель Московского Торгового банка, историк, дядя Ремизова, с которым последний имел значительное фамильное сходство. (О Н. А. Найденеве см.: *Иванова Л. В.* Общественное служение Н. А. Найденева // *Отечество.* Краеведческий альманах. М., 1994. С. 162—177). Прохладные отношения между дядей и племянником закончились разрывом после ареста и ссылки Ремизова в 1896 г. за участие в студенческом выступлении 18 ноября того же года. Н. А. Найденев — прототип героя романа «Пруд» Арсения Огорельшева. См. также воспоминания о нем в кн. Ремизова «Подстриженными глазами» (Париж, 1951. С. 155—159).

⁵ *Луначарский Анатолий Васильевич* (1875—1933) — критик, публицист, драматург, переводчик, член социал-демократической рабочей партии с 1895 г., знакомый Ремизова по вологодской ссылке, где находился в 1902—1904 гг. (См.: *Кохно И. П.* Вологодская ссылка Луначарского // А. В. Луначарский. Неизданные материалы. М., 1970. С. 603—619 (Литературное наследство; Т. 82)). Впоследствии Луначарский вспоминал Ремизова как одного из самых интересных людей среди ссыльных (см.: *Луначарский А. В.* Великий переворот: Октябрьская революция. Пб., 1919. Ч. 1. С. 24). О знакомстве с Луначарским (*Иверень.* С. 196—198). Речь идет о публ.: *Анатолий Анютин* [Луначарский А. В.]. Маленькие фантазии // *Русская мысль.* 1902. № 11. С. 48—53 (1-я пагинация).

⁶ См. примеч. 3 к письму 19.

⁷ *Поляков Сергей Александрович* (1874—1943) — меценат, литератор, владелец книгоиздательства «Скорпион» (1900—1916), печатавшего новейшую западноевропейскую литературу и книги русских символистов, пайщик семейного предприятия «Фабрично-товарищество Знаменской мануфактуры А. Я. Полякова». В издательстве «Скорпион» в 1901—1904, 1911 гг. вышли 5 выпусков альманаха «Северные цветы». О Полякове см.: *Гречишкин С. С.* Архив С. А. Полякова // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год.* Л., 1980. С. 3—22; *Брюсов В. Я.* Переписка с С. А. Поляковым / Вступит. ст. и коммент. Н. В. Котрелева; Публикация Н. В. Котрелева, Л. К. Кувановой и И. П. Якир // *Валерий Брюсов и его корреспонденты.* С. 5—136.

21

16 (29) ноября 1902.

16 н<ноября> 1902

Москва

Левое крыло Ковчега

Дорогой Павел Елисеевич.

Купил вчера кое-что, не знаю, обдули ли меня — только, уж прошу прощения у Бориса Викторовича, 13-и рублей нет у меня — «трахнул».

9 экземпляров «Вне жизни» теперь, наверное, получены. В «Курьере» говорили о высылке 10-и, я предполагал, что дело идет о трех, которые выслал, а потому больше и не высылал.

Видел вчера «Штокмана». Первые четыре акта произвели потрясающее впечатление; последний оказался бледным и неясным.

Конечно, вся драма идет только благодаря Станиславскому,¹ большому артисту, не сравнимому с прочими манекенами.

С Саблиным виделся мельком, пойду в понедел^ьник—вторник.

Сегодня иду в Симфоническое, билета не имею, «как что» не знаю пока, быть может и домой придется возвратиться, а очень уж любопытно: декламирует из «Манфреда» Шаляпин, да один музыкант на контрабасе Соло будет разыгрывать.

Варичка кланяется Вам

Над^ежда, Сер^гей

Ида Ф^едоровна — Б^орису В^икторовичу, В^ере Г^лебовне.

Поклоны

[роспись]

Напишите, не надо ли передать, спросить, узнать чего.

Телеграммы ответной все еще не получаю (завтра будет неделя).

Если увидите мою хозяйку, успокойте ее — приеду скоро

[роспись]

¹ Пьеса Г. Ибсена «Враг народа» (1882) — шла в Московском Художественном театре под названием «Доктор Штокман» (пост. 1900 г.). Главную роль играл К. С. Станиславский.

22

17 (30) ноября 1902.

17 ноября 1902

Москва

Левое крыло Ковчега

Дорогой Павел Елисеевич

посылаю повестку, за квартиру Деньгиной следует уплатить 20 н^ояб^ря — 8 руб., можно сделать это через хозяйку Сер^гея Павл^овича.

В прошлом письме писал — 13 р. истратил на разные разности, уж очень дорого с меня взяли у Брика (Брик — это вроде Жака, а не Жак).

Вчера был на Симфон^ическом собр^ании, слушал Шаляпина, уж очень хорошо пропел «Менестрель» Аренского с Арфой — (стих^отворение Майкова).

Молчите проклятые звуки!¹ Кричит обезумевший король, а разбитые струны где-то поют, где-то поют

Молчите проклятые звуки!

Пел и еще некоторые романсы, больше картинные, красивые, но мало вонзающиеся в сердце. Сегодня иду на выставку «Мир^а Искусства».² Знаете П^авел Е^лисеевич, Вяльцеву не хочется слушать, а может быть и пойду.

В среду пойду к Брюсову, поехал в Пет<ербург> узнать о «Нов<ом> Пути».³

Горький — в Петерб<урге>.

Про Толст<ого> Л. Н. и Бунина не знаю. Не хочется мне ходить по литераторам, глупо себя чувствуешь, о себе говорить — язык не поворачивается, о них — стесняюсь... У Брюсова увижу «Скорпион», игры много, «хомутаются», это гг. Семеновы.

Нашел еще комедию Кальдерона «Невидимка» (La dama duende) перев<одчик> не обозначен. «Арт<ист>» 94 г. № 39.

Жена Брюсова говорит, «что Валерий не дает своих книг».

Да, чтение «Манфреда» отложено на 15 дек<а>б<ря>.

П<авел> Е<лисеевич>, в виду растряски капиталов, как думаете, можно на некот<орые> книги устроить налог<енный> платеж Аг<гею> Гор<дому>?

Письмо прервал, слушал Серг<гея>, вот бы в Вологду затащить его.

Поклон Б<орису> В<икторовичу> В<ере> Г<лебовне>

АР.

Ид<а> С<ергей> Вар<вара> Над<ежда> кланяются

¹ Цитата из стих. Ап. Майкова «Менестрель» (1869).

² Выставка картин журнала «Мир искусства» открылась в Москве в доме Грачева на углу Петровки и Столешникова переулкa 15 ноября 1902 г. и продолжалась до 1 января 1903 г.

³ Брюсов являлся секретарем редакции до конца 1902 г., на подготовительной стадии создания журнала «Новый Путь». См.: Валерий Брюсов и «Новый Путь» / Публ. Д. Максимова // Литературное наследство. М., 1937. Т. 27—28. С. 276—298; *Корецкая И. В.* «Новый путь». «Вопросы жизни». С. 181. См. также отражение этого эпизода в воспоминаниях Ремизова: «Потом Брюсов о новом журнале Мережковских *Новый Путь*, где он будет принимать участие и завтра едет в Петербург» (*Иверень*. С. 235).

23

18 ноября (1 декабря) 1902.

<Открытое письмо>

Москва

18 н<оя>б<ря> 1902

Ковчег Лев<ое> крыло

Поклоны Вар<вары> Федоровн<ы>, Н<адежды> Ф<едоровны>, С<ергея>, И<ды> Ф<едоровны>.

Дорогой Павел Елисеевич, вчера пришел ответ (шел неделю): оставлен конч<ая> 21 н<оя>б<ря>, 25 буду вечером у Вас, скажите хозяйке, чтобы пожарче истопила. Был вчера на выставке «М<ира> Иск<усства>», возвратился весь переполненный образом Врубелевского Демона (нов<ая> карт<ина>,¹ у него есть и другой демон). Оригинально задумана картина, нос-то у демона курносватый и цветы «первозданые» в головах и у ног, а там, перед ним, не то

утро в тумане, не то закат тлеющий. Вечером отказался о<т> «Петергофа» и «Зол<отого> якор<я>»,² не мог. —

А. Р.

Поклон Б<орису> В<икторовичу> В<ере> Г<лебовне> Тане
Вите³

(Джинжер⁴ — нескольких сортов, пробовал в 4 руб., куда — нам!)

¹ Ошибка Ремизова. Имеется в виду не «новая» картина М. Врубеля «Демон поверженный» (1902), а «Демон сидящий» (1890), также экспонировавшаяся на выставке «Мира Искусства» 1902 г. См. описание далее в письме именно этой картины. Также о ней см. в воспоминаниях Ремизова о своей поездке в Москву: «Врубель со своим Демоном — на Б. Дмитровке все видели эти разбухшие утренней зарей самоцветы и из пурпурных гребней глядит безумная ночь демонских глаз» (*Иверень*. С. 223).

² Московские рестораны «Петергоф» (Моховая ул.) и «Золотой якорь» (Б. Ивановская ул.).

³ Сбоку от имен детей — рисунок «козы».

⁴ Джинжер — имбирное пиво.

24

20 ноября (3 декабря) 1902.

20 н<оя>б<ря> 1902

Москва

Ковчег Лев<ое> крыло (художественное)

Дорогой Павел Елисеевич.

Слушал вчера Вяльцеву (Цыганск<ие> песни в лицах). В антракте шел по фойе за толпой, серой, гнусавой толпой и все думал о тайне г-жи Вяльцевой.

«Звуки крови!» — Тоненькая обыкновенная женщина с манерами разыгравшейся горничной,¹ страшно обрадованная, что кто-то очень большой и важный и на нее «обратили» внимание.

— «Доля моя горемычная» — грустить, а где-то за этим темным тоном радость светится: «Господи, как хорошо, все-то смотрят, бриллианты на мне — ни у кого таких нет, — вот меня слушают». — Радость жизни.

— Ой Москва, Москва—Моск<ва>, золотая голова! — и по-неслась, поплыла, скрылась.

Попробовал вчера «Cr<éme> de Mandarines»
«de l'Isle Martinique»^a

Да-да.

Привезу.

Умеет петь, то что знает, новое — ужас! — никакой фразировки «Одно прости» и т. д. — что-то невероятно тусклое, в особенности после исполнения Давыдова. Много пошлости, подделки — «Слу-

^a Марки вина.

шайте меня я [Ва] пропою вам и понравлюсь, буду такой же, как вы, да ведь и на самом деле я такая, слушайте „Звуки крови“ — смотришь и видишь тоненькую женщину, да, пожалуй и не женщину, а несформированную девочку безгрудую, чахоточную.

«Декаданс!» — зеркальное фойе, расписанный зрительный зал, картины — «открытки» — «Декаданс» —

Цены очень дорогие, 14 р. — 2.80.

Приехал домой 1/2 11-ого, танцев некаких не смотрел.

Сегодня куплю стихотворения Роденбаха «Царство молчания».²

Скоро увидимся
Поклоны

[роспись]

¹ Ср. воспоминания Н. Д. Телешова: «Вяльцева Анастасия Дмитриевна, самородок, девушка из бедной крестьянской семьи, работница по вышивальным мастерским, служившая прислугой и горничной и в то же время усердно работавшая над своим чудесным голосом. И вдруг случайный успех пения открыл ей путь на широкую дорогу, и ее имя внезапно заблестало среди исполнителей народных песен» (Телешов Н. Д. Записки писателя. М., 1966. С. 304).

² Роденбах Ж. Царство молчания. Избр. стихотворения / Пер. [и предисл.] С. Головачевского. М., 1903.

25

9 (22) января 1903.

9 января 1903

Вологда

Дорогой Павел Елисевиц,

Сегодня получил Ваше письмо от 6 сего месяца, очень благодарен за сведения.

Бунину напишу,¹ пусть в двух хотя словах даст ответ о «Колыбельной песне» и «Севенных цветах».² Написал «Скандальников», прилагаю к письму. Что скажете, если попробовать предложить Перцову³ напечатать в таком виде:

На этапе

1. (Распутница)
2. (Черти)
3. (Скандальники)
4. (Эпитафия).

«Эпитафию»⁴ поотделаю и очень скоро Вам вышлю. Если надо, в таком порядке вышло прямо в Редакцию. Следует, пожалуй, изменить в «Распутнице» ([пойду] Домой, думаю пора. — словом убираться).

Анна Яковлевна⁵ болеет и читает «Номо sapiens», Серафима Павловна⁶ кланяется, поуспокоилась. Целыми днями сижу и образование добываю по Вегнеру.⁷

Всего хорошего.

А. Ремизов.

¹ См. примеч. 2 к письму 19.

² Ремизов А. Северные цветы // Северные цветы. 1903. № 3.

³ Перцов Петр Петрович (1868—1947) — публицист, критик, официальный издатель журнала «Новый путь». Цикл Ремизова «На этапе. Эскизы» опублик. в составе: «1. В вагоне. 2. Тараканий пастух. 3. Черти. 4. Скандальники. 5. Заутрени» (Новый путь. 1903. № 3).

⁴ См. письмо П. П. Перцова Ремизову от 10 февраля 1903 г.: «„Эпитафия“ пока осталась, она не вяжется с теми тремя. А отрывки из „Плена“ мы все же думаем поместить: они же дают цельное впечатление. Щеголева давно не видел» (РНБ, ф. 634, № 249, л. 16). См.: Ремизов А. Эпитафия // Северные цветы. 1903. № 3.

⁵ Сегаль Анна Яковлевна — жена вологодского знакомого Ремизова — Соломона Леонтьевича Сегалья, в часовом магазине которого Ремизов вел бухгалтерию. См. письма Ремизова к С. Л. Сегалю 1903—1904 гг. (ГЛМ, ОФ 6453/1-14, ф. 156).

⁶ Ремизова (урожд. Довгелло) Серафима Павловна (1875—1943) — выпускница Высших Женских курсов в Петербурге, слушательница Женского медицинского института, сосланный в Вологодскую губернию с 1900 г. на 3 года по делу петербургской «группы социалистов-революционеров» (см.: ГАРФ, ДП, ф. 102 ДЗ. 1904, № 3042, л. 25—28 об.). Ремизов встретился с ней в 1902 г. в Устьсысольске (Книга записей С. П. Ремизовой-Довгелло. III. С. 46 — Собрание Резниковых, Париж). После перевода Серафимы Павловны в Вологду их знакомство продолжилось и завершилось свадьбой (Херсон, 27 июля 1903 г.).

⁷ Имеются в виду книги В. Вегнера «Рим. История и культура римского народа для любителей классической древности и для самообразования» (СПб.; М., 1902; 3-е изд. Т. 1—2), «Эллада. Очерки и картины древней Греции. Для любителей классической древности и для самообразования» (СПб.; М., 1901. 4-е изд.).

15 (28) января 1903.

15 января 1903
Вологда

Дорогой Павел Елисеевич, в первом часу ночи получил вчера Вашу телеграмму;¹ сегодня отсылаю I отдел (ст<ихи> 5—39).

Перевод не считаю готовым; к 1 февралю (как писали Вы) вознамерился я представить Вам ст<ихов> около 200-и отделанных и чисто переписанных, хотел уж заспеть и не ударить лицом в грязь, а теперь очень меня удручает мой перевод.

Прислали мне старое издание, думал сверяться с ним, проверять имена и сомнительные места, чтобы не биться понапрасно над какой-нибудь строчкой.

От Филиппова² получил письмо; пишет 20 р. за 16 стр. печатных или 16 р. и право собственн<ости> на издание мое, оттисков 20; согласился на первое.

Больше ни от куда не получал ничего. Брюсову³ написал об отсылке рукописи на имя А. К. Бороздина.

Написал еще раз Бунину⁴ с маркой; у него лежат «Сев<ерные> цветы» и «Жолыб<ельная> песня».

Очень понравилась мне «Драма жизни» Гамсуна; хороши массовые сцены, и музыкальности очень много, точно симфония с тяжелыми ударами Тю. Эффекту тоже много: музыка и удары молотками и т. д.

Что это все на возмездие пошло, и «Золот<ое> Руно» и драма жизни одной партии.⁵

Аггиевский колорит и Нанна Ивановна где-то тут выглядываются. Кланяются они Вам, у всех болезни разные, никуда не выходят. Соломон — лежит с двумя чирьями на пупке и в ухе, серьезно, доктора призывали.

А <нна> Я <ковлевна> в заботах о платежах, хотя страшно <го> теперь ничего не предвидится. Кланяется С <ерафима> П <авловна>.

А. Ремизов.

¹ Телеграмма Щеголева не сохранилась. Не ясно, о каком стихотворном переводе идет речь.

² См. письмо редактора журнала «Научное обозрение» (СПб., 1894—1903) М. М. Филиппова от 27 декабря 1902 г.: «Уважаемый Алексей Михайлович! Поместить Иеруз<алема> целиком невозможно по недостатку места. Могу поместить 2-ую часть, представляющую самостоя<ельный> интерес, озаглавив „Очерки по теории познания“ или т. п.» (РНБ, ф. 634, № 249, л. 5).

³ Текст письма Ремизова Брюсову от 13 января и комментариев к обстоятельствам отсылки рукописи «В плену» см.: Брюсов В. Я. Переписка с А. М. Ремизовым. С. 152.

⁴ По просьбе Ремизова. И. Новик сообщил ему адрес Бунина в письме от 6 декабря 1902 г. (РНБ, ф. 634, № 239, л. 8).

⁵ Возможно, глухой намек на конфликт, разгоравшийся внутри вологодской колонии ссыльных. См. письмо Н. К. Мукалова Щеголеву от 2 ноября 1902 г.: «Хорошо хоть то, что Вам удалось вернуться в Вологду. Я уверен, что Вы и Савинковы живете в стороне от колониальной жизни, а В<ера> Г<ригорьевна> как-то не убереглась и попала в самый центр, судя по письмам. Кое-что я знаю о других цветах этого рода и воображаю до чего все доходит. <...> Право лучше быть в таком одиночестве, хоть в таком, как я нахожусь теперь, чем попадать в колонию» (РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 4, № 1275, л. 2).

27

19 января (1 февраля) 1903.

19 ян<варя> 1903.

Вологда

Дорогой Павел Елисеевич, с новорожденным!¹ подношу ему пирог; говорят, вино все вышло, с Вашего отъезда ни маковой росинки, встосковался, а денег ни у кого нет, что получают — отдают. Страсть хочется выпить. Посылаю «Демона»;² последние листы такой бумаги, придется к старой перейти, да и туши больше уж нет. Ни от кого из литераторов никаких ответов не получаю. Умер Алипов. «Бибка» будет напечатан в каком-то латышском журнале.³ Сразу как-то очень много тем открылось, голова за голову зашла, сяду писать, начну одно, брошу, за другое примусь, опять брошу и в заключении сижу так в страшной тревоге. Еще несколько дней, поуляжется, сегодня уж не то, выпался. Сидел до 4—5 ч<асов> ночи. Загорелось переводить и Стрин<д>берга и Шлаффа⁴ и Фора⁵ и, Бог знает, кого. Аггею рекомендую перевести «Ад» Стрин<д>берга.⁶ Нельзя ли Эггиду⁷ напечатать что-нибудь из своих рассказов в его же переводе. Пишет, по-русски теперь он может.

Прочитал «Homo sapiens». Третья часть очень напоминает «Бесов». Описание страданий «Изы» похоже на заключительные часы Анны Карениной, когда она едет на вокзал. Так истерзал меня этот «Homo sapiens» захотелось туманного и грезящего. Взял «Царство молчания» и отдышал

«Да, комнаты полны мечтаньем сокровенным
Прекраснее, чем жизнь движеньем неизменным...»⁸

Томят меня написанные стихотворения, разрозненные и неоконченные, думаю объединить под общим заглавием «Вереницы дней». Так «Плен»⁹ и тут застрял, не везет ему; если бы издать в «Скорпионе»; не пишет Брюсов, как он смотрит на него; или в «Сев<ерных> цветах» 1903. Скажите, что сделали с стихотворением «После зноя желаний» нельзя ли в

«Новый путь?»

Вместе с «Колыбель<ной> песней»

Выписал Шелли I т.,¹⁰ Стрин<д>берга «В пучинах»,¹¹ Шницлера I т.¹²

Всего Вам хорошего

Сказывала Вал<ентина> Ан<дреевна> о Ваших про-
ектах литературных, успевайте и приезжайте

А. Ремизов

«Сев<ерные> цветы»¹³ не попробовать ли послать в «Сев<ерные> цветы» 1903.

¹ Имеется в виду сын Щеголева, Павел Павлович (1903—1936) — филолог, профессор Ленинградского университета. (О нем см.: *Лурье Ф. Щеголев и его библиотека // Аврора. 1988. № 7. С. 91—93*).

² Стихотворение в прозе «Демон (К картине Врубеля)» не было напечатано при жизни писателя. Опубликовано А. В. Лавровым по беловому автографу Ремизова из архива П. Е. Щеголева (РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 2, № 69, л. 1—3); *Брюсов В. Я. Переписка с А. М. Ремизовым. С. 142—143*.

³ *Mehnefchrafts. 1903. № 5*.

⁴ Ремизов перевел пьесу А. Стриндберга «Барышня Юлия» (цензурный экз. — автограф рукой неустановленного лица, обложка и список действующих лиц — рукой А. Ремизова, дозволено к представлению в 1906 г. Петербургская театральная библиотека, № 57558) и пьесу И. Шляфа «Вейганд» (автограф Ремизова — Петербургская театральная библиотека, № 66191; цензурный экземпляр; дозволено к представлению в 1906 г.).

⁵ Возможно, имеется в виду французский писатель Поль Фор (1872—1960). Переводы Ремизовым произведений Фора неизвестны.

⁶ Замысел не был осуществлен.

⁷ *Эглит (Эглитис) Виктор (1877—1945)* — латышский писатель, в ранний период своего творчества находился под влиянием русского символизма, знакомый Ремизова со времен пензенской ссылки. Их дружеские отношения и переписка продолжались до конца 30-х гг. Эглит способствовал переводу произведений писателя на латышский язык, а также сделал супругов Ремизовых прототипами персонажей своего романа «Неотвратимые судьбы» (*Eglits V. Ntroversamie likteni. Riga, 1926*). См.: *Vavere V., Sproge L. Aleksejs Remizovs un latviesu rakstnieki // Latvijas Zinatnu akademijas vestis. A Dala. 1996. S. 50, № 4/5. Lpp. 22—28*. См. также: *Спроге Л., Вавере В. А. М. Ремизов в Латвии: русский писатель в жизни и творчестве Викторса Эглитиса // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Вып. 2 (в печати)*.

⁸ Цитата из стих. Ж. Роденбаха «Жизнь комнат» (*Роденбах Ж. Царство молчания. С. 4*).

⁹ См. письмо Щеголева Брюсову от 9 января 1903 г.: «Если Вы уже прочли „В плену“ А. М. Ремизова или когда Вы прочтете, будьте добры переслать ее мне в СПб <...> Я отдам эту вещь на прочтение Мережковским. Вкратце сообщите свое мнение мне, а в подробности самому Ремизову» (*Брюсов В. Я. Переписка с П. Е. Щеголевым / Вступ. ст. Е. Ю. Литвин, С. А. Фомичева; Публ. и коммент. Л. К. Кувановой и Е. Ю. Литвин // Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. С. 227*). Также см. письмо Щеголева Брюсову от 19 февраля 1903 г. (Там же. С. 228). Подробнее историю попыток публикации «В плену», «Вереницы дней», «После зноя желаний» см.: *Брюсов В. Я. Переписка с А. М. Ремизовым. С. 151—152, 154—155*. Там же впервые опубликованы тексты «После зноя желаний», «Вереницы дней» (с. 155—157). Первоначальная редакция «В плену» не была опубликована (ее белой автограф — РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 2, № 68).

¹⁰ *Шелли П. Б. Полное собрание сочинений: В 3-х тт. // В пер. и с предисл. К. Д. Бальмонта. СПб., 1903. Т. 1.*

¹¹ *Стриндберг А. В пучинах / Пер. В. Фирсова. СПб., 1898.*

¹² *Шницлер А. Полное собрание сочинений: В 9-ти тт. / Изд. и ред. В. М. Саблина. М., 1903. Т. 1.*

¹³ См. примеч. 2 к письму 25.

28

7 (20) февраля 1903.

7 фев<раля> 1903.
Вологда

Дорогой Павел Елисеевич, во кои-то веки раз — и очень, очень обрадовался!

Объясняю свои погрешности: (Перцов — отрывки «Плена») ¹ — думал, пусть себе печатает, хоть два, а то и совсем ничего не попадет в книги, очень уж он истомил меня, сами знаете, два года под каким-то кошмаром, в зубах навязло.

Если так нельзя делать, откажите Перцову, а мне что? — написать ему или не надо? «Сороку» уничтожайте; пусть будут «часы и дни»; «звуки, вливаясь в окно, веткою розы жмутся к душе» — верно, что-то неповоротливое, а когда писал, звуки песни проносились в образе чего-то приятного и вместе с тем царапающего — ветка розы благоухает цветками и мучается шипами. Не могу отделаться от этого образа, в случае — совсем отбросьте эту фразу.

«Эпитафию» послал вместе с письмом. Не на Ваш адрес потому, что она Вам известна, само собой смягчил. Перцов уж очень просил «тотчас же» (справьтесь, будет ли напечатана).

В «Демоне» — неисправимая безграмотность моя: написал «ищите звонких ключей в камнях стальных» и т. д., а надо ИЩЕТЕ, если можно исправьте или сами догадаются в случае печатания. Ни «Нов<ый> Путь», ни «Мир Ис<кусства>» еще не получил. Павел Елисеевич, а где «После зноя желаний» не послать ли Брюсову для «С<еверных> цв<етов>»? Скажите, какой отрывок о карт<ине> Врубеля у Андреева, Вы писали, оставили только «Демона». Если не затруднит, пришли и № 1 «Н<аучного> Обоз<рения>». Условия в «Н<аучном> Обозрен<ии>»: с листа крупн<ого> шрифта (16 ст.) — 16 р., если право собственности за мной или 20 р., если

за Филипповым, согласился на последнее. Спросите его, что намерен делать с 1-ой частью Иерусалема.²

Насчет авансов, хотелось бы сразу отовсюду побольше, чтобы расплатиться с долгами. Получить непрочь во всякое время.

Перцову сегодня напишу напишу также,
чтобы отрывки не печатали
и что к нему зайдете
Вы и объясните

Филиппов написал, «платеж тотчас по печатании». А <нна> Я <ковлевна> даже не намекала о долге и часах, — это я от себя сказал Вам, почему-то уверен твердо, что в Вологду Вы не вернетесь.

О часах говорил с Б <орисом> В <икторовичем>, % уплачиваются. Вал <ентина> Ан <древна> передала мне для передачи С <ерафиме> П <авловне> — 30 р., — передал (какова фразка вышла?)³

Вал <ентина> Ан <древна> хворала, теперь оправилась, в субботу едим блины с «икоркой».

«Поэтику»⁴ вышлю очень в скором времени. Пришлю несколько простых стихотворений в прозе, попробуйте в «Журнал для всех». Бышлите наложен <ным> платежом на Ан <ну> Яков <левну> Сказку «Василиса Прекрасная»⁵ — только что вышла в экспедиции заготов <ления> госуд <арственных> бум <аг>.

Интересно почитать Шестова: 1) «Ницше и Достоевский»
2) «Шекспир и его критик Брандес»⁶

Если удастся достать даром, пришлите, а то валите на Оооога, не сразу, сначала 1-ую, потом 2-ую.

Писательное настроение, сижу, не слезая со стула, обрабатываю старое, напевая этюд «Опьяняющая жажда»⁷ и начал описание детства под заглавием «Беспутные»,⁸ рисуются передо мной целые жизни с рождения до гроба.

Вычерчивается хроника «Мося».⁹

Живу гораздо замкнутее, но ненадолго вижу Ан <ну> Як <овлевну>, Ога, Солю, захожу к Вал <ентине> Ан <древне>, забегает Б <орис> В <икторович>.

У С <ерафимы> П <авловны> болит горло, очень о Вас соскучилась, говорит, что больше всех. Насколько могу судить, чувствует себя гораздо лучше, не так расстраивается.

Обеды кончились.

С В <ерой> Г <лебовной> и Б <орисом> В <икторовичем> разошлись, не ссорясь, напротив, очень приветливо.¹⁰

Б <орис> В <икторович> поглощен своим литературством, написал новое произведение в модернистском стиле, где фигурируют излюбленные им «она» и «он».

На Вас досадует «изменил, говорит, Павел, уходит».

Растолкуйте ему, что нет тут измены, впрочем не знаю, когда он говорит мне о моем [декадентстве] декадансе душевном, молчу, что буду говорить и зачем.

Пусть так.

Был у них один раз, испивали «какао шува».

Б <орис> В <икторович> — поспешный человек и срывчатый, [очень еще неуклался], мучает и пытается и путает себя.

Нуансы не передашь как и что происходит.

Всего вам хорошего,
держите экзамен, не ленитесь

А. Ремизов.

Кланяет<ся> Ог<е>, А<нна> Я<ковлевна>, О. Антон <?>, который задумался теперь над изобретением такого света, чтоб электричество померкло.

Больше перевода нет, как получил Вашу телеграмму, так тотчас же сложил и засвистал, точно гора с плеч.¹¹

¹ См. примеч. 9 к письму 27.

² См. примеч. 2 к письму 26.

³ См. ответное <февраль 1903> письмо С. П. Довгелло, отражающее назревание конфликта, связанного с ее намерением отойти от революционного движения, и, в связи с этим, потребность в моральной поддержке Щеголева: «Дорогой, дорогой Павел Елисеевич! Завтра посылаю Вам подарок — серебряную ручку! Вспомнила, что у Вас есть серебряный ножик и карандаш, и захотелось, чтобы и ручка была такая же. Скучаю я без Вас крепко. Сегодня странный сон снился, будто Вас забрасывают комьями грязи; у меня сердце так крепко сжалось, и я и А<лексей> М<ихайлович> подошли к Вам, и в нас тоже стали бросать грязью. Да, если есть на свете хорошие отношения, так это такие, как у меня к Вам и к А<лексею> М<ихайловичу> — т. е. я к Вам обоим целиком отношусь бесповоротно так, что всегда буду думать о вас, тревожиться, словом, будто родные. Слышала я, что Вы к нам сюда не приедете. За Вас я очень рада, но мне ужасно жалко, что я Вас не увижу или, если увижу, то очень не скоро. И посмотреть мне на Вас хочется, и поговорить с Вами вообще и в частности хочется, теперь я уже не нервничаю, потому что много хотела бы Вам всяких сомнений сказать, многое у Вас спросить. Напишите, приедете или нет? Хоть бы за вещами своими приехали. Напишите про Петербург, хотя какой теперь по внешности? Ведь я его страсть как люблю. В общих чертах о Тышке могу сказать, что это был человек бесконечно во всем сомневающийся, сильно страдающий, до метания ищущий себе дороги, при том совсем, совсем себя не жалеющий. Довольно этого? Еще прибавлю, что бываю люди простые и сложные, так он был сложный, впрочем это из предыдущих строк видно. Спасибо, что пристраиваете его рукописи, с меня точно большая тяжесть сваливается, это будто какой-то долг надо мной. Да, совсем было забыла Вас спросить. Какие это Вы мне деньги прислали, для чего? Не понимаю. Завтра с А<лексеем> М<ихайловичем> идем на блины к В<алентине> А<ндреевне>. Напишите мне, Павел Елисеевич, а то мне даже больно: всем пишете, а меня совсем забыли, а ведь я без Вас так крепко скучаю, как наверное почти никто. Ну, до свиданья. Всего, всего, всего Вам. С. Довгелло. // Перечитала письмо, — такое оно безалаберное, но ничего, ведь Вы не осудите. Правда?» (РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 4, № 799).

⁴ *Borinski C. Deutsche poetie*. См. примеч. 1 к письму 7.

⁵ *Василиса Прекрасная / Рис. И. Я. Билибина*. СПб., 1902.

⁶ *Шестов Л. Достоевский и Ницше*. (Философия трагедии). СПб., 1903; Шекспир и его критик Брандес. СПб., 1898.

⁷ Произведение с таким названием неизвестно.

⁸ Имеется в виду работа над романом «Пруд».

⁹ Возможно, это начало работы над повестью «Часы».

¹⁰ См. подсознательное воспроизведение атмосферы споров с Савинковым в записи сна Ремизова, зафиксированного в послании к С. П. Довгелло от 14 июля 1903 г.: «Б. В. Савинков с подвязанной салфеткой за столом, сосредоточенно на поданном блюде. „Помиримся, А. М., и забудем старое!“ — сказал он тем сладковатым тоном, каким взял за манеру говорить со мной в последнее время наших споров» (Ремизов А. На вечерней заре. I. С. 188). О причинах конфликта с Савинковым см. примеч. 3 к наст. письму.

¹¹ Очевидно, к этому письму относится находящаяся на отдельном клочке бумаги приписка: «Павел Елисеевич, „После зноя желаний“ отсылаю Брюсову, что делать с Буниным, у него „Колыб<ельная> песня“ и „Сев<ерные> цветы“, еще и еще раз писал

ему, не отвечает, быть может его в Москве нет. А. Р.». Об отсылке стих. «После зноя желаний» упомянуто в письме Ремизова Брюсову от 8 февраля (См.: *Брюсов В. Я. Переписка с А. М. Ремизовым.* С. 155).

29

22 февраля (7 марта) 1903.

22 фев<раля> 1903
Вологда

Дорогой Павел Елисеевич,
благодарю за «Василису Прекрасную».

С понедельника думаю показаться на свет Божий, хлопнула меня НЕЛЕГКАЯ, просидел больше недели безвыходно на верху своем, на «башне» гробовой. Приходил Аг<гей> вчера, «болящему» подающие из 2-х бутыл<ок> КОГНАКУ (так! — А. Г.) приносил, приходила Вал<ентина> Ан<дреевна> пастилы несла, приходил городской «пособие» выкладывал — заключил я все на все бутылкой Rederer'a «Et des repas des malades s'étendaient à tous les horizons!»¹

Насчет тех 30 р<у>б., что понапрасну С<ерафиме> П<авловне> были переданы, не беспокойтесь, она выписала такую же сумму и тотчас по получении вручит Б<орису> В<икторовичу> — Мой грех, мой грех!

Надо бы мне тщательнее повыспросить Вал<ентину> Ан<дреевну>, а я этого не сделал.

Послал Минскому² 7 переводов из Метерлинка («Serres chaudes») пишет он, надобны они для полного соб<рания> соч<инений> в приложении к «Звезде», а то «Н<овый> П<уть>», быть может, напечатает. Не знаю, понравятся ли, чувствую некоторые сомнительные места. Получил от Андреева «Кратк<ие> автобиограф<ические> указания»,³ нового против «из моей жизни» («Ж<урнал> д<ля> В<сех>») № 1 1903) очень мало, больше хронологические данные.

«Н<овый> П<уть>» № 1 и № 2 получил, прочитал все страницы, ничего такого не нашел, что бы «пачкало» (приблизительное мнение Б<ориса> В<икторовича>). Если насчет Мар<ьи> Алексев<ны>⁴ = Ник<олая> Конст<антиновича>, генерала Милюкова и «созвезд<ия> Больш<ого> Максима», где этого нет, везде грызня, только оригинально нужно: «Боль<шой> Макс<им>» это вот хорошо.

А что если «Рел<игиозно> Фил<ософское> собр<ание>»⁵ — что ж тут такого, игрище словесное, для Розанова комическое, для Минск<ого> и Мережков<ского> — драматич<еское>, для Тернавцева — балаган с матюгом (сужу по 4 собраниям).

Религиоз<но>-филос<офская> хроника для меня очень интересна: как люди «в духе» живут.

Послал письмо Философву,⁶ спрашиваю о судьбе «Демона», увидите его, повыспросите, да насчет получения «М<ира> Иск<усства>».

Послал неделю назад «Медведюшку» в «Н<овый> П<уть>»,⁷ он Вам знаком, послал для опыта, как к нему отнесутся. Жду ответа.⁸ Как и «Эпитафию», потому не через Вас, что это не новое и Вам знакомое, потом и слишком маленькое. Примут, не примут — беда не великая! Посылаю Вам НЕ ТО («Певец», «Вор», «Опера»),⁹ если найдете сносным, хватите куда знаете, в «Н<овый> П<уть>» едва ли примут, чересчур фелетонно.

Пишу главы к задуманному большому.

«Не то», как и «На этапе», знает свою эпитафию, прилагаю ее.

Напишу еще «Забыли» — тоже три отрывка с эпитафией.

[Ждем] Жду Вас, всего всего хорошего, успевайте.

А. Ремизов

«Кутьи Войсы»¹⁰ напечатаны на маслянице в «Северном Крае», вышло № .

Михеев сказал: для пьяных пьяное сойдет.

¹ «И трапезы больных, куда ни взглянешь» (фр.) — строка из стих. Метерлинка «Душа» из сборника «Теплицы» (перевод А. М. Ремизова). Цит. по изд.: *Метерлинка М.* Сочинения. В 2-х т. / В пер. Л. Вилькиной и др. СПб., 1907. Т. 1. С. 334.

² См. письмо Н. Минского Ремизову от 18 февраля 1903 г.: «Пришлите, пожалуйста, все переведенные Вами стихи Метерлинка. Хотите ли Вы, чтобы я передал их в редакцию «Нового пути»? Во всяком случае, они будут помещены в полном собрании сочинений Метерлинка, которое издается в переводе моей жены Л. Вилькиной (стихи же в переводах разных авторов) в книжках — премии к журналу „Звезда“» (РНБ, ф. 634, № 249, л. 39). Переводы стих. «Госпиталь», «Душа», «Стеклянные колпаки», «Теплица» опубликованы: *Метерлинка М.* Сочинения. СПб., 1903. Вып. 6. С. 142—146. См. также: *Брюсов В. Я.* Переписка с А. М. Ремизовым. С. 147.

³ См. февральское письмо 1903 г. Л. Андреева Ремизову (опубл.: *Грачева А.* Алексей Ремизов и Леонид Андреев. (Введение к теме). С. 45).

⁴ Ремизов использует ставшую крылатой фразу из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: «Ах! Боже мой! Что будет говорить княгиня Марья Алексеевна!» (Действ. 4. Явл. 15). Речь идет о прогнозируемой Савинковым отрицательной оценке опубликованных в журнале протоколов заседаний Религиозно-философских собраний со стороны авторитетного критика народнической ориентации Н. К. Михайловского (1842—1904), либерального профессора-историка и публициста П. Н. Милюкова (1859—1940) и писателей-реалистов, группировавшихся вокруг издательства «Знание» и своего лидера — Максима Горького. См. след. примеч.

⁵ Религиозно-философские собрания (Петербург, 1901—1903) были посвящены встречам деятелей Церкви с представителями «нового религиозного сознания». Членами Совета Собраний были: епископ Ямбургский Сергей (Страгородский) — пост. председатель; В. А. Тернавцев — чиновник Св. Синода, казначей Собраний; В. В. Розанов, Д. С. Мережковский, В. С. Миролобов. В двух номерах журнала «Новый путь» за 1903 г. были опубликованы Записки Религиозно-философских собраний, зафиксировавшие протоколы четырех заседаний (№ 1. С. 1—56; № 2. С. 1—111). Далее Ремизов перечисляет активных участников разгоревшейся полемики. *Розанов Василий Васильевич* (1856—1919) — философ, писатель, критик, публицист, близкий друг Ремизова. На основе подлинных писем Розанова к Ремизову создана книга Ремизова «Кукха. Розановы письма» (Берлин, 1923). *Минский (наст. фам. Виленкин) Николай Максимович* (1855—1937) — философ, поэт, драматург, критик, переводчик, один из основателей русского символизма. Один из членов-учредителей Религиозно-философских собраний. *Мережковский Дмитрий Сергеевич* (1865—1941) — философ, прозаик, поэт, критик, публицист, переводчик. Вместе с З. Н. Гиппиус стоял у истоков идеи организации РФС. *Тернавцев Валентин Александрович* (1866—1940) — писатель-богослов, с 1907 г. — чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода.

⁶ *Философов Дмитрий Владимирович* (1872—1940) — публицист и критик, руководитель литературного отдела журнала «Мир искусства». Высылал номера журнала Ре-

мизову в Вологду (*Иверень*. С. 249). В дальнейшем не входил в круг близких друзей Ремизова, но до своей смерти поддерживал с ним приятельные отношения. О дальнейшей судьбе стихотворения «Демон» см. примеч. 2 к письму 27.

⁷ Ремизов А. Медведюшка. Галин сон // Новый путь. 1903. № 6.

⁸ См. письмо П. Перцова Ремизову от 6 марта 1903 г.: «„Медведюшка“ может быть помещен, но хотелось бы поговорить с Вами о нем. В нем есть странная подробность: девочка заснула перед переездом на дачу — и далее, до самого конца, рассказ идет предположительно во сне. Между тем, он очень сложен, реален, и главное насколько не считается с этим предположением: так напр<имер> девочка в течение его опять засыпает и просыпается и т. п. Как с этим быть? Выходит какая-то не совсем удобная раздвоенность впечатления. М<ожет> б<ыть>, можно девочку заставить проснуться? Но ведь не на реальной же даче она играла с медведем, родившимся из звезды? И так, надо оставить «сон» до конца. Но тогда надо смягчить реализм, затуманить рисунок, и главное устранить сбившиеся подробности. А исправить рассказ совсем было бы жаль, п<отому> ч<то> в нем немало очень грациозных и свежих черточек. М<ожет> б<ыть> Вы найдете возможным все это устроить? — Шеголев говорил, что Вы в мае будете в Петербурге — м<ожет> б<ыть> тогда переговорим лично? Пришлите еще что-нибудь. — „На этапе“ уже отпечатано и книжка выйдет дней через 10 (держит цензура). Я позволил себе воспользоваться вашим разрешением и поставить отрывок „В вагоне“ первым в рассказе, а „Заутреню“ — последним. Таким образом общий порядок теперь такой: I. В вагоне II. Тараканий пастух (Я позволил себе изменить заглавие, дабы не смущать читателя) III. Черти IV. Скандальники V. Заутреня. Наше общее суждение, что таким образом впечатление стало определеннее и полнее. Только три рассказа давали бы слишком оборванное и незаконченное впечатление. Все вместе заняло все же меньше листа (14 стр.). Между тем взятые из „Плена“ отрывки, конечно, могут оставаться в полном тексте поэмы и их появлению в свет в связи со всем остальным ничто не препятствует. Будьте любезны ответить насчет „Медведюшки“» (РНБ, ф. 634, № 249, л. 15—15 об.).

⁹ Опуubl.: «Певец» — под загл. «Музыкант» (Наша жизнь. 1905, № 10); «Вор» — под загл. «Серебряные ложки» (Факелы. СПб., 1906. Кн. 1); «Опера» (Всемирный вестник. 1908. № 5).

¹⁰ Ремизов А. Кутьи-Войсы // Северный край. 1903. № 42, 14 февр.

30

5 (18) марта 1930.

5 марта 1903
Вологда

Дорогой Павел Елисеевич,

посылаю «Музыку»¹ немзыкальную, «Кутьи-войсы» Вы получили в письме В<еры> Г<ригорьевны>.

Если не приедете, пришлите на мое имя «Науч<ное> Обзор<ение>» № 1. (второй давно получил, но читать без первого невозможно).

От Ясинского² получил обратно «Бел<ые> ночи» «так как они, хотя он и сочувствует новой поэзии — чересчур своеобразны — и надо считаться со вкусами толпы».³

Минскому переводы Метерлинка (7 стих<отворений>) «очень понравились», но «Н<овый> Пут<ь>» не напечатает «чтобы не дать критикам слишком зоркую мишень для нападения».⁴

Напечатают в осен<нем> приложении к «Звезде».

От Перцова насчет «Медведюшки» ни слова.⁵ От Брюсова относительно стихотворений в «Сев<ерные> Цветы» тоже.⁶

Послал в «Курьер» рассказ «На новый год»⁷ из Устьсысольской жизни.

Думаю, если станут печатать, все устьсысольские посылать в «Курьер» ввиду их взаимной связи,⁸ а потом обработать в целое.

Будете в Москве, спросите Андреева как и что, да насчет гонорара упомяните, нельзя по 5 к. — грешно, ведь я переписываю, сами знаете, по десятку раз.

Посылаю в «Сев<ерный> Край» стихотворения, выбираю самые примитивные, получаю гонорары бумагой (№№-ами), за «Кут<ьи> Вой<сы>» — 1 р., за «Музыку» — 75 к. (5 к. — строчка).

Старается об этом Ив<ан> Плат<онович> [Каляев].⁹

С Вал<ентиной> Ан<дreeвной> посылаю Веселовского.¹⁰

Всего хорошего

А. Ремизов

Не поймаете где-нибудь Д. Е. Жуковского¹¹ или его секретаря и не узнаете ли о Леклере, забыли, должно быть.

Н. А. Б<ердяев> пишет, что ему ничего не пишут. Да, спросите Философова, что станется с «Демоном»

А. Ремизов.

¹ Опубл.: Северный Край. 1903. № 56, 2 марта.

² Ясинский Иероним Иеронимович (псевд.: Максим Белинский, 1850—1931) — беллетрист, публицист, критик, редактировал журнал «Ежемесячные сочинения» (1900—1903), где при посредстве В. Я. Брюсова Ремизов хотел опубликовать свои произведения (см.: Брюсов В. Я. Переписка с А. М. Ремизовым. С. 155).

³ Слова Ясинского — прямая цитата из письма секретаря журнала «Ежемесячные сочинения» К. Степанова от 24 февраля 1903 г. (РНБ, ф. 634, № 249, л. 34).

⁴ Цитаты из письма Н. Минского от 1 марта 1903 г. (РНБ, ф. 634, № 249, л. 38—39).

⁵ См. примеч. 8 к письму 29.

⁶ См. примеч. 9 к письму 27.

⁷ См. письмо секретаря редакции «Курьера» И. Д. Новика Ремизову от 23 октября 1903 г.: «Из Ваших вещей у меня (одно слово нрзб. — А. Г.) только: „В новый год“, которая может пойти только в Новый год» (РНБ, ф. 634, оп. 1, № 249, л. 22). Рассказ был опубл. под загл. «Новый Год» (Перевал. 1907. № 3).

⁸ Подробнее о отношении редакции газ. «Курьер» к рассказам Ремизова см.: Грачева А. Алексей Ремизов и Леонид Андреев. (Введение к теме). С. 46—47.

⁹ Каляев Иван Платонович (1877—1905) — участник революционного движения, в 1902 г. был административно выслан в Ярославль, где работал корректором в газ. «Северный край». Писал стихи, занимался переводами с польского. Из Ярославля приезжал в Вологду к Б. В. Савинкову, своему другу со времен варшавской гимназии, и там познакомился с Ремизовым. (См.: Савинков-Ропшин Б. В. И. П. Каляев // Нива. 1917. № 41—43. С. 643—653). Каляев способствовал публикации произведений Ремизова в «Северном крае». Вместе они перевели стих. Ст. Шибышевского «Тоска» (опубл.: Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. П. Альберга Енсена и П. У. Меллера. С. 79—80). В июне 1903 г. Каляев бежал с Савинковым за границу, стал активным членом Боевой организации партии социалистов-революционеров. 4 февраля 1905 г. он убит бомбой вел. князя Сергея Александровича, за что был повешен в Шлиссельбургской крепости, где и был похоронен. В 1905 г. Ремизов с женой совершили паломничество на могилу Каляева. Впечатления от этого посещения легли в основу рассказа «Крепость» (Адская почта.

1906. № 6). Воспоминания о знакомстве с Каляевым использованы Ремизовым в книге «Иверень» (с. 199—201).

¹⁰ О какой книге А. Н. Веселовского идет речь — неясно.

¹¹ Жуковский Дмитрий Евгеньевич (1868—1943) — официальный редактор журнала «Вопросы жизни», переводчик и издатель философской литературы. Речь идет об изд.: Леклер А. К монистической гносеологии / Пер. с нем. А. Ремизова. СПб., 1904. 66 с. См. письмо Жуковского, полученное Ремизовым 16 мая: «Мне очень совестно перед Вами. Дело в том, что я до сих пор не напечатал сделанного Вами перевода. Я забыл также, сколько я Вам за него должен и сколько выслал Вам. Сейчас уезжаю из Петербурга. В июне (конце) буду снова на короткое время в Питере. Если Вам нужны деньги сейчас, напишите мне в Крым Ялтинский уезд Гурзуф Ник. Ник. Бекетову для передачи мне. Я Вам немедленно вышло что следует» (РНБ, ф. 634, № 249, л. 33).

31

24 марта (6 апреля) 1903.

П. Е. Щеголеву>

24 марта 1903.
Вологда

Недоумевал.

Вихрь темных, змеистых
волн-догадок¹ хлестал по
сердцу.

Не признаю за собой ни сводни,
ни лжесвидетеля, ни шпиона.

Искренно, по правде, с любовью
относился к Вам, Павел
Елисеевич.

«Не стоит затевать разгово-
ра» и «быть может
скользнула мысль» подсказаны
не трусостью: празднословно
«затевать», а второе —
психология

Разговор [за] через два-три
месяца о скелетной психо-
логии в гипотетически
реальных условиях, без
всякой мысли об утвер-
ждении, бесконечно далеко
от факта.....

Один бледнеет, у другого
руки чешутся, третий (Вы)
молча плюет.

Быть может, была с
моей стороны оплошка.
С людьми поменьше жить,
поповерхностнее — вот
что думаю о себе

А где же та свобода, о которой ведь вместе нелестно мы говорили!
Пишу Вам, чтобы закончить всякое препирательство.
«Пусть будет так, как быть должно».
Гиппиус² не просите; относительно разных «Демонов», «Не то» и «Пятна» по Вашему усмотрению.
Бесконечно благодарен навсегда останусь за Ваш приют и за то, что были исключением — не копытили.
Думаю, по земле Вы роднее мне, когда не напускаете на себя чужого Вам.

А. Р.

¹ Вероятно, это ответ на несохранившееся письмо Щеголева, в котором тот в резкой форме осуждал поведение Ремизова в конфликте с колонией ссыльных и, прежде всего с Б. В. Савиновым, по поводу судьбы С. П. Довгелло. См. вступ. статью к настоящей публикации. Отдельные фактические и психологические реалии этого конфликта отражены в романе «Пруд». Его история в мифологическом, искаженном виде стала частью биографической легенды четы Ремизовых. См., например, ее отражение в мемуарах З. Шаховской «Отражения»: «Ходили слухи об их браке, проверить их теперь трудно, будто бы оба, сосланные царским правительством чуть ли не в Вятку, где молодые революционеры жили коммуной, встретились там. Серафима Павловна была тогда русской могучей красавицей, бело-розовой, полной, голубоглазой и царственной. Окруженная поклонниками, она на вихрастого заморыша Ремизова не только не смотрела, но даже чувствовала к нему антипатию. Случилось, что у кого-то из коммуны украли часы. Серафима Павловна сразу решила: „Это Ремизов! — одиночка“». Ремизову объявили бойкот, а затем истинный вор был обнаружен, и тогда будто бы в порыве чисто русском Серафима Павловна предложила в виде репарации неправомерно обиженному Ремизову стать его женой» (*Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 125*). Глухой отзвук конфликта присутствует в главе о знакомстве с Серафимой Павловной в книге Ремизова «В розовом блеске»: «Я сидя в своей кикиморной норе, с кличкой „декадент“, за самый короткий срок превратился из Ремизова конокрада, золотопромышленника и повара в Басаврюка Подстрекозова. Как-то к разговору о жизни ссыльных, Горький рассказал мне обо мне такие истории, в пору Вечерам Гоголя: и волшебство и безобразия» (*Ремизов А. В розовом блеске. М., 1990. С. 634*). Примечательно также намеренное умолчание об этой истории в книге «Иверень».

² *Гиппиус (в замужестве Мережковская) Зинаида Николаевна (1869—1945)* — поэт, прозаик, критик. С середины 1900-х до начала 20-х гг. — близкая подруга С. П. Ремизовой. К творчеству ее мужа относилась сдержанно, хотя неоднократно стремилась помочь упрочению материального положения Ремизовых путем прискания им стабильного заработка. В настоящем письме, вероятно, речь идет о публикации произведений Ремизова в журнале «Новый Путь», в котором З. Н. Гиппиус вела литературные разделы. (См.: *Максимов Д. Е. «Новый путь» // Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики: Статьи и материалы. Л., 1930. С. 129—254*). См. также письмо З. Н. Гиппиус Щеголеву от 15 апреля 1904 г.: «Извините за промедление. Роман Ремизова кажется мне очень талантливым, в некоторых местах удивительно сильным, Д. С. (Мережковский. — А. Г.) находит, однако, что он написан в чересчур „декадентской“ форме и опасен для современного журнала с такой уже

сомнительной репутацией, как Новый Путь. Если вы можете оставить нам рукопись еще на несколько времени, ее прочтут другие члены редакции. Хотя, должна сказать откровенно, что есть к напечатанию одно, прозаическое, но сильное, препятствие — прежде других: отсутствие денег у Нового Пути. Как вы знаете, мы все предаемся «бескорыстному служению идее», и даже Д. С. отдал даром свой роман, стоивший ему долголетнего труда. Заплатить за длинный роман Ремизова (а он нуждается в деньгах, насколько я знаю) у нас нет никакой возможности. Я думаю, он пристроит его с большой для себя выгодой в одном из новых или нарождающихся журналов, где и за „декадентство“ его не так сурово взыщут. Если вы зайдете к нам как-нибудь сами за рукописью, будем очень рады. <...> Не знаком ли вам один из ваших бывших спутников — Георгий Чулков? Он знает Ремизова, очень стоит за роман. В нашей редакции он в последнее время принимает очень близкое участие» (РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 4, № 712—725, письмо 3).

32

29 марта (11 апреля) 1903.

29 марта 1903
Вологда.

Павел Елисеевич!

Найдите досуг,
пришлите мне «Не то»¹ — надумал переработать.
Будет охота, напишите:

не отзывался ли	
Философов	о «Демоне»
Минский	о стихотвор<ениях> в прозе
Андреев	о рассказе: «На новый год»

поговорите

с Перцовым об авансе за «Медведюшку»
с Филипповым — " — Иерузалема²
с редакцией «Заря»³ о высылке №№-ов журнала.

А. Ремизов.

¹ См. примеч. 9 к письму 29.

² См. примеч. 2 к письму 26.

³ «Заря» (СПб. 1903—1906, 1908) — ежедневная литературно-политическая газета; 1904 — в некоторых номерах: Вечерняя ежедневная. Ред.-изд. В. В. Яромкин.

20 апреля (3 мая) 1903.

Вологда 20 апреля 1903

Подполье¹

Дорогой Павел Елисеевич, прилагаю «Беспокойные тучи»,² к Пасхе напечатали в «С<еверном> К<рае>» и, самое худшее, что было в редакции. Брюсов прислал письмо:³ едет в Париж, в «Сев<ерных> Цвет<ах>» напечатаны «Сев<ерные> Цве<ты>» и «Красенькая коробочка» (Эпитафия), пишет о какой-то «мучительной опечатке». ⁴ Больше никто не отвечает. В «Курьере» недавно Курсинский⁵ отзывался о беллетристике «Н<ового> П<ути>» 1, 2, 3 кн<иги>, назвал ее «на спрос», об «Этапе» ни слова. Если где встретите, напишите. Да, прислал письмо Философов,⁶ просит поддержать «Демона» еще некоторое время. В газетах было сообщение о выздоровлении Врубеля⁷ и о том, что он путешествует по Европе, интересно знать его отзыв.

Сегодня заканчиваю 2-ую часть «Огорельшевского отродья»,⁸ устал бесконечно, едва ходит перо, переписывать пока не начну, вышло [пока] 350 ст<раниц>, но уж и теперь всплывают новые сцены и пополнения. Так переписывать подожду, займусь чем-нибудь другим.

Оттисков из «Н<ового> П<ути>» не прислали; если случайно заглянете в редакцию, скажите, чтобы прислали наложенным платежом экзем<пляра> 3 на мое имя.

Против того, чтобы Гиппиус просила, я ничего не имею, это я тогда так сказал, с досады.

Важно, конечно, иметь возможность бывать в Петербурге, а жить можно и не там.

Мейерголд (так! — А. Г.) прислал предложение поселиться в Херсоне при театре,⁹ не знаю пока в каком качестве и с каким вознаграждением.

Живу в буквальном смысле в подполье, даже в магазин хожу че<ре>з день-два. Людей совсем избегаю. Одно время писалось туго, теперь налаживается.

С<ерафима> П<авловна> кланяется Вам, живет ничего.

А. Ремизов.

Послал вчера переделанную «Колыб<ельную> песню» в «Ж<урнал> Д<ля> В<сех>» под заглавием «Над колыбелькою».¹⁰

¹ Так помечены письма Ремизова последних месяцев вологодской ссылки — см. вступ. ст. См. также аллегорическое изображение своего психологического состояния той поры в письме Ремизова к С. П. Довгелло от 26 мая 1903 г.: «Последние дни в „Подполье“ произвели в моей душе еще одну думу, родственную „поджигателю“. <...> Психология „подполья“. Человек видит где-то над собой жизнь, слышит крики и возгласы, но вся эта „живущая“ кричащая жизнь кажется ему фальшиво-настроенным инструментом. Как-то выбрался он на свет Божий. Час заката. Он идет среди людей чужих и ненавидящих его. Где-то льется песня — за гамом ее едва доносит, и шмыгающие люди или вовсе не слышат или чуть-чуть. Вдруг странное происходит на его

глазах. Солнце, раздувшись огненным шаром, побагровело, потом стало темнеть и сжиматься пока не обратилось в угольный комок, и упало в реку. Шелестевшие листья свернулись, со стоном замолкли и рассыпались пеплом. Шумы оборвались недосказанным словом и обрубленным воплем. Люди застыли на месте, скорчились, стали уменьшаться и превратились в уродливых карликов» (*Ремизов А. На вечерней заре. I. С. 161*).

² К письму приложена вырезка стих. Ремизова «Беспокойные тучи, куда вы?» из газеты «Северный край» (1903. № 83, 30 марта).

³ См.: *Брюсов В. Я.* Переписка с А. М. Ремизовым. С. 158—159.

⁴ В стих. «Северные цветы» вместо «лишай к елям бегут» напечатано: «лишай к елям бегут» (Северные цветы. М., 1903. Вып. 3. С. 116).

⁵ См. рец. А. А. Курсинского «Прикладная беллетристика»: «Беллетристика первых трех книжек журнала мне представляется <...> литературой „на спрос“ со всеми ее отрицательными сторонами. Потуги авторов вызвать то мистический ужас, то радость не от мира сего в душе читателя — вот единственная, якобы новая черта, отличающая большинство рассказов „Нового Пути“. Но в том-то и беда, что только потуги» (*Курьер. 1903. № 38, 5 апр.*).

⁶ См. письмо Д. Философова Ремизову от 28 марта 1903 г.: «Относительно Вашей рукописи о „Демоне“ Врубеля, пока определенно высказаться не могу. Не можете ли Вы оставить у нас рукопись еще на некоторое время?» (РНБ, ф. 634, № 249, л. 25). В ответ на просьбу Ремизова о присылке журнала *Философов* отвечал 24 мая 1903 г.: «Вернувшись из-за границы нашел Ваши два письма. Сейчас сделал распоряжение, чтобы Вам выслали номера журнала по московскому адресу, а пока поздравляю Вас с отъездом из Вологды» (РНБ, ф. 634, № 249, л. 26). Редакция Ремизова на письмо Философова проявила в его письме к С. П. Довгелло от 30 мая 1903 г.: «Поздравительное письмо от „Мира искусства“ [Д. В. Философов]. Вышлют на Москву журнал; насчет моего „Демона“ [к картине Врубеля] ни слова» (*Ремизов А. На вечерней заре. I. С. 167*).

⁷ С августа 1902 г. М. Врубель находился в клинике, которую покинул в феврале (см.: *Герман М. Ю.* Летопись жизни и творчества Михаила Александровича Врубеля // *Михаил Врубель. Л., 1989 — альбом*).

⁸ Первоначальное название романа «Пруд».

⁹ В 1903 г. В. Э. Мейерхольд работал в Херсонском театре, где возглавлял организованную им труппу «Товарищество новой драмы». См. письмо Ремизова Брюсову от 18 мая 1903 г.: «В. Э. Мейерхольд предлагает поступить к нему в театр (Херсон) по заведыванию репертуаром» (*Брюсов В. Я.* Переписка с А. М. Ремизовым. С. 159).

¹⁰ Стих. Ремизова не было опубликовано в «Журнале для всех» (См.: РНБ, ф. 634, № 249, л. 5, 23).

34

21 мая (3 июня) 1903.

21 мая 1903
Вологда

Дорогой Павел Елисеевич,

посылаю 2 стихотворение.

«Над колыбелькою» редакция «Сев<ерного> Края» исправила, а потому восстанавливаю оригинал. «Не то» получил, очень Вам благодарен. В «Северн<ый> Край» послал «По весне северной» (1) Кыруль, 2) «Ошка-Мюшка» 3) «Ку-ку» 4) «Воскресенье») и «Чайку» (стих<отворение> в прозе).¹

В «Нов<ый> путь», «Лето белое» (1) «Белая ночь» 2) «Иван Купал» 3) [«Воскресенье»] «Кладбище леса»), послал на имя Перцова.²

Не знаю, быть может, таким образом переработается 3 часть «В плену».

Когда экзамены кончатся у Вас и станете Вы «свободным мальчиком», справьтесь, как взглянулось «Лето белое», смущает меня, больно крохотно все это!

Не забудьте насчет Дейбнера, может, охотника найдете купить книгу Gerber «Die Sprache als Kunst».³

«Бибку» и «Колыбельную песню» перевели на латышский. Напечатаны в журнале: «Mehnefchratfts» 1903 кн. 5.

За Ваш велосипед всего вышло 59 руб.

С 30 мая мой адрес: Москва, Ильинка,

Биржа

Виктору Михайловичу

Ремизову

для А. М. Р.

Всего Вам хорошего А. Р.

Покатилась головка, покатилась го-олова,
Знать такая уже доля атамана-козака

¹ См. письмо Ремизова С. П. Довгелло от 28 мая: «Неизвестно, напечатают ли „По весне северной“» (Ремизов А. На вечерней заре. I. С. 164). Опул.: Ремизов А. По весне северной. Стихотворения в прозе // Северный край. 1903. № 244, 17 сент.; Чайка // Юг. 1903. № 1558, 12 авг.

² См. письмо П. Перцова от 5 июня 1903 г.: «„Белое лето“ нам не подходит, а „Медведюшка“ будет напечатан в июне. М<ожет> б<ыть> пришлете ч<то>-н<ибудь> еще — в более реальном роде (вроде „Этапа“)» (РНБ, ф. 634, № 249, л. 17).

³ См. примеч. 6 к письму 9.

35

30 мая (12 июня) 1903.

30 мая 1903

Вологда
(Подполье)

Дорогой Павел Елисеевич!

Теперь поздравляю Вас с окончанием;¹ за Ваше — спасибо.

Завтра утром уезжаю,² на день задержали «бумаги». На Москву еду,³ потом, Бог знает, куда.

Будете вспоминать, пишите на Биржу для А. М. Р.

Прощался сегодня с Вологдой, благодарил ее: и наставила она меня, научила.

Хотел писать ей некролог.

Надуманную «мерзость» схороню пока в душе.⁴ Верно, верно!
Страх ради

До свидания

А. Ремизов.

¹ Это ответ на послание Щеголева, цитируемое Ремизовым в письме к С. П. Довгелло от 28 мая: «Письмо от Павлуши [Щеголева]: поздравляет с „окончением ненавистного надзора» — „не завернете ли в Питер?“ — „поклон мой С. П.“ — „экзамены кончатся 29 мая“. Стало быть, на счет Гиппиус — ты прости-прощай.» (Ремизов А. На вечерней заре. I. С. 164). 29 мая 1903 г. Щеголев получил свидетельство об окончании историко-филологического факультета и диплом первой степени (РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 5, № 18). См. также примеч. 2 к письму 31.

² Окончание пребывания Ремизова в ссылке под надзором полиции — 31 мая 1903 г. См.: А. Ремизов. На вечерней заре. I. С. 154.

³ Ремизов нелегально заезжал в Москву к братьям, где пробыл с 1 до 13 июня, затем на три дня возвратился в Вологду, а потом посхал через Киев и Одессу в Херсон — на место новой службы у Мейерхольда. См.: Ремизов А. На вечерней заре. I. С. 168—171.

⁴ См. оценку своего пребывания в Вологде в письме Ремизова от 30 мая к С. П. Довгелло: «Напомните рассказать „комедию с переодеваниями“ на театре ссыльных-революционеров. // А и натрудили и намучили меня, ниоткуда я не уезжал с таким чувством, как из Вологды. Точно зверь, просидевший долгое время в засаде. И увожу с собой познания о человеке, о которых хочется крикнуть на всю землю. Пусть же хоронятся эти комедианты, настанет и для них час. А человеческая душа? „Коробка кондитера?“ [Сев. Цветы 1903 мое]. Боже мой, да тут горше всякой тюрьмы и издевательства ядовитей. Пусть же будет так, ведь так всегда было, — мы не знали» (Ремизов А. На вечерней заре. I. С. 168).

А. М. РЕМИЗОВ. «НЕКРОЛОГ» П. Е. ЩЕГОЛЕВУ

Вступительная заметка, публикация и примечания Е. Р. Обатниной

Известно, что творческий путь Ремизова начался в Вологде (1901—1903), где он оказался в компании ссыльной интеллигенции, объединенной общей жизненной ситуацией, интересами и первыми опытами на литературном поприще.¹ Хотя дружеский круг вологодских поселенцев (среди которых были Б. Савинков, И. Каляев, П. Щеголев, Н. Бердяев, А. Богданов и др.) в шутку назывался «Союзом свободных алкоголиков» или «С. С. А.», их времяпрепровождение вовсе не сводилось к совместным возлияниям. Возможно, благодаря центральной фигуре Союза П. Е. Щеголеву (1877—1931) — будущему пушкинисту и историку отечественного революционного движения,² стилистика общения в этом кружке приобрела черты, схожие с дружеской атмосферой увенчанного лаврами литературной славы «Арзамасского общества безвестных людей» (1815—1818).

Значение «Арзамаса» в русской литературе не ограничивается лишь полемической направленностью против архаичной «Беседы любителей русского слова» (1811—1816). Его вклад заключается в обновлении жанров и стилей, формировании нового типа критики, новаторских приемов в области комической литературы, в обновлении особого характера творческих контактов, в которых главенствующую роль играли дружеские отношения участников и отнюдь не последнюю — ирония и самоирония, наконец, в создании прецедента литературной игры. Все это позволяет нам определить «Арзамас» как эталон литературного кружка.

Кружок, будучи весьма недолговечным писательским объединением, создает благоприятные условия для обновления литературного процесса. Обладая экстерриториальностью и замкнутостью, кружок обеспечивает особую среду общения, в которой, благодаря свободной игре воображения и творчества, формируется новый тип литератора и образ новой литературы в целом. В литературных союзах подобного рода царит культ дружбы — то, что Вяземский называл «литераторским товариществом».³ В таком виде кружок как своеобразная коммуникативная модель (по преимуществу начинающих писателей) фиксируется культурной памятью и становится особой фор-

мой литературного процесса. Однако, характерно, что семантическое сближение разновременных объединений не является объектом рефлексии их участников.

Прямая аналогия между «Союзом свободных алкоголиков» и «Арзамасом» обнаруживается в обычае, заведенном Ремизовым, писать «некрологи» или «подорожия» каждому отбывающему из ссылки. Это внешне напоминает арзамасский обряд посвящения, согласно которому каждый новообращенный арзамасец должен был сочинить похвальную речь своему покойному предшественнику по примеру ритуала, имевшему место во Французской Академии. Но так как все члены Арзамаса а priori считались бессмертными, то «за неимением собственных готовых покойников», было положено «брать напрокат покойников между халдеями Беседы и <Российской> Академии». ⁴ «Поминальная» речь в Арзамасе произносилась в ознаменование «смерти» нового собрата для враждебной «Беседы», т. е. отречения от устаревающей литературы и обретения вечной жизни для «Арзамаса», представлявшего новую литературную генерацию.

Примечательно, что Ремизов посвящал «некрологи» не только своим товарищам, но и городу, который в воспоминаниях ссыльных был связан с памятной эпохой идеологических, творческих и личностных исканий. ⁵ Весной 1903 года, оставляя навсегда Вологду, он писал Щеголеву: «Завтра утром уезжаю, — на день задержали „бумаги“. На Москву еду, потом, Бог знает, куда. <...> Прощался сегодня с Вологодой, благодарил ее: и наставила она меня, научила. Хотел писать ей некролог. Надуманную „мерзость“ схороню пока в душе <...>». ⁶ Вологда, в последующем творчестве Ремизова преобразованная в «Северные Афины», стала устойчивым символическим топосом. ⁷ В сущности такой же мифологемой для «Арзамасского общества безвестных людей» был малоприметный географический Арзамас.

Арзамасцы снискали славу литераторов и государственных деятелей за пределами своего литературного кружка. Выходцам из «Союза» также была уготована видная писательская и политическая судьба. Но в Вологде они еще были «безвестными людьми», стоявшими на пороге будущего. Шуточные «некрологи» Ремизова символизировали конец-смерть мытарств по ссылкам и возрождение к свободной жизни. Отъезд из Вологды осознавался не только как завершение одного из важнейших жизненных этапов каждого члена кружка, но и как личный выбор, зачастую отсекающий старые дружеские связи. Последующие факты биографий А. Луначарского, Н. Бердяева, Б. Савинкова, А. Богданова, Б. Кистяковского, А. Ремизова и П. Щеголева говорят сами за себя. И хотя некоторых вологодских приятелей судьба сводила потом неоднократно и прочно, понятна легкая грусть расставаний и скрытая тревога, угадываемая в одном из писем Ремизова к Щеголеву по поводу только что освободившегося из-под надзора полиции Бердяева: «От Ник<олая> Алек<сандровича> ни одного письма, будто и в самом деле умер». ⁸

Именно в Вологде началась многолетняя история взаимоотношений Ремизова и Щеголева, претерпевшая разные периоды спадов и подъемов, но неизменно скрепленная прочными узами товарищес-

ва. В одном из писем Ремизов, подразумевая отъезд Щеголева, признавался: «Еще в Вологде, в самые последние дни, изобразил Некролог Вам, но послать не решился <...>». ⁹ Вариант первой редакции «Некролога» был датирован 1 мая 1903 года. ¹⁰ Окончательный беловой автограф первой редакции — «подарочный» экземпляр, в черном коленкоровом переплете с серебряным тиснением и текстом, оформленным в модернистском стиле, судя по письму Ремизова, был отправлен адресату 27 июля того же года. ¹¹

Являясь необычным свидетельством игрового поведения двух приятелей, «Некролог» положил начало текстам, в которых Ремизов создал мифологический портрет Щеголева-исполина. ¹² Его могучая внешность органично соединилась с неистотимыми недрами ума, широтой души и блеском творческих дарований. Проявлением искреннего уважения к герою, тем не менее окрашенным добродушной иронией, стало прозвище «академик», вынесенное на обложку «Некролога». Позднее Ремизов, мысленно обращаясь ко времени вологодской ссылки, мотивировал тогдашнее «звание» Щеголева: «...П. Е. Щеголев не был еще „Архивным фондом“, ¹³ а всего только „почетный академик“ — за осанку, за голос, а главное за искусство плавание (так вологжане уверовали!) <...>». ¹⁴ Шуточный «Некролог», посвященный Щеголеву, запечатлел и стиль веселого балагурства на дружеских пирушках. Не случайно, один из фрагментов воспроизводит, по всей вероятности, ритуально повторяемую игру в «смертельно больного» (Щеголев) и «доктора» (Ремизов) после немудрых приобретений к «мадере в почке».

Интересно сопоставить ремизовский «Некролог» с дневниковыми записями другого невольного «хроникера» будней и праздников вологодской «аристократии» начала 1900-х гг. — молодой актрисы местного драматического театра, будущей жены П. Е. Щеголева — Валентины Андреевны Богуславской (1878—1931). Приехав в «трусщобы составлять репертуар», она познакомилась с ссыльной интеллигенцией. В дневнике упоминаются те же лица, что и в ремизовском «Некрологе» (Н. А. Бердяев, В. А. Жданов, В. Г. Тучапская); подробно описана гостиница «Золотой Якорь» — излюбленное место обитания ссыльных поселенцев и городского купечества; отчасти охарактеризован репертуар театра, в выборе которого не раз принимал участие Щеголев, пользовавшийся авторитетом у режиссера и антрепренера Стоянова. Любопытно, что оба автора запечатлели один и тот же эпизод из театральной жизни Вологды: Ремизов — с иронией и в импрессионистской манере изложения, Богуславская — более реалистично: «На <будущей неделе — *зачеркнуто* — Е. О.> мой бенефис. Пойдет „Цена жизни“. <...> Я мечтала о „Женщине с моря“, но после бенефиса Стоянова: 3 пьесы одноакт<ных> Метерлинка, когда он сам, сидя под столом, покрытым черным коленкором, <изображал электричество — *сверху карандашом* — Е. О.>, прикручивал фитиль, страшно вонявшей и коптившей лампы <...> и рука эта была видна и вызывала во мне безудержный смех (я сидела в ложе с Щеголевым) — я не отважилась. А Стоянов хороший актер, но изображатель. И афиша его бенефисная была украшена <такими метафорами — *зачеркнуто* — Е. О.> и гиперболами, вплоть до электрического освещения (а где его взять в Вологде), до

приглашения специального режиссера из Петербурга и консультации Щ<еголева>. И виноват П<авел> Е<лисеевич>. Это он посоветовал С<тоянову> ставить Метерлинка и прочел ему целую лекцию о нем».¹⁵

Первые впечатления Богуславской о новом знакомом, занесенные ею в дневник, во многом совпадают с литературным портретом Щеголева, созданным в «Некрологе». Эти описания сохранили образ человека, в котором удивительно переплелись раблезианская натура, изысканный эстетизм, интеллект, искрометная одаренность и ребяческое озорство:

«Сегодня за кулисами появился ссыльный. В. И. представила мне его, прибавив à part: * «Говорят он богатый: у него в Воронеже дом двухэтажный!» Очень большой, полный молодой человек с буйными кудрявыми волосами. И я вспомнила, вчера он сидел в актерской ложе сзади меня. „Купчик местный, — подумала я, но когда в одном месте представление вызвало во мне досаду, я уловила его сочувственный взгляд, взгляд прекрасных, умных синих глаз. — Нет, не купчик“, — решила я, равнодушно скользнув по нему, и вышла из ложи. Его зовут Павел Елисеевич, фамилия Щеголев. Он выслан из Петербурга за участие в студенческих беспорядках, студент последнего курса, занимается наукой. Выслан на 2 года. <...> Приятный человек, очень умный и образованный — и какая-то мягкость привлекательная во всей его крупной фигуре <...> Этот большой человек относится ко мне с таким вниманием, его общество так много дает мне, он приносит мне книги новые, говорит, что у него здесь библиотека, что он привез ее из Петербурга»;

«Я узнала, что Щ<еголев> на днях ужинал в дворянском собрании со Ждановым. Попросили навагу и съели всю, какая была. За соседним столом сидел губернатор и когда он приказал подать ему навагу, то ее не оказалось. Губерн<атор> был страшно разозлен. Щ<еголев> со смехом подтвердил мне этот эпизод. На следующей неделе ссыльным запретили посещать дв<орянское> собр<ание>;»

«Новый Год. Спектакль, после которого Щ<еголев> отвез меня к себе встречать Новый Год. У него было небольшое общество. Разговоры о Петербурге, о литературе. <...> Щ<еголев> читал рассказы Чехова, отлично, хохотала до упаду. Я думаю, из него вышел бы первоклассный актер. И в этот же вечер он подарил мне «Горящие здания» с надписью на санскритском языке. На другой день он перевел мне эту подпись, она гласила: „Валя-Валя, вы мое счастье, я верю в вас“ — и тут же он приписал по-русски: „Валя-Валя, я люблю вас“, — потом посмотрел мне в глаза и приписал — „так же, как и вы меня“».¹⁶

Именно Щеголев познакомил Богуславскую с Ремизовым: «Во время антракта Щ<еголев> привел за кулисы Ремизова А. М. Это начинающий писатель, тоже за политику (какой-то пустяк) высланный из Москвы, ему года 23. Маленького роста с втянутой головой, придавленным вздернутым носом, огромным лбом, над которым поднимается шапка волос, точно 2 рога по бокам. И большие глаза, в них такое страдание. Я как-то съезился под этим жутким взглядом

* в сторону, между прочим (франц.).

<...>. После спектакля я взволнованно сказала Щ<еголеву>, какой несчастный Р<емизов>; Вы не волнуйтесь, засмеялся П<авел> Е<лисеевич>, это он делает лицо, в действительности это веселый остроумный человек с хитрецей. Р<емизов> из купеческого рода, его дядя известный в Москве богач, у него он и воспитывался. Когда его выслали, дядя поморщился, вы бы ему хоть шубу какую дали. Но шубы так и не дали. Тоже занятно, что за человек, писатель! Они часто видятся со Щ<еголевым>». ¹⁷ Если текст «Некролога» отражает черты раннего стиля Ремизова-писателя, то дневник Богуславской запечатлел его внешние черты, весьма точно совпадающие с фотографиями тех лет.

В 1931 году Ремизов, верный памяти о вологодском «Союзе свободных алкоголиков», о молодости, многолетней дружеской и литературной поддержке, почтил память своего ушедшего товарища некрологом, ценность которого удваивается при сопоставлении с шуточным «Некрологом» 1903 года: сказанное при жизни ничуть не расходилось с поминальными словами. А. В. Амфитеатров, в прошлом также вологодский ссыльный, несмотря на свое сложное отношение к Щеголеву, откликнулся письмом к Ремизову: «Видел Вашу заметку о покойном Щеголеве. Кажется, Вы единственный помянули его добрыми словами безоговорочно. Вероятно, Вы знали внутри его что-то хорошее, что наружу не выходило». ¹⁸

«Союз свободных алкоголиков» Ремизов считал предтечей своей «Обезьянней Великой и Вольной Палаты» (1908—1957). ¹⁹ Щеголев в ремизовском Обезвельволпале был возведен в «старейшие князья». Заметим, что в автобиографической книге, посвященной годам ссылки и началу творческого пути, писатель указывал на общую игровую природу шуточных некрологов и обезьяньих грамот: «У меня всегда были царские замашки. В раннем детстве в Москве я щедро раздавал счастье — хлопал левой, отмеченной счастьем, рукой по руке всякого, кто бы не попросил; потом в играх — в игре в „казаки-разбойники“ я раздавал бумажные ордена и медали; <...> потом я буду выдавать „обезьяньи“ жалованные грамоты с печатями, а в Вологде я писал „подорожие“ (некрологи)». ²⁰

Но если в «С. С. А.», как и в «Арзамасе», литературные занятия представлялись исключительно важными в силу восхождения многих его участников на творческую стезю, то в Палате литературным занятиям не отводилось столь значимой роли. Зато в ней получили широкое развитие схожие с арзамасскими такие игровые элементы, как травестийное обыгрывание масонских обрядов, пародирование официальных обществ и ведомств, распределение ролей или ампула в зависимости от прозвищ участников кружка, фиксация деятельности в шуточных документах, создание целостной мифологии общества и концентрация литературной игры в сфере словесного творчества (т. е. шуточный документ — был субстратом деятельности кружка). Отчасти и стиль обезьяньих документов соотносим с арзамасским наречием — так называемой «галиматьей», виртуозом которой был в «Арзамасе» Василий Андреевич Жуковский. Следовательно, не только тексты, но и сами личности канцеляриуса Обезвельволпала и секретаря «Арзамаса» вступают в данной системе соответствий в конгруэнтные отношения.

Вологодские шуточные «Некрологи» Ремизов называл своими «первыми литературными без-образиями». ²¹ Здесь впервые обозначились элементы дружеской пародии, свойственные поздним автобиографическим произведениям Ремизова, которые исключительно созвучны шутливому тону общения арзамасцев. «Некролог», посвященный Щеголеву был рассчитан на чтение в узком приятельском кругу, также как и практически все «документы» арзамасцев, поэтому многие сюжеты из истории этих объединений требуют дополнительного комментирования. Доверительная интимность отличает редакцию 1903 г. от поздней, впоследствии в значительно переработанном виде включенной Ремизовым в книгу «Иверень». ²² Текст 1903 года несет в себе совсем свежие воспоминания о мельчайших нюансах личных отношений автора с вологодскими поселенцами и, в особенности, с П. Е. Щеголевым. Герои первой редакции, в отличие от текста «Иверня», именуется в основном по именам и отчествам, жизненные ситуации описаны без излишних пояснений.

В своих литературных начинаниях Ремизов тяготел к созданию ритмизованной прозы. Вологодский «Некролог» дополняет список его лирических произведений, написанных в экзальтированной декадентской манере. ²³ Естественно, что зрелый Ремизов в «Иверне» мастерски отредактировал свой ранний текст, отказавшись от поэтической строки и несколькими штрихами придав повествованию вынятность и подлинную художественность.

Тем не менее, ранняя редакция «Некролога» целостно выдержана в жанре пародийного «видения». Здесь в трагикомическом тоне повествуется о получении страшного известия о «смерти» Щеголева. В сознании автора-рассказчика обрывочно всплывают воспоминания, живописующие яркие картины из вологодской жизни «покойника». В этом смысле написанный Ремизовым текст можно отождествить с шуточными речами арзамасцев и, прежде всего, с историческими для «Арзамаса» «Видением в какой-то оgrade» Д. Н. Блудова или «Речью Николая Ивановича Тургенева по случаю отъезда Дмитрия Васильевича Дашкова». ²⁴ В обратной перспективе ремизовского творчества вологодский «Некролог» явился протоформой жанра «сна» — основного элемента оригинальной поэтики писателя. ²⁵

Ниже публикуется «Некролог» П. Е. Щеголеву по автографу Ремизова (РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 3, № 270). Текст приведен в соответствии с современными нормами правописания, с сохранением графики и, в отдельных случаях, пунктуации автора.

¹ См.: *Ремизов А. Иверень. Загогулины моей памяти* / Ред., послесл., коммент. О. Раевской-Хьюз. Berkeley, 1986. С. 193—271; *Брюсов В. Переписка с А. М. Ремизовым (1902—1912)* / Вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова; Публ. С. С. Гречишкина, А. В. Лаврова и И. П. Якир // Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1994. С. 137—143 (Литературное наследство; Т. 98, кн. 2).

² См. о нем: *Емельянов Ю. Н. П. Е. Щеголев — историк русского революционно-го движения*. М., 1990; *Лурье Ф. М. Хранители прошлого*. Журнал «Былое»: История, редакторы, издатели. Л., 1990; *Брюсов В. Переписка с П. Е. Щеголевым (1903—1917)* /

Вступ. ст. Е. Ю. Литвин и С. А. Фомичева; Публ. и коммент. Л. К. Кувановой и Е. Ю. Литвин // Валерий Брюсов и его корреспонденты. С. 223—250.

³ *Вяземский П. А.* Из «Старой записной книжки» // «Арзамас»: Сборник в двух книгах / Под общей ред. В. Э. Вацура и А. Л. Опсвата. М., 1994. Кн. 1. С. 106.

⁴ См.: Протокол организационного заседания 14 октября 1815 г. // Там же. С. 267—268.

⁵ См.: *Бердяев Н. А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 127—130; *Луначарский А. В.* Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 78; А. В. Луначарский. Неизданные материалы. М., 1970. С. 604 (Литературное наследство; Т. 82); Письмо А. А. Богданова сотруднику института Маркса-Энгельса-Ленина В. Г. Сорину // Марксисты-ленинцы в Вологодской ссылке (Из истории Вологодской политической ссылки 1893—1914 гг.): Сборник документов и материалов. Архангельск, 1977. С. 26—27.

⁶ См. публикацию А. М. Грачевой в наст. изд. (письмо 35).

⁷ *Ремизов А.* Иверень. С. 237—273 (гл. «Северные Афины»).

⁸ См. публикацию А. М. Грачевой в наст. изд. (письмо 5). См. также шуточный «Некролог» Бердяеву (*Ремизов А.* Иверень. С. 258—261), автограф которого датирован 1 апреля 1902 года (Архив А. Ремизова. USA, Amherst College. The Center for Russian Culture). См. также «Некрологи» И. А. Давыдову, Н. М. Ионову, Н. К. Мукалову, И. А. Неклепаеву, З. В. Александровой (*Ремизов А.* Иверень. С. 257—264).

⁹ РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 4, № 479—1610, л. 35. (Письмо А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву от 17 июля 1903 г. Херсон).

¹⁰ Вариант «Некролога» с незначительными разночтениями в сравнении с публикуемым ниже текстом и указанной датировкой находится в составе альбома «Некрологи при разезде ссыльных по окончании их срока. Вологда 1901—1903» (Архив А. Ремизова. USA, Amherst College). Письма Ремизова к жене, датированные последними числами июня 1903 года, свидетельствуют о том, что Ремизов «передельвал» и «переписывал» первоначальный вариант текста (см. На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // *Europa Orientalis*. 1985. N 4. S. 176—177).

¹¹ РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 4, № 479—1610, л. 36 (Письмо А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву от 27 июля 1903 г. Херсон).

¹² См. также гл. «Еркулы» в кн.: *Ремизов А.* Иверень. С. 201—205.

¹³ Имеется в виду деятельность Щеголева по организации Петроградского историко-революционного архива, начатая в 1918 г. Подробнее см.: *Емельянов Ю. Н.* П. Е. Щеголев — историк русского революционного движения. С. 33—35.

¹⁴ *Ремизов А. М.* Неизданный «Мерлог» / Публ. и коммент. А. д'Амелия // *Минувшее. Исторический альманах*. М., 1991. Вып. 3. С. 228.

¹⁵ РО ИРЛИ, ф. 627 (неразобранная часть архива).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Архив А. Ремизова. USA, Amherst College.

¹⁹ Вспоминая Вологду, Ремизов писал: «„Обезьянья великая и вольная палата“ называлась не „обезвелволпал“, а таинственным С. С. А.» (*Ремизов А.* Alexei Remizov. *Rybnik. Roman Druzstvo Pratel Studia v Praze. Preložil Ladislav Rysavy* // *Воля России*. (Прага). 1926. № 8—9. С. 231. Об этой литературной игре см.: *Гречинский С. С.* Архив А. М. Ремизова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977. С. 20—45, 32—34; *Lampf H.* Remizovs petersburger Jahre. *Materialien zur Biographie* // *Wiener slawistischer Almanach*. 1982. Bd. 10. S. 299—301; *Доценко С.* *Обезвелволпал* А. М. Ремизова как зеркало русской революции // *Europa Orientalis*. 1997. № 2. С. 305—320; *Вашкелевич Х.* Канцелярист обезьяньего царя Асыки Алексей Ремизов и его Обезвелволпал // К проблемам истории русской литературы XX века. Краков, 1992. С. 41—50; *Обатнина Е.* Обезьянья Великая и Вольная Палата А. Ремизова: игра и ее парадигмы // Новое литературное обозрение. 1996. № 17. С. 185—217.

²⁰ *Ремизов А.* Иверень. С. 250.

²¹ *Кодрянская Н.* Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 102.

²² *Ремизов А.* Иверень. С. 251—256. Текст снабжен подробными комментариями О. Раевской-Хьюз.

²³ Писательская манера молодого Ремизова была во многом ориентирована на произведения польского модерниста Станислава Пшибышевского (см. об этом: *Брю-*

сов В. Переписка с П. Е. Щеголевым (1903—1917). С. 139—143), но нельзя не принимать во внимание и, возможно, неосознанную внешнюю созвучность ремизовского стиля тех лет «Симфониям» Андрея Белого, с которым писатель лично познакомился в ноябре 1902 года. Стилистическая близость особенно проявляется при сравнении «Некролога» с 4-й «Симфонией», отрывки которой были опубликованы в марте 1903 года в символистском альманахе «Гриф». Вологодские письма Ремизова к Щеголеву свидетельствуют об интересе обоих корреспондентов к творчеству Белого.

²⁴ «Арзамас». Кн. 1. С. 261—264; 413—415.

²⁵ Ремизов А. Мартын Задека. Сонник. Париж, 1954; *Он же*. Огонь вещей. Сны и предсонье. Париж, 1954, а также: Aronian S. The Dream as a Literary Device in the Novels and Stories of Aleksey Remizov. A Dissertation. Yale, 1971; Pyman F. Petersburg dreams // Aleksey Remizov: Approaches to Protean Writer / Ed. by G. N. Slobin. UCLA Slavic studies. Columbus, 1987. V. 16. P. 51—100; Цивьян Т. В. О ремизовской гипнологии и гипнографии // Серебряный век в России. Избранные страницы: Сборник. М., 1993. С. 299—338.

ПАВЕЛ ЕЛИСЕЕВИЧ
ЩЕГОЛЕВ

Белые льды проплыли куда-то за Белое море.
Весенние ветры усмирились.
Вздулись лопухи.
Острый запах крапивы, как летом.
Отцвели-опушились одуванчики.
Среди белого дня и белой, желтеющей ночи, раздирая человеческий гам и рассекая
громыханье-трескотню экипажей, наперекор тягостно-ненужным колоколам, орут и поют
пароходы.
Уходили, приходили...
Ненасытность брачующихся зорь...
Меркнувший шепот бессонно-вертящейся земли.
Ззз-зуу... зу-зу... зу-зу-зу...у-у...
Закроешь всякую скважину, завернешься с головой и слушаешь...
Пока не лопнет терпение...

Искусанный, я не шел, а летел по Московской.
У Спасителя ударили полночь.
В ужасе замер...
Темно-гнетущий, внезапно ослепивший звон сорвал сонную повязку с моих
глаз.
Показалось...
Нет, явь бешено била по моей крови, мозг мой выдыхал цепкие мысли.
Якорь угольно-черный...¹
Якорь — гигантский катафалк...
Креповые флаги — кисти-змеи, выползая, никнут.
И в окнах бледно-изнывающие огоньки — лица через силу бдящих.
И что-то гудит бессильным, надорванным плачем.
И медное жужжанье точит воздух.
— Еще не поздно! — и со всех ног бросился к ресторану...
В чем дело?
— Пал-лисеич, — едва сдерживая рыдания, проговорил отворявший мне
швейцар Николай, — Пал-лисеич приказали долго жить-с.
— Ка-ак?!
Николай безнадежно махнул рукой...
Вдруг вся его крепкая фигура подобострастно-горько присела.
— Покушали они, — начал он, — зубок и разболелся, пóзвали меня:
«Эх, — говорят, — Николай, подай, — говорит, — мне чего там, с зубом, —
говорит, — смерть моя, свету-с не вижу!» «Слушаю-с, — говорю, —
Пал-лисеич», да в буфет. Другой Николай в тот дён со
двора ходили. А они легли себе на диванчик, руку под головку,
посопели-посопели, да и каюк-с...
Вон и калошки ихняя-с!
Посреди прихожей, тупо глядя в разные стороны, стояли, разиня рты,
старые, огромные калоши.
— Цыц, ты! — бросился Николай на прокурорскую собаку, и повисшие
усы его ошетинились.

Разбуженная разговором, та вышла из угла, потянулась и принялась подзрительно обнюхивать калоши.

Я подымался наверх.

— Не занят?

— Никого нету-с. Василий Христофорович,² Владимир Анатольевич³ и Борис Викторич⁴ только что вышли, на биллиарде играют-с, минут с пять-с, — встретил другой Николай; и не досыпающее лицо его в горькой обиде напрасных заушений уныло говорило: «умер-с».

— Мадеру в почке!

Покойники, перебирал я имена, все вы ушли от меня!

Вон диван, где игриво-захмелевший Николай Александрович,⁵ хохоча и странно жестикулируя, заучивал Царя Никиту,⁶ вон стол, вокруг которого бегала Вера Васильевна,⁷ и на котором выплясывал Аггей⁸ свой лошадиный танец, там Соля⁹ в одних чулках изображает знакомого актера и острит, а тут вот Сам сидел...

Как сейчас вижу бритое Его лицо с хищно-раздувающимися ноздрями, с подвитой шевелюрой простака, дико спускающейся на чело, а эта глубокая черта-морщина вдоль лба и серые, умные глаза бесстыдника под стеклами пенснэ — все живо, близко, вот выступит из моей думы, задвигнется, заговорит...

Высоко, выше всякого напитка и редкостных изданий Покойный читл Свободу, Смелость, Дерзость. Искушенный знанием глубоким, постигнув мудрость Индии жемчужной,¹⁰ Он понимал великих чародеев, викал в толпой осмеянное, родился с Ибсенем, нос к носу подходил к театру одинокого Бельгийца...¹¹

«Если Ремизов-Свин-чали с***¹² то-то и то-то, я, я ему дам пощечину!» — так говорил Он про того самого декадента,¹³ которого «Мы с Павлом вытянули за волосы на свет...» Помню лениво закатывающийся июньский вечер с замيراющим городским гулом, и где-то отдаленно пение медного оркестра, и серебристо-матовые звуки цитры под моим окном. Я только что приехал в Вологду и днями не выходил из комнаты.

Неожиданно стук.

Покойный...

За сливянкой и яичницей погас вечер, и одинокая булавочная звездочка робко играла на прозрачно-голубеющем небе надвигающейся ночи.

«Я — скептик, я ищу, а меня под доску тащут, вот обыск был...» — попрощался покойный.

Родным дыхнуло; дорогим, любимым запечатлелся образ.

И я подошел к нему и...

«Что из вин прикажете-с?» — перебил Николай, ставя пряно-кипящее блюдо.

— Джинджиру, — отвечал я, — в воспоминание...

Помню тихо-скользящую реку и переливно-катящийся ключ восходящего месяца.

Клокот еле двигающейся лодки...

«Павел, — говорил мне покойный отец, — учись ты на трубе,

толк выйдет, во-что!»

Вера Григорьевна,¹⁴ играя веслом, снисходительно улыбается.

«Фи, — говорит она себе, — как это не тонко!»

Николай Александрович, озаренный зеленью света, кокетничает с своим отражением.

«И за что я люблю тебя, светлая ночь...»

«А потому, как земля во мне, — слышится голос Покойного, — земля в моей природе...»

Я налил незаметно появившегося ликеру, отхлебнул...

И вдруг захотелось яблок, слив, груш, винограду.

Представилось: сидим с Покойным верхом на перилах набережной, сидим и хрюпаем наперегонки фунты за фунтами.

Проходит Давыдов¹⁵ чинно, застегнутый.

«Сегодня реферат», — объявляет он.

Бьет в соборе восемь.

Едва передвигаясь и тяжело дыша, отправляется Покойный в Садик...

Я отхлебнул еще и еще, налил рюмку, другую, третью...

Что это?

«Такое стремление реакционных сил производить свою историческую контрабанду под флагом критики всего лучше доказывает то могущество и то уважение, которыми пользуется этот благородный флаг во всех морях и заливах бурного океана современности».¹⁶

Александр Александрович,¹⁷ подстриженный, в черной, чистенькой блузе, свернул мелко исписанные листочки.

Облегченно зашумели.

«Павел Елисеевич! — оратор нервно протискивался сквозь толпу слушателей к выходу, где на ступеньках лестницы, будто изваянная, застыла фигура Покойного в сидячем положении, — Павел Елисеевич!»

«А! — просыпается Покойный, — где?»

«Вас — председателем...».

Покойный снял рубашку, повесил на гвоздик и остался в одних штанах.

Он занял большую часть скамейки, растопырил ноги, почесывает грудь и подмышки.

А на краешке ютятся два тощих тела: часовщик¹⁸

и лесоторговец,¹⁹ и тот и другой напряженно следят.

Ярко-желтый, расплывающийся луч играет на просыхающем, будто час назад вымытом, полу.

По стенам бегают зайчики.

Наконец-то снял штаны и медленно погружается в воду.

Поднимается волнение.

— Э-эх! — не выдерживает часовщик, — Русь-то матушка!

— Да-а, — поддерживает другой, — эт-то...

Оба, как прикованные, не сводят глаза.

Не обращая внимания, Покойный намылил голову и поплыл.

А те на перекличку:

— Пароход!
— Засима и Савватий! ²⁰
— Ангарец!
— Куда!

«Куда? — раздумывает Покойный, — к Жданову ²¹ — Надежда Николаевна.,²² к Сегорским ²³ — уехали, у Анны Яковлевны ²⁴ вчера взял...

Он медленно подвигается по Желвунцовской, голову за плечи, важно.

— Извозчик! — вдруг раскатывается его зычный голос. Задрезжала,.. поехали.

Ишь, на стороны покачивается, будто раскланивается.

— Дома?

— Дома-с, пожалуйста.

— Богдану Александровичу!²⁵

— Павел Елисеич, наконец-то!

То-да-сё, о книгах...

— Тридцать, — глухо говорит Покойный, — до завтра...

Подкашливание из-за дверей.

Пауза.

— Так до завтра,... до завтра, Павел Елисеич.

Покатилась головка,
Покатилась голова. —
Знать такая уже доля
Атамана-казака.

И скривив рот набок и прищутив левый глаз, фальцетом и чаше:

Поклонился он народу,
Помолился на собор. —
А палач в рубахе красной
Высоко занес топор.

Выше, еще выше до взвизгивающих криков:

Покатилась головка,
Покатилась голова. —
Знать такая уже доля
Атамана-казака.²⁶

Лицо надулось, красное; голова ходуном ходит...

Покойный только что покушал.

На столе бутылка Кроновской мадеры с ободранной

голубой ленточкой на этикетке по обычаю...

— Ха-ха-ха... го-го-го... хи-хи-хи... хе-хе-хе! — вырывается вдруг раздольно-дробящееся хохотанье.

И вся комната с посудой и людьми до последнего обойного цветочка и полоски ответно вторит на разные лады;

и, кажется, за окнами, по воздуху несутся смехи, сорвавшиеся с неба.

Венера любит смех,
Веселие для всех.
Чтобы ей угодить
Веселей надо жить.²⁷

Покойный семенит «ножками»: руки в оттопыренных карманах, волосы упали на глаза, щеки и живот вздрагивают.

И... грох!

Посинел, отходит...

Мгновенье мертвого затишья

— Где доктор, раздается громовой возглас, позовите мне доктора!

И снова заразительней, звончее:

— Ха-ха-ха... го-го-го... хи-хи-хи... хе-хе-хе!

Павел Елисеевич, ради Бога, это останется между нами, пожалуйста!

— Я — могила, спросите у Алексея Михалыча...

О набат, набат, набат! —
кричит-бьет Покойный.

Слушатели замерли, косятся на окна.

Борис Эдуардыч²⁸ как-то зарево увидал...

— И что без Вас делали бы ссыльные, — разбежались бы... — говорит дама категорическая.

Покойный обмазал корку икрой и старательно посыпает ее лучком...

Я налил еще рюмку, упал кристалл...

— Можно, — говорит Покойный, — мы будем французами из Theatre d'art, хорошо.

— Сделайте такую милость!

— А электрических свечей 20.000, так и напишите...

Аркад сделает.

— Павел Елисеевич, прийти бы Вам за часочек,

Метерлинка первым поставим.²⁹

— Ладно.

Я проглотил кристалл, налил еще...

Стена закачалась, комната наполнилась дымом и огнями.

— Сам Павел заметил, — крикнул кто-то визгливо резко.

— Павел предлагает в случае чего...

— С научной точки зрения, — послышался осоловевший голос Покойного.

Я содрогнулся...

Представился зал, сплошь заваленный обломками мебели,
осколками посуды.
На стене простреленные часы.
Посреди качающаяся лампа.
Медленно капают черные капли керосина.
На уцелевшем столе зловещая свеча.
Покойный, скрестив окровавленные руки, застыл в
вызывающе уверенной позе.
На три шага Аггей, страшно худой и смертельно
бледный,
Весь изогнулся, целится...
Бах-трах!

В бутылках белели одни кристаллы.
— Записать-с? — подскочил Николай.
— Да-а-а! нн-а покой-на!...
Весь рот сжимало что-то вяжуще-огненное.
Стал выходить.
Мимо прошел Василий Христофорович, немного сгорбив-
шись, без удивления, мучительно до неприятности улыбаясь.
Бойко, посапывая, пронесся Владимир Анатолич.³⁰
Мелькнуло каменно-крысиное лицо Бориса Викторовича.
— Подлец, прошипело мне вдогонку, подлец!³¹
— Ну, а как пел он, — всхлипывал Николай, выпуская
меня, — как он пел!
Мне стало горько.

Подполье ³²
1903.
Весна.

¹ Гостиница «Золотой Якорь», одним из постояльцев которой в 1900—1901 году был Н. А. Бердяев. См.: Мельникова Е. ...Остановились в «Золотом Якорь» // Вологодский комсомолец. 1989. 22 окт.

² В тексте «Некролога», хранящемся в американском Архиве Ремизова (USA, Amherst College. The Center for Russian Culture), рядом с указанным именем в скобках приписана фамилия «Белозеров».

³ Жданов В. А. (1863—1932) — присяжный поверенный, за принадлежность к партии «Народное право» в 1895—1897 гг. находился в ссылке в Грязовце, после окончания срока проживал в Вологде под негласным надзором полиции. В 1902—1903 гг. квартира Жданова использовалась как явка, здесь же обычно устраивались проводы ссыльных. См. упоминания о нем: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // Europa Orientalis. 1987. № 6. С. 257, 302; Ремизов А. Иверень. Загогулины моей памяти / Ред., послесл. коммент. О. Раевской-Хьюз. Berkeley, 1986. С. 246, 250, 370.

⁴ Савинков Б. В. (1879—1925) — один из руководителей партии эсеров, писатель, был сослан в Вологду в 1902 г., откуда в 1903 сбежал через Архангельск за границу (См.: Савинков Б. В. Воспоминания // Былое. 1917. № 1 (23). Июль. С. 149—150). См. упоминания о нем и примечания: Ремизов А. Иверень. С. 264—272, 342.

⁵ Бердяев Н. А. (1874—1948) — о вологодском периоде жизни философа см.: Вадимов А. Жизнь Бердяева. Россия. Berkeley, 1993. С. 44—56; Бердяев Н. А. Самопозна-

ние (опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 127—130. Ср. с воспоминаниями Ремизова о Бердяеве, навеянными известием о его смерти: «46 лет назад (проводы) „Золотой Якорь“ — Grand Hôtel вологодский „шикарный“, избалованный судьбой Николай Александрович, шампанское» (*Кодрянская Н.* Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 103). См. также вступ. заметку к настоящей публикации, прим. 8.

⁶ Подразумевается эротическая сказка А. С. Пушкина «Царь Никита и сорок его дочерей».

⁷ Неустановленное лицо.

⁸ *Маделунг Аггей Андреевич (Оге, Ааге)* (1872—1949) — датский писатель. В начале 1900-х гг. был скупщиком и экспортером масла в Вологде; начинающий писатель в последующие годы состоял в дружеской переписке с Ремизовым. (См.: Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. П. Альберга Енсена и П. У. Мёллера. Copenhagen, 1976). В Вологде ссыльные часто собирались в доме Маделунга. Об одной из таких встреч Ремизов вспоминал: «Помню один вечер — был Савинков, Щеголев, еще Жданов. Сидели, рассуждали — мирно шел разговор, только очень напряженно — Савинков тогда еще только готовился к подвигам своим, кипело. — И вдруг во время разговора хозяин наш ни с того, ни с чего вскопил на стол и, представляя коня, пустился по столу беситься, как настоящий стоялый жвытский конь» (*Ремизов А.* Крашенные рыла. Театр и книга. Берлин, 1922. С. 39).

⁹ *Сегаль Соломон Леонтьевич* — хозяин часового магазина в Вологде.

¹⁰ В 1895 г. Щеголев поступил на санскрито-персидско-армянский разряд факультета восточных языков С.-Петербургского университета и весьма преуспел в своих занятиях до ареста и высылки в Вологду.

¹¹ Имеется в виду увлечение Щеголева творчеством М. Метерлинка.

¹² Подразумевается конфликт Ремизова с Щеголевым, и прежде всего, с активистами «боевой» партии эсеров — Савинковым и И. Каляевым, связанный с женитьбой Ремизова на ссыльной С. П. Довгелло. Ср. с письмом Ремизова Щеголеву, препровожденным экземпляром публикуемого «Некролога»: «Фразу „Ремизов — Свин-чали“ считаю сомнительной». (*Ремизов А.* Письма к П. Е. Щеголеву. РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 4, № 1479—1610, л. 36). Подробнее о ссоре см.: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой // *Europa Orientalis*. 1985. № 4. S. 155—156. Отголоски этого сюжета проявились в письме Ремизова к жене 1904 года, позднее дополненные авторскими комментариями в квадратных скобках: «...вспомнил, Маделунг говорит, что „там“ [Б. В. Савинков] <пояснение Ремизова, объединяющее под именем Савинкова мнение активистов партии эсеров, к которой принадлежала С. П. Довгелло. — Е. О. > убеждены, что я умышленно допустил рождение ребенка, чтобы окончательно тебе отрезать путь к возвращению в лоно старых интересов и „жизни“ [т. е. к революционной деятельности]. Вот почему, должно быть, П. Е. Щеголев не ответил на письмо и вообще замолчал» (На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // *Europa Orientalis*. 1987. № 6. S. 264).

¹³ Подразумевается распространенное суждение, иронически поддержанное Савинковым и Щеголевым, по поводу личности и первых литературных опытов Ремизова. Ср.: «Еще с Устьсысольска пошла обо мне молва: по жандармской линии, как о опасном революционере <...>, а в мире ссыльных, как о „декаденте“: я разлагаю и устраиваю всякие помешаща, поощряя всякое распутство» (Там же // *Europa Orientalis*. 1985. № 4. S. 155).

¹⁴ *Крыжановская (в замуж. Тучапская) Вера Григорьевна* (1866—?) — домашняя учительница, за принадлежность к киевскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» отбывала ссылку в Вологде (с 9 мая 1900 г. по март 1903 г.), где входила в литературную социал-демократическую группу. В книгу «Иверень» не вошел «Некролог» В. Г. Тучапский, сочиненный Ремизовым на день ее отъезда из Вологды 22 марта 1903 г. (Архив А. Ремизова. USA, Amherst College).

¹⁵ *Давыдов Иосиф Александрович* (1866—1942) — теоретик-марксист, к моменту ссылки в Вологду автор книги «Что же такое экономический материализм?» (Харьков, 1900). См. упоминания о Давыдове в тексте, посвященного ему шуточного «Некролога», и примечания: *Ремизов А.* Иверень. С. 246, 256—257, 369.

¹⁶ Вероятно, пародийное воспроизведение выступления А. А. Богданова, который в идеологических спорах ссыльных составлял оппозицию Бердяеву (см. об этом: Марксисты-ленинцы в Вологодской ссылке (Из истории Вологодской политической

ссылки 1893—1914 гг.): Сборник документов и материалов. Архангельск, 1977. С. 26—27).

¹⁷ *Богданов Александр Александрович* (наст. фамилия Малиновский, 1873—1928) — философ, сочетавший марксизм с эмпириокритицизмом Маха и Авенариуса; к моменту ссылки автор «Краткого курса экономической науки» (М., 1897 и др. изд.); в вологодской ссылке с 1901 по 1904 год. См. упоминания о нем и примечания: *Ремизов А. Иверень*. С. 245; На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // *Europa Orientalis*. 1985. № 4. S. 156—159.

¹⁸ См. прим. 9.

¹⁹ В тексте «Некролога», хранящемся в американском Архиве Ремизова (USA, Amherst College), упоминается лесоторговец Гириш.

²⁰ По-видимому, названия речных пароходов, приходивших в Вологду.

²¹ См. прим. 3.

²² Жена В. А. Жданова.

²³ *Сигорский Николай Васильевич* — ссыльный, присяжный поверенный, и его жена — Анна Александровна; упоминаются в книге «Ивернь» (С. 246).

²⁴ *Сегаль Анна Яковлевна* — жена С. Л. Сегалья.

²⁵ *Кистяковский Борис Александрович* (1869—1920) — философ права; в 1890-х гг. организатор марксистской пропаганды в студенческих кружках Киева; с осени 1902 по весну 1903 г. находился в Вологде, где отбывала ссылку его жена М. В. Бернштам. См. упоминания о нем и примечания: *Ремизов А. Иверень*. С. 249, 374.

²⁶ Очевидно, любимая песня «Казнь Стеньки Разина» в «С. С. А.» (см. прим. к тексту «Иверня». С. 376). Неслучайно строки из этой песни Ремизов приписывает в своем письме к Щеголеву от 21 мая 1903 года (см.: *Ремизов А. Письма к П. Е. Щеголеву*. Л. 32). О щеголевской любви к пению Ремизов вспоминал: «...Павел Елисеевич Щеголев — как жили мы вместе в Вологде, все, бывало, за делами, куда уж тут петь, а как попадем в баню, тут вот и начинается — уж так поет, как свирепствует, вологжане, как, бывало, завидят нас с узелками, опрометью, кто в чем и прямо к бане: всякому, ведь, охота ерихонского пения послушать» (*Ремизов А. Крашенные рыла*. Тетрадь и книга. Берлин, 1922. С. 38).

²⁷ Припев песенки Париса из оперетты Ж. Оффенбаха «Прекрасная Елена» (см.: *Ремизов А. Иверень*. С. 201, 348).

²⁸ *Шен Борис Эдуардович* — вологодский ссыльный.

²⁹ См. вступ. заметку, с. 180—181.

³⁰ Неустановленное лицо.

³¹ По-видимому, фраза, обнаруживающая характер «гонений», которым подвергся Ремизов за свое «пагубное» влияние на С. П. Довгелло. См. прим. 12.

³² Топонимика, характерная для автометаописаний Ремизова последних месяцев пребывания в Вологде, когда в результате конфликта с Савинковым и Каляевым, он оказался в изоляции от дружеского общения. Подробнее см.: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой // *Europa Orientalis*. 1985. № 4. S. 155—168. Такое же определение личного пространства находим и в письмах Ремизова к Щеголеву, относящихся к этому времени.

ФЕДОР СОЛОГУБ И АН. Н. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ

ПЕРЕПИСКА С А. А. ИЗМАЙЛОВЫМ

Публикация М. М. Павловой

Александр Алексеевич Измайлов (1873—1921) — один из немногих критиков и журналистов, с кем Федор Сологуб (Федор Кузьмич Тетерников; 1863—1927) поддерживал деловые и дружеские связи много годы. Чрезмерно мнительный, строптивый и взыскательный в отношениях с окружающими, писатель подозрительно и болезненно воспринимал суждения о своем творчестве, был способен резко порвать с «обидчиком» или публично «наказать» его (один из характерных сологубовских афоризмов: «Где люди — там скандал, где скандал — там люди, где нет скандала — там нет людей»¹). Именно по этой причине сам факт многолетней переписки Сологуба с Измайловым, известным независимостью эстетических взглядов и мнений, (автором нескольких нелицеприятных статей о романе «Творимая легенда») и, кроме того, «зубастым» пародистом представляется почти невероятным и, несомненно, заслуживает внимания.

Знакомство А. А. Измайлова и Ф. Сологуба, по-видимому, состоялось в газете «Биржевые ведомости». В 1898 г. начинающий журналист был введен в редакцию И. И. Ясинским и в течение почти двух десятилетий состоял ее «присяжным» критиком² (с 1898 по 1916 вел ежедневную рубрику «Литературное обозрение»). Контакты Сологуба с «Биржевыми ведомостями» до 1910 г. носили эпизодический характер: в мае-августе 1897 г. в газете были помещены три его стихотворения и рассказ «Шаня и Женя»,³ вновь имя писателя на страницах издания появилось в 1904—1905 гг. К этому времени относятся самые ранние дошедшие до нас обращения Сологуба к Измайлову; 18 декабря 1905 г. он писал ему: «Многоуважаемый Александр Алексеевич. Мне удалось быть аккуратным — как раз в назначенный срок посылаю Вам для „Народной свободы“⁴ рассказ „Рождественский мальчик“. Заходите ко мне вечером по воскресеньям, буду очень рад. Готовый к услугам Федор Тетерников».⁵ Рассказ был напечатан в рождественских выпусках газеты (Биржевые ведомости. 1905. № 9149 и 9150, 26 и 27 дек.). 2 марта 1906 г. Сологуб сообщал своему корреспонденту: «В воскресенье 5 марта я прочту мой новый рассказ „В толпе“. Буду очень рад, если Вы пожелаете послушать его».⁶ Однако «воскресенья» (поэтические вечера на квартире Сологуба при Андреевском городском училище, где он служил учителем-инспектором) Измайлов, перегруженный редакторской работой, не посещал. 16 февраля 1907 г. писатель сетовал: «Вы все не собираетесь ко мне в воскресенье („у такого-то поэта“).

Буду очень рад, если Вы придете. У нас собираются каждое воскресенье, читает кто-нибудь каждый раз. Искренне преданный Вам Федор Тетерников)».⁷

В то же время журналист внимательно наблюдал за творчеством Сологуба и в своих статьях и редакционных заметках периодически отмечал его художественные достижения. В ноябре 1907 г. Измайлов (один из первых) откликнулся на успех постановки «Победы смерти» в театре В. Ф. Комиссаржевской («Трагедия Сологуба написана в новых тонах, с тем изяществом и силой лаконизма, какие отличают новейшую драму»).⁸ В январе 1908 г. критик констатировал: «Звезда Сологуба разгорелась. <...> Имя его мелькает во всех изданиях, которые, может быть, не совсем справедливо назвать интереснейшими, но необходимо назвать любопытнейшими. Нужно отдать должное Сологубу, — он усиленно напоминает о себе и издает буквально книгу за книгой, и все это согрето лучами бесспорной талантливости». ⁹ В августе 1908 г. Измайлов печатает отрицательную рецензию (первую) на рассказ «Опечаленная невеста»,¹⁰ а в октябре берет у писателя свое первое интервью.¹¹ С декабря 1909 г. имя Сологуба стало неизменно встречаться в годовых литературных обзорах «Биржевки»,¹² автором которых являлся А. Измайлов.

Установлению эпистолярного диалога между писателем и критиком немало способствовала жена Сологуба — Анастасия Николаевна Чеботаревская (1876—1921). Весной 1910 г. она отправила Измайлову благодарственное письмо в ответ на его положительную рецензию на постановку «Мелкого беса» в театре Незлобина (Биржевые ведомости. Веч. вып. 1910. № 11604, 9 марта), в которой, по ее мнению, он точно прояснил публике художественный замысел произведения. Отзыв Чеботаревской вызвал сочувствие Измайлова и послужил поводом для возобновления почти прекратившихся после 1907 г. творческих связей Сологуба с «Биржевыми ведомостями».

В начале 10-х гг., по инициативе редакции, писатель входит в состав постоянных сотрудников газеты, а также других Пропперовских¹³ периодических изданий — «Огонька», «Новой иллюстрации», «Нового слова». Наиболее интенсивной в эти годы стала и переписка Измайлова (он комплектовал беллетристический «портфель» редакции) с автором «Мелкого беса», получившим широкое признание после нескольких переизданий романа.

Первоначально отношения корреспондентов развивались в пределах регламентированных реляций редактора многотиражки и пользовавшегося «рыночным» спросом беллетриста. Преданность Измайлова классической прозе (творчеству Л. Толстого, Достоевского, Тургенева, Гончарова, Лескова, Чехова) с позиции которой он оценивал достижения современных авторов, глубокие симпатии к «старым мастерам» (Е. А. Салиасу, И. И. Ясинском, В. С. Соловьёву), открытая приверженность к писателям реалистического направления (Куприну, Амфитеатрову, Горькому), сочувственное внимание к прозе Л. Андреева, и в то же время его настороженное, а подчас и враждебное, отношение к «новому искусству» (неслучайно на одном из шаржей критик был назван «декадентское пугало»),¹⁴ непонимание творческих интенций З. Гиппиус, Блока, А. Белого, Вяч. Иванова, Кузмина, определенным образом дистанцировали отношения Сологуба и Измайлова.

По-видимому, не располагали к активному дружескому сближению и хорошо известные писателю статьи и газетные высказывания критика, отнюдь не комплиментарного характера, пестрящие резкими суждениями и колкостями по поводу его произведений. Показательно, например, что раздел «У стола клиники (Патологическая беллетристика)» в сборнике статей Измайлова «Помрачение божков и новые кумиры» (М., 1910) открывался именем Сологуба, который был представлен как «автор причудливых, странных, безумных, с общепризнанной точки зрения, стихов и капризно-натуральных, невероятных рассказов», как творец «примитивно „символических“ произведений и «прописных аксиом». «Какое странное, неровное, болезненное даро-

вание отличает г. Сологуба, — восклицает Измайлов, — и какое-то точно переломное, уклонное, нездоровое явление представляет он в литературе нашего момента».¹⁵

Обнаружив «ахиллесову пята» сологубовской манеры (привычная мишень для критических выпадов против писателя еще со времени появления его первого рассказа «Тени», 1894), критик продолжал «надавливать» на нее и в последующих работах — в статье «Загадки сфинкса» и «Чарования красных вымыслов», включенных в авторский сборник «Литературный Олимп» (М., 1911). Несмотря на общий благоприятный тон суждений и данную в них в целом позитивную оценку художественного мастерства и творчества Сологуба Измайлов весьма резко высказал собственное недоумение и разочарование относительно первых частей романа «Творимая легенда»: «Я давно жду появления в русской литературе серьезной работы врача психиатра, который бы взглянул на многие наши литературные явления последних лет не с точки зрения человеческого вырождения, как это делал Макс Нордау,¹⁶ но с простой точки зрения врача, изучающего неврастеников. „Навыи чары“ — типичнейшее явление этой категории. Эта развинченность воображения, эта капризная смесь реального с чистой фантастикой, эти невольные там и здесь проявления не совсем здорового эротического чувства, это, наконец, разбросанный и лапидарный стиль, напоминающий небрежный черновик или заметки записной книжки, — все это несомненные симптомы больного века. <...> Всякий шаг модного человека подхватывается и пародируется сотнями литературных ничтожеств, и вот почему я считаю последний роман Сологуба не только ошибкой, но и преступной ошибкой. Один из очень талантливых писателей, автор превосходного „Мелкого беса“, поэт, насчитывающий в своих книгах десятки стихотворений истинно-прекрасных, — он дает пример великого соблазна „малым“, узаконяя своим авторитетом бесшабашное, разнузданное, невменяемое и никчемное сочинительство, в котором литературные бескутники готовы видеть новое слово и урок маэстро».¹⁷

Особо отметив, что роман Сологуба «дружно пародировали специалисты» («Одна-другая эффектно выхваченная из него страница обошла десятки газет в сопровождении восклицаний недоумения и некоторого смущения»),¹⁸ Измайлов после выхода третьей части «Творимой легенды» — «Дым и пепел» поместил в «Огоньке» собственную пародию на роман под названием «Пепел и жупел»¹⁹ и в результате едва не рассорился с Сологубом окончательно (см. публикуемые письма). Впрочем, следует заметить, что известный пародист никогда не обижал невниманием «выигрышного» автора: во второе издание сборника «Кривое зеркало» он ввел пародию на «Ночные пляски»,²⁰ а в книге «Осиновый кол» удостоил Сологуба неллицеприятной карикатурой:

И весь вдохновенье был Федор Кузьмич,
Черна его львиная грива...
В гербе его графском — сноп розог и бич,
И лик Недотыкомки-дива.²¹

Достаточно трезво и профессионально оценивая реальный вклад писателя в русскую литературу (роман «Мелкий бес», лирику), Измайлов постоянно указывал на опасное содержание в его сочинениях так называемых декадентских «отрав». В разгар кампании, организованной в 1912 г. газетой «Биржевые ведомости» для борьбы с катастрофическим ростом самоубийств, критик счел необходимым напечатать следующие строки: «В сущности, поэтизация смерти, как блага, как счастья, совсем не нова, и у нас она имеет такого убежденного и талантливого апостола, как Сологуб. Правительства не оберегают народов от этой проповеди, как оберегают от скопческих и иных изуверческих сект, от книг, соблазняющих гнусными опытами черной магии, черными мессами и половыми извращениями».²²

Подобные суждения хотя и вносили в отношения литераторов заметную ноту отчуждения, но все же не препятствовали их деловому соглашению, о чем свидетельст-

вуют многочисленные публикации художественных произведений и статей Сологуба в «Биржевых ведомостях» и «Огоньке» за период 1912—1916 гг. и не менее многочисленные редакционные заметки о жизни писателя и отклики на его новые работы, включая театральные постановки и поездки с лекциями по России, регулярно печатавшиеся в газете. Со временем, благодаря большому личному обаянию и неподдельной искренности, деловитости и общительности Измайлова эти, прежде только рабочие, сношения преобразились в дружеские,²³ что, в конечном результате, и позволило обоим корреспондентам многие годы поддерживать взаимный интерес к работе друг друга и преодолевать не раз возникавшие между ними конфликтные ситуации.

В конце 1916 г. в качестве главного редактора Измайлов вошел в редакцию газеты «Петроградский листок». В скором времени при его поддержке Сологуб становится постоянным сотрудником этого печатного органа, что обеспечило ему и Ан. Чеботаревской возможность в трудные для внепартийной художественной интеллигенции годы (1917—1918) не только не чувствовать себя «с зажатым ртом», но и получить необходимый заработок. По инициативе Измайлова, по-видимому, в редакции «Петроградского голоса» (бывш. «Петроградский листок») родилась идея написания коллективного романа «Чортова дожина» (или «Роман 13-ти»), в создании которого участвовал и Сологуб. Помимо заявленного со страниц многотиражки желания редакции — отвлечь читателей от кровавых будней, автор замысла, несомненно, имел и более важную цель — накормить голодающих литераторов.²⁴

Переписка Сологуба и Измайлова обрывается летом 1918 г., то есть сразу же после окончательного запрещения «Петроградского голоса». Однако можно предположить, что отношения писателей не прервались вместе с прекращением делового сюжета, связывавшего их многие годы газетной работой. 19 марта 1921 г. на Смоленском кладбище состоялись похороны А. А. Измайлова, по свидетельству современника, за гробом умершего шли трое — И. И. Ясинский, <Н. В.> Сперанский и Федор Сологуб.²⁵

Корреспонденция Сологуба, как правило, не отличалась живостью письма или проникновенной задушевностью интонации. Эта особенность (его любовь к жанру письма) не осталась незамеченной современниками. В декабре 1927 г. П. Н. Лукницкий записал со слов А. А. Ахматовой: «Думает, что Сологуб вряд ли поддерживал с кем-либо (особенно в последние годы) переписку (такую, которая была бы — как переписка Блока — творчеством). Сологуб в Царском Селе сказал ей, что не переписывается ни с кем, потому что считает, что писать письма, значит отдавать какую-то часть самого себя. Зачем это делать? Правда, это могло быть сказано Сологубом только из любви к парадоксам».²⁶ О. Н. Чернозитова (рожд. Чеботаревская, сестра Анастасии Николаевны Чеботаревской-Сологуб), разбиравшая в 1928 г. писательский архив перед передачей его в Пушкинский Дом, отмечала: «Есть письма от литераторов, причем к Насте они интереснее, пожалуй, так как более жизненны там, <где> у Ф<едора> К<узъмича> носят характер холодноватого преклонения»;²⁷ его ответные письма были отмечены сухостью, подчеркнутой вежливостью, а подчас и обидным для адресата менторским или даже саркастическим тоном.

Послания Сологуба к А. А. Измайлову не вполне укладываются в эту традицию. Несомненно, их нельзя назвать литературными письмами в собственном смысле (по преимуществу они относятся к жанру делового сообщения «по поводу»), и тем не менее, в них зримо проступает личность художника, звучат присущие ему мысли и индивидуальные настроения, обсуждаются вопросы, важные как для понимания эстетики символизма, так и для его собственного творчества: проблема плагиата, мифопоэтическая природа символистских произведений, восприятие нового русского искусства

на Западе, выявление этических границ пародийного жанра, личное отношение к футуризму, Игорю Северянину, восприятие прозы М. Горького, отношение к войне с Германией и германской культуре, проблемы социального заказа в художественной литературе, писательской этики и многие другие.

Тематически обособленную группу составляют письма 1917—1918 гг.; по форме они напоминают наспех составленные записки с просьбой поместить в «Петроградском голосе» злободневную статью, объявление или заметку о лекции или собрании, которые устраивались в Академии художеств членами Комитета уполномоченных Союза деятелей искусства (Сологуб являлся одним из его руководителей с момента организации СДИ в марте 1917 г.). Сопоставление этих немногословных обращений и конкретных событий художественной жизни Петрограда, получивших освещение в независимой печати, дает представление о степени политической активности Сологуба и его поистине напряженной общественной работе, направленной на утверждение воли искусства и его полной автономии в условиях большевистского режима (до настоящего времени этот период жизни писателя остается недостаточно исследованным).

Письма Ан. Чеботаревской к А. Измайлову имеют иной характер: многие из них могут послужить реальным комментарием к биографии Сологуба, в них содержится детальный рассказ о его работе и отдыхе, творческих замыслах и литературных успехах. Нередко Чеботаревская составляла свои послания целенаправленно — в форме «отчета» для помещения в специальной рубрике «Биржевых ведомостей» — «В литературном мире», и, как правило, Измайлов помещал их в газете без особой редакторской правки, не пренебрегая бытовыми подробностями, сообщенными корреспонденткой (когда автор «Мелкого беса» встает, обедает, купается и т. п.). Увлеченная пропагандой творчества мужа, Чеботаревская нередко выступала в роли его «импресарио» и бессознательно вносила в отношения Сологуба и Измайлова «потребительский интерес», регламентировала их по схеме: известный критик и журналист о маститом писателе.

Впоследствии и сам Сологуб стал обращаться к Измайлову в жанре отчета, сообщая для читателей газеты необходимую информацию «о себе», которую обозреватель излагал на страницах «Биржевки» в форме интервью с писателем, непосредственно цитируя фрагменты его посланий. Благодаря этой особенности переписки мы можем восстановить отдельные из ее утраченных звеньев; отрывок из несохранившегося письма Сологуба прочитывается, например, в литературной хронике «Биржевых ведомостей» за 28 октября 1913 г.: «<...> Писатель только что закончил перевод вещей немецкого романтика Клейста, застрелившегося лет сто тому назад. <...> — Относительно переводов своих, — говорит писатель, — я должен подчеркнуть, что они для меня разорительны с практической точки зрения, но зато работа над ними доставляет мне огромное наслаждение. Перевод для меня все равно, что пианисту играть экзерсисы; переводы предъявляют огромные требования языка, и то, что пианист достигает в передаче языка композитора, я стремлюсь дать в стиле. Особенно усердно работаю над формой. Стихов пишу больше, чем нужно для людей, и в этом несчастье мое...» (№ 13826).

Многочисленные очерки Измайлова о мастерах слова позволяют заключить, что более всего он ценил в быту и общественной позиции художника скромность, отсутствие всякой претенциозности, с особой нежностью писал о Чехове, Л. Толстом, Е. Салиасе, Ясинском, К. Фофанове, И. Л. Щеглове-Леонтьеве. Родственные черты писательского облика привлекли его и к Сологубу (эпохи «Мелкого беса»), которого он не случайно назвал «Северным сфинксом».²⁸ В одной из первых развернутых статей о его творчестве он заметил: «В последние годы, которые поистине можно назвать комическим временем в литературе, мы узнали мельчайшие подробности жизни не

только о тех настоящих писателях, о которых действительно интересно знать и мелочи их жизни, но и относительно совершенных пустышек, докладывавших нам с лобезной поспешностью, из скольких гимназий и сколько раз их исключали и сколькими парами брюк они располагают. Бесспорное достоинство Сологуба, — что и в дни, когда, несомненно, ему не было отбоя от газетчиков, он сумел сохранить гордое одиночество и красивую тишину в своем доме и в своей душе. Взысканный известностью, он не сделал ни малейшего шага в сторону лобезных интервьюеров. Не только ни один интервьюер не рассказал мелких подробностей его домашнего уклада, но мы даже не знаем о нем самых общих сведений, которые неизбежно узнаешь просто о сколько-нибудь даровитом пишущем человеке, года через три его работы. Это какой-то Мельхиседек в литературе без генеалогической таблицы, без послужного списка». ²⁹

Явные перемены в жизни Сологуба последующих лет и его новый писательский облик, активно создаваемый и пропагандируемый Ан. Чеботаревской, очевидно, уже не отвечали образу Мельхиседека или Сфинкса. Примечательно в этой связи, что после ряда сдержанных или отрицательных статей и заметок о трилогии «Творимая легенда» Измайлов фактически прекратил писать критические очерки о творчестве Сологуба и позднее ограничивался лишь краткими рецензиями или редакционными сообщениями в литературной хронике (без подписи) о его новых книгах или передвижениях по России.

Письма-отчеты составляют наиболее информативную часть переписки Чеботаревской с Измайловым, но не исчерпывают ее содержания в целом. Большой интерес представляют те из них, в которых писательница с присущей ей горячностью натуры и живостью восприятия откликается на те или иные литературные события — на смерть К. Фофанова или публикацию сказки Горького о Смертяшкине. Именно в этих посланиях, «не для читателя», с особой полнотой раскрывается импульсивная личность Чеботаревской, ее болезненная мнительность, взыскательность и щепетивность в отношении с людьми, исключительная преданность авторитету мужа и искреннее стремление предстать вместе с ним перед общественным мнением своеобразным «андрогином» — идеальным двуединством «Сологуб-Чеботаревская».

Материалы трехсторонней переписки Федора Сологуба и Ан. Чеботаревской с А. А. Измайловым, хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, представляют собой комплекс из 116 писем, в составе которого 46 писем Ф. Сологуба (ф. 289, оп. 2, № 7; ф. 115, оп. 3, № 398), 22 письма Анс. Чеботаревской (ф. 289, оп. 5, № 5; ф. 115, оп. 3, № 351), а также 41 письмо А. Измайлова к Сологубу (ф. 289, оп. 3, № 300) и 7 писем к Чеботаревской (ф. 289, оп. 5, № 114). Письма Сологуба, за редким исключением, не датированы, конверты при них не сохранились, в большей части писем Измайлова и в отдельных письмах Чеботаревской даты также отсутствуют. Вся переписка в целом не претендует на полноту и в совокупности не представляет собой последовательные диалоги или согласный хор участников. Местонахождение ее недостающих фрагментов в настоящее время не известно, возможно, многие письма утрачены. Архив Измайлова был чрезвычайно богат разнообразными литературными документами, отдельные бумаги, например, еще в середине 10-х гг. критик начал передавать в коллекцию Ф. Ф. Фидлера,³⁰ впоследствии часть ее была вывезена в Европу. Для данной публикации из личных фондов Ф. Сологуба (ф. 289) и А. А. Измайлова (ф. 115) были отобраны 101 письмо, содержание которых или сохранившиеся при них конверты позволяли восстановить в хронологической последовательности реальное течение взаимоотношений сторон, и также два письма Сологуба к Измайлову из собрания П. Л. Вакселя (ф. 124) в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Тексты писем воспроизводятся по автографам и авторизованной машино-

писи, орфография и пунктуация приведены в соответствии с современной нормой. Примечания расположены подстрочно к каждому письму.

¹ *Перцов П. П.* Литературные воспоминания. 1890—1902 гг. М.; Л., 1933. С. 233.

² *Тяпков С. Н. А. А. Измайлов // Русские писатели: Биографический словарь.* М., 1992. Т. 2. С. 403.

³ «Мы поздно встретились...», В весенний день, Диалог («И ты живешь без идеала...») // *Биржевые ведомости.* 1897. № 113, 161, 210, 27 апр., 15 июня, 3 авг.; Шаня и Женья // *Биржевые ведомости.* 1897. № 133 и 135, 17 и 19 мая. Далее в примечаниях название этой газеты дается сокращенно: БВ.

⁴ В декабре 1905 г. газета «Биржевые ведомости» выходила под названием «Народная свобода» (№№ 1—5).

⁵ Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 227, оп. 1, № 156.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ *Измайлов А.* Новая пьеса Ф. Сологуба в театре Комиссаржевской // *Русское слово.* 1907. № 258, 9 (22) нояб. С. 5.

⁹ *Измайлов А.* Что нового в литературе? Больное творчество. — «Навы чары» Ф. Сологуба // БВ. 1908. Утр. вып. № 10296, 12 янв. С. 2.

¹⁰ *И. <А. А. Измайлов>.* Из книги и жизни («Чего никогда не бывает». Беллетристика «Образования») // *Русские ведомости.* 1908. № 186, 12 авг. С. 3—4.

¹¹ *Аякс <А. А. Измайлов>.* Ф. Сологуб о своих произведениях // БВ. Веч. вып. 1908. № 10761, 16 окт. С. 3.

¹² *Измайлов А.* На отмели (Итоги литературного года) // БВ. Утр. вып. 1909. № 11496, 16 дек.

¹³ То есть периодические издания, принадлежавшие их владельцу, основателю и издателю — Станиславу Максимилиановичу Пропперу (1855—1931).

¹⁴ *Гом-Барз Ю.* Декадентское пугало, или книжник, но не Фарисей «Биржевки» и «Русского слова» // *Оса.* 1912. № 9. С. 1.

¹⁵ *Измайлов А. А.* У стола клиники (Патологическая беллетристика) // *Измайлов А. А.* Помрачение божков и новые кумиры. Книга о новых веяниях в литературе. М., 1910. С. 167, 169.

¹⁶ *Нордау (наст. фам. Зигфельд) Макс* (1849—1925) — немецкий критик и публицист, последователь Ломброзо; автор знаменитой книги «Вырождение» (в русском переводе — 1893), в которой он назвал декадентов «вырожденцами» и преступниками и требовал их «уничтожения» для оздоровления общества.

¹⁷ *Измайлов А.* Загадка сфинкса // *Измайлов А.* Литературный Олимп. М., 1911. С. 316, 324.

¹⁸ Там же. С. 310.

¹⁹ *Измайлов А.* «Дым и жупел» (Творимая легенда в 6 частях да еще с терцинами) // *Огонек.* 1913. № 3, 20 янв. (2 февр.). <С. 13>; под названием «Пепел и жупел» в кн. А. Измайлова «Осиновый кол. Книга пародий и шаржа (2-й томик „Кривого зеркала“)» (Пг., 1915. С. 84—88).

²⁰ *Измайлов А.* Ночные пляски // *Измайлов А.* Кривое зеркало. СПб., 1912. С. 73—78.

²¹ *Измайлов А.* Среди бегов // *Осиновый кол.* С. 75.

²² *Измайлов А.* Банкротство идеалов // *Измайлов А.* Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья. М., 1913. С. 25—26.

²³ Среди недатированных посланий Измайлова к Сологубу (в публикации текст не приводится) сохранилось его приглашение на именины, которые он ежегодно отмечал 30 августа в кругу журналистов и литераторов, близких редакции «Биржевых ведомостей»: «Буду искренно рад видеть в этот день у себя дорогого Федора Кузьмича и Анастасию Николаевну, если она не побрезгует теснотой и скудостью моего жилища. Душевно преданный А. Измайлов. Трамвай № 4 до моего крыльца» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 300, л. 60).

²⁴ Подробнее об опыте коллективного романа «Чортова дюжина» см. в публикации, с. 280, 283, 286—287.

²⁵ *Андрей Скорбный* <В. В. Смирнский>. Александр Алексеевич Измайлов. Пг., 1922. С. 20.

²⁶ *Лукницкий П. Н.* Встречи с Анной Ахматовой. 1926—1927. Париж; М., 1997, Т. 2. С. 330.

²⁷ РО ИРЛИ. Поступление 1987 г. № 24 (письмо 1928 г. О. Н. Черносвитовой к сестре, Т. Н. Чеботаревской).

²⁸ *Измайлов А.* Северный сфинкс (Федор Сологуб и его писательство) // БВ. 1910. № 11599, 6 марта. С. 2.

²⁹ *Измайлов А.* Загадки сфинкса // *Измайлов А.* Литературный Олимп. С. 301.

³⁰ См.: Письмо А. А. Измайлова Ф. Ф. Фидлеру 1914 г. (Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки, ф. 309, № 26, л. 2). В 1917 (?) г. на просьбу Э. П. Юргенсона передать или продать ему автографы литераторов, Измайлов ответил: «Многоуважаемый Эрнест Петрович, я не бросаю полученных мною писем, если они не лишены интереса, но назвать меня собирателем автографов было бы ошибкою. К автографу, как собственно автографу, я почти равнодушен. <...> Все, мне не нужное из писем и записок, при жизни Фидлера я отсылал ему, — на это давало право его исключительное положение в литературе и общий литературный взгляд на него. Сейчас я бы затруднился передавать многие записки, в которых всегда есть хоть малая доля интимного, — одинаково — лицу или учреждению» (Там же, ф. 124, № 1837).

1

9 (22) июня 1906.

9 июня 1906

Шафраново, Самаро-Златоуст<ской> ж<елезной> д<ороги>,
Кумысо-лечебное заведение врача Нагибина

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Простите за доuku, рассчитывая на Вашу любезность, позволю себе побеспокоить Вас вот какою просьбою. Забравшись на кумыс в Уфимскую губернию,¹ я несколько спутался в счетах: думая, что подписался на «Биржевые ведомости», но с первого числа газеты не получаю. Написал к себе домой, чтобы подписались вновь, пока же газеты не получаю. А потому, не будете ли Вы добры сообщить мне, как думает редакция поступить с моим рассказом «В толпе», когда его напечатает?² Буду очень благодарен за сведения.

Как поживаете? Не собираетесь ли куда-нибудь на лето? Желаю Вам всего хорошего и приятного. Переданный Вам

Федор Тетерников.

¹ Летом 1906 года Сологуб выезжал в Уфимскую губернию для лечения сестры — Ольги Кузьминичны Тетерниковой (1866—1907), страдавшей туберкулезом.

² Рассказ «В толпе» был напечатан в «Новой иллюстрации» при «Биржевых ведомостях» в феврале 1907 (№ 3, 5 февр.; № 4, 19 февр.).

2

4 (17) января 1907.

4 января 1907

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

По поводу моего рассказа «В толпе», который, очевидно, оказывается слишком великим для «Биржевых ведомостей», я придумал предложить такую комбинацию — и, кажется, она будет удобна для обеих сторон; взамен этого рассказа я доставлю для «Биржевых ведомостей» два и три маленьких рассказа, удобного для «Биржевых ведомостей» размера, в общей сложности приблизительно такой же величины, а рассказ «В толпе» редакция соблаговолит мне вернуть. Если эта комбинация приемлема, то первый из заменяющих рассказов я доставлю скоро, в течение месяца, а остальные в такие же сроки. Что Вы на это скажете? Буду рад, если это Вам понравится. Преданный Вам искренно

Федор Тетерников.

3

10 (23) октября 1908.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

В субботу 11 октября я буду ждать Вас от 12 до 3 дня. Вечер у меня будет не свободен. С искренним уважением

Федор Тетерников.

Датируется по почтовому штемпелю.

4

4 (17) март 1909.

4 марта 1909

Дорогой Александр Алексеевич,

Позвольте просить Вас оказать любезное содействие устроителям благотворительного спектакля 9 марта, на котором идет моя пьеса «Ночные пляски». В других газетах были и заметки и бесплатные объявления об этом спектакле. Буду очень Вам признателен, если Вы будете любезны позаботиться о том, чтобы в вечерних «Биржевых ведомостях» были напечатаны и заметка и бесплатное объявление.¹ Материал для этого при этом прилагается.

Ваш Федор Тетерников.

¹ Объявление о представлении драматической сказки «Ночные пляски» в Литейном театре было напечатано в «Биржевых ведомостях» 6 марта (веч. вып. № 10994. С. 6). В спектакле были заняты литераторы и художники — С. Городецкий, А. Ремизов, О. Дымов, Л. Бакст, И. Билибин, Б. Кустодиев и др., а также артистки Малого и Драматического театров и жены литераторов. Декорации выполнил Н. К. Калмаков, автор музыки — В. А. Сенилов, режиссер — Н. Н. Евреинов. Сбор от постановки предназначался жертвам мессинского землетрясения.

5

10—11 (23—24) марта 1910.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Спасибо Вам за хорошую заметку о «Мелком бесе».¹ — Это не так я пишу, потому что нужно, а потому что, право, так редко встретить понимание и поддержку своей мысли, своих устремлений, что невольно решаешься отбросить условности и сказать, что хочется... Очень хорошо это разъяснение «гиперболы» — того, «что в жизни не бывает так»² — это так нужно для уяснения большой публике сущности искусства — не как фотографии, а как искусства — творчества, а не изобразительности только. Об этом так много говорит и пишет Ф<едор> К<узьмич>, и я писала в статье моей в «Золотом руне»³ и сейчас пишу по поводу «Мелкого беса»,⁴ но эти органы, к сожаленью, читаются только частью публики, уже воспринявшей эти символы, а вот для большей средней публики, — это очень своевременно. А отчего Вам «сестры» не понравились?⁵ У них — у Людмилы особенно — много, по-моему, чистоты, веселости, молодости, даже в рискованных моментах...

Еще раз благодарю и не только за себя (хотя и от себя).

Дело Незлобина,⁶ насколько я знаю его, очень симпатично своим истинным бескорыстием и... идеальностью... как не опошлено это слово в наши дни... В Москве труппа его каждое воскресенье выезжает в фабричные центры играть для рабочих Островского и т. п., — цены в театре от 25 копеек; рискует на новые постановки; упорно хочет создать «общедоступный театр». И все это, происходя из самого серого купечества, — согласитесь, что такое начинание стоит подержать.

Датируется по содержанию.

¹ См.: Смоленский <Измайлов А. А.>. Театр г. Незлобина. «Мелкий бес» Ф. Сологуба // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1910. № 11604, 9 марта. С. 4; (далее название газеты — БВ). Премьера инсценировки «Мелкого беса» состоялась в московском театре К. Незлобина (реж. К. Марджанов) 7 января 1910 г.

² Чеботаревская приводит цитаты из указанной статьи Измайлова, в которой критик провел параллель между сценической версией «Мелкого беса» и гоголевским «Ревизором»; в частности, он отмечал: «Время дало ключ к художественному гиперболизму Гоголя. Всю дрянь, всю слякоть, всю мерзость старой России он действительно сконцентрировал в одной точке, как не бывает в жизни, но вышла великолепная картина. <...> Сологуб тоже собрал всю слизь и слякоть русской „передоношницы“ в нескольких образах в той же манере гоголевского гиперболизма и дал кошмарную, хаотическую картину загнившей Руси».

³ Чеботаревская Ан. «Творимое» творчество // Золотое руно. 1908. № 11—12.

⁴ Речь идет о статье Ан. Чеботаревской «К инсценировке пьесы „Мелкий бес“» // О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки. СПб., 1911. С. 325—329.

⁵ Измайлов не разделял мнения Чеботаревской по отношению к героиням «Мелкого беса» — сестрам Рутиловым, он писал: «Что врезается в пьесу диссонансом во всех смыслах — это сцена девиц с хорошеньким гимназистом Сашей. <...> Вся сцена эта, танцующая на грани предельной похотливости с воздержанием от ожидаемого каждую минуту финала, производит несколько неприятное впечатление» (Там же).

⁶ Незлобин Константин Николаевич (1857—1930) — актер, режиссер, один из наиболее маститых и культурных антрепренеров России; в 1909 г. основал в Москве театр, в 1911 учредил филиал московского театра в Петербурге (Русский драматический театр К. Н. Незлобина и А. К. Рейнеке).

6

12 (25) марта 1910.

12 марта 1910

Искреннеуважаемая Анастасия Николаевна,

Очень благодарю Вас за письмо. Всегда приятно чувствовать, что угадал что-нибудь в писателе. Судя по словам Федора Кузьмича нашему интервьюеру, у меня оказались и промахи, но приятно, что хоть не сплошные.¹

Позвольте, воспользовавшись случаем, просить Вас оказать мне протекцию перед Ф. К.

Редакция «Биржевых ведомостей» (собственно наших ежемесячных приложений — «Нового слова») очень заинтересована в том, чтобы иметь рассказы Ф. К-ча. Нельзя ли похлопотать об этом через Вас? Хоть самый крошечный рассказ? Прекрасно, если бы его можно было дать в номера пасхальные, причем ничуть не обязательно ему быть в обычных тонах пасхального рассказа; ничего этого не нужно — одной весны уже было бы достаточно.

Есть у меня еще просьба к Ф. К-чу. Я издаю книгу «Литературный Олимп», куда ввожу статьи и о нем. В книге будут портреты и автографы — новые. Я очень бы хотел достигнуть этого и в отношении Ф. К., но мне кажется, что он может быть сердит на меня за мое откровенно высказанное мнение об «Ортруде»,² которой я не понимаю, — и вот почему я не решаюсь при встречах просить его об особенной для меня любезности.

Преданный Вам

А. Измайлов.

¹ Имеется в виду публикация: Марк. У Федора Сологуба. Автор о своей пьесе «Мелкий бес». О Новом театре. Новые замыслы драматурга и беллетриста // БВ. Веч. вып. 1910. № 11606, 10 марта. С. 3—4. В своем интервью Сологуб в целом положительно отозвался о постановке «Мелкого беса» в театре Незлобина; в то же время он высказал и свое несогласие с работой режиссера: «Я не верю, чтобы какая-либо сценическая постановка могла в наши дни воплотить замысел современного автора. Этому препятствует несоответствие сил и средств современного театра с литературными устремлениями писателей-модернистов. <...> Замысел Незлобина безусловно не сходен с моим. Его театр стоит на перепутье, и он, как воспитавшийся на быте, поставил

пьесу в чисто бытовых тонах» (Измайлов писал об инсценировке «Мелкого беса» как о традиционной «бытовой» постановке).

² См.: *Неблагодарный читатель <Измайлов А. — ?>*. Искания и блуждания // Слово. 1907. № 330, 14 дек. С. 4; *Измайлов А. Что нового в литературе?* // БВ. Веч. вып. 1908. № 10296, 12 янв. С. 2; *Измайлов А. Новый роман Ф. Сологуба* // Русское слово. 1909. № 11, 15 янв. С. 2.

7

19 марта (1 апреля) 1910.

19 марта

Глубокоуважаемый Федор Кузьмич,

Простите напоминание. Редакция «Нового слова» при «Биржевых ведомостях» заинтересована иметь Ваш рассказец к пасхальному номеру. К верстке его приступают ровно через шесть дней от сегодняшнего дня. Так как намечено в номере несколько рассказов, то очень просили меня схлопотать вещицу небольшую. (Остальные рассказы по 300 строк). Если это затруднительно — можно 400, 500. Редакция могла бы предложить Вам за строку 50 копеек.

Если не удастся это сделать так скоро, я буду беспокоить вас уже о другом, не пасхальном рассказе и позднее.

Пасхального типа мы не только не ищем, но бежим его — пасхальных звонов, умягченных сердец, Понтиев Пилатов и благочестивых легенд.¹ Автор может считать себя совершенно свободным от этих рамок.

Я лично очень бы просил Вас еще вот о чем.

В печатающуюся сейчас мою книгу «Литературный Олимп» я ввожу статью о Вас.² Перед каждою статьею я даю новый, никогда не бывший в печати портрет писателя (Толстого, Андреева ...) и второе, страничку, его автограф, тоже писанный специально для книжки. Здесь приятно иметь (строк восемь, хотя бы), какой-нибудь афоризм, строфу характерных стихов, что-нибудь вообще характерное для этого именно писательского облика.

Вы были бы бесконечно добры, если бы не отказали мне в 1) портрете и 2) автографе (особо).³

Искренне уважающий и преданный Вам

А. Измайлов.

¹ А. Измайлов был противником «обязательных» жанровых фигур святочного или пасхального рассказа, см., например, его пародию «Как писать святочные рассказы» в кн. «Кривое зеркало» (СПб., 1908. С. 121—127).

² В книгу «Литературный Олимп» А. Измайлов поместил статьи «Загадки сфинкса» (ранее в БВ под названием «Северный сфинкс») и «Чарованья красных вымыслов»; см. примеч. 2 к письму 16.

³ См. примеч. 6 к письму 8.

После 19 марта (1 апреля) 1910.

Многоуважаемый и дорогой Александр Алексеевич,

Я очень благодарен Вам за Ваше лестное для меня внимание. Ваша благосклонность ко мне мне особенно дорога и приятна потому, что с Вашим именем связывается для меня, хотя и помимо Вашей воли, одно интимное и всегда волнующее меня воспоминание: одна из книг ваших рассказов была последнею, которую читала три года назад в равнодушно-ясные летние дни своего умирания моя сестра.¹ Я постараюсь исполнить Ваше желание; по всей вероятности, я завтра или послезавтра доставлю Вам мой рассказ «Земной рай».² Но позволю себе сделать несколько оговорок: 1) будет ли напечатан мой рассказ только в «Новом слове», или в газете? Если он будет напечатан в одном издании, то гонорар должен быть соответствующим образом увеличен. 2) Я люблю иметь у себя все печатные издания моих сочинений, и журналы, где они печатались; поэтому просил бы Вас выслать мне «Новое слово» за этот год; 3) так как «Биржевые ведомости» крайне редко обращаются ко мне, — последний раз мой рассказ в «Биржевых ведомостях» был напечатан в феврале 1907 г.,³ — и теперь желают иметь маленький рассказ до 300 строк, то гонорар для меня мал; за рассказ до 300 строк я желал бы получить по одному рублю за строку; если рассказ выйдет больше, чем до 300 строк, то, независимо от точного счета строк за весь рассказ 300 рублей. 4) В «Биржевых ведомостях», как и в некоторых других органах печати, были записки о совершенных мной плагиатах.⁴ На эти сообщения я не отвечал в печати, да и не собираюсь отвечать. Эти обвинения совершенно несправедливы; если я у кого-нибудь что и заимствую, то лишь по правилу «беру свое везде, где нахожу его».⁵ Если бы я только тем и занимался, что переписывал бы из чужих книг, то и тогда мне не удалось бы стать плагиатором, и на все я накладывал бы печать своей достаточно ясно выраженной литературной личности. Там, где хотят видеть меня хотя бы в качестве случайного и редкого гостя, не должны относиться ко мне, как карманному вору.

Портрет и автограф посылаю. Искренне преданный Вам

Федор Тетерников.

P. S. Посылаемые стихи не были нигде напечатаны.⁶

Подобно грозящей комете
Идешь ты ко мне
В немеркнущем свете,
В огне.

Все ярче, страшнее и ниже
Горит твой венец.
Все ближе
Конец.

18 июня 1898 г.

Федор Сологуб

Датируется по содержанию.

¹ Ольга Кузьминична Тетерникова скончалась 28 июня 1907 года. Вероятно, речь идет о книге А. А. Измайлова «Осени поздней цветы запоздалые» (СПб., 1905).

² Впервые: БВ. Веч. вып. 1911. № 12155, 3 февр. и в «Новом слове» (1911. № 1. С. 10—12).

³ Имеется в виду рассказ «В толпе».

⁴ Одна из первых публикаций с обвинением Сологуба в плагиате была напечатана в «Биржевых ведомостях» (см.: *Ник. Картер*. Как пишутся Рождественские рассказы // БВ. 1909. № 10894, 6 янв.), автор которой указал на источник сказки Сологуба «Снегурочка» (впервые: Речь. 1908. № 318. 25 дек.) — сказка американского писателя Н. Готорна «Девочка из снега». Заметка сопровождалась примечанием: «Редакция дает место письму читателя, пожелавшему остаться публике неизвестным, не ранее как сличив оба текста. <...> Несколько вяло рассказанная Готорном, но содержащая элементы сологубовского рассказа сказка о „Девочке из снега“, ожила и выиграла под пером мастера стиля, г. Сологуба. Это приятно, но это не должно было освободить его от необходимости сопроводить свой рассказ честным примечанием о заимствовании сюжета у Готорна». Поводом к обсуждению в прессе обвинений писателя в плагиате послужила статья А. Редько «Еще проблема» (Русское богатство. 1910. № 1. Отд. 2. С. 130—144), в которой были приведены текстологические совпадения фрагментов из романа Викториаена Соссе «Бессмертный идол» и «Творимой легенды». Статья вызвала ряд публикаций в защиту Сологуба (см., например: *Анчар*. Плагиат ли? // Новая Русь. 1910. № 28. 29 янв.; *Боцяновский В.* О плагиате Сологуба // Новая Русь. 1910. № 86. 29 апр. и др.). Упоминание о плагиате в данном письме, по-видимому, было вызвано рецензией на 10 том собрания сочинения Сологуба («Шиповник», 1910), в которой было сделано замечание: «Характерно, что теперь автор сопровождает большинство своих пьес указанием на источник заимствования сюжета. По-видимому, это отголосок упреков по адресу автора в собственном пользовании готовыми темами» (БВ. Веч. вып. 1910. № 11806, 9 июля. С. 5—6).

⁵ Восходит к французскому «Je prends mon bien partout où je le trouve», заимствованному из испанской пьесы G. de Bonsel «Губернаторство Санчо Пансо» (1642), которую играла труппа Ж. Б. Мольера; мысль же восходит к одному из положений римского права: «Ubi rem meam in venio, ibi vindico».

⁶ Автограф стихотворения был воспроизведен в книге А. А. Измайлова «Литературный Олимп» (М., 1911. С. 304).

9

25 марта (7 апреля) 1910.

25 марта

Дорогой и глубокоуважаемый Федор Кузьмич,

Бесконечно благодарю Вас и за личные мне подарки,¹ и за доброе согласие по редакционному делу, и всего более за ту незаслуженную мною ласковость, какую я почувствовал в Вашем отношении ко мне.

Рассказ просили предпочтительно по второй норме (побольше) и очень Вас благодарят (гонорар 300 рублей).

«Новое слово» Вам пошлют, но из разговора с Гаккебушем² я уяснил, что рассказ прочтат в «Огонек» (пасхальный). Будет напечатан только здесь. И «Огонек» Вам пошлют.

Моя личная точка зрения на все недоразумения, связанные с кричащим термином «плагиат», не совпадает с редакционной. По личному опыту я знаю, какие штуки здесь шутит память, и как нетрудно двум авторам попасть в одно веяние мысли.³ Для меня нет ничего отвратительнее восторженного захлебывания толпы, когда Чуков-

ский обвинил Бальмонта за три выражения, схожие в статье с выражениями какого-то англичанина, (Бальмонта, у которого 20 книг!) или Ремизова за пользование сказкой.⁴ Я уезжал на Кашинские торжества,⁵ когда приняли обвинение Ремизова и, забрав корректуру письма, доказывал, что не стоит его давать. Добился только того, что смягчили выражения. Моя роль в газете вообще незначительна.

Письмо против Вас настойчиво усиливался провести какой-то господин (его фамилия и была подписана), много раз приходивший в редакцию, приносивший какой-то старый сборник для сличения и намозоливший глаза.⁶ От него сначала отделялись, но потом сдались, сократив его письмо в пять раз и выбросив ругательства. Вы знаете, что с такой точки Шекспир и Гоголь — сплошь плагиаторы. Но это, право, не обидная компания. Душевно желаю Вам доброго.

Искренне преданный А. Измайлов.

¹ Вероятно, речь идет о присланных Измайлову книгах Сологуба, в том числе только что выпущенных издательством «Шиповник» очередных томов собрания сочинений.

² *Гаккебуш Михаил Михайлович* (1874—1929) — журналист, редактор «Биржевых ведомостей» и журнала «Огонек».

³ В статье «Чарованья красных вымыслов» Измайлов писал о творчестве Сологуба: «Однородность литературных явлений иногда рождается не из обязанности и моды, но от однородного биения сердец. <...> У нашего поэта, не читающего по-французски, иногда вдруг мелькает стих, какой можно принять за плагиат из поэта, никогда им не слыханного. Некоторые наши современные писатели не произвели бы диссонанса, родившись во Франции. Как вехи, они сближают страны. В них сошлись лучи тех солнц, которые ярче всего горят для современного века. Один из таких писателей у нас — мне кажется, Сологуб» (Литературный Олимп. М., 1911. С. 327).

⁴ См.: *Мих. Мирос <Чуковский К.—?>*. Писатель или списыватель (Письмо в редакцию) // БВ. Веч. вып. 1909. № 11160, 16 июня. С. 5. В публикации установлена буквальная текстологическая соотнесенность сказок Ремизова «Мышонок» и «Небо пало» с фольклорными источниками, приведены фрагменты из кн.: *Ончуков Н. Е.* Северные сказки; (Архангельская и Олонечская губернии). СПб., 1908 (Зап. имп. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии; Т. 33) (сказки № 190 и 216).

⁵ Речь идет о торжествах в честь прославления святой Анны Кашинской, отмечавшихся в июне в Кашине с 1909 г. А. Измайлов, присутствовал на празднике, посвятив событие ряд репортажей. См.: Прославление св. Анны Кашинской // БВ. Веч. вып. 1909. № 11150, 10 июня. С. 2; Собираются старцы // Там же. № 11154, 12 июня. С. 2; Русь болящая (впечатления о Кашине) // Там же. № 11156, 13 июня. С. 3; С народом (впечатления о Кашине) // Там же. № 11158, 15 июня. С. 3.

⁶ А. Измайлов ссылается на заметку, подписанную Ник. Картер (см. примеч. 4 к письму 8).

10

25 марта (7 апреля) 1910.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

На днях послал Вам мой портрет и мой автограф. Надеюсь, Вы их получили? Хотя я не получил от Вас ответа на мое письмо, и потому не знаю, не опоздал ли я с рассказом,¹ но все-таки он будет завтра (т. е. в пятницу 26 марта) утром отправлен в Редакцию „Бир-

жевых ведомостей“ для передачи Вам. В нем должно быть около 260 строк. Гонорар за него очень прошу прислать теперь.

Преданный Вам

Федор Сологуб.

Датируется по содержанию.

¹ Речь идет о рассказе «Земной рай»; см. примеч. 2 к письму 8.

11

26 марта (8 апреля) 1910.

«Земной рай» получил. Сердечно благодарю.

Вероятно, сегодня, дорогой Федор Кузьмич, Вы получите мое, вчера посланное письмо. Я ваше второе сегодня тоже получил. — О деньгах буду просить сегодня же.

Искренне Ваш

А. И.

На визитной карточке. Датируется по содержанию.

12

Около 1 (14) апреля 1910.

Дорогой Александр Алексеевич,

Гонорара за «Земной рай» я все еще не получал. Будьте добры передать кому следует, что я буду ждать присылки мне денег в понедельник 5 апреля, если же деньги не будут присланы, то я, имея надобность в деньгах, принужден буду передать этот рассказ в другое место.

Ваш Федор Тетерников.

Датируется по содержанию.

13

21 ноября (4 декабря) 1910.

21 ноября

Дорогой Федор Кузьмич,

Раньше невероятная суэта толстовских дней,¹ вчера моя глазная болезнь лишили меня возможности присутствовать при чтении Вашей пьесы.² Мне делаются вспрыскивания в глаз, который, вероятно, потерян, и в такие дни я лежу в темной комнате один и в тоске.

Между тем мне очень хотелось бы познакомиться с Вашей пьесой. Я был бы счастлив, если бы оказалось возможным получить ее хотя бы на один вечер, — на такой, когда я с глазами, я прислал бы к Вам своего человека и наутро вернул бы корректуры или рукопись с ним же.

Хотелось бы, если это не противоречит Вашим взглядам, в общих чертах познакомиться с Вашей пьесой читателей «Русского слова» и Биржевки.

Позвольте завтра утром, до часу, побеспокоить Вас по телефону, чтобы услышать возможно ли исполнение моей просьбы.

Душевно преданный Вам

Измайлов.

¹ Ежедневно с 31 октября в течение месяца в прессе, в том числе и в «Биржевых ведомостях», печатались подробные отчеты об уходе Л. Н. Толстого из Ясной Поляны, его болезни и смерти.

² Речь идет о пьесе «Заложники жизни» (впервые в альманахе «Шиповник», 1912, кн. 18).

14

22 ноября (5 декабря) 1910.

22 ноября 1910

Дорогой Александр Алексеевич,

Извините, что экземпляр, который посылаю, не очень удобен для чтения, так как прошкуриван цензурою. Но другого нет, кроме черновика. Возвращением этого списка торопиться не надо: пожалуйста, держите, сколько Вам понадобится времени.

Ваш Федор Тетерников.

15

27 ноября (10 декабря) 1910.

27 ноября

Дорогой Федор Кузьмич,

Простите, что я так задержал вашу пьесу. Я позволил себе это только потому, что в Вашем письме нашел разрешение изменить своему слову об одних сутках. Во всяком ином случае в моих сутках действительно 24 часа.

И этот год для меня прямо год напастей, — так простудился, что весь день вчера не сходил с постели, глотая всякую аптечную дрянь, и сегодня, встав, подобен трости, ветром колеблемой.

Простите, ради Бога.

Прилагаю пересказ содержания из «Русского слова».¹

Искренно Вам благодарный

А. Измайлов.

Р. С. Я не пишу Вам ничего о пьесе только потому, что едва держу перо в руках.

¹ См.: <Измайлов А.>. Новая пьеса Ф. Сологуба «Заложники жизни» // Русское слово. 1910. № 272, 25 нояб. (8 дек.). В заметке сообщалось о чтении драмы «Заложники жизни» на литературном собрании у Сологуба, был представлен пересказ содержания и краткая характеристика пьесы, отмечены авторские новации; в частности, Измайлов обратил внимание на особую функцию авторских примечаний и ремарок, в которых, как и в пьесах Г. Гауптмана, «сообщается о героях нечто такое, что невозможно выразить сценически, о том, что произошло в промежутках действий».

16

4 (17) декабря 1910.

4 декабря 1910

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Я собираю книгу критических статей и заметок о Ф. К. Сологубе.¹ Уже от всех намеченных мною авторов получила разрешение. Не будете ли Вы так любезны разрешить мне перепечатать две статьи Ваши: «Северный сфинкс» и «Чарованья красных вымыслов».² Они, кажется, вошли в «Литературный Олимп», но я думаю, что это не помешает, ибо мой сборник специально о Сологубе, да и по размеру они не могут, кажется, вызвать претензий издателя. Хотелось бы, чтобы в этом сборнике, куда войдет все мало-мальски характерное и значительное о Сологубе (исключая ругани, которая вне искусства и вне литературы) появились и Ваши интересные заметки. С приветом

Анс. Чеботаревская.

¹ О Федоре Сологубе. Критика, статьи и заметки / Сост. Анс. Чеботаревская. СПб., 1911.

² Впервые: Измайлов А. Северный сфинкс (Федор Сологуб и его писательство) // ВВ. Утр. вып. 1910. № 11599, 6 марта. С. 2.

17

Декабрь 1910.

Многоуважаемая Анастасия Николаевна,

Лично я могу только чувством благодарности ответить на Ваше предложение о перепечатке в Вашем сборнике моих статей о Ф. К. Я не думаю, чтобы издатель мой мог бы иметь что-либо против. Книга уже достояние всех. Тем более Вы намерены взять не все статьи целиком, вошедшие в «Олимп», а только две. Может быть, для пущей крепости и из этих статей можно сбросить по страничке, чтобы не было впечатления прямой перепечатки. Впрочем, это уже не обязательно. У меня была некогда напечатана, но у меня не сохра-

нилась статья о «Мелком бесе», высоко сочувственная автору.¹ За-
терев оригинал, я не мог ввести ее ни в какую книгу. Вот не сохра-
нилась ли она у Вас случайно среди вырезок «бюро»?² Она бы стояла
предпочтительного помещения. Напечатана она была в «Русском
слове» и по размеру — тамошний обычный фельетон.

На днях, по получении веленевых экземпляров «Олимпа» при-
шло его Ф<едо>ру К<узьми>чу, еще раз благодаря его за любезную
присылку портрета и автографа.

С сердечным приветом

А. Измайлов.

Датируется по содержанию.

¹ Измайлов А. Измельчавший русский Мефистофель и передоношница. «Мелкий
бес» — роман Ф. Сологуба // Русское слово. 1907. № 167, 21 июля.

² Имеется в виду служба «Бюро газетных вырезок».

18

20 июня (3 июля) 1911.

20 июня 1911

П. о. Меррекуль, д<ача> Раутса

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич.

Только что прочла Вашу заметку о злключениях несчастного
нашего поэта Фофанова и после его кончины,¹ и, разделяя Ваше бла-
городное возмущение, хочу отсюда пожать Вам руку, как истинному
«другу писателей» — отзывчивому, сердечному, для которого я и пи-
шу эти строки. В самом деле, как все это возмутительно, как жесто-
ки, слепы и беспощадны люди — эти «люди-братья» — эта смерть
Щеглова, описанная Вами тоже² — это судьба Фофанова; эта ужас-
ная травля друг друга, это недоброжелательство, разобненность,
какое-то вечное и безысходное сиротство среди массы, казалось бы,
близких людей! Сколько раз я проектировала какое-нибудь общест-
во, ну, хотя бы профессиональную Лигу для взаимоподдержки то-
варищей, но, кажется, корни этого зла слишком глубоки и не в об-
ществах спасение. Если бы Вы когда-нибудь взглянули только на
вырезки из газет, которые получает Ф. К. — чего там только нет! —
Все бранные слова, все обвинения, которые можно предъявить к
тяжкому преступнику.

А сейчас Мейерхольд, заинтересовавшись «Заложниками жизни»,
пытается их провести на Александринскую сцену и, Боже мой! какая
уж вокруг этого поднялась травля!³ Какие гадости, карикатуры, по-
лучает он и Ф. К. Подумаешь, что это не идейные «попытки», а
какие-то покушения на «Общественную безопасность».

Вот я и расписалась, и места не хватило! Пожалуйста, многоува-
жаемый Александр Алексеевич, примите это письмо как товарищес-
кий отклик на ваши гуманные и чуткие строки. Ф. К. шлет Вам свой
сердечный привет, я — тоже. На днях послала Вам книжку статей о

Сологубе. Вот еще будут меня чествовать за нее! Но я охотно переложу на свои плечи часть той тяжести, которая ложится таким незаслуженным бременем на плечи человека, вся вина которого в том, что его единственная радость — творчество.

С искренним уважением

Анс. Чеботаревская.

Удриас, дача Раутс

¹ См.: *Измайлов А.* Камаринская на могиле // Русское слово. 1911. № 135, 14 (27) июня. С. 2. В статье критик выражал свое возмущение по поводу содержания газетных сообщений о смерти Константина Михайловича Фофанова (1862—1911), в которых преобладал глумливый, оскорбительный тон. Памяти Фофанова посвящены также публикации Измайлова: *Памяти К. М. Фофанова* // БВ, Утр. вып. 1911. № 12327, 18 мая. С. 2; Веч. вып. № 12328, 18 мая. С. 3; *Памяти К. М. Фофанова* // Русское слово. 1911. № 114, 19 мая. С. 2, а также позднее статья «Заколдованный царевич (Памяти К. М. Фофанова)» (Русское слово. 1913. № 113, 17 мая. С. 2).

² См.: *Измайлов А.* Кончина И. Л. Щеглова // Русское слово. 1911. № 128, 5 (18) июня. С. 6. Измайлов писал об одиночестве, нужде и болезни Ивана Леонтьевича Щеглова-Леонтьева (1856—1911), оказавшегося для современников «забытым» писателем еще при жизни («Прощаясь с этой жизнью, он мог не жалеть о том, что покидает»).

³ В ноябре 1910 г. Сологуб предложил «Заложников жизни» к постановке в московском театре К. Незлобина, на сцене которого успешно были поставлены в 1910 г. его трагедия «Победа смерти» и инсценировка романа «Мелкий бес». Однако в январе 1911 г. после прочтения пьесы в незлобинской труппе режиссер театра К. Марджанов написал автору о невозможности постановки «Заложников жизни», поскольку пьеса «не укладывается в рамки сценического исполнения» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 484, л. 16). Сологуб познакомил с пьесой Мейерхольда, состоявшего в то время режиссером Александринского театра. Однако Театрально-литературный комитет во главе с Ф. Д. Батюшковым, занимавшийся репертуаром императорских театров, отклонил возможность включения «Заложников жизни» в репертуар (за постановку выступил только Д. С. Мережковский). Намерение Мейерхольда, тем не менее, было поддержано директором Императорских театров В. А. Теляковским, он добился разрешения включить пьесу Сологуба в репертуар Александринского театра, минуя Батюшкова, через московское отделение Театрально-литературного комитета. Официальное сообщение о постановке «Заложников жизни» было напечатано в январе 1912 г. в журнале «Театр и искусство» (№ 1. С. 3), Мейерхольд приступил к репетициям только весной 1912 г., однако задолго до этого началась газетная травля его и Сологуба. В. А. Теляковский писал в мемуарах: «„Петербургская газета“ следила за каждым шагом дирекции и, помимо статей критического содержания по поводу постановок, исполнения, репертуара, помещала и разные слухи, сплетни и интервью с артистами. <...> Помещались карикатуры на артистов, режиссеров и чиновников дирекции. Карикатуры эти иногда были остроумны и забавны, причем я изображался в вицмундирном фраке с большими шпорами и с высоким крахмальным воротничком» (*Теляковский В. А.* Воспоминания. Л.; М., 1965. С. 192). Подробнее о перипетиях постановки «Заложников жизни» и освещении в прессе работы Мейерхольда см. в статье Ю. Е. Галановой «Вокруг мейерхольдовской постановки „Заложников жизни“ Ф. Сологуба» (находится в печати).

27 июля (9 августа) 1911.

27 июля

Мне переслали в деревню Ваше милое письмо, душевноуважаемая Анастасия Николаевна. (Если я грехом перепутал Ваше отчество, — простите великодушно: «книг со мною нет»). Мне был так дорог Ваш отклик, как человека, стоящего у самого водоворота дела и горько чувствующего зло, и тем более, что задетые в фельетоне уже излили на меня ушат грязи, играя не на том, конечно, что они правы в своем хулиганстве, и мертвого надо шельмовать, а на том, что я оскорбил всю провинциальную печать, обвинив ее всю в невежестве и хамстве.¹ Воображаю, что, действительно, выпадает на долю Ф. К. рядом с триумфальными восхвалениями. Славы не прощают. Вы были бы очень добры, если бы когда-нибудь дали мне возможность использовать этот материал, — я вернул бы Вам каждую вырезку.² Жду с нетерпением «Книгу о Сологубе». Мне ее перешлют сюда. Целую Вашу ручку и шлю душевный привет Федору Кузьмичу. Ваш искренно

Измайлов.

Волынская губ., ст. Колки, имение камергера Нестрова

¹ В статье «Камаринская на могиле» Измайлов привел большое число анекдотических и курьезных неточностей, вульгарных слухов и опечаток из статей о кончине Фофанова в провинциальных газетах (упоминал «Вестник Либавы», «Наша костромская жизнь», «Варшавское слово» и др.) и сделал заключение о провинциальной печати: «Невежество самое необузданное, махровое, карикатурное, преступное невежество <...> уморительная провинциальная хлестаковская чепуха!» (Русское слово. 1911. № 135. С. 2).

² Сологуб собирал всю печатную информацию, касающуюся его литературной деятельности; в архиве писателя имеется собрание газетных вырезок (на русском, английском, немецком и французском языках) со статьями о его творчестве и рецензиями на его книги (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 2—15); помимо коллекции газетных вырезок, сохранились составленные им альбомы с рецензиями на романы «Мелкий бес» (№ 18), «Творимая легенда» (№ 19), трагедию «Победа Смерти» (№ 20), книги стихов (№ 17).

5 (18) августа 1911.

5 августа 1911

Меррекуль, Эстл<яндской губ.>,
дер. Удриас, дача Адамса Раутса

Дорогой Александр Алексеевич,

Имею к Вам следующее маленькое дело: не пожелают ли «Биржевые ведомости» взять у меня небольшой рассказ? Если да, то попросил бы выслать мне за него сюда, по моему дачному адресу,

250 руб., — сумма, которая мне теперь нужна. Рассказ же могу прислать когда угодно.

Ан. Ник. получала Вам свой сборник статей обо мне, как Вы его находите? Кажется, вышла интересная книга? Желая Вам радости и счастья.

Ваш Федор Тетерников.

21

5 (18) августа 1911.

Дорогой Федор Кузьмич,

М. М. Гаккебуш, ведающий сейчас приемом рукописей, сказал мне, что он будет рад приобрести Ваш рассказ. С огорчением он должен, однако, оговорить, что не имеет, за отъездом издателя, полномочий приобрести вещи выше оплатой, чем 50 копеек за строку.

Я сейчас совершенно не причастен к этому делу, и за передачу этой, несколько щекотливой, вещи Вы на меня не гневайтесь.

Книгу Анастасии Николаевны с большой благодарностью получил. Уже была послана заметка в «Русское слово», но в сегодняшних «Новых книгах» не прошла по очевидному большому размеру фельетона.¹ Выйдет после.

Напишу и в «Биржевые ведомости».²

Книга эта более, чем кому-либо, нужна была Вам, в смысле уяснения Вашей писательской личности читателю. Об этом гласит и прилагаемая заметка из провинциальной газеты, которую позволяют послать Вам, на случай, если она до Вас не дойдет.³

Всего Вам доброго и светлого.

Ваш искренно А. Изм.

Р. S. Если Вы склонны пойти на предложение М<ихаила> М<ихайловича>, то рассказ интереснее иметь чем скорее — тем лучше.

Датируется по содержанию, см.: *Измайлов А. Новые книги // Русское слово. 1911. № 180. 5 (18) августа. С. 2.*

¹ См.: *Измайлов А. Новые книги // Русское слово. 1911. № 186, 13 (26) авг. С. 2.* В своей краткой рецензии на сборник «О Федоре Сологубе. Статьи и заметки», составленный Анастасией Чеботаревской (СПб., 1911), критик отмечал: «Отрицательные мнения удалены из сборника. Может быть, это придает книге односторонний характер и подчас переводит ее почти в панегирик <...>. Десница Сологуба видна здесь ясно. Шуйца его скрыта».

² См.: *В литературном мире // БВ. Веч. вып. 1911. № 12476, 13 авг. С. 5* (Измайлов писал: «Книга эта должна сослужить большую службу Сологубу. Если толпа, сама не читающая, но судящая о писателе по пародистам и фельетонистам, представляет Сологуба в неразрывном общении с лозой, одновременно с его именем вспоминает „развяжи свои подвязки“, — то по прочтении книги она может увидеть серьезное и строгое лицо подлинного Сологуба»). «Развяжи свои подвязки» — неточная цитата из стихотворения Сологуба «Расстегни свои застежки, и завязки развяжи...» (впервые: Золотое руно. 1908. № 2).

³ Речь идет о рецензии на сборник «О Федоре Сологубе»: *Лаврский Н.* Живая загадка // Приазовский край. Ростов на Дону. 1911. 2 авг.; экземпляр с владельческой пометой сохранился среди газетных вырезок в собрании Сологуба (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 9).

92

9 (22) августа 1911.

9 августа 1911
Меррекуль, Эстл<яндской> г<уб.>,
дер. Удриас, дача Адама Раутса

Дорогой Александр Алексеевич,

Ничего не имею против гонорара в 50 копеек за строку, но с тем, чтобы рассказ был напечатан теперь же, т. е. не позже сентября. Пошлю рассказ завтра, а гонорар за него прошу по получении рассказа выслать сюда. Очень благодарю Вас за любезную передачу М. М. Гаккебушу моего предложения по этому поводу. За присылаемую заметку благодарю. Пишу теперь повесть «Звериный быт», но не из звериной жизни, а из жизни городов, где и живет зверь, и от этого зверя хочется бежать.¹

Около 15 августа думаю вернуться в Петербург.

Желаю Вам радости и счастья

Ваш Федор Тетерников.

¹ Впервые: Земля. 1912. Кн. 8. В газете было дано сообщение о завершении повести «Звериный быт» и процитировано письмо Сологуба (БВ. Веч. вып. 1911. № 12472, 11 авг. С. 5); повесть содержит тематические коннотации с рассказом Л. Андреева «Проклятие зверя» (1908). В 1917 г. в кинематографе шел фильм на сценарий Сологуба «Лик зверя» (по мотивам его антиурбанистического рассказа «Звериный быт»: «основная мысль этого произведения заключается в том, что над городом царит „зверь“; под этим последним понимаются все те пороки, которые порождаются и культивируются городом: чувственность, алчность, эгоизм, жестокость. Эти пороки создают специфически греховную атмосферу города, которая и символизируется как власть „зверя“. <...> В рассматриваемой драме абстрактному понятию „зверя“ придан самый конкретный образ: это какое-то страшное чудовище, которое мерещится герою драмы в некоторые моменты его жизни. Так, оно всплывает в его глазах над городом, оно видится ему в лице господина, приникшего к устам молодой девушки; оно появляется в минуту смерти его ребенка и т. д. Надо признать, что такая конкретизация отвлеченного образа „зверя“ производит впечатление грубого кинематографического эффекта» (*Аргус*. Кинолистки // Обозрение театров. 1917. № 3547, 21 сент.).

9 (22) августа 1911.

9 августа

Дорогой Федор Кузьмич,

Гаккебуш очень благодарит Вас за согласие и с удовольствием ждет Ваш рассказ. Но очень просит Вас поступиться срочностью печатания. Сентябрьская книжка «Нового слова» уже наполовину отпечатана. По обязательству перед читателем, и в следующих двух, по крайней мере, должны пройти премированные рассказы.¹ Случайное обстоятельство (как возможное предприятие новой газеты) может сделать так, что вещь пройдет и в сентябре, но обещать это положительно нельзя. И он ходатайствует перед Вами о назначении крайним сроком напечатания — 15 января будущего года. Придется беспокоить Вас с просьбой о новой открытке.

Душевно преданный Вам

А. Измайлов.

¹ В 1911 г. редакция «Биржевых ведомостей» (по случаю 40-летнего юбилея газеты) объявила конкурс на лучший рассказ или повесть, денежные премии победителям в размере 10.000 рублей назначались в зависимости от читательских симпатий (большинством голосов) и решения жюри; согласно условиям конкурса, редакция газеты обязалась опубликовать все премированные рассказы в 1911 г. в журнале «Новое слово» (бесплатное приложение «Биржевых ведомостей», издавался с 1909 г.). При рассмотрении произведений, отосланных на конкурс, предпочтение было отдано, главным образом, начинающим или мало известным авторам. Публикация рассказов победителей началась в июне (№ 6) и продолжалась до конца года (№ 12), в связи с чем рассказ Сологуба «Алая лента» был напечатан позднее (1912. № 1. С. 27—33).

28 августа (10 сентября) 1911.

28 августа 1911

Дорогой Александр Алексеевич,

Очень извиняюсь, что так не скоро отвечаю. Это произошло оттого, что когда был переписан рассказ, который я Вам собрался послать, я переменял его заглавие, потом мне захотелось его переделать кое в каких местах; я думал, что это не займет много времени, и мне казалось неловким говорить опять о рассказе еще неготовом. Теперь все мои операции с ним закончены, и завтра он будет переписан и отправлен. Хотелось бы все-таки, чтобы его напечатали, если можно, поскорее. Гонорар попрошу прислать теперь же, по получении рукописи: она будет переписана так, что подсчет строк можно произвести довольно точно.

Жаль, что Вы никогда ко мне не соберетесь. Искренно преданный Вам

Федор Тетерников.

29 августа (11 сентября) 1911.

29 августа 1911

Сегодня я послал Вам заказною бандеролью мой рассказ «Алая лента». В нем около 700 строк. Гонорар очень прошу прислать на этих днях, относительно же срока напечатания, хотя и приятнее было бы пораньше, но пусть будет как удобнее. — Анастасия Николаевна просит передать Вам ее поклон. Мы с нею будем очень рады, если Вы соберетесь навестить нас до нашего отъезда за границу, куда хотим ехать в начале сентября, числа 5—10. Не соберетесь ли к нам как-нибудь в эти дни часов около шести, к обеду? Искренно преданный Вам

Федор Тетерников.

31 августа (13 сентября) 1911.

31 августа

Дорогой и глубокоуважаемый Федор Кузьмич,

Сейчас получил Ваш рассказ. Прочитал. Такова сила таланта, что мысль — явно парадоксальную — он приближает к душе и почти навязывает. Может быть, и я бы так «простил», (хотя и не благословлял «того», другого ¹), хотя вся моя обычная психология — прямо противна этому.

Удивительный вы выработали себе и прекрасный язык для лирически-патетической речи! И вторая половина рассказа мне исключительно понравилась, как редкое нравится.

Сердечно благодарю Вас и Анастасию Николаевну за приглашение. Хочу непременно Вас увидеть до Вашего отъезда. Душевно Ваш Измайлов.

Р. С. Беллетристика — прямое ведение Гаккебуша, и я надеюсь, что все Ваши желания он немедленно выполнит.

На редакционном бланке.

¹ Речь идет о персонажах рассказа Сологуба «Алая лента» — профессоре Эдуарде Ротгенфельде и его друге — докторе Бернгарде Хорне, влюбленном в супругу профессора Агнесу; Агнеса признается мужу в совершенной много лет назад измене и узнает, что профессор был невольным свидетелем происшедшего и давно простил жену и друга.

19 декабря 1911 (1 января 1912).

19 декабря

Дорогой и глубокоуважаемый Федор Кузьмич,

Редакция «Биржевых ведомостей» намерена дать своим читателям сообщение о том, какую работою и какими замыслами заняты сейчас наиболее интересные представители нашей литературы.

Не откажите в любезном сообщении, какая литературная работа сейчас занимает Вас. Так как анкета оглашается на этих же днях,¹ а ответ не предполагается пространный (что и невозможно по техническим условиям), то Редакция позволяет себе просить Вас прислать просимое в кратчайший срок, какой только для Вас возможен.

Привет. Искренно преданный Вам

А. Измайлов.

На редакционном бланке.

¹ Ответы на вопросы анкеты были напечатаны в «Огоньке» (1912. № 1. <С. 19>: «Кончаю работы, начатые давно: 1. Роман „Заклинательница змей“. 2. Комедию „Любовь над безднами“. Приготовляю к печати окончание романа „Творимая легенда“».

Конец декабря 1911 (первая половина января 1912).

Дорогой Александр Алексеевич,

Посылаю Вам ответ на анкету. Для вас лично, не для печати, скажу, что меня занимают в последнее время две темы, в общих чертах, такие:

1. Предательство. Драма о Иуде и Иисусе. Роман о современном предателе.¹

2. Исход из нашей неправой жизни к жизни неложной, разумной и прекрасной; возможность и нравственная обязательность превратить данное нам существование в прекрасную жизнь, творимую по воле.²

Был бы рад, если бы Вы захотели когда-нибудь побывать у нас.

Ваш Федор Тетерников.

Датируется по содержанию.

¹ Замысел романа о современном предателе не был осуществлен; непосредственно теме предательства посвящен рассказ «Благополучный Иуда» (Утро России. 1910. № 126, 18 апр.), который, по-видимому, явился литературным откликом на тему повести Л. Андреева «Иуда Искариот» (1907).

² Тема «прекрасной жизни, творимой по воле» — центральная в романе «Творимая легенда» (1908—1913), она объединяет все творчество Сологуба в 10-е гг. (расска-

Май 1912.

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич,

Зная Ваше справедливое и достойное отношение к литературе вообще и литературным зслугам всех, в частности, хочу обратить Ваше внимание на весьма странную заметку, по-видимому, попавшую в Вашу газету по недоразумению. Лицо, писавшее ее, если только видело издание, не могло не видеть, что около половины всех томов переведены моей сестрой — Александрой Чеботаревской, по предложению которой и было затеяно все издание, — поэтому весьма странно, что писавший заметку не счел нужным даже упомянуть ее имени!¹ На обложке всякого тома значится «при ближайшем участии Александры Чеботаревской», есть и мое имя, но я перевела только «Милый друг» (Bel Ami) и потому о себе и принципиально не стала бы говорить, но видеть, как замалчивают — несомненно на этот раз умышленно — других, это уж очень трудно... З. Вагнерова в этом издании, между прочим, не перевела ничего, а Зайцев — самое большее один маленький рассказ.² Это просто фактические поправки к Вашему благосклонному сведению. Поверьте, что во мне говорит одна литературная справедливость.

«Навы чары» давно окончены и скоро выйдут в альманахе «Земля» (4 и 5 часть).³ Мы очень жалеем, что у Вас не было желания навестить нас этой зимой — были бы Вам очень рады. До 20-го мая будем еще здесь. Ф. К. шлет Вам сердечный привет, я — тоже.

Анс. Чеботаревская.

Датируется по содержанию.

¹ В литературном мире // БВ. Веч. вып. 1912. № 12911, 28 апр. С. 5.

² В Полное собрание сочинений Гию де Мопассана в 30 томах (СПб.: Шиповник, 1909—1911) под общей редакцией Александры Николаевны Чеботаревской (1869—1925) вошли ее переводы: Т. 3. История одной жизни. Роман; Т. 6. Сказки бекаса и др. рассказы; Т. 7. Мадемуазель Фифи и др. рассказы; Т. 8. Сестры Ронодоли и др. рассказы; Т. 10. Напрасная красота и др. рассказы; Т. 16. Монт-Ориоль. Роман; Т. 20. Лунный свет и др. рассказы; Т. 21. Орля и др. рассказы; Т. 24. Туан и др. рассказы; Т. 25. Под южным солнцем; Т. 27. Милон и др. рассказы; Т. 28. Коробейник и др. рассказы; Т. 29; Воскресные дни парижского буржуа и др. рассказы. Ан. Чеботаревская перевела роман «Милый друг» (Т. 4), Ф. Сологуб — роман «Сильна как смерть» (Т. 5). Борис Константинович Зайцев (1881—1972) участвовал в переводе рассказов Т. 14 (Господин Паран и др. рассказы), в котором также участвовали В. Гофман и И. Смидович. Имена известной переводчицы З. А. Венгеровой (1876—1941) и Б. Зайцева были обозначены на титульных листах томов собрания среди имен переводчиков.

³ Речь идет о заключительной части трилогии «Творимая легенда» — романе «Дым и пепел» (Земля. 1912. Кн. 10 и 1913. Кн. 11).

23 июля (5 августа) 1912.

23 июля

Дорогой Федор Кузьмич,

Спасибо Вам сердечное за память. Письмо Ваше я получил в деревне, где тоже отдыхал месяц. Как прекрасен отдых после большого труда! завидую Вам, давно отвоевавшему себе и право писать то, что вам хочется, и право отдыхать после труда, и самый труд приближать к отдыху!

Геккебуш в отъезде. Будет дня через три-пять. Тогда я отвечу Вам о стихах, ибо ни я, ни Бонди¹ не помнят о других стихах, кроме садистки!!!²

Позволяю просить Вас дать (может быть через любезное посредство Анастасии Николаевны) сведения для «Русского слова» и «Биржевых ведомостей» о Вас, Вашем лете, Ваших работах. Знаю, например, что Вы кончили «Навыи чары». Нельзя ли о них то, что Вы не считаете преждевременным?

Долго ли пойдет «Слаще яда»?³ Не могу ли получить конец несколько раньше появления его в печати?

И не откажите вместе с приветом искренно уважаемой Анастасии Николаевне передать ей следующие строки.

Я виноват, что доселе не ответил на письмо по поводу переводов Мопассана. Ради Бога, простите. Тогда был период великого утомления — никому не мог отвечать, и писем были горы.

Обидное умолчание о труде Алекс. Чеботаревской проистекло не из намерения замолчать ее труд, а из обычной газетной спешки, когда в заметках не успеваешь навести должного равновесия. Мысль была такая — „теперь переводили Мопассана писатели большого имени“. Потому попал Брюсов, переводчик чуть не одной вещицы, и др. Потому не была упомянута Александра Чеботаревская, как писательница не такой большой известности. А следовало просто прибавить, что огромная часть принадлежит А<лександр> Ч<еботаревской> и т. д. Это и позвольте мне сделать позднее, кстати, кажется, вышли новые тома Мопассана.⁴

Буду очень ждать от Вас, дорогой Федор Кузьмич, ответа на мою просьбу. Еще — Вы были бы очень добры, если бы прислали Ваш портрет — Вы на лоне природы. Чем меньше шаблона, тем журналу („Огоньку“) это было бы ценнее.

Сердечный привет Вам и А. Н. Преданный Вам

А. Измайлов

¹ Бонди Владимир Александрович (1870—1947), псевдоним — Вальди, — поэт, редактор «Биржевых ведомостей».

² Вероятно, речь идет о стихотворении «На улице кирпичной...» (7 декабря 1910) (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 3, л. 951).

³ Роман Сологуба «Слаще яда» печатался в журнале «новая жизнь» в 1912 г. с апреля по ноябрь (кн. 4—11). Замысел романа относится к 1890-м гг.; см.: Сологуб Ф. Шаня и Женя // БВ. 1897. № 133, 135—137, 140, 142—143. 17, 19—21, 24, 26—27 мая.

⁴ В развернутой рецензии на собрание сочинений Мопассана Измайлов устранил неточности, допущенные в предыдущей публикации об издании (см.: Мопассан в анекдоте // БВ. Веч. вып. 1912. № 13070, 1 авг. С. 5); в частности, он писал: «По выходе сейчас 30-го тома можно сказать, что на русском языке есть, наконец, действительно, полное собрание сочинений блестящего французского новеллиста. <...> Последний 30-й том весь посвящен жизни и творчеству Мопассана. Прежде всего, здесь дана вся книга о нем Эд. Мэниала. Она переведена Алекс. Чеботаревской — переводчицей, на долю которой выпала львиная часть труда. Свыше 15-ти томов нового издания переведено ею. Участие в переводе таких авторов, как Сологуб, Зайцев, Городецкий, в сущности, оказалось не очень значительным»; краткая рецензия была напечатана в «Русском слове» (1912. № 185, 11/24 авг. С. 2).

31

25 июля (7 августа) 1912

25 июля 1912, Мерекюль

По поручению Федора Кузьмича спешу написать Вам несколько слов о летних работах его, могущих Вас интересовать. «Навыи чары» окончены уже давно, с осени появится одновременно и в «Земле», и немецкий перевод в Мюнхене (у Мюллера) с моим предисловием,¹ которое меня просила написать переводчица, г-жа Фриш,² посылаю и его, хотя, кажется, этот роман не пользуется Вашей благосклонностью. Этот роман — утопический, пожалуй, но интересен, главным образом, ярко выявленным элементом творческого творимого, который отнюдь не должен окрашивать мировоззрение Сологуба в пессимистический цвет. «Слаще яда» — «сакраментальный» роман — история девушки, желающей подвига любви солнечного героя, — еще не закончен, конец его можно сообщить в сентябре по возвращении в город. Вдвоем мы перевели еще мистерию Эдуарда Штукена «Рыцарь Гаван», которая будет напечатана в «Русской мысли» и возможно поставлена в Новом театре Рейнеке.³ Также Федор Кузьмич инсценировал было для театра 12 картин из «Войны и мира» Л. Толстого⁴ — вышло очень эффектно, но кажется, этой работе суждено пролежать, ибо от А. Л. Толстой ответа на просьбу о разрешении нет, а в газете мы прочли, что на запрос Немировича (о нем мы не знали) получен отказ (?).⁵ Почему — непонятно. Ф. К. старался сохранить подлинные слова и «дух» романа — даже сцена беседы в плену Пьера с Каратаевым вставлена, — конечно, и часть сбора была бы предоставлена фонду имени Льва Николаевича, — очевидно, здесь приходится считаться с каким-то капризом, ибо воля писателя, желавшего, чтобы идеи и писания его были «общим достоянием» не была бы этим несколько нарушена. Во всяком случае, это очень поразительно. Сам Федор Кузьмич работает также над пьесой «Любовь над безднами»,⁶ которую закончит к сентябрю, идея ее — идеалистическая круговая ответственность любви — «кольцо любви». Я помогаю ему также в этой работе (это для Вас, но не для публики!⁷). Как и в переводе Клейста (пьесы и новеллы), который выйдет в издательстве Некрасова в начале сезона.⁸ Для этого же издательства осенью Федор Кузьмич даст повесть из дворянского быта «Барышня Лиза» (альманах, объединенный этим «Тургеневским» настроением⁹).

Кроме того, мелочи — стихи, кое-что... Как видите, Ф. К. не теряет времени и здесь, летом он так привык к работе, что говорит — не представляю себе отдыха без труда, лучший отдых — это работа, которую любишь: в ней черпаешь силы для жизни, а не наоборот... Встает он в 8 часов ежедневно, тотчас купается во всякую погоду в море и затем занимается с перерывом для обеда и прогулки — часа полтора-два. Живем довольно уединенно, в рыбацкой деревушке Удриас по Балтийской железной дороге, на самом берегу, где всего несколько домиков и никаких, к счастью, развлечений, кроме природы — лугов, леса, моря, дивных закатов (описаны в «Алой ленте»); местечко наше вполне культурное. Несмотря на свое глухое положение, почта два раза в день, население очень милое — эстонцы. Около Ямбурга, недалеко от нас, живут Мережковские, возле нас уже третий год — Рукавишников, недалеко — московский критик Гершензон; изредка выдаемся — изредка наезжает кто-либо из знаковых поэтов или художников. В прошлом году здесь же недалеко жил Вяч. Иванов.¹⁰ Мирное однообразие нашей жизни нарушил... кинематограф! явившийся сюда однажды к нам рано утром... Снимали Ф. К. и потом поехали вместе с ними к Мережковским.¹¹ Вот и все, что можно сообщить о лете Ф. К., — работа, работа, работа — вот в чем главное содержание. А ведь пора бы уж и отдохнуть — 25 лет учительства и постоянного писательства по пути, столь мало усеянному розами...

Осенью пойдут «Заложники». Ф. К. очень ободряет и радуется то, что дирекция Императорских театров оказалась в данном случае более прогрессивной, чем некоторые частные театры — ставят пьесу с любовью, не вымарав ни слова — конечно, это влияние Мейерхольда, но все же значит возможны завоевания и здесь... и это утешительно.¹²

Не сердитесь и поймите меня в вопросе о Мопассане. Сама я работаю сейчас над сборником любовных писем выдающихся (писателей, художников, музыкантов) людей искусства.¹³ «Любовный курган» окончила, также перевела Стендаля «Красное и черное».¹⁴

Кажется, я невероятно разболталась! Прошу прощения! Ваша Анс. Чебот.

Ф. К. шлет сердечный привет.

¹ *Sologub F. Totenzauber Eine Legende im Werden. Roman / Deutsch F. Frisch. München: Georg Müller, 1913.*

² *Фриш Фега (1873—1942)* — немецкая поэтесса и переводчица; помимо «Творимой легенды» она перевела также роман «Слаще яда» (*Sologub F. Süßer als Gift. München: Musarion, 1922*), пьесы «Победа смерти», «Заложники жизни» и несколько рассказов Сологуба. Сохранилось 12 писем Ф. Фриш к Ф. Сологубу (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 714).

³ *Стукен Э. Гаван. Мистерия / Пер. с немец. Ф. Сологуба и Анс. Чеботаревской // Русская мысль. 1912. Кн. 11. Штуккен Эдуард (1865—1936)* — немецкий поэт и драматург. В Русском драматическом театре К. Н. Незлобина и А. К. Рейнке (бывш. Панаевский театр) пьеса не была поставлена.

⁴ См.: Война и мир. Картины из романа Л. Н. Толстого, избранные и приспособленные для сцены Сологубом. Изд. журн. «Театр и искусство». СПб., 1912. Импульсом к созданию инсценировки послужили юбилейные торжества по случаю победы в Отечественной войне 1912 года; инсценировка была подготовлена совместно с Ан. Чеботаревской, о чем сохранилась помета Сологуба в материалах авторской библиографии к прозе (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 546).

⁵ Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858—1943) — режиссер, один из основателей (вместе с К. С. Станиславским) Московского Художественного театра. Сообщение о намерении Немировича-Данченко поставить в Художественном театре инсценировку Сологуба и отсутствии разрешения наследников «на переделку романа для сцен» было напечатано в газете «Обзрении театров» (1912. № 1799—1800, 21—22 июля. С. 7).

⁶ Сологуб Ф. Любовь над безднами. Драма. Изд. журн. «Театр и искусство». СПб., 1914; Шиповник. СПб., 1913. Кн. 22.

⁷ Во вступительной статье о Чеботаревской к ее книге «Женщина накануне революции 1789 года» (Пг., 1922) Сологуб писал: «Хотя ее участие в моей работе было очень велико, но она настойчиво держалась в тени, совершенно пренебрегая своими интересами и своим самолюбием» (с. 15). Совместно с Чеботаревской были написаны рассказы «Старый дом» (Земля. М., 1909. Сб. 3), «Путь в Дамаск» (Шиповник. СПб., 1910. Кн. 12), пьесы «Любовь над безднами», «Мечта-победительница», «Камень, брошенный в воду (Семья Воронцовых)» (Пг., <1915>) — на обложке этого издания имена обоих авторов; многочисленные газетные статьи (более 40) и три публичных лекции Сологуба были полностью написаны Чеботаревской; рассказ Чеботаревской «Холодный сочельник» (Слово. 1908. № 661, 25 дек.) был напечатан за подписью Сологуба; полные сведения об авторстве статей Чеботаревской, подписанных Сологубом, содержатся в «Библиографическом указателе к прозе», составленном писателем (см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 546); см. приложение в конце нашей публикации.

⁸ Речь идет о совместной работе Сологуба и Чеботаревской над переводом трагедии «Пентезиля» (1808) немецкого писателя Генриха фон Клейста (1777—1811); впервые перевод был опубликован в журнале «Русская мысль» (1914. № 8/9. Отд. 1. С. 150—240). Подробнее о планировавшемся, но не осуществленном издательством Константина Федоровича Некрасова (1875—1940) собрании сочинений Клейста см. в публикации А. В. Лаврова: Федор Сологуб. Письма к Анастасии Чеботаревской // Незданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 348, коммент. к письму № 53.

⁹ 18 октября 1913 г. К. Ф. Некрасов спрашивал у Ан. Чеботаревской: «Что делать с „Барышней Лизой“ — не знаю. Я уже писал, что по-моему мнению теперь поздно издавать Альманах. Время ушло. Но решение зависит от Федора Кузьмича» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 179). План издания альманаха, объединенного «стургеневским настроением», осуществлен не был; повесть Сологуба «Барышня Лиза» была напечатана в сборнике «Сирий» (1914. Кн. 3); отдельным изданием: Берлин: Геликон, 1923.

¹⁰ Летом 1912 г. Мережковские отдыхали на даче в Верино под Ямбургом; Иван Сергеевич Рукавишников (1877—1930) проводил лето в Эстляндской губернии в поселке Мерреколье в 1909 и 1910 гг.; в 1911 и 1912 г. Михаил Осипович Гершензон (1869—1925) отдыхал с семьей в Силламягах Эстляндской губернии (поблизости от Мерреколья); там же летом 1911 и 1912 г. отдыхал Вячеслав Иванович Иванов (1866—1949) вместе с падчерицей В. К. Шварсалон (1890—1920) и М. М. Замятниной (1865—1919), подругой покойной жены Иванова Л. Д. Зиновьевой-Аннибал и домоправительницей семьи Иванова.

¹¹ Летом 1912 г. кинематографисты предприняли ряд съемок из серии «Литераторы на даче»; в частности были отсняты и показаны перед зрителями ролики с участием Л. Андреева, И. Бунина, Б. Зайцева, И. Телешова. См.: И. С. Литераторы на даче // Русское слово. 1912. № 167, 20 июля (2 авг.). С. 2. З. Гиппиус вспоминала: «Кончив хлопоты, мы переехали в имение Верино, недалеко от Ямбурга, где очень недурно провели лето. <...> приезжало много народу, приезжал даже поэт Сологуб с женой и с каким-то человеком из синема, — он снял нас всех на фильм» (*Gippius-Merezhkovskaya* З. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 199); на даче у Мережковских был сделан фотграфический снимок — З. Гиппиус и Ф. Сологуб за столом в саду (музей ИРЛИ; опубликован в журнале: Наше наследие. 1990. № 4. С. 63).

¹² См. примеч. 3 к письму 18.

¹³ Речь идет о работе Чеботаревской над книгой «Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX века» (М., 1913).

¹⁴ Ан. Чеботаревской принадлежит первый полный русский перевод романа Стендаля «Красное и черное», вышедший в издательстве К. Ф. Некрасова (М., 1915).

9 (22) августа 1912.

9 августа

Меррекуоль, Эстляндской губ.,
деревня Удриас, дача Адама Раутса

Дорогой Александр Алексеевич,

Спасибо за любезное внимание. Анастасия Николаевна уже писала к Вам после Вашего письма. Был у нас фотограф Оцуп и сделал снимки, которые появились в «Огоньке» и «Утре России».¹ По моему, снимки неудачны. Ан. Ник. послала Вам любительскую фотографию: не знаю, хороша ли она; кажется, тоже неважная. Если случится что лучше, пришлю. Летом я занялся, как Вы уже знаете, инсценировкой 12 картин из «Войны и Мира». (Мне кажется, что такие великие произведения, как «Война и Мир», «Братья Карамазовы» и прочие должны быть источниками нового творчества, как древние мифы были материалом для трагедии. Если могут быть романы и драмы из жизни исторических деятелей, то могут быть романы и драмы о Раскольникове, о Евгении Онегине и о всех этих, которые так близки к нам, что мы порою можем рассказать о них и такие подробности, которых не имел в виду их создатель?). Впрочем, в данном случае я покорно следовал за автором, не дерзая присоединять свое. Сегодня я получил согласие Александры Львовны на эту работу.³

«Навы чары» окончены еще в прошлом году. Их окончание пойдет в альманахе «Земля» в двух книгах. К сожалению, здесь у меня нет рукописи — оставлена в городе. При первой возможности пришлю ее Вам для ознакомления. Это две последние части романа имеют вид отдельной повести (романа) и носят общее название «Дым и Пепел».

«Слаще яда» еще не окончено. Как только напишу последнюю строчку этого романа, так немедленно пришлю Вам все, что еще к тому времени не будет в печати.

Сердечно Вам преданный

Федор Сологуб Тетерников.

¹ Фотография Петра Оцупа «Ф. Сологуб с женой на даче в деревне» была напечатана в журнале «Огонек» (1912. № 5, 18 авг. С. 12).

² Аналогичную мысль ранее высказывал М. А. Волошин в статье «„Братья Карамазовы“ в постановке Московского Художественного театра» (Ежегодник императорских театров. 1910. Вып. 7. С. 153—165); наряду с Достоевским и Толстым к творцам трагических мифов русской культуры Волошин причислял и Сологуба (Волошин М. Имел ли Художественный театр право инсценировать „Братьев Карамазовых“? — Имел // Утро России. 1910. № 280, 22 окт.); см. об этом также в примеч. А. В. Лаврова в кн.: Волошин М. Лики творчества. Л., 1988. С. 701—702.

³ В письме от 5 августа 1912 г. А. Л. Толстая сообщила Сологубу: «Милостивый Государь, согласно Вашему желанию, выраженному в письмах ко мне от 17 и 29 июля, разрешаю Вам инсценировать выбранные Вами места из „Войны и мира“» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 681, л. 1).

10 (23) августа 1912.

Многоуважаемая Анастасия Николаевна,

Очень, очень благодарю Вас за все Ваши любезности мне и газете. Посылаю Вам вырезку «Русского слова» о летнем отдыхе Ф. К.¹ Благодарю за снимки. К сожалению, снимка в смысле поправки в «Огонек» дать нельзя. Тут вина уже не столько нашей цинкографии, сколько фотографа. Вы упали бы в обморок, если бы увидели себя на этом снимке! Может быть, я когда-нибудь покажу Вам его для смеху. Удачные снимки я пошлю в «Русское слово».

Желаю Вам всего доброго и прошу передать мой искренний привет Федору Кузьмичу. Душевно преданный Вам

А. Измайлов.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Писатели на летнем отдыхе // Русское слово. 1912. № 181, 5 (18) авг. С. 7. В публикации были использованы факты, изложенные в письме Ан. Чеботаревской от 25 июля (см. письмо 31).

18 (31) августа 1912.

Дорогой Федор Кузьмич,

На всякий случай посылаю Вам вырезку из «Русских ведомостей».¹

Может быть, сочтете нужным возразить?

Не посердитесь, что взял из Вашего письма несколько строк для газеты.

Искренно Ваш А. И.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Имеется в виду: *Козловский Л.* Отклики жизни. *Sauve qui peut!* (О севшем на мель корабле и смелом прыжке г. Сологуба) // Русские ведомости. 1912. № 189, 17 авг. С. 2. Автор статьи рассматривает обращение Сологуба к инсценировке «Войны и мира» как сигнал истощенности и угасания символизма и возвращения к реалистической традиции. Козловский писал: «<...> время „творимых легенд“ прошло, их минутный успех кончился: это не подлежит сейчас никакому сомнению. Корабль, везший новых аргонавтов, искателей „золотого руна“, сел на мель, далеко не уехав <...> творцам этих „легенд“ ничего не остается, как броситься в воду и плыть к старому берегу. <...> в том, что автор „Навях чар“ стремится под сень великого Толстого, я вижу признаки того, что в душе, уставшей от бесплодных вычур „творимых легенд“, бледных безжизненных признаков и неестественных образов проснулось желание отдохнуть на лоне простоты и правды настоящего воссоздающего жизнь искусства».

Август 1912.

Меррекуль

Дорогой Александр Алексеевич,

Большое спасибо Вам за милое внимание, за привет и сочувствие моей последней работе. Мне было очень приятно, что вы напечатали эти строки из моего письма;¹ бывают случаи, когда такого рода авторские объяснения бесполезны. Статья в «Русских ведомостях» довольно прискорбна.² Охота же людям во всем видеть корыстные мотивы! Льва Толстого я всегда читал с волнением и почитанием. Еще в 1898 году, в статье, напечатанной в венском журнале «Zeit» и потом вошедшей с небольшими изменениями в 10 том моих сочинений, я выразил свое отношение к Толстому.³ Стало быть, мне незачем было прыгать с корабля, чтобы вырнуться под сень Толстого.⁴ Я столь долгие годы провел в неизвестности и непризнании, что на 50-м году жизни мне поздно делать что-нибудь для привлечения к себе кого-нибудь. Вообще я стараюсь не возражать на газетные статьи, но на этот раз изменил своему обыкновению, я послал письмо в редакцию «Русских ведомостей» в духе этих строк.⁵

У нас погода мокрая, вчера и сегодня над морем и среди деревьев очаровательный туман. Скоро придется ехать в Петербург. Сердечно Ваш

Федор Тетерников.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ В заметке «„Война и мир“ в инсценировке» (БВ. 1912. Утр. вып. № 13093, 16 авг. С. 3) был приведен фрагмент письма Сологуба от 8 августа 1912 г. со слов «Мне кажется, что такие великие произведения...»

² Речь идет о статье Л. Козловского «Sauve que peut (О севшем на мель корабле и смелом прыжке г. Сологуба)».

³ Die Welt Leo Tolstojs. Feier seines siebenzigsten Geburtstages Von Fjodor Sologub (Petersburg) // Die Zeit (Wien). 1898. № 206, 10 September. S. 167—168. Статья была заказана редакцией «Ziet» (Вена) в августе 1898 г. по случаю 70-летнего юбилея Толстого (см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 90, л. 19). Алекс Браунер (*Al. Brauner* — редактор «Ziet», автор нескольких немецких переводов Сологуба, в течение ряда лет был тесно связан с редакцией журнала «Северный вестник», в 90-е гг. активно знакомил европейских читателей с творчеством русских символистов) после получения статьи писал Сологубу: «Вы оказали этим немецкой литературе прямо услугу, так как до сих пор не появлялась ни одна статья о Толстом, в которой бы не смотрелось на его последние философские и литературные труды, как на нечто старческое. Что все его сочинения только звенья одной абсолютно логической цепи, этого здесь никто не понимает. Немцам — я говорю о настоящем большинстве — слишком чужд этот идеально-чистый, индивидуально-внутренний мир святого старика. Что Вы, как никто другой, верно понимаете глубокую философию, которая прячется в сочинениях Толстого, было для нас ясно еще до статьи, и мы Вас благодарим за ту радость, которую доставила нам Ваша статья» (Там же, л. 20). Статья Сологуба «Единый путь Льва Толстого» была помещена в 10 томе собрания сочинений (СПб.: Шиповник, 1910. С. 189—202).

⁴ Сологуб приводит цитату из статьи Л. Козловского.

⁵ См. ответ на статью Козловского: *Сологуб Ф.* Письмо в редакцию // Русские ведомости 1912. № 194, 23 авг. С. 5 и, там же, ответный полемический выпад Козлов-

ского, в котором, в частности, говорилось: «Сологубу, конечно, лучше знать, приятна ли ему сень Толстого, но, глядя со стороны, видишь зато, чего, должно быть, не заметил г. Сологуб, что от этой сени в своей литературной деятельности он ушел очень далеко».

36

23 августа (5 сентября) 1912.

23 августа

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич!

Позвольте обратить Ваше внимание на этот перл художественного самооплевания, который принадлежит перу одного из известных беллетристов... увы «товарища» нашего по перу...¹ Мы читали это произведение с чувством глубокой горечи и возмущения — ведь это гадко, низко дешево... Неужели писатель, уважающий себя, пишущий не для рынка, а свое сокровенное, выношенное, пережитое, выстраданное и передуманное тысячи раз, может давать себе сам публично оплеухи и расписываться в собственном хулиганстве всенародно? Арцыбашева всегда окружала очень дурная компания — я это знаю, потому что, приехав несколько лет тому назад в Петербург после учения за границей и только что начав работать в литературе, я попала в «Журнал для всех» и тотчас принялась организовывать молодежь около журнала — устроила кружок, существовавший два года для чтения и обсуждения литературных произведений, но затем с горечью отошла от него, — столько грубости, мелочности, завистливости и антисоциальности проявляли его члены... Но обжегшись этот раз, я никак не могла перенести этого мнения на всех прочих литераторов, среди которых тот же Миролюбов² был прекрасной, идеалистически настроенной личностью; да взять из ближайших, не говоря о Ф. К., которого я считаю человеком самым чистым, благородным и беззаветно преданным своему делу (пусть я пристрастна!); Мережковские — люди истинно-культурные, живущие исключительно запросами духа, Ремизов — почти буквально голодающий,³ но не способный ни на минуту изменить своему знамени, тот же Рукавишников — пусть он графоман, часто дикарь, но это человек положительно заслуживающий уважения за свое отношение к литературе, пренемавший на нее миллионы своего рода,⁴ живущий почти в нищете, ничего от этой для него мачехи не видящий, кроме пинков и гогота. Эрберг (Сюннерберг) скромнейший, милейший человек, изнывающий на службе в министерстве и по вечерам пишущий статьи об эстетике и искусстве,⁵ много еще других, о которых хотелось бы когда-нибудь рассказать Вам, если уж выносить какие-либо общие приговоры нашей братии. Но как тяжело среди этой грызни, среди этой братоубийственной брани, особенно обострившейся в виду этого книжного кризиса, который многие не хотят признать за явление, порожденное столько же экономическими причинами (голодом, крахами промышленными), сколько и завалом рынка ужасной переводной и прочей пинкертоновщиной — публика

растеряна, не знает, что брать — лучше ничего — лучше переждать... Нет, кто только не писал и не издавал чего только за годы подъема — вспомните. Но литераторы наши не хотят с достоинством перешагнуть этот, конечно тяжелый момент, — взгляните, например, на социал-демократов и пр., произведения которых сейчас гниют в сотнях тысяч складах, разве они унижаются до того, чтобы обвинять друг друга в неумении угодить публике, разве Маркс унижен тем, что сейчас его бессмертный „Капитал“ лежит камнем на полках лавок, да и один ли он, ведь сейчас ту же участь делят и Белинский, и Гоголь, и Герцен, и Добролюбов, — значит, причины далеко не личного характера. А это злорадство, с которым наши газетчики, вроде некоего г. Абрамовича (газ. «Руль», на днях)⁶ спешат, без всякого стеснения «заколотить в гроб» еще живых и вчерашних своих господ, перед которыми они же ползали.

Нет, за границей иное отношение, иное мерило вещей. Неужели позволяют травить какого-нибудь Гауптмана, написавшего более слабую вещь, чем предыдущая, Метерлинка, Мирбо,⁷ которые, как и все смертные, имеют свои чередующиеся часы подъема и упадка, силы и слабости, но достойны уважения и признания в общем итоге своей, конечно, общественной — в смысле служения — деятельности.

Когда читаешь ежедневно порцию литературы вроде присланного Вами перла — охватывает, несмотря на мою личную огромную энергию и непоколебимую уверенность в ценности известных мне вещей, какое-то безысходное отчаяние, хочется уйти, скрыться навсегда куда-то, жить только для дела, которому будем верить до последнего издыхания, и друг для друга, предоставить все остальное столь неприязненному миру. Простите за столь минорный тон, дорогой Александр Алексеевич, я разболелась, пишу Вам как другу, хотя бы внешне далекому, заочному. Скоро уже в город — ох, как не хочется! Будьте здоровы и счастливы!

Ваша Анс. Чеботаревская.

¹ См.: А. Ш. М. П. Арцыбашев о распаде интеллигенции // Утро России. 1912. № 192, 21 авг. С. 2. В беседе с сотрудником газеты писатель «с горечью констатировал полный развал интеллигентской мысли и творчества во всех сферах искусства и общечеловечности»; очевидно, Чеботаревскую возмутили смелые обобщения Арцыбашева, сделанные по отношению ко всем литераторам, например: «Слабые и глупые, сами отнюдь не культурные, не имеющие в голове ни единой оригинальной мысли, не умеющие дать не только истинного художественного произведения, но даже и писать-то занимательно не могущие, чему же мы научим, чем развлечем или облагородим? Кроме двух-трех человек, современные литераторы не думают ни о чем, кроме личного успеха, газетного шума, генеральского чина и гонорара. Это орда прихлебателей по природе <...>. Теперешняя интеллигенция изжила себя <...>».

² *Миролюбов Виктор Сергеевич* (1860—1939) — редактор-издатель «Журнала для всех»; после окончания Русской Высшей школы общественных наук (основ. М. М. Ковалевским) в Париже и возвращения в Россию осенью 1905 г. Чеботаревская работала в редакции журнала; неразделенное чувство к В. С. Миролюбову «явилось для нее причиной мучительных переживаний» (*Лавров А. В. Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская // Незданный Федор Сологуб*. С. 292).

³ Имеется в виду широко известный в литературной среде факт материальной и бытовой беспомощности Алексея Михайловича Ремизова (1877—1957).

⁴ Иван Сергеевич Рукавишников происходил из богатого помещичьего рода; в начале 1910-х гг. получил наследство в виде родового имения (Лазарево Нижегородской губ.); однако в 1900-х гг. отношения Рукавишника с богатыми родственниками были напряженными, в результате произошедшей ссоры с ними ему пришлось отказаться от назначенного ему содержания, переселиться в Петербург и жить на литературный заработок. Эти биографические подробности были известны Анс. Чеботаревской, собиравшей книгу биографий современных писателей (см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 4, № 73, л. 172).

⁵ *Конст. Эрберг* (Сюннерберг Константин Александрович, 1871—1942) — эстетик, критик, поэт, переводчик; с начала 1900-х гг. посещал поэтические собрания («воскресенья») Сологуба (см.: Воспоминания Конст. Эрберга о Федоре Сологубе / Публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979).

⁶ Речь идет о статье Николая Яковлевича Абрамовича (1881—1922, критик) «Книга отъезжающих (О „концах“ и „началах“ в литературной современности)» (Руль. 1912. № 364, 20 авг. С. 2). Автор статьи причисляет Сологуба (наряду с Горьким, Л. Андреевым, Куприным) к писателям, чье творчество, по его мнению, исчерпало себя («„Мечта-победительница“, пьеса грубо тенденциозная и вызывающая смех своим бессилием, своей мелочностью. Вот вторая часть „Навях чар“, где талантливые страницы тонут среди художественно ненужных и бездарных. А вот, наконец, „Слаще яда“ — такой длинный, такой скучный, такой нелепый роман о босоногих девочках и сентиментальных мальчиках. <...> Он блеснул маленьким метеором, в своем Передонове он нечаянно коснулся реальности и коснулся метко и остро. О том, что произошло это „нечаянно“, свидетельствует книга о Сологубе, в которой помещено лишь то, что одобрено и признано правильным как бы с точки зрения самого автора».

⁷ Чеботаревская сравнивает Сологуба с европейскими писателями, находившими в центре внимания публики, критики и журналистики — Гергардтом Гауптманом (1862—1946), Морисом Метерлинком (1862—1949) и Октавом Мирбо (1848—1917); ею были сделаны переводы на русский язык пьес Метерлинка «Там внутри», «Монна Ванна», «Пелеас и Мелизанда», «Принцесса Мален», а также переводы произведений Мирбо «Осенние силуэты», «Париж ночью», «Голгофа», «Дневник горничной», «Себастьян Рок», «Деревенские рассказы».

Сентябрь 1912.

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич,

Мы вчера приехали в город, — прямо в дождь и осень. Надеемся, что хоть теперь, в этом сезоне, Вы нас навестите. Вчера же из цензуры получили «Войну и Мир» без всяких изменений (Ф. К. боялся за картину — убийство Верещагина, и даже заготовил две картины «запасных», так что получилось всего 14 картин, — в случае необходимости режиссер сумеет «сократить»)¹ Требуют пьесу пока в провинции, в Александринском, несмотря на желание Мейерхольда, которому инсценировка очень нравится, еще не решили — везде свои интриги и «политика»; Теляковский² принципиально высказался «за», говорят, что хорошо бы не ограничиваться постановкой «официальной»,³ но он человек сам по себе нерешительный, очень поддающийся разным влияниям, впрочем, прислушивается и к прессе, так что, с этой стороны, хорошо бы поместить заметку, поощряющую его к такому шагу, а то вроде странно, если отзовется на «Войну и Мир» не «образцовый» казенный, а частный Суворинский театр.⁴ На днях Ф. К. пошлет Вам переписанный экземпляр «Войны и

мира», чтобы узнать лично Ваше мнение, которым он дорожит и интересуется. Пока просит Вам передать сердечный привет, так же как и я. Анс. Чеботаревкая.

Р. S. Тогда, в горячую минуту, я, кажется, написала Вам чересчур «яростное письмо» по поводу Арцыбашевской статьи, кажется, не стоило так волноваться.

Датируется по содержанию.

¹ В машинописном экземпляре текста инсценировки «Картины из романа „Война и мир“ Л. Н. Толстого, избранные и приспособленные для сцены Федором Сологубом» имеется 14 картин, две из которых — «У старого князя Болконского» и «Наташа и Пьер. Чтение Манифеста» помечены автором как резервные (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 187).

² Теляковский Владимир Аркадьевич (1861—1924) — в 1901—1917 Директор Императорских театров.

³ 11 августа 1912 г. В. Э. Мейерхольд писал Ан. Чеботаревской: «Дорогая Анастасия Николаевна, если Ф<едор> К<узьмич> никому не отдал „Войны и мира“, убедительно прошу прислать эту пьесу мне. Тотчас по приезде Влад. Арк. Теляковского (он уехал по делам в Москву и скоро вернется), я прочитаю ему пьесу. Дело в том, что, как сегодня узнал, Дирекция Императорских театров не хочет ограничиваться постановкой Бахметьевской пьесы в память Двенадцатого года, так как эта пьеса крайне не удовлетворительна. Дирекция Императорских театров, задумав торжественный спектакль, с самого начала мечтала об инсценировке Толстовского романа, но не имела подходящей переделки» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 160, л. 11). 23 августа Мейерхольд сообщал Сологубу: «Сегодня рукопись „Войны и мира“ передана Вл. А. Теляковскому. Принципиально он высказался за <...> Вл. А. Теляковский считает необходимым играть переделку великолепного произведения Л. Н. Толстого» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 452, л. 57). Несмотря на усилия Мейерхольда, Теляковского и заведующего репертуаром Александринского театра Н. А. Котляревского (см. его письмо к Сологубу от 31 октября 1912 г. — РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 355, л. 1) инсценировка «Войны и мира» Дирекцией Императорских театров была не одобрена к постановке (официальный отказ был отправлен Сологубу 17 января 1913 г. — см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 878), а 26 августа 1912 г. на Александринской сцене состоялась премьера пьесы «Двенадцатый год. Историческая хроника в 11 картинах» Алексея Ивановича Бахметьева (1860—1917), и в этот же день в Москве в Малом театре (отд. изд.: СПб., 1912); в Петербурге пьеса выдержала 13 представлений.

⁴ Малый театр или театр Литературно-художественного общества, владельцем и руководителем которого с 1899 г. был журналист и издатель газеты «Новое время» Алексей Сергеевич Суворин (1834—1912).

16 (29) сентября 1912.

16 сентября

Дорогой Федор Кузьмич,

Позвольте обеспокоить Вас просмотром обещанной мною корректуры.¹ Вторая половина уже набрана и, ради выигрыша времени, посылаю ее в рукописи. Буду очень благодарен, если Вы найдете что-либо нужным прибавить и, между прочим, вставить название Вашей новой пьесы, которое я забыл.² Роман Ваш уже читаю.³ Досадую, что всякие срочные мелочи не дают заняться им всецело и прошу у Вас извинения, если чуточку задержу рукопись против обещания.

Сегодня получил фотографии от Булла.⁴ На этот раз вышло превосходно, удобно для воспроизведения, и я надеюсь, что Анастасия Николаевна, коей прошу засвидетельствовать мое глубокое уважение, на этот раз не будет недовольна.

Снимки и при них краткое описание пойдет через номер в «Огоньке». Статья на этой неделе пройдет в вечернем издании.⁵

Душевно преданный Вам А. Измайлов.

¹ Имеется в виду корректура статьи: *Аякс <Измайлов А.>*. У Ф. К. Сологуба // БВ. 1912. № 13151, 19 сент. С. 5—7; № 13153, 20 сент. С. 5—6.

² Речь идет о пьесе «Любовь над безднами» (опубликована в альманахе „Шиповник“. 1912. Кн. 18).

³ Имеется в виду заключительная часть трилогии «Творимая легенда» — роман «Дым и пепел»; позднее Измайлов познакомил читателей с содержанием роман, см.: *Аякс. „Дым и пепел“* (Новый роман Ф. К. Сологуба) // БВ. Веч. вып. 1912. № 13175, 3 окт. С. 5—6; № 13177, 4 окт. С. 4.

⁴ *Булла Карл Карлович* (1853—1929) — известный фотограф, владелец ателье на Невском.

⁵ См. примеч. 1.

39

7—10 (20—23) октября 1912.

Дорогой Александр Алексеевич,

На этот раз фотограф оказался более удачливым;¹ снимки получились хорошие. А вот в описание вкралась ошибка: ковер сделан Судейкиным, а не Кустодиевым.² На днях видел Вас издали на «Бегстве Габриэля Шиллинга»,³ но почему-то не удалось подойти. Надеюсь, что Вы захотите пойти на «Заложников Жизни», пойдут они после 15 октября.⁴ Репетиции уже возобновились. На днях я был у Головина, смотрел эскизы и те декорации, которые уже готовы; все это очаровательно. На днях слушал музыку Каратыгина к этой пьесе; она мне очень понравилась.⁵

Жму Вашу руку.

Ваш Федор Тетерников.

Датируется по содержанию.

¹ В «Огоньке» (1912. № 39, 23 сент.) были помещены три фотографии: «Ф. К. Сологуб с супругой в столовой», «В гостиной» (Ф. Сологуб и Ан. Чеботаревская); «За рабочим столом» (Ф. Сологуб).

² В заметке «Писатель Ф. К. Сологуб у себя» (Огонек. 1912. № 139, 23 сент. С. 8) была допущена неточность: упомянутый ковер-панно был изготовлен Ольгой Афанасьевной Глебовой-Судейкиной (1885—1945) по эскизу ее мужа, театрального художника Сергея Юрьевича Судейкина (1882—1946); в настоящее время хранится в музее А. Блока (С.Петербург).

³ Пьеса Г. Гауптмана «Бегство Габриэля Шиллинга» осенью 1912 г. шла в Русском драматическом театре (А. Рейнке) в постановке А. Таирова, премьера состоялась 24 сентября 1912, подробный отчет о премьере отражен в рецензии Измайлова (см.: *Смоленский. Русский драматический театр. «Бегство Габриэля Шиллинга»* Г. Гауптмана // БВ. Веч. вып. 1912. № 13161, 25 сент. С. 4).

⁴ Премьера «Заложников жизни» в постановке В. Э. Мейерхольда состоялась в Александринском театре 6 ноября 1912 г.

⁵ Каратыгин Вячеслав Гаврилович (1875—1925) — композитор и музыкальный критик, автор музыки к пьесе «Заложники жизни».

40

19 октября (2 ноября) 1912.

19 октября 1912

Дорогой Федор Кузьмич,

Промаялся ночь с зубом, — никуда не гожусь. Едва смог приехать в редакцию — обусловить неявку в ближайшие дни.

Простите великодушно и верьте искренности.

Посылаю Вам заметки из «Нового слова» о Ваших вещах.¹

Ваш искренно А. Изм.

¹ Измайлов А. Новый роман Ф. К. Сологуба «Слаще яда». Узоры «творимой легенды» // Новое слово. 1912. Октябрь. С. 113—119.

41

16 (29) декабря 1912.

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич,

Читали ли Вы сегодня в «Русском слове» фельетон Горького,¹ где под видом «Сказки» таится гнуснейший пасквиль на Ф. К. и на меня (между прочим, я никогда и в глаза не видела Горького!).² Читаешь подобные вещи и просто руки опускаются; какую же мерзость надо иметь в душе, чтобы извлечь из нее подобную вещь — ведь это какой-то ком злости, зависти, грязи, которая никогда и на ум не придет человеку, не отравленному всеми этими ядами... Но в чем же моя вина? В том, что я позволила себе написать между прочими другими статьями (я ведь уже семь лет сотрудничаю в разных петербургских и московских газетах и журналах) написать статью о Ф. К. в «Золотом руне»³ и собрала в книгу все более или менее — не хвалебные, а чем-нибудь оригинальные статьи, облегчив эту задачу будущего историка литературы. Писала же я рецензии и в частности даже на стихи Ф. К. еще в первом году, 1905, моей литературной деятельности в Петербурге, когда еще я и в глаза не видела Ф. К.⁴ Да наконец, в чем же все-таки преступление, за которое знаменитый и идейный писатель позволяет себе возводить на меня клеветы — заведомо лживые (даже говорить против!), за которые обычно вызывают на дуэль или публично бьют?⁵ Неужели право эмигранта⁶ дает ему эту привилегию? Вы знаете, насколько Ф. К. чужд рекламе и суетности — если я сообщаю для печати иногда что-либо, то только факты, восстанавливающие истину или буквально ей отвечающие;

я очень рада, конечно, всякому доброму и справедливому слову о Ф. К., но Вы сами знаете — настаивала ли я или домогалась чего-нибудь подобного? Когда Вы написали осенью о нашей жизни в квартире,⁷ мы были, клянусь Вам, этим очень смущены и удивлены, потому что считали ваше посещение просто за дружеский визит. Единственная моя задача возле Ф. К. — создавать ему благоприятную обстановку для работы, но ведь и я человек, и не надо удивляться, когда и я могу выйти из себя, видя постоянную, систематическую травлю человека, чище, кротче и лучше которого я не видела на свете. Поймите, Александр Алексеевич, — ведь это трагедия — знать, быть убежденным, что этот человек мухи не обидел в жизни и ничего не имеет в мыслях, кроме труда и искусства, — и за что, почему, каждое утро он должен проглатывать 20—30 штук ругани, не выпадающей даже на долю отъявленного злодея и палача. Но я чувствую, что говорю бледно, неубедительно, — для этого нужны образцы огромной силы, чтобы убедить в трагичности подобного положения, а я могу только это чувствовать. Но скажите мне, почему Данте мог воспевать Беатриче, Петрарка — Лауру, Рафаэль, Рубенс, Рембрандт и прочие сотни раз изображать своих возлюбленных,⁸ знаменитый Никиш — аккомпанировать своей жене,⁹ неважный певец, — каждый актер, певец, музыкант может и имеет право выдвигать и помогать близким им по профессии и по духу, не делая никому отчета в своих интимных и частных отношениях, а в нашей среде, не защищенной нигде от выпадов личной злобы или зависти, и это подвергается клевете и инсинуациям! Ведь неужели надо объяснять, что только идейная близость влечет за собой близость внешнюю, а не наоборот, в жизни людей сознательных и интеллектуальных? Как реагировать на подобные «сказки», я, право, не знаю, — тут дело осложняется тем, что я женщина и не в состоянии ответить на это тем, чем полагается. Пишу Вам все это, чтобы облегчить свою душу.

Ваша Ан. Чебот.

Датируется по содержанию.

¹ Сказка III из цикла М. Горького «Русские сказки» была напечатана в «Русском слове» 16 декабря 1912 г. (№ 290); в ней Горький высмеивает создателей так называемой «кладбищенской литературы», в том числе и Сологуба, в творчестве которого тема смерти занимала выдающееся место (подробнее см. в кн.: *Звенцов И.* Сила сарказма. Сатира и юмор в творчестве М. Горького. Л., 1973. С. 243—254).

² Прямые указания на Сологуба и Чеботаревскую в сатире Горького отсутствуют, однако, в «стильном» быте поэта Смертяшкина и ревнующей о его славе супруги, Нимфодоры Завальяшкиной (персонажи сказки), угадываются весьма прозрачные намеки на гостиную четы Сологуб на Разъезжей, широко известную в литературно-художественном мире Петербурга, а также на ее хозяйку, «взявшую курс на внешнее подержание <...> известности мужа» (*Эрберг К.* (К. А. Сюннерберг). Воспоминания / Публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 г. Л., 1979. С. 140). Свообразным намеком на Чеботаревскую (составившую сборник критических статей «О Федоре Сологубе». СПб., 1911) служит также упоминание о том, что Завальяшкина «тщательно собирала все рецензии о стихах мужа и, уничтожая неодобрительные, — похвальные издавала отдельными томиками» (*М. Горький.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1951. Т. 10. С. 454); указание на Сологуба, вероятно, содержалось уже в первых строках сказки Горького: «Долго жил

Евстигней Закивакин в тихой скромности, в робкой зависти и вдруг неожиданно прославился» (там же. С. 449); как известно, вплоть до появления отдельного издания романа «Мелкий бес» (1907) Сологуб оставался «в тени» литературной славы и популярности.

³ *Чеботаревская Ан.* «Творимое» творчество // Золотое руно. 1908. № 11—12. С. 56—62.

⁴ Ан. Чеботаревская вернулась в Россию из Парижа осенью 1905 г. и вскоре стала работать в редакции «Журнала для всех» и в газете «Товарищ»; ее знакомство с Сологубом состоялось весной 1907 (подробнее об истории их взаимоотношений см.: *Лавров А. В.* Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 290—302).

⁵ Возмущение Чеботаревской было вызвано тем, что она полностью отождествила себя с героиней горьковской сказки, восприняла образ Нимфодоры Завалашкиной не как сатирическое обобщение, а как «гнуснейший пасквиль», обращенный к ней лично; особенно оскорбило ее упоминание в сказке о любовнике Нимфодоры — Прохарчуке, «домашнем» критике Смертяшкина, воспринятое ею как «возведение клеветы».

⁶ М. Горький покинул Россию в январе 1906 г., после поездки в Америку в октябре 1906 обосновался на Капри, вернулся в Россию 31 декабря 1913 г.

⁷ Имеется в виду заметка «Писатель Ф. К. Сологуб у себя» (Огонек. 1912. № 39, 23 сент. С. <8>).

⁸ Имеется в виду портрет Фарнарины, возлюбленной Рафаэля Санти (1483—1520), отдельные черты Фарнарины были запечатлены также в образе Сикстинской Мадонны; на многих полотнах Петера Пауля Рубенса (1577—1640) изображены его возлюбленные — первая жена Изабелла Бранд и вторая жена (и натурщица) — Елена Фоурмен; Рембрандт Харменс ван Рейн (1606—1669) посвятил несколько полотен изображению Саскии ван Эйленбюх (наиболее известное из них — «Даная», 1636 г.).

⁹ *Никиш Артур* (1855—1922) — венгерский дирижер, композитор и музыкально-общественный деятель; с 1899 г. вместе с Берлинским филармоническим оркестром неоднократно гастролировал в России, большую известность получил в качестве дирижера в первых постановках опер Вагнера на московской и петербургской сценах; жена Никиша — Амелия Хейснер, певица и композитор.

42

24 декабря 1912 (6 января 1913).

Только что от Вас узнал о смысле фельетона Горького, который, не читая, отложил в сторону. И только теперь, после этого, прочту его. Это я говорю к тому, чтобы Вы знали, как в сущности не всеобъемлющи и узки явления литературного дня, кажущиеся иногда страшно значительными для тех, кто прямо в них задет. Вращаясь почти сплошь в литературном мире, я не слышал также, чтобы кто-нибудь навел меня на этот разговор. Не могу судить, не читав фельетона, но не считал бы невозможным, что сюда вкралось простое недоразумение. Горького я знаю так мало, но ото всех слышал, что он чрезвычайно прямой и правдивый человек.

Все, что Вы пишете о Федоре Кузьмиче, я считаю истинной правдой. Всегда с нежным и радостным чувством я вижу те немногие дружбы и любви, какие еще сохранились нам в ужасный век. На них отдыхает душа, и так всегда я мыслил о Вашем союзе.

Позвольте мне, во имя благополучия человека, которого Вы любите, дать вам один непрощенный совет. Убедите Вы его, чтобы он отказался от выписки вырезок.¹ Это отвратительное бюро следовало бы взорвать на воздух — оно специально рассчитано на разжигание

в человеке самолюбия, и на одну радость несет сотню огорчений. Неужели Федору Кузьмичу не надоело каждодневно глотать жаб! Некогда я тоже состоял в бюро. Сейчас рад, что не состою. Андреев говорил мне, что он увидел свет, когда выписался из этого учреждения.² От этого может быть трудно отказаться сразу, как курящему от табаку, но это должен сделать человек, у которого есть воля и который хочет освободить себя от каждодневных заноз.

Р. С. Прочел сказку. Да, Вы правы. «Правдивый человек» скрипелся. Но Вы знаете, за что он может иметь тут против Ф. К.!

Ваш А. Измайлов.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ См. примеч. 2 к письму 19. Мнение Измайлова разделял и В. В. Розанов, знавший о коллекции газетных вырезок Сологуба. 17 апреля 1911 г. он писал Ан. Чеботаревской: «Для чего же такую незстетическую дрянь, как „газетные вырезки“, Вы допускаете в квартиру, вероятно, огромную! <...> У меня есть нумизматика, и на меня они не действуют; у Фед<ора> К<зьмича> нет такого „отвлекающего“ занятия, и Вы его раздражаете и, может быть, измучиваете этой дрянью. Женино дело не допускать их в дом <...> Писатель должен быть пустынным; никаких „голосов“ о себе не знать» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 234, л. 1).

² Корреспондент «Биржевых ведомостей» писал по поводу отказа Л. Андреева от услуг «Бюро печатных вырезок»: «Вырезки поступали бочками сороковыми. <...> Теперь с утренней корреспонденцией писатель не воспринимает обычной порции литературной касторки, не знает, что сочиняют о нем. <...> нужно большое обладание волей, чтобы устоять против соблазна и одинаково закрыть уши для газетных комплиментов и брани» (В литературном мире // БВ. Веч. вып. 1910. № 11668, 16 апр. С. 3).

43

Декабрь 1912 (январь 1913).

Дорогой Александр Алексеевич,

Ан. Ник. показала мне Ваше письмо, и мне хочется написать Вам кое-что о двух предметах:

1) О вырезках. Я совершенно искренне не понимаю, как могут эти вырезки кого-нибудь серьезно огорчать или радовать. Знать же чужое мнение о себе, хотя бы оно иногда было и глупое, всегда полезно. Суд глупца подобен «аггелу сатанину», который мне «пакости деет, да не превозношуся».¹ Просматриваю эти вырезки я не очень внимательно и затем храню их как интересный во многих отношениях материал. Но все-таки могу сказать, что из них вижу, что провинция растет, и кое-что из провинциальных рецензентов разбирается в художественных произведениях неплохо.

2) Вопрос о фельетоне Горького расценивается таким образом. Лично я, насколько он меня касается, совсем им не задет, и не обратил бы на него внимания, если бы он не появился в газете, которая желает моего сотрудничества.²

Р. С. Прочитал этот фельетон я не в вырезках; бюро вырезок мне его не прислало, да и не могло прислать, — там нет моего имени. «Русское слово» получаю.

Реакция дала мне объяснения, из которых видно, что она не думала, что это на мой счет. Но там изображена и жена Смертяшкина, и это уже нехорошо; нехорошо потому, что есть клевета. Редакция была введена в заблуждение, и мы редакцию не виним.

А Максиму Горькому я написал, что его поступок считаю нехорошим и несоответствующим его положению в литературе, поскольку этот поступок касается не Смертяшкина, а его жены.³ Что касается того, что у М. Горького могли быть основания сердиться на меня, скажу следующее: в главах, которые я не включил в текст «Мелкого беса» и напечатал отдельно в «Речи» нынче весною,⁴ есть правда, кое-какие намеки на Горького (речь в буфете), но есть много такого, что на образ Горького не натягивается. Списаны эти два писателя не с Горького, а с двух литераторов, с которыми я встретился в Крестцах в 1884 году, и уже потом прибавлено из позднейших наблюдений.⁵ Ничьих жен я не трогал, и никому облыжных любовников не приписывал, так что М. Горький, конечно, перешел пределы мотивированного отмщения; да и притом это уж очень простонародный способ мести — рассердившись на Закивакина, обругать Нимфодору, его жену.⁶ Впрочем, общее мнение, прочитавших фельетон: «Скучно, беззубо, бездарно». Очень благодарен за Ваше постоянное доброе ко мне отношение. Сердечно Вам преданный

Федор Тетерников.

Датируется по содержанию.

¹ То есть: «Дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручить меня, чтоб я не презноснился» (II Кор. 12.7).

² В 1912 г. в «Русском слове» у Сологуба были напечатаны: рассказ «Смутный день» (№ 6, 8 янв. С. 4); очерк «Приятная беседа» (№ 80, 16 апр. С. 2); историческая фантазия «Сдавшиеся» (№ 297, 25 дек. С. 6); кроме того, писателем был отдан в редакцию написанный совместно с Ан. Чеботаревской рассказ «Венчанная» (1913. № 87, 14 апр. С. 7).

³ 18 декабря 1912 г. Сологуб писал Горькому: «Вы, как искренний и большой человек, не станете отрицать, что ваша „сказка“, помещенная в „Русском слове“ 16 декабря, метит в меня. Если бы это было только против меня, я и не возражал бы. Но Вы захотели говорить о жене Смертяшкина... вспомните, что над тусклым кипением ничтожных и пошлых чувств, из которых возникла Ваша прискорбная сказка, есть мир возвышенный и чистый... и я уверен, что на этой высоте Вы найдете в своей душе такую силу осуждения Вашего поступка, с которой не могут сравниться намеренно сдержанные слова моих упреков. Я не понимаю, зачем Вы это сделали?» (*М. Горький. Полн. собр. соч.: В 25 т. М., 1971. Т. 12. С. 578*). Подробно об истории конфликта между Горьким и Сологубом, возникшего по поводу сказки о Смертяшкине, см.: *Никитина М. А. М. Горький и Ф. Сологуб (К истории отношений) // Горький и его эпоха. Исследования и материалы. М., 1989. Вып. 1. С. 185—203*.

⁴ В апреле 1912 г. в газете «Речь» (№ 102, 15 апр.; № 109, 22 апр.; № 116, 29 апр.) были напечатаны главы из романа «Мелкий бес», не вошедшие в опубликованный текст романа. Эти главы имеются в рукописи (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 96; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки ф. 724, № 2—3) и были исключены Сологубом из текста в период печатания «Мелкого беса» в «Вопросах жизни» (1905, №№ 6—11) под давлением со стороны редакции журнала.

⁵ Подробно см. в нашей публикации: Из творческой истории романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» (отвергнутый сюжет «Сергей Тургенев и Шарик» и его место в художественном замысле и идейно-образной структуре романа) // *Русская литература. 1997. № 2. С. 138—154*.

Декабрь 1912 (январь 1913).

Любезный Александр Алексеевич!

Спасибо за добрые слова. И хотя это совсем не праздничная тема, но позвольте Вам сказать, что Ф. К. никогда на Горького не только не писал пародий (он вообще против этого жанра и вышел из Смертяшкина потому же). Но постоянно защищал его от хоронивших его некогда¹ — вопреки общему мнению, его последние вещи («Городок Окуров») не хуже его первых. Ведь в этом образе, который принято считать почему-то за пародию, — ничего нет Горьковского, кроме одной злосчастной фразы,² написано это было в другое время, и ничего нет здесь личного, никакого залезания в частную жизнь — в чужие, наконец, постели, как это уже разрешил себе Горький. Если видеть здесь пародию, то скорее на «декадентствующих» пошляков, но повторяю, это вообще не пародия — или если таковая, то на образ, а не на личность, каковой является весь пасквиль Горького (другого слова не нахожу). Ничем другим, кроме злости, зависти и эмигрантской скуки, я объяснить этого не могу, и согласитесь, что только терпящая все бумага да нравы литераторов, которым чужды понятия истинной любви, верности, чести, могут санкционировать подобные выступления. В «Русском слове» дали простое объяснение: «Горькому спешно понадобилась 1000 рублей!» Но никакие эксцессы злости не отвлекут меня от моей задачи — до последней минуты жизни буду служить этому делу, идеальные устремления которого положили начало и внешнему моему сближению с Ф. К.

Ваша Анс. Чеб.

А теперь — позвольте Вас поздравить с праздником и сердечно пожелать всего, всего лучшего!

Датируется по содержанию.

¹ В очерке «Конец ли Горькому», помещенном в специальном выпуске журнала «Заря» (1914. № 5), приуроченном к возвращению Горького в Россию, Сологуб писал: «Все толки о каком-то „конце Горького“ ни на чем не основаны. Он сохранил свои силы, — крупные силы и, несмотря на долговременное отсутствие из России, ощущение русской действительности нисколько у него не пострадало. Говорят, что роман его не отражает жизни... Но от художника разве требуется фотографичность? <...> Конечно, случается, что писатель дает одну вещь получше, другую похуже. Но нельзя же отсюда кричать об упадке таланта и тем более — о „конце“. Правда, Горькому мешает публицистика, в которую он любит вдаваться. Но она, ведь, везде мешает художественности» (с. 5); аналогичные суждения Сологуб высказывал и в очерке «Каким Горький уехал» в первом выпуске своего журнала «Дневники писателей»: «Каким Горький уехал, таким и вернулся. Талант — топор, как было сказано о Некрасове. Рубит фигуры из слов, как Ерзя из мрамора. Но главное — превосходный рассказчик»

(1914. Март. С. 17). Более ранние печатные высказывания Сологуба в защиту Горького не выявлены.

² В опубликованных Сологубом главах «Сергей Тургенев и Шарик» содержится целый комплекс биографических, портретных и цитатных указаний на Горького, послужившего прототипом Шарика; возможно, Чеботаревская имела в виду восклицание Шарика о Передонове: «Это выше Формы Гордеева!», явившееся непосредственной отсылкой к прототипу. Подробно см. в нашей статье «Из творческой истории романа Ф. Сологуба „Мелкий бес“».

45

Январь 1913.

Дорогой Александр Алексеевич,

С прискорбием прочитал я Ваш «Дым и Жупел».¹ Не понимаю, зачем это Вам понадобилось. Вам не нравится мой роман? но для выражения своих мнений есть критические статьи, и Ваше отрицательное отношение к моему роману Вы уже не раз выражали.² А вот пародии зачем писать и печатать их в том журнале, где иногда печатаются и мои рассказы,³ это мне непонятно. Одно из двух — или Ваш журнал признает меня вообще в качестве писателя, и тогда по отношению ко мне надо соблюдать известные приличия; или Ваш журнал считает меня плохим писателем и недостойным уважения писателем — тогда зачем же печатать мои стихи и мою прозу? Издеваться над своим сотрудником! А рисунок над Вашей статьей! Какая-то пошлейшая харя с моими, однако, чертами, сидящая в непристойной позе — какая-то голая баба с розгами!⁴ Все это очень прискорбно. Вот, Вы господа критики, нападаете на меня за то, что я, будто бы, не люблю жизни. Любить без разбора вообще не стоит, и жизнь нужно любить только достойную любви. А вот эта жизнь, где не отличишь друга от врага, где люди издеваются друг над другом, где (цитирую Ваши слова обо мне) «серьезное, грустное, прекрасное лицо брата по душевным переживаниям»⁵ служит для него плевательницей, — о, эта жизнь! С какою отрадою думаешь о том, что путь этой жизни уже не так долгов!

Желаю Вам счастья и радости.

Ваш Федор Тетерников.

Датируется по содержанию.

¹ *Измайлов А.* «„Дым и жупел“ (Творимая легенда в 6 частях да еще с терцинами)» // *Огонек.* 1913. № 3, 20 янв. (2 фев.). <С. 13>; под названием «Пепел и жупел» в кн. «Осиновый кол (2-й томик „Кривого зеркала“)» (Пг., 1915. С. 84—88).

² См., например, статьи и рецензии А. Измайлова: Что нового в литературе? // *БВ.* 1908. № 10296, 12 янв. Новый роман Ф. Сологуба // *Русское слово.* 1909. № 11, 15 янв.; На ковре самолете (Роман Ф. Сологуба «Королева Ортруда») // Там же. 1909. № 170, 25 июля; На отмени (Итоги литературного года) // *БВ.* 1909. № 11469, 16 дек.; У стола клиники (Патологическая беллетристика) // *Помрачение божков и новые кумиры.* М., 1910. С. 176—182; Загадки Сфинкса // *Измайлов А. Литературный Олимп.* М., 1911. С. 309—325, а также пародию на «Королеву Ортруду»: *Новый век* // *Измайлов А. А. Кривое зеркало. Пародии и шаржи.* СПб., 1912. С. 125—126.

³ Сологуб сотрудничал в «Огоньке» с 1912 г.; в 1912—1913 гг. были опубликованы рассказы: «Легенда белой ночи» (1912. № 21, 19 мая), «Мышеловка» (1913. № 22, 2 июня), «Прачка с длинною косою» (1913, № 25, 23 июня).

⁴ Сологуб имеет в виду помещенный над пародией шарж Пьер-О (Сергея Васильевича Животовского, 1869—1936).

⁵ Цитата из статьи А. Измайлова о творчестве Ф. Сологуба «Загадки сфинкса» (Измайлов А. Литературный Олимп. М., 1911. С. 309).

46

25 января (7 февраля) 1913.

Дорогой Федор Кузьмич,

Простите карандаш, — я неделю болен и пишу лежа. Мне искренно больно, что я причинил Вам огорчение, и я очень благодарю Вас за то, что Вы со всею открытостью высказали Ваше недоумение перед моим поступком.

Ко мне усиленно предъявляют просьбы — давать пародии, памфлеты и т. п. Это не Бог весть какой жанр, но его любят, и — не одна толпа. Вы знаете, что Пушкин пародировал Жуковского («Послушай, дедушка...») и Карамзина.¹ Это свойство умов давать литературную карикатуру на то, что ей поддается. Форма «Творимой легенды» настолько необычна, что пародия напрашивалась мне давно. Я не хочу сказать, что безотчетно я пошел на предложение. Я знал, что делал. Знал, что автору доставить удовольствие это не может. Но никогда не думал, что это могло вызвать чувство обиды, раздражения и недоумения.

Вы совершенно правы — критическая статья есть употребительный способ обсуждения литературного произведения. Но позвольте защитить право оценивающего пользоваться, если он хочет, и другими методами. В литературе имеет право быть шутка. Критика должна быть благородна и доброжелательна, но она не есть непротавление злу, а именно борьба всякими (кроме бесчестных) способами с тем, что кажется злом, аномалией, ошибкой, неудачным в литературе.

Вы правы, заметив, что «Творимая легенда» вообще произвела на меня впечатление невыгодное. Очень может быть, что я нередко ошибаюсь, что за этим жанром будущее и так далее, но я не могу осмыслить его и мне искренно кажется, что такой труд совершенно недостойн Вашего прекрасного таланта. Если бы я имел право убеждать Вас оставить этот жанр, я бы умолял Вас об этом. Если бы вся Ваша литературная деятельность грозила свестись к нему — я бы оплакивал Вас. Если бы я писал обычную критическую статью о «Дыме и Пепле», я должен был бы напрямки сказать самые неприятные вещи об этом произведении колоссальной сказки; в целом не сказка и не быль, не сатира и не памфлет. Именно потому, что мне не хотелось так прямо выразить простое сожаление, что Вы потратили столько времени и труда на неудачное, я предпочел бы не писать статьи, а отшутиться шуткой, серьезный смысл которой понятен. Вы были так добры, что дали мне рукопись до печатания. Я сделал два

пересказа,² и Вы, если видели их, не упрекнете меня в том, что я позволил себе в них хотя бы одно роняющее роман слово.

Здесь вообще, может быть, уместно отлепить мое всегдашнее отношение к Вам. Много добрых и сердечных проявлений Ваших и Ан. Н. сделали то, что к уважению к Вам во мне присоединилось чувство и более теплое и ласковое. Достаточно видеть, как вы двое любите друг друга, как Вы благородно скромны в тот час, когда судьба позволила Вам безнаказанно быть рекламно-шумным, как д'Аннунцио,³ чтобы Вас полюбить. В ряду (к сожалению) мелочей Вы видели, что я хотел бы фактически заявить мое искреннее доброжелательство к Вам. Что до литературы моей, то со всею восторженностью я писал о Вас, как о поэте, восторженно приветствовал «Мелкого беса». Вы скажете, — совершенно также откровенно осуждал «Навыи чары». Да, именно потому, что уже составил о Вас такое представление, что Вы отделите личное от общественного, дружественного человека от мнения литератора.

Я не думаю, что Вы вообще против пародии. В литературе можно не только священнодействовать, но и шутить. Если у Белинского почти всегда серьезное лицо, то оно смеется у Добролюбова постоянно. Даже аскетично служивший ей Владимир Соловьев писал пародии.⁴

С видоизменением литературных форм, я думаю, впереди этот жанр юмористической оценки завоюет еще большие права гражданства, и это не потому, что вкусы падают и газетные формы торжествуют, а потому, что это один из благородных способов борьбы за свои понятия. У меня есть известная книжка пародий. Были и неприятные, ибо оригинал мне вовсе не нравился. На «Сына Человеческого» Андреева я написал пародию,⁵ какую считаю самой язвительной. Автор не обиделся, что это — зло. Конечно, это не доставило ему приятности, но он верно чувствовал, что это право тех, кому эта вещь не нравится.⁶

Я не хочу сказать, дорогой Федор Кузьмич, что это отношение обязательно для всех. Но я хочу подчеркнуть примером, что в Вашем ощущении может быть вполне естественная авторская возбудимость. Если читатель, знающий «Дым и Пепел», найдет совершенное несоответствие пародии с романом, он скажет только: «Какую глупость написал А. И.» — и автор романа не проиграет ни йоты. Если он скажет: «Да здесь же просто переложен роман Сологуба в явно карикатурном рисунке!» — пародист не виноват за то, что контур романа так поддается карикатуристу. Что вышло грубо, о чем я жалею и за что прошу извинения, — это за последние строки, где имя автора поставлено рядом с Поприщиным.⁷ Это низменно — но карикатура всегда груба и завершительный штрих ее часто собачка, совершающая неприличие и т. п. Иллюстрация художника — это его дело. Но ведь карикатура засыпает и Толстых, и Ибсенов, и Эдисонов.⁸ Выбросьте шутку и анекдот из жизни, и жизнь станет пресна, как солома.

Что оттенка оскорбления не предполагалось в этой штуке, этому свидетельство — и спокойное настроение Бонди, редактирующего «Огонек» и, конечно, в высшей степени дорожащего Вашим сотрудничеством. Если бы он спросил меня: «А не поссоримся с Ф. К.?» —

я бы искренно ответил: «Да разве он не понимает шуток? Юшкевич,⁹ конечно, обиделся бы, но Сологуб!..»

Если мне удалось сколько-нибудь уверить Вас в чисто литературном происхождении пародии, может быть, сделанной без достаточной чуткости к Вам, но без отдаленнейшего желания обиды, — я не напрасно писал сейчас. Может быть, Вам уже трудно поверить, но свидетельствую совестью, — я буду писать о Вас с радостью, восторженно, при первом же случае субъективной удовлетворенности, даже если Вы откажетесь от меня, снимете с Ваших писем дорогое мне обращение и просто отвернетесь от меня. И если еще мой голос что-нибудь значит для Вас, дорогой Федор Кузьмич, оставьте этот жанр, который стал привычен для Вас, и тем не менее, пошлите к дьяволу и волшебные напитки,¹⁰ и тех неискренних людей, которые говорят Вам, что это хорошо, испытывая недоумение, может быть, более остро, чем мы. Дайте нам радость любить Вас прежнего и не огорчать Вас выходками, которые, может быть, дерзки и неумелы, но в основе которых лежит хорошее чувство огорчения за ошибки Ваши против Вашего большого таланта. Если вы не делали секрета от А. Н. из Вашего письма ко мне, утрудитесь ей прочитать мое. Ее любовь к Вам и женская чуткость уловит в моих строках нечто в мое оправдание.

Будьте здоровы и благополучны и забудьте меня с глупой пародией.

Ваш А. Измайлов.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Речь идет о пародии А. С. Пушкина «Послушай, дедушка, мне каждый раз...» 1818 г. (начальные стихи взяты из стихотворения В. А. Жуковского «Глениость» 1816 г.) и эпиграммах на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина: «Послушайте, я сказку вам начну...» 1816 г. и «В его „Истории“ изящность, простота...» 1818 г.

² Аякс «Дым и пепел» // БВ. Веч. вып. 1912. № 13175, 3 окт. С. 5—6; № 13177, 4 окт. С. 4; Аякс У Ф. К. Сологуба // БВ. Веч. вып. 1912. № 13135, 20 сент. С. 5—6.

³ Д'Аннунцио Габриеле (1863—1938) — итальянский поэт, прозаик и драматург, пользовавшийся большой популярностью в Европе и России в начале века.

⁴ Философ Владимир Сергеевич Соловьев (1853—1900) был автором широко известных пародий на стихи сборников «Русские символисты»: «Горизонты вертикальные...», «Над зеленым холмом...», «На небесах горят паникадила...» (1895, впервые в рецензии Вл. Соловьева на последний, третий выпуск сборника: Вестник Европы. 1895. № 10).

⁵ Измайлов А. Сын человеческий или роковой граммофон // Измайлов А. Кривое зеркало. Пародии и шаржи. СПб., 1912. С. 13—21.

⁶ Творчество Л. Андреева нередко служило мишенью для язвительных острот и критических замечаний Измайлова, однако, писатель относился к литературной продукции известного пародиста вполне одобрительно, о чем писал ему: «Никогда не думайте, что я могу обидеться — пишите неодобрительно, пишите резко, ругайте, и я все же ни на минуту не усомнюсь в добром Вашем отношении» (Тяпков С. Н. Л. Андреев в зеркале критика и пародиста А. Измайлова // Творчество писателя и литературный процесс. Иваново, 1978. С. 86).

⁷ В заключительной части пародии «Дым и жупел» Измайлов сделал отсылку к герою повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» — Поприщину, возмнившему себя испанским королем:

А между тем, народ во вкусах груб,
До новой власти непомерно хищен,
Вопил: «Да правит нами Сологуб!»
И кто-то крикнул: «Фердинанд Поприщин!»

⁸ Эдисон Томас Алва (1847—1931) — выдающийся американский электротехник.

⁹ Юшкевич Семен Соломонович (1868—1927) — прозаик и драматург; см. пародию А. Измайлова на рассказ С. Юшкевича «Король» и драму «В городе» (Измайлов А. Кривое зеркало. 4-е изд. СПб., 1914. С. 155—156).

¹⁰ Критик ссылается на эпизод из «Творимой легенды», в котором Триродов и Елисавета под действием волшебного напитка переносятся на планету Ойле.

47

26—29 января (8—11 февраля) 1913.

Дорогой Александр Алексеевич.

Вы пишете, что пародии любит не одна толпа и что пародии писал сам Пушкин. Но дело в том, что Пушкин знал меру вещей и слов, а в наши дни эта мера утрачена. Писать пародии — это значит вступать на опасный путь, потому что в наши дни спешная работа приучила нас к очень небрежному отношению со словом, и мы не видим границ. Автору пародируемого произведения пародия не может понравиться, — а кому же она может понравиться? И какого свойства доставляемое ею удовольствие? По-моему, писателям нет никакого резона изображать перед толпою клоунов, обменивающихся дружескими оплеухами; едва ли это зрелище способствует повышению уважения к литературе. Ведь если почитать все эти пародии и сопоставить их с тем, как пишут о лицах других профессий, то получится впечатление, что хуже писателей в России и людей нет, и нет никакой разницы между Сологубом и Поприщиным, оба одинаково ничтожны и безумны. Пушкин умел сказать поэту: Ты — Царь!¹ А вот избрать в цари поэта — журналисту наших дней это кажется такою же смешною нелепостью, какою казалось русскому правителю конца 70-х годов кандидатура Ивана Аксакова на болгарский престол.² Самое отношение Ваше к моему роману определяется двумя моментами: 1) Я не понимаю, стало быть, чепуха. 2) Форма не указана в учебнике словесности, стало быть, опять же ЧЕПУХА.³ Просто и неубедительно. По учебнику я никогда не писал и писать не собираюсь. Для меня интересно сказать то, что я свободно представляю, а какой это выйдет жанр, это меня не занимает. Один закон для поэта — свобода творчества; других законов не надо. Что касается непонятого, так я думаю, что ничего непонятого в моем романе нет. И меня даже удивляет, что Вы, говоря обо мне все Ваши приятные для меня слова, при этом не хотите признать, что этот роман — плод добросовестной и вдумчивой, многолетней работы, и заслуживает потому попытки понять его, что всегда просто, если подойти к художественному произведению просто, без предвзятости. Вы защищаете право шутки в литературе. Я их тоже признаю. Эпиграммы Пушкина очень хороши. И отчего не смеяться над тем, что скверно, пошло, вредно? Но у нас принято

писать пародии только на то, что является плодом большого, искреннего, ищущего, самоотверженного труда. Пушкин поражал эпиграммами Булгарина, Каченовского, Александра,⁴ — а мы высмеиваем Л. Андреева, Станиславского, Гордон Крега,⁵ Мейерхольда. И это несправедливо. Начал я это письмо в понедельник, кончаю в четверг, — не осудите. Вас лично я по-прежнему люблю, потому и огорчаюсь.

Ваш Федор Тетерников.

Датируется по содержанию.

¹ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Поэту» («Поэт! не дорожи любовью народной...») 1830 г.

² В 1878 г. прогрессивно настроенная болгарская молодежь выдвинула кандидатуру Ивана Сергеевича Аксакова (1823—1886) на болгарский престол в благодарность за его деятельность в Московском славянском обществе в период обострения политической обстановки на Балканах и, в частности, за его выступление в июне 1878 г. против решений Берлинского конгресса, направленного против раздела Болгарии и передачи части ее под власть Турции (см.: *Димбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России.* М., 1978. С. 241—246).

³ Многочисленные нападки критиков на роман «Творимая легенда» побудили писателя сделать некоторые пояснения художественных особенностей трилогии; в сентябре 1912 г. в интервью, данном А. Измайлову для «Биржевых ведомостей», Сологуб говорил: «Те понятия о творчестве, к которым я сейчас пришел, говорят мне, что никто не вправе стеснять писателя в его творческом устремлении. Ему нельзя предначертывать каких-нибудь определенных программ, реальных или фантастических. Он никого не хочет вводить в обман, потому что, когда он фантазирует, всем совершенно ясно, что он фантазирует. Разве всякий читатель, дойдя до того места, где рассказывается, что известный напиток переносит человека в блаженную землю Ойле, не чувствует, что реальный рассказ кончился и начинается рассказ фантастический? Кто же мешал читателю и критику совершенно ясно понять, где реально и где вымысел? Никто не хочет в самом деле его уверить, что существуют волшебные напитки, блаженные земли, добрые волшебники и всяческие чудеса. Если меня упрекают в смешении стилей, в том, что этот роман не есть всецело реальный и не есть всецело фантастический, то и этого упрека я не признаю резонным. Почему же такое смешение стилей мы признаем в сказке Толстого, в сказке Андерсена? В рассказе „Чем люди живы?“ сейчас вы в реальнейшей обстановке жизни сапожника, еще минута — и перед вами сошедший с неба ангел. Так точно обстоит почти со всеми сказками Андерсена. Почему же читатель не хочет допустить такого смешения стилей у меня, где в одной главе идет речь о реальном человеке Триродове, а через несколько страниц вы уже в царстве королевы Ортруды?» (*Аякс <Измайлов А.>. У Ф. К. Сологуба // БВ. Веч. вып. 1912. № 13151, 19 сент. С. 5—7.*)

⁴ Сологуб имеет в виду эпиграммы А. С. Пушкина на Фаддея Венедиктовича Булгарина (1789—1859; писатель, журналист, агент III отделения): «Не то беда, Авдей Флюгарин...» и «Не то беда, что ты поляк...» 1830 г.; на Михаила Трофимовича Каченовского (1775—1842; издатель «Вестника Европы»): «Клеветник без дарованья...» 1821 г. и «Там, где древний Кочерговский...» 1829 г., а также эпиграммы на Александра I — «Властитель слабый и лукавый...» в начале X главы «Евгения Онегина», «Воспитанный под барабан...» (1823—1825) и т. д.

⁵ *Крэг Генри Эдуард Гордон* (1872—1966) — известный английский режиссер, театрик театра; в 1911—1912 гг. на сцене Московского Художественного театра, совместно с С. К. Станиславским и Л. А. Сулержицким поставил «Гамлета», с участием В. И. Качалова; премьера состоялась 23 декабря 1911 г.; постановка вызвала бурное обсуждение в прессе, резким нападкам подверглось оформление спектакля (абстрактные декорации).

26 января (8 февраля) 1913.

Дорогой Александр Алексеевич, Ф. К. показал мне письмо Ваше и мне хочется снова перебраться с Вами несколькими словами. Когда принесли Вашу пародию, Ф. К. лежал тяжело больной. Я видела, как он весь передернулся, хотя, это обыкновенно, не показал виду, что расстроен. На другой день ему стало хуже, и как всегда в такие мрачные минуты, у меня мелькнула мысль, что единственный день, когда его никто не обругает, будет днем, когда друзья и недруги придут к нему в последний раз... «Как не прославлять смерть, — воскликнул он недавно, в разгаре травли его Батюшковым,¹ — ведь только перед ее величавым и серьезным лицом смолкают все земные — о, какие земные пересуды и вражды».

Я часто думаю о смерти, и думаю, если бы люди почаще вспоминали о ней, — они, по совету Метерлинка, были бы «тише, нежнее, вдумчивее».² Дело, конечно, не в осуждении, а в форме его; форму пародий Ф. К. не признает для серьезных, хотя бы и неудавшихся вещей. Он говорит, что те, кто знают всю тягость и муку истинного творческого труда, «не в силах над ним издеваться». Вы говорите, что пародия всегда заключает зерно истины, — ну, а пародия Горького (Сказка?) тоже имеет *raison d'être*?^a Подумайте — какой это скользкий путь! Что касается „Навях чар“, я лично тоже не считаю эту вещь удавшейся, но, по-моему, иногда вещь несовершенная ценнее многого совершенного: да и кроме того, я не в состоянии говорить с Ф. К. «языком врагов», я только про себя страдаю в таких случаях. Он просто очень утомился — отдохнет, если дадут, и напишет что-нибудь прекрасное. А пока подождите, не отпевайте заранее... Верю в Ваше сердечное отношение, верю в любовь к Ф. К., потому — не осудите, дружески Ваша Анс. Чебот.

Приходите к нам как-нибудь: мы на первой неделе уезжаем в провинцию недели на две; Ф. К. читает реферат «Искусство наших дней» в Киеве, Харькове и т. д.³

Датируется по содержанию.

¹ Чеботаревская подразумевает конфликт, возникший между Федором Дмитриевичем Батюшковым (1857—1920; литературный критик) и Сологубом в связи с постановкой на сцене Александринского театра «Заложников жизни». В апреле 1911 г. Театрально-литературный комитет, занимавшийся репертуаром императорских театров, который возглавлял Батюшков (имевший симпатии исключительно к пьесам реалистического направления), отверг пьесу Сологуба для постановки на Александринской сцене; при этом, Батюшков рекомендовал Сологубу: «Если же и дирекция, к^{ото}рая может не считаться с особыми мнениями в Комитете, не предполагает включить в репертуар Вашу пьесу, то может быть Вы сочтете излишним и вообще представлять ее на рассмотрение даже осенью» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 56, л. 10). Возникший между сторонами конфликт усугубился в 1912 г. при рассмотрении в Театрально-литературном комитете представленной Сологубом инсценировки «Войны и мира», которая также не была принята для постановки (такая же участь постигла

^a право на существование (франц.).

его пьесы — «Венец надежд», «Камень, брошенный в воду», «Любовь над безднами»). В сентябре 1912 г. со статьями против казенной репертуарной политики, проводимой Батюшковым в петербургском отделении Театрально-литературного комитета, выступил Д. В. Философов; в частности, в статье «Казенно-театральное» он коснулся скандала, возникшего в связи с проведением на сцену, с помощью вынужденных интриг, «Заложников жизни» (см.: Казенно-театральное // Речь. 1912. № 252, 14 сент. С. 7; № 258, 20 сент). Отвечая в печати Философову, упрекнувшему комитет за пренебрежение современной драматургией, Батюшков заметил: «Г. Философов» в упрекает театральный комитет за то, что он „заседает“, т. е. читает пьесы. А что другое ему делать? Не выступать же в роли босоножки в какой-нибудь пьесе Сологуба <...?» (Речь. 1912. № 257, 19 сент. С. 2). На следующий день Сологуб парировал выпад Батюшкова, поместив в «Биржевых ведомостях» ответное «Письмо в редакцию», в котором заявил: «В своем письме, напечатанном 19 сентября в газете „Речь“, г. Ф. Батюшков, полемизируя с Д. Ф., счел нужным сделать выпад против меня и заявил, что не выступать же ему в роли босоножки „в какой-нибудь пьесе Сологуба“. Не понимаю, как возникла у г. Ф. Батюшкова такая мысль; ни о чем подобном я его никогда не просил; напротив, если бы мне привелось узнать, что г. Ф. Батюшков изъявляет желание исполнить роль босоножки в моей „какой-нибудь“ пьесе, то я настойчиво просил бы режиссера и дирекцию не потворствовать такой фантазии и дать дорогу молодым силам» (БВ. Веч. вып. 1912. № 13153, 20 сент. С. 8); письмо Сологуба было напечатано также в газетах «Театр» (1912. № 23, 21 сент.) и «Обозрение театров» (1912. № 1856, 21 сент. С. 11).

² Центральная мысль книги Метерлинка «Сокровище смиренных» (1896) и ряда пьес («Там внутри», «Слепые» и др.).

³ В марте-апреле 1913 г. Сологуб совместно с Ан. Чеботаревской и Игорем Северянином находился в турне по городам России с чтением лекции «Искусство наших дней» и стихотворений; писатель посетил Минск, Вильно, Харьков, Екатеринослав, Одессу, Полтаву, Ростов на Дону, Екатеринодар, Симферополь, Баку, Тифлис, Кутанс и Батум. Текст лекции «Искусство наших дней» написан в соавторстве с Ан. Чеботаревской, опубликован за подписью Сологуба в журнале «Русская мысль» в 1915 г. (№ 12. С. 35—62). Обозреватель газеты «День» рассказывал о поездке: «В Киеве местная администрация не допустила чтения лекции, о чем губернатор известил бумагой, в которой сообщалось, что „ходатайство Ф. К. Сологуба с участием Анаст. Чеботаревской и Игоря Северянина в прочете“ художественных произведений губернатором отклонено. Вообще, Сологубу пришлось несколько раз столкнуться с противодействием местной администрации. Так, в Екатеринодаре после первой лекции к Ф. Сологубу обратился местный клуб приказчиков с просьбой повторить чтение в клубе. Но градоначальник воспретил повторение лекции. <...> В Батуме, начальница гимназии не разрешила воспитанницам побывать на чтении, но, просидев первую половину лекции, запрещение отменила. <...> В Вильно и Екатеринославе учащиеся также не были допущены. <...> Лекцию посещали, главным образом, учащаяся молодежь и местная интеллигенция, а также рабочие. Если у светской публики первых рядов и наблюдалось простое любопытство, как к личности лектора, так и предмету чтения, то у демократической публики был исключительно жадный интерес к лекции, как к литературному явлению» (В. Т. Федор Сологуб о своей поездке // День. 1913. № 112, 28 апр.); в своем интервью для газеты «День» Сологуб говорил: «Мне интересно было посмотреть на своего читателя. Из этого знакомства я вывел заключение, что читатель в массе относится более непосредственно и, пожалуй, даже глубже к писателю, чем критика. <...> поездкой я очень доволен. Цель моей поездки была — выступить хоть однажды перед публикой без посредства прессы и критики» (там же). В провинциальной печати выступления Сологуба в период его первого турне получили преимущественно одобрительные и восторженные отклики (См., например: Минский голос. 1913. № 1003, 5 марта; Южный край (Харьков). 1913. № 11294, 9 марта; Одесские новости. 1913. № 8970, 12 марта; Русская молва. 1913. № 90, 12 марта; Кубанский край. 1913. № 75, 31 марта; Полтавский вестник. 1913. № 3088, 24 марта; Крымский вестник. 1913. № 94, 12 апр.). О последующих культуртрегерских поездках Сологуба по городам России 1914—1916 гг. с лекциями «Искусство наших дней» и «Россия в мечтах и ожиданиях» и обзор провинциальной печати см. в статье А. В. Лаврова «Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская» и в его публикации «Федор Сологуб. Письма к Анастасии Чеботаревской» в сб. «Неизданный Федор Сологуб».

Конец января (первая половина февраля 1913.—?)

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич!

Я была это время не совсем здорова, и не могла откликнуться на Ваше милое, сердечное письмо. Благодарю, благодарю. О, если бы все люди поняли только друг друга, подошли бы друг к другу просто, по-человечески, — какой красотой просияли бы их отношения — зажегся бы весь мир... А то вместо того, чтобы «дублицинировать» жизнь (говорю словами Ф. К.) мы ее «альдонсируем» — пародиями, злословием, враждою... А жизнь ведь — только раз.

Еще раз благодарю... Ф. К. сердечно Вас приветствует. — Зашли бы к нам — а то скоро уедем и надолго.

Ваша Анс. Чеботаревская.

Датируется по содержанию; возможно, это ответ на не сохранившееся письмо А. Измайлова.

27 апреля (10 мая) 1913.

27 апреля

Дорогой Федор Кузьмич,

С приездом! Благодарю за беседу о кабарэ с нашим сотрудником.¹

В. А. Бонди очень просит Вас не отказать ему в одном или двух маленьких рассказах для «Огонька». Не можем ли надеяться. Рассказы будут иллюстрированы.

Привет Анастасии Николаевне. Душевно Ваш

А. Изм.

¹ См.: *Nolens*. Ф. К. Сологуб о своем кабарэ // БВ. Веч. вып 1913. № 13519, 27 апр. С. 4. В своем интервью Сологуб рассказывал: «Создать кабарэ по типу мюнхенских, мечта сия зародилась у нас давно <...>. Наше желание — создать настоящее кабарэ, где бы артисты, художники, поэты, музыканты могли бы творить все, что им вздумается. Без программы, ограничений и условности. И это, так называемое „волево“ искусство, должно стать принципом нашего дела. <...> В настоящее время городской житель, слишком узко специализировавшийся в своей области, стремится к тому, чтобы в коротких переживаниях и в короткое время пройти всю гамму человеческих чувствований. Он должен услышать и увидеть в один вечер стих, музыку, драму, легкую комедию, шансонетку, ужас, рисунок, пародию. <...> он имеет возможность видеть в один вечер то, на что пришлось бы ему затратить несколько вечеров. Наше кабарэ будет стремиться к тому, чтобы дать эту гамму всех переживаний, всех человеческих чувствований. Доступ в него будет для всех открытым. <...> Если кому не понравится наша затея, мы останемся в своем кружке и будем упорно проводить свои принципы, независимо от поддержки и внимания широкой публики. Коммерческих выгод мы не преследуем никаких. За небольшую плату и без обязательного кухонного меню мы предлагаем дать современному городскому жителю, что дано в некоторых кабарэ Запада». Идею открытия собственного артистического кабарэ Сологуб не осуществил.

4 (17) июня 1913.

4 июня 1913

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич!

Сердечно благодарю Вас за милые строки о моей книге.¹ Она мне мила и дорога всем своим содержанием — я работала над ней с любовью и увлечением, и не моя вина в некоторых погрешностях издания (грубоватая обложка, бумага, корректурные ошибки — и в датах и пр.). Ведь составляла, переводила и собирала я всю ее на свой страх и риск, не имея никакого издателя — (или отказы многих) — помню иные даже смеялись надо мной. Но я всегда довожу до конца начатое, и трудности только еще разжигают меня, — так и это довела, хотя и не в той далеко форме, как мечтала. Все же привет Вам от меня и Ф. К. из глухой эстонской деревушки, куда забралась для работы.

Анс. Чеботаревская.

¹ См.: А. Изм<айлов>. Квитанция любви («Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX веков») // БВ. Веч. вып. 1913. № 13571, 29 мая. С. 5—6.

23 апреля (6 мая) 1914.

Глубокоуважаемая Анастасия Николаевна,

Благодарю за «Дневники».¹ Получил и второй номер. Грустно мне убеждаться, что при всем желании я не могу выполнять даже самых ясных насущных моих желаний: быть у Федора Кузьмича и у Вас так мне и не удалось. Сейчас несколько дней сижу, зарывшись в Салтыкова. Необходимо писать к юбилею.² Не могу и думать куда-нибудь зайти даже на полчаса. И мысль под гнетом.

Позвольте поэтому заочно пожелать Вам счастливой поездки и доброго лета. Да будут к Вам благосклонны боги.

Ваш искренно

А. Измайлов.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Речь идет о первом номере ежемесячного журнала «Дневники писателей», издававшегося под редакцией и на средства Ф. Сологуба с марта 1914 г., всего вышло три номера журнала.

² В апреле 1914 г. отмечалось 25-летие со дня кончины М. Е. Салтыкова-Щедрина, по случаю юбилея А. Измайловым были напечатаны статьи «Пророческие карикатуры» (БВ. Утр. вып. 1914. № 14123, 27 апр. С. 2) и «Сатирик XX века (Из фантастической лекции будущего ученого)» (Русское слово. 1914. № 97, 27 апр. С. 4).

Август 1914.

Дорогой Александр Алексеевич,

Посылаю Вам бандеролью две вещицы — одну, для вашего личного ознакомления, пьесу «Проводы», и другую, рассказ «Правда сердца»¹ на тот случай, если он пригодится для «Огонька» или для «Биржевых ведомостей». Пьеска переделана из этого рассказа, и, само собою разумеется, самостоятельного значения не имеет, так что, если рассказ появится в одном из Ваших изданий, то пьеса печататься не будет, разве только в специальном для театров литографском издании.² Преданный Вам

Федор Тетерников.

Датируется по содержанию.

¹ Рассказ «Правда сердца» был напечатан в «Биржевых ведомостях» (Утр. вып. 1914. № 14372 и № 14374, 14 и 15 сент.) и в сборнике Сологуба «Ярый год» (М., 1916).

² См.: Федор Сологуб. Проводы. Драматический этюд. СПб., 1914.

21 сентября (4 октября) 1914.

21 сентября

Дорогой Федор Кузьмич,

Простите, если на Вас произвело дурное впечатление, что я так усиленно просил у Вас стихотворения на это воскресенье, но — в это воскресенье прошло другое. Редакция обязала меня заботиться о воскресных номерах. Стихотворение должно было там быть. Вы почти обещали, но оставляли возможность неудачи. Меня обязали в тот же вечер дать что угодно, хоть свое, но непременно.

Не буду Вам лгать. Ваши стихи были получены вовремя и могли быть поставлены в номер. Но М. М. Гаккебуш поставил мои стихи, ссылаясь на то, что они уже потеряют смысл через неделю.¹ Простите, если я невольно вызвал Ваше неудовольствие.

И позвольте очень и очень вновь просить Вас помочь нам по воскресным, в частности, номерам. Беспokoю Вас этим и как личной моей просьбой и личным мне одолжением. Кабы знали, как трудно наладить дело, как все обещают и не исполняют, как просто, например, Куприны говорят да, заведомо в эту минуту решая нет!

Не дадите ли нам статьи, фельетона, беллетристического наброска * — на всякую тему, какую Вам угодно, лишь бы с (логическим) касанием психологии страны, переживающей ужасную войну.² Не смею надоедать Вам телефонными звонками, но беру смелость беспокоить Вас письмом, ободряемый Вашей любезной припиской в последнем письме — о незабывании.

Искренно Ваш

А. Измайлов.

* Стихов очень просит и Бонди для вечернего издания.³

¹ Имеется в виду стихотворение А. Измайлова «Реймский звонарь», поводом к написанию которого послужило сообщение о разрушении Реймского собора во время сентябрьского наступления германской армии на Реймс; в эпиграфе: «...Во время разгрома Реймса старый звонарь бил в колокол до тех пор, пока под бомбами не рухнула башня вместе с ним. (Из телеграмм)»; см.: БВ. Утр. вып. 1914. № 14386, 21 сент. С. 3. Предназначавшееся для этого номера стихотворение Сологуба «Еще сражаться надо много...» было опубликовано в утреннем выпуске газеты (БВ. № 14392, 24 сент. С. 2).

² В последующих номерах «Биржевых ведомостей» (утренний выпуск) за 1914 год Сологуб опубликовал стихотворения: «Вильгельм второй» («Он долго угрожал, безумно смел...») / (№ 14418, 7 окт. С. 3); «Братьям» («На милый край, где жизнь цвела...») / (№ 14422, 9 окт. С. 3); «Олегов щит» («Олег повесил щит на медные ворота...») / (№ 14454, 25 окт. С. 2). «Часовой» («Я один на перекрестке...») / (№ 14458, 27 окт. С. 2); «Осенняя могила» («Осень холод привела...») / (№ 14484, 9 нояб. С. 2); «Дождь и сон» («Мы могучи и упрямы...») / (№ 14512, 23 нояб. С. 5); «Св. Георгий Победоносец» («Идолам не поклонимся...») (№ 14518, 26 нояб. С. 2); «Побеждайте» («Побеждайте Сатану...») / № 14526, 30 нояб. С. 2); «Дух Берлина» («Ты ли, пасмурный Берлин...») (№ 14540, 7 дек. С. 2); рассказы: «Обручальное» (№ 14428, 12 окт. С. 2); «Танин Ричард» / (№ 14498, 16 нояб. С. 3); «Сними траур» / (№ 14575, 25 дек. С. 3); Ответ на анкету «О будущих русско-польских отношениях» (№ 14430, 13 окт. С. 4); статью «Мира не будет» (№ 14462, 30 окт. С. 2).

³ В вечернем выпуске «Биржевых ведомостей» с сентября по декабрь публикаций произведений Сологуба не было.

55

Конец сентября (первая половина октября) 1914.

Дорогой Александр Алексеевич,

Посылаю Вам три стихотворения с просьбою употребить их для утр<енних> или вечерн<их> «Биржевых ведомостей». Третьего дня послал Вам статью «Мира не будет», пригодна ли она?

Ваш Федор Тетерников.

Датируется по содержанию.

56

29 ноября (12 декабря) 1914.

Дорогой Федор Кузьмич,

Душевно благодарю за приятнейший мне подарок.

Редакция очень благодарит за стихи. Газета Вам идет с первого декабря.

Дочучаю Вам с просьбами бесконечно, но это уже от С. М. Проппера.¹ В пользу солдат («Елка в окопах») устраивается (в десятых числах декабря) грандиозный вечер, где писатели будут читать свои вещицы (на эту темку), а певцы петь. Не позволите ли надеяться, что Вы откликнитесь и на это Вашим всегдашним добрым согласием?² Дело благое.

Вещицу сию хотелось бы потом провести через «Б<иржевые> в<едомости>». Душевно Ваш

А. Измайлов.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ *Проппер Станислав Максимилианович* (1855—1931) — владелец и издатель газеты «Биржевые ведомости» и журнала «Огонек».

² С 12 ноября 1914 г. «Биржевые ведомости» и «Огонек» печатали объявление о благотворительном вечере «Елка в окопах» для сбора пожертвований на фронт. Согласно опубликованному в газете списку, Ф. Сологуб был включен в состав Организационного Комитета для устройства вечера и сбора средств. В специальном Рождественском (благотворительном) выпуске газеты он поместил рассказ «Сними траур» (БВ. Утр. вып. 1914. № 14575, 25 дек. С. 3).

57

6 (19) декабря 1914.

6 декабря 1914

Глубокоуважаемый и дорогой Федор Кузьмич,

Редакция «Биржевых ведомостей», желая помочь читателям суждениями выдающихся умов современности в настоящий тяжелый день, имеет честь покорнейше просить Вас не отказать ей в участии в анкете¹ на тему:

Есть ли достаточные основания считать нынешнее Рождество последним кровавым Рождеством для человечества.

Заранее принося благодарность за любезное согласие, редакция просит принять выражение глубокого уважения и совершенной преданности.

Душевно Ваш

А. Измайлов.

На редакционном бланке.

¹ Вместо ответов на редакционную анкету в Рождественском номере «Биржевых ведомостей» (Утр. вып. 1914. № 14575, 25 дек.) были напечатаны произведения (по преимуществу оптимистического, жизнеутверждающего пафоса) — А. Блока, З. Гиппиус, А. Ремизова, Д. Мережковского, И. Ясинского, А. Измайлова, Л. Андреева и других авторов, в том числе и рассказ Ф. Сологуба «Сними траур» (с. 3). Незадолго до предполагавшегося опроса, Сологуб написал статью «Мира не будет», в которой прозвучал его прогноз по поводу войны на ближайший год (БВ. Утр. вып. 1914. № 14462, 30 окт. С. 2); своеобразным откликом на вопрос анкеты можно считать также стихотворение «Новый год» 29 декабря 1914 г., которое, по-видимому, предназначалось для праздничного выпуска газеты (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 5, л. 1799):

Уходит год, упорный и кровавый.
Ему на смену светлый год идет.
Увенчана багряной бранной славой
Россия с радостью победы ждет.

Конец декабря 1914 (первая половина января 1915).

Дорогой Александр Алексеевич,

Поздравляю Вас с Новым Годом и шлю Вам наилучшие пожелания.

Просьбу имею к Вам: будьте добры замолвить слово, чтобы мне в этом году высылали «Биржевые ведомости» и «Огонек».

Вчера случилось какое-то недоразумение в конторе: я послал горничную с запиской получить гонорар за рассказы «Сними траур» и «Сердце сердцу»;¹ в них более 800 строк; выдали почему-то только 195 рублей; в чем дело, я не мог справиться по телефону, так как было уже поздно. Будьте добры, при случае справиться. Полученная цифра такова, что за один из этих рассказов ее мало, за другой много; как будто контора рассчитывает мою прозу по 25 копеек, а не по 50 копеек. В таком случае очень прошу Вас сказать, чтобы остальное мне дослали; да и за предыдущие маленькие рассказы не было ли такой же расценки; нельзя ли проверить.

Простите, что обременяю Вас этим вздором. Сердечно Ваш

Федор Тетерников.

Датируется по содержанию.

¹ Рассказ Сологуба «Сердце сердцу» был напечатан в «Огоньке» (1914. № 52, 25 дек.), «Сними траур» — в «Биржевых ведомостях» (Утр. вып. 1914. № 14575, 25 дек. С. 3); оба рассказа вошли в сборник «Ярый год».

8 (21) января 1915.

8 января 1915

Дорогой Федор Кузьмич,

Редакция «Биржевых ведомостей» имеет честь покорно просить вас не отказать в участии Вашем в анкете по вопросу, считаете ли Вы необходимым формальный союз России и Англии.¹ Отсутствие Вашего суждения среди мнения лучших представителей современной мысли глубоко огорчит редакцию.

Примите уверение в совершенном уважении и искренней преданности.

Душевно Ваш

А. Измайлов.

На редакционном бланке.

¹ В качестве ответа на вопрос анкеты Сологуб написал статью «Мировая громада» (БВ. Утр. вып. 1915. № 14638, 28 янв. С. 3), в которой высказался за необходимость союза России и Англии и при этом сделал следующие пояснения: «<...> при всем не-

сходстве учреждений и обычаев есть многое, что делает для нас Англию более близкою, чем всякое иное западное государство. Более чем всякий другой народ в Европе англичане очарованы стремлением к мировым просторам. Быть в пределах им тесно и скучно, им надобно приобретать земли <...>. Преодолевать пространства, расточать энергию, — вот свойства, в наибольшей чистоте удержанные от времен былых кочеваний только русскими и англичанами. От этих неутомимых кочеваний, от этого щедрого рассеяния дух английского народа в большей степени, чем дух всякого иного западного народа, сроднился с мистическими откровениями древнего Востока. <...> Достойным для величия русского народа союз с Англией представляется мне потому, что союз этот ведет к объединению народов под знаменем истинной, духовной культуры мистического Востока. Единственные мировые державы — только две, Россия и Англия. Знаменательно то, что эти два государства строят основы своего могущества на землях и племенах религиозного Востока, а не материалистического Запада.

60

Конец февраля (первая половина марта) 1915.

Дорогой Александр Алексеевич,

Посылаю Вам мою книгу и рассказ «Красавица и оспа» (для «Огонька»?).¹ В рассказе не больше 300 строк. Простите за некоторое опоздание. Знаю, что звонили ко мне, и сам несколько раз пытался созвониться с Вами, но неудачно. Сердечно Вам преданный

Федор Тетерников.

Р. С. Насчет «Пузырей земли»² позвольте прислать Вам письмо особо.

Датируется по содержанию.

¹ Вероятно, речь идет о книге стихотворений Сологуба «Война». (Пг.: Изд. журнала «Отечество», 1915), вышедшей в начале года и отосланной Измайлову для газетного обзора или рецензии (см.: Батальная поэзия // БВ. Утр. вып. 1915. № 14652, 5 февр. С. 6). Рассказ Сологуба «Красавица и оспа» появился в «Огоньке» от 22 марта 1915 (№ 12) и в сб. «Ярый год».

² Имеется в виду статья А. Измайлова «Пузыри земли» (БВ. Утр. вып. 1915. № 14690, 24 февр. С. 2).

61

6 (19) апреля 1915.

Дорогой Федор Кузьмич,

В самом деле, это — жуткое пророчество. Хорошо, что это не было напечатано, да и сейчас это немислимо печатать. Если бы и можно было, то не нужно: в больной и безумный век живем.

Возвращаю вам документ, а копию позвольте оставить себе и, насколько возможно, коснуться в заметке.¹

Очень ждем от Вас стихов и рассказов.

А. Измайлов.

На редакционном бланке; датируется по почтовому штемпелю.

¹ Содержание этого письма не ясно; возможно, речь идет о статье «Встреча с Распутиным» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 257), в которой автор рассказывает о впечатлении, произведенном на него Распутиным (Григорий Ефимович Новых, 1872—1916) и, в частности, приводит «пророчество» «старца»: «<...> на вопрос, — долго ли продлится война, — заметил: — По-божески давно уж пора перестать? а по-человечески еще все воевать будем, и друг друга перережем, и все конца не будет» (л. 3); вероятно, статья не могла быть напечатана по цензурным соображениям.

Возможно также, речь идет о каком-либо из документов, связанных с государственной политикой по отношению к евреям в военный период. В архиве писателя в папке «Материалы к еврейскому вопросу» (РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 33) сохранилась, например, машинописная копия циркуляра под грифом «Секретно» (л. 204—205) от 23.7.1915 товарища Министра внутренних дел В. Ф. Джунковского — «Погромная агитация», а также ряд других бумаг аналогичного содержания. Будучи одним из инициаторов создания «Русского общества по изучению еврейской жизни» и одним из редакторов (совместно с М. Горьким и Л. Андреевым) сборника «Щит» (М., 1915), материалы которого были объединены темой защиты еврейства, Сологуб мог обратиться к Измайлову с просьбой привлечь общественное мнение к антисемитским действиям правительства.

62

22 июня (5 июля) 1915.

22 июня

Дорогой Федор Кузьмич,

Сердечно благодарю Вас за привет и память. Завидую Вашему благословенному отдыху и сельской природе. У нас уже становится жарко и худо.

Посылаемые цензурные гранки с запрещением вас не порадуют, но объяснят, почему газета не напечатала статейки.¹ Не забывайте нас и стихами. Может быть, пришлете и рассказец для „Огонька“ и для нас — познавательнее и пофабульнее. Скучает по Вас и хроника.

Сердечный привет Анастасии Николаевне. Ваш искренно

А. Измайлов.

На редакционном бланке.

¹ Вероятно, речь идет о статье «Цена одному»; см. примеч. 2 к письму 63. В архиве Сологуба сохранились гранки с цензурным запрещением статьи «Гадания», на карточке авторской библиографии имеются пометы Сологуба: «БВ. 7 мая, 1915, ценз., опубли. БВ. <19>15. 14919. 22 и <ю>н<я> у<тр>.»; пометы о цензурном запрещении имеются также на статьях «Вечный жид» (опубл.: Русские ведомости 1915. № 184, 11 авг.), «Горение души» (опубл.: Русские ведомости. 1915. № 111, 16 мая) и на нескольких статьях конца 1915 г. (подробнее см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 546).

31 июня (13 июля) 1915.

31 июня 1915

Дорогой Федор Кузьмич,

Редакция очень просит у Вас рассказа, во-первых, не такую шалость, как «После драки»,¹ которую весьма приятно почитать и засмеяться, но даже нельзя послать в цензуру, потому что там примут это за глумление, и во-вторых, без таких «объективностей», как в посылаемой статье «Цена одному», где Вы признаетесь, что «не враг германскому народу»² и т. д. Цензура требует, чтобы писали о Германии, как враги, и эту статью М<ихаил> М<ихайлович>³ просил у меня вернуть Вам. Мы так давно уже не получали от Вас рассказа, что Вам не грех нас побаловать.

Искренно преданный Вам

А. Измайлов.

На редакционном бланке.

¹ Рукопись заметки «После драки» (23 июня 1915) в архиве писателя не сохранилась, в материалах к библиографии, составленной Сологубом, сообщается, что она предназначалась для публикации в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» 27 июля 1915 (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 546).

² В статье «Цена одному», публикация которой предполагалась в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» 9 июля 1915 (отражено в материалах к библиографии), Сологуб писал: «Что касается нас, русских, то мы определенно знаем, что германскому народу в целом мы не враги. Мы не хотим вреда Германии, — нам ненавистны воинственные планы, коварно и тайно проводимые немногими властными и влиятельными германцами» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 504).

³ М. М. Гаккебуш.

После 18 (31) июля 1915.

Дорогой Александр Алексеевич,

Я очень огорчен тем, что Вы написали в «Биржевых ведомостях» в вечернем выпуске 18 июля.¹ Целый год печатали Вы все эти рассказы и стихи, и вдруг объявили, что все это — ужасная дрянь.² А самое удручительное — это Ваши слова о том, что мы кому-то хотели угодить патриотизмом.³ Вы хорошо знаете, что патриотизмом в России угодить никому нельзя, не только левым, но даже и правым. И почему Вы считаете всех нас такими продажными? Я думал, что вы лучшего мнения о Ваших сотрудниках, и, в частности, обо мне. Никогда в моей жизни не думал я кому-нибудь угождать, не старался нравиться никому. Никто из нас не думает писать Илиады и не хочет состязаться со Львом Толстым,⁴ это уж просто такая манера бить нас нашими предшественниками; будет время, может

быть, и нами будут кого-нибудь бить. Если бы каждый из нас был гениальнее Шекспира, то и тогда мы не могли бы давать каждый год гениальные произведения: не всякий овощ вызревает быстро; к чему же такая поспешность как можно скорее указать наши недостатки, да еще елико возможно преувеличивать их? Вы отметили, что многие из нас занимаются одною и тою же темою, преображение людей войной, и что это от того, что мы очень плохи.⁵ А я думаю, это потому, что тема существенная, и обойти ее не приходится. Для всех нас эта война трагична, потому что она поразила в нас нашу влюбленность в германскую культуру и потрясла в нас национальное чувство. Вопросы об отечестве, о государстве, о патриотизме, о путях культурного развития очень болезненно встали в нас и привели в нас истинное чудо преображения. Для того, кто любит творимую легенду, чудо это радостное, и мы говорим о нем не потому, что душа наша пошла продаваться, а потому, что душа наша потрясена и великою скорбью, и великою радостью. На Льва Толстого и на Гомера нам оглядываться не приходится, потому что мы говорили о чуде нашем, о преображении нашем, о том, что в очень малой степени было темою Льва Толстого: он не верил, развенчивал, низводил, и, при всей гениальности, делал это с упорной тенденциозностью. Какой же из его рассказов не был сочинен на тему? Он был типичный русский интеллигент с нигилистическою закваскою, вечный спорщик, пытавшийся все на свете рационализировать. В какой бы степени мы не были бездарнее Толстого, это не дает основания заподозреть самые мотивы наших писаний; такое заподозрение лучше оставить на долю кислых злючек, вроде З. Гиппиус да Колтоновской.⁶ От Вас слышать это огорчительно.

Преданный Вам

Федор Сологуб.

Датируется по содержанию.

¹ Измайлов А. Литература и драма // БВ. Веч. вып. 1915. № 14972, 18 июля. С. 4.

² В качестве отрицательных примеров произведений на военную тему в статье были названы: «Мое сердце» Б. Лазаревского, «Душа человеческая» В. Ленского, «Пастырь воинский» М. Кузмина, «Война» и «Еврей» М. Арцыбашева, драмы Л. Андреева, повесть Сологуба «Острие меча» (сборник «Лукоморье. Военные рассказы». СПб., 1915) и «Проводы. Драматический этюд» (СПб., 1914).

³ Обозревая военную беллетристику, критик высказывал пожелания авторам: «Так хочется предпочесть простые рассказы на тот же военный сюжет, чаще драматический, иногда юмористический, когда в них никто не перерождается, когда автор никому не собирается патриотически угодить».

⁴ Сологуб ссылается на высказывание Измайлова: «Когда Толстой писал „Севастопольские рассказы“, он не ставил перед собой никаких теоретических заданий. Едва ли он хотел показать, как война перерождает людей, какое она зло и так далее».

⁵ В обзоре говорилось: «Большинство наших рассказчиков вменили себе в обязанность теорию, которую бы обосновали их рассказы. Надо всеми иными сейчас господствует одна „умственная“ идея — война перерождает. <...> Но почему обязателен этот психологический примитив. Почему ничто более оригинальное, более сложное не приходит в творческие умы беллетристов».

⁶ Сологуб имеет в виду статью З. Гиппиус «Раненая муза» (Голос жизни. 1915. № 24. С. 1—2) и статью Е. Колтоновской «Военные рассказы» (Речь. 1915. № 162, 15 июня. С. 3); в обеих статьях военная проза Сологуба получила отрицательные отзывы.

25 июля (7 августа) 1915.

Дорогой Федор Кузьмич,

У всякого пишущего о литературе, если это не Пильский,¹ существует оглядка на будущее. Меня по крайней мере она часто удерживает от резкостей и ограничивает в похвале. Я думаю о том случайном читателе, которому мимоходом попадет под руку старая статья. Он прочтет ее ради курьеза и, увидя, кого мы тащили на пьедестал, засмеется над бедным Измайловым. Этого я не хочу, и вот почему в статьях, подписанных и в особенности обобщительных, где есть попытка дать синтез хотя бы последнего года, где каждый автор, в частности, видит, какую строгою меркою его время судится — меркою вечного искусства, и потому не может обижаться лично, — я ставлю перед собою критерии подлинного, строгого, «остающегося» у людей искусства. Когда я стану перед горним престолом, я смогу, прямо глядя в Божьи глаза (если, разумеется, Он захочет говорить со мною о таких пустяках), сказать ему по вопросу о современной литературе только то, что написал в той беглой и бедной, суетливо-срочной статейке,² — ни больше, ни меньше. Она ничем не инсперирована, писана отнюдь не ради озорства, — разве так пишется для озорства! — со всем желанием по возможности не уколоть личностей, когда тут дело общее, а не отдельных личностей. Писана даже вяло, в виде отписки на просьбу, которой лично я даже не сочувствовал, — что за рubeжи годовщин вовсе случайных и искусственных! Положа руку на сердце, разве не правда, что сейчас нельзя назвать ни одного произведения, создавшегося за год, которое останется, которое приходит в голову прямо, когда заговорят об этом периоде? Простите нескромность, в этом периоде есть Ваше и деятельное участие, есть Ваши хорошие рассказы, но это не то, что «останется», и я всегда вслух говорил и буду говорить это. Но «Мелких бесов» нельзя рождать каждый год.

В моей статейке, не стоящей такого внимания, — мало ли частных мнений у людей, а это только и есть частное мнение за подписью! — засвидетельствовано положение, которое может разделить читатель, знающий прекрасные образцы прошлого: пока опыты злободневной литературы, литературы к моменту, — скорее отрицательные. Сколько слышу, таков общий голос, и сколько читаю, кажется, частное мнение мое совпадает со мнением других частных обозревателей. Зачем Вы говорите о каком-то моем обвинении писателей в продажности? Не хочу перечитывать свою статью, но убежден, что там этого не сказано ни прямо, ни между строк, ибо такой мысли у меня не было, и нет, и я решительно не смог бы в самой интимной беседе назвать кого-либо теперь продающегося. Говорить об этом там, где есть хотя бы упоминание Вашего имени, для меня просто чудовищно невероятно. Не понимаю, как Вы могли это подумать. Я говорил не о продажности, не о патриотической угодливости, а только о „книжности“ настроений, диктующих авторам хотя бы этот обязательный перелом и переворот. Это может

быть очень искренно, но это почему-то давало мне впечатление деланности. Это ведь от нас не зависит, и по своему бледному опыту в писательстве я знаю, как это иногда трагически не удается передать другим то, чем болишь вполне искренно. Мне в высшей степени огорчительно, что я доставил Вам неприятную минуту. Плюньте на это — со всеми мнениями не пересчитайтесь. Что в особенности меня укололо, это Ваша сноска на то, что, печатая целый год рассказы Ваши и Ваших собратий, редакция в лице моем совершает вроде как бы предательство, сводя так с ними счеты. Дорогой Федор Кузьмич, зачем это? Моя роль в газете одна из самых скромных, по постановке почти оскорбительных, ни единой вещи принять без чужих санкций я не могу, власти никакой не имею, голос мой в качестве обозревателя терпят — не более. Ваши вещицы, которых я всегда по поручению редактора всегда настойчиво просил от Вас (просил бы и настойчивее, если бы сам был редактором) и которые Вы любезно давали нам, были, конечно, всегда лучшими из того, что у нас давалось. Позвольте и впереди на них надеяться. Но — не сердитесь на мою искренность, теперь почти не принимаю, — перед судом вечности, куда Вы предстанете с большими писателями, — это не было то, с меркою чего я подходил к нынешней литературе в своей статье.

Простите, что написал много и неубедительно, написать коротко и ясно не было времени. И в доказательство того, что Вы не очень на меня сердитесь, пришлите в «Биржевые ведомости» новый рассказ. У нас ничего Вашего нет.

Сердечный привет Вам и Анастасии Николаевне.

Простите.

Ваш А. Измайлов.

На листе отметка Сологуба о получении — 27 июня; в написании даты, по-видимому, им была допущена описка.

¹ Пильский Петр Моисеевич (1876—1942) — литературный критик и фельетонист.

² Возможно, эти слова (а также, в целом, мысли, высказанные в письме Измайлова) навеяли позднейшие стихотворные строки Сологуба «Когда меня у входа в Парадиз // Суровый Петр, гремя ключами, спросит: // „Что сделал ты?» («Я испытал прератности судеб...» 1919).

Конец июля (первая половина августа) 1915.

Песочное Ярославской г. село Красное, усадьба Тихменевых

Дорогой Александр Алексеевич,

Два Ваших письма получил.¹ Благодарю за Ваше дружеское и любезное внимание. Рассказ на днях пришлю. То, что Вы пишете в ответ на мое письмо, очень искренне и трогательно; я не хотел бы с Вами спорить. Но кое-что все-таки позвольте Вам сказать. Я ведь писал Вам не только о себе, но и обо всех нас, которые «приняли заказ», идущий не только от некоего чуждого нам потребителя, но

и от нашей души. Монах-живописец, исполнявший по заказу образ Мадонны, действовал в области искусства, потому что он верил в то, что изображал. Источником его веры были благочестивые книги, которым он верил так же, как мы верим научным книгам и газетам? Может быть, мы даже слишком верим газетам, больше, чем надобно. Вот, например, в «Биржевых ведомостях» мы прочли, что Метерлинк поступал в бельгийскую армию, а вскоре прочли и то, что он ранен. Это дало толчок фантазии Леонида Андреева, и возникла пьеса,² и я думаю, что осуждать эту пьесу с точки зрения вечного искусства, отрешившись от истории ее происхождения, нельзя. Да и что такое вечное искусство? Где его незыблемые каноны? Я не знаю, принадлежит ли «Мелкий бес» к области вечного искусства, но я хорошо знаю, что за этот роман меня третируют, как каналью, и что этим романом я навлек на себя ненависть и презрение. Всякий считает себя в праве отождествлять меня лично с тою частью Передонова, ходячее имя которой подлец.³ Нет такой критической статьи о «Мелком бесе», в которой не говорилось бы преимущественно об отрицательных сторонах романа. Этот роман, мало изученный критикой и мало читаемый публикой, доставил мне только удовольствие слышать, что кроме него я ничего путного не сделал. А если бы я написал завтра же нечто лучшее «Мелкого беса», то, думаю, прием был бы не любезнее, его все бранили бы, чтобы через три года опять говорить, что все остальное плохо. Вот так-то живет и работает автор «Мелкого беса!» И теперь более он дорожит теми немногими друзьями в печати, как Вы, которые к нему благосклонны.

Преданный Вам

Федор Тетерников.

Датируется по содержанию.

¹ Местонахождение второго письма неизвестно.

² Пьеса Л. Андреева «Король, закон и свобода» (Пг., 1914); фрагмент ее (4-я картина) был напечатан 20 октября 1914 г. в «Биржевых ведомостях» (Утр. вып. № 14444).

³ Один из первых это мнение в критике высказал А. Г. Горнфельд: «Передонов — есть борьба с передоновщиной — и для тех, кто знаком с литературными признаниями автора, совершенно ясно, где Сологуб ощутил ее больше и всего страшнее: в самом себе. Передонов это Федор Сологуб, с болезненной страстностью и силой изображенный обличителем того порочного и злого, что он чувствовал в себе» (Недотыкомка // Товарищ. 1907. № 242, 14 (27) апр.; Книги и люди. СПб., 1908. С. 35); в смягченном виде эта мысль прозвучала в статье А. Блока «Театр В. Ф. Комиссаржевской» 1907 г. (Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 5. С. 125—126).

Около 30 августа (12 сентября) 1915.

Дорогой Александр Алексеевич,

Вчера послал Вам заказною бандеролью пьесу «Семья Воронцовых», плод совместного моего и Анастасии Николаевны труда.¹ Будьте добры прочесть пьесу, и при случае сообщите мне Ваше мнение; я был бы очень рад узнать Ваше мнение, если бы Вы не поле-

нились написать мне. На днях я получил из Англии том моих рассказов в переводе Джона Курноса, под заглавием «Старый дом и другие рассказы».² Книга вызвала в Англии большое сочувствие. Вообще Англия все более и более интересуется русским искусством. Вышел в Англии и другой перевод моих рассказов, Стивена Греама, известного корреспондента Times'a, под названием «Благоуханное имя»,³ но перевод Курноса гораздо лучше. З. А. Венгерова пишет мне, что эти переводы произвели полную сенсацию, отзывы печати все чрезвычайно благосклонные.⁴ Джон Курнос отлично знает русский язык, — он и родом из России, но ребенком попал в Америку и по воспитанию и жизни — американец. Он — очень литературный, чуткий человек, пишет художественным стилем. Он написал для *Fortnightly* статью обо мне, и она появится (если еще не появилась) в ближайшей книге этого журнала.⁵ — Вот пока все мои новости литературные. Из темных впечатлений: очень огорчен я гнусною выходкою «Речи»; 18 августа она напечатала, что я стоял в рядах злейших антисемитов.⁶ Я был так поражен этою подлою ложью, что просто руки опустились. Ан. Ник. написала Милюкову,⁷ она передала письмо Гессену, Гессен ответил Ан. Н., что напечатает заявление о том, что это неверно, но пока не печатает, и я с ужасом думаю о том, что опять понадобится встревать в какую-то историю.⁸

Пробудем здесь еще недели полторы, около 15 вернемся в город.
Душевно преданный Вам

Федор Тетерников.

Датируется по содержанию.

¹ Сологуб Ф., *Чеботаревская Ан.* Камень брошенный в воду (Семья Воронцовых). Драматические сцены в 4-х действиях. Пг.: Театр и искусство, 1915.

² *Solodub Fedor. The Old House, and Other Tales / Translated from the Russian by John Cournos.* London: Martin Secker, 1915. XII, 294 s. В переводе Джона Курноса (John Cournos) вышли также романы «Мелкий бес», «Творимая легенда», трагедия «Победа смерти» и сборник рассказов; см.: *The Created Legend / Authorized translation by John Cournos.* London: Martin Secker, 1916. 318 s.; *The Little Demon / Authorized translation by John Cournos and Richard Aldington.* London: Martin Secker, 1916. XV, 349 s.; *The Victory of Death.* 1916; *Little Tales / An Authorized translation by John Cournos.* Cleveland (Ohio): The Clerk's Private Press, 1917. 28 s. В архиве Сологуба имеются 5 писем переводчика (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 380) и одно письмо к нему Ф. Сологуба (ф. 289, оп. 2, № 29). В одном из писем 1915 г., переведенном З. А. Венгеровой и отосланном ею Сологубу, Д. Курнос сообщал: «...я питаю величайшее преклонение перед Вашими произведениями, и мое настоячивое желание ознакомиться с ними английских читателей. Я давно уже тщательно обдумал ту сторону „Мелкого беса“, которая побуждает Вас отложить издание романа в Англии. Для того, чтобы предупредить толкование книги в узком смысле, я решил объяснить в предисловии общечеловеческое значение типа, представленного в герое, настаивая на том, что ни один из русских не должен льстить себя уверенностью, что он вполне свободен от Передоновщины. <...> Один очень известный валлийский писатель обращается ко мне за сведениями, справедливо отмечает, что Передонов мог бы вполне быть валлийцем <...>. Мне очень хочется ознакомиться их <английских читателей, — М. П.> с некоторыми из Ваших изысканных стихотворений» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 124, л. 13—14 об.).

³ *Sologub Fedor. The Sweet-Scented Name, and Other Fairy Tales. Fables and Stories / Ed. by Stephan Graham.* London: Constable, 1915. XI, 240 s.

⁴ Венгерова Зинаида Афанасьевна (1876—1941) — переводчица, критик и историк литературы. В июле 1915 г. Венгерова сообщала Сологубу из Лондона: «Во-первых, поздравляю Вас с Вашей английской славой. Вышли одновременно два перевода Ва-

ших рассказов и произвели полную сенсацию. У меня множество отзывов печати — все чрезвычайно восторженные. Я их храню для вас и пошло, предварительно используя некоторые из них для статьи, кот<орую> на днях посылаю в „Аполлон“ о Вашем успехе в Англии» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 124, л. 4); статья Венгеровой в «Аполлоне» не появилась.

⁵ *Cournots J. Feodor Sologub // The Fortnightly Review. 1915. № 97. S. 480—490.*

⁶ В редакционной статье «Печать» в связи с обсуждением циркуляра о частичной отмене черты оседлости во время войны сообщалось: «„Бир<жевые> Вед<омости>“ высказываются о циркулярах, как о полумере, и даже Сологуб, прежде стоявший в рядах злейших антисемитов, теперь глубоко убежден, что наша политика против евреев гибельна для всей России» (Речь. 1915. № 226, 18/31 авг. С. 2).

⁷ *Милюков Павел Николаевич (1859—1943)* — историк, публицист, один из основателей конституционно-демократической партии и член ее Центрального Комитета, редактор газеты «Речь».

⁸ Гессен Иосиф Владимирович (1865—1943; редактор-издатель «Речи») писал Сологубу 5 сентября 1915 г.: «Задержка в напечатании Вашего опровержения произошла лишь потому, что я ждал Вашего согласия на предложенную Вам форму. Теперь, разумеется, не замедлю ее напечатать» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 178, л. 5). Опровержение появилось в печати на следующий день (см.: Речь. 1915. № 245, 6 сент.).

68

30 августа (12 сентября) 1915.

30 августа 1915

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич,

Обращаюсь к Вам с весьма неприятной и для меня и для Вас, вероятно, просьбой: у М. М. Гаккебуша уже два месяца лежит моя ин принятая статья «В защиту военной литературы». ¹ За эти два месяца она уже порядком устарела, и так как нет надежды, что до нее дойдут редакторские руки, то нельзя ли — или двинуть ее в ход, или вернуть мне теперь же. Как я ни крепилась до сих пор относительно «Лукоморья», но придется прибегнуть к этому не слишком симпатичному журналу ² — он хоть просит ему давать вещи.

Лето мы провели, если Вы этим интересуетесь, очень тихо, в уютной старинной усадьбе на Волге, которая дала много новых впечатлений; хозяин ее проливает за нас сейчас кровь на фронте, но и здесь события давали себя знать, и Ф. К-чу порядком мешали работать. Получая десять газет — значительная часть времени уходит на их чтение; все же успели вдвоем (поверьте этому всерьез) написать пьесу, которая только что закончена и переписывается, «Семья Воронцовых»; действие — из настроений и событий 1914 г. — происходит в дворянской усадьбе на берегу Волги — война как бы фон лишь для семейных и иных переживаний героев пьесы. Я еще работала у Ярославского издателя К. Ф. Некрасова, составила ему несколько книжек для лубочных изданий — переложений и переводных. ³ Также доканчивала рассказ, принятый в «Русскую мысль», ⁴ и мои книжки, уже печатающиеся сейчас у В. М. Ясного «Россия в родных песнях» — 100 стихотворений, объединенных обще-народным и истинно-патриотическим (не в вульгарном смысле) настроением и

«Война в русской поэзии» — избранные стихотворения за эпохи русских войн всего прошлого и нынешнего века.⁵

Наше художественное общество «Искусство для всех»⁶ пока получило «формальный» отказ, но будем еще пытаться по приезду в город — к 15 сентября его все же организовать. Могу Вам сообщить приятную для нас новость. В Лондоне появились на английском языке две книги Сологуба. Одна — сборник новелл, под общим названием «Благоуханное имя», а другая — тоже сборник, объединенный заглавием одного рассказа «Старый дом» («The old house»), перевел John Coignos, изд.: Martin Secker. Обе книги, как пишет З. А. Вангерова, пользуются большим успехом, и переводчик второй уже просил у Ф. К. разрешение на перевод одного из его больших романов.⁷ Всего приятнее, что совершилось это без всякого нашего ведома и участия.

Еще из литературных новостей. Летом мы виделись, здесь, на Волге, с И. С. Рукавишниковым, который принципиально решил составить с осени литературно-художественный альманах «Луна», при участии Ф. К., Блока, Л. Андреева, Ремизова, Вяч. Иванова, Бальмонта, Шестова, Бердяева и Волошина.⁸

Р. С. Простите, что я так разболталась. Впрочем, это не так часто случается. Прошу Вас принять от меня и Ф. К. глубокое почтение и привет.

Анс. Чеботаревская.

¹ Статья Чеботаревской «В защиту военной литературы» (БВ. Утр. вып. 1915. № 15249, 4 дек. С. 2) содержала ответ авторам статей, обвинявших «военную» беллетристику в мертворожденности, пошлости, национализме и антиобщественности; эти упреки были высказаны М. Неведомским (М. П. Миклашевский) (Что случилось с нашей литературой (О поэзии и прозе наших дней) // Современник. 1915. № 5. С. 253—279); З. Гиппиус (Раненая муза // Голос жизни. 1915. № 24), Е. Колтоновской (Военные рассказы // Речь. 1915. № 162, 15 июня), Ожиговым (А. Ашев) (О беллетристической мобилизации // Современный мир. 1915. № 9. С. 159—160). Отстаивая правомерность и подлинность «военной» литературы (произведений Сологуба, А. Блока, А. Ахматовой, Н. Гумилева, К. Бальмонта, М. Кузмина, А. Ремизова, Вяч. Иванова, Северянина), Чеботаревская, в частности, высказала замечание: «Мне понадобилось недавно перечитать стихи „военного времени“, писанные по поводу отечественной и крымской кампании. Между ними есть множество слабых, — даже у известных поэтов — Жуковского, Майкова, Полонского... но с каким живейшим чувством наслаждения я перечитывала эти памятники минувшей эпохи. Пусть эти стихи и несовершенны, как искусство, но это дань великому моменту (и хоть бледный блеск величия живет в них), поэтическая лепта на алтарь отечества, которую каждый волен дать по мере своих сил. А в чем заключается „лепта“ г-д Неведомских?».

² «Лукоморье» — еженедельный литературно-художественный и сатирический журнал, издавался в 1914—1917 гг. (первый номер вышел в апреле 1914); редактор — А. М. Селитренников (А. Ренников, 1882—1957), издатель — М. А. Суворин; Сологуб начал печататься в журнале в 1914 г., в № 31 он поместил стихотворение «Вражий стан» («Он стережет враждебный стан...»); в течение 1915 г. в «Лукоморье» были напечатаны его рассказ «Незамерзающий мальчик» (№ 1. С. 4—10) и стихотворения: «Весенним дождемко разнежен...» (№ 22. С. 15); «В ночной воде купаться мало...» (№ 24. С. 9); «Тебя Господь накажет...» (№ 26. С. 6); «Отчего у тебя утомленные руки?...» (№ 27. С. 7); «Не сказал мне ласкового слова...» (№ 29. С. 8); «Надоело уж нам, зеркалам...»; «Наперекор осенней скуке...» (№ 34. С. 8); «Вот наше озеро: широко...» (№ 39. С. 10); «Я пришел к тебе в порфире...» (№ 41. С. 5); «Признать, что все на свете благо...» (№ 43. С. 7). 30 октября 1915 г. Сологуб в числе одиннадцати авторов вышел из состава журнала и заявил в печати о невозможности дальнейшего участия в этом

издании, в заявлении говорилось: «Мы участвовали до тех пор, пока чисто литературная и, в общем, приемлемая физиономия этого журнала не возбуждала в нас принципиальных сомнений. <...> в последнее время „Лукоморье“ приняло нежелательную для нас тенденциозную окраску, доказательством чего служат статьи Бурнакина и портрет Буренина» (Письмо в редакцию // БВ. Утр. вып. 1915. № 15179. С. 5). *Буренин Виктор Петрович* (1841—1926) — один из ведущих критиков «Нового времени»; *Бурнакин Анатолий Андреевич* (?—1932) — критик и журналист, с 1910 постоянный сотрудник редакции «Нового времени». 31 октября обозреватель газеты «День» откомментировал это литературное событие следующим образом: «Я не помню, как вошли господ писатели в „Лукоморье“, сплошной ли колонной и сомкнутыми рядами, или редкой цепью, в перебежку. Кажется, вошли колонной. Но вошли решительно и молча, и никаких манифестов и воззваний к публике при этом не было. Всем было ясно, что идут писатели в лоно суворинское, куда уже давно, еще со времен чеховского ухода, заросла честная литературная тропа. Немногие решились бы сразу перешагнуть в „Новое время“, и нарядное „Лукоморье“ было как бы чистой „дворянской“ половиной при суворинском издании. <...> Одиннадцать писателей возмущаются статьями Бурнакина... Но что же тут притворяться и наивничать? Знали они, куда идут, и знали, с кем встретятся. Михайловский предостерегал в своем время: не пей из колодца, — плонуть придется. Одиннадцать писателей пили из суворинского колодца, а теперь туда же и наплевали. Право же, колодец не виноват, и Бурнакин с Бурениным не заслуживают упрека. Они верны себе и так же неприличны теперь, как неприличны были всегда» (*Homunculus*. Экс-лукоморцы // День. 1915. № 300, 31 окт.). В ответ на эту публикацию Сологуб заявил: «Как и во время моего сотрудничества, так и сейчас я убежден, что ничего предосудительного в печатании стихов или рассказов в чисто-литературном журнале „Лукоморье“ не заключается. Статья Бурнакина о литературе ничем не хуже многого, появляющегося на страницах наших „прогрессивных изданий“» (БВ. Утр. вып. 1915. № 15180. 1 нояб.); в материалах авторской библиографии к прозе (№ 546) отмечено, что это письмо в редакцию было написано Ан. Чеботаревской. Инцидент и позиция Сологуба по отношению к «Лукоморью» получили широкое освещение в прессе.

³ В издательстве К. Ф. Некрасова у Ан. Чеботаревской вышел первый полный перевод романа Стендаля «Красное и черное» (М., 1915), кроме того, Сологубом и Чеботаревской были подготовлены переводы для собрания сочинений немецкого писателя Генриха фон Клейста, к изданию которого Некрасов намеревался приступить в 1914—1915 гг. и которое осуществлено не было (подробнее см. в публикации А. В. Лаврова: Федор Сологуб. Письма к Анастасии Чеботаревской // Неизданный Федор Сологуб. С. 322—323 и 348) и в письмах К. Ф. Некрасова к Ан. Чеботаревской (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 179).

⁴ Рассказ Ан. Чеботаревской «На чужбине» был напечатан в «Русской мысли» в 1915 г. (№ 10. С. 95—101).

⁵ Чеботаревская составила антологию (с предисловиями Сологуба): «Россия в родных песнях» (Пг., 1915), «Война в русской поэзии» (Пг., 1915), вышедшие в издательстве М. А. Ясного (бывш. Михаила Васильевича Попова, 1836—1907), а также «Думы и песни» в издательстве «Польза», В. Антик и К. (М. <б. г.> в серии «Универсальная б-ка» (№ 559). *Ясный Владимир Михайлович* — сын книгопродавца Михаила Авраамовича Ясного.

⁶ Основанное в 1915 г. общество «Искусство для всех» (внесено градоначальником в реестр обществ Петрограда 10 ноября 1915 г. за № 941) явилось одной из форм культуртрегерской работы Сологуба и Чеботаревской (наряду с лекционными турне по городам России в 1913—1916, изданием журнала «Дневники писателей», попыткой устроить собственное «демократическое» кабаре — см. письмо № 50 и примеч.); первые сообщения в печати об этой инициативе четы Сологуб появились в мае 1915 г. (см., например: «Искусство для всех» // Утро России. 1915. № 130, 13 мая); цель новообразованного общества — распространение и развитие всех родов искусств в широких народных массах (в программе: организация общедоступных вечеров, концертов, лекций, посещений музеев, памятников старины и пр.); в состав общества вошли И. Е. Репин, Л. Андреев, М. Горький, Ф. Ф. Зелинский, Тэффи (Н. А. Бучинская) и др. Общество открыло свою деятельность 19 декабря 1915 г. вечером героического искусства в Тенишевском зале. «Искусство для всех» было задумано Сологубом и Чеботаревской по образцу французского общества «Art pour Tous», образованного вес-

ной 1901 г. в Париже по инициативе Жеро Ришара с целью культурно-просветительской деятельности в рабочих кварталах. См. также брошюру: Устав Художественного Общества «Искусство для всех» (Пг., 1915), а также протоколы заседаний и другие связанные с деятельностью общества архивные материалы (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 29).

⁷ 27 июля 1915 г. Джон Курнос писал Сологубу из Лондона: «Я преисполнен желания ознакомиться с Вашим творчеством Англию, которая все более и более интересуется русским искусством. Мне хотелось бы чувствовать, что моя работа встретит в Вас сочувствие, я был бы счастлив, если бы Вы написали мне, что даете Ваше согласие (авторизацию) на перевод некоторых других Ваших сочинений — если возможно, прежде всего романа „Мелкий бес“, а потом „Творимой легенды“. Я бы больше всего хотел перевести „Мелкий бес“. Я глубоко разделяю Ваши идеи и преклоняюсь перед Вашим талантом» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 380, л. 4—5, — перевод письма Курноса З. А. Венгеровой, приложенный к оригиналу, л. 2—3).

⁸ В мае 1914 г. И. С. Рукавишников сообщал Сологубу, что давно вынашивал идею издания собственного журнала, в котором бы по контракту в течение ряда лет печаталась небольшая группа литераторов, в том числе Ф. Сологуб, А. М. Ремизов, А. Блок, сам Рукавишников и др. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 598, л. 29—30). Сологуб не приветствовал это начинание. В 1915 г. отчасти по инициативе Ан. Н. Чеботаревской Рукавишников планировал издание альманаха; 28 марта он сообщал Сологубу: «Анастасия Николаевна писала мне про сборник. Давайте же издадим на пробу, листов 10—15. Вы дадите прозу и стихи. Да? А кто еще? Хорошо бы, чтоб Блок, Ремизов. <...> Если издавать сборник, то так хочется, чтоб это был первый камень чего-то, быть может, прочного и большого» (там же, л. 50); 12 июля Рукавишников вновь писал Сологубу о планируемой им книжке: «что касается привлечения еще новых лиц для сборника, то мне бы этого не хотелось. По правде говоря, и вообще отдел статей мне не кажется необходимым. Если же будет статья Шестова и Вяч. Иванова, то это в виде приятного исключения возможно. Иначе, если предположить, что сборник не последний, трудно удержаться будет от полемики и разных иных счетов, неизбежно влекущих за собою художественно-литературную несвободу» (там же, л. 50). В октябре 1915 г. для сборника были присланы материалы Сологуба, Чеботаревской и Л. Андреева, однако, их объема было недостаточно для издания книжки; 17 октября Рукавишников отправил Сологубу письмо, в котором выразил сомнение в целесообразности затеянного издания в связи с отсутствием рукописей, а также вздорожанием бумаги (там же, л. 60).

69

2 (15) сентября 1915.

2 сентября 1915

Дорогой Федор Кузьмич,

Пока, отлагая ненадолго речь о Вашей пьесе и только выражая Вам глубокую благодарность за ее присылку, — обращаю к Вам покорнейшую просьбу: Редакция «Биржевых ведомостей» очень просит Вас не отказать в возможно скорой присылке одного, а, если возможно, и двух, небольших рассказов. Она не стесняет Вас никакими темами, не требует касаний войны, и просит только иметь в виду, что сложившийся у нее размер рассказа 300—350 строк.

Очень благодарю Анастасию Николаевну за сведения, которые уже пошли в набор.¹

Ваш искренно

А. Измайлов.

На редакционном бланке.

¹ Вероятно, имеются в виду сведения, сообщенные в письме Чеботаревской к Измайлову от 30 августа (№ 68).

70

27 сентября (10 октября) 1915.

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич,

Я, кажется, поступила очень необдуманно, послав Вам сведения и пьесу, в которых Вы совершенно не нуждаетесь.¹ Я думала, что так как раньше Вы проявили к этому интерес, то он сохранился и теперь, *malgré tout*^a — судила по себе и себе близким. Простите великодушно, и не откажите в любезности переслать нам обратно пьесу. Уважающая Вас

Анс. Чеботаревская.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Упрек, высказанный в письме Чеботаревской по адресу Измайлова, вероятно, был вызван тем, что, в отличие от традиционных развернутых очерков о литературной работе и творческих планах Сологуба, сведения о которых она регулярно посылала в редакцию для печати, «Биржевые ведомости» на сей раз поместили лишь сообщение в несколько строк об окончании работы над пьесой «Камень, брошенный в воду (Семья Воронцовых)» (БВ. Веч. вып. 1915. № 15106, 23 сент.) и одновременно пересказ содержания пьесы (Фрид С.: «Камень, брошенный в воду (Семья Воронцовых)» // БВ. Веч. вып. 1915. № 15111, 26 сент.); подробная информация о последних творческих работах четы Сологубов, сообщенная Измайлову Чеботаревской в письме от 30 августа 1915 г. не нашла отражения в заметках (см. выше письмо № 62).

71

Сентябрь—октябрь 1915.

Дорогой Александр Алексеевич,

Может быть, теперь уже несколько поздно писать Вам по поводу Вашей статьи «Пузыри земли».¹ Но так как многие простодушные люди, вроде г. Ожигова в «Современном мире» всерьез приняли самохвальство футуристов по поводу моего участия в сборнике «Стрелец», то я напишу Вам несколько слов по этому поводу. То, что я дал стихотворения и переводы из Рембо г. Беленсону, не поленившемуся несколько раз приехать ко мне с просьбами об этом, никак не может служить доказательством того, что я признал правду футуризма и пришел будто бы к ним.² Какая зеленая ерунда! Не я к ним иду, — они находят какое-то удовольствие в том, чтобы время от времени постучаться в мои двери. Это, конечно, очень мило и

^a несмотря ни на что (франц.).

любезно с их стороны, но что за странное отсутствие самолюбия — считать победою уже и то, что от них не замыкаются и не бегут. Неумеренное ликование в среде этих жаждущих признания молодых людей по поводу того, что я дал кое-что в их сборник, показывает, как эти люди не твердо стоят на ногах и как они ценят наше одобрение. Этого одобрения я пока еще никогда никому не высказывал, хотя они иногда приходили ко мне и пытались узнать мое мнение. За исключением Игоря Северянина³ (да и какой же он футурист! он сам с презрением и негодованием отверг этих господ⁴), я считаю почти всех их людьми мало одаренными и путь их совершенно ложным. О будущем их я не берусь предсказывать, — может быть, те из них, которые пожелают поучиться и поработать, чего-нибудь когда-нибудь достигнут: путь в литературу и в журналы ни для кого не загражден. Пока же они просто неудобочитаемы и нестерпимо скучны. Вот все, что стоит о них сказать в связи с их фантазиями об одержанной над символизмом победе. Сделайте с этими моими словами, что хотите.

Преданный Вам

Федор Сологуб.

Датируется по содержанию.

¹ Статья А. Измайлова «Пузыри земли», содержала негативные отзывы о футуризме («Самая последняя и самая глупая из очередных глупостей у нас — футуризм»; «патентованная и отвратительная в своей нарочитости ерунда»), а также вышедшим в начале года литературным альманахе «Стрелец» («надо принизиться до куриного мирозерцания этих пачкунов, чтобы всматриваться в их намеренную бессмыслицу. <...> Это не бред графоманов-матоидов, которых Ламброзо насчитал, кажется, до сорока видов и которыми полны больницы для умолишенных»). Письмо Сологуба Измайлову, отчасти было вызвано его желанием ответить на высказанное критиком в статье возмущение и недоумение по своему адресу в связи с участием в альманахе; Измайлов писал: «Между Бурлюком и Маяковским здесь стоит имя Блока, между Каменским и Крученых напечатано имя Сологуба. Рядом с галиматьей Шемшурина не постыдились дать свои имена Ремизов, Кузмин, Венгерова. Вот печальнейший факт, над которым, как говорят публицисты, приходится задуматься. <...> какие основания, какая тень основания могла склонить писателей и талантливых, и пользующихся заслуженным уважением к этому решению выступить среди разбойников? <...> Неужели они думают, что вместе с этой кучкой шутов они поскачут галопом навстречу бессмертию? Неужели к ним так мало внимания, что они готовы нагнуться за всякой похвалой и выпрашивать милостивого взгляда зевак в толпе скоморохов с погремушками? <...> Неужели они не чувствуют, что весь этот шабаш футуристов не только позорен, но в нынешние дни гнусен, как хохот около покойников, как кощунство в святом месте!» (БВ. Утр. вып. 1915. № 14690, 24 февр. С. 2).

² В резкой, направленной против Сологуба статье «О беллетристической мобилизации» (Современный мир. 1915. № 9. Отд. 2. С. 122—134), А. Ожигов (Ашешов Николай Петрович, 1866—1923) писал: «Нам уже приходилось отмечать на страницах „Современного мира“ торжество гг. Маяковских и Бурлюков, сумевших переманить к себе старца-символиста и проплывавших около его имени пляску мертвецов в знак торжества над почившим символизмом, тихо скончавшегося от слабосилия в немощной борьбе с навными чарами» (С. 125). «Стрелец» — литературный альманах, издававшийся в Петрограде в 1915, 1916 и 1922 г. (всего вышло три книги) под редакцией поэта Александра Эммануиловича Беленсона (1895—1949). В первом сборнике «Стрельца» Сологуб поместил перевод 15 стихотворений в прозе из книги Артюра Рембо «Озарения» и стихотворение «Под сводами Утрехтского собора» 1914 г. (Стрелец. Пг., 1915. Сб. 1. С. 173—190), во втором — перевод стихотворения А. Рембо «Поклонение» (Стрелец. Пг., 1916. Сб. 2. С. 113).

³ Сологуб принимал участие в составлении первой большой книги Игоря Северянина (Игоря Васильевича Лотарева, 1887—1941) «Громкокопящий Кубок» (М.: Гриф, 1913), а также написал к ней восторженное предисловие («Появление поэта радует, и когда возникает новый поэт, душа бывает взволнована, как взволнована она бывает приходом весны...»).

⁴ Имеется в виду стихотворение Северянина «Поэза истребления» («Меня взорвало это „кубо“...») Из сборника «Victoria Regia» (М., 1915). В марте 1916 г. во время поездки по югу России с поэзо-вечерами, в интервью, данном обозревателю газеты «Одесские новости», И. Северянин говорил: «Вы спрашиваете о футуризме и новых поэтах? Футуризма уже нет, да в сущности его и не было. Был эго-футуризм, олицетворявшийся моим творчеством, и кубо-футуризмом, представлявший собою сплошное надувательство» (Одесские новости. 1916. № 10019, 29 марта. С. 2).

72

21 ноября (4 декабря) 1915.

21 ноября 1915

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Ф. К. до сих пор в поездке (последние города — Витебск и Тверь), вернется 24-го. Я вернулась вчера, почувствовала некоторое утомление от трех недель тряски по поездкам, вечерам, лекциям, обедам, приглашениям, — провинция встретила Сологуба очень радушно; лекция всюду — особенно в Москве (два раза повторена), Харькове и Саратове имела очень хороший успех,¹ были, кроме того, в Туле² и Ярославле, Бологое, и имели до 20 приглашений еще в разные города, куда и поедом после небольшой передышки. Много видели учащих, которые приходили к Ф. К. небольшими группами в номер отеля, задавая всевозможные вопросы и прося стихов, автографов и пр. — все очень приятные впечатления. В Харькове, кроме того, Ф. К. прочел еще в Литературно-Художественном кружке о Современном театре,³ — теперь это же прочтет в Петрограде и в Москве. Пьеса «Камень» поставлена 19-го в Харьковском театре у Синельникова, как прошла — сведений еще не имеем, мы были на счетке только.⁴

Я передала письмо Ваше о стихах и рассказе Ф. К. и он обещал тотчас по приезде (22 или 24) прислать Вам и то и другое. А что же с моим злосчастным Фельетоном «В защиту военной литературы» — каким богам надо молиться об его помещении, ведь он лежит в «портфеле редакции» с 1-го июля.⁵ Ужели я пишу так бездарно, что нельзя меня печатать? Увы! при жизни Ф. К. я не могу и не хочу открыть той роли, которую я играю в его работе, и одно это уже, казалось бы, дает мне право на печатание, но может, когда-нибудь, когда ...«наш прах истлеет...»,⁶ тогда и мне найдут возможным уделить место.

Р. S. Между прочим, не хотели бы посетить некоторые приятные города вроде Харькова? — у нас просили местные жители порекомендовать им интересных лекторов. Кажется, у Вас есть готовое о Чехове?⁷ Пока — всего доброго!

С приветом и уважением

Анс. Чеботаревская.

Очень прошу дать в заметку о повторении лекции в «Биржевых». ⁸
Билеты пошло завтра.

¹ В Москве лекция Сологуба, состоявшаяся 5 ноября в зале Политехнического музея, имела успех (см.: Лекция Федора Сологуба // Русские ведомости. 1915. № 255, 6 нояб.); в отзыве обозревателя газеты «Южный край» о лекции, прочтенной Сологубом в Харькове 11 ноября, содержались не только одобрительные, но и критические суждения о лекции: «Читал поэт. Это чувствовалось во всем. В том, как гускло звучали упоминания о развитии государственном строе в Англии и слабости государственной идеи в России, об удуши нашего политического бытия и спекулирующих торговцах; в том, как, напротив, ярко и убедительно было все то, где сквозила опозитивированная любовь к родине, страдающей и прекрасной даже в убогости своей приниженности: это чувствовалось и в ритмичности самой речи, размеренно напевной, так живо напоминающей язык „навых чар“, рассказов-новелл. Встречались и утверждения <...> слишком захватанные и замусоленные в последнее время <...> и своею грубой обычностью они противоречили общему красивому и яркому построению и содержанию лекции; ткань ее очень нежна и эти утверждения словно разрывали ее своими острыми углами. Но целое было прекрасно. <...> Публика, переполнявшая зал Общественной библиотеки, исключительно тепло принимала писателя-лектора, провожая и встречая его долгими аплодисментами» (А. С. Россия в мечтах и ожиданиях (лекция Ф. Сологуба // Южный край. 1915. № 13037, 12 нояб. С. 6); в Саратове лекция была прочтена 8 и 15 ноября в Большом зале Консерватории, выступления Сологуба вызвали противоречивые отклики в местной печати. «Сологуб же, автор „Творимых легенд“, — писал 17 ноября обозреватель „Саратовского листка“ (№ 248), — вдруг взял тон политического передовика, почти дипломата. Он долго говорил (читал) теми официальными тирадами, которые, признаемся, набили оскомину даже у самых усердных читателей газет. <...> Неужели теперь время ремонтировать обветшалое славянофильство с его идеализацией „мистического востока“?»; на следующий день эта же газета поместила восторженную заметку о лекции писателя (Саратовский листок. № 249. С. 3).

² Лекция Сологуба в Туле состоялась 16 ноября; тульский обозреватель отмечал: «Следует констатировать, что, отказавшись от своего своеобразного, сологубовского, лектор мало приблизился к аудитории. Сдержанная, завуалированная речь, без пафоса и эффектов, казалась монотонной и скучной, а ее четкая пластичность и скрытый ритм пропадали для непривычного уха. Сологуб остался вне понимания публики» (Д. Лекция Федора Сологуба // Тульская заря. № 266, 17 нояб. С. 3).

³ Реферат «Современный театр и вопросы репертуара» был прочтен Сологубом в харьковском литературно-художественном кружке 12 ноября (см.: Реферат Федора Сологуба // Южный край. 1915. № 13037, 12 нояб. С. 5).

⁴ Синельников Николай Николаевич (1855—1939) — актер, театральный деятель, режиссер харьковской труппы. 11 ноября после просмотра в Харьковском драматическом театре пьесы Л. Андреева «Тот, кто получает пощечины» Ф. Сологуб прочел на квартире А. П. Петровского пьесу «Камень, брошенный в воду». Пьеса была поставлена на сцене харьковского театра 19 ноября в бенефис артистки труппы Паулы Леонтьевны Вульф (1878—1961). Постановка получила отрицательный отзыв в харьковской прессе, рецензент из «Южного края», в частности, писал: «Но это — не пьеса, это — ряд предложений в лицах, и по поводу свободы любви и личности, и по поводу смысла и значения войны, и по поводу кооперативов и общественной организации; словом, конгломерат философии и суждений авторов, вместе с тем, что-то детски наивное, сентиментальное, беспомощно-назидательное; какая-то не настоящая, а дульцинированная жизнь-мечта, заставляющая при отсутствии гражданственности <...> воображать, что существуют пушкинские оперные крестьяне, и жизнь помещика идет так, как она шла при крепостном праве. Но, смотря на эту дульцинированную жизнь, видеть этих идеализированных людей, слушать эти предложения обо всем, а в общем ни о чем, скучно, и г-жа Вульф сделала ошибку, поставив в свой бенефис это несладкое, шитое белыми нитками, произведение г. Ф. Сологуба и г-жи Чеботаревской. Благо еще, что оно хорошо было разыграно. В нем не дурна была сама бенефициантка, давшая в Мери живое, определенное лицо» (Ф. М. «Камень, брошенный в воду». Дра-

матические сцены в 4 д<ействиях> Ф. Сологуба и Чеботаревской // Южный край. 1915. № 13054, 21 нояб. С. 6).

⁵ См. примеч. 1 к письму 68.

⁶ Цитата из стихотворения Ф. Сологуба «Мой прах истлеет понемногу...» 1898 г. из цикла «Звезда Маир».

⁷ А. Измайлов — автор многочисленных журнальных и газетных статей о творчестве А. П. Чехова и публикаций его творческих материалов, а также одного из первых монографических исследований наследия писателя: «Чехов. 1860—1904. Жизнь. — Творчество. — Личность» (М., 1916).

⁸ Объявление о повторении лекции в Петрограде и Москве было напечатано вместе со сведениями, присланными Чеботаревской Измайлову (Турне Ф. К. Сологуба // БВ. Утр. вып. 1915. № 15222, 25 нояб.).

73

15 (28) декабря 1915.

15 декабря 1915

Дорогой Александр Алексеевич,

Мне не хочется, чтобы наш разговор вчера, в понедельник, оставил в Вас неприятное впечатление, потому что я знаю, что Вы 1) очень хорошо ко мне относитесь и 2) и мое отношение к Вам такое же. Поэтому, считая заминку с рассказом улаженной, посылаю вам три стихотворения, для «Биржевых ведомостей». Может быть, кое-что из этого присыла для газеты не подходит, — тогда, пожалуйста, верните.¹

Душевно преданный Вам

Федор Тетерников.

¹ Задержка с присылкой материалов для газеты, вероятно, была связана с отсутствием Сологуба в столице, находившегося с ноября 1915 по март 1916 в лекционном турне по югу России. В ближайшем выпуске «Биржевых ведомостей» было напечатано стихотворение «Что в жизни мне всего милей?...» (БВ. Утр. вып. 1915. № 15281, 20 дек. С. 2); публикации произведений Сологуба в газете (утр. выпуск) возобновились после его возвращения из поездки: «Крутильда и семь других. Рассказ» (№ 15493. 10 апр. С. 1), «Стихи с пути („Когда тебя заставят, выбирать...“, „Утомительной печали...“»)» (№ 15503 и 15531, 17 апр. и 1 мая. С. 2) и т. д.

74

21 ноября (4 декабря) 1916.

21 ноября 1916

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Мы теперь с Вами, кажется, будто и соседи¹ — сделались островами (Васильевский остров, 9-ая линия, д. 44, кв. 19, тел. 488-41, увы! пока на лестнице!). Это дает надежду, что несмотря на Ваши многочисленные занятия, Вы найдете возможным заглянуть

к нам, хотя бы в среду 23 ноября. Ф. К. прочтет новую пьесу на сюжет «Барышни Лизы».² Хотелось бы также передать приглашение милому Владимиру Феофиловичу Боцяновскому,³ но не знаю ни адреса его, ни телефона, — может быть, будете любезны передать?

¹ А. Измайлов жил на 17-й линии Васильевского острова (д. 70).

² Речь идет о пьесе «Узор из роз» (по повести «Барышня Лиза»), пьеса была поставлена в 1920 г. во 2-ой Студии Московского художественного театра режиссером В. В. Лужиным и имела большой успех; в 1919 г. по просьбе известного театрального режиссера А. А. Санина Сологуб изготовил киносценарий повести для кинематографического объединения «Русь» (об истории создания киносценария «Барышня Лиза» см.: Нусинова Н., Цивьян Ю. Сологуб — сценарист // Киносценарии. 1989. № 2. С. 151—157); в 1927 г. В. И. Немирович-Данченко написал сценарий по пьесе Сологуба «Узор из роз» для постановки в Голливуде (сведения сообщенные в указанной статье Н. Нусиновой и Ю. Цивьян); в настоящее время пьеса «Узор из роз» хранится в машинописи в библиотеке Всероссийского театрального общества в Москве и в архиве писателя (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 183).

³ *Боцяновский Владимир Феофилович* (1869—1943) — литературный критик, историк литературы, драматург; автор статей о творчестве Ф. Сологуба («Три сестры» Чехова и Сологуба // Театр и искусство. 1909. № 27. С. 466—469; Федор Сологуб и Недотыкомка // Новое слово. 1910. № 11. С. 50—58; Из жизни и литературы // Театр и искусство. 1910. № 11. С. 240—243; О Сологубе, Недотыкомке, Гоголе, Грозном и проч. // О Федоре Сологубе. Статьи и заметки. С. 142—183; Ф. К. Сологуб и его новый роман // Вестник литературы. 1920. № 3. С. 3—5 и др.); Боцяновский жил на Екатеринбургском канале в доме 31.

75

26 ноября (9 декабря) 1916.

Искренно уважаемая Анастасия Николаевна,

Простите великодушно, что не мог быть у Вас на приветливый зов и не мог вовремя ответить. Живу на двух квартирах, и после трех дней побывки на одной даже задним числом получил приглашение. Но все равно не мог бы прибыть — живу в современной суматохе, исключающей возможность жить для себя. Нигде не выаю — заезд к Л. Н. Андрееву¹ на час был исключением совершенным, да и стоившим отпущений. Завидую всем не распыляющимся людям. Сердечный привет.

Ваш искренно

А. Измайлов.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ В начале сентября 1916 г. в связи с работой в газете «Русская воля» Андреев переехал с семьей из Ваммельсуу на квартиру в Петрограде (наб. Мойки, д. 1), в которой жил до большевистского переворота, 26 октября он вернулся вместе с семьей в Ваммельсуу.

31 декабря 1916 (13 января 1917).

31 дек<абря> 1916

Дорогой Александр Алексеевич,

Сегодня мне доставили вырезку из «Петроградского листка» 28/XII № 357 о том, что «английская критика встречает перевод моего романа „Творимая легенда“ сдержанно».¹ Если это в самом деле из Вашей газеты, так скажу Вам, что это неверно. Я видел отзывы, мои друзья держат меня в курсе этих дел. Один критик даже сравнивал «Творимую легенду» с «Бурею» Шекспира.² Я не нахожу, что в устах англичанина это — сдержанный и холодный отзыв. Я не нахожу также, что европейские критики подобны русским. Ничего подобного, с русской литературой англичане знакомятся без предвзятой враждебности русской критики.

Желаю счастья в Новом Году и благоволения. Преданный Вам
Федор Сологуб.

¹ В редакционной заметке «Сологуб в английском переводе» (Петроградский листок. 1916. № 357, 28 дек. С. 5) сообщалось: «В Лондоне вышел роман Сологуба „Творимая легенда“ в переводе Джона Курноса. Английская критика встречает роман сдержанно. Находит, подобно русским критикам, что в изображении Сологуба странным образом соединяется эстетический идеализм с болезненной чувствительностью».

² См.: The Task of Prospero // Glasgow Herald. 1916. November 2; рецензия сохранилась в папке Сологуба с газетными вырезками за 1916 год (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 13).

10 (23) декабря 1917.

10 декабря

Дорогой и глубокоуважаемый Федор Кузьмич,

Редакция «Петроградского Голоса» убедительно просит Вас не отказать в Вашей вещице для рождественского номера. Условия времени позволяют совершенно не стеснять Вас никакими формами, и мы будем благодарны за все, что бы Вы ни прислали от Вашего имени, — будет ли это небольшой рассказ, набросок, страница из дневника, статья, фельетон, стихотворение или шутка. Глубоко порадуете согласием и крайне опечалите отказом.

Покорная просьба не отказывать в любезном сообщении, можем ли мы на Вас рассчитывать.

А, может быть, мы смели бы и вообще просить Вас не побрезговать нами? Крайне порадовали бы согласием.

Сердечный привет Анастасии Николаевне. Искренно преданный Вам

А. Измайлов.

На редакционном бланке.

17 (30) декабря 1917.

17 дек<абря> 1917

Дорогой Александр Алексеевич,

Все никак не мог созвониться с Вами, телефон работает отчаянно, пишу, уж не знаю, когда придет письмо. Постараюсь прислать что-нибудь для рождественского номера, если успею. А вообще дело обстоит так: мы с Вами имели приятные сношения в «Биржевых ведомостях», и я не имею основания поминать лихом наши тогдашние отношения. За последние годы я приобрел привычку высказывать мои мысли, стал до некоторой степени публицистом, и теперь, когда «Биржевые ведомости» молчат, я чувствую себя с зажатым ртом.¹ По этим двум основаниям, и по моему доверию и отношению к Вам, и по желанию высказываться, — я думаю, что мы могли бы сговориться с Вами.² Как бы с Вами повидаться? И когда прислать вещь для рождественского номера?

С приветом

Федор Сологуб.

¹ «Биржевые ведомости» были прекращены 24 октября 1917 (№ 16510), возобновились с 16 ноября 1917 г. под заглавием «Утренние ведомости», с 28 декабря под заглавием «Новые ведомости».

² Сологуб обращается к Измайлову как главному редактору газеты «Петроградский голос» (ранее «Петроградский листок», бывший «Петербургский листок»); первый номер газеты вышел 30 ноября (13 декабря) 1917 г.; Измайлов вошел в редакцию весной 1916 г.

21 декабря 1917 (3 января 1918).

21 декабря 1917

Дорогой Александр Алексеевич,

Посылаю Вам статью «Широта», маленькое стихотворение,¹ и присоединяю к этому большую просьбу:

Будьте любезны напечатать две прилагаемые заметки в ближайшем номере. Очень обяжете, если похлопочете, чтобы их поместили и в «Вечернем часе».²

Будьте добры сообщить, какие сроки в Вашей конторе установлены для получения причитающихся денег?

Еще просьба: нельзя ли устроить посылку мне Вашей газеты? Очень обяжете.

С приветом

Федор Тетерников.

¹ В Рождественском номере «Петроградского голоса» была напечатана статья «Широта», в которой Сологуб размышлял об ответственности русской интеллигенции за Октябрьскую революцию, и стихотворение «Близки слуги сатаны...» (1917. № 22. 24 дек. С. 3—4).

² «Вечерний час» — ежедневная политическая и литературная газета, первый номер вышел 27 ноября 1917 г., издатель — Ф. Н. Зейлигер, редактор — известный театральный критик и публицист Александр (Авраам) Рафаилович Кугель (1864—1928), редакция газеты располагалась совместно с редакцией «Петроградского голоса» (Екатерининский канал, 31). По-видимому, Сологуб просил Измайлова напечатать объявления Союза деятелей искусства о предстоящем в помещении Академии Художеств новогоднем вечере (31 декабря) и диспуте «Искусство и политика» (4 января), см.: Вечерний час. 1917. № 23, 23 дек. С. 4; Новый вечерний час. 1917. № 2, 30 дек. С. 4. Союз деятелей искусства образовался в первых числах марта 1917 г. в Петрограде; по своим целям и задачам был ориентирован на профессиональную организацию творческой интеллигенции, призванную самостоятельно решать все вопросы художественной жизни; Сологуб возглавлял литературную курию СДИ, активно отстаивал автономии организации. В конце 1917 г. в связи с наблюдавшимися фактами разгромов и расхищений национальных художественных ценностей (по почину Сологуба, являвшегося председателем Временного Комитета уполномоченных СДИ), Союз принял решение провести среди учащихся, рабочих и солдат цикл общедоступных лекций с целью пропаганды защиты исторических и художественных памятников. Лекции устраивались с декабря 1917 г. в здании Академии художеств. Объявления Союза деятелей искусства о предстоящих вечерах и собраниях (в письмах к Измайлову Сологуб, как правило, называет их «заметками») регулярно печатались в хронике «Петроградского голоса», «Вечернего часа» («Нового вечернего часа»), а также «Новых ведомостей».

80

26 декабря 1917 (8 января 1918).

26 декабря 1917

Дорогой Александр Алексеевич,

Посылаю Вам статью «Совсем не политика».¹ И опять обращаю к Вам усерднейшую просьбу: будьте добры напечатать прилагаемую заметку в одном из ближайших номеров П<етроградского> Г<олоса>, — очень обяжете.

С приветом

Федор Сологуб.

¹ В агитационной статье «Совсем не политика» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 469) Сологуб отстаивал необходимость созыва Учредительного Собрания на демократических началах, статья была приурочена к предстоявшему открытию Учредительного Собрания (5 января) и предназначалась для публикации в номере «Петроградского голоса» от 26 декабря (см.: Сологуб Ф. Библиографический указатель к произведениям в прозе. — РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 546); факт публикации не установлен.

27 декабря 1917 (9 января 1918).

27 декабря 1917

Дорогой Александр Алексеевич,

Будьте добры напечатать в хронике прилагаемые три заметки, очень обяжете.

Вчера я послал Вам по почте статью «Совсем не политика». Если она не дошла, пожалуйста, скажите по телефону 488.41, — пришлю или принесу сам, хотя теперь с сообщениями беда, трамваи не ходят, а извозчики свирепы, как львы.

С приветом

Федор Тетерников.

29 декабря 1917 (11 января 1918).

29 декабря 1917

Дорогой Федор Кузьмич,

Не позволите ли надеяться на большую статейку в новогодний номер, выходящий 31-го?¹ Приятно было бы также получить стихи Ваши.

Если бы я мог не огорчить Вас, то я очень просил бы — как мы и уговаривались — придерживаться маленького фельетона (от 100 до 200). Последний присланный — почти ровно 300. Наша газета по многим условиям, о которых долго писать, необходимо должна держаться этой формы. И Амфитеатров для нас вдвое сокращает размер своего фельетона. В новогоднем номере, в частности, идет много авторов, и необходимо маленькое. «Кто же они» у нас давно было непечатано — недели за три до помещения в «Звоне», и только благодаря этому никто не заметил разности подписей.²

Сердечный привет. Ваш искренно

А. Измайлов.

¹ Для новогоднего выпуска газеты Сологуб отправил статью «А все-таки!», в которой писал о надеждах на изменение политической ситуации в России и падение власти большевиков в 1918 г. (Петроградский голос. 1917. № 26, 31 дек. С. 1).

² Статья «Кто же они?» была напечатана в «Петроградском голосе» 5 декабря 1917 г. (№ 5. С. 1) за подписью Ан. Чеботаревской и в «Вечернем звоне» 20 декабря 1917 (№ 4. С. 3) за подписью Федора Сологуба. Автор статьи протестует против преступной и незаконной власти большевиков («искусных шарлатанов») и ставит вопрос относительно Ленина и Троцкого, — «кто же они?» («все мы, с тоскою и отвращением следящие за этою гибельною для России игрою во власть проходимцев и честолобцев, ...мы, требующие моральной ответственности за поступки и слова, — мы все не можем не поставить перед собою и перед другими этого простого вопроса, от решения ко-

того зависит весьма многое в нашей дальнейшей оценке событий. Чему же верить? Кто же они? Честные люди или...?»).

83

31 декабря 1917 (13 января 1918).

31 декабря 1917

Дорогой Александр Алексеевич,

Позвольте предложить Вам несколько деловых вопросов:

1). Вчера вечером позвонил ко мне Гессен¹ из Вечерних Биржевых (вечерние «Наши ведомости»), и просил давать ему иногда статейки.² Как Ваше мнение на этот счет? Так как это — газета вечерняя, значит, не конкурент «Петроградскому голосу», то найдете ли возможным такое совместительство?

2). Каковы Ваши желания относительно статьи «Совсем не политика», которая вышла слишком велика (около 300 строк)?³ Хотите ли Вы, чтобы я сократил ее до 200 строк, или она Вам и по другим соображениям не подходит?

3). При личном свидании вчера забыл спросить Вас вот о какой подробности: какие сроки установлены в «Петроградском голосе» для выдачи гонорара и жалованья? Простите, что обращаюсь к Вам с таким вопросом, который касается собственно конторы, но так как в конторе я никого не знаю, то и уповаю на Ваше любезное объяснение.

4). Это уже не вопрос, а просьба: нельзя ли устроить, чтобы мне посылали газету? Буду очень признателен за эту любезность.

С приветом и наилучшими на Новый Год пожеланиями

Федор Сологуб.

¹ Гессен Николай Владимирович (Вульфович) (1899—1928) — сын известного юриста Владимира (Вульфа) Матвеевича Гессена (1868—1920), с 1922 г. в эмиграции (сообщил Валерий Юльевич Гессен); в 1918 г. издавал газету «Наши ведомости» (бывш. «Биржевые ведомости», веч. вып.).

² Предложение Н. В. Гессена было связано с возобновлением газеты (см. примеч. 1 к письму 78); в ответ на это Сологуб послал статью «Лава» (Наши ведомости. 1918. 2/15 янв. № 4. С. 1).

³ См. примеч. 1 к письму 80.

84

1 (14) января 1918.

1 января 1918

Дорогой Александр Алексеевич,

Рассчитывал повидаться с Вами сегодня днем на собрании в доме «Петроградского голоса», которое, по-видимому, обещало быть весьма симпатичным.¹ Но целый день мне мешали выбраться из дому, а когда я освободился, было уже поздно.

Усерднейшая к Вам просьба: нам пришлось перенести и наш вечер с 3 на 5, и диспут с 4 на 8 января. Будьте добры поместить две прилагаемые заметки об этом в ближайшем номере, очень нас обяжете. И рассчитываем видеть Вас на нашем вечере 5 января.²

С Новым Годом.

Всегда, во все годы преданный Вам,

Федор Сологуб.

¹ В первый день нового года в редакции газет «Петроградский голос» и «Новый вечерний час» был устроен товарищеский прием для сотрудников с участием артистического кабаре «Би-ба-бо» Н. Я. Агнивцева; на вечере присутствовали Вас. И. Немирович-Данченко, А. А. Измайлов, А. В. Амфитеатров, А. Р. Кугель, П. М. Пильский и др. (см.: Товарищеский праздник // Новый вечерний час. 1918. № 1, 2 янв. С. 3).

² 5 января в конференцзале Академии художеств Союз деятелей искусства устраивал «вечеринку-капустник» (вместо предполагавшейся ранее встречи Нового года) с участием артистов, художников и литераторов (среди приглашенных — А. Аверченко, М. Кузмин, И. Северянин, Тэффи и др.). 8 января СДИ организовал диспут на тему «Искусство и политика» с участием проф. Ф. Ф. Зелинского, Ф. Сологуба, П. П. Гайдебурова, А. Лурье, Н. Н. Пунина, А. А. Гизетти и депутатов Учредительного собрания. Заметка об этих вечерах была помещена в газете «Наши ведомости» (1918. № 4. С. 8).

85

3 (16) января 1918.

3 января 1918

Дорогой Федор Кузьмич,

Сердечный привет с Новым годом и благодарность за память! Простите, что только сейчас могу ответить — такая беспредельная суета. Очень досадно, что не мог Вас увидеть лично, — в надежде на это я и не дал ответа Вашей посланной, заставшей меня в нездоровье.

1) Издатель ¹ — сторонник исключительного сотрудничества больших авторов в газете,² при условии жалованья. Опасаюсь, что разговор по этому поводу приведет к пожеланиям для автора стеснительным.

2) Если бы Вас не обидело, предпочтительнее заменить имеющийся фельетон более коротким.³ Вещь, рассчитанная на 300 строк утратит в ясности и яркости при сокращении на одну треть. На всякий случай посылаю рукопись. Если найдете удобным вернуть — пожалуйста!

3) Распоряжение о газете Вам сделано.

4) Вступление в жалованье обычно происходит у нас с момента вступления в регулярную работу. Об этом все-так лучше бы два слова, хотя бы по телефону.

Душевно Вам преданный

А. Измайлов.

На редакционном бланке.

¹ С 1916 г. «Петроградский голос» издавал Александр Викторович Владимирский (1894—?), сын владельца и издателя «Петербургского листка» Виктора Александровича Владимирского (1875—1915).

² В 1917 г. в литературном отделе «Петроградского голоса» были напечатаны произведения А. В. Амфитеатрова, А. С. Грина, А. И. Куприна, Н. А. Котляревского, А. Р. Кугеля, Б. А. Лазаревского, И. Н. Потапенко, А. С. Рославлева, Скитальца (С. Г. Петрова).

³ Вероятно, речь идет о статье «Совсем не политика», вместо нее была напечатана статья «Крещение грязью» (Петроградский голос. 1918. 6 янв.), объем которой не превышал требуемой редакцией нормы. (Далее ссылка на «Петроградский голос» — ПГ).

86

23 января (5 февраля) 1918.

23 января 1918

Дорогой Александр Алексеевич,

В моем стихотворении в № 15 последние две строчки переставлены одна на место другой.¹ Если найдется местечко, пожалуйста, оговорите, а то читатель может подумать, что это — моя вычурность.

Посылаю еще статейку.

С приветом

Федор Тетерников.

Будьте добры пустить прилагаемую заметочку.²

¹ Имеется в виду стихотворение «Родине» («О, родина! Если б источники слез...») // ПГ. 1918. № 15, 23 янв.

² Возможно, речь идет о заметке на тему об отношении народа к интеллигенции — «Неблагодарность» (ПГ. 1918. 25 янв.).

87

30 января (12 февраля) 1918.

30 января 1918

Дорогой Александр Алексеевич,

Большая просьба — будьте добры напечатать прилагаемую заметку в ближайшем номере.¹ Посылаю статейку «Уют».² У Вас есть моя статья «Конец искусства», лежит с 23 января. Какова ее судьба?³

С приветом

Федор Сологуб.

¹ Объявление о лекции «Вандализм и искусство», устраиваемой, как сказано в газете, 4 февраля (то есть 17 февраля по новому стилю; напомним, что новое время-исчисление было введено с 1 февраля 1918 г.) Союзом деятелей искусства в Академии художеств, было напечатано в «Новом вечернем часе» (1918. № 22, 31 янв. С. 4).

² Уют // ПГ. 1918. 15 февр.

³ Конец искусства // ПГ. 1918. 23 февр. В статье критикуется политика большевиков по отношению к искусству.

88

19 февраля (4 марта) 1918.

19 февраля 1918

Дорогой Александр Алексеевич,

Будьте добры напечатать прилагаемую заметку в ближайшем номере «Петроградского голоса»,¹ очень обяжете. Посылаю Вам статейку «Спасибо».² Вчера послал Вам обращение к коллективу сотрудников литературного и театрального отделов. Желательно было бы большее сплочение вокруг нашей Литературной курии в Союзе Деятелей Искусства.

С приветом

Федор Сологуб.

¹ 20 (7 по ст. ст.) февраля в «Новом вечернем часе» (№ 28) было напечатано объявление о лекции В. Г. Каратыгина «Русская народная песня», с участием хора, устраиваемой СДИ в Академии художеств 24 (11 по ст. ст.) февраля; в этом же номере была помещена заметка «Упразднение звания академика», в которой, в частности, сообщалось: «Проект нового устава Академии художеств был рассмотрен специальной комиссией, избранной на общем собрании Союза деятелей искусства. Комиссия, между прочим, нашла целесообразным лишить Академию художеств права присуждать художникам звание академика. Комиссия полагает, что звание академика, если вообще его надо сохранить, может быть присуждаемо только общегосударственным учреждением, в котором должны быть представители всех групп и течений в искусстве».

² Спасибо // ПГ. 1918. 21 февр. Статья написана в связи с юбилеем «Русского богатства».

89

30 марта (12 апреля) 1918.

30 марта 1918

Дорогой Александр Алексеевич,

Прилагаемую статейку очень просил бы Вас пустить поскорее. Если можно, было бы хорошо, если бы она появилась завтра, в воскресенье 31 марта. Это совпадало бы с заседанием Союза Деятелей Искусств, где будет трактоваться об этом же вопросе. И вообще следует привлечь внимание публики к этому вопиющему делу, чисто хулиганскому отношению к Академии, которое проявляют некоторые из наших товарищей.¹ Народных комиссаров это не заденет, коллегия по делам искусства² — учреждение не политическое, а просто карьерное.

С приветом

Федор Сологуб.

¹ Имеется в виду подготовленный в марте декрет об упразднении Академии художеств, принятый по предложению А. В. Луначарского на заседании Совета народных комиссаров 12 апреля 1918 (опубликован 14 апреля в «Известиях», № 74 и «Правде», № 72); согласно декрету, Академия художеств упраздняялась как государственное учреждение, от нее отделялось Высшее художественное училище и реформировалось в свободную художественную школу, Академия лишалась всех кредитов, капиталов и имущества, которые передавались в собственность государства; музей Академии поступал в ведение Комиссариата просвещения. В преддверии принятия декрета Сологуб в знак протеста составил воззвание под лозунгом «Все на защиту искусства» (РО ИР-ЛИ, ф. 289, оп. 6, № 30, л. 56), которое было напечатано как обращение «„От временного комитета Союза деятелей искусства“ (Письмо в редакцию)» (Новый вечерний час. 1918. № 50, 3 апр. С. 4), в обращении говорилось: «Как и год тому назад, искусство России в опасности. Уже не толпа, обьятая мятежом, — теперь на искусство посягают наши товарищи. На словах они за свободу искусства, на деле требуют свободы только для себя. Они стараются уверить, что именно их искусство понравится пролетариату, что они — „левые“ в искусстве, хотя многие из них работают в весьма традиционном направлении. Все, что им не нравится, они хотят разрушить, пустить на дым. Не хотят на словах привилегированного искусства, а сами требуют покровительства одному направлению, разделяют искусство на буржуазное и пролетарское и этим демагогическим разделением, совершенно произвольным, возбуждают недобрые чувства против большей части произведений искусства. В стране, свергнувшей иго произвола, они пытаются образовать коллегии по делам искусства не на выборных началах, а по назначению. Варварские воззрения, высказываемые ими, грозят опасностью искусству, сулят разрушение автономным учреждениям, дезорганизацию художественным школам и развал художественной жизни. Все это возбуждает тревогу в любящих искусство и работающих для него. Необходимо собраться и выяснить наше отношение к этим прискорбным событиям и разрушительным тенденциям, а также немедленно создать взамен бюрократической коллегии компетентный орган на представительных началах. Временный Комитет приглашает Вас, Товарищи-Художники и Граждане, любящие искусство, на Общее Собрание Союза Деятелей искусства 7-го Апреля с. г. в конференц-зале Академии Художеств <...>». В заметке «Защита русского искусства» (ПГ. 1918. № 73, 4 мая (21 апр. по ст. ст.) сообщалось о состоявшемся 7 апреля собрании деятелей искусства, с целью протеста против закрытия Академии; на собрании выступал Ф. Сологуб с критикой вмешательства государственных чиновников в художественную жизнь и разделения искусства на пролетарское и буржуазное.

² Подразумевается учрежденная при Совете народных комиссаров Коллегия по делам искусств, которую курировал А. В. Луначарский.

90

12 (25) апреля 1918.

12 апреля 1918

Дорогой Александр Алексеевич,

Большая к Вам просьба. Очень нужно на этих днях иметь деньги для срочных уплат. Нельзя ли получить от «Петроградского Голоса» аванс в 1000 рублей. Очень обяжете исполнением этой просьбы.

С приветом

Федор Сологуб.

Прилагаю стихи. И заметочку, с большой просьбой пустить за-втра.¹

¹ В ближайших номерах газеты были напечатаны стихотворение Сологуба «Где ты, моя Ариадна...» (ПГ. 1918. № 59, 14 апр. С. 2) и статья «Лотки с загадками» (ПГ. 1918. № 62, 18 апр. С. 2).

20 апреля (3 мая) 1918.

20 апреля 1918

Дорогой Федор Кузьмич,

Редакция «Петроградского голоса» намерена приступить в очень непродолжительном времени к печатанию романа, коллективно написанного группой лучших современных писателей.¹ Многие из них (как А. В. Амфитеатров, В. И. Немирович-Данченко) уже выразили согласие дать ряд глав, вступая последовательно в повествование предшественника.

Редакция имеет честь покорно просить Вас принять участие в этом деле. По изъявлению Вашего принципиального согласия, позвольте беспокоить вас просьбою приехать на предварительное (единственное) совещание с собратьями по работе.

Не откажите в любезности нам сообщать о вашем согласии. (Тел. 641—69 и 132-24).

Примите уверение в совершенном уважении и искренней преданности,

Всегда Ваш

А. Измайлов.

На редакционном бланке.

¹ Имеется в виду идея написания коллективного романа, в котором предполагалось участие тринадцати писателей: в анонсе, опубликованном в «Петроградском голосе» 8 мая, было объявлено о согласии А. И. Куприна, В. И. Немировича-Данченко, Ф. Сологуба, А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, П. П. Гнедича, И. Н. Потапенко, А. Е. Зарина, В. Ф. Боцяновского, А. А. Измайлова; позднее в числе будущих авторов были названы А. С. Грин и Е. А. Нагродская. В заметке «Роман тринадцати!» (ПГ. 1918. № 73, 4 мая (21 апр. по ст. ст.). С. 2). А. Измайлов писал: «13 авторов разработают общий замысел увлекательного романа, на котором читатель немножко отдохнул бы от речей об аннексиях и контрибуциях, о последних выступлениях на заседаниях цирковдепа и т. д. <...> Тринадцать авторов не создадут вторую „Анну Каренину“, но, вероятно, напишут живой и увлекательный роман. <...> Лет восемь назад в Берлине имел огромный успех „Роман 12-ти“. Увлекательную шалость исполнили 12 известных немецких писателей, в числе которых были Герман Бар, Бирбаум, Эрнст, Голлиндер, Вольцоген, хорошо известный у нас Эверс и т. д. <...> Писали они, не подписывая своих глав. Издательством был объявлен конкурс на премии читателям, угадавшим авторов. Число верных ответов определяло популярность каждого и знакомство публики с его манерой. Так как все они очень мало думали о том, что о них скажут, то они сошлись на общей шалости: каждый из них маскировал себя чужой манерой, как если бы, к примеру, у нас А. В. Амфитеатров постарался поймать стиль Ф. К. Сологуба, а Сологуб — стиль Амфитеатрова. В итоге получился ряд занимательных глав, где многие из писателей обнаружили не подозреваемый у них ранее талант пародии. В наш замысел это не входит и у нас читатель найдет подписи под каждой главой, так как мы ставим в центр тяжести читательский интерес, а не испытание писательской ловкости»; далее критик сообщал об аналогичном эксперименте —

коллективном фантастическом романе «Три буквы», который был предпринят в 1911 году в «Синем журнале» при участии А. И. Куприна, И. Н. Потапенко, В. А. Тихонова, А. Т. Аверченко, П. П. Гнедича, И. И. Ясинского, Анат. Каменского, Тэффи, А. Измайлова, А. Н. Будищева, В. И. Немировича-Данченко и др.: «он вызвал общий интерес, но не удержался на высоте его, выйдя из ошибочной мысли, что такое произведение есть игра писателей, победа трудностей, которые предшественник почти намеренно ставил своему преемнику, чтобы полюбоваться, как он „выкрутится“. Нам придется взять некоторый урок от прежних ошибок, и, вероятно, мы более правы уже потому, что ставил на первое место не турнир писателей, а живой интерес читателя». В статье Измайлова упоминаются немецкие и австрийские писатели: Герман Бар (1863—1934), Отто Юлиус Бирбаум (1865—1910), Пауль Эрнст (1866—1934), Феликс Голлендер (1867—1931), Эрнст фон Вольцоген (1855—1934), Гансгейнс Эверс (1871—1943).

92

23 апреля (6 мая) 1918.

23 апреля 1918

Дорогой Александр Алексеевич,

Простите, пожалуйста, что не ответил немедленно. Целый сноп причин: нет телефона, дела Союза Деятелей Искусства были хлопотливы и неприятны,¹ и вдобавок я все эти дни чувствовал себя скверно. Конечно, я согласен, и надеюсь, что вы истолковали мое молчание как знак согласия. Боюсь, что мое состязание с такими блестящими мастерами литературных импровизаций, как Амфитеатров и Немирович, будет неудачным, но попробую.

С приветом

Федор Сологуб.

¹ 19 апреля на квартире М. Горького состоялась встреча Исполнительного Комитета СДИ с А. В. Луначарским в связи с изданием декрета об упразднении Академии Художеств, а также декрета о снятии исторических памятников («истуканов»). В качестве основного оппонента Луначарского выступил Сологуб, от имени СДИ он выразил протест против вмешательства правительства в художественную жизнь и потребовал отставки назначенной правительством «Коллегии по делам искусства» и передачи руководства всеми делами искусства Исполнительному Комитету СДИ. В ответном слове Луначарский заявил, что задачи существующей «Коллегии по делам искусства» — уничтожение отживших учреждений и облегчение тем самым бюджета государства, а также создание условий для полной автономии искусства; кроме того, по мнению Совета народных комиссаров, должны быть уничтожены памятники, «оскорбляющие народную гордость, причем они должны быть свергнуты с пьедесталов на всенародном празднике, в присутствии тысячи зрителей». Луначарский протестовал против идеи Учредительного собрания художников, выдвинутой СДИ, он сообщил, что отношение правительства к Учредительному собранию в области искусства точно такое же, как и к политическому мероприятию, имевшему место 5 января. В ходе встречи выяснилось, что согласие сторон по центральному вопросу (о ликвидации государственного контроля над художественной жизнью) не может быть достигнуто; тем не менее, Луначарский предложил еще раз собраться для обсуждения вопроса; это предложение Сологуб отклонил, Луначарский покинул заседание. Несколько ранее на заседании литературной курии СДИ было принято решение об организации Союза деятелей художественной литературы и выработан устав новой организации, образован временный комитет в составе Л. Андреева, М. Горького, Н. Гумилева, Ф. Соло-

губа, К. Сюннерберга, Анс. Чеботаревской, Вас. Немировича-Данченко и др. (подробнее см.: *Союз деятелей художественной печати* // ПГ. 1918. № 51, 4 апр. (22 марта по ст. ст.) С. 3). 21 апреля (через день после встречи с Луначарским на квартире Горького) Сологуб обратился к Наркому просвещения в качестве председателя «Союза деятелей художественной литературы» с просьбой о предоставлении помещения, субсидий и уравнивании Союза в правах с другими профессиональными организациями. 21 апреля в выступлении на заседании конференции художественных школ Луначарский представил недавнюю встречу с представителями СДИ на квартире Горького как предложение сотрудничества, а обращение Сологуба с ходатайством о профсоюзе писателей как приход «на поклон». Действия Наркома вызвали возмущение СДИ, в связи с чем на заседании СДИ было принято решение прекратить с Луначарским все сношения. Этот инцидент получил широкое освещение в печати, см.: Луначарский и Союз деятелей искусства // *Новая жизнь*. 1918. № 73, 21 апр.; *Художественная хроника* // *День*. 1918. № 24, 21 апр.; *Вен. Бор. Соглашатель* // *Петроградское эхо*. 1918. № 51, 22 апр.; *Встреча А. В. Луначарского с Союзом деятелей искусства* // *Вечерний час*. 1918. № 66, 23 апр.; *В союзе деятелей искусств* // *Наш век*. 1918. № 80, 23 апр.

93

8 (21) мая 1918.

8 мая 1918

Дорогой Александр Алексеевич,

Сердечным приветом поздравляю с праздником. Посылаю стихи.¹ Простите, что для праздничных дней все же докучаю делом: вчера получил в конторе гонорар, и за рассказ «Невеста Иуды»² мне дали по 30 копеек, так как это — беллетристика, то следует по 60 копеек, что на 120 строк составит разницу в 36 рублей. Будьте добры сделать надлежащее разъяснение, чтобы при следующей получке эта сумма была мне присчитана.

А гетман на Украине положительно импозантная фигура!³ Воображаю его с булавой и с длинными усами — молодец! Вот бы нам такого!

С приветом

Федор Сологуб.

¹ В ближайших майских номерах газеты были напечатаны стихотворения Сологуба: Многообещающим («Хотя б вы нам и обещали...») // ПГ. 1918. № 79, 14 мая. С. 3; „Разрушать гнезда не надо...“ // ПГ. 1918. № 86, 22 мая. С. 2.

² *Невеста Иуды* // ПГ. 1918. № 73, 4 мая. С. 2. (Пасхальный номер).

³ *Скоропадский Павел Петрович* (1873—1945) окончил Пажеский корпус, был в свите царя; в период австро-германской оккупации Украины был избран гетманом на «съезде хлеборобов» (29 апреля), инсценированном интервентами; свергнут 14 декабря 1918 г. 8 мая все газеты сообщали об избрании гетмана.

9 (22) мая 1918.

9 мая 1918

Дорогой Федор Кузьмич,

Редакция «Петроградского голоса» имеет честь просить вас во вторник 14 сего мая в помещение редакции (Екатерининский кан., 31) от 3—4 часов для обмена мнений по «Роману 13-ти» и сообщения Ваших личных по сему поводу предложений.

Так как совещание в полном составе предполагается единственным, то редакция убедительно просит Вас не отказать в приезде.

Искренно преданный Вам

А. Измайлов.

На редакционном бланке.

Май 1918.

Дорогой Федор Кузьмич,

Покорная просьба вернуть оригинал Амфитеатрова — необходимо его сдать в набор.

Очень обеспокоен и за Вашу часть. Необходимо с 1-го июня начинать!¹

Смилуйтесь, дорогой Федор Кузьмич!

Ваш искренно

А. Изм.

Датируется по содержанию; на редакционном бланке.

¹ «Роман 13-ти», получивший также название «Чортова дюжина», начался публикацией глав А. В. Амфитеатрова: Гл. I «Существо» (ПГ. 1918. № 95. 1 июня (19 мая по ст. ст.). С. 2; гл. II «Юстина» № 96, 2 июня. С. 2); гл. III «Под выгой» (№ 97, 4 июня. С. 2); гл. IV «Глнтвейн» (№ 98, 5 июня. С. 2). В следующих номерах были напечатаны главы Ф. Сологуба: гл. V «Клавдия Лучинина» (№ 99, 6 июня. С. 2); гл. VI «Темные намеки» (№ 100, 7 июня. С. 2); гл. VII «За стеною» (№ 101 и № 102, 8 и 9 июня. С. 1); гл. VIII «Сторублевки» (№ 103 и № 104, 11 и 12 июня. С. 1); гл. IX «Печать не удержать» (№ 105, 13 июня. С. 1).

3 (16) июня 1918.

3 июня 1918

Дорогой Федор Кузьмич,

Между нами недоразумение. В. И. Немирович-Данченко¹ не выдавалось аванса под главы романа² и вообще под какую бы то ни было работу, как Вы увидите из прилагаемых двух документов.

Серьезные материальные затруднения нашей конторы, к сожалению, есть совершенно непреложный факт, а не измышление, и по простому чувству собратства я никоим образом не прикрывал бы уклонов конторы, вводя в затруднение своих старших товарищей.

Поверьте, дорогой Федор Кузьмич, что как редактор я применю все усилия, чтобы при первой возможности возместить Вам столь дорогие для меня главы романа.

Искренно Ваш

А. Измайлов.

На редакционном бланке.

¹ *Немирович-Данченко Василий Иванович* (1844—1936) — писатель и публицист, брат режиссера.

² Сологуб высказывал недоумение по поводу слуха об уплате в связи с тем, что В. И. Немирович-Данченко должен был вступить в роман только вслед за ним; ему принадлежат главы: гл. X «Злоключение профессора Четвергова» (ПГ. 1918. № 106, 15 (8 июня по ст. ст.) С. 1), гл. XI «Рукопись о чортовой дожине» (№ 107, 16 июня. С. 1), гл. XII «Искание чуда» (№ 108, 18 июня. С. 2), гл. XIII «Адамова голова» (№ 109, 19 июня. С. 1), гл. XIV «Министр Городцов и его горизонты» (№ 110, 20 июня. С. 1), гл. XV «Сеанс начинается» (№ 112, 22 июня. С. 1), гл. XVI и XVII (№№ 113 и 114, 23 и 26 июня. С. 1), гл. XVIII «Ясновидец из Чебоксар» (№ 115. 27 июня. С. 1), гл. XIX «Умер ли Бяленицкий» (№ 116, 28 июня. С. 1).

97

12 (25) июня 1918.

12 июня 1918

Дорогой Александр Алексеевич,

Только что получил Ваше письмо от 3 июня с приложением двух документов. Извиняюсь, что причинил Вам напрасное беспокойство, документы могли бы и не быть, достаточно одного Вашего письма. Мне просто показалось, выходит, что я ошибся. Мы только 8 июня добрались до нашей дачи,¹ с 4 по 8 июня жили в городе Костроме, разговаривая с комиссаром по отводу дач, так как все дачи на 15 верст от Костромы социализированы, прописываясь, выправляя пайки, устраивая продовольственные и иные дела.² Местные граждане истребили наше варенье (в порядке нестерпимого, детского стремления полакомиться), пуда три; взяли немного белой муки (для ребенка); сняли телефонный аппарат (в порядке борьбы с контрреволюцией, надо полагать), но есть надежда, что вернут. Пока еще устраиваемся здесь; на днях обещали мне доставить пишущую машинку, — надеюсь летом поработать больше, чем в городе. Здесь пока довольно тихо. Всего больше, чем в Петрограде, и все дешевле. Паяк вот какой: на человека дают в месяц 17 фунтов муки или, по желанию, 34 фунта печеного хлеба. Костромичам это кажется голодом, в Петрограде о таком пайке и думать забыли. Большая к Вам, дорогой Александр Алексеевич, просьба: будьте добры похлопотать, чтобы контора послала мне сюда все номера «Петроградского голо-

са» с 4 июня, и потом посылала бы газету сюда, очень обяжете. Если будет у Вас отпуск, приезжайте к нам, здесь очень мило.

С приветом

Федор Сологуб.

¹ Согласно договору, заключенному Ан. Чеботаревской в ноябре 1915 г. с Марией Ивановной Набатовой, чета Сологуб арендовала ее усадьбу Княжино, находящуюся близ Костромы в двух верстах от села Минского, с 1 апреля 1916 по 1 октября 1919 (см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 46).

² В надежде вернуть экспропрированную дачу, 18 <июня> 1919 (в письме, вероятно ошибочно, проставлена дата — 18 июля. — М. П.) Сологуб писал А. В. Луначарскому: «Многоуважаемый Анатолий Васильевич, приехав вчера в арендуемую мною 4-й год дачу под Костромой, я и Ан<астасия> Н<иколаевна> застали там вселенные колонии, и, нам не дав даже времени и возможности собрать доверчиво оставленные нами здесь вещи, требуют нашего немедленного отъезда, — куда, мы сами не знаем. Дача, в которую вложено много нашего личного труда и средств, была оставлена и на это лето за мною отделом Земледелия Костромского Губисполкома (бумага от 16 окт. за № 197 и журнал заседания Коллегии Губисполкома 30 января), и мы весною сих запрашивали, не изменилось ли это отношение? После неимоверно тяжелого для нас года в Петрограде с большими трудностями выбрались мы и приехали сюда, думая отдохнуть хоть месяц, окончательно без сил, едва двигаясь. Но г. г. руководители школы-коммуны не дали нам даже возможности войти в дом, — пришлось сидеть до ночи у сторожа, и Ан. Н. совсем измученная и ошеломленная неслыханно грубым приемом, едва держась на ногах и до 12 ч<асов> н<очи> не могли добиться, чтобы нам дали хоть кровать и отд<ельную> комнату. Кое-как устроились на ночь в двух комнатах наверху, но уже сегодня утром объявили, что и это помещение (где я работал 3 года, где за письменным столом написан роман „Заклинательница змей“) им нужно немедленно и что мы должны уезжать обратно, потому что ждут гостей. Представляю Вам судить, насколько мы, истерзанные до последней степени, способны это моментально выполнить. Учтя всю обстановку, в которой, конечно об отдыхе и творческой работе (это и есть мой отдых) не может быть речи, мы просили дать нам возможность пробыть здесь одну неделю, в этих 2 комнатах, где много моих рукописей и книг, чтобы разобрать их и ликвидировать остатки хозяйства и собраться к возвращению в Петроград. Анастасия Ник. совсем больная, я еле хожу. Войдите в наше положение, сделайте соответствующее распоряжение», далее следует приписка Чеботаревской: «Анатолий Васильевич, нас в буквальном смысле слова выгоняют из места, ссылаясь на Вас — будто Вы предоставили им нашу дачу, где все — работа наших рук; едва добравшись, полумертвые от утомления, — должны возвращаться в голод, халеру и все прочие муки. Ужели и Советская Россия почитает только... покойников? С уважением Анс. Сологуб» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 46).

98

25 июня (8 июля) 1918.

25 июня 1918

Кострома, пристань Нагорново,
усадьба Набатовой

Дорогой Александр Алексеевич,

Получил, наконец, номера «Петроградского голоса» с начала июня. Спасибо за посылку их. К сожалению, нашел в них два повода для огорчения. Первый, выход из числа нашего романа А. И. Куп-

рина. Да еще без объявления причин.¹ Совершенно непонятное происшествие. Мне кажется, что А. И. Куприну следовало бы или не давать своего согласия, или же уже исполнить свое обещание. А то что же может подумать читатель? Куприну не понравилось, что пишет Сологуб? Или с кем-нибудь другим он не хочет быть вместе? Но надеюсь, что вы, как редактор, которому, стало быть, это наиболее огорчительно, примите это, как одну из тех неизбежных неприятностей, которые вы заранее предвидели. Вопрос: после моих глав роман слишком круто поворачивает в другую сторону.² Даже не видно, сколько же дней прошло от рассказанных событий. Любопытство читателя хорошо помучить день, два, три, — а затем неудовлетворенное любопытство переходит в досаду и равнодушие. Кроме того у внимательного читателя является вопрос: когда же все это было? Баронесса уехала за границу к родным (она — немка), затем и барон уезжает на Варшавский вокзал. Четвергов говорит, что война продолжается 30 месяцев, стало быть, его лекция происходит после 19 января 1917 года. Ряд недоумений: как же ехать за границу через Варшавский вокзал в 1917 году?³ Как же ни ползвукое, не отразилось в романе это тревожное время? Или, может быть, между первыми годами и появлением Четвергова прошло не меньше трех лет? Боюсь, что если в последующем будут такие же несогласованности, то роман покажется очень пестрым.⁴ Во всяком случае его надо довести до конца. Если в течение работы у Вас будет предвидеться заминка, я всегда буду готов написать одну или несколько глав, стоит Вам только написать мне об этом заблаговременно. Почта, хотя и медленно, а все же работает. Я послал Вам стихотворение, и потом статью в двух письмах, разделив ее на две части, строк по сто.⁵ Если не получили, напишите. У нас хорошо. Не будете ли пользоваться отдыхом? Тогда загляните к нам.

С приветом

Федор Сологуб.

¹ Объявление о выходе А. И. Куприна из числа участников «Романа 13-ти» было напечатано в «Петроградском голосе» 7 июня (№ 100).

² «Содержание глав А. Амфитеатрова и Ф. Сологуба: архитектор Бяленицкий случайно заходит переночевать к знакомому поручику Береникову и наутро найден мертвым. Нагрянувшее следствие устанавливает сохранность бывших при нем довольно крупных денег. Загадочная смерть осложняется странным исчезновением трупа. Какие-то слабо видимые нити ведут от этого случая к появившемуся на горизонте Петрограда человеку с фамилией Лемэм, обладавшему даром внушения и с большим любопытством принятому в кругах мистиков. Некоторый свет на этого человека, по видимому, стоявшего во главе „общества 13-ти“, готов пролить проф. Четвергов, но в канун обещанной лекции квартира его и сам он подвергается налету и обыску» (ПГ. 1918. № 107, 16 (3 июня по ст. ст.). С. 1). Краткое содержание глав В. Немировича-Данченко и П. Гнедича: «Загадочная смерть и следом исчезновение трупа Бяленицкого волнуют столицу. К делу, вероятно, прикосновенна шайка авантюристов, присвоившая себе имя „Чортовой дожины“ и возглавляемая светским проходимцем Лемэмом. Против темных сил намечается борьба, центр которой слепец офицер Шпро» (ПГ. 1918. № 118, 30 (17 июня по ст. ст.). С. 1). *Гнедич Петр Петрович (1855—1925)* — прозаик, драматург, критик, историк искусства.

³ В связи с военной разрухой 1916—1917 гг. и топливным кризисом петроградский железнодорожный узел фактически прекратил движение поездов.

⁴ В письме от 1 (14) июля 1918 к А. Измайлову А. С. Лазарев-Грузинский делился впечатлениями о романе: «Как плохо наши знаменитости пишут „Чортову дожину“!

Дарю Вам экспромт: „Чортова дожжина“ // Пишется дожжинно...„ Когда придет Ваш черед сечься (Вы не заметили, что каждый из авторов начинает так робко, как будто не вступает на путь великих замыслов и творчества, а именно идет ложиться под лозы?), опишите Распутина, спиритов, ту мохнатую животину, о которо<ой> Вы рассказали <...> у Вас это выходило так интересно. Еще я очень люблю читать у Вас об антиквариатах и букинистах. Думаю, что и из этого можно к „Чортовой дожжине“ припутать. Главный недостаток романа — отсутствие действия (все толкутся на одном месте) и „безыntересность“. Хотя бы одна глава заинтересовала: — А что будет дальше? У Амфитеатрова это было» (РО ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, № 174, л. 71 об.).

⁵ Имеется в виду статья «Набат за оградкою» (ПГ. 1918. № 116 и № 117, 28 и 29 июня. С. 2); стихи Сологуба напечатаны не были.

99

26 июня (9 июля) 1918.

26 июня 1918

Дорогой Федор Кузьмич,

Крайние материальные затруднения (в результате пожара и других обстоятельств, Вам известных ¹) вынуждают редакцию на крайнюю экономию по всем отделам. Мне в высшей степени огорчительно, но я должен передать Вам просьбу издателя — позволить с 1-го июля нарушить наш договор и временно просить Вас ограничиться одним построчным получением (очевидно, на пересмотренных условиях) до более счастливого времени, в которое мы твердо верим.

Сейчас пришлось, с крайним сожалением, снять несколько лиц из постоянного состава редакции с жалованья и весьма ограничить деятельность вошедших в последнее время в редакцию писателей высокого гонорара.

Простите, что доселе не можем поквитаться с долгами. Дело ставится так, что едва успеваем заткнуть неотложнейшую необходимость, как оказываемся перед новою. Но выкорабкиваемся понемногу. Надеемся, числа с первого сдать в свою типографию, что избавит нас от каждодневного платежа в пять тысяч!

Чрезвычайно благодарен за Ваше милое письмо. Простите, что сейчас не могу побеседовать по душам: очень горячо!

Ваш искренно

А. Изм.

Привет Анастасии Николаевне.

На редакционном бланке.

¹ По-видимому, Измайлов подразумевает обвинительные процессы против независимой печати, инициатором которых выступал В. Володарский (наст. фам. и имя — Гольдштейн Моисей Маркович, 1891—1918), с марта 1918 занимавший пост комиссара Петрокоммуны по делам печати.

4 (17) июля 1918.

4 июля 1918

Кострома, усадьба Набатовой
(пристань Нагорново)

Дорогой Александр Алексеевич,

Я получил Ваше письмо от 26 июня. Вы пишете, что издатель с 1 июня нарушает наш договор и временно просит меня ограничиться одним построчным получением, на пересмотренных условиях. Теперь вопрос: какие же это условия? К сожалению, об этом Вы не пишете. Как же их определить? Вообще, я заметил, что мои статьи Вам мало подходят. Вы бы, насколько я понимаю, хотели иметь от меня очень коротенькие (не свыше 150 строк, а лучше меньше) очерки, хотя бы в таком роде, как «Набат за оградой». Но это, собственно говоря, уже не статьи, а беллетристика. Таким образом, гонорар за всякую мою прозу у Вас можно определить однообразный 1 1/2 рубля за строчку. Вопрос: за июнь я еще не получил жалованья. Если оно мне причитается, то будьте добры передать конторе мою просьбу перевести его мне в Кострому, вместе с гонораром, по телеграфу (конечно, на мой счет); адрес же для перевода несколько иной, чем для писем, а именно: Кострома, Мариинская улица, дом Набатовой, Федору Кузьмичу Тетерникову. Если же с 1 июля понимается так, что получка 1 июля (за июнь) отменяется, то, очевидно, роман, как напечатанный в июне, следует считать по иной расценке, и тогда тоже попросил бы этот добавочный гонорар выслать таким же образом. Но пишу второе только из осторожности, на всякий случай, так как думаю, что термин «с 1 июля» издателем, Вами и мною понимается неоднозначно, т. е. что 500 рублей за июнь еще значатся на моем счете.

Теперь еще просьба: «Петроградский Голос» в Костроме не получается вовсе, купить номеров нельзя; почта доставляет не все. Поэтому очень бы обязали меня, если бы выслали мне номера с 110 по 118 (20—30 июня)¹ — они до меня не дошли.

С приветом

Федор Сологуб.

¹ С 20 по 30 июня в «Петроградском голосе» печатались главы «Чортовой дюжины» В. И. Немировича-Данченко (№ 110—115, 20—27 июня) и П. П. Гнедича (№ 116—118, 28—30 июня).

3 (16) августа 1918.

3 августа 1918

Дорогой Федор Кузьмич,

Простите, что не имел никакой возможности немедленно написать Вам. Все время газета переживала трепетные часы — под угрозой каждодневного невыхода, в задавленности, почти в унижении, в гонении власти (штраф в пять миллионов ¹), наконец, даже под тучей забастовки сотрудников, в части своей думавших так оказать воздействие на издателя. Я кипел в собственном соку, а не жил. Да и сейчас не живу. Будь проклято поганое дело газетного редакторства!

С тяжелым чувством писал я вынужденное последнее Вам письмо. Среди упреков, наиболее тяжелых, был упрек в чрезмерности расхода на <литературное> привлечение авторов, дорого стоящих. Укоризна исходила от части сотрудников, которой хотелось бы видеть «Петроградский листок» вернувшимся к старой своей почти распивочной физиономии. Но это заразило и более симпатичную часть редакции: были неплатежи, задержки даже жалований (и сейчас есть), а голод — плохой советчик. Тогда я вынужден был пойти почти на самоубийство, и просьбу, обращенную к Вам, должен был обратиться и к Немировичу-Данченко, и к Кузьмину-Караваеву,² и к Куприну и т. д. Собственно обидного в ней ничего нет. Есть нечто, глубоко обидное для меня.

Пакет, конечно, <рассчитан Вам с жалованьем>, и Вы, надеюсь, его уже получили, как и пакет с газетами с 20 июня.

Мы храним надежду восстановить отношения со всеми авторами, временно вспугнутыми. Но когда это будет, гадать трудно. Разрешение публикаций мгновенно бы нас поправило. Но ждать надо, кажется, пока не льгот, а гонений.

Душевно Ваш

А. Измайлов.

¹ Очередная волна гонений на независимую печать была вызвана убийством В. Володарского (20 июня 1918) и последовавшим ужесточением большевистского террора; короткое время после убийства Володарского должность комиссара Петрокоммуны по делам печати занимал Кузьмин Николай Николаевич (1883—1939); ср. в дневниковой записи З. Н. Гиппиус от 15 июня ст. ст. (28 июня): «Новый „Совдеп“ (какое словечко! свиное депо) громит и все и вся. Кузьмин (заместитель Володарского) объявил, что соц. газеты будут закрывать без суда (уже закрыл), а на буржуазные накладывать штраф до полумиллиона, „они сами и сдохнут“. Уже наложил на „Новую жизнь“ 50 тысяч, на „Новые ведомости“ (вечерка), 10 тысяч. Редактор последней рассказывает, как был у Кузьмина. Человечек вида учительского. Стали торговаться. Скостил 8 тысяч. Но редактор и на два не соглашается. Тогда Кузьмин: „Нет, давайте две, зато мы вас долго не будем трогать“. Редактор радуется: „Правда? Но нельзя ли рассрочку?“ Дали рассрочку. Везде торговля» (*Гиппиус З. Черные тетради // Звенья: исторический альманах. М.: СПб., 1992. Вып. 2. С. 109*).

² Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич (1857—1927) — правовед, политический деятель и публицист (с 1919 в эмиграции), входил в состав постоянных сотрудников «Петроградского голоса».

102

10 (23) августа 1918.

10 августа 1918

Кострома, пристань Нагорново,
усадьба Набатово

Дорогой Александр Алексеевич,

Очень огорчительно то, что Вы пишете. Я вполне сочувствую Вашему невеселому редакторскому положению. Будем надеяться, что скоро положение изменится, к лучшему. Во всяком случае, хотел бы, чтобы лично наши с Вами отношения не пострадали от этих разговоров о деньгах. Чтобы покончить с этим, скажу, что «Петроградского голоса» я уже давно не вижу. Последний номер был от 7 июля. Даже не знаю, кончился ли роман. Денег я получил только 82 руб. 50 коп. гонорара; жалованья за последний месяц, июнь, не получил. Какие виды на ближайшие дни? Все ли еще вы закрыты, как это случилось с Вами после падения Архангельска? Или уже вы ходите?¹ Мы все здесь мало что знаем. Не можете ли Вы дать мне совет вот в чем; хотел бы я продать свои сочинения «Ниве»² или другому подобному изданию для приложения. Вы многое в журнальном деле знаете, может быть, знаете и это. У нас в Костроме становится все хуже и хуже насчет хлеба и прочего съестного. Когда все это, что мы переживаем, изменится к лучшему, Бог весть. А пока у нас прошел слух, что Петроград отделяется от России (вместе со всей Северной областью), и становится свободным городом. Что-то не верится, хотя по нынешним временам, и небывалое бывает? Если Вам отдых продлится, махните к нам в Кострому: дом построен. У нас не плохо. В саду малина, смородина. В роще грибы. В саду яблони. Зреют яблоки, и пока еще не все разворованы. Чтобы досталось не только воруящим, но и нам, печем полузрелые: вкусно.

Желаю всего приятного. С приветом

Федор Сологуб.

¹ Газета была закрыта 3 августа на № 147.

² «Нива» — иллюстрированный журнал, выходил в 1870—1918 гг.; одно из самых распространенных в России периодических изданий; с 1891 г. при «Ниве» выходили собрания сочинений русских писателей.

Сентябрь 1918.

Дорогой Федор Кузьмич,

Сердечно благодарю за память и весть. Мы здесь не живем, а варимся в собственном соку, и удивить нас решительно уже ничем невозможно. Стали, как турки на балаганах. С интересом и радостью послушал бы и повидал Вас. Скоро ли к нам?

Литературная жизнь подавлена, вяло, жутко, но — скучать некогда.

Месяц я провел в хорошей глухой деревне и перевел дыхание. Искренне преданный Вам и Анастасии Николаевне

Ваш А. Измайлов.

Датируется по содержанию.

Перечень статей А. Н. Чеботаревской, опубликованных за подписью Ф. Сологуба, по данным библиографической картотеки, составленной Сологубом (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 546).¹

- Верная семья // БВ. 1915. Утр. вып. № 15294, 29 дек.
 Власть мечты (ответ М. О. Гершензону) // БВ. Утр. вып. 1915. № 15129, 5 окт.
 В поисках роз // БВ. Веч. вып. 1916. № 15552, 11 мая.
 В стране хлеба и здоровья // БВ. Утр. вып. 1915. № 15137, 15143, 15145, 9, 12 и 13 окт.
 В тусклый день // БВ. Утр. вып. 1916. № 15476, 1 апр.
 Горение души // Русские ведомости. 1915. № 111, 16 мая.
 Два пути // БВ. Утр. вып. 1915. № 15121, 1 окт.
 Деревенское // БВ. Утр. вып. 1917. № 16314, 2 июля.
 Дерзание до конца // БВ. Утр. вып. 1917. № 16138, 16 марта.
 Дружная и недружная // БВ. Утр. вып. 1917. № 16483, 8 окт.
 Есть честность! // БВ. Утр. вып. 1916. № 15641, 26 июня.
 Жемчужина без оправы // БВ. Утр. вып. 1916. № 15879, 23 окт.
 Жорж Буайе // БВ. 1916. № 15602, 6 июня.
 За-границу // Петроградский голос. 1918, 12 мая.
 Звериный вопль // Утро России. 1915. № 335, 6 дек.
 Искусство наших дней // Русская мысль. 1915. № 12.
 Кто же они // Вечерний звон. 1917. № 13, 20 дек.
 *Любовь и Смерть // БВ. Утр. вып. 1917. № 16118, 24 февр.
 Маразм и обывательщина // Утро России. 1915. № 337, 8 дек.
 В. А. Мгберов // БВ. Утр. вып. 1915. № 15065, 3 сент.
 Модерн-мораль // Новые ведомости. 1918. 17 и 20 апр.
 Мы и они // БВ. Утр. вып. 1916. № 15376, 10 февр.
 Мятажная муза // БВ. Утр. вып. 1917. № 16256, 30 мая.
 *Наблюдения и мечты о театре // Русская мысль. 1918. № 1—2.
 *Над классами // БВ. Утр. вып. 1917. № 16376, 8 авг.
 Над свежеею могилою (Памяти М. М. Ковалевского) // БВ. 1916. № 15474, 31 марта.
 Наживают, кто может // БВ. Утр. вып. 1916. № 15795, 11 сент.
 Наш сад // БВ. Утр. вып. 1917. № 16467, 29 сент.
 Не отнимайте цветов // БВ. Утр. вып. 1916. № 15627, 19 июня.
 *Нечто в роде театра // Театр и искусство. 1912. № 41, 7 окт.
 Обывательское // БВ. Утр. вып. 1915. № 15093, 17 сент.
 Озорство // Вечерний звон. 1917. № 4, 9 дек.
 От невских берегов // БВ. Утр. вып. 1917. № 16308, 29 июня.
 *Памяти Пруссак. Под заглавием «Поэт-витмеровец» // Новые ведомости. Веч. вып. 1918. № 124, 31 июля.
 Памяти М. Г. Савиной // БВ. Утр. вып. 1915. № 15153, 17 окт.
 Письмо в редакцию (о выходе из «Лукоморья») // БВ. 1915. № 15183, 1 нояб.
 По широкому раздолью // БВ. Утр. вып. 1915. № 14917, 21 июня.
 Права и обязанности // БВ. Утр. вып. 1916. № 15739, 14 авг.

¹ Знаком звездочки (*) отмечены статьи, написанные Сологубом совместно с Ан. Чеботаревской, но подписанные его именем.

*Прощание с Петроградом // БВ. Утр. вып. 1917. № 16268, 6 июня.
Родная стихия // БВ. Утр. вып. 1916. № 15464, 26 марта.
Россия в мечтах и ожиданиях // Вечерний курьер. 1915. 8 нояб.
Следует ли авторам отвечать критикам (анкета) // БВ. Веч. вып. 1915. № 15254, 6 дек.
Удел поэта // БВ. Веч. вып. 1916. № 15942, 23 нояб.
Художник, как жертва // БВ. Утр. вып. 1916. № 15408, 27 февр.

В. ШАБУНИН
НАША ПЕРЕПИСКА С ВОЛЮШКОЙ
1953—1970

Публикация А. Н. Мартыновой

В 1995 году родственниками В. Я. Проппа (1895—1970), выдающегося фольклориста XX столетия, был передан в его фонд (721), хранящийся в Рукописном отделе ИРЛИ, еще один замечательный документ — переписка ученого с его другом Виктором Сергеевичем Шабуниним. Переписка охватывает период с 1953 по 1970 год, последнее письмо Владимира Яковлевича датировано 10 августа и написано за 12 дней до его кончины. В течение 17 лет В. С. Шабунин получил от друга 182 письма и почти все сохранил. После потери друга, которую он тяжело пережил, В. С. Шабунин собрал его и свои письма, расположил их в хронологическом порядке, скопировал, снабдил предисловием и пояснениями и объединил в одну рукопись. Ее объем 156 машинописных страниц (через 1 интервал). К сожалению, подлинники писем после смерти В. С. Шабунина, по свидетельству его родственников, утрачены. При перепечатке писем В. С. Шабунин произвел купюры, «не затрагивающие характера писем», как он отмечает в предисловии.

В настоящем издании публикуется часть рукописи, подготовленной В. С. Шабуниним, — переписка 1953—1962 гг. Все примечания В. С. Шабунина даются со знаком звездочка (*) внизу страницы, купюры, сделанные им, отмечены отточиями в ломаных скобках. Комментарии автора данного предисловия отмечены цифрами и приводятся в конце публикации.

Выражаю искреннюю благодарность Л. Н. Пропп и А. М. Проппу за помощь при подготовке рукописи к печати.

А. Н. Мартынова.

Эта переписка обнимает период с начала декабря 1953 года, когда мы с Волей вновь «нашли» друг друга после долгой разлуки, — по август 1970, когда Волюшка умер.

Она далеко не полна. Волины письма сохранились лучше. Они-то и составляют основной материал последующих страниц. Моих же писем уцелела лишь небольшая

часть: от целого десятилетия с февраля 1954 по январь 1963 года, а также за весь 1965 год не сохранилось ни одного письма.

Текст писем оставлен неприкосновенным, без какого бы то ни было редактирования. Произведены лишь отдельные купюры, не затрагивающие характера писем. Приведены некоторые мои дневниковые записи и отдельные пояснения.

В. Шабунин.

Февраль 1972 г.

Запись в моем дневнике от 5.12.53 (местами сокращена).

Был у меня в годы юности друг — Воля Пропп. Сейчас не могу припомнить, кто нас познакомил и когда именно. Думаю, что это было году в 1916-м. Он был скромный молодой человек тремя годами старше меня. Все силы его, все интересы были обращены к жизни внутренней — умственной, духовной. Мы с ним быстро сошлись, стали встречаться, вместе читали сочинения философского характера, обсуждали их.

Он очень серьезно относился к вопросам этики, к жизненному долгу человека. Пробовал писать и на русском языке и на немецком, который был ему более близок (в частности, хотел писать повесть «Der arme Johannes».¹ Бывал у нас в Лесном, и мы бывали у него. Помню, что он у нас в Лесном читал в узком кругу «Двенадцать» Блока, и мы спорили о том, каково же отношение Блока к революции...

Это была содержательная дружба.

Затем жизнь нас развела на долгие годы.

Вернувшись осенью 1946 года из Германии (по окончании войны), я как-то случайно напал на одну научную работу Воли — о русских сказках.² Я прочел эту вещь с большим удовольствием, наслаждаясь чудесным, каким-то «мягким» языком и глубоким проникновением в тему исследования.

Однако, тогда я сразу не предпринял шагов к розыскам Воли: моя жизнь была слишком неустойчивой, я слишком остро болел своим уходом от семьи...

Затем жизнь понемногу наладилась. Ко мне приехала из Риги Евдокиюшка³ и тоже стала работать в Академии:⁴ я — в Научном отделе, она — в Баролаборатории. Я получил две комнаты в новом доме Академии, мы оформили свой брак. Здоровье Евдокиюшки улучшилось.

Думаю, что именно в связи со всем этим во мне как-то сама собою проснулась память о Воле. Я узнал через адресный стол его домашний адрес и написал ему. Он откликнулся немедленно — сердечным, родным письмом.

Так началась наша переписка.

Ленинград, 2 дек. 1953.

Дорогой мой!

Не могу Тебе сказать, как Ты меня обрадовал! Сколько раз, проезжая мимо Академии, я вспоминал то общежитие, с окнами на Нижегородскую, где я у Тебя бывал. Я помню и дом ваш * и бабушку, которую так берегли, и папу, который учил меня глубинной посадке картофеля и сам делал сахарин. Я помню Твою чудесную маму, и как она пошла в учительницы, и как любила детей, и Женю (т. е. Евгению Сергеевну)⁵ очень хорошо помню. Вы были похожи друг на друга, оба румяные и немного круглолицые. В вашем доме мне нравилось все, решительно все: и просторные комнаты, где мало вещей, и окна в сад, и крыльцо. Я помню даже плов из баранины и риса — несмотря на голод, гостепреимство было русское. В Твоей комнатухе Ты мне показывал Эккартсгаузена.⁶ Теперь мы уже ни во что не верим, но тогда верилось в многое, и вспоминаю я это время как далекое детство.

Да, мы и переменялись, и нет. Я все так же люблю жизнь, но не люблю тех отвлеченностей, которым мы тогда предавались. Я стал любить все обыкновенное, самое обыкновенное и простое.

Последнее, что я помню о Тебе, это письмо из Новозыбкова.** Верно? С тех пор ничего, и вдруг такая радость!

Про себя могу сказать, что в жизни я, вообще говоря, был счастлив. Я тоже женат вторично,⁷ у меня трое детей,⁸ которых я нежно люблю. Старшей дочери уже 29 лет, а мне 58. У меня был инфаркт, сердце надорвано, и я полуинвалид, но духом и умом пока бодр.

Но не стоит говорить о себе. Лучше нам повидаться и все друг о друге рассказать. У меня сейчас больна жена, и потому мне лучше приехать к Тебе, если это можно. В субботу вечером я буду занят, а в воскресенье я свободен. Я приехал бы к Тебе часов в 5, часика на два. Если не можешь — черкни. Звонить в Университет бесполезно, т. к. телефон внизу, а я работаю наверху, и никто не пойдет меня звать. Если это тебе неудобно, я буду ждать Тебя у себя в субботу днем или в воскресенье утром.

Твой Воля.

Ленинград 40, ул. Марата 20, кв. 37.

Запись в моем дневнике от 5.XII.1953.

На следующий день Воля действительно был у меня — невысокий, крепко постаревший и ссутулившийся, в очках, которые дужкой оправы дают ему на нос и затрудняют отток крови, — но все такой же милый, с интенсивной внутренней жизнью, со спокойным, глубоким взглядом своих ясных карих глаз, с глубокой дружественностью своего отношения ко мне... Он пробыл у нас около двух часов,

* В Лесном.

** Я был в Новозыбкове в 1918 г. в составе 5-го Экспедиционного санитарного отряда Красной Армии.

поужинал с нами... а затем вскоре письмом (от 15.XII.53) позвал нас к себе:

Ленинград, 15.XII.53.

Дорогой Витя!

мне очень хочется повидать Тебя и Евдокию Ивановну. На неделе это никак не выйдет, т. к. перед экзаменами я занят сверх меры каждый день. Но в воскресенье я свободен, и если Ты вечером, вокруг семи, сможешь побывать у нас вместе с женой, мы будем очень рады. Моя жена, Елизавета Яковлевна, также ждет вас. Если можете быть — никаких писем не надо. Если заняты и не можете — черкни строчки две.

Любящий Тебя

Воля.

Мой адрес: улица Марата 20, кв. 37. Дом — против Колокольной. Если ехать трамваем № 9 (22, 28, 34), сходить у Кузнечного. Если автобусом — у Владимирского собора и подняться по Колокольной. Второй двор, налево, первый этаж. Трущобным видом двора не смущайся.

Запись в моем дневнике:

В намеченный день Евдокиюшка не могла быть, и я ездил к Воле на улицу Марата один. В беседе с ним я узнал, что им закончен большой труд, над которым он работал последние 10 лет, — о русском героическом эпосе.⁹ Труд этот должен быть издан Университетом.

Из этого посещения я вынес хорошее чувство, вызванное соприкосновением с чистой и глубокой личностью.

Письмо Воли:

27.XII.53.

Дорогой Витя!

Ты меня глубоко тронул тем, что как друг и как врач понял мое депрессивное состояние в связи с предстоящим обсуждением моей книги. Могу Тебе теперь сообщить, что она прошла более чем благополучно. Постановлено книгу включить в план издательства 1954 года, назначен ответственный редактор, установлены сроки. Критических замечаний почти не было, а те, какие были, были дельные. Самое тяжелое для меня всегда — это непонимающая глупость с повадками безапелляционной авторитетности. У меня это всегда вызывает сжатие мысли и сосудов и полную неспособность реагировать. Этого не было совсем, а было глубокое, настоящее понимание и полное признание. Депрессия начинает проходить.

До 23-го января я сплошь экзаменую. Знаю, что и Ты в это время занят. После 23-го я зайду к Тебе совсем запросто, если позволишь — с аппаратом,¹⁰ т. к. у меня чешутся руки снять Тебя в Твоих комнатах, снять Евдокию Ивановну, увековечить Твои пейзажи.¹¹

Твой Воля.

2 февраля 1954 г.

Дорогой друг мой, Волюшка!

Сегодня получил Твое письмо, придя домой среди дня с работы. Как отраднo, что мы снова общаемся друг с другом!

А я прихворнул и теперь несколько дней буду дома. Уже недели две чувствовал себя неважно, но изо всех сил старался дотянуть до окончания отчета за 1953 год. Остался какой-нибудь день, да и то неполный, а я все же не выдержал и среди дня должен был сегодня уйти домой. Ну, все по существу уже сделано.

С великой радостью буду Тебя ждать к себе! Вот если Ты смог бы прийти в пятницу 5-го февраля часов в 8 вечера, — это было бы очень хорошо!

Я буду один, т. к. Евдокия Ивановна вечером будет на занятиях. Мы с Тобюю побеседуем о многом. Если Тебе почему-либо будет неудобно в пятницу. — приходи вечерком в субботу или в воскресенье.

Крепко жму Твою руку!

Привет домашним, которые мне очень понравились.

Твой Виктор.

Если сможешь, привези мне на память свою фотокарточку.

17.III.54.

Дорогой Витя!

Мне очень хочется Тебя повидать. Я теперь совсем свободен, переделку книги кончил полностью. Если можешь, приходи к нам с Евдокией Ивановной в воскресенье вечером. Мы были бы очень рады.

Я скучаю о Тебе. Как Твое здоровье? Мое, как только я перестал работать, сразу дало скачок вверх.

С нетерпением буду ждать Твоего письма.

Твой Воля.

1 мая 1954.

Дорогой мой Витя! Из того, что я Тебе пишу 1 мая, Ты можешь заключить, что раньше писать не мог, а теперь наступил праздник, и я решил все отложить, кроме радостей жизни. Было много возни с книгой, но теперь я уже снес рукопись в издательство; читал диссертации, дипломные и курсовые работы, писал срочные рецензии на огромные рукописи. И сейчас еще лежат две диссертации, но они не так срочны. Я волен и не читать, не работать, т. к. никто меня не неволит; служебного времени нет, но это еще хуже: создается психическая нагрузка, сознание бремени, которое лежит на мне почти всегда. Но сейчас я вырвался <...>. Я свободен от всяких служб и дел в четверг 6 мая. Если этот день Тебе удобен, я буду Тебя ждать примерно в 7.30. Жена тоже будет дома. Ты расскажешь мне про

свадьбу Твоего сына.¹² На днях мне исполнилось 59 лет.¹³ Да! Жизнь идет. А все-таки было хорошо пожить, и сейчас еще неплохо.

Жду Тебя, мой друг, тогда наговоримся.

Твой Воля.

(В Таллин, Козе 13, 106-й Дом Отдыха Флота, куда я ездил по путевке из Академии).

Разлив, 24.VII.54.

Дорогой мой Витя!

Мне очень любопытно было получить Твое письмо. Жаль, что Ты не увидишь красот Зегевольда и Вольмара. Впрочем, может быть это для Тебя и не прошло. По Твоему письму я очень хорошо представляю себе, как Ты живешь. В будущем году я вероятно буду жить в том же роде. Эстонцев я вообще люблю. <...>

Я проявил и напечатал Твой (т. е. мой) портрет, но вышло плохо, не посылаю.*

Сын мой нагнал на меня большую тревогу. На мед. осмотре обнаружили повышенное давление и повышенную температуру. Теперь он выздоровел, но осталась большая слабость, а надо учиться. Какое мученье для наших детей эти непрерывные экзамены. Ни один из преподавателей, дальше своего предмета ничего не знающих, не выдержал бы того, что требуют от наших детей. Я знаю, что вопрос об этом уже ставится в «сферах», но пока он найдет свое разрешение наши дети калечатся. Один из его товарищей, тоже поступивших на хим<ический> ф<акультет>, на днях ночью скоропостижно умер. Я сына оберегаю, как могу.

Желаю Тебе хорошо отдохнуть! Елизавета Яковлевна жаждет увидеть мой портрет.

Твой Воля.

21 июня 1954.
(Разлив)

Дорогой Витя!

Наши с Тобой мысли опять встретились. Я все время чувствую разлуку с Тобой и часто о тебе вспоминал. У меня тоже много событий: сын кончил школу, у дочери родилась дочка,** на книгу подписан договор, и о ее будущем выходе пропечатали в нашей университетской газете. Только вот экзаменую я до одурения почти каждый день часов до 5—7 вечера. В перерывы езжу на дачу. Сейчас пишу Тебе с дачи. Встретиться здесь до 1.VII — чистая утопия. Меня очень устраивает Твой проект увидеться в первых числах июля. Отпуск у

* Летом 1954 г. я раза три ездил в Разлив к Воле на дачу и написал маслом его погрудный портрет, который для себя называл «Портрет друга».

** Дочь Мусеньки Танечка.¹⁴

меня с 1-го, 2-го получу зарплату, а потом я вольная птица на 2 месяца.

Пока я намечаю быть у Тебя с аппаратом 30.VI вечером или 1-го вечером. Можно и 2-го. Пока еще точно не могу сказать, как все сложится. Можно и 7-го, когда начнется отпуск у Тебя. Одним словом — скоро увидимся.

Передай мой сердечный привет Евдокии Ивановне. Я жажду видеть ее снимки. Скажи ей, что я хотя и экзаменатор, но глубоко сочувствую бедным экзаменуемым (точнее — истязаемым).* Студенты меня одобряют, а администрация косится за либерализм. Но я знаю что делаю, когда ставлю 5, 4, 3 и 2.

До скорого свидания!

Твой друг
В. Пропп.

20 сент. 1954.

Дорогой мой Витя!

Как хорошо, что Ты мне написал! Когда Ты от меня ушел, я вдруг как-то испугался за Тебя. Пока мы оживленно беседовали, я не так замечал Твой одышки, а когда Ты ушел, меня вдруг будто чем-то стукнуло: Твоя одышка мне сильно не понравилась, и я пожалел, что так отпустил Тебя, надо было дать Тебе сына в провожатые. Я думал, что Тебе станет хуже от вылазки ко мне с тяжелым пакетом.** Теперь оказывается, что все в порядке, что Ты уже на работе, по письму видно, что Ты вполне бодр. У меня камень с души. Я хотел Тебе писать или заехать к Тебе, но Ты меня опередил.

Мы с Елизаветой Яковлевной говорили о Тебе. Она Тебя понимает и одобряет. Твоя живопись ей нравится без всяких «но». Наши вкусы с ней сошлись. Лучшими она считает портрет Тонкова, Смольный с Невой и серебристый тополь. Кстати: проезжая на автобусе мимо Дома Офицера, я прочел, что там открывается выставка художественной самодеятельности военных. Прием до 1 октября. Может быть, ты захочешь выставиться? По-моему, стоит и следует. <...>

Как только надумаешь притти к нам — черкни открыточку. Ты у нас, как свой <...>.

Твой Воля.

20.X.54.

Дорогой друг, — Ты не будь на меня в обиде, что я так долго Тебе не отвечал. Никак было не собраться. У меня на столе и рояле несколько тысяч страниц, которые надо отредактировать, отрецен-

* Е. И. в то время училась на вечернем отделении Педагогического Института им. Покровского.

** Я приносил показывать свои летние этюды, таллинские.

зировать, проверить и т. д. Это какой-то кошмар, от которого я не сплю. У меня уже делается почти хроническая мигрень.

Как я реагирую на Твое решение?* Вот как: я Тебя от всей души поздравляю. Поздравляю Тебя с тем, что хоть под старость Ты будешь свободен, волен, можешь жить творчески. И если раньше еще могли быть сомнения хорошо ли Тебе будет, не имея прямых обязанностей, то теперь, когда Твое здоровье очень пошатнулось, не может быть уже никаких сомнений, и можно только порадоваться за Тебя, что Ты имеешь возможность поступить так, как Ты поступил.

Вернулась из Халлила наша племянница. Она познакомилась там с Евдокией Ивановной, говорит, что она чувствует себя хорошо. Весела и жизнерадостна.

Где Ты сейчас? Я очень, очень соскучился о Тебе, мечтаю Тебя повидать. Хочу к Тебе, буду ждать Твоего сигнала.

Когда Ты уйдешь в отставку, мы будем видеться чаще, запросто. Что у Тебя нашли? Как только Ты выйдешь на свободу, Ты от одного только удовольствия вольно дышать сразу выздоровеешь.

Целую тебя крепко.

Твой Воля.

18 (?).XII.54.

Дорогой мой Витя!

Пишу Тебе это, лежа в постели. Я таки свалился, не выдержал до конца. Сперва было худо с сердцем, продержали дома неделю, теперь с кишечником. Говорят, что может быть дизентерия, а может быть и нет. Держат на карантине.

Зато отдыхаю душой и вот могу спокойно написать Тебе письмо. Ты спрашиваешь, как нам у вас понравилось.** Что до моей жены, то я ее ревную к моему vis-à-vis за столом***, которого имени я не помню, так как у Тебя было в достаточном количестве Цинандали, оно же Грузинское № 1, на которое я и налегал вместе с православной, минуя сладостно-ароматические вещества нашего Востока. Я ушел в прекрасном настроении, но имен уже не помню. Так вот она и пленилась и его рассказами о Ферсмани и автозаводе, а мне рекомендовала поинтересоваться его женой. Но я к ней остался совершенно равнодушен.

Об угощении и говорить нечего. Так я хотел бы ужинать каждый день! Поблагодари, пожалуйста, милейшую Евдокию Ивановну от моего имени и от имени Елизаветы Яковлевны за гостепреимство и теплоту. Увы! Сейчас меня держат на протертых кашках, и аппетитные салаты для меня теперь превратились в воспоминание о прошлом и мечту о будущем. Зато я познал сладость полного безделья

* Выйти в отставку.

** Воля был у нас с Елизаветой Яковлевной на дне моего рождения.

*** Георгий Алексеевич Васильев, хирург, интересный человек и блестящий рассказчик. Встречался с академиком А. Е. Ферсманом на Кольском полуострове, когда работал в г. Кировске.

и душевной беззаботности. С меня теперь ничего не возьмешь — никаких рецензий, отзывов и пр. и пр. Если тебе не пишется, не надо, не пиши, отдыхай. С нового года начнет светлеть, тогда и настроение будет другое.

До нового года я Тебе еще напишу.

Твой Воля.

31.XII.1954.

Дорогой мой Витя!

Последний раз я пишу 1954. Поздравляю Тебя и Евдокию Ивановну с Новым Годом! Желая Тебе только одного: чтобы Ты в этом году освободился и мог бы предаться своему любимому делу, к которому Тебя ведут и склонность, и талант. Успехи придут сами. Только бы здоровье не подкачало. Все, что Ты пишешь, мне было очень интересно. Отзыв художника, который видел Твои работы в Выборгском Д. К., меня нисколько не удивляет. Важно то, что он профессионал и понимает дело с технической стороны, а мы, любители, судим только по впечатлениям. Твое стремление еще учиться, читать и совершенствоваться, мне глубоко понятно: это знак горения, творческого движения вперед. Как я счастлив за Тебя, и как бы мне хотелось, чтобы Ты вынес удовлетворение! Темперамента у Тебя хватит.

Я, конечно, большая свинья, что так долго не отвечал Тебе. Но, помнится, в одной из наших бесед мы установили, что друг — это тот, на которого Ты никогда не сердисься. Так вот, Ты на меня не сердись! Внутренняя причина была в том, что я болел и всякая инициатива, даже самая маленькая, мне была трудна. А внешняя — я не знал до вчерашнего дня своего расписания на январь, а также расписания моей жены. Теперь я знаю. Мы будем ждать Тебя с Евдокией Ивановной в среду, 5-го января 1955 года (на этот раз проверено по календарю) этак часов в 8. Гостей не будет, только вы. С 6-го у меня начнется экзаменационная каторга. Итак: ждем! Я совсем выздоровел и по случаю того, что у меня будет 2—3 дня роздыха, и что надо мной ничего не висит, и что уже не надо так ужасно напрягаться, — я в прекрасном расположении духа. В таком расположении я буду до 5-го числа включительно и в таком расположении буду ждать вас.

Новый год будем встречать без елочки и без молодежи — они устраивают без нас. За них я рад, но без них скучновато.

Сердечный привет Евдокии Ивановне. Ждем!

Твой Воля.

20.I.55.

Дорогой мой Витя!

Письмо Твое я получил вовремя, но на выставку не пошел. Мне не только на выставку, но даже побриться некогда. Я получил корректуру своей книги,* причем всей сразу (555 страниц) с совершенно

* «Русский героический эпос».

сумасшедшим графиком, невыполнение которого вызовет простой машины и соответствующие неустойки. Поэтому, когда я не экзаменую, я день и ночь правлю. Уже сделал половину, притом в срок. Кроме того, в начале февраля меня вынуждают выступить с докладом о 50-летию революции. А когда готовиться, об этом не говорят. Кроме того — ну, хватит и этого. Не предвижу, когда начнется передышка, вероятно, в начале февраля.

Коненкова¹⁵ я давно люблю и знаю. В Москве лет 35 тому назад я был в его мастерской, видел его стариков-лесовиков, вырезанных из деревянных колод. Не забыть вовек. У меня есть номер «Аполлона» со статьей о нем и с иллюстрациями. Когда приедешь ко мне, я покажу Тебе.

Я мечтал забежать к Тебе как-нибудь хоть на полчаса, но сейчас не выйдет. Экзамены кончатся в субботу, будет немножко легче, но тогда я засяду за доклад. Да, попал я в переделку! Но зато хоть интересно править книгу, делаешь вещь, которую можно взять руками!

Кланяюсь низко Евдокии Ивановне и желаю Вам обоим здоровья.

Твой Воля.

В тот день, когда я Тебя звал, приехала неожиданно сестра Альма,¹⁶ которая Тебя хорошо помнит и кланяется Тебе.

Репино 14.II.55.

Дорогой мой Витя!

Не удивляйся! Я в Репине, в здравнице. До 12-го я был все так же занят. 12-го читал свой доклад, сделал последнюю корректуру своей книги, 13-го вечером думал к Тебе, но помешали — пришли, а с 14-го я совершенно свободен. Студенты на практике, и я месяц гуляю помимо отпуска. Сейчас я в здравнице, здесь солнце, снег, воздух, тишина... Буду здесь до 9-го марта.

Тебя от души поздравляю,* как бы хотел Тебя видеть! Видно, придется отложить до возвращенья. Теперь я могу постричься, сходить в баню, отдышаться и притти в себя.

Пока пишу Тебе только это! Привет Тебе и Евдокии Ивановне. Я здесь уже сделал 50 снимков.

Для Тебя начинается новая жизнь, и я всей душой с Тобой. Талант всегда найдет себе дорогу — так и Ты.

Целую Тебя крепко.
Твой Воля.

Мой адрес:
Репино. Просп. Репина 46.
Здравница «Репино», корп. 1, комн. 11.
Писать можно и на дом, мне привезут.

* С увольнением в отставку.

Репино, 19 февр. 1955.

Дорогой мой Витя!

Как медленно подвигается дело Твоей отставки! Надеюсь, что в марте ты навсегда освободишься от служебного долга и перейдешь целиком на творческую работу. Твою идею создания портретной галереи недаром встретили аплодисментами! Но я хочу Тебе сказать вот что: по Твоему совету я с женой урвал часа два и побывал на выставке в Академии Художеств. Там много пейзажей. Жена сказала: у Шабунина есть вещи лучше, а я сразу это подтвердил. Не оставляй искусства пейзажа, в них настроение, душа; портрет проф. Тонкова всегда будет портретом Тонкова, а пейзаж Шабунина будет пейзажем Шабунина, а не кого-нибудь. Ты и сам, наверное, после портретов захочешь к воде, березкам, болоту, небу. Одним словом, будь вроде Репина!

Здесь я отдыхаю всем телом, а душой меньше. Сын болен ангиной, и мне иногда кажется, что надо было бросить здравницу и ехать домой. Скучаю по дому. Обещала навещать дочка. Но мне и самому приходится наезжать в город, т. к. отпуска я не имею. Эти поездки меня очень утешают. Как только вырвусь, приду к Тебе. Здесь я ничего не делаю, кажется, в первый раз в жизни.

Низко кланяюсь Евдокии Ивановне и желаю ей скорее полностью завладеть мужем, чтобы не ходил в Академию!

Твой друг Воля.

15.IV.55.

Дорогой мой Витя!

Я за Тебя в большой тревоге. Все ли у Тебя благополучно? Напиши мне пожалуйста. В последний раз Ты дышал плохо. Я боюсь зайти к Тебе, чтобы не притти некстати. Напиши мне о своем состоянии. Можно ли заглянуть к Тебе запросто на полчаса? Если можешь, приходи ко мне, я соскучился об Тебе. Занят я бываю по средам вечером всегда, по четвергам и пятницам иногда. Одним словом, время и место нашего следующего свидания зависит от Тебя.

Держи свободным 1-ое мая. В этот день мы будем ждать Тебя с Евдокией Ивановной. Мне исполнится 60 лет, а жене 50. Много? Теперь я более свободен, чем в 1 семестре, а Ты тем более. Хочется теперь видаться почаще.

Одним словом — с нетерпением жду Твоего письмеца.

Твой Воля.

(На конверте моя пометка: «Поехал к нему в тот же день»).

<4 или 5 мая 1955>

Дорогой мой Витя!

Празднование моего юбилея ¹⁷ состоится в пятницу (так!) шестого мая (так!) в семь часов вечера. Университетская набережная 11, Филологический факультет, 3-ий этаж, аудитория № 30, она же кабинет русской литературы. Я на Твоем чествовании не был, но для меня была бы большая радость, если бы Ты был на моем.

Я написал бы раньше, но не знал часа. Вывесили только вчера.

Твой Воля.

Запись в моем дневнике.

7.V.1955.

Вчера в Лен. Гос. Университете, на филологическом факультете состоялось чествование Воли в связи с его 60-летием. Кабинет русской литературы (= аудитория № 30) был полон, часть присутствующих даже стояла. Было до 12-ти выступлений, в том числе от Пушкинского Дома, от 1-го Института иностранных языков, от Инст. имени Герцена, много выступлений от Университета...

Была оглашена часть из добрых двух десятков поступивших телеграмм, в том числе телеграмма от Жирмунского,¹⁸ от Адриановой-Перетц,¹⁹ от Эйхенбаума ²⁰ (товарища юности)...

В своем большом и умном ответном слове Воля говорил о том, чем был для него Университет. Вспомнил своих учителей, своих товарищей, часть которых стала видными учеными. Говорил, что в их кафедре работать легко и дышать легко. С теплотой говорил о том, насколько его поднимает общение со студентами и молодыми аспирантами. Сегодня я написал ему следующее письмо:

7 мая 1955.

Утро.

Милый, дорогой мой Волюшка!

Пишу Тебе под свежим впечатлением вчерашнего Твоего чествования в связи с 60-летием.

Хорошее было чествование — теплое, простое, искреннее, лишенное всякой шумихи! Я сидел «в гуще» студенчества (а может быть и молодых аспирантов) и мог в самой непосредственной близости наблюдать их отношение к Тебе — по выражениям лиц, по горячим, бурным аплодисментам. Справедливо говорили вчера, что Твой юбилей был праздником для собравшихся: я это испытал на самом себе в полной мере!

Но есть еще одна сторона во вчерашнем собрании: оно помогло мне глубже понять и оценить Твое значение, как ученого, в изучении народного поэтического творчества. Это собрание показало мне, как широко признан Ты в качестве одного из наших ведущих ученых-фольклористов. И особенно волнующе прозвучали голоса студентов и бывших Твоих учеников, благодаривших тебя за то, что Ты научил

их видеть красоту народных сказок и былин и любить народное творчество.

Да, мой друг, я думаю, что для того, чтобы сделать что-нибудь значительное в изучении фольклора, нужно было обладать Твоими качествами: нужно было любить народ, глубоко — всем сердцем и сознанием — постигать эстетическое и этическое значение его творчества, чувствовать высоту этого творчества, если хочешь, — даже преклоняться перед ним в какой-то мере. Это значит, что нужно было быть не только человеком мысли, но и человеком большой живой души, чуткой ко всему прекрасному и высокому. — Уж позволь мне один раз быть откровенным в своих высказываниях!

Мне кажется бесспорным, что Ты нашел настоящее дело своей жизни в изучении фольклора. И фольклор нашел в тебе своего талантливое исследователя. А мы все от этого много выиграли!

Дорогой мой! Я непременно, непременно хочу иметь Твою книгу, как только она выйдет из печати, и очень бы хотелось — прямо из Твоих рук и с Твоею надписью. Она явится одной из самых моих больших семейных ценностей.

И еще два слова. Вчера, когда Тебе стали подносить одну за другой корзины цветов, то их сначала попытались ставить на стол перед Тобой. Но этим Ты был загорожен от собравшихся, и цветы перенесли к стене. Получилось, что мы видели тебя на фоне цветов. — И у меня там же родилась мысль написать Твой портрет в той одежде, в которой Ты был вчера, и на фоне поднесенных Тебе цветов, т. е. так, как Ты запечатлелся вчера в моей памяти. Это будет попыткой создать воспоминания о Твоем юбилее, — и это будет поэтическим портретом. И, разумеется, этот портрет был бы уже для Тебя!*

Я думаю, что при всей весьма вероятной его слабости он будет для Тебя приятен, как память обо мне: ведь никто, кроме меня, из присутствовавших вчера на Твоем юбилее, этого сделать не может и не сделает!

Крепко Тебя обнимаю, мой старый, мой дорогой друг!
Все мои лучшие пожелания с Тобою!

Твой всегда Виктор.

11.VI.55.

Дорогой мой Витя!

Теперь могу Тебе окончательно сказать, что в Новгород ехать нам не придется.** Когда после спада воды пошли в дом матери нашей предполагаемой хозяйки, то оказалось, что он сильно пострадал и жить в нем пока нельзя. Все мокрое, набухло и не закрывается

* К сожалению, тогда портрет остался ненаписанным: квартира Воли была слишком темной. Свой замысел я осуществил несколько позже: в начале 1956 года, у меня на ул. Смирнова, для чего он приезжал позировать восемь раз.

** Мы много лет мечтали с Волей поехать куда-нибудь вдвоем, в частности, в Новгород. Но всегда что-нибудь мешало. Так нам и не пришлось отдохнуть вместе.

и пр. Требуется длительная просушка, а затем ремонт. Это очень жаль, т. к. я сейчас устал и был бы в настроении ехать и освежиться.

Надеюсь на той неделе (скорее всего что в среду) забежать к Тебе.

Моя книга поступила на склад и скоро выйдет. М. б., на той неделе.

До скорого свидания!

Твой Воля.

(Из здравницы «Репино»)

<11.VII.55>

Дорогой мой Витя!

Я, конечно, очень перед Тобой виноват, что оставил Тебя без известий, не заходил <...>. Дело в том, что я со дня на день ожидал выхода в свет книги и хотел придти к Тебе с торжеством. Но книги нет и нет, и я уже накануне отъезда зашел к Тебе, чтобы попрощаться, а Ты уже уехал. Книга же не выходит в продажу потому, что типография выполняет срочный правительственный заказ — отправляет учебники. Обязательные экземпляры уже разосланы, она уже есть в библиотеке Академии Наук.

Где Ты? Напиши мне хоть кратенько. Я опять в Репине, здесь спокойно и хорошо.

Пишу Тебе это, сидя на почте, а за моим пером со злобой следят ожидающие очереди.

Пиши! Здесь такая отрада получать письма! Ты хотел и сам приехать навестить меня. Я пробуду здесь до 30-го июля.

Твой Воля.

Ленинград, Курортный район Репино,
здравница «Репино», корпус 1, палата № 12-В.
Привет от меня Евдокии Ивановне.

(В Дом Отдыха «Звенигород»)

15 авг. 1955.

Дорогой Витя!

Читал Твое письмо с наслаждением от слова до слова. В одном только я оконфузился. Из письма Евдокии Ивановны я понял, что она уезжает к Тебе, и потому на ее письмо ей не ответил. Сейчас она, наверное, с Тобой, и Ты передай ей от меня извинение в моей невольной неужливости.

<...> Я с Тобой не согласен, что Ты пишешь медленно. Ты пишешь феноменально быстро; но Ты изголодался по искусству и потому пишешь жадно, и Тебе все кажется, что можно бы еще быстрее, а быстрее уж нельзя. Я думаю, что скоро Ты начнешь писать медленнее. Я понимаю и разделяю Твое стремление к колоритности.

Всякий портрет есть (или должен быть) и картина. Он может быть предложением для симфонии красок, которая радует глаз и вызывает ощущение счастья <...>

Я в городе, сижу над текстологической работой (редактирую сказки Афанасьева)²¹ с большим наслаждением. Увы — я филолог! Ничего нового я уже не создам, да и не стремлюсь. Полезен еще могу быть и радости жизни еще понимаю, и то хорошо.

Целую тебя сердечно, привет и 10 000 извинений Евдокии Ивановне! Постараюсь свою вину искупить.

Твой Воля.

9.XI.55.

Дорогой мой Витя!

<...> Я приду к Тебе в воскресенье 20.XI между 7 и 8 часами. Елизавета Яковлевна очень благодарит, но она сейчас никуда не ходит, она застревает с диссертацией²² и считает каждый час. Сроки довольно грозные.

Я с удовольствием посмотрю теле-передачу, но и еще с большим удовольствием посмотрю на Тебя и на Твои картины. От телевизора глаза болят, а от живописи выздоравливают — от радости глядеть.

<...> Эти два дня я Тебе не писал, т. к. был не в форме, валялся на диване.

Сердечный привет Евдокии Ивановне.

Целую обнимаю.

Твой Воля.

Дорогой Витя!

Анонсирую Тебя, что я буду у Тебя в пятницу 27 января примерно в 11.30 (в зависимости от транспорта), бритым, при галстукке и вполне трезвым.* Позву предоставлю полностью Тебе.

Предвкушаю совместное с Тобой пребывание. После каникул я буду занят, кроме вторника и четверга, еще по средам. Четыре дня в неделю я буду свободен, так что торопиться нечего, не обязательно кончать работу в каникулы.

В избежание шуток почты посылаю письмо заказным.

Будь здоров, скоро увидимся!

Твой Воля.

23.II.56.

Дорогой Витя!

Чувствую и знаю, что Ты на меня сердит, но Ты, дорогой, не сердись! Надул я Тебя потому, что ошибся в расчетах: зубной врач

* Для позирования. Я начал писать его портрет 27.I.56 и окончил 11.III.56.

отпустил меня не в 10.30, как я рассчитывал, а в 12.20. Ехать к Тебе с проспекта Римского-Корсакова с пересадкой уже не имело смысла.

Чтобы впредь Тебя не огорчать, я вижу только одно средство: единственный день, когда не может быть заседаний и пр. и пр. — это понедельник. <...> В ближайший понедельник буду в 11.30.

Чувствую, что Ты уже перестал сердиться.

Мне поставили три коронки сразу. Я думал, что коронки надедут — и все. А тут меня заставили держать их пальцем и сидеть в кресле, а сам уходил, кажется, завтракать. Потом меня два раза кормили кашей из гипса и тоже заставили сидеть, разинув рот. Сидеть моделью легче!

Зато теперь буду есть бифштексы и огурцы.

Я чувствую, что теперь Ты совсем перестал сердиться и даже рад за меня.

Твой друг
Воля.

23.IV.56.

Дорогие Витя и Евдокия Ивановна!

Мы с Елизаветой Яковлевной будем ждать вас во вторник (проверено!) первого мая часам к 8 вечера на наш ежегодный семейный праздник. Никого, кроме нас и вас не будет! Очень, очень ждем и зовем.

Твое письмо я получил. Надеюсь, что на педагогическую работу Ты не пойдешь. Педагогом интересно быть в средней школе, а в высшей преподаватели подобны крысам в «ревизоре»: пришли, прочитали лекцию и ушли прочь. Общение Тебе теперь нужно с художниками, а не со студентами. Я по-прежнему до пределов устаю, едва таскаю ноги. Работы даже не всегда бывает с избытком, но изнуряет то, что над душой всегда висит что-нибудь недоделанное. Завтра придут два дипломанта, а я еще не начинал читать их работ.

Теперь я думаю, что мне легче станет с 1 мая. За это Ты должен выпить 1 рюмку водки.

Рецензию²³ я читал еще до ее появления. За нее Ты должен выпить 1 бокал шампанского!

Пока можешь больше не пить, а возобновить это занятие с 1 мая. Крепко жму руку. Евдокии Ивановне сердечный привет.

Твой Воля.

Черкни мне пожалуйста, что Ты письмо получил, чтобы я был спокоен.

(На конверте моя пометка: «Ответил тотчас 24.IV.56»).

25.V.56.

Дорогой друг, Ты меня очень обрадовал своим письмом. Коротко: дача у нас снята в Тарховке, вещи уже свезены. У нас верх из двух комнат, кухни и балкончика. Бывать почти не приходится, т. к.

по-прежнему занят по горло. Думаю, однако, ехать в воскресенье утром (27 мая) на два дня. Но это еще не наверняка. Ты зайди к нам в субботу вечером показать новейшие работы и договориться.

Твой портрет решительно всем очень нравится. Он временно висит у меня на стене над дверью, т. к. это единственное место в деревянной стене, куда можно было вбить гвоздь без помощи пробойника. А для пробойника пока нет времени.

На даче я снимал лес с лужами, подснежники под елкой и вербы в воде. Красок пока мало, но вообще для открытого глаза красоты на каждом шагу.

Надеюсь — до скорого свидания.

Твой Воля.

Запись в моем дневнике:

10.XI.1956. По возвращении после летнего отдыха в Ленинград я принял участие в выставке работ военных художников Ленинградского гарнизона, организованной Домом Офицеров. <...> В окружной военной газете «На страже родины» за 21.X.56 корреспондент М. Пинич поместил заметку об этой выставке, содержащую следующие строки: «...Полковник В. Шабунин представил на выставку ряд портретов и пейзажей. Особый интерес вызывают его портреты. Выразительные лица офицеров — товарищей по службе, полный мысли и человеческого обаяния образ профессора В. Я. Проппа. Портреты <...> являются одними из лучших экспонатов выставки...»

10.I.57.

Дорогой Витя!

Я, конечно, свинья, что не ответил Тебе на Твое новогоднее письмо. Это произошло потому, что я сам хотел придти поздравить вас, но не хватило ни времени, ни пороха, все завтра — и так 10 дней. Спасибо Тебе за приглашение на Ива Монтана,²⁴ но в этот вечер мы были заняты срочной работой. Я экзаменую до потери сознания. Экзамены длятся до 2—4 часов, но вечером после этого я уже не гоюсь никуда, даже пальто лень надеть, хочется только лежать. Последний экзамен у меня 15-го, и после этого я к Тебе приду за просто и неожиданно, отдохнуть душой и телом. <...>

Спасибо, что не забываешь меня и на меня не обижаешься.

Твой друг

Воля.

Сочувствую Евдокии Ивановне. Много ли еще у нее экзаменов? Что до меня, то я уже ничего выучить не могу и не желаю!

28.I.57.

Дорогой Витя!

Мы будем у Тебя в среду в 5 часов, и Ты нас сведешь на выставку. У Тебя мы не задержимся и пальто снимать не будем, а сразу

пойдем на выставку, т. к. вечером у меня будут аспиранты и задержаться мне нельзя. Это не то, что Ты предлагаешь, но так нам лучше. Если Ты не можешь, то черкни. Молчание будет означать знак согласия.

Аппарат, молнию и широкоугольный объектив я прихвачу и надеюсь на успех.

Мы с Елизаветой Яковлевной жаждем видеть всего Шабунина.

Твой Воля.

(Речь идет о моей персональной выставке в клубе В<оенно>-М<едицинской> Академии в январе 1957 г. Было выставлено 50 работ: 16 портретов и 34 пейзажа. Воля снял все экспонаты).

29.X.57.

Дорогой мой Витя!

Я тоже болен гриппом, но без осложнений, как Ты. Вчера установилась нормальная температура. Одолевает слабость, апатия, ничего не хочу делать. Это только первый шаг к возврату к жизни.

Ты читал неизвестную мне книгу о неизвестном мне художнике. Я тоже читал о художнике и испытывал восхищение: это — мемуары Людвиг Рихтера (род. 1803),²⁵ который рисовал детей, крестьян, немецкие интерьеры с немецким уютом. Настоящий художник всегда совершенно национален. Люблю старину. Читая, понял, как мы все (т. е. во всяком случае я) одиноки. У нас нет привычки после работы ходить друг другу, общаться. У нас только работа, а после нее изменение.

Бедной Евдокии Ивановне достается! Зато жизнь наполнена, и наполнена тем, что составляет главное ее содержание. Привет ей от меня. Моя дочь и внучка²⁶ тоже болели гриппом.

Твой Воля.

Ленинград, 5.XI.57.

Дорогой мой Витя!

Хоть Ты мне писал, лежа в постели, а я уже брожу, но, по-видимому, Твое состояние несколько лучше моего: я чувствую небывалую слабость и апатию, ничего не могу и не хочу. Вследствие этого так долго не отвечал Тебе. Сегодня мне с утра немного лучше. Надеюсь, что у Тебя такого не будет, или что Ты переживешь это в постели.

Я очень хочу Тебя видеть, но пока никуда не хожу, кроме как — через силу — в университет, после чего лежу пластом. Но Ты, может быть, как-нибудь ко мне соберешься запросто, посидеть и поутешить меня.

Мне очень интересно все, что Ты пишешь о Жене.²⁷ Я помню ее студенткой I курса, и она мне очень нравилась. С тех пор я ее не видел. Ты передай ей от меня привет. Конечно, ей лучше бы выйти

на пенсию, но Ты не должен ее и других людей равнять с собой. Хотя Ты свою работу любил и знал, но она все же до некоторой степени была для Тебя тормозом, задерживающим заглушенные способности и таланты. Но я знаю случай, когда, например, артист филармонии, перешедший на пенсию в 72 года и переставший играть в любимом оркестре, смертельно, ужасно затосковал. Такой же случай с одним университетским преподавателем, который никакой исследовательской работы не вел, но был артистом педагогического дела, боготворим студентами. Ушедши на пенсию, не находит себе места, приходит в университет просто так, потому что чувствует себя выбитым из жизни. Со мной такого не будет: я всегда найду себе исследовательскую работу, а также развлечения вроде театров, концертов и музеев, чего я сейчас почти полностью лишен. Но я не могу этого сделать по материальным соображениям: надо еще поднять сына. Да и желания у меня пока еще нет. Лекции читать я тоже очень люблю, и пока еще это у меня выходит.

Я очень за Тебя счастлив, что у Тебя удачно сложилась Твоя новая семейная жизнь <...>

Пишу на машинке, мне это почему-то легче, чем пером, хотя я и понимаю, что письмо, писаное от руки, обладает каким-то ароматом, каким машинопись не обладает. Ну, все равно!

Передай мой сердечный привет женской половине Твоего дома. Может быть, я как-нибудь и забегу, как только мне станет немного лучше.

Твой Воля.

(В Алушту).

13.V.58.

(отправлено 21.V)

Дорогой мой Витя!

Очень рад за Тебя и за Евдокию Ивановну и Таточку,²⁸ что у вас все складывается так хорошо <...>

У меня две радости, одна большая и одна маленькая. Большая радость состоит в том, что я купил пианино, продав стол, чтобы освободить место. Теперь я могу иногда играть. Пианино неважное, но вполне приличное. Другая радость, маленькая, состоит в том, что меня выдвигают в члены-корреспонденты Академии Наук СССР. На две вакансии в Ленинграде выдвинуто 4 кандидата. Но радость эта весьма условна потому, что из ленинградских никто не пройдет, а пройдут московские, т. к. в них больше покорности и они близки к сферам, а мы на периферии вольнодумствуем.²⁹

Я опять в полосе ужасной занятости <...>

Целую Тебя и жду еще писем.

Твой Воля.

(В Алушту).

20.VI.58.

Дорогой Витя! Прости, что так долго Тебе не писал. Как ты знаешь, я бесконечно экзаменую, и вечерами болит голова. Живем мы по-старому. Луиза³⁰ с внуком на даче, а мы пока в городе.

Недавно в книжном магазине меня кто-то окликнул. Смотрю — Твой сын Андрей Викторович! Он в отпуске ненадолго. Я назначил ему день свидания. Он себе записал, но... не пришел. Вероятно, бедняжка, очень занят, разрывается на части. Мне было жаль, потому что он очень симпатичен. Он очень похож на свой портрет!

Писать пока больше нечего, но Ты мне пиши. Скоро (числа 1.VII) я освобожусь, поеду на дачу, тогда буду писать длинные письма.

Я ничего не читаю, но на рояле иногда играю. Неважен именно звук, т. к. хороших вообще нет, они продаются по каким-то неведомым мне каналам, от 10 000 и выше. А мое стоит 4500 и вполне прилично. В комиссионных разбитые инструменты стоят 5000, неразбитые, но плохие — 7000. А мое пианино хотя и не стоит проданного мной рояля, но звук его неплох.

Целую и обнимаю.
Твой Воля.

Кланяйся Евдокии Ивановне и Таточке. Нет ли снимков?

(В Алушту).

27.VII.58.

Дорогой мой Витя!

Я уже давно должен был Тебе написать. Но Твое письмо такое, что оно требует не просто «ответ», а встречное письмо, а на это нужно не только время (время у меня сейчас есть), но и особое настроение. Сегодня оно появилось.

Ты пишешь, что стал бы со мной беседовать по вопросам эстетики. Но я Тебе скажу, что я, как Гете, ненавижу всякую философию. Я признаю только изучение фактов и выводы и обобщения. Это — моя профессия. Все остальное — мнения, тайная пружина которых — видеть мир иным, чем он есть. Мое *sedo*³¹ — чувственное восприятие мира. А сквозь него — умение видеть то, что кроется за вещами, т. е. умение «провидеть». Это и делает художник и писатель. Поэтому я люблю тех писателей, которые описывают реальность, а сквозь эти описания тебе открывается «мир иной», но не мир Мамина-Сибиряка и иных, а Чехова, или Толстого, или Репина. Искусство вне философии. А как только оно сочетается с философией, оно перестает быть искусством. Таков социалистический реализм, который меня до такой степени не трогает, что я лучше буду два часа глядеть в окно, чем читать роман из современности: от них у меня болит голова этак минут через пятнадцать.

Теперь о твоей дочери. Перчитывал с истинным восхищением «Анну Каренину». Вот кто был провидец! (кроме тех страниц, когда он начинает философствовать — но их можно пропустить). В женской природе есть что-то исконно неблагополучное. Очень немногим удастся преодолеть эту свою природу. Благополучие это состоит в неспособности видеть прямо. Собственно женщине в первую очередь нужен самец. Когда его нет, создается величайшая трагедия для женщины. Но когда он есть, она свое мироощущение приписывает самцу. Она думает, что ему тоже в первую очередь нужна самка. Отсюда патологическая ревнивость женщин — вот что сумел провидеть Толстой. Но эта ревность касается не только мужей, но и всего, что связано с своей семьей. Поэтому она ревнует своих детей к детям первого брака. «Мачеха» есть явление, известное фольклору всех народов, но совершенно неизвестен отчим. Это же относится ко всем другим семейным связям. Мне кажется, что дело не в том, что Андрей Твой сын, а Галя³² — дочь своей матери, а в том, что он воспринимает мир так, как свойственно мужской природе, а она — как это свойственно ее женской природе. И если бы у Тебя было 5 дочерей, со всеми было бы так же. Поэтому женские «капризы» надо уважать и понимать. Мнимая трагедия женщины есть самая настоящая трагедия ее. Поэтому Анна бросилась под поезд, хотя ее муж любил ее самой сильной и глубокой страстью, на какую способен мужчина.

Я мог бы еще долго писать в этом роде, но чувствую, что хватит. О нас писать почти нечего. Я со всей семьей живу на даче, Елизавета Яковлевна в городе пишет диссертацию. Это ужасно, но сделать я ничего не могу.

Пиши мне еще. Не тревожна ли обстановка на юге? Сын хочет ехать, дочь тоже, а я в тревоге. Поцелуй ручку Евдокии Ивановне, а Таточку куда угодно.

Твой друг

Воля.

20.XII.58.

Дорогой Витя! Мне кажется, что Ты сейчас живешь дальше от меня, чем летом, когда был в Алуште. Я занят выше головы и очень устаю, но не теряю надежду как-нибудь заехать к Тебе и повидать Тебя. Может быть это даже будет скоро. Каникулы у нас в этом году будут в феврале.

Я неожиданно для себя и других пишу новую книгу — о Гоголе, и о природе смеха и комического.³³

Ну, целую, привет Евдокии Ивановне и Таточке.

Твой Воля.

Запись в моем дневнике:

16.II.1959. Больше всего люблю бывать у Волюшки. Но бываю не часто, учитывая его занятость.

Дорогой Витя!

Ты отгадал. Я забрался в Заманиловку и наслаждаюсь весной. Наслаждаюсь я так: ровно в 7 часов утра сажусь за стол и работаю до 1 часа дня с перерывом на 10 минут, когда хозяйка приносит кipyток, который я пью с сахаром и черствой булкой. С 1 ч. до двух я гуляю по парку или по дорогам. Черные пятна земли на белом снеге, близкие и дальние холмы, бывает солнце, бывают чудесные туманы. В два я обедаю (одно блюдо — густой суп или жидкая каша), потом до четырех отдыхаю от обеда, дремлю с книгой. С 4-х до 7-ми опять работаю, с семи до восьми гуляю, в восемь пью кipyток, как утром, а в девять забираюсь в постель с полубеллетристикой в свете ночника, и с этим я и засыпаю, а с утра все начинается сначала. Чувствую себя при этом превосходно, работоспособность исключительная, но при этом все же не худею, о чем я мечтаю. В городе бываю всегда по средам (семинар) и иногда остаюсь до четверга (ученый совет).

Твой идиллический образ жизни меня очень привлекает, но я начну его, надеюсь, дней через 10, когда кончу работу.

Ко мне Ты можешь приехать всегда. Ты мне не помешаешь. В парке по воскресеньям можно видеть людей с палитрой. Скоро будут уже только белые пятна на зеленеющей земле. У Тебя таких пейзажей пока нет.

Мой адрес: Заманиловка, Садовая ул. дом 119.

Твоим дамам привет. Целую.

Воля.

2.IV.59.

Дорогой Витя! Мой доклад состоится в понедельник, 6-го апреля, в 5 (17) часов, в аудитории № 12 (малый актовй зал) 1-й этаж на-

* Мое пояснение: об этой Заманиловке надо сказать несколько слов. Я о ней узнал раньше, чем Воля; может быть Воля узнал о ней именно от меня: там в 1956 году летом жил Немушка Чирейкин,³⁴ и я там написал его портрет, для чего несколько раз ездил к нему. Но сейчас речь идет не об этом.

Где-то я вычитал, что известный наш художественный и музыкальный критик Владимир Васильевич Стасов любил жить на даче под Петербургом, в Парголово. И название дачного места было указано: Старожиловка. Именно там, на даче Стасова, И. Е. Репин сделал его широко известный портрет в полный рост на ступеньках крыльца, у перил.

Меня заинтересовало, что название «Старожиловка» по своему характеру близко к названию «Заманиловка», да и расположена Заманиловка тоже близ Парголово. Я решил все проверить на месте, поехал туда и в беседах с местными стариками установил, что и сейчас западный, более старый, конец деревни называется Старожиловка. Мне показали и дачу, где жил Стасов. Ее хозяйка еще здравствуют, а сама дача сгорела, — остался лишь фундамент. Хозяйка дома рассказывали мне и о самом Стасове, и о его родственнице — Е. Д. Стасовой, старейшем члене КПСС...

Дом, о котором пишет Воля в письме от 27.III.59, стоит на той же улице, что и бывшая дача Стасова, но метрах в четырехстах восточнее, т. е. дальше от Парголово. А название «Ограбиловка» придумал сам Воля: это намек на то, что хозяйка дорогого с него брала.

лево. Если Тебе нечего делать, то приходи, но по-моему не стоит — я к своей работе как-то охладел. М. б., Ты найдешь более полезное занятие.

Твой Воля.

7.IV.59.

Дорогой Витя! Я очень обеспокоен тем, что Тебя вчера не было на моем докладе. Здоров ли Ты? Жена думает, что Ты принял все-речь мою шутку, что присутствовать на моем докладе бесполезно, но я думаю, что этого никак не может быть. Было многолюдно и интересно, было много выступлений. Это несомненно было мое последнее публичное выступление.* Пиши мне скорее. Я сейчас в городе, надеюсь, что в конце этой недели я сдам рукопись и поеду в Заманиловку, но полной уверенности у меня нет. Все же я уже вскоре вздохну свободнее. Я буду держать Тебя в курсе своих дел, т. к. хочу видеть Тебя в Заманиловке надолго.

Твой друг
Воля.

(В Остер Черниговской области).

Ленинград 11.VI.59.
(Разлив)

Дорогой мой Витя!

Наконец-то от Тебя письмо! Я уже думал, что с Тобой что-нибудь случилось, или что я Тебя чем-нибудь обидел. Но чем я мог Тебя обидеть? Слава богу, все в порядке!

Я очень хорошо представляю себе Вашу жизнь, но не очень хорошо вижу окружающую обстановку и природу. А это для меня сейчас самое главное. Я очень устал, ничего работать и делать не могу. Но когда я на даче, я люблюсь окружающим меня миром, и это заполняет всю мою жизнь, как в детстве, когда восприятие мира — самое главное. Я люблюсь и внуком³⁵ своим, и его пухлыми ручками, и рябинами под окном. Наш домик стоит в пяти шагах от озера, и сквозь деревца я вижу воду, даль, камыши, небо. Ты можешь себе представить, что со мной стало, когда на середину озера, где есть отмель и где растет сочный тростник, приплыла стайка из пяти лосей и, стоя выше живота в воде, стала со вкусом медленно откусывать этот тростник! В бинокль можно было разглядеть даже рога и уши.

У меня грядка, где я высадил штук 40 корней анютиных глазок и посеял настурцию и другие цветы. Были холода (до +4°), ничего не всходило, а теперь стало тепло, и все всходит, и я тоже люблюсь. Одним словом, я под старость стремлюсь к идиллии, и у меня это

* По счастью, это оказалось не так (см., напр., запись от 15.IV.70).

почти что получается. Почти, а не совсем, т. к. в университете мне покоя не дают со всякими бесполезными делами, вроде присутствия на гос. экзаменах (хотя моя специальность в программу не входит) или писания рецензии на программу министерства, которую никто читать не будет, т. к. министерству совершенно безразлично, что думают ленинградские ученые. Есть и более серьезные и тревожные дела. МИР (читай — Музей Истории Религии, что в Казанском соборе) предложил мне переиздать мою книгу «Исторические корни волшебной сказки» (30 п. л.).³⁶ За лето книгу надо переработать и подать. Опять страшное напряжение, а мне хочется отдыха и идиллии. Пока я не начал. Наоборот, я активно ничего не делаю, разве что крашу свою замечательно легкую лодочку, выезжаю на ней на озеро и поглядываю на закат — мне больше ничего не надо. Как все это пойдет дальше — еще не знаю.

Ну вот, Ты мне рассказал про себя, я про себя. Пиши письма и картины! С моей теперешней склонностью всем на свете любоваться я предвкушаю, как буду любоваться Твоей живописью. Передай привет Евдокии Ивановне и в любой форме напомни о моем существовании Таточке.

Твой друг
Воля.

(В Остер).

17.VII.59.

Дорогой мой Витя!

Ты на меня не сердись, что я так долго Тебе не писал. Работа с книгой оказалась очень хлопотливой и мелкой. Сдать надо в июле, и я нахожусь в условиях жесткого цейтнота. Большой частью сиюз в городе. Тут еще большая радость, которая, однако, тоже выбивает из колеи. Приехали две моих сестры, обе уже старушки,³⁷ и их надо устроить. Надо покупать раскладушки (которых нет), одеяла и пр. Они пожили у нас в городе, а теперь они на даче.

Твое письмо я прочел вслух Елизавете Яковлевне, и мы вникали в каждую фразу его, внимательно изучили план.* Ты, видно, живешь не плохо, но все-таки это город, хоть и маленький и хороший, а меня тянет прямо в лес, к мухоморам и чернике. Здесь я раза два, надев резиновые сапоги, бродил по болотам, что я очень люблю.

Из моей идиллии ничего пока не получается, книга стала меня заедать.

Ты прав, что я пишу лаконично, но Ты не поддавайся моему примеру и пиши подробно.

Целую Тебя и обнимаю. Твоим дамам привет.

Твой Воля.

* План нашей квартиры в Остре, веранды, садика.

(В Остер).

Ленинград, 29.VIII.59.

Дорогой мой друг, я нахожусь за Тебя в смертельной тревоге и тоске. Все время были подробнейшие и интереснейшие письма, а потом вдруг — как рукой сняло. Последнее письмо было от меня. Может быть оно до Тебя не дошло? Я не стал писать, т. к. думал, что Ты уехал в Клавдиево, и что я напишу, когда Ты пришлешь новый адрес. Но адреса нет и нет, и я шлю это письмо по старому адресу, без особой надежды, что оно дойдет.

О нас писать почти что нечего. Половину лета я работал сверхинтенсивно и сдал работу в издательство в срок. Вторую половину лета стояла жара, мгла и духота. Я совершенно поник, ничего не делал и делать не мог, спал по 18 часов в сутки и читал беллетристику. Потом пошли Санкт-Петербургские дожди, туманы и холода, и я вдруг ожил и как бы проснулся. 1-го надо приступать к работе. Во время жары мы с женой часто думали о Тебе и о том, как-то Ты ее переносишь. Напиши хоть открыточку! Скоро ли увидимся?

Целую обнимаю Тебя, всей Твоей семье привет. Напиши о них подробно.

Твой Воля.

(В Остер).

Ленинград 4.9.59.

Ты нашелся, Ты жив и здоров, ура! Я Тебе направил письмо в Остер заказное до востребования, получи его, если интересуешься. Наши письма встретились в пути. Студентов в этом году никуда не посылают, мы с Елизаветой Яковлевной уже включились в работу полностью. Жду нового адреса, после чего напишу письмо. Целую. Твой Воля.

Привет большим и маленьким водоплавающим дамам.

(В поселок Клавдиево Киевской обл.).

20 сент. 1959.

Дорогой Витя!

На этот раз я от Тебя отстал — уже два письма от Тебя и одно от Евдокии Ивановны, а мы все не пишем. У нас тоже есть новость. Мы перебрались на житье в Шуваловский парк,* где Ты у меня был. Ты знаешь две комнаты, три окна на юг, два на запад. Пишу Тебе уже не при электрическом свете, на какой я был обречен в своей берлоге, а при утреннем солнце, глядя на поле с одной стороны и на листья клена с другой. Мы устроились хорошо. Андрюша³⁸ с ня-

* Т. е. в Заманиловку, находящуюся сразу за Шуваловским парком.

ней будут жить здесь безвыездно, а мы с Елизаветой Яковлевной наездами. Сейчас у нас картофельные каникулы. Все студенты I—IV курсов завтра, 21.IX, уедут в колхозы на один месяц, и этот месяц мы проведем здесь безвыездно.

Другая у меня новость: Университет получил 600 квартир (60 тысяч кв. метров) и будет строить скоростными методами дом на 60 квартир. Я подал заявление, мою квартиру обследовали и в результате по нашему факультету моя фамилия значится первой на очереди. Посмотрим, что будет дальше. Но пока все идет гладко.

Я очень рад за вас, что вы проводите время так интересно. Моя сестра тоже была в Киеве и в восторге от него. По сравнению с вами мы живем довольно однообразно. Погода у нас неровная — бывают солнце и мелкий дождик, но я ту и другую погоду люблю, не люблю только ветер с сильным дождем. Пока блаженствуем. Андрюша быстро развивается, уже лопочет. Хочется мне поглядеть на Татусю, какой она стала.

Поблагодари Евдокию Ивановну за ее милое и такое женское и интересное письмо. Пиши про Татушку.

Обнимаю Тебя!

Твой Воля.

Запись в моем дневнике:

21.X.59. Наиболее для меня радостной встречей после лета явилась встреча с Волей. Он сейчас временно живет в живописной деревне Заманиловке — за Шуваловским парком, где снял себе «зимнюю дачу» — две отличные светлые комнаты + веранду. Сообщение с городом быстрое — можно с дачи добраться до дома за полтора часа. Он, бедняга, так угнетен темнотой своей городской квартиры, что сейчас буквально блаженствует, окруженный светом и действительно живописными видами из каждого окна!

Ленинград, 29.XI.59.

Дорогой Витя!

Получив Твое письмо, я начал смутно что-то припоминать, взглянул в свою календарную книгу, и увидел там, что 17 ноября Тебе исполнился 61 год. Дорогой мой, поздравляю Тебя от всей души и желаю Тебе здоровья и всего, что из этого вытекает, т. е. хорошего состояния духа, творческих исканий и достижений и других радостей жизни.

Мне сейчас живется трудно. Здоровье не совсем ладное, что мне мешает жить: все делаю медленно и с трудом, все жду какого-то дня, когда я смогу по-настоящему отдохнуть, а таких дней все нет и нет. Первый семестр для меня всегда тяжелый. Вот мое примерноеписание: сообщая тебе для того, чтобы Ты мог меня навестить. По субботам, воскресеньям и частично по понедельникам я на даче. Дорогу туда Ты знаешь. По понедельникам вечером я в городе и свободен, слегка готовлюсь к лекциям. По вторникам днем — лекции, вечером — кафедра (не всегда). По средам днем свободен, вечером — занятия в университете. По четвергам днем свободен, вече-

ром — ученый совет. По пятницам днем лекции, вечером — консультации на дому. Ты сохрани это письмо, и как только надумаешь меня навестить или вызвать меня к себе — так загляни в него. Видеть я Тебя очень хочу. Мы теперь дальше друг от друга, чем были летом, т. к. летом мы хоть переписывались.

То, что Ты пишешь о своих неудачах, не так страшно. Было бы что портить. Если такое бывало с Репиным, почему оно не может быть с Тобой? У меня хуже. Я никакой своей работы не могу испортить, так как никакая работа у меня не ладится. Есть только слабые порывы, после чего предпочитаю лечь на диван. Утешаю себя перспективами на второй семестр. Работаю я сейчас над русскими праздниками — колядой, масляницей, семиком и пр.³⁹ Есть идеи. Это не самое важное, но пока это все, что имею.

Извини меня за то, что пишу на машинке и сажаю отпечатки, это от усталости и от нежелания сосредоточиться.

Обнимаю Тебя и жду. На выставку сейчас мне не успеть, но я утешаю себя тем, что все Твои вещи я увижу в более интимной и приятной обстановке. Твоим большим и маленьким дамам сердечный привет.

Твой Воля.

Ленинград, 1 янв. 1960.

Дорогой мой Витя!

Твое поздравление пришло первым, и я первому же Тебе отвечаю. С своей стороны желаю Тебе здоровья, все остальное сделается само собой, если Ты не будешь болеть.

У меня кончился курс лекций, и я сразу же помолодел и почувствовал себя отлично, сразу же сел работать. Я теперь неделю буду свободен, потом две недели буду только экзаменовать раза два-три в неделю, потом две недели каникул, потом у студентов педагогическая практика, и в итоге я буду совершенно свободен еще месяц. У меня нет особого желания отдыхать (несмотря на Твою прекрасную открытку с умиротворенным рыболовом), а есть желание быть максимально деятельным. Работаю и *con furore*⁴⁰ убираю квартиру. Буду теперь преимущественно в Заманиловке, но периодичность остается старая: по средам, воскресеньям и понедельникам я там во всяком случае, куда Тебя и зову вместе с Евдокией Ивановной и Таточкой, которых Ты поздравь от меня с Новым Годом.

Целую Тебя.

Твой Воля.

16. II. 1960.

Дорогой Витя!

Ты, видно, не сердись на меня, что я Тебе не сразу отвечаю, и уже привык к этому. Это меня стыдит и окрыляет, и на этот раз я пишу сразу.

Я все хочу опять побывать у Тебя, навестить больного друга, но сейчас заболел ангиной Андрюша, мы привезли его в город, и я боюсь затащить болезнь и заразить Таточку. К своей внучке я тоже не хожу. Таточкино письмо очень интересное, я прочел его со второго чтения совершенно безошибочно. Посылаю ей ответ. Чем Ты объясняешь свои недуги? Не простудился ли Ты, и ведешь ли Ты такой образ жизни, какой нам с Тобой положен? Надеюсь, что Ты скоро поправишься совсем. Я веду образ жизни не совсем соответствующий тому, что нужно: работаю, т. к. связан со сроками. Каждый день делаю две упряжки. В университет мне пока не надо, т. к. мои студенты на практике.

Мне очень любопытно, какое у вас шевеление насчет квартиры. Нам уже начали давать адреса, сегодня едем смотреть. Я плохо верю в реальность всего этого, а жена так и совсем равнодушна. <...>

Пушкина я читаю подряд и в разбивку, всегда, всю жизнь, но плохо его знаю и с литературоведами о нем говорить не люблю, только с друзьями. Памятник у Русского музея⁴¹ — свидетельство полного непонимания Пушкина, самой сущности его. Театральный жест — что может быть хуже? Насколько благороднее и спокойнее памятник на Пушкинской улице.

Твой друг Воля.

1. III. 60.

Дорогой мой Витя!

Как Ты? Я об Тебе скучаю. На этой неделе навестить Тебя не могу. В пятницу 4. III читаю доклад на кафедре и потому усиленно готовлюсь. В субботу с утра уеду к Андрюше отдохнуть, если мороз не будет ниже 10—12 градусов.

Если в пятницу Ты будешь здоров, я буду очень рад Тебя увидеть в числе слушателей (Университетская набережная д. 7/9 аудит. 23, 5 часов), если же нет, то и не надо, мы еще увидимся, тогда Ты и приедешь ко мне, или я зайду к Тебе на той неделе.

Новую квартиру мы осмотрели: юг, высокие потолки, окна в огромный внутренний сад, 2-ой этаж, комнаты 25+12+16 (проходная) + 7 метров (последняя — от кухни). Разместиться можно. Проект, кажется, реален. Есть телефон, ванна, передняя 12 кв. м., где можно расставить книги. Посмотрим! Если не выйдет, нам дадут в одном доме 2 квартиры и 2 комнаты — это тоже неплохо, а частично даже лучше. Я уже сгораю от нетерпения.*

Целую Тебя, Таточку, привет Евдокии Ивановне. М. б. мы вместе будем справлять новоселье.

Твой Воля.

* Эти варианты потом отпали.

От души Тебя поздравляю и обнимаю и желаю, чтобы в этом новом доме Ты был счастлив полностью.* Не торопись устраиваться, не напрягайся, не форсируй — понемножку все устроится. Я приду не очень скоро, когда можно будет думать, что Ты хоть немного пришел в себя и устроился. Наши перспективы не очень определены — пока утешают сентябрем (после лета).

Твой Воля.

26 апр. 1960.

Дорогой друг! Теперь я уже совершенно уверен, что Ты болен, т. к. от Тебя нет ни слуху, ни духу. Я бы давно заехал к Тебе, но боюсь быть некстати, т. к. дел по устройству у Тебя много. Если к тебе можно, то не назначай никакого определенного дня, а напиши мне, с какого дня начиная Тебя можно будет проведать. Учти, что я иногда по 2—4 дня в Старожиловке, и что Твое письмо не сразу попадет в мои руки. Я за Тебя в тревоге, которая не дает мне покою.

Поздравляю Тебя и Твою семью с праздником и желаю его хорошо встретить и провести.

Андрюша болел дизентерией. Едва поправившись, он заболел тяжелым гриппом. Сейчас он в городе, поправляется, и мы надеемся, что к 1 мая его удастся вывезти, но полной уверенности еще нет.

Все остальное у нас по-старому, я работаю до полного одурения и отупения.

Не готовитесь ли вы к лету? Мы остаемся в Старожиловке.

Главное — сообщи о своем здоровье.

Твой Воля.

18.V.60.

Соседушка мой свет, здравствуй!

Не удивляйся. Да, мы соседи; т. е. не сейчас, а может быть в недалеком будущем. Во вторник вечером ко мне является курьер с известием, что мне дают квартиру, и что мне срочно надо дать ответ. Еду срочно в университет. Узнаю: мне дают квартиру в доме № 197 по Московскому проспекту, из четырех комнат, есть лифт. Номер квартиры сообщить не могут, завтра утром в горисполкоме будут расписывать квартиры по жильцам. Я изъявляю согласие.

На следующий день мы с женой поехали смотреть дом. Это — последний по Московскому проспекту — большой, розовый 7-этажный дом, у конца автобуса № 3. Квартиры, выходящие на проспект, еще не готовы. Квартиры бокового флигеля готовы. Мы обошли весь дом, обнаружили, что квартиры бокового флигеля выходят окнами как на двор, так и на улицу (увидели в одном этаже просвет насквозь), т. е.

* В начале апреля мы переехали с ул. Смирнова в отдельную 2-х комнатную квартиру на ул. Ленсовета, 31.

какое-то солнце где-то непременно будет. Нам сказали, что сторож может показать какую-нибудь из 4-комнатных квартир, но сторожа мы не застали, он бывает только с вечера.

Вот! Ночь провели плохо, сейчас вооружился непроницаемой броней терпения и полагаюсь на авось. Авось и выйдет. Сейчас сижу в Старожиловке и работаю по-прежнему. Как-нибудь, когда дело подтвердится, заеду к Тебе, чтобы узнать детали с ордерами, людьми и пр.

Твой Воля.

24.V.1960.

«ДНЕВНИК ПРОИСШЕСТВИЙ»

24.V. Супружеская чета Пропп — Антипова были на концерте в филармонии. В это время на квартиру явилась женщина и стала осматривать все комнаты. Штаны профессора оказались брошенными на диван, а носки его сына, по обыкновению, на середине комнаты на полу. Увидев это, женщина представилась, как председатель М<естного> К<омитета> университета и всех его 12-ти факультетов. Она заявила, что она пришла, чтобы увидеть квартиру и определить, кому ее можно передать. С грустью было отмечено, что в такую квартиру никто не захочет въехать. Потом заявила, что Проппу надо дать квартиру не на Московском проспекте, а поближе, в районе Ланского шоссе. — Пришедши домой и узнав о происшедшем, супруги Пропп пришли в некоторое уныние и ужинали молча.

25.V. Утром означенная супружеская чета поехала в университет и беседовала с означенной женщиной о здоровье, семье, а также о квартире. Выяснилось, что супруги вполне довольствуются Московским проспектом. Тогда им отвели в доме № 197 квартиру № 126, что на четвертом этаже, состоит из четырех комнат по 25, 20, 12 и 12, а всего из 70 метров. Было строго указано, что они должны представить свидетельство о браке, обзавестись новой мебелью, на что дадут ордер, и вообще вести себя благонамеренно.

После этого супруги (т. е. мы) поехали глядеть квартиру. На это было дано две минуты, т. к. рабочие уходили обедать и запирали. Они настилали паркет. В две минуты было установлено, что две комнаты обращены на юг и две на север, что есть ванна, кладовка и два балкона. После этого мы приехали домой и отдохали от происшествий. После этого я стал писать Тебе это письмо.

Дорогой мой! Я получил Твое письмо, я также рад, что мы будем соседями, как и Ты. Кажется, дело налаживается. Кандидатами на этот дом значатся будущий декан и секретарь ученого совета, он же председатель факультетской жилищной комиссии. Чтобы смягчить такое самоснабжение, дают квартиру также одному профессору с филологического факультета. Про другие факультеты не знаю.

Теперь Ты в курсе дела, и я знаю, что Ты будешь за меня переживать.

Да, еще! Окна на Алтайскую и на двор, на приличном расстоянии от шумного проспекта.

Очень хочу Тебя видеть, но пока сижу в работе не только по шее, но и по самый нос.

Привет Евдокии Ивановне и Таточке.

Твой Воля.

Срок совершенно неизвестен. Весь флигель будет заселяться сразу.

(С Московского проспекта).

18.VI.60.

Дорогой Витя! Ты уже давно ждешь от меня ответа. Я не писал, т. к. думал заехать сам. — Не выбраться. Со Стасовым⁴² все очень интересно, но для живописца поживы нет. Не уезжай, не сообщив мне хотя бы открыткой. Мы с Елизаветой Яковлевной хотели посмотреть квартиру, но объявление новое гласит: осмотр квартиры по документам РЖУ. Контора безнадежно закрыта. Узнали, что мы остались в списке, и что список пошел курсировать.

Твой Воля.

(В Тарусу).

30.VI.60.

Дорогой Витя!

Спасибо Тебе, что Ты меня не забываешь. Я мысленно вижу Тебя в окружении средне-русского пейзажа за холстом и с этюдником. Пейзаж я по Твоим описаниям представляю себе очень хорошо.

У меня большое горе: мой внук Митя⁴³ (сын дочки Эли, с которой Ты рядом сидел на юбилее) заболел, по-видимому, лейкозом. По письмам я не все могу понять (был в Москве). Она пишет, что после анализов «не все врачи согласились, что это лейкоз». Я не понимаю, как это возможно. По-моему, анализ должен показать все совершенно ясно, и я подозреваю, что врачи ее утешают, не хотят сразу огоршить. Симптомы: увеличение печени, селезенки, всех желез, гнойное состояние горла, следы незамеченного воспаления легких, температура нормальная, аппетит и самочувствие хорошее, ребенок на ногах, гуляет. Первые сигналы — две недели назад.

Ты уж прости, что я Тебе про это пишу, но я ни о чем другом думать не могу.

Нас вызвали в жилищный отдел университета. Характеристика квартиры была слишком мрачна (она совершенно точна и правдива), такую квартиру Университет не может принять. Заставили написать другую и заверить ее. Сказали, что ордер будет числа 10-го. Мы понемножку расхламляемся и увязываемся. Энтузиазм у меня как-то пропал. Я очень устал. Надеюсь 3-го июля сдать последнюю срочную работу, после этого буду свободен.

Привет Евдокии Ивановне, напхни обо мне Татусеньке. Мне интересно знать, прошла ли у нее шишка.

Целую

Твой Воля.

(В Тарусу).

12.VII.60.
(Из Заманиловки)

Дорогой Витя!

Спасибо тебе за Твои открытки, а также за участие <...>. С квартирой ничего нового. Ордер обещали «числа 10-го», сегодня 12-ое, пока ничего. <...> Мы потихоньку уязываемся. Я убрал все свои рукописи (нарочно) и теперь бездельничаю на даче. Не делаю ничего. Всю срочную работу сдал. Я сдал два тома по 30 п. л. каждый. Один том сказок и один песен.⁴⁴ Состояние несколько томительное. Я ем, сплю, гуляю, читаю.

Моя дочка Эля с своим сыном Митей поехали в Прибалтику с пересадкой в Ленинграде. Я их видел. <...> Оказалось, что одну фразу письма я понял неправильно. Из 5-ти врачей ни один не признал лейкоза. Официальный диагноз: мононуклеоз. Я, однако, все же не спокоен. Я помню, что брат,⁴⁵ которому оперировали рак, был выпущен с диагнозом «язва желудка». Нет ли чего-нибудь похожего и здесь? Ты, как друг, мне скажешь правду, я ни одному человеку ее не сообщу. Почему три врача предлагали немедленно госпитализировать, а двое других не настаивали? Безнадежных ведь тоже не берут в госпитали. У него была жестокая ангина с высокой температурой. Состояние крови объясняется как следствие ангины. Друг мой, помоги мне. Я Тебе и в Тебя верю, как в скалу. <...> Состояние мальчика очень неплохое. Он бледноват, но весел, подвижен, играет, шалит и требует прогулок. На прогулках бежит бегом. Твой совет выполняется: его везут в сухое, здоровое место; пески, дюны, море, режим, питание, свобода.

Как страшно, когда такие маленькие болеют! Я все-таки немножко успокоился, но томит, что нет полной известности. Все пять врачей были женщины. Ни одного мужского ума!

Я надеюсь, что Ты проводишь лето лучше, чем я, и что Ты одолеваем муками и радостями творчества. Попроси Евдокию Ивановну сфотографировать дом, разные виды города и реки, Тебя и Тачку. Передай ей от меня привет.

Твой Воля.

Поправка. Ордер получен, приехал Миша это сообщить, несусь в город. Ура!

(В Тарусу).

15.VII.60.

Дорогой Витя! Во вторник получили ордер, в среду собрались, в четверг переехали. Наш новый адрес — Ленинград М-66, Московский проспект 197 кв. 126. Скоро (м. б. не очень) напишу. Сейчас пишу из своего нового кабинета.

Твой Воля.

(В Тарусу).

21.VII.60.

Дорогой Витя! Большое Тебе спасибо за обстоятельное и содержательное письмо. Ты написал именно то, что нужно. Я полностью убедился, что врачи ничего не скрывают, и обрел полное душевное равновесие. Я всегда верил в Твои врачебные способности и теперь вижу, что не ошибался. <...>

Я на новой квартире! Все уже убрано, т. е. ничего не лежит на полу; насколько хватило стеллажей, книги расставлены. Другие лежат аккуратными штабелями, рассортированы и приготовлены для установки на стеллажи, которые еще будут заказаны. Со вчерашнего дня у нас полный порядок, и я смог сесть за стол, на котором не лежит ничего лишнего, чтобы написать Тебе письмо. Я крепче и выносливее, чем это кажется. Я пилил, сколачивал, подымал доски, книги и т. д. по многу часов в день, но не торопясь и с перерывами. Надумал ли Ты продавать свой стол? Если да, то напиши, я буду ждать Твоего возвращения, если же нет, тоже напиши, тогда я начну искать уже сейчас. Про квартиру не буду писать ничего, Ты увидишь сам. Вчера вечером я в первый раз принял теплый душ в собственной квартире! Уже сданы и приняты документы на прописку. Врезан почтовый ящик, и первое письмо было Твое, и притом такое для меня хорошее и важное. На дачу пока не езжу — еще нет замка и ключей. Из своего кабинета я вижу горизонт и вдали Пулковое. Воздух чистый, в комнате даже попадают комары — для чего же мне ездить на дачу? Но скоро поеду на два-три дня отдохнуть. Пространство перед нашим домом быстро превращается в сад. Трава уже всходит, дорожки посыпаны песком, убирают мусор. К Твоему приезду все будет готово <...>.

Пока до свиданья. Я чувствую себя во всех отношениях превосходно.

Целую Тебя и обнимаю.

Твой Воля.

(В Тарусу).

9 авг. 1960.

Дорогой Витя!

Давно Тебе не писал. Это происходит потому, что наша новая квартира стала обнаруживать некоторые отрицательные свойства. Основное из них — она имеет свойство быстро и основательно оглуплять своих обитателей. Оглуплять и инфицировать ленью. Самочувствие при этом превосходное. Тем опаснее эта новая болезнь, т. к. нет никакого желания излечиться от нее. <...>

Я очень рад, что Ты уступаешь мне свой стол. <...> В обмен я Тебе стола дать не могу. Наш маленький стол очень плох, мы хотели его ликвидировать, но его у нас вымолила Анастасия Яковлевна.⁴⁶ В магазинах часто бывают маленькие удобные и красивые мужские

столы германского производства с одним шкафиком. На вырученные деньги Ты купишь такой стол (ок. 600 р.).

Мы переезжаем 1 сентября в город.

Вот пока и все.

Не забудь передать Евдокии Ивановне и Таточке привет.

Твой Воля.

(В Тарусу).

19.VIII.60.

Дорогой Витя! Наши письма разошлись в пути. Спасибо Тебе за такое подробное письмо. Я опять в состоянии напряженности. Книга в сентябре пойдет в набор. Редакция потребовала разных технических изменений рукописи. Опять сижу. <...> Я купил пианино.

17.III.61.

Дорогой Витя! С большим интересом читал Твое письмо. Мне тоже захотелось ездить, как-то хоть на время выбраться за пределы Ленинградской области. Вряд ли это выйдет, но мечтать можно. Мечтаю о звонницах, старых церковках на холме в березках и прочих вещах. Я выздоровел. Только вот не молодею что-то.

Твой Воля.

(В Тарусу).

20.VI.61.

Дорогой Витя!

Я по Твоим письмам, рассказам и фотографиям очень хорошо представляю себе Тарусу и вашу жизнь. Там, конечно, очень хорошо. Меня даже потянуло туда. Есть даже гостиница и притом чистая... Но это вряд ли осуществится. Я каждый день работаю над книгой, и пока я ее не сдам, я никуда не поеду, а когда я ее сдам, я не знаю. Сейчас начались экзамены, экзаменую каждый день. Жизнь у меня заполнена, и я вполне доволен ею. Мечтаю отдохнуть, т. е. гулять, ничего не делать, снимать, лежать в шезлонге.

Смерть Миловского⁴⁷ меня не удивила. Он мне уже тогда казался странно дряхлым, несмотря на фото и машину. Смерти я не боюсь, я пожил достаточно, дети мои устроены. Она — закон природы.

Благословен и день забот,
Благословен и тьмы приход.

(Пушкин)⁴⁸

Миловский, наверное, все-таки допустил какую-то неосторожность или неумеренность. <...>

Хотя мы с Тобой видались не очень часто, но все-таки без Тебя как-то скучновато. Возможность в любое время зайти к Тебе, чтобы непринужденно часок побеседовать, уже имела какое-то значение. Евдокии Ивановне и Таточке привет.

Твой Воля. <...>

(В Тарусу).

Ленинград, 30.VI.61.

Дорогой Витя!

Я Тебе уже не раз говорил, что с сегодняшнего дня я освобождаюсь и смогу вздохнуть. И потом через 2—3 дня все летело вверх тормашками. Так что и сегодня Ты можешь мне не верить, что у меня начался отпуск, что в университет я до сентября ни ногой, кроме как для получения отпускных денег, что совсем не затруднительно. <...> В отпуск я не буду сплошь лежать в шезлонге, а буду кончать книгу, и предвидятся и всякие другие работы по той же части, но это для меня уже не обременительно, а наоборот. На днях снесу машинистке последнюю порцию, после чего берусь за фотоаппарат и грибы, а также за внука, с которым я почти что раззнакомился, так как он на даче, а я в городе. <...>

В нашем доме заканчивают оборудование большого магазина, уже есть шикарные прилавки, витрины выложены черным стеклом и т. д. Я мечтаю купить в этом магазине замок для нашей двери, так как их нигде нет.

У нас есть приятная новость: нам поставили телефон. Запиши номер: К-70-12-59. Мало ли на что он Тебе пригодится. Когда у нас не было телефона, нам казалось, что мы без него просто не можем жить. А теперь я не могу придумать, кому бы мне позвонить. <...>

Я немножко обеспокоен тем, что от Тебя давно ничего нет. Здоров ли Ты? Пишется ли Тебе? Целую и обнимаю. Твоим дамам передай мой самый сердечный привет.

Твой Воля.

(В Тарусу).

Ленинград, 14.VII.61.

Дорогой мой друг!

Ты меня не забываешь и пишешь мне, я тоже Тебя не забываю, но не пишу. Причина же этого в том, что я опять пребываю в состоянии самой крайней напряженности и спешки. В тот день, когда я кончил свою книгу и сдал ее машинистке, с чем надо было очень торопиться <...>, я получил из типографии Академии Наук корректуру сказок, которые я редактирую,⁴⁹ — я Тебе об этом говорил. Корректурa чрезвычайно сложная и кропотливая. Я просидел две недели в городе в самом напряженном труде. Вчера днем я ее кон-

чил, а вечером мне звонит машинистка, что рукопись перепечатана. Теперь буду править ее, что легче, чем корректура чужих сказок. Далее из журнала «Вопросы Литературы»⁵⁰ просят написать рецензию, а из Дибреченского университета — дать им что-нибудь для их ежегодника. Далее... но, впрочем, хватит. В промежуток я ездил в Москву на защиту диссертации, по которой я выступал оппонентом. Потерял два дня, хотя и было интересно. Вот так мы и живем.

Поздравь, пожалуйста, милую Евдокию Ивановну с прошедшим днем ее рождения. Я желаю ей быть здоровой, довольной и набрать много грибов, ягод и наловить рыбы. Если бы я был с вами, я принимал бы в этом участие с большим энтузиазмом, особенно насчет грибов. Впрочем, из Петрозаводска мне пишут, что там заблудилась в лесу мать одной университетской работницы. Был мобилизован взвод солдат, но ее не нашли. Через сутки она вышла из леса сама, пройдя 24 километра по прямой. Так что будьте осторожны.

Приехала сестра Альма, но она пока в санатории. Приехал еще мой племянник со своим сыном. Ничего, как-нибудь устроимся. Кстати: Москва произвела на меня впечатление полнейшей, пронизывающей весь город безалаберщины. Там на моих глазах поезд с Ленинградского вокзала ушел на пять минут раньше срока, так что проводники бросались в поезд на ходу, а провожающие выскакивали. И так все. Так была организована защита. Так было и на банкете. Стульев и приборов было 10, а приглашенных было 16. Тем не менее все как-то устроилось, и все были веселы и напились. Вина и закусок тоже не хватало, так что хозяйка во время ужина бегала по магазинам. А пишу я это потому, что сейчас и мы не знаем, как мы расположимся, когда одновременно придут все. Но как-нибудь обойдется.

Извини, что я Тебе пишу на машинке (по-моему, это невежливо), но это упрощает и ускоряет дело.

В Репине я был раза три. Но в общем все это не так страшно. Отдохнуть, конечно, нужно. Как-нибудь отдохну. Самое трудное все-таки позади.

Жму руку.

Твой Воля.

(В Тарусу).

Ленинград, 25.VII.61.

Дорогой Витя!

Приехав с дачи, я несказанно обрадовался, увидев от Тебя письмо, и еще больше обрадовался, когда прочитал его. Спасибо Тебе за Твое ласковое, доброе, гостеприимное предложение побывать в Тарусе. Мне это и самому кажется очень заманчивым, и я играл с этой мыслью. Но придется отложить. Я кончил, правда, все срочные дела. Целых три дня я упражнялся в великом искусстве полного ничегонеделания. Я валялся в постели до 10, ел, пил, опять спал, лениво читал беллетристику, гулял, слушал шум леса и моря, смотрел

за внуком и чувствовал блаженство. Я с успехом нечто подобное мог бы продолжать все лето где угодно. Но беда вся в том, что срочная работа кончилась, а несрочная, но такая, которую спокойно можно (и нужно) сделать к 1 сентября, осталась. Приходится наезжать в город. Я уж не буду говорить Тебе, в чем эта работа состоит, она меня не тяготит, но и не отпускает.

Мне очень дорого, что мои успехи Тебя радуют. Сам я к ним довольно равнодушен и отдал бы их за обыкновенное спокойное семейное счастье. Нас шестеро очень разных людей, и покоя дома я не имею. Я могу, правда, замкнуться в своей комнате, но счастье не в книгах. Я часто вспоминаю о том, что Ты мне писал о своей бесполезности, но я Твоих мнений не разделяю. Ценность человека определяется не его делами, а тем, что он из себя представляет. Есть академики, которых я презираю, и есть самые обыкновенные люди, с которыми мне легко и хорошо, потому что это настоящие люди. Сам я себя к таким не причисляю, но мерило у меня очень точное и определенное.

Но я, кажется, уже начал философствовать, а это скучно, философию (всякую) ненавижу, люблю жизнь.

Поэтому перехожу к более интересным материям. Таточкина открытка меня умилила. Я ей пишу отдельно, надеюсь, что оба письма придут вместе. Я сквозь каракули (которые я очень хорошо сразу разобрал без Твоих стрелок, на которые я сперва даже не обратил внимания) прочел все ее существо маленькой девочки, которая так старательно выводит буквы и знает, что ее поймут. <...>

Обнимаю Тебя и целую. Привет Евдокии Ивановне.

Твой Воля.

(В Тарусу).

Ленинград, 27.VI.62.

Дорогой мой Витя!

Я очень обрадовался Твоему письму. Отчасти завидую Тебе. Ты умеешь выискивать и смотреть интересное. Я не знал, что «Дом Ростовых» сохранился. В Донском монастыре я тоже когда-нибудь побываю, и не столько для могил, сколько для остатков русской старины, которую я так люблю, как будто это мое родное. Я хочу также раньше, чем помереть, увидеть Троице-Сергиеву лавру. Я мысленно ходил с Тобой. Моя жизнь здесь совсем другая. Я не могу порадовать Тебя описанием мест, где я бывал. Но если Ты мне пишешь о тех пространствах, где Ты гулял, я могу только прислать Тебе кусочек своего времени. Вчера приехал Миша⁵¹ проездом (вернее — пролетом) на Дальний Восток, куда он едет по поручению Института Зоологии АН. Это было вчера вечером. Сегодня же день мой был таков: утром я смотрел докторскую диссертацию одной милейшей старушки, которая, однако, в докторицы не годится, и размышлял о том, как бы сделать так, чтобы ей было не обидно. Тут вошел Миша и просидел у меня часа два, и мы с ним по-приятельски го-

ворили о чем угодно. Наши дети для нас все-таки потемки, мы мало их знаем. Тут я его ближе узнал, и он мне очень понравился. За грубоватой внешностью и саркастическим юмором кроется много души и мыслей.

Дальше я докторскую читать не стал, а поехал в университет получить на руки разрешение печатать свою статью в ГДР.⁵² Обратный путь ехал через Кузнечный рынок, где у так называемых спекулянтов купил кило огурцов, чтобы собственноручно сделать для Миши салат, так как в своем Заполярье он не имеет свежих овощей. По дороге с рынка набрел на книжный киоск, где неожиданно для самого себя купил перевод «Гаргантюа и Пантагрюэля», который полностью никогда не читал. <...> Открыл Рабле и сразу увидел, что переводить это совершенно невозможно, хотя перевод и неплохой. На одной из страниц нарисован контур бутылки, а внутри этого контура нечто вроде похвалы пьянству. Мне захотелось выпить.

Вечером опять читал докторскую, а сейчас пишу Тебе письмо.

Узнал, что огурцы я купил зря, ибо Миша с Луизой пошли в Сад Отдыха слушать японский джаз, а потом пойдут ужинать в ресторан. Ну, ничего. Может быть они съедят огурцы еще и после ресторана.

Вот так мы и живем. До 2-го (отпуск) я занят каждый день и в Репине не бываю.

В Кижы я, кажется, все-таки поеду. Пока прочел все нужное у Грабаря.⁵³ Ну, будь здоров, кланяйся своим дамам.

Погода холодная и дождливая, купаться и думать нельзя.

Твой Воля.

¹ «Бедный Иоанн» (нем.). Повесть, по-видимому, не была написана. В фонде В. Я. Проппа хранятся стихи (на нем. яз.), повесть «Древо жизни» (на рус. яз.), которые готовятся к публикации.

² Вероятно, речь идет о монографии «Исторические корни волшебной сказки» (Л., 1946; 2-е изд. Отв. ред. В. И. Еремина и Н. М. Герасимова. Л., 1986).

³ *Евдокиюшка* — Евдокия Ивановна Шабунина, вторая жена В. С. Шабунина.

⁴ В. С. Шабунин работал в Военно-медицинской академии в Ленинграде.

⁵ *Евгения Сергеевна Шабунина* — сестра В. С. Шабунина.

⁶ *Эккартсгаузен* (1753—1803) — немецкий писатель, автор многочисленных юридических, беллетристических произведений.

⁷ Вторым браком В. Я. Пропп был женат на Елизавете Яковлевне Антиповой (1905—1979), преподавателе английского языка в Ленинградском государственном университете.

⁸ Дети В. Я. Проппа от первого брака — Мария Владимировна Пропп (р. 1924 г.), Елена Владимировна Шурыгина (1932—1993); от второго — Михаил Владимирович Пропп (р. 1937 г.).

⁹ Речь идет о монографии «Русский героический эпос» (Л., 1955; 2-е изд. М., 1958).

¹⁰ Имеется в виду фотоаппарат. В. Я. Пропп серьезно увлекался фотографией. В его фонде в ИРЛИ хранится часть его работ.

¹¹ Речь идет о картинах кисти В. С. Шабунина.

¹² Речь идет об Андрее Викторовиче Шабунине.

¹³ В. Я. Пропп родился 16 (28) апреля 1895 г.

¹⁴ Речь идет о дочери В. Я. Проппа — Марии Владимировне и ее дочери Татьяне.

¹⁵ С. Т. Коненков (1874—1971) — известный русский скульптор.

¹⁶ *Пропп Альма Яковлевна* (1897—?) — младшая сестра В. Я. Проппа.

¹⁷ Речь идет о чествовании В. Я. Проппа по поводу его шестидесятилетия.

¹⁸ *Жирмунский Виктор Максимович* (1891—1971) — филолог, профессор ЛГУ, чл.-корр. АН СССР (с 1939 г.), академик (с 1966 г.).

¹⁹ *Адрианова-Перетц Варвара Павловна* (1888—1972) — историк литературы, чл.-корр. АН СССР (с 1943 г.) и АН УССР (с 1926 г.). В 1947—1954 гг. возглавляла сектор древнерусской литературы Института русской литературы.

²⁰ *Эйхенбаум Борис Михайлович* (1886—1959) — литературовед, профессор ленинградских вузов.

²¹ В. Я. Пропп пишет о подготовке издания: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3-х т. / Подгот. текста и примеч. В. Я. Проппа. М., 1957.

²² Кандидатская диссертация Е. Я. Антиповой, к сожалению, не была написана.

²³ Речь идет об одной из рецензий на монографию «Русский героический эпос», вероятно, о рецензии Б. Н. Путилова (Звезда. 1956. № 3. С. 183—184).

²⁴ В январе 1957 г. французский актер Ив Монтан был на гастролях в Ленинграде.

²⁵ *Рихтер Людвиг* (1803—1884) — немецкий живописец и график.

²⁶ Речь идет о дочери В. Я. Проппа — Марии Владимировне и его внучке — Татьяне Зеленовой (р. 1956 г.).

²⁷ См. примеч. 5.

²⁸ *Таточка* — Татьяна Викторовна Шабунина (р. 1954 г.), дочь В. С. Шабунина.

²⁹ В. Я. Пропп так никогда и не был выбран в Академию Наук СССР.

³⁰ *Пропт Луиза Николаевна* (р. 1935 г.) — невестка В. Я. Проппа, жена его сына Михаила Владимировича.

³¹ *credo* (лат.) — верую.

³² *Галя* — Галина Викторовна Шабунина, дочь В. С. Шабунина от первого брака.

³³ Монография «Проблемы комизма и смеха» была опубликована после кончины В. Я. Проппа (М., 1976).

³⁴ *Чирейкин Немушка* — неустановленное лицо.

³⁵ Внук — Андрей Михайлович Пропп (р. 1958 г.), сын Михаила Владимировича.

³⁶ Переиздание книги в 1950-е гг. не состоялось. См. примеч. 2.

³⁷ Элла Яковлевна и Альма Яковлевна Пропп — старшие сестры В. Я. Проппа.

³⁸ См. примеч. 35.

³⁹ Владимир Яковлевич начал работу над монографией «Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования» (Л., 1963; 2-е изд. СПб., 1995).

⁴⁰ *Con furore* (лат.) — с яростью, с отвращением.

⁴¹ Речь идет о памятниках работы скульпторов М. К. Аникушина (р. 1917) и А. М. Опекушина (1838—1923).

⁴² Вероятно, речь идет о пребывании Стасова в Сторожиловке.

⁴³ *Митя* — Дмитрий Анатольевич Шурыгин (р. 1956 г.), внук Владимира Яковлевича, сын Елены Владимировны.

⁴⁴ Владимир Яковлевич готовил к изданию книги: «Народные лирические песни / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. В. Я. Проппа» (Л., 1961) (Библиотека поэта. Большая серия) и «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова» (М.; Л., 1961).

⁴⁵ *Пропп Роберт Яковлевич* — старший брат Владимира Яковлевича.

⁴⁶ *Антипова Анастасия Яковлевна* — свояченица Владимира Яковлевича, сестра его жены.

⁴⁷ *Миловский* — неустановленное лицо.

⁴⁸ Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Изд. 4-е. Л., 1978. Т. 5. С. 110.

⁴⁹ См. примеч. 44.

⁵⁰ См.: *Пропп В. Я.* Проблемы исторической песни // Вопросы литературы. 1962. № 2. С. 207—209. (По поводу книги: Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.; Л., 1960).

⁵¹ *Пропп Михаил Владимирович* (р. 1937 г.) — сын Владимира Яковлевича, известный ученый, доктор биологических наук.

⁵² Возможно, речь идет о статье: Märchen der Brüder Grimm in russischen Norden // Deutsches Jahrbuch für Volkskunde. Berlin, 1963. Bd. 9. S. 104—112.

⁵³ *Грабарь И. И.* (1871—1960) — советский живописец и искусствовед, нар. художник СССР. Гл. ред. и один из авторов «Истории русского искусства» (Т. 1—13. 1953—1969).

III. НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

Н. А. Прозорова

**АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ XIX—XX веков,
ПОСТУПИВШИЕ В РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ ИНСТИТУТА
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН
в 1989—1990 годах**

Рукописный отдел Института русской литературы выражает глубокую благодарность за принесение в дар архивных материалов А. М. Адамовичу, О. Н. и Л. Н. Адриановым, Н. А. Андрееву, В. П. Астафьеву, Т. К. Афоной, В. В. Бурачку, А. В. Гаршину, Н. Гвиненадзе, А. Л. Григорьеву, А. Е. Журовой-Жуковой, Н. М. Ивановой-Романовой, В. С. Кисловскому, В. А. Ковалеву, И. М. Колесниковой, В. А. Колесовой, А. Кторовой (США), М. П. Лепехину, Д. С. Лихачеву, В. П. Ляцкой, Э. Мокк-Беккер (Франция), Т. Е. Острогорской, М. М. Павловой, С. В. Сальникову, В. П. Серебровскому, Н. А. Соколиной, А. А. Тарковскому, М. В. Теплинскому, С. М. Турковой-Шолоховой, А. Черкин (США), В. И. Шаршину, Т. В. Шишмаревой, Советскому фонду культуры, а также выражает признательность памяти дарителей К. И. Ровды, Г. М. Фридлендера.

ДОПОЛНЕНИЯ К ФОНДАМ

АНДРЕЕВ Леонид Николаевич (1871—1919) — прозаик, драматург, публицист. Фонд 9.

Путевые заметки «По России» А. Н. Андреева. Черновой автограф, без окончания (1904). Выписки из дневника, биографические заметки о Л. Н. Андрееве, воспоминания А. Н. Андреева. Беловой и черновой автографы (1913—<1914>, б. д.).

БУРАЧОК (Бурачек) Степан Анисимович (Онисимович) (1800—1876) — публицист, критик, издатель, кораблестроитель. Фонд 34.

Записная книжка с записями о семейных событиях 1832—1918 гг. рукой С. О. Бурачка, Е. В. Бурачок (урожд. Зражевская), А. С. Бурачок (урожд. Вяткина) и др. Фотография надгробия Е. С. Бурачка во Владивостоке (1989).

ВЕСЕЛОВСКИЙ Александр Николаевич (1838—1906) — филолог, историк и теоретик литературы. Фонд 45.

Письма (87) А. Н. Веселовского Н. И. Стороженко (1871—1902, б. д.). Фотографии (3) А. Н. Веселовского в группе (конец 1890-х гг.).

ГАРШИН Всеволод Михайлович (1855—1888) — прозаик, критик. Фонд 70.

Аттестат о службе и формулярный список М. Е. Гаршина (1841, 1869); уведомление цензурного комитета на имя Е. С. Гаршиной (1869); аттестат Е. Д. Гаршиной (урожд. Трощина) об окончании Киевской женской гимназии (1881) и документы о ее педагогической деятельности в Харькове и Таганроге (1891—1921).

ЗОЩЕНКО Михаил Михайлович (1895—1958) — писатель. Фонд 501.

Рассказ М. М. Зощенко «Маленькая поправка». Авторизованная машинопись (нач. 1950-х гг.). Письма (25) М. М. Зощенко В. С. Круглову (1951—1956).

ЛЯЦКИЙ Евгений Александрович (1868—1942) — историк литературы, критик, этнограф, фольклорист, прозаик. Фонд 163.

Статья Е. А. Ляцкого об А. Н. Островском. Машинопись с авторской правкой (б. д.). Альбом В. П. Ляцкой с автографами З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, Б. К. Зайцева, И. С. Шмелева, И. А. Бунина, Н. А. Тэффи, К. Д. Бальмонта, М. И. Цветаевой, А. М. Ремизова и др.

НЕФЕДОВ Филипп Диомидович (1838—1903) — писатель. Фонд 208.

Письма (12) Ф. Д. Нефедова жене М. К. Нефедовой (урожд. Затрапезнова) (1886—1889); неустановленному лицу (1867).

ПАНТЕЛЕЕВ Лонгин Федорович (1840—1919) — публицист, автор мемуаров. Фонд 224.

Книги (2 экз.) «Из воспоминаний прошлого» (СПб., 1905); с пометами Л. Ф. Пантелеева.

ПОЛОНСКИЙ Яков Петрович (1819—1898) — поэт, член-корреспондент Академии Наук. Фонд 241.

Фотопортрет Я. П. Полонского (б. д.).

ПУШКИН Александр Сергеевич (1799—1837) — поэт. Фонд 244.

Письма (11) А. С. Пушкина Н. Н. Гончаровой (1830); Н. И. Гончаровой (1831); А. И. Беклешовой (1835); А. Ваттемару (<1834>). Печатка гербовая, принадлежавшая А. С. Пушкину: в футляре, металл, кость (1-я четв. XIX в.).

РЕМИЗОВ Алексей Михайлович (1877—1957) — писатель. Фонд 256.

Письма (3) А. М. Ремизова Н. Ф. Буровой (1952—1954). Книги А. М. Ремизова «Огонь вещей. Сны и предсонье», «Мартын Задека. Сонник», «Мелозина. Брунцовик», с авторскими дарственными надписями Н. Ф. Буровой (1952—1955).

СОЛОВЬЕВ Леонид Васильевич (1906—1962) — писатель. Фонд 706.

Воспоминания А. А. Соловьевой. Черновой автограф (б. д.). Записная книжка В. А. Соловьева (1906—1907).

ТУРГЕНЕВ Иван Сергеевич (1818—1883) — писатель. Фонд 306.

Роман «Отцы и дети». Черновой автограф (1860—1861). Письмо И. С. Тургенева на франц. яз. неустановленному лицу (1869).

ШОЛОХОВ Михаил Александрович (1905—1984) — писатель. Ф. 814.

Письма М. А. Шолохову: В. Кружкова (1947) с пометой М. А. Шолохова, сделанной им в 1964 г. о местонахождении документов НКВД; С. М. Пуховой (1984); А. И. Солженицына (1962).

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

АДАМОВИЧ Аlesia (Александр Михайлович) (1927—1994) — писатель.

Рассказ «Дублер. Сны с открытыми глазами». Черновой автограф, варианты (1980—1989). Статьи «Ведь мы свои же люди!», черновой автограф; «О белорусской литературе», черновой автограф, на белорус. яз.; «Оптимизм делания. (Я — оптимист)», черновой автограф, варианты; «Разоружение», черновой автограф; «Отвоевались», черновой автограф; «Юбилей проблем не отменяет. (К 60-летию Чингиза Айтматова)», черновой автограф; «К 60-летию Иона Друцэ», черновой автограф и др., (б. д., <1988>). Речь А. Адамовича по поводу судебного иска в связи с публикацией его статьи «Накануне» в газ. «Советская культура» (1988). «Открытое письмо Владимиру Солоухину» А. М. Адамовича, Ю. Ф. Карякина, В. Л. Кондратьева, Б. Ш. Окуджавы, М. Ф. Шатрова. Черновик, рукой А. Адамовича (1989).

ГЕРЦЕН Александр Иванович (1812—1870) — писатель, публицист.

Письмо А. И. Герцена Т. А. Астраковой (1842).

ГУМИЛЕВ Николай Степанович (1886—1921) — поэт, переводчик, критик.

Письмо Н. С. Гумилева Е. Р. Малкиной (урожд. Острогорская) (б. д.).

ГОРОДЕЦКИЙ Сергей Митрофанович (1884—1967) — поэт, прозаик, переводчик, драматург.

Письмо С. М. Городецкого А. А. Блоку (1920).

ДОБЫЧИН Леонид Иванович (1894—1936) — писатель.

Роман «Город Эн». Автограф (1936). Повесть «Шуркина родня». Автограф и машинопись (<1934—1936>). Письмо Л. И. Добычина А. Л. Григорьеву (1935) с пояснительной запиской к нему А. Л. Григорьева (1988). Фотопортрет Л. И. Добычина (б. д.).

ЖУРОВ Георгий Викторович (1902—1988) — искусствовед, киновед.

Воспоминания Г. В. Журова «Счастливые дни поэта» об Игоре Северяnine. Авторизованная машинопись (1987). Фотографии одиночные и в группе Г. В. Журова, Е. П. Журовой (урожд. Лотарева), В. А. Журова-Андоги и др. (1902—1965; б. д.).

ЛЕОНОВ Леонид Максимович (1899—1994) — писатель.

Поэма «Земля». Автограф (б. д.). Письмо Л. М. Леонова в Союз советских писателей с просьбой об оказании помощи в работе В. А. Ковалеву (1948).

СТРЕЛЬНИКОВ (Мезенкамф) Николай Михайлович (1888—1939) — композитор, критик, дирижер.

Оперетта «Сердце поэта» Н. М. Стрельникова, прозаический текст А. Ивановско-го, стихи М. Кузмина. Клавир с подписным текстом. Нотный автограф Н. М. Стрельникова, стихотворные переводы рукой М. Кузмина (1932—1933). Письмо Н. М. Стрельникова А. И. Угарову о постановке оперетты «Сердце поэта» в Ленин-

градском театре музкомедии (1934). Репродукция с портрета М. А. Кузмина работы К. А. Сомова с дарственной надписью М. А. Кузмина Н. М. Стрельникову (1922).

ТЕПЛИНСКИЙ Марк Вениаминович (р. 1924) — литературовед, профессор.

Письма М. В. Теплинского Г. А. Бялому (<1982>), А. В. Чичерину (<1982>), К. И. Чуковскому (<1957>). Письма М. В. Теплинскому В. Г. Базанова (1970), Н. Ф. Бельчикова (3) (1956—1958), Г. А. Бялого (3) (1983—1985), Б. Я. Бухштаба (5) (1982—1985), М. Х. Гина (2) (1964—1967), Н. И. Гитович (1962), С. С. Зиминой (1959), Г. А. Гуковского (3) (1948), А. М. Еголина (1951), Б. Е. Ефимова (1961), Д. О. Заславского (1961), В. Н. Иванова (1961), В. Я. Канторовича (12) (1958—1974), Ц. И. Кин (7) (1969—1980), Р. Кинталова (1979), В. М. Лобанова (2) (<1961>), В. Я. Лакшина (1967), В. Г. Лидина (8) (1961—1974), Л. М. Лотман (<1982>), С. И. Машинского (1974), Т. Л. Мостылевой (2) (1972—1974), Л. В. Никулина (1961), Ю. Г. Оксмана (2) (1967), Е. П. Пешковой (1961), Н. К. Пиксанова (3) (1959—1968), В. К. Покровского (4) (1959—1961), Е. И. Покусаева (1968), М. Л. Поляновского (1962), М. И. Прудкина (1983), С. М. Чехова (2) (1959—1960), А. В. Чичерина (8) (1978—1987), К. И. Чуковского (19) (1948—1966), И. Г. Эренбурга (4) (1959—1961), И. Г. Ямпольского (3) (1953—1983).

ФРИДЛЕНДЕР Георгий Михайлович (1921—1996) — историк и теоретик литературы.

Письма на имя Г. М. Фридлендера советских и зарубежных деятелей культуры и театра с ответами на анкету о Ф. М. Достоевском: Г. Белля, М. Вацци, К. Вольфа, Г. С. Гора, А. Зегерс, В. А. Каверина, П. П. Косенко, А. Куреллы, Л. А. Озерова, Л. Н. Рахманова, М. Л. Слонимского, И. М. Смоктуновского, Г. М. Товстоногова, В. Б. Шкловского (1969—1970; б. д.).

ШКАПСКАЯ (урожд. Андреевская) Мария Михайловна (1891—1952) — писательница.

Записи высказываний ее детей. Автограф в тетради с рисунками (б. д.).

НЕУСТАНОВЛЕННЫЙ АВТОР.

Баллада «Услад и Всемила». Рукопись (<1820-е—1830-е гг.>).

ПАМЯТИ КСЕНИИ ДМИТРИЕВНЫ МУРАТОВОЙ

(Некролог)

31 августа 1998 г. на 94-м году жизни скончалась доктор филологических наук, профессор Ксения Дмитриевна Муратова.

К. Д. Муратова родилась 13 (26) января 1904 г. в г. Болхове Орловской губернии. В 1916 г. поступила в гимназию. Как писала сама К. Д. Муратова в «Автобиографии», в 1919 г. она, продолжая учиться, «начала служить делопроизводителем в Управлении Болховской телефонной станции. В 1922—1924 гг. училась в школе 2-й ступени, совмещая работу и службу».¹ С самого начала деятельности К. Д. Муратовой начался ее труд, ее «служение» — слово, которому она всю жизнь придавала не только утилитарный, практический, но и высокий духовный смысл. В начале 20-х гг. ее семья переехала в Петроград. Именно в этом городе — Петрограде—Ленинградом—Санкт-Петербургом — была связана вся ее дальнейшая жизнь.

В 1924—1930 гг. К. Д. Муратова училась на литературном отделении Государственного института истории искусств. Она закончила «словесное отделение по Литературно-журнальному уклону» Высших государственных курсов искусствоведения при этом институте. Ее диплом подписан директором курсов А. И. Пиотровским и деканом отделения Г. А. Гуковским. История этого учебного заведения заслуживает специального исследования, но творческая судьба и научный синтез одной из его выпускниц — К. Д. Муратовой — пример высокопрофессиональной педагогической деятельности этого уникального вуза. К. Д. Муратова изучала там литературоведческие и искусствоведческие дисциплины, иностранные языки (французский и немецкий). Особое внимание уделялось источниковедению (библиографии, текстологии). Среди общих дисциплин в ее дипломе указана особая специализация учащейся — русская литература XX века. Так, в частности, она посещала семинарию «по спец<иальному> отделу рус<ской> литературы (символизм — два)», «по рус<ской> литературе 80/90 гг.». Параллельно с учебой в этом институте, в 1925—1927 гг. К. Д. Муратова закончила Высшие курсы

¹ Здесь и далее архивные материалы цитируются по следующему документу: «Муратова Ксения Дмитриевна. Личное дело. № 28» (ИРЛИ РАН).

библиотековедения при Государственной Публичной библиотеке. Трудно перечислить всю блестящую плеяду ученых, чьи лекции формировали научный потенциал К. Д. Муратовой. Но наибольшее влияние на ее профессиональные интересы оказали лекции таких выдающихся Учителей — источниковедов, библиографов, литературоведов, как А. Г. Фомин и С. Д. Балухатый. С последним К. Д. Муратову долгие годы связывал плодотворный научный труд и искренняя человеческая дружба. Для характеристики личности этой вечной труженицы науки характерно то, что все годы учения она продолжала работать в библиотеках Ленинграда.

В 1928 г. К. Д. Муратова начала исследовательскую работу, участвуя вместе с проф. С. Д. Балухатым в подготовке первого комментированного издания Собрания сочинений А. П. Чехова. Ею были разысканы и возвращены читателю масса рассказов Чехова, «затяравшихся» в русской периодике. Тогда же впервые проявился ее талант публикатора архивных документов.

Параллельно с историко-литературной деятельностью развивалось ее служение делу русской библиографии. Она на практике претворила идеи своего Учителя, С. Д. Балухатого, о новых принципах литературной библиографии, которая «должна быть в руках специалиста-литературоведа, широко ориентирующегося в данной области знания. Тип библиографа-универсалиста, библиографа-кустара, дилетанта, библиографа-летуна, легко меняющего темы своих работ, или даже тип библиографа-профессионала, освоившего лишь технические навыки регистрации, должны исчезнуть из научных рядов».² Соединением блестящей филологической подготовки и высокого библиографического профессионализма стала первая работа К. Д. Муратовой «Периодика по литературе и искусству за годы революции, 1917—1932» (Л., 1933), сохраняющая научное значение до настоящего времени.

В 1934 г. К. Д. Муратова поступила на службу в Пушкинский Дом и работала там сначала библиографом (1934—1939), а затем младшим научным сотрудником Отдела новейшей литературы (1940—1941), работала вплоть до эвакуации основной части института. В это время определился один из основных приоритетов ее научной деятельности — творчество Максима Горького. Вместе с С. Д. Балухатым они подготовили капитальные библиографические труды о М. Горьком: «Литературная работа М. Горького. Список первопечатных текстов и авторизованных изданий. 1892—1934» (М., 1936), «М. Горький. Справочник» (Л., 1938), «Литературная работа М. Горького. Дополнительный список текстов и авторизованных изданий. 1889—1936» (Л., 1941). Эти труды стали началом дальнейших библиографических и литературоведческих работ К. Д. Муратовой о «буревестнике революции». С 30-х гг. и до конца своей жизни она оставалась не только профессионалом-библиографом М. Горького, но и одним из крупнейших знатоков его архива. Преодолевая значительные трудности, она сумела получить доступ к рукописному

² Балухатый С. Д. К пересмотру принципов литературной библиографии // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 462—463.

наследию писателя, долгие годы практически закрытому для исследователей.

Все годы блокады Ленинграда К. Д. Муратова трудилась в Государственной Публичной библиотеке, с 1941 по 1948 г. являясь ее главным библиографом. За беззаветный подвижнический труд в военном городе она была награждена медалями «За оборону Ленинграда» (1944) и «За трудовую доблесть» (1946). Одновременно, в условиях блокадного голода и лишений, она написала свою кандидатскую диссертацию «Из каприйского творчества М. Горького» (защищена в 1947 г., в переработанном виде опубликована: М.; Л., 1971).

В 1948 г. К. Д. Муратова снова вернулась в Пушкинский Дом в должности старшего научного сотрудника. Она участвовала в подготовке собраний сочинений Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, А. Н. Толстого, Г. И. Успенского. Одновременно она преподавала библиографию в Библиотечном институте (получив в 1952 г. звание доцента, в 1960 г. — профессора). В 1954—1956 гг. К. Д. Муратова находилась в докторантуре. Результатом стала монография «М. Горький в борьбе за развитие советской литературы» (М.; Л., 1958), защищенная как докторская диссертация. В ней на большом фактическом материале, с привлечением массы документов была рассмотрена деятельность Горького в годы гражданской войны, показаны его усилия по формированию культуры нового общества. Особой чертой книги стала ее огромная насыщенность архивными источниками. Это было особо отмечено в датированном 1957 г. отзыве на рукопись ее книги, принадлежащем Н. К. Пиксанову, который писал: «Тов. Муратова отлично знает *архивные* материалы по Горькому — прежде всего богатейший московский Архив А. М. Горького, но также и иные архивохранилища. Ссылки на архивные материалы встречаются чуть ли не на каждой странице исследования. Архивные документы дают автору возможность по-новому осветить старые вопросы, поставить вопросы новые, даже — открыть проблемы, каких еще не касались горьковисты. Так, т. Муратова цитирует множество неизданных писем (иногда — и литературных произведений) Горького, не включенных в тридцатитомное собрание сочинений». В 1959 г. исследование Муратовой было отмечено Президиумом АН СССР премией им. В. Г. Белинского.

Редкое соединение в личности К. Д. Муратовой разностороннего знания истории литературы и библиографической мастерства максимально раскрылось в ее работе на посту заведующей Сектором библиографии и источниковедения в Институте русской литературы (1957—1963). В начале 60-х гг. под ее редакцией были подготовлены два капитальных научно-вспомогательных библиографических указателя: «История русской литературы XIX века» (М.; Л., 1962) и «История русской литературы конца XIX—начала XX века» (М.; Л., 1963). По масштабности и научной значимости эти пособия сопоставимы с библиографическим указателем А. В. Мезьер «Русская словесность с XI по XIX столетие включительно» (ч. 1. СПб., 1899; ч. 2. СПб., 1902). Однако их существенное различие — в методике отбора материала. Если библиография Мезьер была регистрационной, то указатели под редакцией К. Д. Муратовой основаны на

иных принципах. К. Д. Муратова считала: «Фундаментальные обшелитературные библиографии, регистрирующие литературу за большой период времени, являются выборочными библиографиями, но выборочность не означает здесь рекомендации только лучших работ. Отбор материала в подобных справочниках преследует цель помочь научному изучению литературы, показать ее в движении и борьбе».³ Указатели под редакцией К. Д. Муратовой отражали лучшие достижения современного литературоведения и были основой для последующих научных исследований. В разделе «Personalia» по инициативе К. Д. Муратовой была впервые специальная рубрика, посвященная переписке писателей. Эти указатели и по настоящее время являются одними из основных библиографических пособий, без знания и пользования которыми невозможно изучение литературы XIX—начала XX веков.

Широта литературоведческих и библиографических интересов К. Д. Муратовой обусловила разносторонность ее научной деятельности. Она выступала как текстолог, библиограф, архивист, научный редактор, историк литературы. Долгие годы К. Д. Муратова входила в состав редколлегий журнала «Русская литература» и «Литературного наследства».

Обобщением исследования К. Д. Муратовой литературного процесса рубежа веков стала монография «Возникновение социалистического реализма в русской литературе» (М.; Л., 1966). В ней на основе обширного архивного материала было убедительно опровергнуто существовавшее ранее мнение о кризисе реализма в конце XIX в. Как показала К. Д. Муратова, в творчестве А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, А. И. Куприна, Л. Н. Андреева, М. Горького, писателей-«знаниевцев» реализм получил дальнейшее художественное развитие.

Особый этап в научной деятельности К. Д. Муратовой — 1970—1978 гг., когда она заведовала Рукописным отделом ИРЛИ. Именно под ее руководством сформировалась та научно-содержательная и композиционная структура «Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского Дома», которая сделала его одним из мировых лидеров среди изданий такого типа. Беспрецедентным по научной смелости был труд К. Д. Муратовой по организации публикации обзоров архивов, творческих материалов и переписки хранящегося в Пушкинском Доме наследия писателей «серебряного века» (А. Ахматова, Вяч. Иванова, Андрея Белого, А. Блока, Ф. Сологуба, М. Волошина, А. Ремизова, М. Цветаевой, И. Шмелева, Л. Андреева, Е. Гуро, А. Крученых и др.). Эту деятельность, развернувшуюся в 70-е гг., можно назвать нравственным подвигом ученого. В 1978 г. К. Д. Муратова была «освобождена от заведования» Рукописным отделом и переведена на должность старшего научного сотрудника Сектора новой русской литературы. В итоговом отчете 1979 г. К. Д. Муратова писала: «За указанные годы заведовала (до апреля 1978 г.) Рукописным отделом Пушкинского Дома. <...> За время заведования обратила внимание на комплектование советских фондов (приобре-

³ Библиография художественной литературы и литературоведения / Под ред. Б. Я. Бухштаба. М., 1971. С. 252.

тены форды О. Форш, И. Соколова-Микитова, часть архива А. Платонова, поступил архив Н. Тихонова и т. д.). Был реорганизован «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома», превратившийся из архивно-библиографического в публикаторский орган. Увеличился его объем (20 печ. л.) и тираж (вместо 2—3 тысяч — 15—17 тысяч экз.).»

В последующие годы основным трудом К. Д. Муратовой была организационная работа по изданию коллективной монографии — четвертого тома «Истории русской литературы» — «Литература конца XIX—начала XX века (1881—1917)» (Л., 1983). Достоинством этого труда, отразившего и историю литературы, и свою современность, было стремление, во многом достигнутое усилиями научного редактора К. Д. Муратовой, представить литературный процесс рубежа веков во всем богатстве и пестроте художественных явлений.

Кроме напряженной научной работы, К. Д. Муратова долгие годы вела педагогическую работу по воспитанию новых поколений филологов и библиографов, способных преемственно продолжить лучшие традиции академической петербургской-ленинградской школы академического литературоведения и источниковедения. Еще в 50-е гг. она читала лекции по литературной библиографии в Ленинградском библиотечном институте им. Н. К. Крупской. Она — один из авторов учебников «Библиография художественной литературы и литературоведения» (М., 1971) для библиотечных факультетов институтов культуры и «Русская советская литература» (М., 1976) для 10 класса средней школы. Многие годы К. Д. Муратова воспитывала аспирантские кадры в Пушкинском Доме.

К. Д. Муратова ушла на пенсию в 1993 г., в общей сложности прослужив в Пушкинском Доме без малого пятьдесят лет. Это были сложные годы в истории России и в судьбе хранилища ее литературных сокровищ — Пушкинского Дома. Но именно благодаря таким людям, как К. Д. Муратова — бескорыстным подвижникам науки, Пушкинский Дом продолжает жить и бережно сохранять необходимое для бытия России наследие великой русской литературы.

Сквозь всю жизнь К. Д. Муратовой прошли три литературных имени: Максим Горький, Леонид Андреев и Антон Чехов. Книги о Горьком и Андрееве были написаны. Книгу о Чехове не дала завершить смерть. Но именно Чехов, в рассказе «Черный монах» нашел точные слова о таких ученых, как Ксения Дмитриевна Муратова: «Ты один из немногих, которые по справедливости называются избранными Божиими. Ты служишь вечной правде. Твои мысли, намерения, твоя удивительная наука и вся твоя жизнь носят на себе Божественную, небесную печать, так как посвящены они разумному и прекрасному, то есть тому, что вечно.»⁴

Алла Грачева

⁴ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти тт. Сочинения. М., 1986. Т. 8. С. 241—242.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- А. М. см. Ремизов А. М.
 Абаза Н. С. 94
 Абрамов П. Г. 12
 Абрамович Н. Я. 229, 230
 Авенариус Р. 132, 193
 Аверкиев Д. В. 77, 78
 Аверченко А. Т. 45, 51, 276, 280, 281
 Авраамов А. М. 54, 60
 Аггей см. Маделунг Аггей (Оге)
 Агнивцев Н. Я. 276
 Адамими 58
 Адамович А. М. 333, 335
 Адамович Г. В. 54, 61
 Адрианов Л. Н. 333
 Адрианова О. Н. 333
 Адрианова-Перетц В. П. 20, 305, 332
 Азадовский К. М. 46, 51, 146
 Азадовский М. К. 21
 Азов В. (наст. фам. Ашкинази В. А.) 44, 45
 Айтматов Ч. Т. 335
 Аксаков И. С. 79, 82, 243, 244
 Аксакова А. С. 120
 Александр I, царь 27, 244
 Александр II, царь 71, 89, 97, 98, 111, 112
 Александр III, царь 102, 116, 117
 Александрова З. В. 184
 Алексеев М. П. 21
 Алексеевская Р. Н. см. Андреева Р. Н.
 Алексей Михайлович, царь 4
 Алины 26
 Алипов 162
 Алфузовы 23
 Альдрих Т. Б. 84
 Альтман И. Л. 58
 Амфитеатров А. В. 55, 57, 182, 195, 274, 276, 277, 280, 281, 283, 286, 287
 Анакреонт (Анакреон) 122
 Андерсен Г.-Х. 244
 Андреев А. Н. 50, 333
 Андреев Вадим Л. 47
 Андреев Валентин Л. 46
 Андреев Д. Л. 48, 49
 Андреев Л. Н. 36—53, 55, 58, 60, 61, 128, 138—141, 147—149, 152—154, 164, 167, 168, 170, 173, 195, 205, 216, 219, 224, 230, 236, 241, 242, 244, 251, 254, 256, 259, 262—264, 268, 270, 281, 333, 340, 341
 Андреев Н. А. 333
 Андреев П. Н. 49
 Андреева А. И. 40, 41, 47, 55
 Андреева А. М. (урожд. Велигорская) 49
 Андреева В. Л. 46
 Андреева М. Ф. 48
 Андреева (в 1-м бр. Алексеевская, во 2-ом Оль, в 3-м Верещагина) Р. Н. 49, 58
 Андреев-Алексеевский Л. А. 40, 49
 Андреевская М. М. см. Шкапская М. М.
 Андрей Скорбный (псевд.; наст. фам. Смирнский В. В.) 201
 Аникушин М. К. 332
 Анисфельд Б. 50
 Аничков Е. В. 45, 51
 Анна Кашинская, св. 208
 Анненков П. В. 83
 Аненков Ю. П. 58
 Аннунцио Габриеле см. Д'Аннунцио Габриеле
 Антипин Ф. Я. 9
 Антипина Е. Ф. 6
 Антипова А. Я. 326, 332
 Антипова Е. Я. см. Пропп Е. Я.
 Антокольский М. М. 73, 74
 Антон, отец? священник? 166
 Антонович М. А. 84
 Анютин Анатолий (псевд.) см. Луначарский А. В.
 Арабжин К. И. 44, 45, 50
 Арефьев Е. В. 14
 Аристофан 122
 Арцыбашев М. П. 228, 229, 231, 256
 Асафьев Б. В. 57
 Астафьев В. П. 333

* Составила Л. Д. Зародова

- Астракова Т. А. 335
 Афанасьев А. Н. 308, 332
 Афонин Л. Н. 49
 Афонина Т. К. 333
 Ахматова А. А. 53, 60, 61, 197, 262, 340
 Ашешов Н. П. см. Ожигов А.
 Ашкинази (псевд. Пэка) В. А. 153
- Бабичева Д. В. 149
 Багно В. Е. 53, 60
 Бажов П. П. 20, 21
 Базанов В. Г. 336
 Бакст Л. С. 203
 Балтрушайтис Ю. К. 148, 149
 Балухатый С. Д. 338
 Бальзак Оноре де 118
 Бальмонт К. Д. 132, 145, 146, 150, 152,
 164, 208, 262, 334
 Бар Герман 280, 281
 Баратынские 80
 Баратынский Е. А. 81
 Баринава М. Н. 53, 54, 60
 Батюшков Ф. Д. 45, 48, 51, 213, 245, 246
 Бах И. С. 56
 Бахметьев А. И. 231
 Бахметьев В. 35
 Бекетов Н. Н. 171
 Беклемишев В. Е. 43, 48, 50
 Беклемишев Н. В. 14
 Беклешова А. И. 334
 Беленсон А. Э. 265, 266
 Белинский В. Г. 132—135, 229, 241, 339
 Белинский Максим см. Ясинский И. И.
 Бель Г. 336
 Белозеров В. Х. 187, 191
 Белый А. (наст. фам. Бугаев Б. Н.) 137,
 138, 140, 150, 151, 185, 195, 340
 Бельчиков Н. Ф. 336
 Беляев В. 55
 Бердяев Н. А. 121, 122, 130, 131, 133, 134,
 137, 152, 170, 178—180, 184, 187, 188,
 191, 192, 262
 Березин Александр см. Миропольский А.
 Л.
- Бернштале М. В. 193
 Бессонов И. И. 11
 Бестужев (псевд. Марлинский) А. А. 122
 Бетховен Л. ван 52, 55—59, 64—69
 Бехтерев В. 61
 Билибин И. Я. 166, 203
 Бирбаум О. Ю. 280, 281
 Бирюков В. П. 21
 Бисмарк 83
 Блок А. А. 12, 46, 53, 146, 151, 195, 197,
 232, 251, 259, 262, 264, 266, 295, 335,
 340
 Блудов Д. Н. 183
 Богатырев П. Г. 19, 21
 Богданов (наст. фам. Малиновский) А. А.
 121, 134, 178, 179, 184, 188, 192, 193
 Богданова-Давыдова А. Г. 12
 Богданович А. 134
 Богараз-Тан В. Г. 44
 Богословская А. Н. 4, 5, 29
- Богословские 6, 7, 24
 Богословский И. С. 5, 6
 Богословский М. И. 6
 Богословский П. И. 6
 Богословский П. С. 3—35
 Богословский С. М. 6, 22
 Богуславская В. А. см. Шеголева В. А.
 Богуславский П. см. Богословский П. С.
 Боденштедт Ф. 46
 Бондаренко Н. 21
 Бонди (псевд. Вальди) В. А. 221, 241, 247,
 250
 Бонч-Бруевич В. Д. 21
 Борисов И. П. 76, 118
 Борисов П. И. 71, 118
 Боровик В. Н. 34
 Бородин А. П. 76
 Бородина (урожд. Протопопова) Е. С. 76,
 119
 Бороздин А. К. 7, 161
 Боткин Д. П. 79, 98, 99
 Боткина М. П. см. Шеншина М. П.
 Боткины 100, 118
 Боцяновский В. Ф. 45, 51, 207, 270, 280
 Бочкарев Н. Е. 12
 Бояршинов М. К. 33
 Бранд Изабелла 235
 Брандес Г. 135, 165, 166
 Брандуков А. А. 142, 143
 Браудо И. 53
 Браунер Алекс 227
 Брешковская Е. К. 124, 126
 Бржеский А. Ф. 87
 Бржеская А. Л. 86, 87, 89, 101
 Брик 150, 157
 Бруни Н. А. 54
 Брусняин В. В. 47
 Брюсов В. Я. 135, 144—146, 148—153, 155,
 156, 158, 161—164, 166—168, 170, 174,
 175, 183—185, 192, 221
 Брюсова (урожд. Рунт) Иоанна (Жанна)
 М. 153
 Брюсова Н. Я. 153
 Буайе Жорж 292
 Бубнов А. С. 15
 Бугаев Б. Н. см. Белый А.
 Будищев А. Н. 281
 Бузони Ф. Б. 54, 56, 60
 Буйе 105
 Буклей Э. 141
 Булаховский Л. А. 19
 Булгарин Ф. В. 244
 Булич А. К. 7
 Булла К. К. 48, 232
 Бунин И. А. 44—46, 154, 155, 158, 160—
 162, 166, 224, 334
 Бурачок (урожд. Вяткина) А. С. 333
 Бурачок В. В. 333
 Бурачок (урожд. Зражевская) Е. В. 333
 Бурачок Е. С. 333
 Бурачок (Бурачек) С. О. (Анисимович)
 333
 Буренин В. П. 115, 116, 263
 Бурлюк Д. Д. 266

- Бурлюки, братья 54
 Бурнакин А. А. 263
 Бурова Н. Ф. 334
 Бурцев А. Е. 37
 Бутлеров А. М. 90—92
 Бухштаб Б. Я. 71, 336, 340
 Бучинская Н. А. см. Тэффи.
 Бушен А. 61
 Быкова Г. Д. 49
 Бялый Г. А. 336
- Вавере В. 163
 Вагнер Р. 52, 55—59, 63, 66—69, 235
 Вадимов А. В. 134, 191
 Ваксель П. Л. 199
 Валентина Андреевна см. Щеголева В. А.
 Вальди В. А. см. Бонди В. А.
 Ван Гог 59
 Варфоломей, епископ 4
 Васильев Г. А. 301
 Ваттемар А. 334
 Вацуро В. Э. 184
 Вацци М. 336
 Вашкелевич Х. 184
 Введенский 140
 Введенский А. И. 72
 Вегнер В. 160, 161
 Венгеров С. А. 43, 45, 46, 50, 133, 134
 Венгерова З. А. 220, 260—262, 264, 266
 Вересаев В. В. 48, 49
 Верещагина Р. Н. см. Андреева Р. Н.
 Верлен П. 53, 54
 Верн Ж. 48, 49
 Верхарн Э. 144
 Веселовский А. Н. 124, 170, 171, 333, 334
 Веселовский Н. Н. 7
 Виардо Полина 115, 116
 Виктория, английская королева 113, 114
 Виленкин Н. М. см. Минский
 Вилькина Л. 146, 168
 Висковский В. 148, 150
 Владимир Анатольевич 129
 Владимирский А. В. 277
 Владимирский В. А. 277
 Власова З. И. 5, 27, 34, 35
 Вологов В. 13
 Володарский В. (наст. фан. Гольдштейн М. М.) 287, 289
 Волошин М. А. 225, 262, 340
 Волюшка см. Пропп В. Я.
 Ворошилов 27
 Вольтер 104, 105
 Вольф К. 336
 Вольцоген Э. фон 280
 Вронченко М. 96
 Врубель М. А. 150, 158, 163, 164, 174, 175
 Вульф П. Л. 268
 Вундт В. М. 131—133, 140
 Вяземский П. А. 81, 178, 184
 Вяземский П. П. 80, 81
 Вьяльцева А. Д. 143, 153, 157, 159
 Вяткина А. С. см. Бурачок А. С.
- Гагерн Шарлотта см. Фет Шарлотта
- Гайдебуров П. П. 24, 276
 Гаккебуш М. М. 207, 208, 215—218, 221, 249, 255, 261
 Галанина Ю. Е. 213
 Галахов Н. П. 107
 Галахова О. В. см. Шеншина О. В.
 Галаховы 107
 Галкин С. П. 26
 Гамалей Ю. В. 60
 Гамсун К. 123, 161
 Гартман Л. Н. 96, 97
 Гартунг М. А. 91
 Гаршин А. В. 333
 Гаршин В. М. 135, 334
 Гаршин М. Е. 334
 Гаршина (урожд. Троцина) Е. С. 334
 Гатцук А. 95, 110
 Гауптман Г. 131—133, 139, 140, 148, 149, 211, 229, 230, 232
 Гвиненанде Н. 333
 Гейкинг 87
 Гендель Г. Ф. 63
 Генералова Н. П. 70, 74, 95, 96
 Гензель П. 141
 Герасимова Н. М. 331
 Гербель Н. В. 132, 133
 Герман М. Ю. 175
 Герцен А. И. 29, 35, 78, 229, 335
 Гершензон М. О. 223, 224, 292
 Гершуни Г. А. 124
 Гессен В. М. 275
 Гессен И. В. 260, 261
 Гессен Н. В. 275
 Гете И. В. 74, 95, 107, 110, 114, 119, 313
 Гизетти А. А. 276
 Гин М. Х. 336
 Гиппиус А. Р. 151
 Гиппиус З. Н. 45, 46, 51, 168, 172, 174, 177, 195, 224, 251, 256, 262, 289, 334
 Гирш 193
 Гитович Н. И. 336
 Глебова-Судейкина О. А. 232
 Гликберг А. М. см. Черный Саша
 Глюк К. В. 54, 56, 63
 Гнедич П. П. 21, 280, 281, 286, 288
 Гоголь Н. В. 123, 124, 131, 141, 149, 172, 203, 208, 229, 242, 270, 314, 339
 Голлендер Ф. 280, 281
 Головачевский С. 160
 Головин А. Я. 232
 Голохвастов Д. П. 77, 78
 Голохвастова (урожд. Новосильцева) Н. В. 78
 Голохвастовы 77
 Голубев П. А. 13
 Голубцов И. 26
 Гольдштейн М. М. см. Володарский В.
 Гом-Барг Ю. 200
 Гомер 256
 Гончаров И. А. 195
 Гончарова Н. И. 334
 Гончарова Н. Н. 334
 Гор Г. С. 336
 Горев Н. 27

- Горелов А. А. 34
 Горлава П. А. 25
 Горнфельд А. Г. 259
 Горедецкий С. М. 44, 45, 203, 222, 335
 Горький А. М. 30, 35, 37—39, 46—49, 129, 131, 147, 149, 151, 154, 158, 168, 172, 195, 198, 199, 230, 233—239, 245, 254, 263, 281, 282, 338—341
 Готорн Н. 207
 Готье Т. 73, 94
 Гофман В. 220
 Гофмансталь (Хофмансталь) Гюго фон 129, 130, 149
 Грабарь И. И. 331, 332
 Грановский Т. Н. 94
 Грацынский И. Ф. 13
 Грачев 158
 Грачева А. М. 121, 123, 130, 139, 147, 168, 170, 184, 341
 Гречишкин С. С. 144, 156, 183, 184, 230, 234
 Грибоедов А. С. 14, 168
 Григ Э. 152, 153
 Григорович Д. В. 46
 Григорьев А. А. 72
 Григорьев А. Д. 7
 Григорьев А. Л. 333, 335
 Григорьев В. В. 94
 Грин А. С. 277, 280
 Гринберг Р. Н. 60
 Гриневич К. Э. 17
 Гринкова Н. П. 21
 Грушанский 32
 Грэм И. А. 60, 61
 Губер Э. 96
 Гудзий Н. К. 19, 21
 Гуковский Г. А. 336, 337
 Гулак Н. И. 29
 Гумилев Н. С. 46, 262, 281, 335
 Гурко-Ромейко И. В. 85, 86, 88, 89, 103, 104, 110
 Гурко (урожд. Салиас-де-Турнемир) М. А. 104
 Гуро Е. Г. 340
 Гюго Виктор 97, 119

 Давыдов И. А. 184, 188, 192
 Д'Амелия Антонелла 122, 126, 131, 184, 191
 Дан (Цеценбаум) Л. О. 147
 Д'Аннунцио Габриеле 123, 241, 242
 Данте А. 234
 Дарвин Ч. 90, 91
 Дашков Д. В. 183
 Де'Бюри А. Б. 101
 Дебюсси К. А. 56, 61, 64, 65, 69
 Девос-Соболева Е. В. 12, 34
 Дейбнер 176
 Демин Л. Е. 14
 Демидов П. А. 19
 Деннигес М.-Ж.-Е. см. Раковица М.-Ж.-Е.
 Деппери Гектор 14
 Де-Пуле М. Ф. 84
 Дергачев 31

 Джунковский В. Ф. 254
 Диомидов А. М. 17
 Дмитриев А. А. 13, 14, 34
 Добров И. А. 77
 Добролюбов А. М. 145, 146
 Добролюбов Н. А. 89, 229, 241
 Добычин Л. И. 335
 Добычина Н. Е. 58
 Довгелло П. И. 125
 Довгелло (в замуж. Ремизова) С. П. 122, 124—127, 155, 160, 161, 165—167, 172, 174—177, 184, 191—193
 Долгорукая (в замуж. Альбединская) Е. М. княгиня Юрьевская 111, 112
 Долгорукий 71
 Долгоруков В. А. 117
 Достоевская А. Г. 89
 Достоевский Ф. М. 46, 84, 89, 95, 96, 129, 133, 138, 149, 165, 166, 195, 225, 336
 Доценко С. 184
 Дрентельн А. Р. 87
 Дробленкова Н. Ф. 32
 Дрожжин С. Д. 46
 Дроздов В. Н. 53
 Друцэ Ион 335
 Дурново И. С. 141
 Дымов Осип (наст. фам. Перельман О. И.) 44, 45, 47, 50, 203
 Дюкан М. 102, 104, 105, 115, 116
 Дюма А. 48
 Дягилев С. П. 56, 61

 Евгения Тур см. Салиас-де-Турнемир
 Евгеньев-Максимов В. Е. 172
 Евгеньева А. П. 21
 Евдокиюшка см. Шабунина Е. И.
 Евреинов Н. Н. 61, 203
 Еврипид 122
 Еголин А. М. 336
 Ежов Н. Е. 17
 Емельянов Ю. Н. 123, 128, 149, 183, 184
 Енсен Альберг 135, 170, 192
 Еремина В. И. 331
 Есенин С. А. 46
 Ефимов Б. Е. 336

 Жданов В. А. 180, 181, 187, 189, 191—193
 Жданова Н. Н. 189
 Желябов А. И. 96, 97
 Жеро Р. 264
 Животовский С. В. (псевд. Пьер-О.) 240
 Жирмунский В. М. 305, 331
 Жуковский В. А. 133, 134, 141, 182, 240, 242, 262
 Жуковский Д. Е. 170, 171
 Жуковский П. В. 74
 Журов Г. В. 335
 Журова-Жукова А. Е. 333
 Журова-Андоги В. А. 335
 Журова (урожд. Лотарева) Е. П. 335

 Завадовский В. П. 14
 Завадский В. 53
 Задека Мартын 185

- Зайцев Б. К. 220, 222, 224, 334
 Замятина М. М. 224
 Заозерская Л. А. 12, 13
 Зарин А. Е. 280
 Зарубин В. И. 34
 Заславский Д. О. 336
 Засулич В. И. 83, 84, 87, 89
 Затрапезнова М. К. см. Нефедова М. К.
 Зегерс А. 336
 Зейлигер Ф. Н. 273
 Зеленин Д. К. 35
 Зеленова Т. 299, 321, 331, 332
 Зелинский Ф. Ф. 263, 276
 Зигфельд см. Нордау Макс
 Зилоти А. И. 52, 55, 57, 58, 60
 Зилин М. М. 27, 35
 Зими́на С. С. 336
 Зиновьева-Аннибал Л. Д. 224
 Золотов Е. Д. 14
 Золя Э. 94
 Зошенко М. М. 334
 Зражевская Е. В. см. Бурачок Е. В.
- Иакинф**, архимандрит 9, 33
 Ибсен Г. 123, 134—136, 139, 148, 152, 157, 187, 241
 Иван Грозный, царь 73, 74, 121
 Иванов А. С. 33
 Иванов Вяч. И. 46, 195, 223, 224, 262, 264, 340
 Иванов В. Н. 336
 Иванов Игнатий 6
 Иванов И. В. 27
 Иванова А. А. 60
 Иванова Л. В. 156
 Иванова Л. Н. 36, 46
 Иванова Т. Г. 3, 35
 Иванова-Романова Н. М. 333
 Ивановский А. 335
 Иваск Ю. П. 146
 Ивнев Рюрик 12
 Игнатъев В. А. 22
 Измайлов А. А. 41, 50, 194—222, 225—230, 232—234, 236, 238—245, 247—259, 261, 264—267, 269—285, 287—291
 Иезуитова Л. А. 48
 Иерусалем В. 131, 132, 139, 162, 165, 173
 Ильинский П. И. 13, 24
 Иокар Л. Н. 151
 Ионов Н. М. 184
 Йост А. И. 109—112, 118
 Йост Т. И. 109—111, 118
- Каверин В. А.** 336
 Кагаров Е. Г. 21
 Кадлубовский А. П. 8, 26
 Казанская Л. В. 52, 60, 61
 Калидаса 91
 Каллимах 122
 Калмыков Н. К. 203
 Кальдерон де ла Барка 154—156, 158
 Каляев И. П. 124—126, 170, 171, 178, 192, 193
 Каменские, братья 23
- Каменский А. 281
 Каменский В. В. 8, 266
 Кандинский В. В. 61
 Канин В. см. Савинков Б. В.
 Кант И. 90—92
 Канторович В. Я. 336
 Канчев А. А. 16
 Карамзин Н. М. 240, 242
 Каратыгин В. Г. 57, 232, 233, 278
 Карлейль Т. 140, 141
 Карпинский А. П. 29
 Карпинский В. А. 121, 122
 Карский Е. Ф. 21
 Картер Н. 207, 208
 Карякин Ю. Ф. 335
 Катков М. Н. 70, 72, 75, 81, 82, 88, 89, 97, 98
 Каткова С. П. 96—98
 Качалов В. И. 244
 Каченовский М. Т. 244
 Кашихин Л. С. 32
 Кашкин Н. 55
 Квитка К. В. 18
 Келза А. 122
 Келтуяла В. А. 19, 21
 Кин Ц. И. 336
 Кингалов Р. 336
 Кипен А. А. 40
 Кирпищикова А. А. 14, 28, 35
 Кириша Данилов 19, 20, 26, 28, 30, 34
 Кисловский В. С. 333
 Кистяковский Б. А. 134, 179, 189, 193
 Китайник М. Г. 21
 Клейст Генрих фон 198, 222, 224, 263
 Клюев Н. А. 46
 Ковалев В. А. 333, 335
 Ковалевский М. Е. 96, 97
 Ковалевский М. М. 229, 292
 Ковальский Влад (Kowalski) 87
 Кодрянская Н. В. 134, 142, 143, 154, 184, 192
 Кожевников 99
 Кожевников П. А. 44, 45, 51
 Кожинов В. 71
 Козлов А. А. 117
 Козлова 99
 Козловский А. А. 151
 Козловский Л. 226, 227
 Колесникова И. М. 333
 Колесова В. А. 333
 Колтоновская Е. 256, 262
 Колчак А. В. 15
 Кольфгауз Т. П. 23
 Комаровский Л. А. 79
 Комиссаржевская В. Ф. 8, 13, 51, 195, 200, 259
 Кондратьев В. Л. 335
 Коневский И. (псевд. Ореуса И. И.) 150, 151, 153
 Коненков С. Т. 303, 331
 Кони А. Ф. 21
 Коонен А. Г. 51
 Копельман С. Ю. 50
 Корецкая И. В. 146, 158

- Коринфский А. А. 37, 46
 Корф Ф. Ф. 14
 Корш Е. Е. 151
 Косвинцев Е. Н. 21
 Косенко П. П. 336
 Котляр Г. А. 132
 Котляревский А. А. 87, 109, 110
 Котляревский Н. А. 135, 231, 277
 Котрелев Н. В. 151, 156
 Кохно И. П. 156
 Кошелев В. А. 94
 Кралин М. М. 60, 61
 Крег (Крэг) Генри Эдуард Гордон 244
 Кретцер М. 46
 Кропоткин П. А. 87
 Круглов А. Н. 12, 13, 24, 33
 Круглов В. С. 334
 Кружков В. 335
 Крупская Н. К. 341
 Кручёных Александр (наст. имя Алексей Елисеевич) 54, 266, 340
 Крыжановская В. Г. см. Тучапская В. Г.
 Крюкова А. М. 131
 Кторова А. 333
 Куванова Л. К. 156, 164, 184
 Кугель А. Р. 273, 276, 277
 Кузмин М. А. 195, 256, 262, 266, 276, 335, 336
 Кузнецова А. 13
 Кузнецова Е. А. 24
 Кузьмин Н. Н. 289
 Кузьмин-Караваев В. Д. 289, 290
 Кулаков Ф. Н. 24
 Кулаковский П. А. 7
 Кульбин Н. И. 53—55, 57, 60, 61
 Кульбина Н. Н. 57
 Куприн А. И. 195, 230, 249, 277, 280, 281, 285, 286, 289, 340
 Курелла А. 336
 Курнос Джон 260—262, 264, 271
 Курсинский А. А. 150, 151, 174, 175
 Кустодиев Б. 203, 232

 Лавров А. В. 144, 151, 163, 183, 224, 225, 229, 230, 234, 235, 246, 263
 Лавров П. А. 7
 Лавров П. Л. 87
 Лаврский Н. 216
 Ладейщиков А. С. 28
 Ладынина М. 21
 Лазарев-Грузинский А. С. 287
 Лазаревский Б. А. 256, 277
 Лакшин В. Я. 336
 Ланг А. А. см. Миропольский А. Л.
 Ланге Г. О. 141
 Ландсберг Г. 148, 149
 Лаптева М. 21
 Лассаль Ф. 38, 47
 Латышев В. В. 7
 Лаферте В. 111, 112
 Лебедева 150, 151
 Леклер А. 139, 140, 170, 171
 Леконт Де Лиль Ш. 73
 Ленин В. И. 274

 Ленский В. Я. 256
 Леонов Л. М. 335
 Лепехин М. П. 333
 Лесков Н. С. 46, 195
 Лесман М. С. 97
 Леся Украинка см. Украинка Леся
 Либрович С. Ф. 46
 Лившиц Б. К. 54
 Лидин В. Г. 336
 Линд В. Н. 141
 Лист Ф. 57
 Литвин Е. Ю. 164, 184
 Лифарь С. М. 56, 61
 Лихачев Д. С. 333
 Лихачев Н. П. 7
 Лихновский М. 69
 Лобанов В. М. 336
 Ломброзо 200, 266
 Лопатин Г. А. 88
 Лорис-Меликов М. Т. 94
 Лотарев И. В. см. Северянин Игорь
 Лотарева Е. П. см. Журова Е. П.
 Лотман Л. М. 336
 Лохвицкая Н. А. см. Тэффи.
 Луговской В. А. 12
 Лужин В. В. 270
 Лукницкий П. Н. 197, 201
 Луначарский А. В. 121, 122, 134, 155, 156, 179, 184, 279, 281, 282, 285
 Лурье Артур 52—61, 69, 276
 Лурье Ф. М. 163, 183
 Лурье (урожд. Цыбульская) Ядвига 60
 Лурьи И. Х. 60
 Лыжин 38
 Лыжин П. П. 46
 Лыжин Ю. П. 46
 Львов Н. М. 14
 Львов С. Д. 132
 Любимов Н. А. 81, 82
 Любош С. 50, 51
 Людвиг II, баварский король 69
 Людовик XVI, французский король 102
 Лютер М. 57, 63, 69
 Лямин 99
 Ляцкая В. П. 333, 334
 Ляцкий Е. А. 334

 Маделунг Аггей А. (псевд. Ore, Aare) 134, 135, 148, 162, 165—167, 170, 187, 192
 Мадиевский 138
 Мазунин А. И. 4, 32
 Мазурина 143
 Майков А. Н. 98, 117, 157, 158, 262
 Майков Л. Н. 135, 140, 141
 Майн-Рид 38
 Максимов Д. Е. 158, 172
 Максимовна, няня 24
 Малер Г. 56
 Малиновский А. А. см. Богданов А. А.
 Малкина (урожд. Острогорская) Е. Р. 335
 Малков Н. 55
 Малларме Стефан 53
 Мальшев В. И. 4, 32
 Мальцева А. Н. 87, 88

- Мамин-Сибиряк Д. Н. 14, 28, 35, 313
 Мамонтова М. К. см. Морозова М. К.
 Мандельштам И. Б. 124, 131, 132
 Марат 102
 Марджанов К. 203, 213
 Мариенгоф А. Б. 12
 Маринетти Ф. Т. 54
 Маричева Л. М. 108
 Мария Александровна, царица 112
 Марк-Монье 89
 Марков А. В. 7
 Марков Г. И. 14
 Маркс К. 229
 Марлинский см. Бестужев А. А.
 Марнгейм 116
 Мартынова А. Н. 294
 Мах Э. 132, 193
 Машинский С. И. 336
 Маяковский В. В. 54, 59, 266
 Мгберов В. А. 292
 Мезенкампф Н. М. см. Стрельников Н. М.
 Мезенцов 87
 Мезьер А. В. 339
 Мейерхольд В. Э. 51, 133, 134, 137—140,
 142, 155, 174, 175, 177, 212, 213, 223,
 230, 231, 233, 244
 Мейерхольд (урожд. Мунт) О. М. 139
 Мейстер Экхарт 67, 69
 Меллер П. У. 135, 170, 192
 Мельников 18
 Мельников-Печерский П. И. 13
 Мельникова Е. 191
 Мельц М. Я. 32
 Мережковские 158, 164, 222—224, 228
 Мережковский Д. С. 46, 133, 137, 138, 145,
 167, 168, 172, 173, 213, 224, 251, 334
 Метерлинк М. 134, 138—141, 146, 149,
 155, 167—169, 180, 181, 190, 192, 229,
 230, 245, 246, 259
 Мешков Н. В. 22, 23, 26
 Мешкова Е. И. 23
 Мещерская М. А. 87
 Мещерский В. П. 98
 Миклашевский М. П. 262
 Миловский 327, 332
 Милославский Д. И. 9
 Милоков П. Н. 167, 168, 260, 261
 Минский (наст. фам. Виленкин) Н. М.
 145, 146, 167—170, 173
 Мирбо О. 229, 230
 Мирер С. И. 34
 Миров М. 208
 Мирович А. Г. 150, 151
 Мироллобов В. С. 168, 228, 229
 Миропольский (наст. фам. Ланг А. А.)
 А. Л. 145, 146, 148, 150
 Мирский Л. Ф. 87
 Миртов А. В. 19
 Михаил Федорович, царь 9
 Михайлов А. Т. 14
 Михайловский Н. К. 46, 89, 90, 168, 263
 Михеев 168
 Мокк-Беккер Э. 333
 Молдаванов Н. см. Ремизов А. М.
 Молодцов В. В. 23
 Мольер Ж. Б. 207
 Монтан Ив. 310, 332
 Монтеверди К. 56
 Мопассан Ги де 220—223
 Мора 13
 Морозов Н. А. 44, 45, 51
 Морозова (урожд. Мамонтова) М. К. 151
 Мосолов Н. С., дед 73
 Мосолов Н. С., внук 73
 Мосоловы 73
 Мостылева Т. Л. 336
 Моцарт В. А. 56, 64
 Муйжель В. В. 13
 Мукалов Н. К. 129, 130, 162, 184
 Муллов П. А. 13
 Мунт О. М. см. Мейерхольд О. М.
 Муратова К. Д. 32, 337—341
 Мутер В. 140
 Мутер Р. 129, 130
 Мэниаль З. 222
 Мюллер Г. 222, 223
 Мюссе Альфред де 100
 Мясковский Н. Я. 57
 Набатова М. И. 285, 288, 290
 Набоков В. В. 172
 Нагибин 201
 Нагродская Е. А. 280
 Надежда Федоровна 157, 158
 Найденов Н. А. 155, 156
 Нанна Ивановна 162
 Наполеон 137
 Наум см. Лурье Артур
 Неведомский М. 262
 Неверов А. С. 13
 Незлобин К. Н. 195, 203, 204, 213, 223
 Неклепаев И. А. 184
 Некрасов К. Ф. 222, 224, 261, 263
 Некрасов Н. А. 83, 84, 116, 129, 130, 238
 Немирович-Данченко Вас. И. 276, 280—
 284, 286, 288, 289
 Немирович-Данченко Вл. И. 150, 151, 222,
 224, 270
 Нестров 214
 Нестьев И. 60
 Нефедов Ф. Д. 334
 Нефедова (урожд. Затрапезнова) М. К.
 334
 Нечаев А. Н. 21
 Никитина М. 237
 Никифор, монах см. Богословский М. И.
 Никифоров А. И. 21, 25, 332
 Никиш А. 234, 235
 Николай II, царь 48
 Николай-ясновидец см. Обухов Николай
 Никольский Н. М. 29
 Никулин Л. В. 336
 Ницше 133, 140, 165, 166
 Новик И. Д. 162, 170
 Новиков-Прибой А. С. 12
 Новосильцев А. В. 72, 78, 82, 100, 106, 119,
 120
 Новосильцев В. В. 72

- Новосильцев Ю. А. 77, 78, 82, 83, 89—91, 96—98, 100—102, 106, 112, 120
Новосильцева (псевд. Толычева Т.) Е. В. 72, 75, 82—85, 97, 98
Новосильцева Нуня 78, 80, 86, 114
Новосильцева Н. В. см. Голохвастова Н. В.
Новосильцевы, сестры 71, 73
Новых Г. Е. 254
Нордау (наст. фам. Зигфельд) Макс 196, 200
Нордман-Северова Н. Б. 45, 48, 51
Нусипова Н. 270
- Обатнина Е. Р. 178, 184
Обнорский Н. П. 21
Обнорский С. П. 19, 21, 23
Оболенские 77
Оболенский Д. Д. 78
Обухов Н. 54, 60
Овсяннико-Куликовский Д. Н. 45, 51
Ога см. Маделунг А. А.
Оглоблин А. Н. 22
Ожегова М. Н. 12
Ожигов А. (Ашешов Н. П.) 262, 265, 266
Озеров Л. А. 336
Оксман Ю. Г. 336
Окуджава Б. Ш. 335
Оль А. А. 40, 49
Оль Р. Н. см. Андреева Р. Н.
Ольга см. Энгельгардт С. В.
Ольден-Гард Уорд Мей 141
Омон Шарль 143
Онегин (Отто) А. Ф. 46
Ончуков Н. Е. 7, 21, 208
Опекушин А. М. 74, 94, 332
Ореус И. И. см. Коневский И. 150, 151, 153
Орлов 87
Орлов А. С. 338
Орлов Ю. А. 22
Осповат А. Л. 184
Островский А. Н. 203, 334, 339
Острогорская Е. Р. см. Малкина Е. Р.
Острогорская Т. Е. 333
Остроумов И. Г. 13
Отто см. Онегин А. Ф.
Оффенбах Ж. 193
Оцуп П. 225
- Павлов Н. Ф. 94
Павлова М. М. 194, 333
Павлова М. Н. 24
Павловский 32
Падалка В. А. 12
Палестрина Джованни 63, 69
Панина А. С. 88
Панина С. В. 87, 88
Пантелеев Л. Ф. 334
Пантюхин Н. И. 27
Панчулидзе С. 136, 137, 139
Паньков П. И. 13
Парнис А. Е. 61
Паскаль П. 122
Перельман О. И. см. Дымов Осип
- Перовская С. Л. 96, 97, 126
Перцов П. П. 146, 160, 161, 164, 165, 169, 170, 173, 175, 176, 200
Петрарка Ф. 234
Петров Г. С. 22
Петров Д. К. 7
Петров И. И. 151
Петров С. Г. см. Скиталец
Петровский А. П. 268
Пешкова Е. П. 336
Пикассо П. 53
Пиксанов Н. К. 21, 28, 336, 339
Пильский П. М. 257, 258, 276
Пиндар 122
Пинич М. 310
Пиотровский А. И. 337
Платон И. Г. 17
Платонов А. П. 341
Платонов С. Ф. 7
Плещеев А. Н. 41, 49
Плотников 26
Плясова М. 3
Подосенов 145
Пожарова М. А. 60
Покровский В. К. 336
Покусаев Е. И. 336
Полонский Я. П. 46, 118, 262, 334
Поляков А. Я. 156
Поляков С. А. 150, 151, 154—155
Полякова (в замуж. Семенова) А. А. 150, 151
Полянский М. Л. 336
Помяловский Н. Г. 7
Поносов В. Н. 6
Поносов Н. Ф. 6
Поносовы 6, 7
Попов В. Е. 25
Попов М. В. 263
Попова А. П. 25
Потапенко И. Н. 277, 280, 281
Потапов И. Г. 13
Потемкин П. П. 45, 51
Посников 89
Прозорова Н. А. 333
Прокофьев С. С. 56, 57, 59
Пропп А. М. 294, 318, 319, 321, 322, 332
Пропп А. Я. 303, 329, 331, 332
Пропп В. Я. 294—332
Пропп (в замуж. Шурыгина) Е. В. 324, 325, 331, 332
Пропп (урожд. Антипова) Е. Я. 297, 299—301, 308, 309, 311, 314, 317—319, 323, 324, 331, 332
Пропп Л. Н. 294, 313, 331, 332
Пропп Мария В. 299, 331, 332
Пропп Михаил В. 325, 330—332
Пропп Р. Я. 332
Пропп Э. Я. 332
Проппер С. М. 195, 200, 250, 251
Протопопов А. Д. 55, 61
Протопопова Е. С. см. Бородина Е. С.
Прудкин М. И. 336
Пруссак 292
Прюдом А.-Р.-Ф. см. Сюлли-Прюдом

- Пунин Н. Н. 54, 58, 276
 Путилов Б. Н. 332
 Путята А. 91
 Пухова С. М. 335
 Пушкин А. С. 39, 49, 73—75, 81, 87, 90, 94, 95, 105, 124, 134—136, 139—141, 144, 192, 240, 242—244, 321, 327, 332, 334
 Пшибышевский С. 149—151, 170, 184
 Пьер-О. см. Животовский С. В.
 Пятницкий К. П. 47

 Рабле Ф. 81, 331
 Равель М. 65
 Равич Л. О. 122
 Радецкий Ф. Ф. 85, 86
 Радищев А. Н. 29, 35
 Раев И. Г. 26
 Раевская-Хьюз О. 183, 184, 191
 Раковиц Я. Х. фон 47
 Раковица (урожд. Деннигес, во 2-м браке Фридман, в 3-м Шевич) М.-Ж.-Е. 38, 47
 Раутс А. 212—214, 216, 225
 Рафаэль 234, 235
 Рахманов Л. Н. 336
 Рашель (наст. имя Элиза Феликс) Э. 101
 Редько А. 207
 Резниковы 122, 132, 161
 Рейнеке А. К. 204, 222, 223, 232
 Рембо Артур 53
 Рембо Артур 265
 Рембрандт 234, 235
 Ремизов А. М. 44, 45, 121—128, 130—136, 138—144, 146—148, 150, 151, 153—156, 158—164, 166—185, 187, 190—193, 203, 208, 228, 229, 251, 262, 264, 266, 334
 Ремизов В. М. 143, 176, 340
 Ремизов С. М. 133, 134, 139, 142, 144, 152, 153, 157, 158
 Ремизова (урожд. Тархова) В. Ф. 142, 144, 152, 154, 155, 157, 158
 Ремизова (урожд. Рюккерт) И. Ф. 143, 149, 157, 158
 Ремизова С. П. см. Довгелло С. П.
 Ремизовы 143, 172
 Ренан Ж. Э. 83, 84
 Ренников А. см. Селитренников А. М.
 Репин И. Е. 39, 41, 45, 48, 49, 51, 58, 263, 304, 313, 315, 320
 Рескин Д. 141
 Ржига В. Ф. 19
 Рильке Р. М. 46
 Рихтер Л. 311, 332
 Робеспьер 102
 Робс (Ропс) Ф. 152, 153
 Ровда К. И. 333
 Роденбах Ж. 160, 163
 Родэ Альберт 132, 133, 139, 140
 Розанов В. В. 148, 149, 167, 168, 236
 Ромодановская Е. К. 32
 Рославлев А. С. 277
 Росси Э. 77, 78
 Ртищев 82

 Рубенс П. П. 234, 235
 Рудницкий К. 139
 Рудольф, эрцгерцог 69
 Рукавишников И. С. 223, 224, 228, 230, 262, 264
 Рунт см. Брюсова И. (Ж.) М.
 Рылеев Андрей 4
 Рюккерт И. Ф. см. Ремизова И. Ф.

 Сабашникова М. В. 69
 Сабинина М. С. 109
 Саблин В. М. 133, 143, 148, 152, 154, 155, 157, 164
 Савина М. Г. 292
 Савинков Б. В. 121, 123, 124—126, 128—130, 133, 134, 136, 138, 140, 142—144, 147—150, 152—159, 165—168, 170, 172, 178, 179, 187, 191—193
 Савинков В. Б. 142—144, 147, 148, 153, 154, 159
 Савинкова (урожд. Успенская) В. Г. 125, 139, 140, 142—144, 147—150, 152—155, 157—159, 165
 Савинкова Т. В. 128, 142—144, 147, 148, 153, 154, 159
 Савинковы 162
 Сакулин П. Н. 21
 Салиас (наст. имя Салиас-де-Турнемир) Е. А. 70—72, 88, 89, 195, 198
 Салиас-де-Турнемир Е. В. (псевд. Евгения Тур) 72, 103, 104
 Салиас-де-Турнемир М. А. см. Гурко М. А.
 Салмин А. А. 22
 Салтыков-Щедрин М. Е. 248
 Сальников С. В. 333
 Сальяс см. Салиас Е. А.
 Сальяс см. Салиас-де-Турнемир Е. В.
 Самарин П. Ф. 96, 97
 Санд Жорж 137
 Санин А. А. 270
 Сафо (Сапфо) 122
 Сведенс 143
 Сведомский А. 13
 Сведомский П. 13
 Светланов Всеволод см. Марков Г. И.
 Свистунов И. Я. 30
 Северянин Игорь (наст. фам. Лотарев И. В.) 53, 60, 198, 246, 262, 266, 267, 276, 335
 Сегаль А. Я. 160, 161, 162, 165, 166, 189, 193
 Сегаль С. Л. 122, 161, 162, 165, 187, 192, 193
 Сегорский (Сигорский) Н. В. 189, 193
 Селетцын И. 9
 Селитренников А. М. (Ренников А.) 262
 Селищев А. М. 17
 Семенов М. Н. 149—151
 Семенова А. А. см. Полякова А. А.
 Семеновы 158
 Семеновский О. В. 47
 Сен-Санс К. 143
 Сенилов В. А. 203
 Серафим Саровский, монах 6

- Серебренников В. Н. 26, 27, 333
 Сергей Александрович, вел. князь 170
 Сергей Ямбургский (Страгородский), епископ 168
 Сергиенко П. А. 11, 33
 Середонин С. М. 7
 Синельников Н. Н. 267, 268
 Скабичевский А. 72
 Скарская Н. Ф. 24
 Скарятин 96
 Скворцов И. С. 21
 Скирмунт С. А. 132
 Скиталец (наст. фам. Петров С. Г.) 44, 45, 270
 Склифосовский Н. В. 103, 104
 Скобелев М. Д. 85, 86
 Скоропадский П. П. 282
 Скрыбин А. Н. 54, 60, 64—66
 Слезкин 92
 Слонимский М. Л. 336
 Смилович И. 220
 Смиренский В. В. см. Андрей Скорбный
 Смоктуновский И. М. 336
 Смышляев Д. Д. 13
 Собинов Л. В. 143, 144, 154
 Соковнин Е. Н. 17
 Соколина Н. А. 333
 Соколов-Микитов И. С. 341
 Соколов П. А. 14
 Соколов П. И. 17
 Соколов Ю. М. 16
 Соколова Л. М. см. Фидлер Л. М.
 Солженицын А. И. 335
 Соловарова А. Д. 24, 25
 Соловьев А. К. 89
 Соловьев В. С. 109, 110, 114, 116, 137, 138, 140, 145, 195, 241, 242
 Соловьев Л. В. 334
 Соловьев С. М. 151
 Соловьева А. А. 334
 Сологуб (наст. фам. Тетерников) Ф. К. 45, 49, 51—53, 55, 60, 145, 146, 194—228, 230—264, 266—292, 340
 Сологубы 265
 Солоухин В. А. 335
 Соля см. Сегаль С. Л.
 Сомов К. А. 336
 Сорин В. Г. 184
 Соссе Викториена 207
 Софокл 122
 Спасович В. Д. 88, 89
 Спенсер Г. 90—92
 Сперанский Н. В. 197
 Спроге Л. 163
 Сталин И. В. 16
 Станиславский К. С. 157, 224, 244
 Стасов В. А. 48, 315, 324, 332
 Стасова Е. Д. 315
 Стендаль 223, 224, 263
 Стенник Ю. В. 32
 Степанов В. П. 32
 Степанов К. 170
 Стерлигов В. В. 17
 Стороженко Н. И. 334
 Стоянов К. 180, 181
 Стравинский И. Ф. 57
 Страхов Н. Н. 88
 Стрельников Б. Н. 60
 Стрельников (Мезенкамф) Н. М. 55, 335, 336
 Стриндберг А. 149, 162—164
 Строганов П. С. 9
 Струговчиков А. 96
 Стукен Э. см. Штукен Э.
 Суворин А. С. 230, 231
 Суворин М. А. 262
 Судейкин С. Ю. 232
 Сулейманов Г. 20, 21
 Сулержицкий Л. А. 244
 Сумбатов (псевд. Южин) А. И. 150, 151
 Сухотина К. Д. 116
 Сюзев П. В. 13
 Сюлли-Прюдом (наст. имя Рене Франсуа Арман Прюдом) 86
 Сюннерберг (Эрберг) К. А. 44, 228, 230, 234, 282
 Т. Н. см. Салиас Е. А.
 Таиров А. 232
 Тая см. Савинкова Т. В.
 Тарковский А. А. 333
 Тарханов И. Р. 48
 Тарханова-Антокольская Е. П. 48
 Тархова В. Ф. см. Ремизова В. Ф.
 Татлин В. Е. 54
 Таточка см. Шабунина Т. В.
 Тезавровский И. С. 14
 Телешов И. 224
 Телешов Н. Д. 160
 Теляковский В. А. 213, 230, 231
 Теплинский М. В. 333, 336
 Тернавцев В. А. 167, 168
 Терье А. 84
 Тетерников Ф. К. см. Сологуб Ф. К.
 Тетерникова О. К. 201, 207
 Тетмайр (Тетмейр) К. 137, 138, 148
 Тибо Жак 143
 Тименчик Р. Д. 46, 61
 Тихменевы 258
 Тихонов В. А. 281
 Тихонов Н. С. 341
 Товстоногов Г. М. 336
 Толстая А. Л. 222, 225
 Толстая С. А. (урожд. Бахметьева, в 1-м браке Миллер, жена А. К. Толстого) 114
 Толстая С. А. (жена Л. Н. Толстого) 76
 Толстой А. К. 75, 114
 Толстой А. Н. 11, 33, 45, 339
 Толстой Л. Н. 11, 33, 70—72, 75, 76, 78, 79, 82—84, 87, 89, 91, 92, 96, 103, 104, 133, 138, 141, 158, 195, 198, 205, 210, 222, 223, 225—228, 231, 241, 244, 255, 256, 313, 314, 340
 Толстой П. А. 7
 Толычева Т. см. Новосильцева Е. В.
 Тонков 300, 304
 Трепов Ф. Ф. 84, 87

- Трифановский 107
Трощина Е. С. см. Гаршина Е. С. 334
Троцкий Л. Д. 274
Троянский П. Н. 44, 50
Трубецкой С. Н. 132, 141
Тургенев И. С. 71, 73, 74, 76, 78, 83, 84, 87, 88, 96, 115, 116, 118, 119, 195, 222
Тургенев Н. И. 183
Туркова-Шолохова С. М. 333
Тучапская (урожд. Крыжановская) В. Г. 129, 130, 135, 137, 138, 140, 143, 148, 150, 151, 154—156, 162, 169, 180, 188, 192
Тучапский П. Л. 130
Тэн И. А. 83, 84, 103, 104
Тэффи (урожд. Ловхвицкая, в замуж. Бу-чинская Н. А.) 46, 51, 263, 276, 281, 334
Тютчев Ф. И. 145
Тяпков С. Н. 200, 242
- Угаров А. И. 335
Украинка Леся 18
Успенская В. Г. см. Савинкова В. Г.
Успенский Г. И. 132, 140, 152, 339
- Ф. К. см. Сологуб Ф. К.
Фальковские 51
Фальковский Ф. Н. 45, 51, 58, 61
Федоров А. М. 38, 44, 45, 47, 51
Федосова И. А. 24
Фейгин А. Я. 147
Феокрит 122
Феоктистов Е. М. 112
Ферсман А. Е. 301
Фет А. А. 70—92, 94—120
Фет И.-П.-К.-В. 71
Фет Н. А. 118
Фет (урожд. фон Гагерн) Шарлотта 71
Фидлер (урожд. Соколова) Л. М. 49
Фидлер Ф. Ф. 36—51, 199, 201
Филиппов 11
Филиппов М. М. 161, 162, 165, 173
Философов Д. В. 167, 168, 170, 173—175, 246
Фирсов В. 164
Фирсов Н. А. 13
Фишман Л. С. 69
Флобер Гюстав 102
Фомин А. Г. 338
Фомичев С. А. 164, 184
Фор П. 162, 163
Форш О. Д. 341
Фотиева Л. А. 22
Фоурмен Е. 235
Фофанов К. М. 198, 199, 212—214
Француз Карл Эмиль 38, 46, 47
Фриденлендер Г. М. 333, 336
Фридман М.-Ж.-Е. см. Раковица М.-Ж.-Е.
Фриш Фега 222, 223
Фрейтаг Г. 46
- Хейснер Амелия 235
Хлебников Велимир (наст. имя Виктор Владимирович) 54, 58, 61
- Хмельнов Н. И. 22
Ходотов Н. Н. 42, 43, 44, 45, 50
Холодковский Н. 96
Хофмансталь Гюго фон см. Гофмансталь Гюго фон
- Цветаева М. И. 334, 340
Цыбульская Я. см. Лурье Ядвига
Цивьян Т. В. 185
Цивьян Ю. 270
Цимбаев Н. И. 244
Цитович П. П. 88—90
- Чайкин А. И. 12
Чайковский П. И. 13, 56, 129, 141, 143, 149
Чеботаревская Ал. Н. 220—222
Чеботаревская Ан. Н. 45, 49, 51, 194, 195, 197—200, 203, 204, 211, 213—215, 218, 220, 221, 223—226, 229—232, 234—239, 241, 242, 245—248, 254, 258—260, 262—265, 267—271, 274, 282, 285, 287, 291, 292
Чеботаревская О. Н. см. Черносивитова О. Н.
Чеботаревская Т. Н. 201
Черепнин Н. 60
Черкасский В. А. 81, 82, 91
Черкин А. 333
Черносивитова (урожд. Чеботаревская) О. Н. 197, 201
Черный Саша (наст. фам. Гликберг А. М.) 45, 51
Чернышев В. И. 19, 21
Чернышевский Н. Г. 89
Чертков В. Г. 11
Чехов А. П. 46, 181, 195, 198, 267, 269, 270, 313, 338, 340, 341
Чехов С. М. 336
Чешихин-Вертинский В. Е. 47
Чирейкин Немушка 315, 332
Чичерин А. В. 336
Чуваков В. Н. 47, 147
Чуковский К. И. 45, 46, 51, 207, 208, 336
Чулков Г. И. 173
Чупин Н. К. 13
- Шабунин А. В. 313, 314, 331
Шабунин В. С. 294, 295, 297—321, 324—332
Шабунина Г. В. 314, 332
Шабунина Е. И. 295, 297, 298, 300—304, 307—312, 314, 317—321, 324, 325, 327—331
Шабунина Е. С. 296, 311, 331
Шабунина Т. В. 312, 314, 317, 319—321, 324, 325, 327, 328, 330, 332
Шакинко И. 34
Шальпин Ф. И. 8, 25, 129, 142, 143, 147, 150, 154, 157
Шамбинаго С. К. 19, 21
Шантепи-де-ля-Соссей Д. П. 140, 141
Шаповалова Г. Г. 4, 5
Шарко Ж. М. 99, 100
Шарц А. К. 32, 34
Шаршин В. И. 333

- Шатилов И. Н. 78
 Шатиловы 77
 Шатров М. Ф. 335
 Шахматов А. А. 124
 Шахов А. А. 137, 138
 Шаховская З. 172
 Шварсалон В. К. 224
 Шевич М.-Ж.-Е. см. Раковица М.-Ж.-Е.
- Щеглов-Леонтьев И. Л.** 198, 212, 213
 Шекспир В. 39, 165, 208, 256, 271
 Шелли П. Б. 163, 164
 Шен Б. Э. 135, 137, 139, 190, 193
 Шенберг А. 56, 57, 61, 64
 Шенгели Г. А. 58, 61
 Шеншин А. А. см. Фет А. А.
 Шеншин А. Н. 71
 Шеншин П. А. 79
 Шеншина (урожд. Боткина) М. П. 75—77, 80, 83, 89, 90, 92, 94, 98—103, 106, 108—115, 117—120
 Шеншина (в замуж. Галахова) О. В. 71, 76, 77, 81, 108, 116, 118
 Шеншины 71
 Шенье А. 86
 Шенько Н. К. 17
 Шербюльез В. 84
 Шестаков Второй 9
 Шестов Л. 165, 166, 262, 264
 Шешмурин 266
 Шиллер И. Ф. 39, 118, 119
 Шиши 20, 34
 Шишков В. Я. 11, 13, 29, 30, 32, 35
 Шишмарева Т. В. 333
 Шкапская (урожд. Андреевская) М. М. 336
 Шкловский В. Б. 336
 Шлаф И. 129, 130, 162, 163
 Шлыкова А. 24
 Шляпкин И. А. 7
 Шмелев И. С. 334, 340
 Шмидт И. Ф. 151
 Шницлер А. 163, 164
 Шолохов М. А. 335
 Шопен Ф. 64
 Шопенгауэр А. 59, 91, 95
 Шольц А. К. 48
 Шпильгаген Ф. 38, 46, 47
 Штейнберг М. 60
 Штейнберг С. С. 132
 Штинде Юлиус 38, 47
 Штраус Рихард 54, 57, 64
 Штук Ф. фон 152, 153
 Штукен (Стукен) Э. 222, 223
 Шуберт К. Б. 57, 66
 Шуман Р. 57, 64, 66, 69
 Шурыгин Д. А. 324, 325, 332
 Шурыгина Е. В. см. Пропп Е. В.
 Щеглов И. А. см. Щеглов-Леонтьев И. А.
 Щеглов М. Е. 22
 Щеголев П. Е. 121—128, 130—134, 136—144, 147—149, 153—167, 169, 171—186, 188—190, 192, 193
 Щеголев П. П. 163
- Щеголева (урожд. Богуславская) В. А. 130, 147, 163, 165, 166, 170, 180—182
 Щербаков Р. Л. 151
 Щербань Ольга см. Энгельгардт С. В.
 Щербатов Н. А. 98, 102, 103, 105
 Щербатова М. Н. 98, 112
 Щербачев Н. В. 75
 Щербачевы 74
 Щербин Н. Ф. 71
 Щукина О. И. 112
- Эвениус 81**
 Эвентов И. 234
 Эверс Г. 280, 281
 Эглит (Эглитис) В. 162, 163
 Эдисон Томас Алва 241, 243
 Эйленбюхр Саксия ван 235
 Эйхенбаум Б. М. 305, 332
 Эккартсгаузен 296, 331
 Экхарт (Eckhart) И. 69
 Эля см. Пропп (в замуж. Шурыгина) Е. В.
 Энгельгардт, сестры 96
 Энгельгардт С. В. 70—73, 75—92, 94, 95, 97, 98, 100—120
 Эндзина Г. Д. 51
 Эрберг К. А. см. Сюннерберг К. А.
 Эрдеди Мария 69
 Эренбург И. Г. 336
 Эрнст 280, 281
- Южин А. И.** см. Сумбатов А. И.
 Юргенсон Э. П. 201
 Юрьев С. А. 156
 Юрьевская, княгиня см. Долгорукая Е. М.
 Юшкевич С. С. 38, 47, 242, 243
- Языков Н. М. 7**
 Якир И. П. 144, 156, 183
 Яковенко В. И. 141
 Якулов Г. Б. 54
 Ямпольский И. Г. 336
 Ярмонкин В. В. 173
 Ясинский (псевд. Белинский Максим) И. И. 145, 146, 169, 170, 194, 195, 197, 198, 251, 281
 Ясный В. М. 261, 263
 Ясный М. А. 263
- Aldington Richard 260
 Aronian S. 185
- Bonscal G. de 207
 Borinski 136, 138, 166
 Brandes Georg см. Брандес Георг
 Brauner A. см. Браунер Алекс
- Caro M. E. 85, 86
 Cournos John см. Курнос Джон
- Dore G. 72
 Druzstvo Roman 184
 Du Camp M. см. Дю Кан М.
 Eckhart см. Экхарт И.

Eglits V. см. Эглит В.
Elias Julius 135

Fleury J. 80, 81
Frisch F. см. Фриш Фега

Gerber Gustav 140, 175

Hofmannsthal Hugo von см. Гофмансталь
Гюго фон

Ibsen Henrik см. Ибсен Г.

Jerusalem W. см. Иерузалем В.

Kahn G. 139, 140
Kandinsky Wassily 61

Laferte Victor M. 111, 112
Lampl H. 184
Leconte Delisle 73

Marc-Monnier 89
Mutter B. A. см. Мутер 140
Müller Georg см. Мюллер Георг

Nicolas 139

Preloril Ladislav 184
Pyman F. 185

Rabelais 80
Remizov Alexei см. Ремизов А. М.
Renan 83
Rybnik 184

Samson 101
Schlaf см. Шлаф Иоганн
Schlenter Paul 135
Schonberg Arnold см. Шенберг А.
Secker Martin 260, 262
Signer 139
Slobin G. N. 185
Sologub F. см. Сологуб Ф. К.
Spröge L. 163
Stück см. Штук Франц фон
Sully-Prudomme см. Сюлли-Прюдом

Taine 83
Tetmajer K. см. Тетмайр К.
Tolstoi Leo см. Толстой Л. Н.

Valbert G. 84
Vavere V. 163
Viardot см. Виард П.
Viera см. Засуслич В. И.

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ

<i>Т. Г. Иванова.</i> П. С. Богословский и его фонд в Рукописном отделе Пушкинского Дома	3
<i>Л. Н. Иванова.</i> К биографии Л. Н. Андреева (по материалам коллекции Ф. Ф. Фидлера)	36
<i>Л. В. Казанская.</i> Артур Лурье и его первая музыкально-критическая статья «Капризы и лики. Бетховен и Вагнер»	52

II. ПУБЛИКАЦИИ

Письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету. Часть II (1874—1884). (Публикация <i>Н. П. Генераловой</i>)	70
Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Часть I. Вологда. (1902—1903). (Публикация <i>А. М. Грачевой</i>)	121
А. М. Ремизов. «Некролог» П. Е. Щеголеву. (Публикация <i>Е. Р. Обатниной</i>)	178
Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым. (Публикация <i>М. М. Павловой</i>)	194
В. Шабунин. Наша переписка с Волюшкой. (1953—1970). (Публикация <i>А. Н. Мартыновой</i>)	294

III. НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

<i>Н. А. Прозорова.</i> Архивные материалы XIX—XX веков, поступившие в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в 1989—1990 годах	333
Памяти Ксении Дмитриевны Муратовой (Некролог)	337
Указатель имен	342

ЕЖЕГОДНИК РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА
на 1995 год

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук*

Редактор издательства *Т. Г. Иванова*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*

Издательство «Дмитрий Буланин»
ЛР № 061824 от 11.03.98
Сдано в набор 20.04.98. Подписано к печати 30.11.98.
Формат 60 × 90¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 22.5. Уч.-изд. л. 24.5.
Заказ № 3011

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Заказы присылать по адресу:

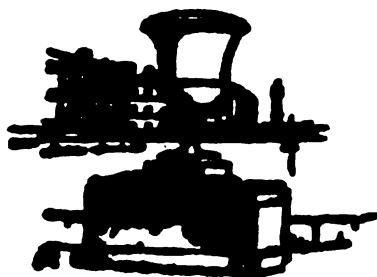
ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199034, С.-Петербург
наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон: (812) 235-15-86
Телефакс: (812) 346-16-33
E-mail: bulanina@nevsky.net

КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
ДМИТРИЙ БУЛАНИН

BOOKS
FROM DMITRIJ BULANIN
PUBLISHING HOUSE

Научные и научно-популярные книги
гуманитарного профиля

КАТАЛОГ-ПРОСПЕКТ

КНИГА — ПОЧТОЙ

Заказывайте бесплатные каталоги-проспекты в издательстве «Дмитрий Буланин»
по адресу:
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук
Дмитрий Буланин

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ

ВЫШЛИ В СВЕТ НОВЫЕ КНИГИ:

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Тома серии (Из истории русской фольклористики. Л., «Наука», 1979; Из истории русской советской фольклористики. Л., «Наука», 1981; Из истории русской фольклористики. Л., «Наука», 1990) показывают на документальном материале сложный путь развития отечественной науки о фольклоре, с начала XVIII в. и до конца нынешнего столетия. Серия готовится в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук под редакцией А. А. Горелова.

Из истории русской фольклористики: Сб. статей и материалов. Под ред. А. А. Горелова. СПб., 1998, 600 стр., переплет, тир. 500.

АЛЕКСАНДР БЛОК: ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

В поле зрения авторов статей находятся малоизвестные страницы биографии поэта, связи его творчества с русским декадансом и классической литературой, влияние его стихов на последующие судьбы русской поэзии, круг чтения писателя. В разделе публикаций печатаются неизданные тексты А. А. Блока, воспоминания о поэте и его окружении. Первые два сборника серии вышли в издательстве «Наука» в 1987 и 1991 гг. Начиная с третьего сборника, который, помимо исследований и публикаций, включает словарь рифм А. А. Блока, серия выходит в издательстве «Дмитрий Буланин».

Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 1998, 440 стр., переплет, тир. 1000.

«СЕРАПИОНОВЫ БРАТЯ». МАТЕРИАЛЫ. ИССЛЕДОВАНИЯ.

«Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома: Материалы. Исследования. Публикации. СПб., 1998, 192 стр., илл., переплет, тир. 500.

Книга представляет собой архивно-биографический сборник справочного характера по истории литературной группы «Серапионовы братья», основанный на архивных, музейных и книжных собраниях Пушкинского Дома, отечественной и эмигрантской периодике. В сборнике впервые публикуются оригинальные тексты, раскрывающие малоизученные стороны общественной и творческой деятельности группы.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ ПО ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Библиографические справочники по древнерусской литературе, подготовленные в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, — книги, хорошо известные специалистам (Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII вв. за 1917—1957 гг. Сост. Н. Ф. Дробленкова. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1961; Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР: 1958—1967 гг. Сост. Н. Ф. Дробленкова. Ч. 1—2. Л., «Наука», 1978—1979). Книги, выпущенные издательством «Дмитрий Буланин», продолжают серию этих справочников.

Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР: 1968—1972 гг. Сост. Н. Ф. Дробленкова. Ред. Д. М. Буланин. СПб., 1996, 280 стр., переплет, тир. 1200.

Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР: 1973—1987 гг. Ред. Т. Г. Иванова, О. В. Творогов. Часть I: (1973—1977 гг.). СПб., 1995, 176 стр.; Часть II: (1978—1982 гг.). СПб., 1996, 192 стр.; Часть III: (1983—1987 гг.). СПб., 1996, 320 стр. Переплет, тир. 1200.

Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР (России): 1988—1992 гг. Ред. Т. Г. Иванова, С. А. Семячко, О. В. Творогов. СПб., 1998, 344 стр., переплет, тир. 1000.

ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Единственное в мире продолжающееся издание, посвященное исследованию литературного наследия Древней Руси. «Труды» готовятся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук под редакцией академика Д. С. Лихачева. Т. I—XLV «Трудов» были выпущены издательством «Наука» в 1934—1992 гг. Начиная с т. XLVI серия выходит в издательстве «Дмитрий Буланин».

Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLVI. СПб., 1993, 540 стр., переплет, тир. 1500.

Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLVII. СПб., 1993, 464 стр., переплет, тир. 1500.

Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLVIII. СПб., 1993, 500 стр., переплет, тир. 1500.

Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLIX. СПб., 1996, 544 стр., переплет, тир. 1200.

Труды Отдела древнерусской литературы. Т. L: К 90-летию академика Д. С. Лихачева. СПб., 1996, 864 стр., переплет, тир. 1200.